

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII

ВЕК

СБОРНИК

18

Санкт-Петербург
„НАУКА”
1993

Сборник посвящен актуальным вопросам изучения русской литературы XVIII в. В книгу включены статьи и материалы, касающиеся изучения литературных жанров и направлений, проблем текстологии, а также статьи, освещающие разные аспекты русской культуры XVIII в. (театр, образование, история частных библиотек).

Ответственный редактор

Н. Д. КОЧЕТКОВА

Рецензенты

П. Е. БУХАРКИН, Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

Серия основана в 1935 г.

В $\frac{4603010000-610}{042(02)-93}$ 527-92-II

© Коллектив авторов, 1993
© Российская Академия наук, 1993

Г. Н. МОИСЕЕВА

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЕКАТЕРИНА II

Вопрос об отношении Екатерины II к рукописному памятнику Древней Руси — «Слову о полку Игореве» — впервые привлек внимание П. П. Пекарского, когда он в феврале 1864 г. при разборе дел Государственного архива нашел «в переплетенном фолианте с рукописями государыни Екатерины II список „Слова о полку Игореве“, достоверно снятый с подлинника, уничтоженного во время московского пожара в 1812 году, и предшествовавший первому изданию этого памятника».¹ В «Докладной записке» П. П. Пекарского сообщены первоначальные выводы ученого о копии «Слова», названной впоследствии Екатерининской: «Список, сохранившийся в бумагах императрицы Екатерины II, тем примечателен, что это есть единственная донныне известная копия с подлинной рукописи „Слова о полку Игореве“, а не с печатного издания ея. Открытие сего списка в бумагах государыни удостоверяет, что он был сделан собственно для нее ранее ноября 1796 г. (время кончины Екатерины II) и, стало быть, за несколько лет прежде издания в свет „Слова о полку Игореве“ в 1800 г. <...>

Из сличения копии „Слова“, хранящейся между бумагами императрицы, с печатным изданием оказывается, что между ними есть только незначительные варианты, что придает новую цену изданию сего памятника, сделанному в 1800 году графом Мусиным-Пушкиным»².

В том же 1864 г. П. П. Пекарским были опубликованы найденные им материалы с небольшой вступительной статьей, в которой было отмечено, что «Екатерининский список „Слова“ переписан рукою того же писца, который писал некоторые из справок и запи-

¹ ЦГАДА, ф. 31, л. 182, л. 11

² ЦГАДА, ф. 31, л. 182, л. 23 об.—25.

сок, обращенных к императрице. Что список этот был читан и при том со вниманием, то доказывают сделанные в нем карандашные отметки против некоторых выражений. Вместе с тем следует сказать, что в фолианте, в котором переплетен список, встречается очень много великокняжеских родословий, черченных и писанных самою Екатериною: видно, что она, занимаясь этим, желала уяснить себе родственные отношения разных княжеских родов: самая большая часть таких родословных заметок императрицы касаются именно той эпохи и именно тех князей, о которых идет речь в „Слове о полку Игореве“, в чем не трудно убедиться, когда просмотреть листы: 184, 188, 189, 190, 191, 193 и мн. др.»³

Екатерининская копия и перевод «Слова о полку Игореве» с 1864 г. стали объектом внимательного изучения ученых многих поколений. Но брошенная П. П. Пекарским мысль о какой-то неясной связи этих материалов с интересами Екатерины II к «Слову» не получила в дальнейшем научного рассмотрения.

Прежде чем мы обратимся к непосредственному изучению проблемы «Екатерина II и „Слово о полку Игореве“», остановимся кратко на понимании круга знаний и представлений русской императрицы о русской истории и древнерусской литературе.

Внимание Екатерины II к русской истории относится к началу 60-х гг. XVIII в. Во время коронационных торжеств в Москве в сентябре 1762 г. Екатерина посетила Троице-Сергиев монастырь и осмотрела его библиотеку. Тогда же она заказала копию со сборника исторического содержания, большую часть которого занимает «История в память предидущим родом» Авраамия Палицына. В настоящее время копия, снятая в 1762 г. с обширного (215 л.) сборника исторического содержания, принадлежавшего Троице-Сергиевой лавре, хранится в Эрмитажном собрании ГПБ (№ 370). Эта копия с Троицкого исторического сборника была, таким образом, одной из первых рукописных книг, которые положили основание Эрмитажному собранию Екатерины II, выросшему к 90-м гг. XVII в. до 40 000 книг.⁴ В библиотеке императрицы, занимавшейся русской историей, было собрано около 150 рукописей.⁵ В основном это бы-

³ «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. Адъюнкта П. Пекарского // Приложение к V тому Записок имп. Академии наук. СПб., 1864. С. 6—7.

⁴ Павлова Ж. К. Книжное собрание Эрмитажа 1762—1917: (Из истории русской культуры 2-й половины XVII—нач. XIX в.): Автореф. дис.... канд. филол. наук Л., 1972. С. 5.

⁵ Альшиц Д. Н. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. Описание. М., 1968. С. 119.

ли списки с древнерусских рукописей, хранившихся в монастырских библиотеках и в частных собраниях. Подлинных древних рукописей было значительно меньше, так как «державный историк» Екатерина II не могла их свободно читать, и для нее делали копии, переписанные крупным и четким каллиграфическим почерком.

Рукописи собирались в частных собраниях. Так, сохранилось письмо Екатерины II к П. Н. Трубецкому от 27 октября 1767 г.: «Князь Петр Никитич! Уведомилась я, что в библиотеке покойного отца Вашего есть старинной журнал царя Ивана Васильевича и Разрядная книга. И если оное правда, то я весьма желаю их видеть и велеть списать для себя. Отыщите и пришлите их ко мне».⁶ Находясь в 1767 г. в Нижнем Новгороде, Екатерина II приказала местному архиерею собрать «сколь можно известий летописцев и переслать их в Петербург».⁷ Она была знакома с собранием рукописей графов Строгановых. А в конце 70-х гг. XVIII в. Екатерина познакомилась с «Собранием российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина. В автобиографической «Записке», написанной в третьем лице, А. И. Мусин-Пушкин сообщал: «Великая Екатерина, узнав о сем (о собрании рукописей. — Г. М.), удостоила его (Мусина-Пушкина. — Г. М.) личного с собою обращения. Ей угодно было видеть собранные им некоторые летописи и Крекшину принадлежавшие бумаги, которые с крайним любопытством рассмотрев, благоволила некоторые оставить у себя, а вместо того пожаловала ему несколько харатейных книг и древних летописей и бумаг, в кабинете ея находившихся, кои самой ей читать было трудно».⁸ Для Екатерины II были подготовлены копии многих древнерусских памятников из Патриаршего (Синодального) собрания, Типографской библиотеки, архива Коллегии иностранных дел, собрания рукописей Троице-Сергиева монастыря. Из этого последнего собрания Екатериной была получена летопись, позднее названная Троицкой. В «Реестре», по которому в 1778 г. все троицкие летописи были возвращены в Москву, о Троицкой летописи, состоящей в одном конволюте с другой летописью, сказано: «Находятся еще два летописца, один со времени также Рюрика, гораздо полнейший и обстоятельнейший, писанной на пергаменте, в лист, кончится же нашествием на Москву Едигея, князя ординскаго, при князе Василие Дмитриевиче».⁹

⁶ Иконников В. С. Императрица Екатерина II как историк // Русский архив. М., 1911. № 7. С. 306—307.

⁷ Там же. С. 305.

⁸ Записки для биографии <...> Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Вестник Европы. М., 1813. Ч. 71. С. 81—82.

⁹ ЛОИИ, ф. 203 (Екатерины II), оп.1. № 66, л. 5.

Это первое описание Троицкой летописи начала XV в., сгоревшей в 1812 г. в московском пожаре. Еще более подробное ее описание помещено в списке рукописей, собранных в Синоде для отсылки их «державному историку»: ¹⁰ В ноябре—декабре 1792 г. с Троицкой летописью ознакомился в семинарской библиотеке монастыря чешский славист Йозеф Добровский. ¹¹ А в 1804 г. эти рукописи, в том числе и Троицкую пергаменную летопись начала XV в., видел в библиотеке Троице-Сергиева монастыря Н. М. Карамзин, который оставил подробное описание своего посещения и сообщил сведения о судьбе рукописей: «В Лавре две библиотеки: одна принадлежит семинарии, а другая — монастырю; первая состоит их 600 книг иностранных и русских, исторических, нравоучительных, богословских и прочих; а во второй — одни церковные книги и рукописи <...> Все исторические рукописи были из Троицкой библиотеки посланы Екатерине Великой, которая столь ревностно занималась нашей историею». ¹²

Троицкая пергаменная летопись 1408 г., использованная в копии, к великому сожалению до нас не дошедшей или еще не найденной, послужила Екатерине II одним из основных материалов в ее работе над «Записками касательно российской истории», которые относились к событиям конца XIII—XIV вв. ¹³ Кроме того, материалы о «рождении» и о «бракосочетаниях князей российских» она очень широко использовала в «Родословнике», являющемся 5-й частью этих «Записок», а в 1793 г. напечатанном отдельным изданием.

Обратим внимание на впервые использованные в печати сведения по русской истории, которыми располагала Екатерина II к концу 60-х гг. XVIII в.

В феврале 1761 г. в Петербург прибыл приглашенный Академией наук для поездки в Сибирь с целью наблюдения «прохождения Венеры между Солнцем и Землей» французский астроном аббат Ж. Шапп д'Отерош. Вскоре он выехал в Тобольск, а в январе 1762 г. на заседании Академического собрания читал свою диссертацию, которая с разрешения президента К. Г. Разумовского в том же году была напечатана на французском языке: *Chappe d'Auteroche. Mémoire du passage de Vénus sur le Soleil <...> faites à Tobolsk en Sibérie l'année 1761. St.-Petersbourg, 1762.* В 1768 г. в Париже была издана новая книга

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1270 (Мусиных-Пушкиных), оп. 1, № 46, л. 14.

¹¹ *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Йозеф Добровский и Россия: Памятники русской культуры XI—XVIII веков в изучении чешского слависта. Л., 1990. С. 129.

¹² *Карамзин Н. М.* Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице. // Сочинения Карамзина. СПб., 1848. Т. 1. С. 481.

¹³ *Моисеева Г. Н.* Троицкая летопись в сочинениях Екатерины II // ТОДРА. Л., 1976 Т.30. С. 263—271.

аббата Шаппа д'Отероша, посвященная его путешествию в Сибирь в 1761 г. Но в новом издании астрономическим наблюдениям было отведено незначительное место. Больше внимание он уделил описанию «нравов и обычаев русских и теперешнему состоянию этой державы». Книга французского астронома была снабжена географическими картами, планами, гравюрами.

В 1770 г. вышло двухтомное анонимное издание под названием: «Antidote, ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibirie fait par ordre de roi en 1761 par m. L'abbé Charpe d'Auterauche» «Противоядие, или разбор дурной, великолепно напечатанной книги под заглавием: Путешествие в Сибирь по приказанию короля в 1761 г. аббата Шаппа д'Отероша». Предполагаемое место издания — Санкт-Петербург.¹⁴

И современники, и ученые XIX—XX вв. знали об участии Екатерины II в написании этой книги. Акад. А. Н. Пыпин, не сомневавшийся в принадлежности «Антидота» Екатерине II, издал его в собрании ее сочинений.¹⁵

В данной работе нас интересует не публицистическая направленность этого сочинения, обращенного против утверждения аббата д'Отероша о деспотическом характере правления в России, о рабстве народа и продажности чиновников. Мы остановимся исключительно на отдельных моментах полемики Екатерины II по вопросам русской истории. Главное, на что мы обратим внимание, это указание источников, основательно прочтенных русской императрицей.

Екатерина II отметила много неточностей в описании свадьбы царя Михаила Федоровича, имевшихся в сочинении аббата д'Отероша.¹⁶ Опровергая утверждения французского астронома, Екатерина пишет: «Ничего этого нет в моей рукописи»;¹⁷ «Далее в моей рукописи просто замечено, что духовенство и миряне приносили по-

¹⁴ Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1984. Т. 1: А—Г. С. 174, № 583; 2-е изд. Amsterdam, 1772. Русский перевод: Оснадацатый век: Исторический сборник. М., 1869. Кн. 4.

¹⁵ Пыпин А. Н. Исторические труды императрицы Екатерины II // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина. СПб., 1906. Т. 11. С. VII; Иконников В. С. Императрица Екатерина II как историк. Киев, 1911. С. 3; Ключевский В. Д. Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 421; Пештич С. А. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 2. С. 253; Гаврилова Л. М. «Антидот» Екатерины II и «теория официальной народности» // Историографический сборник. Саратов, 1989. С. 144—153.

¹⁶ Оснадацатый век. С. 268—378.

¹⁷ Там же. С. 375.

здравления их величествам»;¹⁸ «Я нахожу в моей рукописи, что их величества обедали на троне»;¹⁹ «Рукопись моя говорит <...>»²⁰

В 1773 г. вышла из печати первая часть «Древней российской вивлиофики», издаваемой Н. И. Новиковым. Она открывалась публикацией «Описания брачного сочетания государя царя и великого князя Михаила Федоровича лета 7134 (1626 г.)», полученного из «комнатной библиотеки ея высочества».²¹ Из переписки Н. И. Новикова с секретарем Екатерины II Г. В. Козицким от 30 октября 1773 г. видно, что императрица обещала дать для издания в «Древней российской вивлиофике» «известия о родах княжеских и дворянских для „Собрания полной книги родословной“».²² Следовательно, уже в 1773 г. Екатерина II начала готовить работу над «Родословником князей великих и удельных рода Рюрика», который был издан в 1793 г. в V части журнала «Собеседник любителей русского слова» и в том же году вышел отдельным изданием.

В начале 80-х гг. XVIII в.²³ была напечатана в «Санкт-Петербургской императорской типографии» «Выпись хронологическая из истории русской» (без указания года издания). Начиналась книга с повествования по истории Руси с 860 г., от князя Гостомысла до смерти Владимира Святославича и разделения государства между двенадцатью его сыновьями.²⁴ С 1015 г. тип изложения меняется: на развороте страницы, разграфленной вертикально, в верхней графе назван город, в следующей графе — владеющий им князь. И еще ниже города объединены в «родовые гнезда»: «Ростиславичи», «Святославичи», «Всеславичи», «Ярославичи», «Олговичи». Общее повествование заканчивается 1141 г., сообщением о том, что «князь Игорь Олгович почитает себя обиженным», поэтому он едет на съезд князей «к Киеву», надеясь на прибавление к его «отчине» новых городов.

¹⁸ Там же. С. 377.

¹⁹ Там же. С. 378.

²⁰ Там же. С. 379.

²¹ Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1802. Т. 4. С. 42.

²² Там же. С. 43.

²³ Библиографическое известие: Выпись хронологическая из истории русской // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч. 42. С. 131—141. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Т. 1: А—И» (М., 1962. С. 332, № 2133) указано, что издание это было неоконченное.

²⁴ Выпись хронологическая из истории русской. СПб., [б. г.]. С. 3—23. (БАН 1783/110).

Печатное издание «Выписи хронологической», по-видимому не вышедшее в свет, сыграло определенную роль в уточнении представлений Екатерины II о русской истории и помогло ей, как мы покажем далее, составить мнение о действующих лицах «Слова о полку Игореве».

К 4 декабря 1783 г. относится указ Екатерины II о создании «Исторического собрания»: «Ея императорское величество указать соизволила под начальством и наблюдением графа Андрея Петровича Шувалова назначить несколько человек, коих совокупные труды составили бы полезные записки о древней истории, наипаче касающейся до России».²⁵ Труды этого «Собрания» было указано печатать «на кабинетском иждивении».

К сожалению, кроме этого указа Екатерины II, ничего не известно о деятельности этого «Исторического собрания». Но сам замысел Екатерины II, задумавшей создать «совокупные труды» по истории России, заслуживает внимания, особенно в связи с тем, что как раз с этого года начали печататься ее «Записки касательно российской истории».

Наиболее полное представление о Екатерине II—историке дают «Записки касательно российской истории», которые печатались в журнале «Собеседник любителей русского слова» с 1783 по 1793 г. Исторические события в них доведены от древнейшей эпохи до 1224 г. — до описания татаро-монгольского нашествия.

Не располагая в этой работе возможностью анализа источников «Записок касательно российской истории», остановимся только на рассказе о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г., который помещен в XII части «Собеседника» за 1784 г.

«Игорь Святославич Северский, узнав о походе Святослава Всеволодовича Киевского, немедленно собрав войско, хотел итти чрез поле к соединению со Святославом и Рюриком».²⁶ Речь идет о победоносном походе на половцев в феврале 1185 г. В «Записках касательно российской истории» сказано о том, что Игоря Новгород-Северского удержала «великая вьюга» и советы «вельмож». Но, возвратясь в Новгород-Северский, Игорь Святославич «не долго медля, паки собрал войска, призвал из Трубческа брата своего Всеволода Святославича, из Рыльска сыновца Святослава Ольговича, из Путивля сына Владимира Игоревича и у Ярослава Всеволодовича Черниговского выпросил войско с Олстином Олестичем внуком Прохоровым, и пошел из Новагородка апреля 13 дня».²⁷

²⁵ Библиографическое известие: Выпись хронологическая из истории русской // Отечественные записки. 1830. Ч. 42. С. 138—139.

²⁶ Записки касательно российской истории // Собеседник любителей русского слова. СПб., 1784. Ч. 12. С. 131.

²⁷ Там же. С. 132.

Начало рассказа о походе Игоря Святославича на половцев почти дословно совпадает с текстом «Истории российской» В. Н. Татищева. Сходство продолжается и в дальнейшем, расходясь в некоторых деталях.

В. Н. Татищев.
«История российская»

«И тако продолжал путь свой к Донцу. На вечер же мая 1-го дня увидел затмение солнечное, котораго осталась часть, яко луна трех дней. В рогах его яко угль горечий был, звезды были видимы и в очах было зелено. И сказал вельможам своим: „Видите ли сие?“ Они же, ужасшись, опустили головы и сказали ему: „Сие знамение не на добро есть“. На что им Игорь отвечал: „Тайны божия неисповедимы, и никто знать его определения [не] может, он бо творец есть мира, солнца и знамения сего, яко же и нас всех, что хочет, то и творит, добро или зло. Мы определяя его пременить не можем. Не весте ли, яко без знамения кого хочет наказует, и знамения такие многократно никоего зла не приносят. И кто ведает, для нас ли или для других кого сие, понеже оно видимо есть во всех землях и народах“. Тако сказав, перешед Донец».²⁸

Мы видим, что, следуя рассказу В. Н. Татищева, Екатерина II совершенно переосмыслила речь Игоря Святославича к своей дружине по поводу внезапно наступившего солнечного затмения.

В. Н. Татищев вкладывает в уста князя Игоря Святославича рационалистическое толкование солнечного затмения: „...кто ведает, для нас ли или для других кого сие, понеже оно видимо есть во всех землях и народах.“ Екатерина II «повертывает» это объяснение Игорем «знамения» в идеологический аспект: люди «слабого духа, боязливые и суеверы предзнаменования толкуют и тем себе подобных убеждают, мудрые же одобряют войски, и тем приготавлиют над неприятелем победу и одоление».

Екатерина II.
«Записки касательно
российской истории»

Игорь «продолжал путь свой к Донцу; на вечер же Мая 1 дня увидел затмение солнечное, котораго осталась часть яко луна в горах и звезды были видимы, и некоторые из окружавших его сказали ему: сие есть предзнаменование не на добро; на что им Игорь отвечивал: „всякое чрезвычайное приключение, слабаго духа, как то, робкие, боязливые и суеверы, предзнаменования толкуют и тем себе подобных убеждают, мудрые же ободряют войски, и тем приготавлиют над неприятелем победу и одоление“. И тако сказав Игорь перешед Донец».²⁹

²⁸ История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М., 1774. Кн. 3. С. 261—262

²⁹ Записки касательно российской истории. С. 133.

Все ученые, занимавшиеся выяснением источников «Истории российской», в том числе А. А. Шахматов³⁰ и С. Л. Петшич,³¹ убедительно показали, что во II редакции многое «изобретено» В. Н. Татищевым. В работе Л. И. Сазоновой, специально посвященной анализу рассказа о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в сопоставлении с летописными данными, убедительно доказано, что в качестве основного источника сведений об этом походе В. Н. Татищев использовал текст Ипатьевской летописи по Ермолаевскому списку с дополнениями по Радзивилловской летописи.³² Сам летописный рассказ о походе 1185 г. «получил у Татищева тенденциозную обработку, так как его главная задача была не только историческая, но и философско-нравственная».³³

Еще в большей степени, чем у В. Н. Татищева, историческая наука была подчинена политическим целям в сочинениях Екатерины II. И в драматургии на темы древнейшей русской истории («Начальное управление Олега», 1787; «Историческое представление <...> из жизни Рюрика», 1786), и в «Записках касательно российской истории» императрица «направляла историческую мысль» последней четверти XVIII в. по предписанному ею руслу, давая уроки «общественного воспитания».

Но, обрабатывая исторические предания (особенно древнейшего периода: времени Рюрика, Олега, Оскольда, Игоря), Екатерина II тщательно изучала исторические источники, которых, как уже указывалось выше, она собрала в своем кабинете великое множество. В Эрмитажном собрании были и подлинные древние летописи, и копии древнерусских памятников, начиная с грамот новгородских князей и ханских ярлыков и кончая обширными историческими сочинениями XVII в. Еще в 60-х гг. Екатерина II начала с увлечением заниматься русскими родословными книгами. Позднее, как мы помним, это работа вылилась в «Родословник князей великих и удельных рода Рюрика». Секретарь императрицы А. В. Храповицкий записал ее слова о том, что «родословная великих князей <...> это проверка истории и хронологии».³⁴ Свой «Родословник» Екатерина II охотно давала еще до публикации в 1793 г. в рукописном виде для использования А. И. Мусину-Пушкину³⁵

³⁰ Шахматов А. А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1. С. 80—95.

³¹ Петшич С. Л. Русская историография XVII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 222—262.

³² Сазонова Л. И. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева // ТОДРА. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 29—46.

³³ Там же. С. 44.

³⁴ Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793. По подлинной его рукописи, с библиографической статьей и объяснительным указателем Николая Барсукова. СПб., 1874. С. 393.

³⁵ Благодарственное письмо А. И. Мусина-Пушкина при возвращении в Кабинет

и И. П. Елагину.³⁶ Она продолжала работу над «Родословником» и после выхода его из печати. В Библиотеке Академии наук хранится печатный экземпляр, подаренный императрицей, с ее многочисленными дополнениями и уточнениями.³⁷

Поэтому, работая над источниками и имея собственные представления об исторических событиях и исторических лицах, Екатерина II, пользуясь трудами уважаемого ею В. Н. Татищева, которые были ей известны в печатном³⁸ и в рукописном³⁹ виде, частично «корректировала» его сочинение.

Интересующий нас в данной работе рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в «Записках касательно российской истории» дает интересный материал.

Выше уже было показано, как Екатерина II иначе, чем В. Н. Татищев, передала истолкование объяснения Игорем Святославичем своей дружине затмения солнца, наступившего перед выходом в поход на половцев.

Обратим внимание на то, что, следуя рассказу о походе 1185 г. в «Истории российской», о вине молодых князей Святослава Ольговича и Владимира Игоревича, которые «быв полны храбростию и рвением, не слушая совета старших <...> желая честь прежде времени приобрести <...> без повеления старших князей, пошли за реку на половцов»,⁴⁰ Екатерина II как и В. Н. Татищев,⁴¹ считала, что это ошибочное поведение было одной из причин трагического поражения русских полков. «Половцы же рано поутру со всею силою напали на чистом поле на полки Игоревы, и объехали кругом». ⁴² Описано далее кровопролитное сражение в субботу, когда Игорь был ранен в левую руку. А в воскресенье («в неделю») «смялся полк коуев», и Игорь, пытаясь остановить их бегство, «скинул с себя для тягости шелом <...> половцы, усмотря его, бросясь, объехали

Екатерины II рукописного Родословника // ГПБ, ф. 609, № 244, л. 4—4 об.

³⁶ Дневник А. В. Храповицкого. С. 427.

³⁷ БАН. Шифр: 1787/52.

³⁸ История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым М., 1768. Кн. 1, ч. 1; М., 1769. Кн. 1, ч. 2; М., 1773. Кн. 2; М., 1774. Кн. 3; СПб., 1784. Кн. 4. В XVIII в. была издана I редакция «Истории российской» В. Н. Татищева. Издание II редакции впервые было осуществлено под редакцией С. Н. Валка (М.; Л., 1962—1968. Т. 1—7).

³⁹ «Tatischtschevs Schriften. Татищевы летописи» // ГПБ, Эрмитаж. собр., № 555.

⁴⁰ Записки касательно российской истории. С. 136.

⁴¹ История российская... Кн. 3. С. 263.

⁴² Записки касательно российской истории. С. 137; История российская... Кн. 3. С. 264.

его за перестрел от полку его и взяли Игоря Святославича Северскаго жива». ⁴³ За описанием мужественного поведения Всеволода Святославича, который бился «так долго, что уже не единыя стрелы ему не осталось, и копие его преломилось», следует трагический финал: «Так кончился сей несчастливой бой во вторую неделю Пасхи, и бысть печаль в Руской земле великая, паче же в Северском княжении». ⁴⁴ Русские князья попали в плен к половецким воеводам: «Игоря взяли Торков воевода Гилбук, Всеволода Роман князь <...> но Кончак, видя Игоря раненаго, взял его на свои поруки». ⁴⁵

О поражении Игоря и его дружины Киевский великий князь Святослав Всеволодович узнал во время похода на половцев от Беловода, участника Игорева похода, который «возвестил ему нещастие Игореву и всех полков русских». Далее в «Истории российской» В. Н. Татищев пишет: «Святослав, слыша, горько заплакал о сей гибели, говоря: „О, любимые братия и воины руские! Бог мне дал половцев довольно победить и в страх привести; но вы невоздержною младостию посрамили все победы руския, ободрили боящихся нас нечестивых, и отворили им врата в Рускую землю. О младость неразумная! мнят бо и надеются единой своей храбрости, юже они под предводительством старейших и искуснейших видели, не мня, что к тому много разума и искусства в военных делах потребно; ибо не столько сила, сколько смысл искусных, неприятелей побеждают, но не тако уже учинилось, в том буди воля Божия“». ⁴⁶

В «Записках касательно российской истории» Екатерина II исключила этот «плач» киевского великого князя Святослава, кратко сообщив: «...Беловод возвестил ему (Святославу. — Г. М.) нещастие Игореву и его войск, весьма сожалел о том». ⁴⁷

И в «Истории российской», и в «Записках касательно российской истории» сообщено о том, как между половецкими ханами Кончаком и Гзой «учинилась распря» о направлении похода на русских: «Кончак говорил итти на Киевскую область, а князь Гзя советывал итти на Северскую землю, представляя, что тамо ни войск, ни воевод нет, остались токмо жены и дети». ⁴⁸

⁴³ Записки касательно российской истории. С. 138; История российская... Кн. 3. С. 265.

⁴⁴ Записки касательно российской истории. С. 139; История Российская... Кн. 3. С. 265.

⁴⁵ Записки касательно российской истории. С. 139; История российская... Кн. 3. С. 265.

⁴⁶ История российская... Кн. 3. С. 266.

⁴⁷ Записки касательно российской истории. С. 140.

⁴⁸ Записки касательно российской истории. С. 142; История российская... Кн. 3. С. 267.

Рассказ о пребывании Игоря Святославича в половецком плену близко совпадает в «Истории российской» и в «Записках касательно российской истории». Оба автора сообщают о том, что «Кончак князь, видя Игоря раненного, взял его на свои поруки» и что, находясь в плену, Игорь Святославич «во всяком довольствии содержан был». Однако в рассказе о подготовке побега Игоря из половецкого плена имеются небольшие расхождения между «Записками» и «Историей российской». Близкие к Игорю люди (его конюший и сын тысяцкого) убеждают его довериться половчанину Лавру, который убеждает новгород-северского князя бежать из плена, обещая ему свою помощь. Игорь колеблется.

В. Н. Татищев.

История российская...

«Обо (сын тысяцкого и конюший. — Г. М.) паки пришед к Игорю, говорили ему: „Почто, княже, не соглашаешся с мужем сим, или ждешь как половцы возвратятся, которые есть ли им не удастся, положили тебя убить, тогда что твоя гордость и славолюбие поможет? Но паче погубиши жизнь со славою“. Сим ужастися Игорь советовал с ними, как то учинить».⁴⁹

Екатерина II

Записки касательно российской истории

«Сын тысяцкого <...> со конюшим, пришед к Игорю, паки говорили ему о грозящей ему от половцов опасности по возвращении их, тогда Игорь начал советовать с ними и, согласясь с Лавром и с своими».⁵⁰

Очень близко в «Истории российской» и в «Записках <...>» описано бегство Игоря из плена вместе с Лавром: «Седши на кони поехали сквозь жилища половецкие сам пять (в пятницу. — Г. М.), и ту ночь миновав все их обиталища, поехали чрез степь, и ехали два дни до Рускаго брода, оттуда пошел в свой Новгород, и не доехав (меньше полуднища) верст за 20, споткнулся конь под Игорем и ногу ему так повредил, что он не мог на коня сесть, принужден в селе Святаго Михаила остановиться и ночевать».⁵¹ Далее рассказано о встрече Игоря со своею княгинею, которая, узнав о приезде мужа, «тот час вседши на кони, поехала к нему <...> Княгиня пришед так друг другу обрадовалась, что обнявися и говорить от радости и слез ничего не могли».⁵²

⁴⁹ История российская... Кн. 3. С. 270.

⁵⁰ Записки касательно российской истории. С. 146.

⁵¹ История российская... Кн. 3. С. 271; Записки касательно российской истории. С. 147.

⁵² История российская... Кн. 3. С. 271; Записки касательно российской истории. С. 147.

Рассказ о походе Игоря Святославича у В. Н. Татищева и у Екатерины II заканчивается одинаково: «...и была в Новеграде и по всей Северной земле радость неописанная. Радовались же не мало и во всей Руской земле, зане сей князь своего ради постоянства и тихости, любим у всех был».⁵³

Под 1187 г. и в «Истории российской», и в «Записках <...>» сообщено о том, что «приехал сын Игоря Святославича Владимир Игоревич из плена половецкого с княгинею половецкою Кончаковою; Игорь же обрадовался зело сыну, княгиню же окрестити и с дитятем именовал Свобода, по том учинил свадьбу».⁵⁴ Под тем же годом помещено известие об освобождении из половецкого плена Всеволода Святославича «за порукою брата Игоря».⁵⁵

Таким образом, уже к началу 80-х гг. XVIII в. Екатерина II владела комплексом исторических сведений о походе Новгород-Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г., о солнечном затмении перед началом выступления дружины, о первом победоносном сражении и о несчастливом поражении русского войска, о пленении Игоря, его брата Всеволода, сына Владимира и племянника Святослава, о бегстве Игоря из половецкого плена и о возвращении из плена сына Владимира с дочерью хана Кончака и брата Всеволода Святославича.

А. И. Мусин-Пушкин, с конца 80-х гг. XVIII в. владелец рукописного сборника со «Словом о полку Игореве», и его соратники И. Н. Болтин и И. П. Елагин не обладали в эти годы теми знаниями по истории России XI—XII вв., которые давали бы им возможность видеть в литературном памятнике отражение конкретных событий и действия исторических лиц. Убедительным свидетельством этого являются выявленные В. П. Козловым приписки И. П. Елагина на рукописи его «Опыта повествования о России» — самые ранние свидетельства о рукописи «Слова о полку Игореве».⁵⁶ Выписка о «Слове» сделана И. П. Елагиным красными чернилами на боковом поле черновой рукописи «Опыта повествования о государях российских и их царствованиях от великого князя Иоанна Васильевича Третьяго <...>»: «Мы можемъ притомъ показать, сохраненное от древности Похвальное Слово Игорю Свя[то]славичу внуку Олго-

⁵³ История российская... Кн. 3. С. 271; Записки касательно российской истории. С. 148.

⁵⁴ История российская... Кн. 3. С. 283; Записки касательно российской истории. С. 164—165.

⁵⁵ История российская... Кн. 3. С. 285; Записки касательно российской истории. С. 166. §

⁵⁶ Козлов В. П. «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 23—31.

ву, въ его время, то есть, в начале XII века писанное <...>». ⁵⁷ В первой писарской копии «Опыта» И. П. Елагина в данном отрывке зачеркнуты слова: «Свя [то] славичу внуку Олгову» — и наверху написано: «Олговичу» ⁵⁸ (т. е. «Игорю Олговичу»). Во второй писарской копии слово «Олговичу», написанное в предшествующем списке над строкой, внесено в текст («Похвальное слово Игорю Олговичу») и повторено предположение о времени создания «Слова» в начале XII в.

Очевидно, в 1789—1790 г. А. И. Мусин-Пушкин и его коллеги не знали еще о каком древнерусском князе шла речь в «Слове о полку Игореве». Вспомним, что сообщением об Игоре Олговиче заканчивается «Выпись хронологическая». Этот Игорь Олгович-брат Всеволода II, овладевшего в 1139 г. киевским престолом, получивший после смерти брата в 1146 г. великое киевское княжение. Он обладал тяжелым характером, как сказано в Радзивиловской летописи, поэтому его вокняжение «негодно бысть людем». ⁵⁹ Киевляне пригласили Изяслава Мстиславича. Войско Игоря Ольговича было разбито, а он, пробыв на великом княжении 13 дней, «в заточение посажен», пострижен в монахи и в том же году убит в Киеве. Младший брат Игоря Ольговича, черниговский князь Святослав Ольгович (отец Игоря Святославича — героя «Слова о полку Игореве»), в течение многих лет вел междоусобную войну с «Давидовичами», врагами «Ольговичей». В 1164 г. он умер. Черниговский престол был занят «Ольговичем» Святославом Всеволодовичем, (будущим великим киевским князем, героем «Слова о полку Игореве»). А сыновья Святослава Ольговича, Олег и Игорь, поделили Северские Владения.

Все эти исторические сведения были хорошо известны Екатерине II — автору «Записок», и она могла в достаточной мере представить общие черты биографий и самих действующих лиц «Слова о полку Игореве», и их предков.

Владелец рукописи «Слова о полку Игореве» А. И. Мусин-Пушкин с 1775 г. после службы в армии занимал должность «церемониймейстера двора ея величества». С этого же года он начал собирать коллекцию «российских древностей»: рукописей, монет и других «раритетов». Не имея подготовки к занятиям историей, он объединил усилия своих друзей — «любителей российских древностей» И. Н. Болтина и И. П. Елагина — для изучения и публикации памятников Древней Руси, хранившихся в его «Собрании». Петер-

⁵⁷ ГПБ. Ф. IV. 651/3, л. 206.

⁵⁸ Там же, Ф. IV. 651/4, л. 151.

⁵⁹ ПСРА. Л., 1989. Т. 38. С. 113.

бургские коллеги А. И. Мусина-Пушкина также не были профессиональными учеными-историками, в отличие от его московских сподвижников — Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского, помогавших ему в окончательной подготовке рукописи «Слова о полку Игореве» к изданию и чтению корректур.

Прокурор Военной коллегии, генерал-майор И. Н. Болтин увлеченно пополнял свое образование в области изучения русской истории. Большое внимание на него оказала «История российская» В. Н. Татищева, впервые изданная в 1768—1784 г. И. Н. Болтин высоко оценивал «Записки касательно российской истории», в которых императрица во многих отношениях следовала В. Н. Татищеву. Ко 2-му изданию пьесы Екатерины II «Подражание Шакеспиру, историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика» (СПб., 1792) И. Н. Болтин написал примечания, в которых, ссылаясь на В. Н. Татищева, подтвердил историческую достоверность событий, отраженных в этой пьесе.

Директор императорских театров, тесно связанный с Екатериной II в процессе ее работы над драматургическими сочинениями и их сценическим воплощением, И. П. Елагин в 1790 г. приступил к сочинению труда по русской истории «Опыт повествования <...> содержащий разсеяние народов по столпотворении и в Север пришествии». В числе своих главнейших источников И. П. Елагин называет «Записки касательно российской истории».⁶⁰ Это сочинение Екатерины II широко использовано в трех частях «Опыта», над которым он работал с 1790 по сентябрь 1793 г. (22 сентября 1793 г. И. П. Елагин умер).

Можно с достаточным основанием полагать, что и сам А. И. Мусин-Пушкин и его соратники по изучению «Слова» обратились к «Истории российской» В. Н. Татищева и к «Запискам касательно российской истории» с целью поиска там материалов, которые позволили бы им определить исторические биографии лиц, упоминаемых в поэме, наметить примерное время создания произведения. В найденных В. П. Козловым материалах наглядно видны эти поиски. Первыми «самовидцами» «Слова» в начале 1790 г.⁶¹ было установлено, что в «Похвальном слове Игорю» речь идет об

⁶⁰ ГПБ, Ф. IV. 651/2, л. 1 об.

⁶¹ *Моисеева Г. Н.* О времени ознакомления И. П. Елагина с рукописью «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 170—173; *Кучкин В. А.* Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке «Слова о полку Игореве» // Альманах библиофила: Слово о полку Игореве. 800 лет. М., 1986. Вып. 21. С. 62—73; *Козлов В. П.* Доказательство «Словом» И. П. Елагина // Там же. С. 85—97.

«Ольговичах» — потомках Олега Святославича, что герой поэмы — Игорь (Святославич или Ольгович), а время создания произведения — начало XII в.

Следующий этап изучения «Слова о полку Игореве» представляет комплекс материалов, найденных П. П. Пекарским в 1864 г. в Кабинете Екатерины II. Это рукописная копия «Слова», перевод с комментарием и отдельно, на 3 листах, «Слово о полку Игореве. Содержание». В этом же конволюте находится рукописный «Родословник» — автограф Екатерины II и ее рукою переписанная «Выпись хронологическая из истории русской», продолженная от 1141 г. (где кончается печатное ее издание) до начала XIII в. Как уже отметил П. П. Пекарский, «в фолианте, в котором переплетен список («Слова о полку Игореве». — Г. М.), встречается очень много великокняжеских родословий, черченных и писанных самой Екатериною, видно, что она, занимаясь этим, желала уяснить себе родственные отношения разных княжеских родов: самая большая часть таких родословных заметок императрицы касается именно той эпохи и именно тех князей, о которых идет речь в „Слове о полку Игореве“». ⁶²

Естественно, возникает вопрос о датировке Екатерининской копии «Слова» и перевода его с комментарием. Высказанная мною научная аргументация, свидетельствующая о том, что Екатерининская копия и перевод подготовлены в начале 1792 г., ⁶³ не убедила В. П. Козлова. Он полагает, что использование «Родословника» Екатерины II, вышедшего из печати в 1793 г., свидетельствует о том, что «эти бумаги не могли быть подготовлены ранее 1793—1794 годов». ⁶⁴ Но ведь нельзя не учитывать, что еще в 1773 г. Екатерина II предполагала дать Н. И. Новикову для публикации в «Древней российской вивлиофике» «Известия о родах княжеских и дворянских», ⁶⁵ подготовленных ею для «Собрания полной книги родословной». По сообщению секретаря императрицы А. В. Храповицкого, Екатерина II работала над «Родословной» в 1792 г., ⁶⁶ когда, вероятнее всего, он уже печатался в V части «Собеседника любителей русского слова», вышедшего из печати весной 1793 г. Любопытно

⁶² «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумаг императрицы Екатерины II. Адъюнкта П. Пекарского С. 7.

⁶³ Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». М., 1984. С. 108—119.

⁶⁴ Козлов В. П. Некоторые вопросы изучения древнерусской поэмы в XVIII в. // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 173—175.

⁶⁵ Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. IV. М., 1802. С. 4. С. 43.

⁶⁶ Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793. С. 393.

отметить, что Екатерина II продолжала работу над «Родословником» и после его выхода из печати. В Библиотеке Академии наук хранится подаренное императрицей отдельное издание «Родословника князей великих и удельных рода Рюрика» 1793 г. в красном сафьяновом переплете с надписью: «Получено из высочайших ея величества рук для академической вивлиофики 1793 года апреля 25 дня». В этом экземпляре рукою Екатерины II внесены многочисленные поправки и добавления.⁶⁷

Но главным остается следующий аргумент: А. И. Мусин-Пушкин и его соратники, используя печатное издание, всегда давали на него точную ссылку с указанием тома и страниц, что отчетливо видно при ссылках на «Историю российскую» В. Н. Татищева.⁶⁸ На «Родословник» в Екатерининском переводе ссылок имеется в два раза больше, чем на «Историю» В. Н. Татищева, не говоря уже о том, что значительная часть комментариев целиком передает его текст. Из этого наблюдения становится ясным, что А. И. Мусин-Пушкин, И. Н. Болтин и И. П. Елагин, работая над рукописью «Слова о полку Игореве», пользовались не печатным, а рукописным текстом «Родословника». Об этом впервые аргументированно писал Л. А. Дмитриев.⁶⁹

Естественно, что передача рукописного «Родословника» могла произойти по той причине, что А. И. Мусин-Пушкин сообщил императрице об имеющейся в его «Собрании российских древностей» уникальной рукописи — «Похвальном слове Игорю», которое не могло не заинтересовать Екатерину II.

В «Дневнике» А. В. Храповицкого под 7 ноября 1791 г. отмечена беседа с ним Екатерины II: «...призван для разговора об истории и о редкостях, представленных Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным. Это был рубль, неизвестно которого Владимира; в нем $\frac{1}{4}$ фунта чистого серебра». Очевидно, не только «Владимиров» рубль заинтересовал императрицу, а и исторические памятники и «редкости», которые усердно собирал А. И. Мусин-Пушкин. В связи с этим нужно припомнить, что 11 августа 1791 г. Екатерина II назначила А. И. Мусина-Пушкина обер-прокурором Синода и издала указ, которым ему «дозволялось» приказывать из всех церквей и монастырей России привозить в Петербург рукописи, «касающиеся до истории». В автобиографии, написанной в третьем лице (как

⁶⁷ БАН. Шифр: 1787/52.

⁶⁸ См. перевод «Слова» с комментариями в бумагах Екатерины II (ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 38 об., 42 об., 44, 50, 52 об.).

⁶⁹ Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960. С. 311–313.

было принято в XVIII в.) самим А. И. Мусиным-Пушкиным, он писал: «...такое позволение доставило ему редкие исторические и дипломатические выписки и книги, а место его в Святейшем Синоде и короткое знакомство с духовными особами подали случай собрать множество древних рукописных и печатных книг, что весьма умножило и обогатило его собрание». ⁷⁰

Можно думать, что в 1791 г. Екатерина II передала А. И. Мусину-Пушкину рукописный «Родословник князей великих и удельных рода Рюрика», который послужил «любителям российских древностей» основным материалом для составления комментария к именам действующих лиц «Слова». В их распоряжении были «Записки касательно российской истории», опубликованные без указания имени автора, и четыре вышедших к этому времени тома «Истории российской» В. Н. Татищева. Поскольку А. И. Мусин-Пушкин и его сподвижники были членами Российской Академии, основанной в Петербурге в 1783 г. и приступившей к работе над «Словарем», в комментировании «Слова о полку Игореве» было использовано несколько слов в интерпретации «Словаря Академии Российской»: забрало, тур, буй, гоголь, крес.

Этот фонд основных источников и лег в основу текста примечаний к переводу «Слова», хранящегося в Кабинете Екатерины II. Д. С. Лихачев уже писал о том, что этот перевод и примечания, «весьма возможно <...> были спешно посланы Екатерине II в том экземпляре, который оказался у А. И. Мусина-Пушкина под рукой». ⁷¹

Очень важен вывод Д. С. Лихачева: «Не может быть сомнений в том, что текст перевода „Слова о полку Игореве“, найденный среди бумаг Екатерины II, не одновременен Екатерининской копии. Факт этот также до сих пор не обращал на себя внимания исследователей». ⁷²

Но что оказалось в руках у Екатерины II раньше: копия «Слова о полку Игореве» или его перевод с пояснительным комментарием? В настоящее время мы не можем ответить на этот вопрос.

На рукописной копии «Слова» сохранилось несколько приписок и отметок, сделанных рукою Екатерины II. Сопоставление их с переводом и печатным изданием «Слова о полку Игореве» 1800 г. позволяет сделать ряд интересных наблюдений.

⁷⁰ Вестник Европы. 1813. Ч. 71. С. 82—83.

⁷¹ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // ТОДРА. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 83—84.

⁷² Там же. С. 83.

Копия «Слова о полку
Игореве» в бумагах
Екатерины II

Тогда Игорьъ възрѣ
на свѣтлое солнце⁷³
(подчеркнуто Екатери-
ной II на поле: **възрѣ**).

...А всядемъ братіе
на свои вързья конони⁷⁴
(подчеркнуто Екатери-
ной II на поле: **вързья**
кони)

Перевод «Слова»
в бумагах Екатерины II

В то время воз-
зрѣвъ Игорь съ своимъ
воинствомъ на свѣтлое
солнце.⁷⁵

Ты сѣдлай, брате,
своихъ борзыхъ коней.⁷⁶

Печатное издание «Слова о
полку Игореве» 1800 г.
Перевод

Тогда взглянулъ онъ
на солнце свѣтлое.⁷⁷

Ты сѣдлай, братъ,
своихъ борзыхъ коней.⁷⁸

На 29-м листе Екатерининской копии «Слова» подчеркнуто «красныя Глебовны». На листе 29 об. на поле цифра «2» и подчеркнут текст: «Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе».

В комментарии к переводу «Слова», хранящемся в кабинете Екатерины II, дан как бы ответ на эту отметку в копии: «19. Бориса Вячеславича по Родословнику не находится, а упоминается о Борисе Всеславиче, сыне князя Всеслава Борисовича, который был на княжении Полоцком от 1073-го по 1128-й год».⁷⁹ Любопытно отметить, что в печатном издании «Слова» в комментарии к этому имени «Родословник» не упоминается, а ссылки даны на Ростовскую и Никоновскую летописи, на «Нестора и Татищева» и на «поколенную роспись господина» Стриттера.⁸⁰

На том же листе 29 об. Екатериной II на поле поставлены номера «3» и «4», а в тексте «Слова» подчеркнуты слова «при Олзѣ Гориславичи» и «Дажь-Божа внѹка». Последние слова отмечены и на листе 30.

В переводе «Слова» «Олзѣ Гориславичи» оставлено без комментария. Можно думать, что А. И. Мусин-Пушкин и его сподвижники не смогли найти его ни в «Родословнике», ни в летописях. В пе-

⁷³ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 27 об.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 36.

⁷⁵ Там же, л. 37 об.

⁷⁶ Там же, л. 38.

⁷⁷ Ироническая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новгорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ в исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. М., 1800. С. 5.

⁷⁸ Ироническая пѣснь... С. 5.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 42 об.

⁸⁰ Ироническая пѣснь... С. 15.

чатном издании «Слова» 1800 г. отмечено: «неизвестен». ⁸¹ А «Дажь — Божин внуки» прокомментировано так: «Дажбог был кумир, князем Владимиром в Киеве с прочими идолами поставленный. Но почему сочинитель половцов именует внуками Дажбожевыми, точно сказать не можно». ⁸² В печатном издании сделана попытка ответить на недоумение комментатора рукописного перевода: «Кумир, в Киеве боготворимый, — податель всяких благ. Пользующиеся благоденствием, как даром Дажь-божевым, названы его внуками». ⁸³

На боковом поле листа 31 об. рукою Екатерины II написана цифра «5» и подчеркнуто слово «**время Бусово**». В рукописном переводе это слово не имеет комментария, а в печатном издании 1800 г. написано: «Кто был Бус, не известно». ⁸⁴

На листе 32 копии «Слова о полку Игореве» на поле цифра «6» и подчеркнуты слова «**сыны Глѣбовы**» и «**Ты, буй Рюриче и Давыде**». Ниже цифра «7» против подчеркнутой строки «**Галичкы Осмомысле Ярослав!**»

В комментарии к переводу «Слова» «**сыны Глѣбовы**» не нашли объяснения. В печатном издании помещен следующий текст: «Кого сочинитель сей поэмы разумеет под именем сына Глебова, решительно сказать нельзя <...>» ⁸⁵ В рукописном переводе дан следующий комментарий: «В Родословнике упоминается о трех Руриках и о семи Давидах. Но из них ближайшие ко времени сего сражения были дети князя великого Ростислава I Мстиславича». ⁸⁶ В печатном издании 1800 г. снята ссылка на «Родословник», но содержание оставлено почти без изменения: «Современные сему происшествию князя Рюрик и Давыд, сыновья великого князя Ростислава Мстиславича». ⁸⁷

В рукописном переводе к словам «**Галицкий Гостомысле Ярослав**» (вместо **Осмомысле**, как в копии): «По Родословнику современный сему сражению в княжении Галицком на Вольне был князь Ярослав I сын князя Владимира Володарича от 1153-го по

⁸¹ Там же. С. 16.

⁸² ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 43 об.

⁸³ *Ироническая пѣснь*... С. 17.

⁸⁴ Там же. С. 26.

⁸⁵ Там же. С. 28.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 46 об.

⁸⁷ *Ироническая пѣснь*... С. 29.

1188-ой год».⁸⁸ В печатном издании 1800 г.: «Князь Ярослав, сын князя Владимира Володарича Галичского».⁸⁹

На 33-м листе Екатерининской копии «Слова» под номером «8», отмеченном на левом поле, в строке подчеркнуты слова **Изяслава сынъ Васильковъ**. В рукописном переводе объяснено: «Изяслава сына Василькова по Родословнику не значит; а упоминается о девяти Изьяславах; из них, однако, чтоб один кто с Литвою воевал, сего летописи не показывают».⁹⁰ В печатном издании «Слова» к Изяславу относится следующий комментарий: «О бедственной участи князя Изяслава летописатели русские умолчали».⁹¹

Последний номер «9» на листе 33 об. относится к подчеркнутой строке: **Ярославна рано плачеть въ Путивль**. Следует сказать о том, что в бумагах Екатерины II, касающихся «Слова о полку Игореве», выше упоминались два листа, переписанные тем же почерком, что и копия, под заглавием: «Слово о полку Игореве. Содержание». В конце сообщено: «Княгиня Ярославна, супруга младого Владимира князя Путивальскаго в печали своей приходит до отчаяния. Она, сидя на градской стене, возносит жадостный глас свой то к солнцу, то к ветру, то к реке Днепру».⁹² Текст «Содержания», очевидно, был подготовлен теми же лицами, кто готовил (не переписывал, а именно готовил) древнерусский текст копии «Слова о полку Игореве». Интересно отметить, что в рукописном переводе не имеется комментария к имени Ярославна. На этом листе 50-м объяснены слова: бегрян, забрало, ковыль. Причем не под номерами, а под условными значками на левой половине листа, а один внизу.

Если попытаться сделать анализ подчеркиваний отдельных слов в копии «Слова о полку Игореве», то становится ясным, что Екатерина II обращала внимание на исторические лица, упомянутые в поэме, с целью уточнения сведений о них. И комментаторы перевода, пользуясь, в основном, «Родословником», большей частью ответили на запросы императрицы. Известие о том, что Ярославна является супругой «младого князя Владимира», сообщенное в изложении содержания «Слова о полку Игореве», естественно, не могло удовлетворить Екатерину II, которая в «Записках касательно российской истории» писала о том, что сын Игоря Святославича Новгород-Северского вернулся после побега отца из плена с половецкой княжной, дочерью князя Кончака, которая крестилась под именем Свобода и обвенчалась с путивальским князем Владимиром.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 47.

⁸⁹ Ироническая пѣснь... С. 30.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 10, оп.1, № 366, ч. 7, л. 48 об.

⁹¹ Ироническая пѣснь... С. 33.

⁹² ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 150.

Если бы владелец рукописи «Слова о полку Игореве» А. И. Мусин-Пушкин и его сподвижники И. Н. Болтин и И. П. Елагин смогли ответить на это замечание Екатерины II, как сделали они это на предшествующие ее пометки на копии «Слова», то несомненно поместили бы историческую справку о Ярославне, которая в Путивле закликает природные стихии спасти ее «ладу».

Но в то время, когда Екатерина II читала перевод «Слова» с комментариями, из которых десять были ответом на ее пометы в копии, она и сама ничего не знала о Ярославне. Иначе она что-либо вписала бы в комментарии к переводу, как она сделала это, своею рукою добавив на первом листе перевода: «Игорь Святославич был сын князя Святослава Ольговича Новгородско-северскаго, внук Ольга Святославича Тмутараканскаго, вступивший на княжение Новгородско-северское после Ольга Святославича, внука Ольгова в 1180-м году. Он был отлично храбрый князь, ревностный Отечества защитник и имел с половцами непримиримую вражду. *Сражение сие по летописям последовало в 1185-м году*».⁹³ На листе 40 об. рукою Екатерины II добавлено слово «князя» в примечание 15-е к переводу «Слова о полку Игореве».

Самым любопытным является то, что в печатном «Родословнике князей великих и удельных рода Рюрика», являющемся V частью «Записок касательно российской истории», вышедших в 1793 г. и в том же году изданных отдельною книгой, дважды сообщены сведения о супруге Игоря Святославича: первый раз в связи с сообщением о смерти Ярослава Владимировича Галицкого; второй раз — при известии о смерти Игоря Святославича. Приведем эти сведения: «В 1188 году октября 1 дня, преставился князь Ярослав Владимирович Галичский. Супруга его была княгиня Ольга, во святом крещении Елена, дочь князя великого Юрия Владимировича Киевского, свадьба была в 1150 году, она скончалась во Владимире на Клязьме июля 4 дня 1182 года <...> У князя Ярослава Владимировича было три сына: 1. князь Владимир <...> 2. Князь Константин. 3. Князь Ольг, да дочь 4. княжна Евфросиния, супруга князя Игоря Святославича Северского, свадьба была в 1184 году».⁹⁴

«1201 г. В том же году преставился князь Игорь, во святом крещении Георгий Северский, сын князя великого Святослава Ольговича, родился в 1151 году, женился в 1184 году, взял княжну Евфросинию, дочь князя Ярослава Владимировича Галичскаго».⁹⁵

⁹³ Курсивом отмечен автограф Екатерины II (ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 36).

⁹⁴ Родословник князей великих и удельных рода Рюрика. СПб., 1793. С. 139—140.

⁹⁵ Там же. С. 159.

Из приведенных сведений, почерпнутых из печатного «Родословника», совершенно очевидно, что к весне 1793 г. (времени выхода «Родословника» в журнале «Собеседник любителей российского слова» и отдельным изданием) о супруге князя Игоря Святославича Новгород-Северского было уже известно, что она дочь Ярослава Галицкого и Ольги Юрьевны (дочери Юрия Долгорукого). В связи с этими наблюдениями становится ясным, что в том рукописном «Родословнике», который был передан Екатериной II владельцу «Слова о полку Игореве» и его ближайшим петербургским сотрудникам, не было еще сведений о супруге Игоря Святославича Новгород-Северского. И это еще раз подтверждает вывод о том, что и копия «Слова о полку Игореве» и перевод его с комментариями, приготовленными для Екатерины II, были сделаны, как писал уже Д. С. Лихачев, «в спешном порядке»⁹⁶ и, как теперь можно полагать с большим основанием, в 1791—самом начале 1792 г.

Но где же Екатерина II нашла материал о супруге Игоря Святославича (ее имени, ее роде, годе их свадьбы), который включила в печатный «Родословник» 1793 г.?

Выше уже неоднократно приходилось говорить об исключительном внимании Екатерины II к трудам В. Н. Татищева по истории России. В Эрмитажном собрании ГПБ хранится текст «Правды русской» с переводом и комментарием В. Н. Татищева,⁹⁷ «Предъизвещение к генеральной Российской истории» в списке второй половины XVIII в.⁹⁸ и сборник сочинений и материалов с надписью «Tatischtschevs Schriften. Татищевы летописи».⁹⁹

Этот последний сборник, названный «Tatischtschevs Schriften», по мнению С. Л. Петшича и С. Н. Валка, был подготовлен Г. Ф. Миллером для Екатерины II из имевшихся в его распоряжении списков отдельных частей «Истории российской» и других сочинений.¹⁰⁰

В «Росписи, содержащимся всей книге <...> рукописям» на листах 281—294 указан раздел под названием: «Рождения князей русских, браки и кончины».¹⁰¹ В сведениях о рождении интересующих нас лиц читаем:

⁹⁶ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве». С. 83.

⁹⁷ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. С. 101.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 101—102.

¹⁰⁰ Петшич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. ч. 1. С. 265—269; Валк С. Н. «История российская» В. Н. Татищева в советской историографии // История российская. Л., 1968. Т. 7. С. 35—37.

¹⁰¹ ГПБ, Эрмитаж. собр., № 555, л. 281.

«Рождение князей русских сея части назначено.

1151 Игорь Георгий Святославичь.

1172 Владимир Петр Игоревичь.

1176 Олег Павел Игоревичь.¹⁰²

Браки князей русских».

1184 Игорь Святославичь на дочери Ярослава Галицкого». ¹⁰³

«Кончины князей русских назначено».

В этом разделе много отметок карандашом красно-кирпичного цвета с левой стороны около даты смерти. Отметим особый интерес к полоцким князьям:

«976 Рохволд князь Полоцкий.

1001 Изяслав Володимировичь Полоцкий.

1003 Всеслав Изъяславичь Полоцкий.

1044 Брачислав Полоцкий.

1101 Всеслав Полоцкий, сын Брачислава.

1113 Роман Вечеславичь Полоцкий.

1119 Глеб, сын Всеслава Полоцкого.

1128 Борис Всеславичь Полоцкий.

1134 Изяслав Глебовичь Полоцкий.

1158 Княгиня Глебова Всеславица,
Димитрия Ярополка Изяславича». ¹⁰⁴

Эти материалы вошли и в «Родословник», и в комментарий к переводу «Слова о полку Игореве».

Далее отмечены кончины князей Ольговичей:

«1190 Святополк Игоревичь Северский.

1200 Ярослав Всеволодичь Черниговский.

1201 Игорь Святославичь Черниговский.

Ефросинья.

1212 Володимер и Роман Игоревичи в Галиче побиты». ¹⁰⁵

«Роспись» кончается сведениями о князьях, «На Калке побитых». Важно отметить, что в числе их названы два сына князя Игоря Святославича — Святослав Игоревич и Изяслав Игоревич. ¹⁰⁶ Эти сведения перенесены Екатериною II в качестве дополнительных в рукописный «Родословник», переписанный ее рукою, куда уже включены известия о супруге Игоря «княгине Ефросинии, дочери Ярослава Владимировича Галичскаго» и шести его сыновьях. ¹⁰⁷

¹⁰² Там же, л. 231 об. — 282.

¹⁰³ Там же, л. 286.

¹⁰⁴ Там же, л. 290—291 об.

¹⁰⁵ Там же, л. 293—293 об.

¹⁰⁶ Там же, л. 294.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 5, л. 66 об. — 67.

В предисловии к копии «Слова о полку Игореве», относящейся к концу XVIII в., названа «супруга Игорева Ефросинья Ярославна».¹⁰⁸

В печатном издании «Слова о полку Игореве» 1800 г. при первом упоминании имени «Ярославна» без сноски на источник дан комментарий: «Супруга князя Игоря Святославича, дочь князя Владимировича Галичскаго». Имя ее упоминается в «Историческом содержании пѣсни»: «Игорева супруга княгиня Ефросиния (дочь князя Ярослава Владимировича Галичскаго), оставшись в Путивлѣ, возносит жалобный голос свой то к ветру, то к солнцу, то к реке Днепру».¹⁰⁹

Как видим, помощь Екатерины II в уяснении исторических реалий «Слова о полку Игореве» была очевидной. И не так уж «ласкателен» был А. И. Мусин-Пушкин, когда писал в предисловии к изданию «Духовной» Владимира Мономаха в 1793 г. с многочисленными ссылками на печатный «Родословник»: «Знатно историю отечественную обогатил вышедший недавно в свет Родословник, помещенный в пятой части Записок касательно Истории Российской».¹¹⁰

В следующем, 1794, году А. И. Мусин-Пушкин напечатал «Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения». Книга открывалась следующим посвящением:

«Екатерине Великой.

Всемиловитѣйшая государыня!

Твое высочайшее исполняя веление, я сие исследование предпринял; твоим мудрым наставлением обогащаем, продолжал; твоим высоким покровом осеняем, тиснению предал, твоему же священнейшему имени труд мой и посвятить дерзаю

верноподанный Алексей Мусин-Пушкин».

И в этом посвящении в словах «твоим мудрым наставлением обогащаем» была, несомненно, значительная доля истины. Екатерина II, достаточно серьезно в течение многих лет занимавшаяся русской историей, собравшая в своей библиотеке древние рукописи, сочинения историков и книги, оказывала А. И. Мусину-Пушкину помощь в его работе по изданию древних русских памятников из его «Собрания».

6 сентября 1795 г. А. И. Мусин-Пушкин обратился с письмом к

¹⁰⁸ ГПБ, XV. 50, л. 133.

¹⁰⁹ Ироническая пѣснь... С. VI.

¹¹⁰ Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье. СПб., 1793. С. III.

правителю канцелярии кабинета Екатерины II В. С. Попову. Приводим его полностью:

«Милостивый государь мой Василий Степанович!

Полученные от Вашего превосходительства известные бумаги при сем возвращаю с истинною моею благодарностию. Я занимался в прошедшие дни чтением оных с крайним прилежанием: и ко удивлению моему, нашел здесь многое, чего ни у Татищева, ни в других летописях, ни в самых Записках нет. Родословие князей удельных выведено с такою точностию, что лучше желать невозможно. Велик поистине труд, и для истории Отечественной много подает свету. Я посредством сих Таблиц нашел совершенную развязку неизвестных, и о коих тщетно искал объяснения в других летописях; которые и покажу Вам, ежели угодно, как скоро перепишут. Внесенные в некоторых местах, хотя кратко, Исторические деяния послужат писателям истории руководством к точнейшему Истинн исторических открытию». ¹¹¹ На листе 5 приписка рукою В. С. Попова: «Сей отзыв есть о Хронологическом списке, над которым изволила трудиться ея императорское величество». ¹¹²

Впервые привлекая это письмо А. И. Мусина-Пушкина, я полагаю, что речь в нем шла о материалах, связанных с «Родословником» Екатерины II, поскольку А. И. Мусин-Пушкин прямо писал об этих бумагах: «Родословие князей удельных выведено с такою точностию, что лучше желать невозможно». ¹¹³ В. П. Козлов подверг критике это мое высказывание. ¹¹⁴ Но выдвинутое им предположение о том, что возвращенные А. И. Мусиным-Пушкиным в 1795 г. в кабинет императрицы бумаги представляли собой «труд А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева „Исторические оригинальные выписки“», которые они готовили для Екатерины II, не может быть принято. Во-первых, «Исторические выписки» были присланы Екатерине II в 1795 г., а А. И. Мусин-Пушкин 6 сентября этого года возвратил эти «известные бумаги» в кабинет, предварительно изучив их и использовав в своих работах, которые он предлагал «как скоро перепишут», показать В. С. Попову. Во-вторых, «Исторические оригинальные выписки» А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева сохранились в Кабинете Екатерины в ЦГАДА, в БАН, в ЛОИИ. Они относятся к событиям XIV в., времени княжения Димитрия Донского, к Куликовской битве и Житию Сергия Радонежского. Но они совершенно не подходят под ту краткую характеристику, которая дана «известным бумагам» в письме А. И. Мусина-Пушкина.

¹¹¹ ГПБ, ф. 609, № 244, л. 4—4 об.

¹¹² Там же, л. 5.

¹¹³ *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976. С. 63—64.

¹¹⁴ *Козлов В. П.* Некоторые вопросы изучения древнерусской поэмы в XVIII в. С. 174.

Некоторый свет на характер этих «бумаг» проливает приписка В. С. Попова: «Сей отзыв о Хронологическом списке, над которым изволила трудиться ея императорское величество». ¹¹⁵

Выше уже приходилось говорить о том, что в самом начале 80-х гг. XVIII в. в Петербурге была напечатана «Выпись хронологическая из истории русской», охватывающая события за 860—1141 гг. В Кабинете Екатерины II, находящемся в ЦГАДА, в одном блоке с копией «Слова о полку Игореве», его переводом с комментарием, с запросами в древние русские города (Чернигов, Переяславль, Новгород-Северский) «реестров рода Рюрикава <...> также и супруг тех князей», находится рукописное продолжение «Выписи хронологической», доведенное до начала XIII в., т. е. до татаро-монгольского нашествия. Этот труд Екатерины II сделан, как и его печатный предшественник, в виде разграфленных таблиц, в верхней части которых назван город, а в нижней части — князь, владеющий этим городом. А еще ниже оставлено место для дополнительных сведений об особых событиях, оказавших влияние на русскую историю. Связь этих рукописных таблиц с интересом Екатерины II к «Слову о полку Игореве», отмеченная обнаружившим эти бумаги в 1864 г. П. П. Пекарским, несомненна.

В «Выписи хронологической по истории русской» дан как бы «хронологический срез» — обзорные удельные княжения по «родовым гнездам». Большое место в ней занимают «Ольговичи»: ¹¹⁶ князь Игорь Святославич княжит в Новгороде Северском, его сын Владимир — в Путивле, брат Всеволод — в Трубчевске, а в Рыльске — Давид Ольгович, сын Ольга Святославича, ходившего в 1185 г. вместе с Игорем Святославичем в поход против половцев и не вернувшегося домой. Следовательно, этот «срез» относится ко времени после 1186—1187 гг. В Галицком княжении назван внук Ярослава Владимировича — Мстислав Владимирович. В Теребовле — Роман Игоревич, сын Игоря Святославича Новгород-Северского. Он был убит в Галиче в 1212 г. Значит, здесь Екатериной II уточнено время событий — до 1212 г.

В то время, когда А. И. Мусин-Пушкин «посредством сих таблиц», как он сообщает в письме В. С. Попову, нашел объяснение «исторических деяний», о которых не смог ранее найти ответы в летописях, он занимался этими материалами один. Его соратники умерли: И. Н. Болтин 6 октября 1792 г., И. П. Елагин 22 сентября 1793 г. Знакомство А. И. Мусина-Пушкина с Н. М. Карамзиным, который, как это убедительно показал Л. А. Дмитриев, не прини-

¹¹⁵ ГПБ, ф. 609, № 244, л. 5.

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 6, лл. 181—188 об.

мал непосредственного участия в работе над рукописью «Слова о полку Игореве»,¹¹⁷ началось с 1797 г. В 1797 г. А. И. Мусин-Пушкин получил отставку с поста обер-прокурора Синода и в 1798 г. переехал в Москву. Помощь в подготовке к изданию «Слова о полку Игореве» стали оказывать ему крупнейшие русские археографы Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский.

После смерти Екатерины II 6 ноября 1796 г. ее наследник Павел I, как известно, стремился всячески уничтожить память о покойной императрице. А. И. Мусин-Пушкин провел в своей работе над «Словом» тщательное цензурирование: были изъяты все ссылки на «Родословник князей великих и удельных рода Рюрика», частично замененные на «Историю российскую» В. Н. Татищева, частично оставленные без указания источника сведений. Но во введении к печатному изданию 1800 г., названному **«Историческое содержание пѣсни»**, остались непосредственные следы использования формулировок Екатерины II, относящихся к описанию похода Игоря на половцев в 1185 г. в ее «Записках касательно российской истории». Вспомним приведенное выше сравнение обращения Игоря к войску во время затмения солнца: «Суеверы всячески убеждали князя Игоря оставить свое предприятие; он не послушал их, и отвечал на то: что одни только трусы боятся чрезвычайностей, что он назад никак не воротится и что стыд ему тягчае смерти».¹¹⁸ В «Записках касательно российской истории»: «<...> Игорь отвечивал: „всякое чрезвычайное приключение, слабаго духа, как то, робкие, боязливые и суеверы, прдзнаменованием толкуют <...> что стыд тягчае смерти, а лутче, положась на волю Божию, итти на неприятеля».¹¹⁹ В «Истории российской» В. Н. Татищева, как мы показали выше, аргументация князя Игоря была совсем другая.

Личность Екатерины II, круг ее интересов и знаний оказали влияние на работу А. И. Мусина-Пушкина и его сподвижников над рукописью «Слова о полку Игореве».

Использование кружком «Любителей российских древностей» подготовленных ею материалов, участие ее в историко-филологических разысканиях, касающихся раскрытия содержания памятника, дают основание считать, что Екатерина II была причастна к самому раннему этапу изучения рукописи «Слова о полку Игореве».

¹¹⁷ Дмитриев А. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // ТОДРА. Л., 1962. Т. 18. С. 38—49.

¹¹⁸ **Ироническая пѣснь...** С. IV.

¹¹⁹ Записки касательно российской истории. С. 133.

В. П. СТЕПАНОВ

Диалог Сумарокова «Ирсинкус и Касандр».

В «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе» А. П. Сумарокова его издатель Н. И. Новиков включил небольшой откровенно сатирический диалог между Ирсинкусом и Касандром.

Разговор.

Ирсинкус и Касандр.

К а с а н д р : Благослави, отче святой.

И р с и н к у с : Я не священник, но нечто выше, а именно, я Философ целой губернии, и все меня почитают, понеже премудрость моя не только здесь, но и в царствующем граде Москве почитается, и моя книга напечатана, к исправлению юношества, к чести нашего сана, ко славе нашего века и к общему удовольствию читателей.

К а с а н д р : Какая это книга?

И р с и н к у с : Книга Полипрагмон, Кукушка тож.

К а с а н д р : Знаю я эту книгу. Я ее в некотором доме нашел в от...

И р с и н к у с : В от... ?

К а с а н д р : Да она в другое место и не годится.

И р с и н к у с : А для чего?

К а с а н д р : В ней нет ни складу ни ладу, ни чистоты языка, ни мыслей, ни благородства, ни вкуса, и на всякой строке видно, что и стихи и проза писаны крайним невежею.

И р с и н к у с : Однако многие разумные люди ее хвалят.

К а с а н д р : Никакой разумный человек ее похвалить не может.

И р с и н к у с : А ты один хочешь быть Автором; однако я от моего крас-

норечия больше и прибýtка и почести имею, я ж могу тебе заключити и райские двери, понеже я Философ, убо я лучше тебя пишу.

К а с а н д р : Ежели бы такие безумцы, каков ты, над раем имели власть, так бы разумные люди лишились царствия небесного.

И р с и н к у с : Не безумец я, когда и стихи мои и проза препоручили меня знатным мужам, и которые старались меня почтити великим саном.

К а с а н д р : В малом невежа и малограмотная тварь сане не портит общего блаженства; а на твою степень возвел тебя гнев Божий к бесчестию Риторства и Стихотворства. И кажется мне, что кукушка, твоя возлюбленная птица, столько же достойна быти на твоём месте, сколько ты. Одно в тебе мне понравилось: а именно, что ты подобную выбрал себе птицу, ибо её песни столько же приятны, сколько и твои; да ещё с сею разностью, что её песни, хотя и не приятны, но правильны, а твои и этого не имеют. Словом сказати, я эдакова вздора и во сне не выдывал.

И р с и н к у с : Знаешь ли ты, что я тебя прокляну?

К а с а н д р : Когда ты, крыса, вскарабкался на судейский и философский стул, так ты прокляни свою кукушку, а не меня.

Хоть и гадки, только нужны обществу профос, палач;
Но какую служит пользой мерзкий обществу рифмач!

И не вред ли то народу,

Если глупый рифмоткач

Поползет и гадкой книгой внидет к удивленью в моду.

К нерешению судебных предлагаемых задач:

Должен ли когда достоин быти превелика чина

Превеликий дурачина!

Текст диалога не датирован и не снабжен никакими пояснениями, что обычно для этого издания Новикова; при жизни Сумарокова диалог в печати не появлялся. Известно, что, готовя посмертное издание произведений Сумарокова, Новиков пользовался оставшимся после него архивом. Из рукописей писателя, видимо, и был извлечен «Разговор». Получив в свое распоряжение рукописи, просматривая их, Новиков, по видимому, не избежал некоторых ошибок, в том числе и обычных в таких случаях ошибок атрибуции, приняв в отдельных случаях копии, сделанные рукой Сумарокова, за его оригинальные сочинения. С этим всегда приходится считаться, пользуясь новиковским изданием, критического анализа которого по существу нет.¹ Но в данном случае ничто

¹ Вопрос о достоверности издания Новикова был затронут Г. А. Гуковским и П. Н. Берковым в полемике об авторе «Хора ко превратному свету» (Ф. Г. Волков или А. П. Сумароков). При этом оценки авторов были прямо противоположны. Берков: «... новиковское издание далеко от полноты. Но не менее очевидно, что среди включенных произведений, в особенности из числа тех, которые, как сумароковские,

в самом тексте «Разговора» авторству Сумарокова не противоречит. К этому жанру он обращался неоднократно на протяжении всей своей деятельности, впервые еще в 1750-е гг., опубликовав в «Ежемесячных сочинениях» два «Разговора в царстве мертвых» — между Александром и Геростратом, Кортецем и Монтецумой, — долгое время неправильно приписывавшиеся А. В. Суворову. Четыре других (сатирических) «Разговора мертвых» он поместил в «Трудолюбивой пчеле». Диалогическая форма выявления характеров очень характерна и для комедий Сумарокова, исключительно прозаических. Памфлетные разговоры, например, Сумароков ввел в комедию «Ядовитый», давая ответ на подобные диалоги в комедии Ф. А. Эмина «Ученая шайка».² Диалогическая форма выбрана им для стихотворной сатиры «Пиит и друг его».

Тема «дурных сочинителей», служащих «бесчестием риторства и стихотворства», «рифмачей», «рифмоткачей», которая разрабатывается в «Разговоре», постоянная для сатиры Сумарокова, где присутствует в том же фразеологическом оформлении (ср. в притче «Парисов суд»: «Российской то сказал нам древности толмач и рифмоткач»). Эти мотивы и общее раздражение по поводу упадка литературного вкуса и мастерства особенно усиливаются с конца 1760-х гг. в связи с расширением круга писателей и числа изданий, с постепенной утратой Сумароковым непосредственного влияния на литературную жизнь.

По поводу того, когда был написан «Разговор» и против кого он был направлен, имеется лишь одно печатное суждение-предположение, сделанное Г. А. Гуковским в «Библиографических заметках к Полному собранию всех сочинений Сумарокова», известных по корректуре не вышедшего в свет в 1948 г. очередного сборника «XVIII век».³ Он высказал догадку, что лицо, получившее в «Разговоре» имя Ирсинкус, изображает плодовитого писателя, иеромонаха Аполлоса Байбакова, принявшего духовный сан в 1774 г. Гуковский исходил из того, что в сатире Сумарокова Ирсинкус — духовное лицо, он пишет стихи и прозу, дает своим книгам вычурные загла-

фигурируют впервые только в собрании сочинений, имеется немало принадлежащих не ему»; Гуковский: «Все прозаические вещи, помещенные в новиковском издании, или были напечатаны ранее в журналах с подписью Сумарокова, или же извлечены Новиковым из рукописей самого Сумарокова; невозможно сомневаться в их подлинности. Вообще же новиковское издание выполнено вполне научно, серьезно и с знанием дела» (XVIII век. М.; Л., 1935. Сб. 1. С. 194, 207).

² *Серман И. З.* Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII в.: (Неизданная комедия Федора Эмина «Ученая шайка») // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 221—223.

³ Экземпляр П. Н. Беркова хранится в библиотеке Минского гос. университета.

вия. Правда, здесь же Гукровский заметил, что большинство книг Аполлоса появилось после смерти Сумарокова, но, допустил, что такие сочинения Аполлоса, как «Афанат и Фнит», «Евгеонит», могли быть известны Сумарокову до печати, в рукописи. Предположение это весьма сомнительно, так как произведения Аполлоса не обладали качествами, способствующими рукописной известности. Кроме того, Гукровский не обратил внимания на самохарактеристику Ирсинкуса, свидетельствующую, что он как бы и духовное, и одновременно не духовное, светское лицо:

К а с а н д р : Благослави, отче святой.

И р с и н к у с : Я не священник...

Байбаков, учившийся и живший в Москве вплоть до 1785 г., не мог говорить о себе, подобно Ирсинкусу, что он «философ целой губернии», и хвастаться, что не только здесь, но и «в царствующем граде Москве почитается». Скорее, это автохарактеристика писателя из провинции. Да и весь разговор направлен против автора не рукописной, а уже напечатанной книги, ибо далее Ирсинкус сообщает: «Моя книга напечатана, к исправлению юношества, к чести нашего сана, ко славе нашего века...»

Название книги — «Полипрагмон, Кукушка тож» — не вполне придумано Сумароковым и является прозрачным указанием на реально существующее произведение. В XVIII в. пользовался известностью и распространялся в списках анонимный диалог с как-будто испорченным переписчиками заглавием «Разговоры о суде в кукушке». Он привлекал внимание исследователей рукописной сатиры и как специфический памятник сатиры был опубликован в советское время В. Д. Кузьминой.⁴ Е. П. Привалова позднее установила, что источником списков являются «Разговоры разного содержания прозою и стихами в пользу учащегося юношества, сочиненные в Тверской семинарии», изданные в Петербурге в 1774 г. В сборнике среди прочих находится и этот «разговор» с очевидной опечаткой в заглавии, повторенной списками.

В сборник, предназначенный прежде всего для «юношества», обучавшегося в Тверской семинарии, входит десять «разговоров». Среди диалогов есть написанные как стихами, так и прозой. Интересующий нас «разговор» о кукушке обрамлен заставкой и заключением в форме раешника. Как кажется, сатирическое звучание диалога преувеличено исследователями. Он рассказывает о тяжбе двух

⁴ Кузьмина В. Д. Неизвестные произведения русской демократической сатиры XVIII века // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1955. Вып. 4. С. 374—383.

простаков, которые решили через суд разобраться, «на чью голову» кукушка накуковала. Содержание состоит в описании нагаго взяточничества судебных и подьячих, дочиста обобравших челобитчиков. Но, как особо отметила Е. П. Привалова, убедительность сочинению придает «безукоризненная осведомленность анонимного автора в делах судопроизводства. Богатство судебной терминологии свидетельствует о том, что сатирик хорошо знал не только суд прошлых лет, он и современную ему судебную процедуру. Сюжет, положенный в основу рассказа, является ни чем иным, как своеобразным, сатирически обыгранным судебным процессом».⁵

Это заставляет предполагать в авторе человека из профессиональной судебской среды.

Есть в сборнике и другой прозаический диалог, заглавие которого Сумароков использовал, составляя название сочинения Ирсинкуса — «Разговор между Полипрагмоном и Физиологом»; в нем Физиолог отвечает на вопросы Полипрагмона (буквально: многоделающий; здесь скорее всего: трудолюбивый) о различных естественных явлениях. В «Разговоре о чтении книг между Картофилом (картежником) и Вивлиофилом», где горячо рекомендуется чтение Библии как главной книги, присутствует выпад против старообрядца, который рассуждает о «сложении перстов, о осьмиконечном кресте, о изгнанной бороде и других богоугодных вещах», а затем «осердившись, в подпольную ушел пещеру». Характерен и устарелый церковно-славянский оборот из «Разговора между умным и хвастливым»: «Да у меня денег много, много убо я счастлив», — переданный Сумароковым своему Ирсинкусу.

На основании этих совпадений очевидно, что Сумароков был знаком с «Разговорами в Тверской семинарии», считал, что вся книга принадлежит одному автору, и изобразил этого автора в лице Ирсинкуса.

«Разговоры в Тверской семинарии» напечатаны анонимно, хотя по содержанию и по привязанности сборника к семинарским целям и задачам ясно, что его автор тесно связан с Тверской семинарией. В кругу тверской интеллигенции в это время действовал человек, биографию которого можно соотнести с насмешками Сумарокова.

Диомид Иванович Карманов был одним из примечательных самоучек XVIII в. Как обо всех самоучках, о нем известно немного. Скучные биографические сведения извлечены тверскими краеведами

⁵ Привалова Е. П. О забытом сборнике Тверской семинарии // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб.5. С.418.

в основном из предисловия к рукописному сборнику его проповедей, содержавшему некоторые автобиографические признания, и из владельческих приписок на рукописях его библиотеки⁶. Родители Карманова, тверские посадские люди, жили в Троицком посаде близ Отроча монастыря, где помещалась Тверская духовная семинария. Двенадцатилетним мальчиком он посещал уроки своих сверстников в младших классах. Классы богословия и философии были ему недоступны по незнанию латыни, на которой велось преподавание. Лишь после 1763 г., когда ректор семинарии Макарий Петрович, а затем тверские иерархи Гавриил Петров и Арсений Верещагин начали читать эти курсы на русском языке, Карманов (уже обремененный семьей канцелярист Тверского магистрата) смог завершить свое знакомство с семинарским курсом. Он был к этому уже подготовлен самостоятельным чтением философских трудов. В его библиотеке были сочинения Баумейстера, Гейнекция, Аммона и другие, собственноручно переписанные им с русских переводов, а иногда и переведенные по его заказу учителями семинарии. Эти труды лежали в основе курсов философии, читавшихся в Московском университете. Духовенство благоволило Карманову. Он вел рукописную полемику со старообрядцами, пробовал писать на духовные темы. Один из его опытов получил одобрение Арсения Верещагина: «Сколько науки просвещают человека, ясным есть доказательством сочинитель сего слова, которое с пользой и духовным улажением я прочитал и чистосердечно свидетельствую». Вслед за этим последовало неожиданное предложение Карманову произнести свои поучения в качестве проповедей перед семинаристами и братией Отроча монастыря, чтобы «тем самым сделать общую пользу и добрый почин, к люблению наук и трудов подать пример». С 1768 по 1770 г. Карманов написал и произнес не менее десяти проповедей, или, как он сам писал, «многократно ... проповедовал величие божие».

Кроме проповедей он написал несколько «рассуждений» на богословские темы, с 1774 г. по совету Платона Левшина стал заниматься историей Твери. В частности, М. Н. Муравьев в 1776 г. просил через своих родителей у Карманова его исторические изыскания

⁶ Владиславлев В. Ф. 1) Карманов, тверской публичный нотариус // Тверские епархиальные ведомости. 1881. № 20. С. 454—462; № 25. С. 441—494; 2) Карманов и его проповеди // Там же. 1889. № 4. С. 102—137; Колосов В. Библиотека тверского археолога XVIII в. Д. И. Карманова. Тверь, 1897; Смирнов Н. П. «Вопль купецких и разночинских детей» в Твери в XVIII в // Тверская старина. 1911. № 7—12; 1913. № 5—6.

для публикации в «Российской вивлиофике» Новикова⁷. Считается, что никакие из произведений Карманова при жизни его не были напечатаны. Однако Колосов сообщает, что в 1769 г. в Москве было напечатано «Доказательство бессмертия души», а Владиславлев уверяет, что «Письмо поздравительное Гавриилу по случаю возведения его в сан архиепископа», написанное Кармановым от имени Тверской семинарии, было опубликовано в Петербурге; справочниками такие издания не зафиксированы.

Прижизненные отклики на литературную деятельность Карманова неизвестны. Однако признание за ним современниками определенных заслуг и достоинств несомненно. Оно подтверждается избранием Карманова в члены-корреспонденты первого литературно-филологического общества при Московском университете, Вольного Российского собрания, которое состоялось не позднее октября 1777 г. Почти невозможно предположить, что не вызвало пересудов (хотя бы среди московского духовенства) и проповедническая деятельность не имевшего сана посадского-самоучки.

В «Разговоре» обыгрываются обе стороны биографии Карманова. Канцелярист, потом нотариус, он одновременно имеет в определенном кругу репутацию знатока философии, богословствует и выступает с учительными сочинениями. Отсюда идет уподобление Ирсинкуса «крысе, вскарабкавшейся на судейский и философский стол». В лице Карманова Сумароков встретил постоянный объект своих сатирических нападок — в прямом смысле подьячего, между делом задумавшего стать писателем. Ничем другим нельзя объяснить ни резкость нападков на малоизвестного сочинителя и на книгу, в которой «нет ни складу ни ладу», ни грубость выражений, заставившую Новикова заменить их в одном месте отточиями: «Я ее <книгу> в некотором доме нашел в отхожем месте». Никаких личных намеков, способных вызвать гнев Сумарокова, «Разговоры в Тверской семинарии» не содержали. В оценках возобладали общелитературные соображения. Тема подьячего-писателя потянула за собой круг привычных ассоциаций и отработанных формул, отдаваясь от памфлетности и приобретая более общий характер. Замечания о «прибытке» и «почестях» Ирсинкуса повторяют мотивы «Цидулки к детям покойного профессора Крашенинникова» и эпиграммы «Танцовщик ты богат, профессор ты убог». Жалобы на общее презрение к истинным достоинствам повторяются и в письмах Сумарокова последних лет: «... ныне совсем беден, ничего на свете не нажив, кро-

⁷ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 308.

ме знания стихотворства, которое не нужно, ибо у нас наши стихотворцы, не только не зная наук, но и грамоте не зная, стихи пишут и от публики похвалу заслуживают⁸. Особое рассуждение Касандра о кукушке, «возлюбленной птице» Ирсинкуса, перекликается с полемикой, сопровождавшей театральный скандал 1770 г. Тогда Сумароков ответил своим московским недоброжелателям стихами «Наместо соловьев кукушки здесь кукуют ...», на которое довольно грубым бурлескным «переворотом» откликнулся молодой Державин.⁹ Истинная поэзия и бездарные «ку-ку» противопоставлены также в притче Сумарокова «Робята и кукушка», модификации сюжета «Соловей и кукушка», широко известного по басне Крылова. Сумароков в своем диалоге также отводит обвинения в литературном эгоцентризме. На замечание Ирсинкуса: «А ты один хочешь быть автором» — Касандр разъясняет, что подобные обвинения ему предъявляют бездарные и невежественные себялюбцы и графоманы. В этом смысле принадлежащее Ирсинкусу сочинение «Полипрагмон, или Кукушка» следует понимать буквально, как авторское самоопределение Ирсинкуса — в переводе: «многоотрудающаяся бездарность».

Кто такие «разумные люди», «знатные мужи», которые хвалят Ирсинкуса и стараются почтить его «великим саном»? Несколько фраз в «Разговоре» можно понять как намек на принадлежность Карманова к числу духовных лиц: угрозы «проклясть», «затворить райские двери». Возможно, это косвенное осуждение его покровителей, таких как Платон Левшин и Гавриил Петров, людей круга Сумарокова, представлявших просвещенную часть русского духовенства. Однако упоминание о «великом сани» может иметь и другой смысл.

Кроме хорошо известного Сумарокову круга духовных лиц обратит внимание на близость Карманова к Вольному Российскому собранию. Сумароков был его членом с 1776 г., хотя неизвестно, принимал ли он участие в его работе. Основной задачей Собрание провозгласило создание первого научного словаря русского языка. В последних лингвистических работах Сумарокова середины 1770-х гг. обнаруживается остро критическое отношение к этой деятельности. В незавершенной статье «О правописании»; напечатанной Новиковым, Сумароков полемизирует с А. А. Барсовым, непременным секретарем Собрания, о фонетическом строе русского языка. В статье «О стопосложении» он резко отзывается о выбранной Собранием методике работы над лексиконом, а главное, подвергает сомнению состав сотрудников. Он опасается, что задуманный труд может послужить «к пушему нашего языка паде-

⁸ Там же. С. 147.

⁹ Там же. С. 213.

нию», ибо «сие Общество состоит частью из Ученых, но не из ученых в Словесности, а частью из неученых... Опасно сие Собрание Словесности Российской нашего века и особливо ради того, что худо видящие писцы, опираясь на целое Общество, и совсем ослепятся и в неисходимую упадут бездну».¹⁰ Обе статьи писались между 1771-м и 1775 гт. (Г. В. Козицкий упоминается в них еще как живой). Возможно, и «Разговор. Ирсинкус и Касандр» написан в связи с намерениями Вольного Российского собрания включить Карманова в число своих членов. Карманов, с точки зрения Сумарокова, был из числа тех «неученых», которые будут способствовать «нашего языка падению». Тогда «Разговор» нужно отнести к 1776—1777 гт. Он выявляет не только одну из последних литературных конфронтаций Сумарокова, но и позволяет атрибутировать Карманову анонимные «Разговоры в Тверской семинарии».

¹⁰ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений. М., 1781. Т. 10. С. 59—60.

РУССКИЙ БУАЛО?
(Эпистола Сумарокова «О стихотворстве»
в восприятии современников)

В 1748 г. вышли в свет две эпистолы А. П. Сумарокова: «О русском языке» и «О стихотворстве».¹

В ту пору классицизм в России только еще утверждался, и из классицистических жанров сформировались лишь торжественная ода и любовная песня. В 1747 г. вместе с «Хоревом» Сумарокова появилась первая «правильная» трагедия. Был уже известен в России и жанр стихотворной эпистолы, правда, эпистолы Кантемира и Тредиаковского были написаны еще неканоническим стихом.² Сумароков же своими эпистолами впервые предложил русской публике образцы жанра, силлаботоническая форма которых соответствовала требованиям только что реформированной системы русского стиха.

Однако роль создателя «правильной» эпистолы не удовлетворяет Сумарокова, он претендует на большее. Это становится очевидным, если рассмотреть самый способ публикации. Обе эпистолы были опубликованы отдельным изданием. В это время еще не было никаких литературных журналов, в которых можно было бы поместить стихи такого рода (это стало возможным лишь с 1755 г. — года основания петербургского академического журнала «Ежемесячные сочинения»), а право на отдельную публикацию принадлежало пока другим жанрам — панегирическому стихотворению «на случай», прежде всего торжественной оде, а также трагедии.³ При таких об-

¹ Сумароков А. П. Две эпистолы «...» В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве. СПб., 1748. При цитации римская цифра I обозначает эпистолу «о русском языке», цифра II — «о стихотворстве»; арабская цифра — строку.

² Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л. 1956. С. 214—215 («К князю Никите Юрьевичу Трубецкому»); С. 216—217 («К стихам своим»); Тредиаковский В. К. Избр. произв. М.; Л., 1963. С. 390—395 («Эпистола от Российския поэзии к Аполлину»).

³ Исключение составляет брошюра, в которой Ломоносов, Тредиаковский и Сумароков опубликовали свои переводы 143-го псалма как результат спора о семантическом значении двухсложных метров: Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцов из которых каждой одну сложил особливо. СПб., 1744.

стоятельствах для Сумарокова было бы, собственно говоря, естественным распространить свои эпистолы в рукописном виде. Но из желания подчеркнуть их программное значение, он решает опубликовать их отдельной брошюрой, тираж которой был весьма значителен (1012 экз.).⁴ Расходы по изданию он берет на себя.

Центральной проблемой эпистолы «О русском языке» стала проблема формирования русского литературного языка, важнейшим вопросом — вопрос о соотношении церковнославянского языка с русским. В эпистоле «О стихотворстве» кратко излагается теория поэзии. Характеризуя отдельные жанры, Сумароков большей частью предвосхищает не только будущее развитие русского классицизма, но и своей собственной поэтической деятельности. Исследователи называют эту эпистолу «манифестом русского классицизма».⁵ И действительно, Сумароков здесь берет на себя роль вождя русского классицизма. Он хочет указать русским поэтам верный путь и поощрить их к творчеству. В этом он опирается на авторитет Н. Буало и его «Поэтического искусства» («*Art poétique*») 1674 г., из которого заимствует значительную часть определений и формулировок.⁶ Как в свое время Буало, считавшийся во Франции «*le législateur du Parnasse*», теперь в роли «законодателя Парнаса» перед русской литературной общественностью выступает Сумароков. Можно было бы и назвать его: «русский Буало».⁷

Это соответствует и его собственному замыслу. Возникает вопрос, правомерно ли это притязание с историко-литературной точки зрения. Соответствует ли оно той оценке, какую получила эпистола «О стихотворстве» у современников и ближайших потомков? Такое исследование не только поможет определить место Сумарокова в литературной жизни эпохи, но и станет шагом к изучению самой этой жизни, т. е. тех условий, которые тогда определяли литературную коммуникацию и восприятие художественного произведения. Решающую роль тут играют принципы классицистической

⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: (1725--1800). М. 1966. Т. 3. С. 184. Ср., например, издание оды Ломоносова «...» на «...» праздник восшествия 1747 г., насчитывающее 124 экземпляра; его «Ода ...на праздник рождения <...> 1746 г.» вышла в 200 экземплярах (там же. С. 173, 170).

⁵ Lang D. M. Boileau and Sumarokov. The Manifesto of Russian Classicism // The Modern Language Review. 1948. № 43. P. 500—506. Такую формулировку употребляет и Г. Н. Поспелов (Сумароков и проблема русского классицизма // Учен. зап. Московского университета. Вып. 127. Тр. каф. рус. лит. М., 1948. Кн. 3. С. 221).

⁶ Lang D. M. Boileau and Sumarokov. Ср. Песков А. М. 1) Сумароков и Буало // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1982. Ч. 2. С. 73—77; 2) Буало в русской литературе XVIII—первой трети XIX в. М., 1989. С. 25.

⁷ Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года // Рус. литература. 1964. № 7. С. 102; Песков А. М. Сумароков и Буало. С. 74.

доктрины, прежде всего учение о подражании образцовым авторам и эстетика жанров, но не менее важны и такие психологические моменты, как ожесточение борьбы между литературными партиями и личное соперничество авторов. Для понимания того, как современники воспринимали сумароковскую эпистола «О стихотворстве», нужно представить, каким образом эти условия взаимодействовали друг с другом. Нужно показать, как современники реагировали на эпистола Сумарокова, какое место занимала она в их сознании — как она, превращаясь в «эстетический объект»,⁸ отделилась от авторского замысла и получила свою собственную, весьма скромную, жизнь в истории русской литературы.

Плагиат?

Сумароков не был в России первым, кто выступил как теоретик и учитель поэзии. Рукописные поэтики создавались с XVII в. в Киевской духовной академии, позднее — в духовных училищах Восточной России.⁹ Языком первых поэтик была латынь, и связаны они еще были со стилем барокко. При этом направленность их определялась главным образом требованиями духовного образования. В 1735 г. Тредиаковский публикует «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», выдержанный уже в духе классицизма; переработанное новое издание появилось в 1752 г.¹⁰ За два года до этого, в 1750 г., тот же Тредиаковский обратился к Сумарокову с полемическим «Письмом <...> от приятеля <...> к приятелю». Этот трактат вызван ожесточенными нападками Сумарокова на Тредиаковского в эпистолах и других сочинениях.¹¹ Наряду с выяснением эстетических вопросов здесь сводятся личные счёты.

⁸ Ср. *Mukařovský J. Umění jako semiologický fakt // Mukařovský J. Studie z estetiky. Praha, 1966. S. 86* и др. работы того же автора. В связи с методологией данной работы ср. еще: *Vodička F. Konkretizace literárního díla. Problematika ohlasu nerudova díla // Vodička F. Struktura vývoe. Praha, 1969. С. 193—219; Grimm G. Einführung in die Rezeptionsforschung // Literatur und Leser: Theorien und Modelle zur Rezeption literarischer Werke. Stuttgart, 1975. S. 11—84; Kořny W. A. S. Griboedov — Poet und Minister: Die zeitgenössische Rezeption seiner Komödie «Gore ot uma» (1824—1832). Berlin, 1985. S. 23—30. («Prädispositionen des Publikums»).*

⁹ *Łuźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska: Z dzieów zwjazków kulturalnych Polsko—woschodniosłowianskich XVII—XVIII w. Kraków, 1966; Lewin P. Wykłady poetiki w uczelniach rosyskich XVIII w. (1722—1774) a tradicje polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.*

¹⁰ *Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы <...> СПб., 1752. Т. 1. С. 93—155.*

¹¹ *Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х—начале 1750-х годов // Russian Literature, 1992. № 31. С. 133—271*

Острая критика, которой Третьяковский подвергает деятельность своего младшего соперника, метит не только в его театральные произведения и одическую поэзию, но и в обе эпистолы. Он утверждает, что Сумароков — плагиатор: «Эпистола о стихотворстве Руском вся Боало Деврова. В Эпистоле об языке Руском почитай всех чужие мысли». ¹² В том же году Сумароков пишет свой «Ответ на критику». По его словам, он подражал Буало так же, как последний подражал знаменитому образцу «Ars poetica» Горация. Далее говорится: «Боало взял не все из Горация, а я не все взял из Боало. Кто захочет мою эпистолу сличить с Боаловыми о стихотворстве правилами, тот ясно увидит, что я из Боало, может быть, не больше взял, сколько Боало взял из Горация, а что нечто из Боало взято, я в том и заператься никогда не хотел». ¹³

Когда Сумароков ссылается на пример Буало, — это не одно самооправдание. Как уже отмечалось, его можно упрекнуть во множестве буквальных совпадений с «Поэтическим искусством». Но то же самое можно сказать и о Буало по отношению к Горацию: «Сравнение текстов показывает, что у Буало содержится около 150 заимствований». ¹⁴ Согласно другому подсчету, Буало заимствовал 100 стихов из Горация; ¹⁵ по его собственному признанию, их 50. ¹⁶ Так же как Сумароков, Буало подвергался упрекам в плагиате со стороны своих современников. ¹⁷

Не менее основателен и другой пункт оправдания Сумарокова. Несмотря на все совпадения с «Поэтическим искусством», различия значительны по существу. Достаточно нескольких примеров. ¹⁸ Свою поэтику Буало обращает к людям «хорошего общества» (*honnêtes gens*). Это образованные, если не ученые, адресаты. В алфавитном

¹² Третьяковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писано от приятеля к приятелю. 1750. В Санкт-Петербурге // Сборник материалов для истории Императорской академии наук в XVIII веке / Изд. А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 441.

¹³ Сумароков А. П. Стихотворения. Л., 1935. С. 363.

¹⁴ Buck A. Zur Einführung // Boileau N. L'art poétique. München, 1970. S. 24

¹⁵ Bray R. Boileau: L'homme et l'œuvre. Paris, 1962, P. 74.

¹⁶ Hervier M. L'Art poétique de Boileau: Etude et analyse. Paris, 1949. P. 23. Автор ссылается на предисловие Буало к первому изданию «Поэтического искусства».

¹⁷ Некоторые свидетельства этого мы находим в школьном издании «Поэтического искусства» из серии «Classiques Larousse»: Boileau. Le lutrin. L'Art poétique. Paris, [6. г.]. P. 113 и сл.

¹⁸ Cp. Klein J. Sumarokov und Boileau: Die Epistel «über die Verskunst» in ihrem Verhältnis zur «Art poétique»: Kontextwechsel als Kategorie der vergleichenden Literaturwissenschaft // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1990. № 50. S. 254—340.

комментарии, который Сумароков прилагает к своей эпистоле, он ориентируется на читателя, лишенного элементарных познаний в истории литературы. Буало заботится об учтивости и изящной гладкости. Сумароков — груб; он выбирает тон, не терпящий никаких возражений. Различны также представления о поэте и поэзии. Соотношение образованности и таланта, характеризующее идеального поэта, определено Сумароковым иначе, чем Буало: для него образованность важнее таланта¹⁹. Сумароков — эстетический доктринер: поэзия должна прежде всего быть «правильной». Принцип «*plaire*» (нравиться), имеющий у Буало особенное значение, для Сумарокова важен лишь в пасторальной поэзии. Другое различие касается литературной пристойности. Защищая «*bienséances*» (приличия), Буало многократно выступает против вульгарности в поэзии. И в этом отношении Сумароков занимает другую позицию, что особенно проявляется в пассаже о ирои-комической поэме. Можно было бы продолжать эту тему. Но, кажется, уже очевидно, что зависимость Сумарокова от Буало не так велика, как утверждал Тредиаковский.

Помимо морального аспекта упрека в плагиате Тредиаковский подчеркивает у Сумарокова недостаток изобретательности и воображения. В его «Письме» особенное звучание получают такие ключевые слова, как «вымысел» и «изобретение». Однако в классицистическом учении о поэзии, на которое Сумароков мог опереться так же, как Буало, «*imitatio*» (подражание) ценится больше, чем «*inventio*» (изобретение).²⁰ Эстетика европейского классицизма ориентируется на идеал вневременного совершенства, которое может быть достигнуто лишь через подражание образцовым произведениям. Но литературное подражание — это одновременно и соревнование: все дело в том, кто ближе подойдет к эстетическому идеалу. Такое соревнование возможно лишь тогда, когда автор следует своему образцу не слепо, но проявляя определенную самостоятельность. Удачное «*imitatio*» предполагает какую-то меру «*inventio*». Правда, тут нельзя провести четких границ, и литературной критике открывается широкое поле действия: можно поставить авторам в упрек недостаток воображения, не ставя под сомнение обязательность подражания. Ситуация меняется лишь в конце XVII века. В споре «древних» и «новых» (*Querelle des anciens et des modernes*) «новые» отрицают образцовость античных авторов и бо-

¹⁹ Песков А. М. Буало в русской литературе. С. 28.

²⁰ Bray R. La formation de la doctrine classique en France. Paris, [6. г.] P. 159—190; Гуховский Г. А. К вопросу о русском классицизме: Состязания и переводы // Поэтика: Сб. статей. Л., 1928. Т. 3. С. 126—148.

ются за оригинальность в специфической форме нового времени. Это приводит к отказу от «imitatio» во имя «inventio»: традиционное и образцовое утрачивает свой авторитет.²¹

Антитрадиционное направление не чуждо русской культуре XVIII в., скорее напротив. Начиная с Петровской эпохи делаются попытки порвать с национальной традицией, которая теперь в свете «разума» и «просвещения» кажется воплощением невежества и тьмы. Но это удаление от своей традиции выражается как раз в ориентации на чужую традицию — на традицию западноевропейской культуры, к которой обращаются теперь зачастую односторонне и некритично. Кажется, правда, что Ломоносов в духе картезианства выступает против всякой традиционности. Он предостерегает от эпигонства, призывая полагаться на свой собственный разум.²² Однако Ломоносов здесь имеет в виду не литературу, а естественные науки. В литературной практике у него не возникает никаких сомнений, нужно ли подражать образцам (Гюнтер, Малерб).

Итак, принцип подражания в эстетике русского классицизма не знает кризиса — все дело в том, чтобы следовать «правильным», т. е. западноевропейским, образцам. Спорна лишь мера самостоятельности, которую должен проявить подражающий автор. В литературной полемике середины века упрек в плагиате — излюбленное оружие. Ломоносова обвиняют в том, что он «Гинтера и многих обокрал», а И. П. Елагина в том, что он «украл» строчки из Буало. Другой критик бросает Елагину тот же упрек: у Буало Елагин будто бы перенял не только мысли, но и самые «речи» — автору же, претендующему быть творцом, подобное не позволительно. Но этому критику не приходит в голову осуждать всякое подражание: заслуживает осуждения лишь тот, кто выдает подражание за собственное творчество.²³ Как всегда, спор заостряется на частностях; принципиальный же отказ от имитации немислим для русского классицизма. Если подобное требование выдвигается, то лишь затем, чтобы настоятельнее подчеркнуть значение этого принципа: «Имитация или подражание есть лучшая Стихотворства добродетель».²⁴ Эта

²¹ Kortum H. Charles Perrault und Nicolas Boileau: Der Antike-Streit im Zeitalter der klassischen französischen Literatur. Berlin, 1966. S. 93—94.

²² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., Л., 1952. Т. 3. С. 258.

²³ Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 388, 392, 380 (примеч. 1).

²⁴ Это замечание мы находим в сатирическом журнале, однако высказано оно вполне серьезно. Оно вложено в уста человека, «довольно учившегося, и в науках упражняющегося, который видел и знает свет» (см.: Адская почта, или Переписка Храмоногаго с Кривым. Ежемесячное издание 1769 года. Месяц ноябрь. С. 272, 266). Ссылка на доктрину подражания должна была оградить «господина Сумарокова» (Г. С.) от упреков в подражании «в некоторых местах» Расину. Принцип имита-

мысль разделяется и Тредиаковским — как в теории,²⁵ так и на практике. Его ода на сдачу города Гданьска (1734) создана по образцу знаменитой оды Буало на покорение Намюра; Тредиаковский подчеркивает это в теоретическом введении к ней.²⁶ В свою очередь, это введение следует «Рассуждению об оде» (*Discours sur l'ode*), которое предпослал Буало своей оде.

Тот успех, которым в России XVIII в. пользовался принцип имитации,²⁷ в значительной мере объясняется языковой ситуацией. В этом отношении особенно показательно одно высказывание Сумарокова. Ломоносов упрекнул его в том, что многие места его трагедий буквально взяты из французских авторов. Сумароков отвечает: «Правда, я брал нечто, и для чего то не сделать по-русски, что на французском языке хорошо. В том только сила, хорошо ль я то по-русски сделал. Я ж не для того брал, чтоб мне то за свое положить, и ни от кого оно не утаивал, но еще и показывал. Я ж нарочно брал те стихи, которые многим знакомы, чтоб показать хорошо ль то в русском языке будет.»²⁸ Если применить это высказывание к эпистоле «О стихотворстве», становится ясно, что Сумароков в ней обращался к разным категориям читателей: не только к тем, которым не знакомы азы истории литературы и на которых рассчитаны примечания, но и к образованным читателям, которые могли узнать заимствования из Буало и оценить их звучание на русском языке.

Возможность для самостоятельного творчества, которую Сумароков предусматривает при подражании, относится в первую очередь к языку. В России XVIII в. это достаточно важный аргумент. В это

ции отстаивается и Г. Н. Тепловым — см.: *Теплов Г. Н.* О качествах стихотворца рассуждение (1755) // *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л., 1936. С. 189—190. «Рассуждение» здесь приписывается Ломоносову. Иное мнение высказано А. Б. Модзалевским — см.: *Модзалевский А. Б.* Ломоносов и «О качествах стихотворца рассуждение»: Из истории русской журналистики 1755 г. // *Литературное творчество М. В. Ломоносова.* М.; Л., 1962. С. 133—162; с приведением новой аргументации см.: *Achinger G.* Der Autor der Abhandlung «О качествах стихотворца рассуждение» (1755) // *Zeitschrift für Slavische Philologie.* 1967. № 33. S. 331—353.

²⁵ *Achinger G.* Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften (1730—1780). Bad Homburg v. d. H.; Berlin; Zürich, 1970. S. 14—64.

²⁶ Рассуждение об оде вообще См.: *Тредиаковский В. К.* Ода торжественная о сдаче города Гданьска. СПб., 1734. С. 24—31.

²⁷ Об этом см. также: *Thiergen P.* Translationsdenken und Imitationsformeln: Zum Selbstverständnis der russischen Literatur des XVIII Jahrhunderts // *Arcadia: Zeitschrift für Vergleichende Literaturwissenschaft.* 1978. № 13. S. 24—39.

²⁸ *Сумароков А. П.* Критика на оду (до 1751) // *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. М., 1787. Т. 10. С. 91.

время русский литературный язык только еще формируется, и при языковом оформлении любого текста возникают величайшие трудности. В таких условиях любое словесное заимствование из западноевропейского автора может получить характер языкового эксперимента. Речь идет не только об искусстве автора, но и о равноценности нового русского литературного языка литературным языкам Западной Европы, в частности французскому (ср. эпистола «О русском языке» — I, 13—18). Характерна та высокая оценка, которую получает деятельность переводчика. Своими переводами Н. Н. Поповский снискал общее признание; его ценят наравне с Ломоносовым и Сумароковым.²⁹ Во вступлении к одному из своих переводов Тредиаковский может заявить, что «переводчик от творца только что именем разнится».³⁰ Все это применимо и к жанру переложения псалмов, называемому также «парафрастической» (или «духовной») одой». Однако в своем полемическом «Письме <...> от приятеля к приятелю» Тредиаковский считает возможным критиковать «парафрастическую оду» Сумарокова за ее зависимость от оригинала.³¹ Не остается сомнений: упрек в плагиате Тредиаковский бросает Сумарокову вопреки своим собственным убеждениям. Используя полемический штамп, он мстит за оскорбления и игнорирует эстетический принцип имитации, учитывать который было необходимо для беспристрастной критики.

Дидактическое стихотворение или сатира?

Другое положение классицистической поэтики касается эстетики жанров.³² Убежденно и независимо от Буало Сумароков в своей эпистоле «О стихотворстве», прежде чем приступить к характеристике отдельных жанров классицистического канона, формулирует главное правило этой эстетики — запрет на смешение жанров:

²⁹ Keipert H. N. N. Popovskijs «Pis'mo o pol'ze nauk» // Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa / Hrgb. H. B. Harder und H. Rothe. Gießen, 1978. S. 61—63.

³⁰ Предисловие к «Езде в остров Любви» (1730) // Тредиаковский В. К. Сочинения... СПб., 1849. Т. 3. С. 649.

³¹ Сборник материалов для истории Императорской академии наук в XVIII веке. Ч. 2. С. 441.

³² Гукровский Г. А. О русском классицизме // Поэтика: Сб. статей. Л., 1929. Т. 5. С. 21—65

Знай в стихотворстве ты различие родов
И, что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым твоим успехом:
Слезами Талию, а Мельпомену смехом.
(II, 53—57)

В литературном сознании русского классицизма жанры предстают как самодостаточные и строго разграниченные между собой единства. Их каноны образуют тот нормативный фон, на который проецируется каждое отдельное произведение в процессе его эстетического восприятия. Эта жанровая эстетика стала теоретической предпосылкой целого ряда высказываний о сумароковской эпистоле.

Прежде всего здесь снова нужно назвать Тредиаковского. В 1748 г. петербургская Академия обратилась к нему, а так же к Ломоносову с вопросом о возможности публикации сумароковских эпистол. В результате Тредиаковский подготовил два отзыва,³³ второй относится к переработанной редакции эпистол. От этих отзывов Сумароков мог ожидать столь же мало хорошего, как и спустя два года от уже упоминавшегося «Письма <...> от приятеля к приятелю». Правда, до упрека в плагиате еще дело не доходит. В своем первом отзыве Тредиаковский порицает Сумарокова за то, что тот в своей эпистоле «О стихотворстве» не ограничивается упоминанием «пороков» в произведениях современных поэтов, но метит в самих авторов. В первую очередь Тредиаковский здесь имеет в виду, конечно, самого себя. Кроме того, и это принципиально, он подчеркивает, что нарушен принцип целостности жанра, так как произведение переходит в стихотворную сатиру. Действительно, обе эпистолы содержат ярко выраженное сатирическое начало, которое не исчерпывается нападками на Тредиаковского. Как раз в этом Сумароков и следует «Поэтическому искусству» (различие состоит в том, что сатирические выпады у него грубее и прямее, чем у Буало, сдерживаемого требованиями литературных «*bienséances*»). Как бы ни твердила теория о разграничении жанров, на практике границы далеко не всегда были четко определены, и это особенно относится к жанрам дидактического стихотворения, эпистолы и стихотворной сатиры.³⁴ Во втором отзыве Тредиаковский должен констатировать, что Сумароков пренебрег его замечаниями: в переработанном изда-

³³ Тексты опубликованы П. Пекарским в «Истории Императорской академии наук в Петербурге» (СПб., 1873. Т. 2. С. 131—132).

³⁴ *Jekutsch U.* Das Lehrgedicht in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1981 S. 66—73; см. также: *Песков А. М.* Буало в русской литературе. С. 24—25.

нии Сумароков не только не устранил выпадов против него, но даже усилил их. Теперь Третьяковский называет эпистолы «злыми сатирами», которые только по названию «эпистолы».

Это, конечно, преувеличено, ведь сумароковские эпистолы носят преимущественно дидактический характер. Однако и другие читатели видят в сумароковских эпистолах произведения скорее сатирического, чем дидактического жанра. Так, Ломоносов, не принадлежащий еще в это время к числу врагов Сумарокова, находит в его эпистоле много «изрядных стихов» и «правдивых правил о стихотворстве»,³⁵ но не останавливается на этом. Для него важнее сатирический элемент, о котором он говорит довольно подробно, защищая его от возможных критиков. Как дает понять Ломоносов, Сумароков не позволил себе ничего такого, чего бы не было у других авторов. Тут он должен был сослаться на Буало и его «Поэтическое искусство» как на очевидный образец сумароковской эпистолы. Но Ломоносов хочет найти прецедент в отечественной литературе и называет Кантемира; жанровым фоном, на который он проецирует сумароковские эпистолы, является, таким образом, не дидактическое стихотворение, а стихотворная сатира.

Совершенно из других, личных, побуждений Ломоносов читает эпистолы так же, как Третьяковский. Итак, мы видим, что в сознании читателей эпистола «О стихотворстве» не соответствует намерениям автора — как «эстетический объект» она порывает с автором всякую связь и получает свою собственную жизнь. Происходит перегруппировка компонентов, из которых строится произведение: дидактическое начало отходит на второй план, уступая место сатирическому. Речь идет о перемещении жанровой доминанты, обусловленном историей восприятия. Это подтверждается еще одним примером. К началу 1750-х гг. И. П. Елагин — восторженный приверженец Сумарокова. В 1753 г. он обращается к нему с эпистолой, распространявшейся в списках.³⁶ Это стихотворение привлекло большое внимание и вызвало ряд полемических ответов (некоторые из них уже упоминались в связи с вопросом о плагиате). Оно представляет собою еще один пример смешения жанров — эпистолы и сатиры. Главной его темой становится современный тип галломана, «петиметра». Но стихотворение начинается не как сатира, а как панегирическая эпистола — похвалой Сумарокову. В этом Елагин следует за Буало, за его аналогично построенной II сатирой.³⁷

³⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 621.

³⁶ Эпистола г. Елагина к г. Сумарокову // Поэты XVIII века. Т. 2. С. 372—377.

³⁷ Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года. С. 102.

В прямом обращении Сумароков восхваляется как автор трагедии «Семира» (1751) и ставится на одну ступень с Расином. В той же строке Елагин хвалит своего адресата и как достойного последователя Буало:

Наперсник Боалов, российский наш Расин,
Защитник истины, гонитель злых пороков...

Конструкция этого места неудачна. Связь между вторым стихом и предшествующим оборотом «Наперсник Боалов» прерывается обращением «российский наш Расин», вероятно, из соображений, связанных с техникой стиха. После того как Сумароков, автор трагедии «Семира», определен как «российский наш Расин», он опять уподобляется Буало: он выступает «защитником истины» и «гонителем злых пороков», другими словами — сатириком.

Представление о «русском Буало» тут получает неожиданный смысл и нуждается в пояснении. Какие произведения Буало имеются в виду? Можно допустить, что Елагин подразумевает не сатирические места «Поэтического искусства», а стихотворные сатиры Буало, второй из которых он подражает сам. Ведь сатирические элементы «Поэтического искусства», представляющие собою вмешательство Буало во французскую литературную полемику XVII века, были мало актуальны для русской публики. Правда, отзыв его сатиры мы улавливаем в эпистоле «О стихотворстве», в местах, где Сумароков подхватывает полемику Буало и критикует Прадона и Шапле (II, 7). Но Буало, автор «Поэтического искусства», для русской публики в первую очередь не сатирик, а глашатай вневременной литературной доктрины — как раз тот законодатель Парнаса, за которого он слы во Франции.³⁸

Репутация же Сумарокова, автора эпistolы «О стихотворстве», была совсем иная. Да, и Сумароков, подобно Буало, был автором стихотворных сатир, но не в то время, о котором идет речь, а значительно позднее. Его первая стихотворная сатира «Кривой толк» появилась в 1759 г.,³⁹ и нет оснований предполагать, что Сумароков обращался к этому жанру раньше. Когда Елагин видит в Сумарокове автора, воспринявшего наследие Буало-сатирика, он имеет в виду не стихотворные сатиры, а эпistolы 1748 г., в частности эпistolу «О стихотворстве». Как автор этой эпistolы, Сумароков для Елагина не провозвестник поэтической доктрины, а «гонитель

³⁸ Ср. русские отзывы о Буало, приводимые А. М. Песковым во введении к его книге.

³⁹ *Schroeder H. Russische Verssatire im 18. Jahrhundert.* Köln; Graz, 1962. S. 143 (примеч. 2); *Степник Ю. В. Русская сатира XVIII века.* Л., 1985. С. 91.

злых пороков». Слово «пороки» известно из отзыва Третьяковского. Здесь, как и там, оно употреблено не в моральном, а в литературно-критическом значении,⁴⁰ так же как употреблялось французское «vice»⁴¹ или латинское «vitium».⁴²

Эпистола Сумарокова воспринимается как литературная сатира, острая которой направлено против ошибок («пороков») или нарушений поэтами классицистических правил. Доказательством этого может служить и следующий пример. В своей II сатире Буало обращается к Мольеру и не без зависти восхищается эlegantностью его рифм.⁴³ Почти с теми же словами Елагин обращается к Сумарокову (чем он и вызывает цитированный уже упрек в плагиате): Сумароков, мол, заслуживает тех же похвал, что и Мольер. Елагин хвалит легкость, с какой Сумароков находит свои рифмы, «не потея» при этом (ст. 11). И образ потеющего над рифмами поэта заимствован из II сатиры Буало (ст. 19), который в свою очередь подражает Горацию.⁴⁴ Этот образ, использованный Буало и Елагиным как шутовское самоуничтожение, мы встречаем и в эпистоле «О стихотворстве». Однако здесь отсутствует шутовской тон — Сумароков нападает на бесталаных поэтов, которые при поиске рифм «струями пот прольют» (II, 42). Можно предполагать, что Сумароков позволяет себе здесь намек на Ломоносова, на неудачную рифму «Россия — Индия» в оде 1747 года.⁴⁵ Как раз эту рифму использует далее Елагин в качестве примера плохой рифмы (ст. 89—90). Итак, образом потеющего рифмоплета Елагин намекает не только на II сатиру Буало, но одновременно и на сумароковскую эпистолу, которая снова оказывается в ассоциативном поле сатирического жанра — того именно жанра, на который и сам Сумароков ссылается, заимствуя образ потеющего поэта из II сатиры Буало.

⁴⁰ В моральном значении это же слово употреблено в конце эпistolы Елагина (стих 145). Это прямое и традиционное значение слова «порок». Ср.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1902. Т. 2. С. 1211.

⁴¹ *Furetiere A. Dictionnaire universel... La Haye; Rotterdam, 1694. Т. 2. Р. 634.* У И. И. Срезневского это значение не указано. Ср. также: *Алексеев П. Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних... СПб., 1794. Т. 2. С. 333; Словарь Академии российской. СПб., 1822. Т. 5. Ст. 6.*

⁴² *Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. Registerband; München, 1960. S. 842.*

⁴³ *Boileau. Oeuvres complètes. Paris, 1966. S. 17.*

⁴⁴ *De arte poetica. V. 240; Horaz. Sämtliche Werke. Lateinisch und deutsch. München, 1957. Teil II. S. 244.*

⁴⁵ *Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. 1959. Т. 8. С. 203.* См. комментарий к этому стихотворению М. И. Сухомлинова в изд.: *Ломоносов М. В. Сочинения. СПб., 1891. Т. 1. С. 295—296.* Открытую критику этой рифмы мы находим в уже цитированной статье А. П. Сумарокова «Критика на оду» (до 1751) (*Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Т. 10. С. 91*).

В сущности, Елагин читает эпистолу «О стихотворстве» так же, как Третьяковский и Ломоносов, т. е. не как образцу дидактической поэзии, а как сатиру. В атмосфере полемики, характерной для литературной жизни России середины XVIII века, это было естественно. Такому прочтению способствовала нечеткость жанровых границ между дидактическим стихотворением и сатирой. Есть еще одна причина. Своим сжатым изложением классицистической поэтики Сумароков стремится повлиять на взгляды современников. Но основы этого учения были неизвестны в России лишь той необразованной части литературной публики, к которой обращены примечания в конце сумароковской эпистолы. Читатели же, имевшие возможность сопоставить эту эпистолу с текстом Буало и оценить ее язык в сравнении с французским оригиналом, как раз с классицистической доктриной были знакомы: ее основные черты были известны не только из «Поэтического искусства», но и из других произведений французского⁴⁶ и немецкого (Готшед) классицизма. Хотя Сумароков в целом ряде пунктов отходит от учения Буало, он делает это как бы естественно, избегая, всякий раз вступать в полемику с ним. Здесь нет никакого стремления к спору. Иное дело — эпистола «О русском языке». В ней Сумароков настоятельно рекомендует поэтам использовать выразительные возможности церковнославянского языка (I, 132 и сл.), прекрасно сознавая при этом, что выступает против господствующего мнения (I, 120 и сл.).⁴⁷ Его эпистола «О русском языке» — самостоятельная трактовка спорного вопроса. Она и была серьезно воспринята Третьяковским: несмотря на то что его упрек в плагиате относится и к этой эпистоле, со взглядами Сумарокова на язык он впоследствии нередко полемизирует.⁴⁸ Иначе обстоит дело с эпистолой «О стихотворстве». В теоретическом отношении она явно не претендует на самостоятельность. Правда, то же самое можно сказать и о ее образце: основные положения «Поэтического искусства» Буало во Франции 1670-х гг. были давно известны. Однако для французского читателя они впервые были изложены с таким стилистическим совершенством: Буало владел искусством афористически сжатой и меткой формулировки, и этот дар в значительной степени содействовал успеху «Поэтического искусства» у современников и потомков. Сумароков таким талантом не обладал. Обороты Буало стали пословицами не только во Фран-

⁴⁶ Achinger G. Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts.

⁴⁷ Подробнее см. Klein J. Sumarokov und Boileau... S. 292—295.

⁴⁸ Успенский Б. А. К истории одной эпиграммы Третьяковского: (Эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // Russian Linguistics. 1984. № 8. P. 90 и сл., 109, 93 (примеч. 13), 114 (примеч. 38).

ции, но и в России.⁴⁹ Первые русские поэты, которые в этом отношении могли соперничать с Буало, — это Крылов и Грибоедов. Если сумароковская эпистола «О стихотворстве» чем-нибудь и привлекала русского читателя XVIII в., то не своей теоретической оригинальностью или изяществом своего стиля, а своим сатирическим темпераментом, причем другие элементы эпistolы воспринимались как своего рода нейтральный фон.

Неизвестное произведение?

Для Елагина Сумароков, как автор эпistolы «О стихотворстве», — прежде всего сатирик, достойно продолживший традицию стихотворных сатир Буало. Именно это имел в виду Елагин, говоря о «наперснике Буало», и именно это вызвало возражения современников.

Один из стихотворных откликов на елагинскую эпistolу написан анонимом, который снабдил свой текст обширными подстрочными примечаниями.⁵⁰ Этот автор не был противником Сумарокова, скорее напротив. Однако он не согласен с преувеличенной похвалой Елагина, ему важна точность литературной оценки. Как создателя «сладкой» трагедии «Семира», Сумарокова, считает он, можно по праву сравнить с Расином.⁵¹ Но сопоставление с Буало ему кажется неуместным. По мнению этого анонима, Сумароков, так же как и Расин, — мастер любовной темы; сатириком же, подобным Буало, он не смог бы стать: «он нежностей писатель, сатиром не бывал». Автор имеет в виду стихотворную сатиру, и согласно буквально понятой поэтике жанров его мнение трудно опровергнуть. Тем не менее удивительно, что автору не приходит в голову, что Сумароков в 1748 г. опубликовал две эпistolы в ярко выраженном сатирическом тоне. Придерживается ли он педантично формальной стороны жанровой поэтики? Может ли он, в обширных примечаниях обнаружив свою начитанность, не знать эпistol? Но если он и знает их, то они для него так заслонены мастерством Сумарокова в трактовке любовной темы, что он их не принимает во внимание.

⁴⁹ Песков А. М. Буало в русской литературе. С. 15.

⁵⁰ Эпистола к творцу сатиры на петиметров // Поэты XVIII века. Т. 2. С. 380—384.

⁵¹ Педантичная аргументация этого анонима позволила И. З. Серману высказать предположение, что автором эпistolы был Тредиаковский. Однако Тредиаковскому не свойственно сравнивать своего противника с Расином. Тредиаковский принял участие в полемике 1753 г., но другими стихотворениями — см. «Возражение на сатиру» и «Ответ Тредиаковского на Ломоносова» (Поэты XVIII века. Т. 2. С. 386—388). В «Возражении» Тредиаковский оспаривает елагинское сравнение Сумарокова с Расином; кроме того, он выступает и против уподобления Сумарокова Буало (ст. 5).

Подобный взгляд разделяет и Ломоносов, но по другим причинам. О том благоволении, какое он оказывал Сумарокову в 1748 г., не может быть речи в 1753 г. Ломоносова раздражают похвалы, расточаемые Елагиным его младшему сопернику. По инициативе высокопоставленного покровителя он пишет ироничное письмо в прозе, обращенное к широкой публике. Это письмо протеста, распространявшееся, так же как вся полемика 1753 г., в списках. В первую очередь оно направлено против Елагина, но расчет был и на то, чтобы уязвить Сумарокова.

Прежде всего Ломоносов обращает внимание на якобы неудачную формулировку Елагина. В лестном для Сумарокова выражении «наперсник Буало» Ломоносов усматривает непровольную двусмысленность. Как известно, русское слово «наперсник» — театральный термин. В трагедии наперсник является доверенным лицом героя и, как правило, занимает более низкое социальное положение. Играя на многозначности слова «наперсник», Ломоносов использует возможность заведомо неправильно понять Елагина и показать его стилистическую беспомощность — Елагин, мол, скорее повредил своему адресату, чем принес ему пользу: «Кто бы Расина назвал Буаловым наперсником, то есть его любимым прислужником, то бы он едва потерпел, дивно, что Александр Петрович сносит». ⁵² (Так же считает и анонимный оппонент Елагина, но без всякой иронии в адрес Сумарокова). ⁵³ Критика Ломоносова направлена в то же время и против самого существа елагинской похвалы. Мы находим это место в варианте ломоносовского письма, не вошедшем в его собрание сочинений. Было бы неверным, сказано там, поставить Сумарокова и Буало на одну ступень, ибо Буало, в противоположность Сумарокову, «ни трагедий, ни песенок не делал затем, что не умел, а особливо по-русски! Как же его сверстать с Александром Петровичем? Истинно обида». ⁵⁴

Под «песенками», о которых так пренебрежительно говорит Ломоносов, подразумевались любовные песни — благодаря им Сумароков в 1740-х гг. снискал большой успех. Как намекает Ломоносов, Буало должно бы быть стыдно, если бы ему приписывали такие произведения, как трагедии и песни Сумарокова. Перечисляя жанры сумароковского творчества, он, таким образом, не видит никаких оснований рассматривать последнего как «русского Буало». Однако Ломоносов очень хорошо знал, что Сумароков кроме песен и трагедий написал две эпистолы 1748 г., и прежде всего — эпистолу

⁵² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 493.

⁵³ Поэты XVIII века. Т. 2. С. 381 (примеч. 3).

⁵⁴ Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года. С. 101.

«О стихотворстве», с которой Сумароков выступил как законодатель русской поэзии и последователь Буало. Ведь в свое время Ломоносов определил обе эпистолы как содержащие «много изрядных стихов» и «правдивые правила». Возможно лишь одно объяснение ломоносовской забывчивости. Точно так же, как прежде Ломоносов намеренно превратно толкует похвалы Елагина, так и здесь он просто игнорирует факт выступления Сумарокова как автора русского «Art poétique». Находясь под впечатлением похвал, расточаемых Елагиным его сопернику, он тем более не хочет признать притязаний Сумарокова на роль законодателя русского классицизма. Учитывая успех, выпавший на долю песен и трагедий Сумарокова, Ломоносов не может не упомянуть их, хотя бы пренебрежительно; что же касается эпистолы «О стихотворстве», он считает возможным о ней умолчать. Как показывает реакция анонимного автора, этот расчет не был лишен оснований. Успех, выпавший на долю «нежных» сочинений Сумарокова, повредил ему как автору дидактической эпистолы «О стихотворстве».

Сумароков и Буало: «манифест русского классицизма»

Эпистола Сумарокова не встретила в русской публике того отклика, на который рассчитывал автор. Нельзя не заметить несоответствия между желаемым и реальным восприятием. Это несоответствие выражается по-разному. Своим подражанием «Поэтическому искусству» Сумароков вступает в поэтическое соревнование с Буало. При этом для Тредиаковского он остается только плагиатором. По образцу «Поэтического искусства» Сумароков вносит в свою эпистолу элементы сатиры. Это приводит к тому, что ее дидактическое содержание, уже известное в России, не привлекает к себе никакого внимания. Даже и благожелательные читатели чувствуют в эпистоле иной жанровый характер, чем тот, который был ей первоначально задан, — они воспринимают ее в ключе не дидактической поэзии, а сатиры. Сумароков имел все основания почувствовать себя непонятым. Только годы спустя, когда давно утихли споры середины века, пришло к нему запоздалое признание, о котором едва ли он знал.

М. Н. Муравьев, как известно, — видный писатель русского сентиментализма. Однако в начале своего поэтического пути он выступал как классицист. Между 1775 и 1780 гг. (Сумароков умер в 1777 г.) Муравьев пишет свой «Опыт о стихотворстве». Этот образец дидактической поэзии не был опубликован при жизни автора. Между прочим в нем есть и такие строки:

Каких красот искать и убегать пороков,
Вам скажет Буало, Гораций, Сумароков.
Вникайте, тщательно учась в писаньях их,
Как можно образцов достигнуть вам своих.⁵⁵

Любителям поэзии рекомендуется почитать «Буало, Горация, Сумарокова». При перечислении этих имен Муравьев нарушает историческую последовательность. Это вызвано не только требованиями метра, но и классицистическим пониманием искусства. Поскольку в произведениях названных авторов осуществляется принцип вневременной истины и эстетического совершенства, постольку хронология теряет свое значение. Усердное изучение образцовых авторов, полагает молодой поэт, может научить, каких следует «искать красот», каких избегать «пороков» (так же как у Тредиаковского и Елагина, слово «порок» употреблено Муравьевым в своем литературно-критическом, а не моральном, значении). Кто следует этому совету, тот сам сможет достигнуть совершенства образца. Опять становится понятным, насколько авторитетна была доктрина подражания в русском классицизме. В то же время проясняются и намерения самого Муравьева: своим «Опытом о стихотворстве» он вступает в поэтическое состязание с Горацием, Буало и Сумароковым.

Для Муравьева Сумароков классик стихотворной поэтики, стоящий на одном уровне с Горацием и Буало. Сегодня это звучит абсурдно: имена Горация и Буало на протяжении столетий окружены мировой славой; о Сумарокове этого нельзя сказать. Если эпистола «О стихотворстве» знала успех, то только скандальный, который Сумароков снискал благодаря своей склонности к сатире. Но и эта «слава» была недолговечна. Когда годы спустя заходит речь об образцовых создателях дидактических стихотворений, в том числе и стихотворных поэтик, то кроме Горация называют Вергилия, Буало, Попа и др., из русских авторов, возможно, Хераскова, но никогда Сумарокова.⁵⁶ Его эпистола «О стихотворстве» лишь изредка цитируется⁵⁷ — несомненно, ее быстро постигло забвение. Сумароков как будто это предвидел. Учитывая определенные тенденции, грозившие классицизму, он счел необходимым в 1774 г. опубликовать обе эпистолы 1748 г. в новой, сокращенной, редакции, как и преж-

⁵⁵ Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 132.

⁵⁶ Jekutsch U. Das Lehrgedicht in der russischen Literatur. S. 52 ff.

⁵⁷ Примеры ее цитации мы находим в: Achinger G. Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik. S. 175 (В. И. Лукин); Томашевский Б. В. Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л., 1926. С. 18 (Пушкин).

де отдельным изданием, увеличив тираж до 1200 экземпляров.⁵⁸ Нужно было снова напомнить забывчивому читателю о принципах «правильной» поэтики.

Будучи автором прославленных трагедий, Сумароков в течение многих лет ценился своими современниками как «русский Расин». ⁵⁹ Но как автор эпистолы «О стихотворстве» он не стал «русским Буало», русским «законодателем Парнаса». Если кто и сравнивал его с Буало, то имел в виду не его стихотворную поэтику, а его сатиры.⁶⁰ В «Пантеоне российских авторов» Карамзин говорит, что в свое время Сумарокова считали не только «северным Расином», но и «нашим Буало». ⁶¹ Однако неясно, какие жанры имеются в виду. Высокий титул «русского Буало» вполне мог быть отнесен и к другим авторам — к Дмитриеву, Фонвизину, Вяземскому, прославленным стилистам и сатирикам.⁶²

Историко-литературное исследование восприятия эпистолы «О стихотворстве» читателями XVIII—начала XIX в. убеждает в том, что не может быть речи об «огромном значении» этого литературного манифеста русского классицизма.⁶³ Если и был такой манифест, то автор его не Сумароков, а Буало. И первым доказательством того значения, какое приобрело его «Поэтическое искусство» не только в Западной Европе, но и в России, служит сама эпистола «О стихотворстве». Четыре года спустя Тредиаковский опубликует стихотворный перевод «Поэтического искусства» (а к нему приложит свой же прозаический перевод горадиева «Ars poetica»). Как подчеркивает Тредиаковский в своем предисловии, этот перевод рассчитан на сравнение с оригиналом — с произведением, для «большой части» читателей «известнейшим». Главное и тут — вопрос о языке. Своим переводом Тредиаковский хочет доказать, что в рамках его собственной лингвистической концепции, сильно отличающейся от концепции Сумарокова, русский литературный язык может функционировать не хуже (или даже лучше) чем язык фран-

⁵⁸ Наставление хотящим быти писателями от Александра Сумарокова. СПб., 1774; ср.: Сводный каталог... Т. 3. С. 187.

⁵⁹ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 207; Евгений (Болховитинов), митрополит. Словарь русских светских писателей. М., 1845. С. 186.

⁶⁰ И. Рудаков в стихотворении, помещенном в «Словаре» Новикова; Сумароков здесь и назван «северным Расином» — См.: Новиков Н. И. Опыт исторического словаря. С. 194.

⁶¹ Карамзин Н. М. Пантеон российских авторов. М., 1806. С. 24.

⁶² Песков А. М. Буало в русской литературе. С. 45, 65, 66.

⁶³ Поспелов Г. Н. Сумароков и проблема русского классицизма. С. 221.

цузский.⁶⁴ Кроме того, можно предполагать, что перевод этот был задуман Тредиаковским как полемический отклик на эпистолу Сумарокова:⁶⁵ не Сумароков должен стать в России преемником знаменитого француза, а он, Тредиаковский. Своего младшего соперника он не удостаивает ни словом; зато он очень высоко оценивает Буало: «...поистине, все, что ни сочинил Буало, есть исправное и удивительное; но Наука его Пиитическая, кажется, пред всем находится превосходная, как в рассуждении состава стихов и чистоты языка, так и в рассуждении порядка и правил, в ней предлагаемых».⁶⁶

И спустя десятилетия Буало остается в России не только образцовым поэтом, но и авторитетом в теории литературы. В 1781 г. В. В. Капнист пишет вместе с И. И. Хемницером письмо Г. Р. Державину. В нем свои литературные разногласия они стараются разрешить ссылкой на «свят. Буало».⁶⁷ Иронический тон должен был смягчать ученый педантизм, но авторитет Буало не подвергается никакому сомнению. Такие отсылки к Буало стали в России своего рода традицией. В своем разборе поэмы Пушкина «Цыганы» Вяземский опирается на учение Буало — скорее почтительно, чем иронично, он называет его «сим Магомедом классического Корана». В другом месте он говорит о «законодателе новейшей поэзии»; «Поэтическое искусство» он, ссылаясь на Пушкина, называет «французским Кораном».⁶⁸ В 1825 г. Пушкин сам использует это выражение, употребив его в ходе полемики в смысле, скорее отрицательном.⁶⁹ Однако позднее это не мешает ему с легкой иронией, но почтительно воздать должное «поэту-законодателю».⁷⁰

Перевод Н. Ю. Алексеевой

⁶⁴ О лингвистических идеях, отстаиваемых Тредиаковским в это время, см.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века, М., 1985. С. 158—199.

⁶⁵ Песков А. М. Буало в русской литературе. С. 13.

⁶⁶ Тредиаковский В. К. К читателю // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы. Т. 1. С. II, I—II.

⁶⁷ Капнист В. В. Собр. соч.: В 2 т. М., Л., 1960. Т. 2. С. 258.

⁶⁸ Вяземский П. А. Сочинения. М., 1982. Т. 2. С. 113 («Поэма Пушкина»), 124 («Сонеты Мицкевича»). О восприятии Вяземским Буало см.: Песков А. М. Буало в русской литературе. С. 97—99.

⁶⁹ Ср. с не опубликованным при жизни Пушкина фрагментом статьи «О поэзии классической и романтической». Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1949. Т. 11. С. 38. О восприятии Пушкиным Буало см.: Томашевский Б. В. Пушкин и Буало; Песков А. М. Буало в русской литературе. С. 14.

⁷⁰ Ср. восходящий к 1830 г. вариант поэмы «Домик в Коломне» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1948. Т. 5. С. 377) и его незавершенную эпистолу к Буало «Французских рифмачей суровый судия» (1833) (там же. 1948. Т. 3. С. 305—306).

М. ЛЕВИТТ

ДРАМА СУМАРОКОВА «ПУСТЫННИК».

К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма.¹

Среди двадцати шести сценических произведений Сумарокова его единственная драма «Пустынник» занимает особое место. Возникает много вопросов не только в связи с сумароковским пониманием термина «драма», но и в связи с рассмотрением «Пустынника» как произведения русского классицизма. Как известно, понятие жанра играло первостепенную роль в поэтике классицизма, и у Сумарокова в особенности. Хотя он часто употреблял слово «драма» в общем родовом значении (как синоним «пьесы» или «драматического произведения» или в таких сопоставлениях, как «драма и музыка»), в его сочинениях нигде нет определения драмы как особого жанра. В «Эпистоле о стихотворстве», следуя Буало, он включает в понятие «драма» трагедию и комедию — единственные драматические категории, признанные классицизмом. К тому же, никто из исследователей, занимавшихся драматургией Сумарокова (Г. А. Гукровский, П. Н. Берков, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Х.-Б. Гардер, И. З. Серман, Г. Н. Моисеева, Ю. В. Стенник), не обращал на «драму» специального внимания по той же причине: она не входит в состав «готовых» категорий классицизма и даже в какой-то мере им противоречит.² Французский ученый Ж. Патуйе, который указал

¹ Автор приносит благодарность Национальному Фонду по развитию гуманитарных наук США (National Endowment for the Humanities) за предоставление возможности для работы над данной статьей.

² Гукровский Г. А. О сумароковской трагедии // Поэтика. Л., 1926. Сб. 1. С. 67—80; Берков П. Н. Александр Петрович Сумароков. М.; Л., 1949; Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русский театр от истоков до середины XVIII века. М., 1957; Harder H. V. Studien zur Geschichte der russischen klassizistischen Tragödie 1747—1769.

мимоходом на эту кажущуюся аномалию, выразил удивление, что ярый «враг драмы» Сумароков сам раньше упражнялся «в жанре, с которым он боролся».³ Разъяснение загадки жанра «Пустынника» и неожиданное для Сумарокова одобрение аскетического ухода от жизни, данное в пьесе, требует нового осмысления сумароковского классицизма.

«Пустынник» ни по форме, ни по содержанию не соответствует обычным представлениям о сумароковской драматургии. Как могла появиться эта драма?

К середине XVIII в., когда Сумароков основал новый национальный театр, драматургия классицизма на западе уже переживала период кризиса и декаденства. В Англии под давлением атак пуритан на театр возникла новая, «мещанская», трагедия, ранний образ которой — «Лондонский купец, или История Джорджа Барнвеля» (1743) Дж. Лилло — скоро стал популярным во всей Европе. Во Франции образовался новый, смешанный, драматический жанр, называемый иногда «серьезная» или «слезная» трагедия, «слезная комедия» или просто «драма» (*le drame*).⁴ Предтечами и основателями нового направления считаются Н. де ла Шоссе, Ф. Детуш, Э. Мур и Д. Дидро. Еще в 1741 г. французский критик и переводчик П. Дефонтен предложил термин «драма» для этого нового явления, но он очень долго входил в обиход и не значился в реестре пьес *le Comédie-Française* до 1769 г.⁵ К тому времени уже существовала обширная теоретическая литература по данному вопросу, в особенности известные работы Дидро и Бомарше.

Ровно через сто лет после предложения Дефонтена В. Г. Белинский так определил значение «драмы»: это «особый вид драматической поэзии, занимающий середину между трагедией и комедией».⁶ Это определение в основном совпадает с определением, данным французскими теоретиками XVIII в., но для них, воспитанных на классической иерархии жанров, возникшее явление представлялось

Wiesbaden, 1962; *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России в XVIII веке. Л., 1980; *Стенник Ю. В.* Жанр трагедии в русской литературе. Л., 1981.

³ *Patouillet J.* Une épisode de l'histoire littéraire de la Russie: La Lettre de Voltaire à Sumarokov (26 Février 1769) // *Revue de littérature comparée*. 1927. Т. 7. P. 448—449.

⁴ О французской «драме» см.: *Jourdain E. F.* *Dramatic Theory and Practice in France 1690—1808*. 1921; переизд.: New York, 1968; *Gaiffe F.* *Le drame en France au XVIII siècle*. 1910; переизд.: Paris, 1971; *Clark B. N.* *European Theories of the Drama*. New York, 1965.

⁵ *Gaiffe F.* *Le Drame en France...* P. 93, 167; *Patouillet J.* *Une épisode...* P. 444—448.

⁶ *Белинский В. Г.* Разделение поэзии на роды и виды (1841) // *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 62.

гораздо более проблематичным, чем в эпоху романтизма. Терминологическая неясность продолжалась очень долго. Не знали, причислять ли новые пьесы к комедии или трагедии (другого выбора не было), и существовало большое разнообразие драматических произведений как по форме (были драмы и в прозе, и в стихах), так и по содержанию (были и «мещанские», и «семейные», и «серьезные» драмы). Показательно, что в реестре пьес раннего русского театра, опубликованном В. И. Резановым (который П. Н. Берков относит к первой половине 1760-х гг.), «Пустынник» стоит в одном ряду с «малыми» (т. е. одноактными) комедиями Сумарокова.⁷ Первый драматический опыт Хераскова «Венецианская монахиня» (1758) можно считать первой русской «мещанской», или «слезной», драмой, хотя сам автор назвал ее трагедией; интересно, что в этой пьесе (которая, правда, не ставилась), монашеский обет является главным препятствием для влюбленных героев — обычная трактовка темы отшельничества.⁸ К середине 1760-х гг. было переведено на русский язык и напечатано много новых драм и в 1770 г., в том же году, когда появилась «слезная комедия» Бомарше, против которой выступил Сумароков, вышла в свет одноактная «драмма» «Благодеяния приобретают сердца» (неизвестного автора; возможно, перевод с французского).⁹ В середине 1770-х гг. Херасков написал две пьесы с подзаголовком «слезные драммы».¹⁰ Как показал П. Н. Берков, новое направление развивалось в основном как отрицание комедийной практики Сумарокова. Во Франции эти семейные и мещанские драмы остро ставили социальные вопросы и служили интересам новой, буржуазной, аудитории, но в России вопрос о новой форме был связан с вопросом о создании национального репертуара: речь шла о «склонении» комедии «на русские нравы». Однако эта полемика возникла позднее, чем создание и представление «Пустынника».

⁷ Резанов В. И. Парижские рукописные тексты А. П. Сумарокова // Изв. ОРЯС. 1907. Т. 12, кн. 2. С. 135—169; Берков П. Н. История русской комедии XVIII века А., 1977. С. 50—52. По-видимому, «Пустынник» должен был исполняться так же, как и одноактные комедии, предназначенные для развлечения зрителей после представления трагедий.

⁸ Green M. Italian Scandal as Russian Tragedy: Kheraskov's *Venetsianskaia Monakhinia* // *Russia and the World of the Eighteenth Century* / Ed. R. T. Bartlett, A. G. Cross, Karen Rasmussen. Ohio, 1988. P. 388—399.

⁹ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725—1800. М., 1963—1967. Т. 1—5. Были и переводы, оставшиеся в рукописи. См.: Берков П. Н. История русской комедии. С. 84—85.

¹⁰ Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков // ТОДРА. М.; А., 1965. Т. 11. С. 299.

Нельзя установить связи «Пустынника» с французской драматургией и с точки зрения его содержания. Правда, издавна существовала традиция «христианской трагедии» («Полиевкт» Корнеля, 1640; «Афалия» и «Эсфирь» Расина, 1690 и 1698 — пьесы, которые были хорошо знакомы Сумарокову), но ее обычный сюжет — преследование и терзание верующих — явно отличается от «Пустынника». ¹¹ Сумароков высоко ценил христианскую трагедию Вольтера «Альзира», назвав ее в «Эпистоле о стихотворстве» "Вольтеровой короной". ¹² Хотя критики расходятся во мнениях, писал ли Вольтер действительно христианские трагедии или это были маскированные атаки на религию, тем не менее важно, что Сумароков (в статье «Мнение во сновидении о французских трагедиях») не только горячо защищал Вольтера как христианского писателя, но и настаивал на том, что все истинные писатели всегда религиозны. ¹³ Как бы то ни было, Вольтер был принципиальным противником аскетического отшельничества, и его известная полемика с Паскалем, начатая шумным письмом 1734 г. «Анти-Паскаль» (25-е письмо из «Английских писем»), продолжалось в течение всей его творческой жизни. ¹⁴ Но сложный комплекс богословских вопросов, который являлся, так сказать, общим фоном французского классицизма, в основном не имел актуальности в России.

Наиболее вероятный источник нового жанра — русская религиозная «школьная драма». Перенесенная из Польши и Украины во второй половине XVII в. (Симеоном Полоцким и другими), к тому времени, как начинал зарождаться новый светский театр, она уже изживала себя в России. Ярославская труппа Ф. Г. Волкова, которая впоследствии стала ядром нового театра, во время своего дебюта в столице в 1752 г. исполняла не только новую трагедию Сумарокова «Хорев», но и школьную пьесу Димитрия Ростовского «О кающемся грешнике». Тому же автору принадлежат три пьесы с названием «драмы»: «Успенская», «Рождественская» и «Дмитриевская» (кстати, эти пьесы имели и подзаголовок «комедия»). Известна также

¹¹ Несмотря на это, Ю В Стенник предполагает, что существенное влияние на «Пустынника» оказала трагедия «Полиевкт», переведенная Н Хрушевым в конце 1750-х гг и шедшая на сцене Придворного театра См *Сумароков А П* Драматические сочинения Л, 1990 С 29—30, 475

¹² *Сумароков А П* Избр произведения 2-е изд Л, 1957 С 121 (Б-ка поэта, Большая серия) См также *Green M* Kheraskov and the Christian Tragedy // *California Slavic Studies* 1976 Т 9 Р 1—25

¹³ *Сумароков А П* Полн собр всех соч 2-е изд М, 1787 Т 4 С 351—355 В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римской цифрой, страницы — арабской

¹⁴ *Waterman M* Voltaire, Pascal and Human Destiny, New York, 1942, переизд New York, 1971, *Sina M L* «Anti-Pascal» di Voltaire Milan, 1970

«Драма о Езекии, царе Израильском» 1728 г. Исаакия Хмарного. Значение школьной драмы в переходе от старой литературной системы к новой давно признано, и мнение о ее сильном воздействии на трагедии Сумарокова горячо защищала Е. А. Касаткина, хотя все же трудно доказать случаи прямых заимствований.¹⁵ Единственным прямым прототипом «Пустынника» можно считать драму «Алексей, Божий человек», на сюжетную близость которой к сумароковской драме указал В. Н. Всеволодский-Гернгросс.¹⁶ Житие Алексея, человека Божия, было одним из самых популярных и распространенных житийных произведений в старой России, и, как убедительно показала В. П. Адрианова-Перетц, его сюжет отражался во многих произведениях — как в «высоких», церковных, жанрах (в том числе проповедях), так и в народных (духовных стихах, песнях).¹⁷ Пьеса «Алексей, Божий человек» относится к 1762 или 1763 г. Это одна из самых старых школьных пьес. В ней совмещены черты средневековой мистерии с элементами новой драматургии. В пьесе почти сорок действующих лиц — ангелы, аллегорические фигуры, богиня, и многие, «низкие» персонажи (нищие, мужики, слуги). Сверхъестественное играет значительную роль; ангелы беседуют с людьми, голос с небес призывает Алексея к себе, и в конце пьесы усопший уже святой Алексей произносит речь. Все это, конечно, очень далеко от драматургии Сумарокова. Сходство этой пьесы с сумароковской состоит в общей теме ухода от земных благ. Ее сюжет, как и в «Пустыннике», частично развивается в спорах и жалобах по поводу этого ухода. Жалобы невесты Алексея на то, что она им «осрамлена» и «оставлена»¹⁸ и что он нарушил данное ей слово, отдаленно напоминает речь Парфении в последнем явлении «Пустынника».

Ключевая проблема для Алексея — вопрос о женитьбе.

Хотя он, подобно сумароковскому герою Евмению, хочет «служить Богу», других черт сходства мало. Юноша Алексей, единственный сын римского сенатора, убегает во время своей свадьбы и потом возвращается, чтобы жить бедно в отцовском доме под чужим именем: семья узнает истину лишь после его смерти. Евмений

¹⁵ Касаткина Е. А. Сумароковская трагедия 40-х и начала 50-х годов XVIII века // Учен. зап. Томского гос. пед. ин-та. 1955. Т. 13. С. 213—261.

¹⁶ Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русский театр. С. 195. Не исключено, что среди других источников «Пустынника» могли быть и произведения, связанные с разными традициями, как античной, так и древнерусской литературы, например трагедии Сенеки или житие Феодосия Печерского.

¹⁷ Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917.

¹⁸ «Алексей, Божий человек» // Русские драматические произведения 1672—1725 годов / Собр. и объяснены Н. С. Тихонравовым. СПб., 1874. Т. 2. С. 55—56.

упорно настаивает на своем, тогда как Алексей в драме (в отличие от житийного героя) постоянно колеблется под давлением различных персонажей (ангелов, богини Юно, Виртуа, родителей и т. д.). По мнению Софроновой, «Алексей постоянно является полем действия высших сил», в отличие от Евмения — независимого арбитра собственной судьбы.¹⁹ Этим он приближается к другим «патетическим героям» XVII в., таким как добрый молодец из «Повести о Горе-Злочаштии» и Савва в «Повести о Савве Грудыуне».²⁰ Интересно, с нашей точки зрения, что оба героя — как и многие другие литературные персонажи этой эпохи — кончают свои странствования в монастыре. Но характерно, как отметил В. Харкинс, что уход в монастырь «вряд ли считается положительным решением».²¹ В XVII в. тема отшельничества впервые наводила на ассоциации, имеющие негативный характер (как место политического заключения, бегства от чего-нибудь плохого, или место светских выгод, а не духовной ценности). Все это лишний раз показывает, какое большое расстояние, отделяло эту школьную драму от «Пустынника», но вполне возможно, что отсюда Сумароков заимствовал жанровое определение «драма». Как отметил П. Н. Берков, «новая русская культура и театр XVIII в. не отвергли терминологии, возникшей еще в XVII в., но наполнили ее новым содержанием».²²

Прежде чем приступить к анализу этого содержания, рассмотрим своеобразную форму «Пустынника». Многие формальные признаки указывают на то, что поэтика «Пустынника» расширяет поэтику сумароковской трагедии. Главное отличие в том, что «Пустынник» — пьеса в одном действии. Метр драмы можно считать разноstopным ямбом, хотя больше, чем 86% строк (348 из 408, или 86,4%) представляют собой александрийские стихи с цензурой после третьей стопы — метрическая норма, вводившаяся в русскую трагедийную практику самим Сумароковым. Если добавим к этому трехstopные строки, которые ощущаются как полустихи или продолжение александрийского ритма, то цифра возрастает почти до 95%. Другие разноstopные строки, взятые вместе (1-, 2-, 4- и 5-stopные), составляют меньше 5,5% всех строк (0,25, 2,7, 0,75 и 1,4%). «Разноstopность» намного меньше, чем, например, в сумароковской трагедии.

¹⁹ Софронова А. А. Поэтика славянского театра: XVII—первая половина XVIII в. М., 1981. С. 175.

²⁰ О «патетическом герое» см.: Harkins W. E. The Pathetic Hero in Russian Seventeenth-Century Literature // American Slavic and East European Review. 1955. Т. 14, № 4. P. 512—527.

²¹ Там же. С. 523.

²² Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков // ТОДРА. М.; Л., 1965, Т. 11. С. 299.

роковских притчах. Сумароков также использует здесь только обычные парные рифмы, но и малое количество охватных и одну перекрестную рифму. Во всем 4-м явлении (монолог Евмения) нет отклонений от нормы трагедии.

Как и в семи из девяти сумароковских трагедий, действие происходит в древней России, «в пустыне в близости Киева», как и в них «предметный мир» отсутствует. Единственный реквизит — как и в большинстве трагедий — кинжал, который играет ту же роль в развязке этой драмы, что и в трагедии.²³ Кинжал сам по себе — символ трагедии. Число действующих лиц — семь, средняя цифра для трагедий Сумарокова, и они, так же как в трагедиях, — высокопоставленные лица, близкие к власти, хотя здесь, в отличие от трагедий, коронованные особы не принимают участия. У всех персонажей — древнерусские календарные имена, но хотя они не вымышленные (как бывает в трагедиях), никто из них не имеет исторического прототипа. Высокое положение героев, которое так необходимо для трагедии (в противоположность мещанской или семейной драме), здесь также важно, чтобы показать значительность, возвышенность и чистоту описываемых страстей.

«Пустынный» строится по системе сумароковских трагедий, как определили ее Г. А. Гуковский и Ю. В. Стенник, даже в большей степени, чем трагедии сами.²⁴ Например, в драме соблюдаются три единства строже, чем в трагедиях, поскольку пьеса состоит из одного короткого непрерывного действия. Но все черты этой системы — стремление к ясности, простоте и единству и соответствующая экономия драматических средств — здесь подвергаются еще более резкому упрощению. Как в трагедийной системе, драма «заполняется в значительной мере раскрытием содержания основной ситуации в ее значимости для одной пары героев в отдельности».²⁵ Это даже более точная характеристика «Пустынного», чем трагедий, поскольку основная структура драмы — ряд диалогов между Евмением, желающим отречься от «суеты мира» и остальными персонажами, отговаривающими его от этого. Гуковский точно отметил этот «прием повторения—градации все той же ситуации».²⁶ Одноактная драма, заменившая пятиактную трагедию, образует зеркальную структуру, центром которой оказывается четвертое явление:

²³ Гуковский Г. А. О сумароковской трагедии С 70

²⁴ Там же, Стенник Ю. В. 1) Жанр трагедии, 2) О художественной структуре трагедий А. П. Сумарокова // XVIII век М., Л., 1962 Сб. 5 С 273—294

²⁵ Гуковский Г. А. О сумароковской трагедии С 69

²⁶ Там же С 75

Явления.

- 1-е — монолог Евмения
- 2-е — Евмений и Афиноген, Изидор
- 3-е — Евмений и Висарион
- 4-е — монолог Евмения
- 5-е — Евмений и Висарион
- 6-е — Евмений и Дометиян, Минодора
- 7-е — Все плюс Парфения; заключительный монолог

Эта схема легко разделяется на пять частей, и можно ее считать своего рода микроскопом трагедийной структуры.

Отмеченные черты сходства драмы Сумарокова с его трагедиями позволяют заключить, что он понимал «драму» как расширение (или сужение) трагедийной практики. Очевидно, понятие о драме как о смешанном жанре — то, что он позже строго осудил, — не входило в его концепцию.

Переходим сейчас к более подробному анализу содержания «Пустынника». Вопрос об «уходе от жизни» прямо поставлен Сумароковым в самом начале, в монологе Евмения. Он рассуждает:

Забавы здешние утоплены в слезах,
И светлостью тьма мечтается в глазах
Век краток здесь, а смерть ужасна,
Прелестна жизнь, однако и несчастна
Для нас, не ради бед земля сотворена,
Но нашим промыслом бедам покорена
Повергли идолов в стране мы сей прехвально,
Однако и поднесь еще живем печально
 Нам чистый дан закон,
Но мы не делаем, что предписует он
 Грехами поражены,
Мы в тину прежнюю глубоко погружены (IV, 283—284)²⁷

Постановка проблемы «ухода от жизни» здесь четко выражает границы рационализма Сумарокова. С одной стороны, Евмений типичный просветитель, утверждающий гуманизм («для нас, не ради бед земля сотворена»), логичность («Нам чистый дан закон») и возможность исправить мир («Но нашим промыслом бедам покорена»). Но с другой стороны, давнишняя религиозная тема греховности и «суеты мира» оказывается решающей. И лексика («утоплены в слезах», «прелестная жизнь», «тина прежняя»), и тропы (ок-

²⁷ Текст пьесы недавно напечатан в кн. *Сумароков А. П. Драматические сочинения* / Сост., автор вступ. ст. и примеч. Ю. В. Стенник Л., 1990 С. 434—450

сюморон «светлость-тьма»; афористические сопоставления «прелестна-несчастлива», «прехвально-печально») подчеркивают эту старую барочную тему, на присутствие которой в сочинениях Сумарокова указал А. А. Морозов, как на нечто противоречащее основным постулатам классицизма.²⁸ Тема «суета мира» очень часто встречается в творчестве Сумарокова, и ее нельзя считать ни просто данью литературной моде, ни масонской причудой.

Проблема суеты мира в толковании Сумарокова отражает его представление о том, что пороки чаще всего не наказываются на земле и что зло все больше распространяется. Он верил в то, что учение — «испорченным нашим сердцам лекарство», но в то же время признавался, «что сие лекарство общему блаженству пользует мало, а иногда и во яд претворяется» (VI, 231; см. также VI, 295–297). Этот довольно пессимистический взгляд приводит Сумарокова к заключению, что история и человеческая жизнь вообще этически оправдываются только в том случае, если ориентируются на жизнь после смерти. Так он рассуждает в своей истории первого стрелецкого бунта: «Кто из сих тиранских и почти естество человеческое превосходящих действий: кто из сего единого только не видит того, что есть нам жизнь после смерти; когда нет равновесная сим злодеям казни на свете: и когда на сии недостойные своего Создателя твари не пали грозные молнии и страшные громы!» (VI, 199–200). Это типичный образец философского мышления Сумарокова — сопоставление земного мира с божественным идеалом. Бог, правосудие, посмертная жизнь — необходимые и неотделимые друг от друга понятия для Сумарокова. Если правды нет на этой земле, то правда будет выше.

Характерно, что Сумароков всегда утверждал полное «согласование» естествознания и религии, науки и откровения. Но, как и многие просветители его эпохи, он старался избегать метафизических вопросов. «Почти вся Катезиянская философия, — писал он, — есть голый Роман. Все без изъятия Метафизики бредили»; только «премудрость Божества неисчерпаема» (IX, 290). Таким образом, Сумароков заменял метафизику рационализма традиционной идеалистической метафизикой. В другом месте он спрашивает: «Что ж будет по кончине нашей? Добрым доброе; худым худое. Не подумает ли кто, что я сим рай и ад утверждаю? Нет, рай и ад до естественного мудрования не принадлежат: а я пишу не об откровении; но метафизическую естественно; а то дело духовных...» (VI, 268). Я «метафизическую естественно» — таково в сжатой форме основание сумароковского богословия и этики.

²⁸ Морозов А. А. Судьбы русского классицизма // Рус. литература 1974. № 1
С 19–20, 25–27

Философский вопрос, поставленный в монологе, тоже имеет явный исторический аспект: параллель, проводимая между Петром Великим и Владимиром Крестителем, уже давно стала общим местом. При всем восхвалении петровских реформ («Повергли идолов в стране мы сей прехвально»), сумароковский герой все же, как и его автор, относился не столько пессимистически, сколько фаталистически к возможностям их окончательного успеха. Возможно, постановка пьесы о древней Руси, как постановка его трагедий, просто придавала ей большую актуальность. Можно даже предположить, что здесь тоже присутствует автобиографический подтекст, так как «Пустынник» впервые был поставлен в первый год образования русского театра, и мы знаем из переписки Сумарокова, что в это время директор нового театра не раз грозил оставить свою должность из-за постоянных хлопот и неприятностей (в 1763 г. наконец его уволили, приняв очередную просьбу об отставке).

Но это второстепенное соображение. Главное, на наш взгляд, — это то, что проблематика «Пустынника» дает возможность обнаружить, что философские предпосылки сумароковского классицизма основаны преимущественно не на французском картезианском (или немецком юридическом) рационализме, как часто утверждается, а на традиции русской просветительской религиозной мысли. Эту традицию игнорировали или ею пренебрегали не только историки-позитивисты XIX и XX вв., которые не признавали религиозной традиции вообще, но и защитники православия, которым был чужд просветительский пафос многих деятелей церкви XVIII в. Восстановить контуры этой традиции в русской культуре XVIII в. и понять ее сложное влияние на новую русскую литературу — важная, но все еще даже не осознаваемая учеными задача.

Просветительская религиозная традиция, выдающимся представителем которой являлся Феофан Прокопович, оказала очень существенное влияние на творчество и общее миропонимание Сумарокова. Как и многие его современники, Сумароков почти обожествлял Петра Великого (см., например: IX, 302—303). Но в то же время Сумароков часто настаивал на том, что корни петровских преобразований уходят в XVII в., в особенности в просветительскую, латинизирующую трагедию, завершителем которой стал Прокопович. Сумароков считал, что Петр Могила, основатель Киево-Могилянской Академии (1632), «первый открыл путь учения Российскому народу» (VI, 320) и часто упоминал о передовой просветительской роли деятелей церкви в новой русской истории. В статье «О российском духовном красноречии» (написанной после 1770 г.) Сумароков также демонстрировал широкое знакомство не только с проповедями Прокоповича (которого Сумароков называет

«Русским Цицероном»), но и с сочинениями его последователей, выдающихся проповедников-богословов второй половины XVIII в. Это знакомство, личное и литературное, подтверждается многими данными из поэтических и прозаических произведений Сумарокова и из его переписки

Сумароков также упражнялся во многих «духовных» жанрах. А. Левицкий правильно указал на важность «духовной оды» в русской литературе XVIII в., в том числе и в творчестве Сумарокова, но пока еще трудно определить роль духовной традиции в русском классицизме.²⁹ Именно драма «Пустынник» представляет собой уникальную точку соприкосновения духовной и светской литературных традиций и указывает на религиозную метафизику, которая лежит в основе философского и литературного миропонимания Сумарокова.

В отличие от сумароковских трагедий, «Пустынник» не преследует прямых публицистических целей. Как и в трагедиях, в драме развивается конфликт разума со страстью. Но особенность «Пустынника» в том, что в этой пьесе уход от жизни уподобляется разуму, тогда как страсть равняется желанию трудиться на благо отечества. Таким образом, обычные оценки тематических категорий его трагедий здесь меняются местами.³⁰ Философское оправдание ухода от жизни занимает центральное место в драме. Политические мотивы этого ухода не являются первостепенными, как можно было ожидать. Показательно, что аргументы против ухода Евмения от жизни настолько убедительны, что один американский историк недавно пришел к ошибочному заключению, что в «Пустыннике» Сумароков отверг позицию героя и предназначил драму в качестве урока для русских дворян, пренебрегающих своими общественными обязанностями.³¹ Но Евмений объясняет:

Я свету отдал долг, и оставляю свет,
Бегу мирских сует (IV, 287)

²⁹ *Levitsky A The Sacred Ode in Eighteenth-Century Russian Literary Culture Ann Arbor, 1977 (Dissertation, University of Michigan), Луцевич А Ф Своеобразие жанра предложения псалмов А П Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века Л, 1980 Вып 4 С 10—19*

³⁰ Отношение «Пустынника» к трагедиям Сумарокова — как в синхронном, так и в диахронном аспектах — богатая тема, которая заслуживает отдельного исследования

³¹ *Gleason W G Moral Idealists, Bureaucracy, and Catherine the Great New Brunswick, New Jersey, 1981 P 36—38*

Далее он говорит отцу:

Для вас я в свете жил,
И обществу служил:
А ныне к вечности открыв себе дорогу,
Служу я Богу. (IV, 296)

Главное препятствие этому служению — не тяга к власти и богатству (отец предлагает ему «место первое... во всем народе»), а страстная любовь к жене. Как и в трагедиях, общественная и любовная темы идут параллельно или сливаются. Аргумент Евмения, что общественный долг уже заплачен, не вызывает существенных возражений, и в центре внимания находится проблема выбора между любовью к жене и любовью к Богу.

Аргументы «за» и «против» ухода от жизни сосредоточиваются на том, как относится Создатель к своему созданию. Брат героя Висарион и отец Дометиян выдвигают ряд положений, можно сказать, деистических: по их мнению, Евмений требует от себя того, что выше человеческой природы и, следовательно, неблагоприятно. Требования природы, считает Дометиян, равняются требованиям Бога. Своим уходом Евмений «противится природе» и общепринятой норме цивилизации:

Внимая неба глас, внемли ты глас природы;
Сам хочет Бог того и всей земли народы
Я знаю то и сам, что наше естество
Во основании имеет Божество.
Но что и сам Содетель,
В сердца посеял нам святую добродетель;
Котора к должности безвременной зовет;
Противу строгости на небо вопиет... (IV, 294—95)

Добродетель, любовь к родителям и к жене — все это Бог «посеял» в человека как законную часть его бытия. Желание уйти от жизни характеризуется как зверство или тиранство против семьи. Далее, тот факт, что люди смертны и что Бог милосерден, тоже говорит против такой крайности. Жена героя Парфения выражает последнюю стадию этой аргументации, когда она настаивает на том, что отказ от супружеской жизни и от свадебного обета — «неправда пребезмерна», которой Бог не стерпит: она угрожает мужу небесной молнией и «громовыми стрелами». Таким образом, кстати, заканчивается «христианская трагедия» Хераскова «Юлиан отступник», но Сумарокову было чуждо такое сверхъестественное раз-

решение проблемы.³² Евмений придерживается другого «божественного закона», закона высшего разума, и когда Парфения — после эпизода с кинжалом — отказывается от своих претензий к мужу, она заявляет: «Глас Вышняго и мне устав уже вселяет». Она, как и ее муж, убегает из «плена» своих страстей и «преодолевает себя».

Суть вопроса здесь не в том, что Сумароков отвергает деистическую, естественнонаучную позицию как таковую, и вовсе не в том, что он отрицает разум этого мира. Хотя Сумароков всегда признавал авторитет логики, он также сильно отвергал наивную веру в всепобеждающую силу человеческого разума. «Здравым рассуждением приближаемся мы к центру познания», — писал он, но до самого центра «смертные никогда не могут коснуться» (VI, 317). Божественный закон — предпосылка и высший, «чистый источник» земного человеческого разума. Бог действует, и драма разрешается — не сверхъестественным образом (как у Хераскова), а через самих людей. Богословская тематика «Пустынника» выходит за пределы трагедий Сумарокова, в которых действие в основном остается в «земной сфере» неизбежных страстей. Можно понимать эту драму как раскрытие «метафизической основы» трагедийного миропонимания Сумарокова, как обнажение гранита и того идеального «центра познания», которого «смертные никогда не могут коснуться», но которое обуславливается «здравым рассуждением». В том же отрывке, в котором Сумароков говорит, что часто учение оказывается тщетным (или даже вредным), он продолжает: «И как бы то ни было, но совесть наша, сия данная нам искра Божества требует того, чтобы мы ни на что не устремлялися, взирая ко добродетели; а особливо памятуя, что есть Бог на свете и что данная нам Богом жизнь возвратится ко своему чистому источнику; так надобно, чтоб она и чиста была. Последуем должности своей: она во добродетели состоит, и ежели есть Бог, так будет и возмездие: а Бог конечно существует» (VI, 231—232). В своих прозаических сочинениях Сумароков часто выдвигает подобные «доказательства» существования Бога, потому что для Сумарокова Бог — центр познания, источник разума, основание добродетели и правосудия, в нем единственно возможное совершенство. Возможность такого совершенства на земле — тема «Пустынника».

На наш взгляд, эту философскую проблематику драмы (и творчество Сумарокова вообще) нужно понимать на фоне просветительской богословской традиции, о которой говорилось выше. В заключение укажу на несколько точек соприкосновения драмы с этой традицией. Ограничу свои наблюдения сравнением некоторых поло-

³² Green M. Kheraskov and the Christian Tragedy. P. 21.

жений Сумарокова с положениями митрополита Платона (Левшина) (1737—1812).³³ Один из самых важных деятелей церкви своей эпохи, Платон был известным проповедником, выступавшим в первой половине 1760-х гг. на придворной кафедре, реформатором церковного образования и автором первой систематической богословской системы в России. Сумароков был лично знаком с ним (он предлагал Сумарокову «переложить» всю псалтырь)³⁴ и высоко ценил его как проповедника. Вряд ли Платон, принявший обет только в 1758 г., мог влиять на драматурга во время создания «Пустынника», однако высказывавшиеся им богословские идеи во многом перекликаются с теми, которые развиваются в драме Сумарокова.

Первое возможное совпадение — это «просветительский» взгляд на монашество и на уход от жизни. Платон объяснил Екатерине II, что он принял монашеский обет «по особой любви к просвещению». По Платону, первая причина монашества — «безженное пребывание» (причина совсем не традиционная!), но (по словам Г. Флоровского), «еще больше его привлекала любовь к уединению — не только ради молитв, сколько ради ученых упражнений и дружбы», в чем Флоровский видит «черты своеобразного руссоизма». ³⁵ Евмений тоже ищет покоя, тишины и уединения, и в сочинениях Сумарокова можно найти аналогичную защиту «руссоистского» уединения и бегства от суеты городского мира (см., например, его «Письмо о красоте природы», 1759). Исследование вопроса об отношении к монашеству в России в середине XVIII в. — накануне национализации монастырских земель, — вероятно, пролило бы новый свет на проблематику «Пустынника».

Другая, более важная, область совпадения проблематики драмы Сумарокова с церковной традицией Платона — это просветительская ориентация богословия. Платон, как и другие церковные мыслители XVIII в., был по словам Иосифа II, «plus philosophe que

³³ О Левшине см. *Снегирев И. М.* Жизнь московского митрополита Платона. 4-е изд. М., 1890. 2 ч.; *Смирнов С.* История Московской Славяно-Греко-Латинской академии. М., 1855; *Рартеби К. А.* Metropolitan Platon of Moscow (Petr Levshin, 1737—1812). Newtonville, Mass., 1983. Автобиографические записки Платона представляют особый интерес. См.: Москвитянин. 1849. Ч. 1. Отд. III. С. 27—40; Ч. 4. Отд. III. С. 1—24; Чтения в имп. обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те. 1881. Кн. 4. С. 55—84.

³⁴ *Лонгинов М. Н.* Последние годы жизни Александра Петровича Сумарокова // Русский архив. 1871. Стб. 1694.

³⁵ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 110. С другой стороны, корни такого взгляда на монашество уходят в XVII в., см.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 150—161.

prêtre» («больше философ, чем священник»)³⁶ Великий князь Павел Петрович, у которого Платон служил учителем в 1763—1765 гг., объяснил суть его богословских сочинений так: «Вы поставляете за правило, показывать всегда заключающихся в Святом Писании уставов и бытий с естественным разумом согласование, и утверждать оные доводами здравого человеческого рассуждения».³⁷ «Естественные» философские аргументы, выдвинутые Сумароковым для доказательств существования Бога, поразительно сходны с аргументами, изложенными Платоном в первой части его широко известного «Катихизиса». Первая часть «Катихизиса» посвящается «Богопознанию естественному» (вторая и последняя части — «О вере Евангельской» и «О законе Божии»); характерно, что Платон начинает прямо с естествознания, т. е. не с догмы, а с разума. Этот тип богословия восходит к традиции «латино-протестантской схоластики» Прокоповича и церковных реформаторов-просветителей конца XVII—начала XVIII в.

На Платона сильное влияние оказало чтение посланий Апостола Павла и сочинений Св. Августина в духе лютеранства, с акцентом на борьбе ума с волей. Такая интерпретация Апостола Павла была чужда древнерусской традиции, но широко распространялась среди церковных просветителей XVIII в. Ее глубокое сходство с установкой классицизма на конфликт разума со страстью очевидно. Именно такой момент совпадения «нео-протестантского» направления и сумароковского классицизма можно обнаружить в монологе Евмения в четвертом явлении, когда он просит у Бога:

Наполни разум мой любовью святою,
Чтоб только пленен был я сею красотой
Желанием мое ты сердце согласи,
И мысли к одному направи небеси (IV, 291)³⁸

Евмений, так же как и Св. Павел и Св. Августин, понимает, что он может избежать «плена» земных привязанностей только с помощью Бога. Разум сам по себе, как бы много он ни рассуждал, — несовершенен, беспомощен, и человек без помощи высших сил не может преодолеть свои страсти. В этом причина неудач многих персонажей в мире трагедий Сумарокова. Возможно, это и есть самая суть его понимания трагедийного начала. Исправление общества

³⁶ Флоровский Г. Пути русского богословия С 109

³⁷ Платон (Левшин П. Е.) Разные сочинения <2-е изд.> М., 1780 Т. 7 С. 274 1-е изд. 1764

³⁸ См. Св. Павел. Послание к Римлянам 7: 21—25, Послание к Галатам 6: 17, Св. Августин. Исповедь Кн. 8 Отд. V

или человека в конце концов совершается непостижимым деянием Бога. Но это не значит, что конечный вывод Сумарокова — отказ от этого мира.

Напротив, «крайний» поступок героя «Пустынника» демонстрирует разумное и нравственное устройство мира и подтверждает идею просвещения, которая лежит в основе русского классицизма.

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

Державинские оды 1775 года (К вопросу о реформе оды)

Оды 1779 г. «На смерть князя Мещерского», «Ключ» и «На рождение в Севере порфирородного отрока» обозначили в русской поэзии один из самых значительных ее рубежей. Они явились результатом и первым образцом так называемой «державинской реформы оды». Реформа эта, как известно, заключалась в смешении стилей (а значит, и жанров) в рамках одной, свободной по форме, теме и стилю оды, отличающейся богатством интонаций и возможностью самовыражения в новом, современном нам, смысле. По существу, державинская реформа касалась не только отдельного жанра, а заключалась в перевороте, постепенно приведшем к обновлению всей поэтической системы в целом.

В рассуждении того, что привело Державина к этому решительному и счастливому перелому, исследователи, как правило, опираясь на позднее признание самого поэта: «<...> он хотел подражать Ломоносову <...> хотел парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов <...> а для того избрал свой совсем особый путь <...>»,¹ — видят становление державинского таланта в борьбе и взаимодействии с различными течениями в рамках отечественной поэтической традиции. Так, Я. К. Грот находил в ранних одах Державина рудименты од Ломоносова,² а Г. А. Гуковский с наименьшим основанием связывал раннюю державинскую поэзию с влиянием сумароковской школы.³ Конечно, в этой связи должен быть упомя-

¹ Записки Державина // Сочинения Державина / С объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 443. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римской цифрой и страниц — арабской.

² В примечаниях к одам Державина Я. К. Грот стремится выявлять все реминисценции и цитаты из од Ломоносова (см., например: III, 241—243, 262).

³ Гуковский Г. А. Первые годы поэзии Державина // Гуковский Г. А. Русская

нут и В. П. Петров, на шумевшие оды которого несомненно оказали влияние на начинающего поэта, и целый ряд второстепенных поэтов, из которых сам Державин называл Ф. А. Козловского, «более других ему нравившегося по легкости слога» (VI, 443).

Между тем сложность вопроса о раннем творчестве Державина не уменьшает интереса к нему исследователей, скорее напротив. В последние годы можно констатировать некоторое даже возрастание этого интереса,⁴ что совершенно оправданно, так как лишь пристальное исследование раннего периода творчества поэта может пролить свет на феномен зрелого Державина и совершенный им переворот в русской поэзии.

Центральное место в раннем творчестве Державина занимает небольшая книжечка «Од, переведенных и сочиненных при горе Читалагае», изданная при Санкт-Петербургской Академии наук в начале 1776 г. Особая роль од, собранных в ней, определяется как самим фактом их тиснения (из произведений Державина до 1778 г. опубликованы были только они да еще ода «На всерадостное бракосочетание»⁵), так и тем вниманием, которым они были окружены в последующие годы со стороны самого поэта и его почитателей. Во всяком случае, нам известна поздняя характеристика И. И. Дмитриева, находившего в этих одах «при некоторых недостатках <...> замашку врожденного таланта и главные свойства его: благородную смелость, строгие правила и резкость в выражениях».⁶ В другом месте он говорит, что уже и в них Державин «карабкался на Парнас» (III, 273). Почти ту же оценку повторяет через сто лет биограф и интерпретатор Державина В. Ф. Ходасевич, увидевший в создании двух из «Читалагайских од» — «На Великость» и «На знатность» — решающий момент восхождения Державина: «Эти две оды — первые тяжкие камни, которые в жару вдохновения и в трудовом поте, надрываясь, вскатил он на темя Читалагая — для

поэзия XVIII в. А., 1927. С. 183—201.

⁴ Так, Г. Н. Ионин предпринял большую текстологическую работу по восстановлению ранних редакций «Песней» Державина конца 1760-х начала 1770-х гг. и посылал им ряд страниц своей статьи «Творческая история «Анакреонтических песен» (см.: *Державин Г. Р.* Анакреонтические песни. М., 1987. С. 303—310). В этой же книге опубликованы эти ранние песни (См.: Там же. Дополнения. С. 143—160.). Ранние оды Державина стоят в центре внимания американской исследовательницы Дж. Харрис (21 мая 1992 г. в Пушкинском Доме ею был прочитан доклад: «Первая державинская ода Екатерине (1767)»). Интерес к ранним одам отражают и издания Державина. Впервые со времени издания Я. К. Грота увидели свет две «читалагайских» оды — «На Великость» (*Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1985) и «На знатность» (*Державин Г. Р.* Оды. М., 1977).

⁵ Ода на всерадостное бракосочетание их императорских высочеств, сочиненная потомком Атиаллы, жителем реки Ра. СПб., 1773.

⁶ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // *Дмитриев И. И.* Сочинения. СПб., 1893. Т. 2. С. 52.

своего памятника. То срываясь и падая, то достигая совершеннейшей точности, то дико косноязычествуя, Державин карабкается на Парнас». ⁷ В. Ф. Ходасевич же первым обратил внимание на роль переводных од сборника при создании оригинальных. ⁸

Книжка «Читалагайских од» объединяет четыре «переведенные» и четыре «сочиненные» оды. Необычность состава сборника вполне соответствует самой истории создания произведений, включенных в него. Уже заглавие книжки указывает на то, что оды, помещенные в ней, связаны местом, а значит, и временем их написания. При горе Читалагае, в колонии Шафгаузен под Саратовом, Державин дважды вынужденно останавливался во время своих активных действий по «поимке» Пугачева: весной 1774 г. и весной 1775 г. Хотя времени и обстоятельствам создания читалагайских од посвящена специальная работа Я. К. Грота, ⁹ позволим себе привести здесь некоторые уточнения. По всей вероятности, работа над одами велась в оба пребывания Державина в Шафгаузене. Весной 1774 г. (Державин находился там с апреля по июнь) с большой долей уверенности можно датировать две оригинальные оды сборника «на случай». Одна из них — «На смерть генерал-аншефа Бибикова» (А. И. Бибилов умер 9 апреля 1774 г., Державин узнал об этом 2 мая), другая — «На день рождения ее величества». Содержание последней оды указывает на то, что она была написана в разгар пугачевской войны и до заключения Кучук-Кайнарджийского мира (10 июля), т. е. тоже в 1774 г. День рождения Екатерины 21 апреля. Скорее всего, Державин начал готовить свою поздравительную оду до самого дня рождения, тогда она — первая по времени из читалагайских од. Из четырех оригинальных од она, несомненно, представляет наименьший интерес, мало чем отличаясь от писавшихся тогда в большом количестве од «на случай» ¹⁰ и от своих старших сестер — двух дошедших до нас од — «Екатерине» (1767) и «На всерадостное бракосочетание <...>» (1773). Второй по времени создания стала ода «На смерть Бибикова». Она могла быть написана в промежутке времени от 2 мая по июнь (в первых числах июля Державин отправился в Саратов (VI, 488)). Эта ода замечательна тем, что почти без изменений включена поэтом в собрание своих «Сочинений» 1808 г. Это, действительно, может быть, одно

⁷ Ходасевич В. Ф. Державин. М., 1988. С. 102.

⁸ Там же.

⁹ Грот Я. К. «Читалагайские оды» Державина // Библиографические записки. 1859. № 16. С. 481—495.

¹⁰ Заметим, что в 1774 г. не было опубликовано ни одной оды на день рождения Екатерины (сведение почеркнуто из «Сводного каталога русской книги XVIII века. 1725—1800. М., 1962—1966).

из самых ярких произведений раннего Державина. Оригинальность формы (она написана белым пятистопным ямбом),¹¹ скорбные интонации, искренность переживания делают эту оду близкой к элегии. И лишь строгость композиции, одическая строфика оставляют за ней право зваться одой. Этот первый опыт Державина в смешении разных стилей (в данном случае элегического и одического) говорит о том, что начинающего поэта, повидимому, тяготила вполне не дававшаяся ему традиционная форма оды, и весной 1774 г. осознанно или случайно он вступил на путь поиска новой одической формы.

Осень и зима 1774—1775 гг. прошли для Державина в хлопотах, болезнях, обидах и разочарованиях. К литературному труду он вернулся весной 1775 г., будучи вновь заброшенным судьбой в известный уже Шафгаузен. Тогда-то и начался новый, принципиально иной этап работы над «Читалагайскими одами». Две оды 1774 г. не представляют единства — неизвестно, увидели бы они свет, если бы не были написаны и переведены оды 1775 г. Основанием для датировки служат строки оды «На знатность», восхваляющие П. А. Румянцева — победителя турок («Отечеству Румянцев друг <...> / Велик, что в нем геройский дух, / Но боле, что Восток спокоен / И Север стал его рукой» (III, 297)). Они относятся, по-видимому, к тому периоду, о котором сам Державин писал: «пробыл всю весну и небольшую часть лета 1775 года в колониях праздно» (VI, 521). О значении, которое придавал Державин одам 1775 г., можно судить по композиции сборника. За четырьмя переводными одами следуют две оригинальные, написанные в подражание им, «На Великость» и «На знатность». Эти шесть од образуют ядро сборника, к которому прилагаются оды 1774 г.: «На смерть Бибикова» и первая по времени, но последняя по достоинству и расположению в сборнике «На день рождения ее величества».¹²

¹¹ Как раз в это время шли споры и проводились эксперименты, связанные с обновлением стиха; одним из центральных вопросов стал вопрос о роли рифмы. Так, А. П. Сумароков в том же 1774 г. написал оду белым пятистопным ямбом Г. А. Потемкину (см.: *Сумароков А. П. Избр. произв. А., 1957. С. 79—81*). Она находится в непосредственной связи с «Уведомлением» к эпиграмме «Окончится ль когда парнасское ропанье?...» того же года (резолюция о напечатании оды и эпиграммы сделана в один день: 24 сентября 1774 г. — см.: *Берков П. Н. Примечания // Сумароков А. П. Избр. произв. С. 523, 552*). «Уведомление», относящиеся главным образом к Г. А. Потемкину и к полемике с ним о роли рифмы, содержит общее рассуждение о рифмованном и нерифмованном стихе. (см.: *Сумароков А. П. Избр. произв. С. 553*). Как видим, Державин одой Бибикову на полгода упредил Сумарокова, возможно и не подозревая о введущихся спорах.

¹² Я. К. Грот придерживался иного мнения: лучшей одой он признавал «На день рождения Екатерины», прибегая в своей аргументации, как и мы, к принципу расположения од в сборнике, но трактуя его иначе — см.: *Грот Я. К. «Читалагайские оды» Державина. С. 486*.

Поводом для литературных занятий 1775 г. послужила небольшая книжка «*Vermischte Gedichte*». Скусающий молодой офицер Державин взял, вероятно, ее у своих хозяев-немцев или соседей по немецкой колонии. Как бы там ни было, но он принялся из нее переводить. Много позднее источником переводных читалагайских од он называл книгу «*Беспечный философ*».¹³ Так по-русски обозначали сборник Фридриха Великого «*Oeuvres diverses du philosophe de Sans-Souci*». И был неточен. Лишь спустя десятилетия Я. К. Грот при внимательном чтении переводных од удостоверился, что Державин переводил с немецкого.¹⁴ Я. К. Гроту не было тогда еще известно существование немецкого перевода «*Беспечного философа*», но именно к его поискам он обратился. Один из экземпляров «*Vermischte Gedichte*» отыскал вскоре на казанском рынке Н. Н. Булич. «*Vermischte Gedichte*» оказались прозаическим переводом «*Poésies diverses*»,¹⁵ полностью повторяющим состав и последовательность французского оригинала: одиннадцать од, стансы (парафраз проповеди Соломона),¹⁶ 20 писем и поэма «*Die Kriegskunst*» («*L'art de la Guerre*»).

Таким образом, перед Державиным была тяжелая немецкая проза. На титульном листе значилось, что это перевод с французского, в предисловии Х. Ф. Фосса прозрачно намекалось, что автор этих сочинений — некогда принц, а ныне король; настоящее имя автора при этом не называлось. Едва ли Державин не догадался, что в руках у него перевод произведений Фридриха Великого. Довольно подробно описав книжку, найденную Н. Н. Буlichem, (это берлинское издание 1760 г.), Я. К. Грот допускает, что именно она могла попасть к Державину, так как на этом экземпляре стоит владельческая подпись одного из его знакомых (III, 272). Если Державин действительно имел дело с этим изданием, его поздняя отсылка к книге «*Беспечный философ*» вызывает некоторое недоумение: здесь ни о каком философе из Сан-Суси речи нет, и его авторство на титуле не значится. Между тем было другое издание, вернее переизда-

¹³ *Остолопов Н. Ф.* Ключ к сочинениям Державина. СПб., 1822. С. 13.

¹⁴ *Грот Я. К.* «Читалагайские оды» Державина. С. 485—487.

¹⁵ Я. К. Грот неточно называет книгу оригинальных текстов Фридриха: *Poésies diverses du philosophe de Sans-Souci* (1760) (III, 272); по-видимому, он контаминирует заглавия сборников Фридриха. Известны следующие сборники: «*Oeuvres diverses du philosophe de Sans-Souci*» ([S. L.], 1761; Berlin, 1762); «*Oeuvres du philosophe de Sans-Souci*» (au Donjon du Chatleau, 1750. 3 T.; [S. L.], 1752; Potsdam, 1760; [S. L.], 1760), «*Poésies diverses*», Berlin, 1760 — под таким заглавием в том году в Берлине вышло 3 разных издания) и «*Poésies diverses du Roi de Prusse*» (Berlin, 1760).

¹⁶ На самом деле это парафраз Екклесиаста.

ние, «Vermischte Gedichte», судя по всему не известное Я. К. Гроту, осуществленное в 1761 г. в Потсдаме. Оно отличается от издания 1760 г. лишь названием, в котором как раз указывается авторство «великого философа из Сан-Суси» («Vermischte Gedichte des grossen Philosophen zu Sans-Souci. 2 Th. Potsdam, 1761»).¹⁷ Неизвестно, каким из изданий пользовался Державин. Для творческой истории «Читалагайских од» это представляется важным, так как, имея в руках берлинское издание, Державин мог отождествить «Vermischte Gedichte» с «Беспечным философом» не сразу, а может быть, лишь годы спустя. Но и потсдамское издание мало что проясняло — ведь «беспечный философ» достаточно вольная передача «philosophe de Sans-Souci». Определить, что за книга была у него в руках, и кто ее автор, уже в 1775 г., т. е. в момент работы над сборником, могла помочь Державину русская книга, скорее всего ему известная. В 1767 г. вышел перевод-переложение В. И. Майкова «Военная наука», первое в России обращение к поэтическому творчеству прусского короля. Державин мог вспомнить о нем, узнав его в немецкой прозе «Die Kriegskunst», и установить для себя, таким образом, общий источник немецких переводов и перевода Майкова. Во всяком случае, его позднее указание на книгу «Беспечный философ» полностью совпадает с майковским, заглавие книги которого: «Военная наука. Из книги Беспечный философ, сочинения е. в. короля прусского. Стихи Василия Майкова». Трудно сказать, тогда или позднее уяснил для себя Державин оригинал переводимой им книги, как нельзя сказать, заимствовал ли он передачу литературной маски Фридриха у Майкова или она бытовала независимо, без авторства. Следует отметить еще один факт, уже совсем иного плана. «Военная наука» была посвящена А. И. Бибикову, боль утраты которого была еще свежа у Державина. А. И. Бибиков был автором перевода «L'art de la Guerre», позднее переложенного Майковым в стихи. В 1770 г. А. И. Бибиков был отличен Фридрихом, пользовался явным его расположением и состоял в переписке с прусским королем.

Обнаруженный Я. К. Гротом немецкий источник переводных читалагайских од предоставил возможность критического рассмотрения проделанного Державиным труда, без чего не может быть ни понято, ни оценено явление «Читалагайских од». Из одиннадцати од сборника «Vermischte Gedichte» Державин перевел лишь четыре. Сам их выбор (это 1, 3, 4 и 9 по счету оды в немецкой книжке)

¹⁷ Есть еще издание на немецком: «Werke des Philosophen v. Sans-Souci» ([S. L.]), но в нем отсутствует одна из од, переведенных Державиным.

может многое рассказать о литературных пристрастиях и вкусах начинающего поэта. В книгу «Poésies diverses», были включены литературные упражнения прусского принца, а затем короля. Разносторонне одаренный, сам он, судя по всему, придавал им довольно важное значение, но его корреспондент и в какой-то мере наставник Вольтер только смеялся над ними.¹⁸ Постепенно, от издания к изданию,¹⁹ первоначальный сборник «Oeuvres diverses...» пополнялся новыми произведениями. Издание 1760 г. стало источником немецкого перевода. Таким образом, «Poésies diverses» (1760) как и «Vermischte Gedichte» отражает разные этапы творчества Фридриха.

Одиннадцать од сборника легко распадаются на три основные группы. К первой принадлежат оды «An die Verleumdung» (1760)²⁰ «Die Standhaftigkeit» (1740), и «Die Schmeichelei» (1740); ко второй — оды «на случай»: «Der Krieg von 1747» (1760), «Die Erneuerung der Akademie» (1748) и «Die Nordischen Unruh» (1749); и наконец, третью группу составляют оды, адресованные известным лицам из окружения Фридриха: «An Maupertuis» (1749), «An den Grafen von Brühl» (1749) и «An Voltaire» (1751). Все они имеют подзаголовки, состоящие из сентенций в духе горацианства: «жизнь есть сон», «не следует полагаться на будущее», «в виду приближающихся старости и смерти необходимо принять решение», ода графу фон Брюлю даже обозначена как подражание Горацию. Несколько в стороне стоит ранняя ода «An Gresset» (1740). Первая группа од, таким образом, — самая ранняя по времени; в связи с подготовкой нового издания к двум одам-близнецам Фридрих добавляет третью — «A la Calomnie» («An die Verleumdung»). Оды второй группы представляют некий средний этап, к ним также ретроспективно добавляется ода «Sur la Guerre de MDCCXLVII» («Der Krieg von 1747»), посвященная событиям тринадцатилетней давности. Не исключено, что обе оды, датированные в «Table chronologique» 1760 г. были задуманы, а может быть, и начаты значительно раньше (так, «A la Calomnie», возможно, в 1740 г., а «Sur la Guerre» — в 1747—1748 гг.). Последняя группа од — позднейшая

¹⁸ Вольтер. Мемуары // Сочинения Вольтера. СПб., 1914. Т. 1. С. 7, 8, 27, 29. См. также: Переписка Фридриха Великого, короля Прусского с господином Вольтером. 1736—1778. СПб., 1816. Ч. 1. С. 45.

¹⁹ О них см. примеч. ?? на с. ???.

²⁰ Датировка приводится по: «Table chronologique générale des oeuvres de Frédéric le Grand et catalogue raisonne des écrits qui lui sont attribués // Oeuvres de Frédéric le Grand. Berlin, 1857.

по времени создания. Хронология этих од отражает весьма интересный процесс смены литературных ориентаций поэта из Сан-Суси.²¹

Вполне понятно, что Державин обходит вниманием оды, связанные с Берлинским двором и Семилетней войной, т. е. оды второй группы; не удивительно, вероятно, что он пропускает вторую по счету оду к поэту Грессе, едва ли для него актуальную. Тем не менее ошибочно, по-видимому, думать, что в своем выборе Державин руководствовался только тематикой. Такому взгляду мешает явная целенаправленность его выбора: он переводит все три оды первой группы, минует, как мы видели, вторую и из третьей группы гоцианских од, делая исключение лишь для оды «An Maupertuis». Так возникают четыре «переведенные» читалагайские оды: «На Ласкательство», «На Порицание», «На постоянство» и «К Мовтерпию». Можно было бы еще сомневаться в том, что именно оды первой группы стали средоточием державинского интереса 1775 г., если бы вслед за переводом он не создал в подражание им две оригинальные оды. Но он их создал, и основу сборника «Читалагайских од» составили оды образца «An die Verleumdung» — три переведенных прозой и две оригинальных — пять из восьми. Оды, взятые Державиным за образец, так сходны между собой по форме и содержанию, что напрашивается мысль, не созданы ли они сами по одному шаблону. Это сходство, а также специфичность творчества прусского короля, писавшего все-таки на чужом ему языке, французском,²² делают предположение о подражательном характере од Фридриха не таким уж безосновательным. В вероятности такого вывода убеждают нас и отзывы о поэзии Фридриха, принадлежащие Вольтеру, который с 1736 г. вынужденно курировал его музу. Вольтеру совершенно ясно, что Фридрих — эпигон французских поэтов.²³ Но более всего выдают себя сами оды: во всех трех, особенно в открывающей сборник «A la Calomnie» и в средней, «La Fermeté» (первой по времени из этой серии), без труда узнается знаменитая ода Ж.-Б. Руссо «A la Fortune».

²¹ Всего перу Фридриха принадлежит 25 од, остальные 14 не меняют общей картины одотворчества короля, вырисовывающейся из *Poésies diverses*.

²² Вольтер, поправляя стихи Фридриха, обращал между прочим внимание на языковые ошибки и стилистическую глухоту прусского поэта — см.: Переписка Фридриха Великого, короля Прусского с господином Вольтером. 1736—1778. Ч. 1. С. 45—46, 59.

²³ Вольтер. Мемуары. С. 29. Оценка Вольтера представляется тем более важной, что она — один из редчайших живых откликов на поэзию прусского короля. Критического разбора поэтического наследия Фридриха, как будто, сделано не было.

Ода, на которую проецируются фридриховы оды, имеет особое значение в истории одического жанра. Она появилась в 1712 г. как один из образцов оды нового типа. В эти годы Руссо охвачен стремлением продемонстрировать свое понимание оды как жанра, принципиально отличное от разделяемого его главным соперником одописцем А.-У. Ламоттом и литературной Францией.²⁴ Ламотт представлял так называемую рационалистическую линию развития оды, уже давно привычную во Франции (ее-то и хотел пресечь Н. Буало своей одой «На взятие Намюра» (1693), но безуспешно). Руссо, опираясь на знаменитое требование «beau desordre» («прекрасного беспорядка») Буало и толкуя его произвольно (к чему это требование неизбежно влечет), отрицал в построении оды какое бы то ни было рационалистическое начало, утверждая при этом, что «лирический энтузиазм» должен в оде господствовать над разумом.²⁵ По мнению Руссо, «beau desordre» достигается смешением разнообразных идей и тем, связуемых воедино небывало сильным лирическим напряжением. Ода должна имитировать вдохновенное размышление и чувство, а для того строгое логическое построение сменяется цепью ассоциаций и сентенций. Оды Руссо конца 1700х—начала 1710-х гг., построенные по новому принципу, произвели своего рода революцию в одическом жанре — рационалистическая ода была преодолена.²⁶ В этих одах нет ни драматического начала, ни описательности: портрет, пейзаж, картина боя или какие-либо другие картины в них отсутствуют.

Вдохновенный взор поэта не может остановиться ни на какой-либо детали, ни на картине — его торопит пульсирующая мысль, бьющая через край эмоции.

Основой для оды нового типа послужила торжественная ода. Усилив присущую ей энергию и лирическое напряжение, очистив от отступлений и описательности, Руссо превратил ее в страстный монолог. От торжественной оды новая ода наследовала и классическую одическую строфику (10-стишная строфа с восьмистишником; рисунок рифмы: ababcsee). «A la Fortune» в высшей степени воплотила в себе особенности и возможности новой оды, и с самого своего появления была встречена восторженным признанием.²⁷ Триумфу оды несомненно способствовало полное соответствие темы и нового способа выражения. Пылкое обличение Фортуны и пестуе-

²⁴ О творчестве Руссо см.: Grubbs H. A. J.-B. Rousseau. London, 1941.

²⁵ Ibid. P. 234—241.

²⁶ Ibid. P. 252.

²⁷ Grubbs H. A. The Vogue of Jean-Baptiste Rousseau // Publication of the modern Language Association of America. 1940. № 1. P. 153—158.

мых ею завоевателей давало возможность продемонстрировать богатство мыслей, чувств, интонаций. Привычная для моралистической, философской оды темы, попав в атмосферу новой оды зазвучала неузнаваемо — граждански страстно, философски трагично, изумив тем Европу и надолго оставшись любимым произведением французской поэзии.

К формальным особенностям оды «*A la Fortune*» относится редкое богатство риторическими фигурами: вопросы, восклицания, обращения, призывы — одно сменяет другое, поддерживая постоянное напряжение и давая этим оде необычайную энергию. Другая особенность состоит в насыщенности историческими примерами: апелляция к героям древности и нового времени — единственное, на что опирается в своих сентенциях поэт, к тому же они добавляют оде звучность. Обе эти особенности генетически восходят к торжественной оде, но ее ораторское начало и характерное для нее использование исторических примеров здесь сильно усугублено. Яркость оды «*A la Fortune*» и определенность ее приемов легко делали ее предметом подражания.²⁸

Самим выбором тем для своих од — клевета, стойкость и лесть — Фридрих определил для себя задачу не уклоняться далеко от французского образца. Ложности и ненадежности Фортуны посвящает свою оду Руссо, рассматривая перипетии судеб исключительно с точки зрения гражданского успеха. Славе, добытой насилием, противопоставляются добродетель, мудрость и стойкость. При этом Руссо обращается к Фортуне, естественно, как к божеству. Темы клеветы и лести решаются Фридрихом также в гражданском плане и несут в себе большие возможности для обличения и негодования, которые он и использует, персонифицируя, подобно Фортуне, лесть и клевету. Еще большее сходство в тематическом плане имеет ода «*La Fermeté*» («Стойкость»), она просто решается в тех же категориях, что и ода Руссо. Стойкость и величие души только и могут как-то противостоять жестокости судьбы. Однако при всем внешнем сходстве оды Фридриха внутренне далеки от «*A la Fortune*». Мир, предстающий в них, не рационально ясен, как у Руссо, а мрачен и обречен. Этому способствует, в частности, персонификация лести и клеветы. Вместо пусть жестокой, но любимой всеми Фортуны, его героини (заметим, что и во французском и в немецком языке эти слова женского рода) представляют собой страшных фурий. Используя приемы Руссо (отказ от логической композиции,

²⁸ Ibid. P. 156 Из русских подражаний известны оды В. И. Майкова «Счастье» (Утренний свет. 1777. Ч. 1. С. 159) и С. Г. Домашнева «На любовь» (Полезное увеселение. 1762. № 5. С. 141).

описательности, риторическое и интонационное богатство, насыщенность историческими примерами), Фридрих превращает свои оды в страстный монолог, именно этим, вероятно, и пленив Державина.

Сам по себе факт подражания Державина одам Фридриха замечателен. Русский поэт создавал оды, имея перед собой образцом немецкую прозу. Он должен был воссоздать в воображении эти оды в их поэтическом воплощении и уже этим мыслимым одам подражать. Задача, стоявшая перед Державиным, была трудна и оригинальна, возможно, даже не знала прецедента. Самым сложным и принципиально важным было найти стихотворную форму, соответствующую напряжению и страстности од Фридриха. Можно сказать наверняка, что ему был неизвестен французский оригинал, а значит, и подлинная форма этих од. Таким образом, он был совершенно свободен в выборе русского эквивалента. Не следует забывать, что для поэзии XVIII в. вопрос формы, прежде всего строфики и метра, имел особое значение. Жанровая определенность, естественно, касалась и формы: строфика, метр, рифмовка и т. п. получали благодаря этому максимально возможную семантику. Всякое отступление от жанрового канона было предельно явственным, и наоборот, всякое соответствие, аналогия свидетельствовали о многом. Поэтому никак нельзя недооценивать значение выбора Державиным строфики для своих од. Он остановился на одической строфе, правда восьмистишной, а не классической, 10-стишной. В некотором смысле выбор одической строфы естествен: ода должна быть классически оформлена. Однако мы знаем, что у него уже был опыт оды «На смерть Бибикова». Он, вероятно, мог и здесь как-нибудь модернизировать одическую форму; но не стал этого делать, угадав тем самым истинную форму оды нового для него типа.²⁹

Выбор строфы, а вместе с ней и метра — четырехстопного ямба, во многом определил успех оригинальных од Державина. Верно почувствовав особенность новой оды в богатстве риторических фигур, в насыщенности вопросами, восклицаниями, обращениями, он безошибочно использует их, опираясь на опыт торжественной оды. С тем же вниманием относится Державин и к другим формальным сторонам оды этого типа. Как и его августейший учитель, он избегает описательности (которая, впрочем, не особенно ему давалась и в ранних, еще «ломоносовских», одах), ее заменяют сентенции, обличения, поучения, подкрепляемые примерами из истории. Таким

²⁹ Заметим кстати, что из 11 од сборника лишь четыре, выбранные Державиным для перевода, были написаны классической одической строфой. Если это естественно для трех од образца «A la Calomnie», то форма оды «A Maupertuis», вероятно, простая случайность.

образом, его оды, как и у Руссо, как и у Фридриха, превращаются в страстный монолог, композицию которого определяет само движение мысли. Единство же оды при всем разнообразии ее материала достигается необыкновенно сильным лирическим напряжением. Только от своего лица, оставив какой бы то ни было элемент эпичности торжественной оде, один на один с миром, поэт может высказать всю правду о нем. Отсюда это волнение, этот «жар души», этот захлеб эмоциями и мыслями. В сущности, это еще одический восторг, но обновленный. Старый, классический восторг, связанный для нас прежде всего с именем Ломоносова, был результатом виденного: мысли и чувства рождались от величия окружающего мира. Восторг новой оды, напротив, рождается от погруженности в себя. Поэт занят сам собой и своим отношением к миру, а если и возникают картины, то они, как правило, навеяны размышлениями.

Рассматривая «великость» (величие души) и знатность, согласно требованиям оды этого типа, в ракурсе жизни государства и гражданина, Державин, подобно Фридриху, персонифицирует величие души. Примечательно, что он, следуя за Фридрихом, для своего божества выбирает женский род (не «величие», а «великость»), так создается новая «лучезарная» богиня, напоминающая Фортуну. Само раскрытие темы «великости» естественным образом восходит к оде «Die Standhaftigkeit» и тем самым — к оде «A la Fortune». Категории этих од: стойкость (постоянство), величие души и изменчивость судьбы в трактовке XVIII в. неразрывно связаны между собой. Оригинальность Державина проявляется в осмыслении этих категорий. Он не слепо следует за своими европейскими предтечами, а наполняет эти категории своим пониманием, опираясь в этом на русскую традицию. Для Державина главная опора человека, источник его «великости» и постоянства — Бог («Великость в человеке — Бог» (III, 290)), только с верой в сердце можно «противостать» всем превратностям судьбы. Понятно, что такое осмысление меняет звучание темы судьбы и постоянства. Эсхатологический хаос Фридриха, ясный и несколько плоский рационализм Руссо уступают место глубоко христианскому мировоззрению. В оде «На великость» Державин впервые пытается свести воедино категории разных систем: античной (в данном случае — судьбы) и христианской — задача, которую он будет решать на протяжении всей жизни. Таким образом, ода «На Великость» хотя и несет на себе явную печать оды Фридриха, по существу своему произведение вполне оригинальное.

То же, еще в большей степени, можно сказать об оде «На знатность». Хорошо усвоив принцип построения новой оды, используя основные ее формальные черты, в оде «На знатность» Державин

сделал следующий шаг, создав произведение самостоятельное и самобытное. Сама тема социальной несправедливости и мнимой ценности знатности как таковой, конечно, не имеет никаких источников в одах Фридриха, а основывается на русской традиции в сатирической литературе. Со свойственной ему смелостью Державин модернизирует доставшийся от Фридриха шаблон, отказывается от персонификации, избегает напыщенности и патетики, характерных для од Фридриха и в какой-то мере для оды «На Великость». Ода преобразуется: она становится проще и ровнее. Резкость и особая образность в обличении вводят в нее некоторый сатирический элемент (так, например, формула: «Калигула <...> не равен ли с своим скотом...» — общее место русской сатиры). Недаром именно ода «На Великость» легла в основу знаменитой поздней сатирической оды «Вельможа» (1794).

Родственность двух од, созданных при Читалагае, одам Фридриха подчеркивается заглавиями. Державин строит их по той же модели, что и Фридрих в своей первой по порядку оде «A la Calomnie», который в свою очередь заимствовал ее у Руссо. Французский предлог «а» в немецком языке «an», в русском — «к». Державин при переводе немецких названий намеренно неточен. Предлог «an» он передает как «на», искажая при этом смысл. «К Клевете» — точный перевод «An die Verleumdung», «На Порицание» переводит он. Еще более вольно обращается Державин с названиями других од. Он вводит в них недостающий предлог и строит их русские названия по одной модели. Так, «Die Standhaftigkeit» превращается в «На Постоянство», а «Die Schmeichelei» — в «На Ласкательство». Аналогично называет он и свои оригинальные оды. Такое своеволие в отношении заглавий (в переводе же самого текста он стремится к точности) показывает, что у Державина, вероятно, было свое мнение о том, как должны называться подобные оды. А это значит, что он был знаком с их русским аналогом.

Державин, конечно, знал и, вероятно, на память прославленный русский перевод оды «A la Fortune» Ломоносова. Вопрос только в том, насколько он осознавал принадлежность этой оды и од Фридриха к дному типу, более того, подражательность последних. Не исключено, что создавал и опирался в создании своих оригинальных од и на ломоносовский перевод. Возможно, этим объясняется, например, «постоянство», а не «стойкость» в переводе «die Standhaftigkeit».³⁰ Такой перевод может восходить к ломоносовской лексике («но с постоянством пребывает»)³¹ И державинская «ве-

³⁰ Это вызывало недоумение Я. К. Грота — См.: Грот Я. К. «Читалагайские оды» Державина. С. 489.

³¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 8. С. 665.

ликость», возможно имеет то же происхождение («Но пусть великостию сею...»).³² Сама тема оды «На знатность» как будто почерпнута из оды Руссо-Ломоносова и представляет собой пространную редакцию ее строфы:

Но пусть великостию сею
О титлах хвалятся своих,
Поставим разум в том судьбою
И добрых дел поищем в них.
Я вижу лишь одну безмерность,
Надменность, слабость и неверность,
Свирепство, бешенство и лесть.
Доброта странная! откуда
Из злости сложенному чуду
Дается оной должна честь?³³

Сближает державинские оды с ломоносовским переводом и тема обличения тиранства, которой не было, конечно, у Фридриха: «И царь, невинных утеснитель, — / Равно вселенной всей злодей! (III, 296), — заявляет Державин. «Одне ли приключенья злые / Дают достоинство Царям? / Их славе, бедствиями обильной... ». ³⁴ — восклицает Ломоносов.

Доказательством возможной ориентации Державина на перевод Ломоносова может служить используемое им противопоставление Александра Македонского и Сократа:

Не тем велик в моих глазах
Попратель града Вавилона,
Что скипетры под ним лежат,
Но что, быть мнивши кубок с ядом,
Приял, не возмутился взглядом,
Яко божественный Сократ. (III, 292)

В свое время оно вызвало недоумение современников.³⁵ Спустя век, только на основании этого противопоставления Ш. Нодье заявил, что ода Руссо — подражание главе «О раскаянии» из «Опытов» Монтеня.³⁶ Используя в большинстве случаев исторические примеры Фридриха, обогащая свои оды лишь именами русских героев, Державин, упоминая Александра и Сократа, мог опираться на

³² Там же С. 662.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 663.

³⁵ Grubbs H. A. J.-B. Rousseau. P. 237.

³⁶ Нодье Ш. О подражании. Читайте старые книги. Кн. I. М., 1989. С. 86.

ломоносовские строки: «Себе Сократа вобразите / За Клитова убивца в ум <...> Тогда страшилище Эвфрата / Против венчанного Сократа / Последней будет человек».³⁷ О том, что это противопоставление ему хорошо знакомо, говорит полемическое осмысление позиции Александр — Сократ. Державин пытается примирить полководца и философа, уподобив первого второму. Эпитет Сократа «божественный» у Державина аналогичен ломоносовскому «венчаный».

Сближает оды Державина с переводом Ломоносова и интонация.

Таким образом, кажется небезосновательным предположить, что Державин при создании своих оригинальных од ориентировался одновременно и на немецкий прозаический перевод од Фридриха, и на ломоносовский перевод оды Руссо, так или иначе имея дело в конечном счете с одой «A la Fortune». Ориентация Державина на перевод Ломоносова сказалась, возможно, и в формуле названий. Перевод Ломоносова, появившийся в 1760 г. в «Полезном увеселении» вместе с альтернативным переводом той же оды Сумарокова, не имел русского заглавия. Но уже в отдельном издании этих переводов, книжке 1774 г., вероятно, не известной Державину,³⁸ он назван «На Фортуну». Скорее всего, такое название в литературном обиходе бытовало и раньше и было знакомо Державину. Само оно, достаточно вольное по отношению к французскому «A la Fortune», подчеркивает связь этой оды с одой торжественной, в названии которой, как правило, фигурирует предлог «на» («На победу...», «На рождение...» и т. п.).

Одами 1775 г. Державин сделал исключительно важный шаг по пути реформирования одического жанра. Вслед за Руссо он как бы взрывает изнутри форму торжественной оды, новым лирическим напряжением изменяя ее до неузнаваемости. Обновленный одический восторг позволяет говорить обо всем, что попадает в поле зрения поэта. В «жару души» в единое целое переплавляются темы торжественных и философских од, элегий, сатир. Это смешение жанров в рамках одной оды станет одной из принципиальных заслуг Державина перед русской поэзией. Но это будет замечено позже, начиная с 1779 г. Читалагайские же оды не привлекли особого внимания современников, в силу, вероятно, недостаточно художественной выразительности. В действительности, именно в них Державин впервые осуществил смешение жанров, создал, вернее воссоздал, на русской почве оду нового типа.

³⁷ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 664.

³⁸ Переводы из творений Жан-Батиста Руссо и г. Томаса. СПб., 1774.

Как ни странно, опыт 1775 г. не имел непосредственного продолжения. В последующие несколько лет Державин совершенно отходит от одического творчества и работает в жанрах легкой поэзии. Он вернется к оде лишь в 1779 г., и первой в ряду его триумфальных од будет «На смерть князя Мещерского».

Вместе с ней Державин впервые нашел русское воплощение гораианской оды. Вот тут-то, в работе над ней он, как, кажется, справедливо, указывает В. Ф. Ходасевич,³⁹ мог вспомнить и, скорее всего, вспомнил последнюю из переводных читалагайских од «К Мовтерпию». Ода «An Maupertuis» и две другие гораианские оды Фридриха из «Vermischte Gedichte», возможно, были первыми классическими гораианскими одами, с которыми столкнулся русский начинающий поэт. Тогда, четыре года назад, они, судя по всему, не вызвали у него особенного интереса. Он перевел лишь одну из них и, по-видимому, даже не делал попытки подражать им. Вероятно это связано с тем, что гораианская ода, в своем классическом европейском воплощении была слишком далека от литературных вкусов и опыта Державина 1775 г. Последующие четыре года все изменили. Вернувшись в столицу, Державин попадает в один из центров тогдашней литературной жизни, в кружок Н. А. Львова. Годы, проведенные в кругу друзей, стали заключительным этапом становления Державина. Этим годам он обязан не только очищением своего языка и стиля, удивительным совершенством версификации, но и, самое важное, расширением своего поэтического кругозора, формированием новых литературных вкусов и ориентаций. В эти годы в России как раз заметно возрастает интерес к одам Горация и гораианству со всем присущим ему комплексом идей, ценностей и вкусов. Литературные опыты 1775 г. подготовили Державина к восприятию гораианства: он знал его европейскую модификацию из «Vermischte Gedichte».

Возможно, что тип оды, над которым трудился Державин в Шафгаузене и который некогда ввел Руссо, был своего рода переходным моментом к гораианской оде нового времени. Сам Руссо достаточно скоро после своих успехов по усовершенствованию жанра одами конца 1700-х — начала 1710-х гг. в числе которых была «A la Fortune», создал французскую «гораианскую» оду и прославился как «Французский Гораций».⁴⁰ Непосредственный «учитель» Державина Фридрих, идя, возможно, по стопам знаменитого француза, также стал писать «гораианские» оды. Подобный путь совершил и Державин, надолго утвердившийся в сознании читающей публики «русским Горацием».

³⁹ Ходасевич В. Ф. Державин. С. 122—123.

⁴⁰ Grubbs H. A. J.-B. Rousseau. P. 277.

Действительно, тип оды, освоенный Державиным в 1775 г., та-
л в себе богатейшие возможности модернизаций жанра, в том
числе и гораціанской. Новый, очищенный лирический восторг дал
место в оде самому сложному синтезу размышлений и чувств, а так
же картин, навеянных ими. Непосредственным результатом этого
нового лирического восторга было смешение стилей, со всей выте-
кающей из него свободой языка, образов и т. п., а также, что не
менее важно, свободой в строфике и метрике. Все это привело в
последствии к разрушению оды и заменой ее стихотворением (вос-
торг же, как известно, сменился вдохновением).⁴¹

Много позднее, пытаясь определить жанр оды и его разновид-
ности в «Рассуждении о лирической поэзии», Державин выделяет, в
частности, «размыслительную» оду, относя к ней оду «На счастье» в
переводе Ломоносова, «Вельможу» (позднюю редакцию оды «На
знатность») и свою же оду «На коварство» (1790), созданную с
очевидной ориентацией на ломоносовский вариант оды «На счас-
тие» (в ней даже анафора сохранена: «доколе»). Таким образом, он
объединяет оды не только одного типа, но и созданные по единому
образцу. При этом им дается следующая характеристика: «В тако-
вых владычествует более всего дух и ум, нежели воображение и чув-
ствы; а потому картины в них редки или совсем не вместины. Они
наполняются паче глубокомыслием, или отвлеченными понятиями
<...> Гораций — неподражаемый в сем роде искусник». ⁴² Отсылка к
Горацию тут явно неуместна, ведь Державин не называет ни одной
оды Горация или «гораціанской» оды, но она вполне понятна и
чрезвычайно показательна. Державин ощущает близость «размысли-
тельного» типа оды к оде Горация или «гораціанской» оде, что для
него было в сущности одно и то же.

В другом месте «Рассуждения» Державин, давая общее опреде-
ление оды, для иллюстрации своего понимания жанра опять же
прибегает к оде «На счастье». Эта ода, по-видимому, была для него
эталоном жанра: «Ода или Гимн изображают только чувства сердца
в рассуждении какого-либо предмета, а не действия его. Где же ос-
танавливаются на действии, тут уже сближаются к Эпосе <...> До-
казывается сие одой „На счастье“, Жан-Баптиста Руссо, переведен-
ной г. Ломоносовым и Сумароковым. Последнего слог не соответст-
вует высокому содержанию подлинника» (VII, 522). Несмотря на
некоторое незначительное противоречие в характеристиках оды
Руссо (в первом ей отказывается в «чувствах», тогда как во втором

⁴¹ Пумпянский А. В. К истории классицизма: (Поэтика Ломоносова) // Кон-
текст—82. М., 1983. С. 313—317.

⁴² Западков В. А. Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г. Р. Дер-
жавина // XVIII век. А., 1989. Сб. 16. С. 297.

«изображение чувств» признается ее отличительной чертой), Державин удивительно верно определил особенность оды в «рассуждении» и в отсутствии картин и действия. Не менее справедливо его замечание, касающееся опасности оды «сблизиться к эпосе». Классическая торжественная ода несла в себе и эту возможность, ее использовал и развил в своем позднем творчестве В. П. Петров.⁴³

Державин же, «избрав свой совсем особый путь», повернул оду в совершенно иное русло: от эпоса к чистой лирике. Встать на этот «путь» в какой-то мере ему помогли в 1775 г. странный поэт-эпигон Фридрих и первоклассный одописец Руссо. «Особенность» пути заключалась в большой мере в том, что поэт мог говорить от своего лица, во весь голос, заглушивший всякие отзвуки ученичества и незаглушаемый временем.

⁴³ *Бараг А. Г.* О ломоносовской школе в русской поэзии XVIII века: Василий Петров // Учен. зап. каф. лит. и яз. Минского пед. ин-та. 1940. Вып. 1. С. 84.

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА Н. А. ЛЬВОВА «ЯМЩИКИ НА ПОДСТАВЕ»

Менее десяти лет отделяет друг от друга написание двух первых по времени комических опер Н. А. Львова, но, кажется, нет более несхожих в художественном отношении произведений поэта, чем «Сильф, или Мечта молодой женщины» (1778)¹ и «Ямщики на подставе» (1787). Если одна пьеса является переделкой нравоучительной сказки Ж. Ф. Мармонтеля «*Le mari Sylphe*» («Супруг Сильф») и в значительной степени навеяна парижскими впечатлениями Н. А. Львова в 1777 г., то другая, на первый взгляд, никоим образом не связана с европейской театральной традицией. Данные различия, как представляется, вызваны стремительностью развития жанра комической оперы во второй половине XVIII столетия. Так, если до 1778 г.² было написано всего 5 музыкальных пьес: «Анюта» М. И. Попова (постановка и публикация в 1772), «Любовник-колдунь» Н. П. Николева (преьера — 1772, публикация — 1779), «Деревенский праздник» В. И. Майкова (преьера и публикация — 1777), «Добрые солдаты» М. М. Хераскова (написаны до 1778, публикация в 1779), анонимная комическая опера «Перерождение» (преьера — 8 января 1777, публикация — 1779), то в 1778—1787 гг. они исчислялись десятками. В сущности это был недолгий расцвет русской комической оперы — жанр достиг апогея, завоевал

¹ См.: Розанов А. С. Композитор Н. П. Яхонтов // Музыкальное наследство. 1962. Т. 1. С. 11—64; Кукушкина Е. Д. Комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. 1980. Вып. 4. С. 48—53.

² О совместном пребывании в Париже с февраля по май 1777 г. М. Ф. Соимонова, Н. А. Львова и И. И. Хемницера см. в дневнике последнего: *Хемницер И. И. Сочинения и письма*. СПб., 1783. С. 371—394.

популярность, привлек всеобщее внимание. В этом причина обращения к комической опере писателей, придерживавшихся разных эстетических воззрений, и даже самой императрицы, а также возникновения полемики вокруг отдельных пьес.

В то же время жанр в значительной степени исчерпал себя, что, на наш взгляд, способствовало появлению «Ямщиков на подставе» (премьера 8 ноября 1787 г. в Петербурге, публикация в 1788 г. в Тамбове), ибо эта комическая опера по своему художественному строю в известной мере противостоит предшествующей традиции: в ней нет любовной интриги, арии и речитативы заменены народными песнями,³ речь персонажей пестрит диалектизмами, сюжет отсутствует, а действие, с точки зрения ряда исследователей, не завершено. Все это побуждает с особой тщательностью отнестись к анализу этого произведения, попытаться глубже проникнуть в творческий замысел драматурга.

О постановке «Ямщиков», точнее об их провале, сохранился всего один отзыв, да и тот составлен с чужих слов, ибо его автору, А. А. Шаховскому, в 1787 г. было всего десять лет от роду и он еще не жил в Петербурге. В «Летописи русского театра» Шаховской писал о большом количестве подражаний, вызванных «Мельником» Аблесимова, включив в их число интересующую нас комическую оперу. Отметим, что принадлежность «Ямщиков» Н. А. Львову не была секретом для современников: «Очень умный и просвещенный человек, по грехам его, сделал такую же оперку „Ямщик на подставе“: природный ум автора как-то не пришелся на сцене, может быть, за недостатком воображения. Ямщики не удержались на подставе, и шутка одного из них обратилась на беду сочинителя. Кто-то из наскучивших забавников, подняв хомут, спросил на сцене своих товарищей, кому-то он в пору, а злодей партер закричал: „автору“, и бедный автор, „за свой же труд — попал в хомут“».⁴

В работах историков русского музыкального театра, появившихся до революции (Н. П. Арапов, Б. В. Варнеке, А. М. Лобода, Н. В. Дризен, В. Н. Мочульский), разбор «Ямщиков на подставе» отсутствовал. Лишь в советское время текст Н. А. Львова и музыка Е. И. Фомина неоднократно привлекали внимание исследователей, высоко оценивших эту комическую оперу.

Так, А. С. Рабинович считает, что «эта сценка из жизни ямщи-

³ Многие из них впоследствии вошли в «Собрание русских народных песен с их голосами» Н. А. Львова и И. Прача (СПб., 1790). Об истории этого издания см. подробнее в кн.: A Collection of Russian Folk Songs by N. Lvov and I. Prach / Ed. M. H. Brown. Ann Arbor, London, 1988.

⁴ Шаховской А. А. Летопись русского театра // Репертуар русского театра на 1840 год. Т. 2, кн. 11. С. 5.

ков не претендует быть драматической пьесой и является, скорее, интермедией или дивертисментом».⁵ По мнению музыковеда, «не в фабуле, развитой весьма слабо», заключена суть пьесы, а в показе ямщицкой среды, быта, нравов, речей и, главное, песен: «Самые песни мало участвуют в развитии действия, так что сразу видно, что не песни для пьесы, а пьеса для песен. А речи и нравы описаны недурно, почти без фальши».⁶

А. А. Гозенпуд, также считающий «Ямщиков» дивертисментом, отмечает принципиальную новизну создания Н. А. Львова и Е. И. Фомина («„Ямщики“ — первая русская хоровая опера»)⁷, полагая, что в нем достигнуто ярчайшее «претворение» русской народной песни. То же мнение о развлекательности «Ямщиков» развивает в своем очерке творчества Е. И. Фомина Ю. В. Келдыш: «Рыхлая и малодейственная драматургическая фабула служит только поводом для развертывания ряда забавных комедийных и песенных эпизодов, что подчеркнуто авторским подзаголовком „игрище невзначай“».⁸

Историки драматургии также лишь в XX в. обратились к анализу пьесы Н. А. Львова. В статье В. Н. Всеволодского-Гернгросса «Неиспользованные сведения о комической опере Н. А. Львова „Ямщики на подставе“»⁹ обращено внимание на ряд неизвестных ранее документов, из которых наиболее примечательна анонимная сатира «К сочинителю оперы „Ямщики на подставе“ от искреннего его Доброхота». К сожалению, в статье нет анализа этого полемиического произведения в связи с борьбой литературных группировок 1770—1780-х гг., что оправдывает обращение к нему под иным углом зрения. Определенных коррективов требует, на наш взгляд, и заключительный вывод исследователя: «Во всяком случае, и либретто, и язык оперы, и музыка резко противостояли пасторальной обработке прочих „крестьянских“ опер. Это-то и вызвало отрицательное отношение к ней снобизирующего дворянства...»¹⁰

По мнению П. Н. Беркова, одного из наиболее авторитетных исследователей русской драматургии XVIII в., среди «псевдонародных комических опер, совершенно не затрагивавших проблемы кре-

⁵ Рабинович А. С. Русская опера до Глинки. М., 1948. С. 90—91.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России. Л., 1959. С. 165.

⁸ История русской музыки: В 10 т. М., 1985. Т. 3. ч. 2. С. 47.

⁹ Всеволодский-Гернгросс В. Н. Неиспользованные сведения о комической опере Н. А. Львова «Ямщики на подставе» // Ежегодник института истории искусств: Театр., М., 1955. С. 430—435.

¹⁰ Там же. С. 435.

постного права и стремившихся изобразить крестьянскую жизнь в идиллических тонах», особое место занимают «Ямщики на подставе» Н. А. Львова, «даровитого поэта, музыканта, собирателя фольклора», «знатока русской песни». Анализируя пьесу, ученый считал нужным отметить «незначительность содержания», а также то, что «гармония интересов народа и дворянства, народа и царского правительства всячески подчеркивается Львовым».¹¹ Место издания пьесы, видимо, стало источником неточности — П. Н. Берков утверждал, что все персонажи говорят на южновеликорусском (тамбовском) наречии, которое Н. А. Львов, по мнению исследователя, тщательно изучил. Длительные биографические разыскания дают нам право утверждать, что поэт в первую половину своей жизни не бывал в Тамбове и, следовательно, не мог изучить диалекта этой губернии. Ниже поэтому мы более подробно остановимся на данном вопросе.

Событием большого научного значения стала публикация в серии «Памятники русского музыкального искусства» партитуры «Ямщиков на подставе», хранящейся в Центральной нотной библиотеке Мариинского театра в Петербурге. Отметим сразу неудовлетворительность текстологической преамбулы этого издания, принципы которого определены весьма расплывчато: «Данное издание — первая публикация полного текста оперы. В основу его положены: 1) рукописная партитура „Ямщиков на подставе“, хранящаяся в Центральной нотной библиотеке Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова; 2) рукописная копия либретто Н. А. Львова, находящаяся в фонде Г. Р. Державина в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина; 3) печатное либретто, выпущенное тамбовским частным издательством в 1788 году».¹² Из этого обоснования не совсем ясно, в каких отношениях между собой находятся три источника текста «Ямщиков на подставе» — в действительности «Приношение его благородию С. М. Мкитрофанову» и диалоги (они отсутствуют в партитуре) опубликованы по рукописи Российской национальной библиотеки (тогда — Государственной Публичной), а музыкальные номера «вмонтированы» из манускрипта Центральной нотной библиотеки. Ряд в высшей степени спорных положений содержит статья Ю. В. Келдыша «Опера „Ямщики на подставе“ и ее авторы»,¹³

¹¹ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 260.

¹² Фокин Е. И. «Ямщики на подставе»: Опера. Партитура / Публ. и перелож. для фортепьяно И. М. Ветлицыной. Исслед. Ю. В. Келдыша и И. М. Ветлицыной. М., 1977. С. 7.

¹³ Там же. С. 193—204.

где отрицается факт постановки пьесы в Петербурге в 1787 г. на основании следующих стихов «Приношения его благородию С. М. Митрофанову», открывающего пьесу:

Как дразнишь ты других и взором и устами,
Так я вослед тебе залетными стихами
Героев крестецких, известных ямщиками,
Дразнить осмелился угарую артель.¹⁴

По мнению Ю. В. Келдыша, эти стихи «ясно свидетельствуют об участии Митрофанова с его хором и в постановке оперы», которая, считает исследователь, почему-то могла состояться только в Тамбове. На наш же взгляд, в них содержится лишь недвусмысленное указание на то, что «Ямщики на подставе» продолжают традицию хорового исполнения русских народных песен, которыми славились «песельники» С. М. Митрофанова. Оценивая либретто Н. А. Львова, Ю. В. Келдыш отказывает ему в «самостоятельной литературной ценности», порицая содержащуюся здесь «недвусмысленную лезть показному либерализму императрицы».¹⁵

В диссертации Е. Д. Кукушкиной «Драматургия комической оперы» (Л., 1980) разбор «Ямщиков на подставе» включен в главу, посвященную изображению крестьянской жизни в произведениях данного жанра; поэтому в центре внимания исследовательницы был лишь один из аспектов при рассмотрении создания Н. А. Львова. Е. Д. Кукушкиной также сделан ряд наблюдений о функции пейзажа в пьесе, использовании полилога, о характеристике различных персонажей, о художественном времени «Ямщиков»: «Действие обрывалось на половине фразы... Финал оперы подчеркивал, что в изображенном автором жизненном процессе завершился лишь какой-то этап. Процесс же как таковой, сама жизнь, продолжается».¹⁶ Плодотворна также, на наш взгляд, общая установка Е. Д. Кукушкиной — рассматривать «Ямщиков на подставе» не как дивертисмент, а как «хронику почти в чистом виде».

Большая работа, проделанная предшественниками, побуждает нас остановиться лишь на нескольких проблемах, не получивших должного освещения в литературе: 1) проблемы текстологии; 2) «Ямщики на подставе» как художественное целое; 3) пьеса

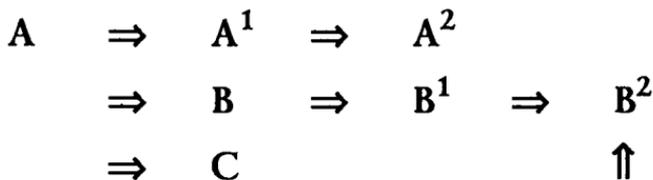
¹⁴ Цит. по: Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 198. Издатели партитуры, как и в ряде других случаев, не удержались от соблазна поправить подлинник, заменив «угарый» (диалектизм, означающий «веселый, буйный») на «угарный».

¹⁵ Фомин Е. И. «Ямщики на подставе». С. 197.

¹⁶ Кукушкина Е. Д. Драматургия русской комической оперы XVIII века: Дис. канд. филол. наук. Л., 1980. С. 79.

Н. А. Львова и литературная борьба 1770—1780-х гг.

Как нами уже указывалось выше, в издании партитуры «Ямщиков на подставе», подготовленном Ю. В. Келдышем и И. М. Ветлицыной, не были зафиксированы расхождения между тремя источниками текста комической оперы, что делает необходимым пристальный анализ их взаимоотношений, которые можно проиллюстрировать следующей стеммой:

Здесь A — первоначальный авторский текст, до нас не дошедший; A^1 — несохранившаяся копия, с которой делался набор в Тамбове; A^2 — тамбовское издание 1788 г.; B — несохранившаяся копия A , с которой работал Е. И. Фомин, готовя партитуру; B^1 — партитура, хранящаяся в Центральной нотной библиотеке Мариинского театра в Петербурге; B^2 — издание, подготовленное Ю. В. Келдышем и И. М. Ветлицыной в 1977 г.; C — рукопись «Ямщиков» в томе сочинений Н. А. Львова в рукописном отделе Российской национальной библиотеки.

Отметим большое число погрешностей, обнаруживаемых в издании 1788 г. при его сравнении с C , вина за которые падает, по всей видимости, на тамбовских наборщиков (слева нами указаны номера страниц в этой книге):

с. 6 (реплика 4-го ямщика): «Тришка Занега» вместо «Тришка Заноза»;

с. 6 (реплика Абрама): «Ах, вы глухи?» вместо «Аль вы глухи?»;

с. 10 (реплика Яньки): «матушке услужить» вместо «матушке-то услужить»;

(реплика Яньки): «послужите только» вместо «послужите вы только»;

с. 11 (песня Тимофея): «незгодушку» вместо «невзгодушку»;

с. 12 (реплика Яньки): «попричилось» вместо «попритчилось»;

с. 13 (песня ямщиков): изменена очередность второго и третьего стихов;

с. 19 (реплика Яньки): «стакались» вместо «остались»;

с. 21 (реплика 3-го ямщика): «статни» вместо «статки»;

с. 27 (реплика Яньки): «Да вот, сударь, тотчас» вместо «Да вот, сударь, почтарь»;

с. 30 (реплика Яньки): «по очам» вместо «по онучам»;

- с. 32 (реплика Вахруша): «гонит» вместо «гунит»;
- с. 33 (трио): «перетолка» вместо «перепелка»;
- с. 34 (реплика Абрама): «в забыль» вместо «в забыть»;
- с. 38: пропуск реплики Офицера «О, так ты озорничать? Свяжите-тко его»;
- с. 39 (реплика Офицера): «Уж и потому» вместо «Уж ты и потому»;
- с. 45 (реплика Абрама): «певцов» вместо «певцом» и ряд других.

Некоторые детали позволяют предположить в С сознательные исправления, принадлежащие самому Н. А. Львову. Особенно показательны в этом отношении реплики Тимофея и Яньки в конце IX явления:

Т и м о ф е й . Выбегите-тко, ребята (*двое ямщиков выходят*).
Иль впрям, аль чудо.

Я н ь к а . Морское, знашь... Смотри-тко, Пронька, твою ли он
Бурену оседал?...¹⁷

В рукописи Русской национальной библиотеки слова «чудо» и «морское» заменены словом «кульер», что, на наш взгляд, отражает авторское стремление к большей естественности речи персонажей из народа; некоторой корректировке подверглись авторские ремарки в XI и XIV явлениях; кроме того, в текст С было введено следующее «Наставление капельмейстеру»: «... Нет, барин, ты начини-ко помаленьку, как ямщик будто издали едет, не поет, а тананычет, а после, чтобы дремота не взяла, пошибче, да и по-молодецки, так дело то и с концом, ребята и подхватят... Пустого тут калякать нечего!»¹⁸

Отметим также, что в издании 1977 г. допущен ряд неточностей, которые можно устранить при сопоставлении с С (слева нами указаны страницы в издании 1977 г.):

- с. 15 (наставление капельмейстеру): пропуск глагола «едет»;
- с. 109 (реплика Яньки): «Ах ты бажоная» вместо «жадобная моя»;
- с. 109 (реплика Фадеевны): «грешные» вместо «горемышные»;
- с. 109 (реплика Яньки): «нишкни» вместо «нишни» и др.

Наиболее исправным, на наш взгляд, является текст «Ямщиков на подставе», находящийся в Российской национальной библиотеке. Он несомненно должен быть признан наиболее полно выражающим последнюю авторскую волю — однако и в данном случае не-

¹⁷ Львов Н. А. Ямщики на подставе. Тамбов, 1788. С. 21—22.

¹⁸ РНБ, ф. 247, т. 37, л. 40 об.

обходимы некоторые оговорки. Мысль о составлении этого тома (на его корешке вытеснена дата начала записей — 1797 г.) возникла у Н. А. Львова после пропажи его рукописей в 1795 г., на что поэт жаловался в своих письмах В. В. Капнисту и Н. П. Яхонтову (от 28 сентября 1795 и 10 сентября 1796 г.).¹⁹ Заполнение этой книги, полученной, по-видимому, в дар от известного библиофила Д. П. Бутурлина, относится ко второй половине 1790-х—1800-м гг.;²⁰ она содержит автографы произведений Н. А. Львова, их копии (до л. 81, об.), а также списки стихотворений, сделанные рукой секретаря Г. Р. Державина Евстафия Абрамова уже в 1800-е гг. К сожалению, копии с произведений Н. А. Львова, делавшиеся еще при жизни поэта с рукописей, бытовавших среди его друзей и родственников, по большей части не были выверены автором,²¹ Данное утверждение относится к рукописи «Ямщиков», орфография которых была модернизирована в сравнении с А², а местоимение «еракий» в нескольких случаях заменено на «этакий» или «эдакий». Подобные исправления, как представляется, были внесены в авторский текст переписчиками, в силу чего при будущем переиздании их необходимо устранить.

Данный список важен также потому, что он дает новые данные о премьерe «Ямщиков на подставe», еще недавно оспаривавшейся Ю. В. Келдышем.²² Во-первых, на титульном листе есть указание «8 ноября 1787 года», принятое музыковедами за дату премьеры²³; во-вторых, на обороте сорокового листа находим перечень действующих лиц и исполнителей, отсутствующий в печатном издании и партитуре:

«Фадеевна — госпожа Быстреева;
Тимофей Бураков — г-н Камушков;
Абрам, отец его, старик седой — г-н Крутитской;
Янька, ямщик молодой — г-н Воробьев;
Офицер на подставe — г-н Шарапов;

¹⁹ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 391; ГПБ, ф. 247, т. 37, л. 58.

²⁰ Ср. помету Н. А. Львова на обороте обложки альбома: «В Москве 1797 февраля 15 от графа Бутурлина», а также письмо Н. А. Львова к А. Р. Воронцову из Москвы от 4 марта 1801 г., где упомянуто о знакомстве поэта с книжным собранием Д. П. Бутурлина (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3. № 714, л. 39).

²¹ Укажем, например, что текст «Ботанического путешествия на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня» Н. А. Львова содержит ряд пропусков, восстанавливаемых по первой публикации этой поэмы (Северный вестник. 1805. Ч. 5, № 2. С. 111—113).

²² Фомин Е. И. Ямщики на подставe. С. 196.

²³ История русской музыки. М., 1985. Т. 3, ч. 2. С. 391.

Курьер — г-н Волков;
Четыре ямщика с словами и поющих;
Вахруш, деревенский олух — г-н Суслов;
Бобыль — г-н Рохманов;
Двое рассыльщиков — Золин и Савинов».

Наиболее известны из перечисленных выше актеров Антон Михайлович Крутицкий (1754—1803), Сергей Ефимович Рахманов (1759—1810), Яков Степанович Воробьев (1766—1809), сведения о которых содержатся в основных справочных изданиях. В «Летописи русского театра» П. Арапова находим следующую характеристику почти всех актеров, заинтересовавших нас в связи с премьерой «Ямщиков на подставе»: «Василий Шарапов, хороший певец, играл разные характерные роли... Николай Суслов — простаков и проч. Максим Волков — дураков и проч. Сергей Рахманов сделался известен ролями Скотинина и Бригадира... Крутицкий Антон Васильевич, чрезвычайно разнообразный комический талант, играл комических стариков, был превосходен в ролях Мельника, Волдырева (в оп. «Сбитенщик») и Гарпагона... Воробьев Яков Степанович, ученик Дмитревского, отличный буфф... Лукьян Камушков, певец, имевший замечательный голос, играл тиранов и резонеров».²⁴ Чуть ниже П. Араповым были упомянуты Степан Золин и Иван Савин. По сведениям «Архива дирекции императорских театров», все эти лица (лишь о госпоже Быстреевой никаких данных разыскать не удалось) в 1787 г. состояли в Петербургской труппе Российского театра.²⁵ Таким образом, премьера могла состояться либо на сцене Каменного (Большого) театра, либо Деревянного (Малого) театра, подчиненных Дирекции императорских театров.²⁶

Сценическая судьба «Ямщиков на подставе» в значительной мере была определена особенностями художественного замысла этой комической оперы, названной автором «игрище невзначай». Это указание, как принято считать, должно было подчеркивать связь комической оперы с народными представлениями. Действительно, «игрищем» в XVIII столетии называли фарсы ряженных на святках и на масленице,²⁷ против которых неоднократно выступали русские классицисты, и в первую очередь их глава А. П. Сумароков, писав-

²⁴ Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 104.

²⁵ Архив дирекции императорских театров. СПб., 1892. Вып. 1. Отд. II, с. 315—316, 387.

²⁶ Там же. Отд. III, с. 368—375; Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театральные задания в Петербурге в XVIII столетии // Старые годы. 1910. Февр. С. 24—28.

²⁷ Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии // ТОДРА. Л., 1955. Т. 11. С. 298.

ший в «Эпистоле о стихотворстве» (1748):

Для знающих людей ты игрищу не пиши.
Смешить без разума — дар подлая души.

Об этом отзыве Н. А. Львов, сочувственно цитировавший стихи Сумарокова в своих черновиках 1770-х гг., несомненно знал; поэтому подобный подзаголовок, утверждавший эстетическую ценность тематики из жизни простонародья, был изначально полемичен. Второй компонент дефиниции Н. А. Львова подчеркивал хроникальность пьесы, максимальную точность воспроизведения жизни ямщиков.

Действительно, содержание пьесы Н. А. Львова, на первый взгляд, незначительно, однако это впечатление обманчиво. Комические оперы XVIII в. в большой степени были рупором философских идей эпохи Просвещения, что неоднократно подчеркивалось историками французского театра.²⁸ В данном случае вполне закономерна экстраполяция по отношению к русскому материалу, поэтому «Ямщик на подставе» позволительно рассматривать как произведение, отразившее серьезные размышления Н. А. Львова о роли, которую должно сыграть самодержавие по отношению к многомиллионному русскому крестьянству. Существенно также то, что именно в 1780-е гг. были созданы комические оперы Екатерины II («Февей», «Новгородский богатырь Боеславич» и др.), открывающие историю долгих поисков монархической идеологии «народности». Н. А. Львов ищет свое, отличное от официального, решение узловой для русской истории проблемы, поэтому особое значение для понимания его замысла имеет образ офицера, представителя власти; до сих пор, к сожалению, ему не было уделено должное внимание. Нельзя игнорировать и то, что действие пьесы локализовано во времени с точностью до дня — проезд Екатерины II через Крестцы, завершающий пьесу, состоялся 6 июля 1787 г., как свидетельствует «Журнал высочайшего путешествия Екатерины II... в полуденные страны России в 1787 году», составленный А. В. Храповицким: «Июля 6. Начав путешествие в 8 часов утра через Яжелбицы 23, в городе Крестцах 38 верст, ее величество благоволила иметь обеденный стол, и была тут обыкновенная встреча от городских чинов-

²⁸ Иванюв И. Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века. М., 1895. С. 215—225.

ников и купечества».²⁹

Окончание пьесы совпадает с восстановлением справедливости, разоблачением мошенника Фильки Пролазы; таким образом, проезд императрицы как бы становится символом ее благополучного правления. Финал оперы поэтому — не верноподданическая констатация, а, скорее, изображение желаемого, в чем убеждает вся пьеса. Просветительский театр был призван не только показать действительные социальные проблемы, но также предложить определенные рецепты для исправления злоупотреблений, в связи с чем в высшей степени оправданно мнение Г. А. Гуковского, что окончание «Недоросля» Д. И. Фонвизина (отдача имения Простаковой в опеку) рекомендательно: «Развязка „Недоросля“ — это изображение не того, что фактически делает власть, а того, что она должна делать и не делает».³⁰

Это соображение позволяет утверждать, что данная комическая опера в значительной мере выражает положительную программу Н. А. Львова (напомним, что об идиллической тенденции пьесы писал еще П. Н. Берков),³¹ который, по-видимому, считал, что гармония интересов государства в лице служащего дворянства и крестьян достижима при условии исполнения существующих законов и сохранения в неприкосновенности стихии народной жизни. Образ офицера, близкий по замыслу Стародуму в произведениях Д. И. Фонвизина, — это, по всей вероятности, воплощение идеального дворянина, каким его представлял Н. А. Львов. Как и Стародум, данное действующее лицо очерчено весьма схематично, о нем можно сказать лишь то, что оно способствует восстановлению справедливости, ведет себя согласно законам чести — офицер наказывает пьяного курьера, спасает Тимофея Буракова от рекрутчины.

Представители простонародья, напротив, индивидуализированы Львовым в значительно большей степени, характер каждого из них раскрыт в пьесе: Абрам — деловитый глава патриархальной семьи, Тимофей — работающий немногословный мужик, Янька — весельчак, песенник, балагур, Вахруш — деревенский простак и т. д.

На протяжении всей пьесы ямщики ведут себя по отношению к представителю власти подчеркнуто уважительно, кланяются, бросаются в ноги, но их подлинные чувства становятся явными лишь в финале, когда Тимофея вне очереди пытаются отдать в солдаты. В этот момент выясняется, что крестьянская община встала на сто-

²⁹ Храповицкий А. В. Журнал высочайшего путешествия... М., 1787. С. 133.

³⁰ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 335.

³¹ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 260.

рону обидчика («мир покривил душой», «бороды с Филькой Пролазой»). Та же коллизия незаконной отдачи в рекруты, как известно, положена в основу комической оперы Я. Б. Княжина «Несчастье от кареты». Но если возлюбленный Анюты Лукьян спасается благодаря знанию несколько французских слов, чем вызывает симпатию своих хозяев, галломанов Фирюлиных, то в комической опере Н. А. Львова представитель самодержавия восстанавливает справедливость именно в тот момент, когда традиционный уклад оказывается неспособен защитить Тимофея от произвола. Отзвуком реальных отношений между администрацией и ее подчиненными служит финальная реплика ямщиков: «Давай Бог нам век ераких командиров», — что одновременно подчеркивает заслуженное офицером уважение и модальность концовки — оптатив.

Принципиальное значение имело избрание Н. А. Львовым в качестве объекта изображения ямщиков, свободных от крепостной зависимости, что помогло драматургу показать ту часть русского народа, которая была в наименьшей степени стеснена в своем развитии (руководствуясь сходными художественными задачами, то же позднее сделал А. Н. Радищев в главе «Едрово» «Путешествия из Петербурга в Москву»). Новаторство Н. А. Львова проявилось и в том, что в отличие от других комических опер того времени, действующие лица которых в значительной мере сколки типажей западноевропейских пьес (криспенов, инженеру, субреток и т. д.), драматург впервые с симпатией изобразил жизнь русских ямщиков как особый мир, подвластный своим законам. Этот художественный эффект достигается разнообразными средствами — использованием диалектизмов, введением в комическую оперу народных песен, установкой на хроникальность, предполагающей значимость любой бытовой мелочи и оправдывающей тем ее сценическое воспроизведение. В XII явлении, кроме того, как уже указывалось исследователями, Н. А. Львов использовал популярнейший прием народного театра — взаимное непонимание говорящих:

О ф и ц е р . Да кто ты такой?...

В а х р у ш . А кто ты такой? Вахруш Холынской.

О ф и ц е р (*в нетерпеливости*). Да, ямщик, что ли ты дурак?

В а х р у ш . А, дурак, не, кормилец, я мужик.

О ф и ц е р . Я вижу, что ты не барин, да какой ты мужик?

В а х р у ш (*смеясь*). А какой мужик?... костяной да жилиной.
(ямщики смеются).³²

Максимальная приближенность речи персонажей комической оперы Н. А. Львова к языку простого народа неоднократно отмеча-

³² Львов Н. А. Ямщики на подставе. С. 28—29.

лась исследователями. Как известно, в предшествующий период (1760-е—1770-е гг.) русских комедиографов не отличала последовательность в таком важном вопросе, как речевая характеристика действующих лиц: «Создавалось впечатление, что авторы, пытавшиеся передать язык крестьян,— писал П. Н. Берков,— не имели точных представлений об особенностях какого-либо определенного говора, но „создавали“ особый крестьянский язык, механически соединяя все, что было известно об отличиях языка деревни от литературной или, по крайней мере, от городской нормы».³³

В статье «Лексика народной разговорной речи» к сходным выводам приходит Г. П. Князькова, считая это естественным следствием натуралистического воспроизведения действительности: «...типологическая и внутренняя обусловленность речи персонажей драматического произведения, раскрытие образа через смысловое содержание речи, присущие реалистическому методу, еще не доступны натуралистической комедии. Для нее характерно внимание к броским деталям речи: к элементам простонародным, областным, а также к специальной лексике как к средствам социально-характерологического различения персонажей».³⁴

В начале 1780-х гг. нарочитая «засоренность» реплик «низких» персонажей диалектизмами и просторечием становится объектом критики ряда писателей. В первую очередь в связи с этим нужно назвать предисловие к «Розане и Любиму» Н. П. Николева, где писатель выступает против воспроизведения в комических операх «низкого и подлого речения российской черни». Как убедительно доказал П. Н. Берков, в связи с этим в начале 1780-х гг. складывается новый подход к языку музыкальных пьес: «Успех ли „Розаны и Любима“ (роль лесника Семена составила славу одного из крупнейших московских актеров 1770-х—1780-х гг. — Ожогина), общая ли реакция против механического изображения условного крестьянского языка,— во всяком случае, с конца 1770-х гг. все реже и реже встречается диалектная характеристика крестьянских персонажей и сменяется тем, что сделал Николев со своим лесником, наделив его речью, лишь слегка окрашенной „оканьем“ и просторечием подмосковных крестьян. Так была разрешена довольно сложная для комедиографов XVIII века проблема крестьянского языка».³⁵

³³ Берков П. Н. О языке русской комедии XVIII века // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. М.; Л., 1949. Т. 8, вып. 1. С. 43.

³⁴ Князькова Г. П. Лексика народной разговорной речи в комедии и комической опере 60—70-х годов XVIII века // Материалы и исследования по лексике XVIII века. М.; Л., 1965. С. 221.

³⁵ Берков П. Н. О языке русской комедии XVIII века. С. 44.

Тем неожиданной было в 1787 г. выступление Н. А. Львова с комической оперой «Ямщики на подставе», которой он бросал вызов сложившейся традиции речевых характеристик «низких» персонажей. Не все диалектизмы, как представляется, были понятны тогдашним столичным зрителям; то же можно сказать и о современном читателе. Еще П. Н. Берков отмечал, что значение лексем «хольня» и «лезный» не поддается объяснению.³⁶ К ним можно прибавить также следующие слова и выражения: «замумереть» (видимо, сбить с толку); «якомоньский», «аменьонный жид», «попудить», «обмен» (вероятно, оборотень, колдун). Ни один из словарей, включающих русскую диалектную лексику, их не содержит, однако эти справочные издания позволяют установить, что большая часть диалектизмов, употребленных Н. А. Львовым, — тверского происхождения.

В «Опыте областного великорусского словаря» (СПб., 1852) зафиксированы следующие лексемы, употребляемые в «Ямщиках»: «домовь» (Тверская губ., Новоторский у.) — домой; «жадобный» (Тверская губ., Вышневолоцкой и Новоторский у.) — милый; «жох» (Тверская губ.) — мужлан, грубиян; «зобать» (Тверская губ.) — есть что-либо мелкое, рассыпчатое; «нишнуть» (Тверская губ., Весьегонский, Осташковский, Старицкий у.) — молчать; «чупрыснуть», «чупрыснуть» (Тверская губ., Вышневолоцкой, Кашинский и Новоторский у.) — ударить. То, что глагол «тананычить» (петь что-либо неразборчиво, под нос себе) был присущ тверским говорам, отмечено и в «Дополнении к опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1858), и в «Толковом словаре» В. И. Даля. Последний содержит подобные указания о словах «баженный» (желанный, милый), «калякать» (говорить). В современном «Словаре русских народных говоров» зафиксировано употребление лексем «анамнясь» (на днях) и «макуша» (макушка) на территории нынешней Тверской области. Некоторое число диалектизмов — «угарый» (буйный, веселый), «бараблить» (перебирать руками и ногами по земле), «статочный» (возможный, могущий быть), «гольтепа» (голытьба), «прикорнать» (зарезать, убить), «попритчиться» (померещиться), «ляд» (черт, леший), «кутить» (крутить), «збьить» (забвение) — было достоянием многих говоров, как показывает обращение к вышеупомянутым изданиям. Хотя в этих словарях не зафиксировано употребление прилагательного «еракий» (эта-

³⁶ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. С. 261. Отметим сразу, что слово «Хольня» является топонимом. Ср.: «Хольня — левый приток р. Полисти Новгородской губ., имеет дл. 40 вер. и впадает в Полисть выше г. Ст. Руссы: весною она справна» (Семенов П. Географическо-статистический словарь российской империи. СПб., 1885. Т. 5. С. 521). Возможно, имеется в виду также одноименная деревня недалеко от Новгорода.

кий), его нельзя считать изобретением Н. А. Львова, ибо во Владимирской области существует наречие «ерак» (этак).³⁷

К сожалению, говоры Тверской области не были систематически описаны, поэтому значения некоторых слов в «Ямщиках на подставе», по-видимому, утрачены. Однако даже то, что известно, позволяет утверждать, что при воссоздании речи крестецких ямщиков Н. А. Львов использовал диалект местности, где находилось его родовое поместье Черенчицы (Новоторский у. Тверской губ.).

Этот вывод подтверждается и фонетическими (употребление местоимений с протетическими «й» — «йон», «йона», «йоно») и грамматическими (стяженные личные формы глаголов — «кланься», «знашь», «слухашь») особенностями речи ямщиков. Некоторые лексемы в пьесе связаны с городским просторечием (например, «кульбер»), но их число незначительно. Таким образом, Н. А. Львов придал речи ямщиков черты несвойственного им диалекта, ибо Крестцы в 1780-е гг. были уездным городом не Тверской, а Новгородской губернии.³⁸ По всей видимости, драматург хотел наделить героев своей пьесы речью, которую он знал и любил с детства, этнографическая же точность при этом для него не была важна.

Не все словечки комической оперы Н. А. Львова были ясны уже тамбовским наборщикам XVIII в., как показывает сравнение рукописи «Ямщиков», их партитуры и печатного экземпляра. Приведем реплику Вахруша в XII явлении, в которой он описывает поведение курьера: «А йаго кони-то и ау, йоң кони-то бросил, знашь, да меня как в макушу-то гонит...»³⁹ И в В и в С в этой фразе употреблен глагол «гунить» (согласно словарю В. И. Даля — ударить, бить), общий смысл предложения делает подобную конъектуру весьма убедительной.

Новаторство Н. А. Львова, нетрадиционно смелое отношение к жанру комической оперы, ее тематике, языку и т. д., по-видимому, стало причиной непонимания петербургской публикой авторского замысла. Несмотря на неудачу, Н. А. Львов издает пьесу а Тамбове, где в то время губернатором был его друг, Г. Р. Державин: следовательно, пьеса и после ее провала на столичных подмостках не потеряла для автора свою ценность.

³⁷ Словарь русских народных говоров. А., 1972. Вып. 8. С. 364.

³⁸ Ср.: «Город Крестцы расположен при Московском шоссе, на левом берегу р. Холовы, впадающей в Мсту... В XVIII в. погост был только „ямом“, и жители его занимались гоньбою. В 1776 г. Крестцы были возведены на степень уездного города Новгородского наместничества (в 1796 г. город был оставлен за штатом, но через шесть лет снова восстановлен в степени уездного города)» (Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. П. П. Семенова. СПб., 1900. Т. 3: Озерная область. С. 354.).

³⁹ Львов Н. А. Ямщики на подставе. С. 32.

Отсутствие откликов в периодике того времени, в переписке, мемуарах не дает возможности воссоздать полемику вокруг «Ямщиков» в полном ее объеме. Единственным источником знаний об этих событиях остается анонимная сатира «К сочинителю оперы под названием „Ямщики на подставе“ от искреннего его доброхота», сохранившаяся в архиве Пушкинского Дома.⁴⁰ Ее анализу необходимо предпослать краткий обзор истории литературных полемик конца 1770-х — начала 1780-х гг. с которыми сатира теснейшим образом связана.⁴¹

Наметившиеся среди русских литераторов разногласия перешли в ожесточенную полемику, после того как в столичных театрах были поставлены «Розана и Любим» Н. П. Николева (26 декабря 1778 г.) и «Несчастье от кареты» Я. Б. Княжина (20 декабря 1779 г.). С одной стороны выступила группа писателей, активно поддержавших Я. Б. Княжнина. — В. В. Капнист («Сатира первая»), И. И. Хемницер (эпиграммы, басня «Черви»), Арсеньев (сатира «Обед Мидасов»)⁴² Хотя открытых выступлений Н. А. Львова, Г. Р. Державина в 1779—1781 гг., по-видимому, не было, симпатии их несомненно были на стороне В. В. Капниста и И. И. Хемницера. Существенно и то, что все вышеуказанные лица (кроме Арсеньева, о котором до сих пор почти ничего не известно) печатались в 1779—1780 гг. в «Санкт-Петербургском вестнике», т. е. именно тогда, когда в число его редакторов вошел Я. Б. Княжин.

О взаимоотношениях двух крупнейших драматургов 1770-х гг. можно судить лишь предположительно. В 1765 г. принадлежность Д. И. Фонвизина к кружку И. П. Елагина и В. И. Лукина стала причиной резкого выступления Я. Б. Княжина,⁴³ задевшего всех членов этой литературной группировки. Последовавшая затем ссора Д. И. Фонвизина с В. И. Лукиным, переход под начало Н. И. Панина, а также протекшие 15 лет, видимо, лишили давнее столкновение актуальности. Во всяком случае, члены львовско-державинского кружка в 1780-е гг. поддержали Д. И. Фонвизина, ставшего объектом нападок из противоположного лагеря.⁴⁴

⁴⁰ ИРЛИ, ф. 93. оп. 2, № 103, л. 62—63.

⁴¹ См.: *Серман И. З.* Молодой Крылов и театр // И. А. Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975; *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века. С. 201—203.

⁴² *Степанов В. П.* Из истории литературных полемик XVIII века («Обед Мидасов») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1976. С. 131—146.

⁴³ См.: *Кулакова А. И.* Неизданная поэма Я. Б. Княжина // Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Л., 1971. С. 73—93.

⁴⁴ *Степанов В. П.* Poleмика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недо-

Вторая группа состояла из ближайшего окружения Н. П. Николаева. В первую очередь это поэт-сатирик Д. П. Горчаков, Ф. Г. Карин, Д. И. Хвостов. В 1770-х гг. близок к львовско-державинскому кружку был А. С. Хвостов, его ренегатство и нападки на Д. И. Фонвизина и Н. А. Львова заклеил в своих эпиграммах И. И. Хемницер. В начале 1780-х гг. А. С. Хвостов сблизился с окружением Н. П. Николаева, а состоявшаяся 15 июня 1781 г. премьера «Самолюбивого стихотворца», принадлежавшего перу последнего, лишь накалила страсти.

Примечательно также, что оба лагеря писателей, неоднократно заявлявших о своей приверженности классицистической эстетике, были единодушны в оценке комической оперы А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (премьера 20 января 1779), сразу завоевавшей симпатии демократической аудитории. Их особенно шокировало появление на сцене лошади, широкое использование просторечия, фарсовых положений. Публикуемая ниже сатира «К сочинителю оперы под названием „Ямщики на подставе“ от искреннего его доброхота» дает основание утверждать, что во второй половине 1780-х гг. разногласия не уменьшились. Однако если Капнист при повторной публикации своей сатиры в 1783 г. в пятой части «Собеседника любителей русского слова» исключил из нее выпады против бездарных, по его мнению, литераторов, то в кружке Николаева не отказались от испытанного оружия. Незвестный автор сатиры прекрасно знал, в кого он метил. Не были для него секретом и градостроительные занятия Н. А. Львова, которому он советует: «держись архитектуры».

Особенный интерес представляет примечание первое, где комментируется начальный стих сатиры «Артельщик рифмачей последнего набора...»: «Набор сей кончился в исходе 785 года, а кто любопытен видеть об них формулярной список, тот может прочесть на Святки сочиненные песни, коим продолжение будет и впредь».⁴⁵ Как известно, нозлями славился Д. П. Горчаков; здесь имеются в виду его «Святки», обычно датируемые 1781 г.,⁴⁶ где высмеиваются Фонвизин, Капнист, Арсеньев и некоторые другие писатели, поэтому можно предположить, что автором данной сатиры был кто-либо из окружения Д. П. Горчакова.

росля» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 204—229.

⁴⁵ ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 103, л. 62.

⁴⁶ Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX века. Л., 1959. С. 93. Возможно также, что «Святки» дополнялись автором, в них вводились новые куплеты — в зависимости от литературной ситуации 1780-х гг.

Из другого примечания явствует, что у пьесы было определенное число «поборников», т. е. сатира вызвана противостоянием двух литературных группировок: «Из таковых (т. е. почитателей «Ямщиков на подставе». — К. Л.-Д.) некоторые и теперь нашлись, кои защищают сию оперу, но сие простительно, ибо рыбак рыбака далеко в плюсе видит». ⁴⁷

Литературные достоинства сатиры «К сочинителю оперы под названием «Ямщики на подставе» от искреннего его доброхота» невелики — ее выпады грубы, критику по большей части заменяет брань и т. д. Не было оригинальным и описание восхождения высмеиваемого драматурга на Парнас, традиционно использовавшееся авторами сатирических произведений XVIII столетия. Музы, следящие за его приближением, обвиняют автора «Ямщиков» и в развращении православия, и в пропаганде раскола, и наконец, велят «вести его в ямскую на кабак». Финальные стихи сатиры убеждают также, что наибольшее возмущение ее сочинителя вызвала тематика комической оперы, речевая характеристика действующих лиц, народные песни. Таким образом, консерватизм эстетических вкусов большей части театральной публики стал главной причиной непонимания замысла Н. А. Львова, вызвал ожесточенные нападки из лагеря его недругов.

Однако провал «Ямщиков» на столичной сцене не стал причиной охлаждения автора к своему произведению — в этом отношении весьма показательным включение этой пьесы Н. А. Львовым в 1790-е гг. в состав рукописного собрания своих сочинений; от имени «Ваньки-ямщика» написано также посвящение В. В. Капнисту комической оперы «Парисов суд» (1796).⁴⁸ Значение «Ямщиков на подставе», родившихся, на наш взгляд, из практики домашних концертов в доме Н. А. Львова,⁴⁹ выходит далеко за пределы родственного круга, в связи с чем особый интерес приобретает факт постановки этой комической оперы в 1790-е гг. в имении А. Р. Воронцова Андреевском (Владимирской губ.),⁵⁰ а также введение народных песен в текст «Начального управления Олега» Екатерины II (1787).

Публикуемая ниже анонимная сатира «К сочинителю оперы под названием „Ямщики на подставе“ от искреннего его доброхота» (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 103, л. 62—63) несомненно является за-

⁴⁷ ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 103, л. 62 об.

⁴⁸ ГПБ, ф. 247, № 37, л. 15.

⁴⁹ См. об этом: *Львов Ф. П.* О пении в России. СПб., 1834. С. 44—45; Объяснения на сочинения Державина, изданные Ф. П. Львовым. СПб., 1834. Ч. 1. С. 25—28

⁵⁰ *Щеглова С. А.* Воронцовский крепостной театр // Язык и литература; Л., 1926. Вып. 1—2, т. 1. С. 323—350.

служивающим внимания памятником литературных полемик XVIII в., при скудости данных о которых существенно всякое свидетельство. Введение в научный оборот подобного рода документов дает, на наш взгляд, более полное представление не только о столкновениях на русском Парнасе в 1780-е гг., но и об истории литературы в целом, для понимания которой важны не только эстетические воззрения писателей, но также в значительной мере их личные амбиции.

* * *

ПРИЛОЖЕНИЕ

К сочинителю оперы под названием «Ямщики на подставе» от искреннего его доброхота

Артельщик рифмачей последнего набора,¹
Причетник Муз, звонарь Парнасского собора!
Скажи мне, кто тебя на дерзость поощрил,
Чтоб оперу свою ты публике открыл?
Знаток всяк, кто ея ни слышит, ни читает,
Не иначе тебя, как за враля считает;
Ямщицьи песни ты собирая, не потел,
Но их скопировав, наврал, что <за>хотел.
Привыкнув к плотничью топорну грубу стуку,²
Срубил и оперу всей публике на скуку.
Руби и впредь, лишь быть писцом ты не желай,
Но кто умней тебя, тому то оставляй.
Ты чаял, может быть, что Музы — девки-дуры,
Нет, ты ошибся в том. Держись архитектуры.
Когда не может кто Пегаса³ оседлать,
Почто ж тому на нем охота развезжать?
На неоседланном коне скакать опасно,
Падение с него случается несластно;
Пегасу надобно покрепче седока,
Он на себе терпеть не может дурака.
Недавно видеть нам тебя на нем случилось,
Падение твое пред всеми учинилось;
Как на подставу ты с сопелкою скакал,

¹ Набор сей кончился в исходе 785 года, а кто любопытен видеть об них формулярной список, тот может прочесть на Святки сочиненныя песни, коим продолжение будет и впредь.

² Надобно знать, что г. сочинитель оперы сея несколько морочует в гражданской архитектуре, нередко однако ж выдавая чужие рисунки за свои собственные.

³ Пегас — крылатой конь, которого употребляют Музы для своего путешествия.

Ты сам себе тогда погибели искал.
Сперва казался нам почти под небесами,
Вдруг видим мы тебя упавша вверх ногами.
Я говорил тебе: «Послушайся меня,
Пожалуй, поскорей слезай долой с коня.
А как, мой друг, твои желанья неудачны,
То скройся поскорей во рвы химеры мрачны.
Там можешь оперы ты ставить наподряд,
Поборники твои⁴ похвалят весь твой склад,
Но свету сообщать их не имей повадки,
И знай, что все твои творенья будут гадки».
Лишь на Парнасе стал твой Музам виден лоб,
Вещали все они: «Конечно, протопоп.
Аввакум,⁵ сволочь всю к писанью поощряет
И православие все наше развращает».
Талия тут рекла: «Мне кажется, дергач
К нам залетел сюда, иль площадной рифмач».
«Сестрица! — все рекли, сей глас есть глас кукушки,
Которой скучен и не стоит ни полушки.
Велим мы ястребам сейчас ее задрать
Иль с наших гор скорей на мрачной дол согнать».
Но лишь возвещено Панасскому собору,
Что новой стиходей на их взобрался гору
С толпою ямщиков и на простом коне,
Приговорили ты карать по сей вине,
Чтоб перьем ты чужим отнюдь не украшался
И впредь сумбур писать никак не покушался.
Я слышал вот какой там сделан приговор:
Пред всеми высечь ты за сумасбродный вздор,
Но отменив, что как одна такая рожа
К затеям таковым быть может токмо гожа,
Постановили: «Чтоб на твой негодный зрак
И на вранье твое плевал писатель всяк,
А чтоб не затевал еще проказы новы,
Велели, заключив тебя сейчас в оковы,
С Парнаса прямо весть в ямскую на кабак
При пенье оперы всей шайкою бурлак,
Дабы касаться впредь не смел парнаска дола
И между Музами не произвел раскола».

⁴ Из таковых некоторые и теперь нашлись, кои защищают сию оперу, но сие простительно, ибо рыбак рыбака далеко в плюсе видит.

⁵ Аввакум-протопоп был защитник раскольничьей секты, известной под названием аввакумовщины.

Ю. В. СТЕННИК

**ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И СТИЛЯ В ЖУРНАЛЕ
«СОБЕСЕДНИК ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО СЛОВА»**

Проблема выработки норм литературного языка сохраняла свою актуальность на всем протяжении XVIII в. И хотя представления о средствах достижения стилевой выразительности в отдельные периоды менялись, общим оставалось понимание масштабности задач, которые были поставлены перед литературой новой эпохи. Важной вехой в этом процессе стала деятельность Российской академии и вышедшего под патронажем ее директора, одновременно и президента Академии наук, княгини Е. Р. Дашковой журнала «Собеседник любителей русского слова». О целях основанной академии Дашкова заявила в речи, произнесенной на ее открытии 21 октября 1783 г. Она говорила о достоинствах природного русского языка, способного соперничать по богатству своих возможностей с наследством знаменитейших ораторов и поэтов античности. Но «при всех сих преимуществах недоставало языку нашему предписанных правил постоянного определения речениям и неперменного словам знаменования... учреждением сей императорской Российской академии представлено усовершенствовать и возвеличить Слово наше... сочинение грамматики и словаря будут первым нашим упражнением».¹

Работа над академическим словарем объединила целое поколение русских писателей и ученых конца XVIII в. Его создание как бы завершило длинную цепь проб и подступов, предпринимавшихся до этого момента силами отдельных подвижников, вроде К. А. Кондратовича или А. И. Богданова, чьи труды были в свою очередь подготовлены лексикологическими разысканиями Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова.

¹ Дашкова Е. Р. Речь при открытии Императорской Российской академии, говоренная... в 1783 году. М., 1803. С. 3—4.

Специфической особенностью теоретического осмысления проблем нормирования литературного языка в XVIII в. было то, что теоретиками в основном выступали сами писатели. Это помогает понять известный дилетантизм многих филологических трудов эпохи и своеобразный прагматизм конечных установок подобных разысканий. Проблемы орфографии и этимологии, размышления о месте иноязычной лексики в языке писателей, установление пределов стилистической значимости отдельных лексических групп в различных поэтических жанрах — таковы основные направления лингвистических интересов. На первом плане стояли проблемы стилового нормирования.

Очень скоро обнаружилась потребность в создании некоего научного центра, который бы объединял усилия всех посвятивших себя усовершенствованию русского языка. Пробразом такого органа стало Российское собрание, возникшее при Академии наук в 1735 г. Руководителем собрания был В. К. Третьяковский, мысливший его задачи в подготовке переводов произведений античных и современных авторов, а также в создании толкового словаря русского языка и грамматики. Последнюю задачу фактически выполнил М. В. Ломоносов.

Российское собрание просуществовало всего три года, и сведений о его деятельности почти не сохранилось. О нем вспомнил в 1758 г. Ломоносов в «Записке о необходимости преобразования Академии наук». Излагая проект регламента необходимых для Академии научных подразделений, он выделил Российское собрание и определил основные направления его деятельности. Ломоносов связывал с работой собрания надежды на оживление изучения русского языка. Это видно из докладной записки на имя президента Академии наук графа К. Г. Разумовского от 7 января 1758 г.: «Для умножения книг российских, чем бы удовольствовать требующих охотников, не достает станов, переводчиков, а больше всего, что нет Российского собрания, где б обще исправлять грубые погрешности тех, которые по своей упрямке худые употребления в языке вводят».² При жизни Ломоносова проекты его остались неосуществленными.

Сходные заботы о судьбах национального языка высказывал в эти годы и А. П. Сумароков в статье «О коренных словах русского языка». Отмечая природное богатство отечественного словарного фонда, Сумароков обрушивается на бесполезные увлечения новейшими словообразованиями за счет заимствований из других языков и навязывания русскому норм, противоречащих его природным

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 27.

свойствам. В создании специального органа, призванного заниматься усовершенствованием природного языка, Сумароков предлагает воспользоваться примером Франции: «Французский язык всею своею красотою остроумным писателям должен, а наш сам собою прекрасен; и ежели умножатся у нас Стихотворцы и Риторы, а притом по времени *такое же как у французов учредится для исправления и распространения языка собрание*, счастливы будут писатели потомков наших».³

В 1770-е гг. функции организующего центра по усовершенствованию русского языка взяло на себя Вольное российское собрание, созданное при Московском университете в 1771 г. В него входили многие известные писатели и поэты того времени, в частности Фонвизин, Державин, Княжнин. Впоследствии все они станут членами Российской академии. Входила в него и княгиня Дашкова.

Тот факт, что приоритет в постановке теоретических вопросов, касавшихся формирования литературного языка, принадлежал в основном писателям, помогает понять еще одну особенность характеризуемого процесса. Будучи неотделимым от решения конкретных творческих задач, рассмотрение языковых проблем оказывалось одной из форм утверждения национального самосознания, включаясь в круг идеологической борьбы своего времени. Показательна в этом отношении резкость, с какой реагировал Ломоносов на появление псевдонаучных пособий, вроде подготовленной А.-Л. Шлецером на немецком языке «Российской грамматики», в которой отдельные этимологические изыскания о происхождении значения русских слов, оставались на уровне фантастических домыслов, поражали своей бестактностью и явным невежеством.⁴ Еще ранее, в 1749 г. Ломоносов подверг резкой критике «Русско-латино-французско-итальянский лексикон», подготовленный Г. Дандало и содержавший немало ошибок в истолковании значения русских слов и их этимологических соответствий с лексическими рядами латинского, французского и итальянского языков.⁵ Вот почему неоднократные попытки одиноких энтузиастов, вроде К. Кондратовича или А. Богданова, создать толковый словарь русского языка отвечали насущной потребности времени. В свете этих попыток находят свое объяснение и те курьезы в области этимологических изысканий, которые допускались Тредиаковским или Сумароковым в их стремлении утвердить приоритет древнеславянского праязыка в системе других европейских языков.

³ Трудолюбивая пчела. СПб. 1759. С. 97, (курсив мой. — Ю. С.).

⁴ См. отзыв Ломоносова на труд Шлецера от 6 августа 1764 г.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. 1955. Т. 9. С. 426—428.

⁵ Там же. С. 621—624, 939—940.

Актуальность всех отмеченных особенностей процесса формирования литературного языка сохранялась и ко времени выхода «Собеседника». Роль писателей в этом издании, прямая связь его с деятельностью Российской академии, наконец, общественно-идеологическая окраска обсуждения на страницах журнала, казалось бы, чисто языковых проблем — все эти моменты отразились по-своему на его содержании.

«Собеседник любителей русского слова» начал издаваться примерно за полгода до официального открытия Российской академии.⁶ То, что его фактический редактор, княгиня Е. Р. Дашкова, стала вскоре директором академии лишь подчеркивает связь между этими двумя событиями, и естественно, как уже замечал Н. А. Добролюбов, что «в „Собеседнике“ рядом со статьями о нравах встречаются определения синонимов, вместе с лучшими произведениями того времени — филологические исследования о свойствах славянского языка или критики»⁷. Добролюбов указал и предшественника «Собеседника» среди русских периодических изданий того времени — издававшийся Г. Л. Брайко журнал «Санктпетербургский вестник» (1778—1781), в котором помещалось немало научных статей, литературных сочинений и художественных переводов. Почти все наиболее авторитетные участники этого издания вместе с княгиней Дашковой (в их числе Г. Р. Державин, В. В. Капнист, Я. Б. Княжнин, М. В. Храповицкий) станут позднее сотрудниками «Собеседника».

Среди других изданий, своеобразно предшествовавших «Собеседнику», следует назвать журнал «Академические известия» (1779—1781) — информативный орган Академии наук, где публиковались сведения о научных достижениях в разных областях знаний, переводы иностранных авторов (Вольтера, О. Голдсмита, Ж.-Ж. Руссо и др.), порой печатались новинки отечественной литературы. Из историко-филологических публикаций заслуживает нашего внимания помещенная в III части журнала статья В. П. Светова «Некоторые общие примечания о языке российском», отличающаяся широким историческим подходом. Автор излагает свою версию происхождения современного русского литературного языка (он определяет его термином «Новороссийский», в отличие от дописьменного «Славянского» и сформировавшегося после введения письменности «Славянорусского»). Лексическое богатство русского языка, по мнению В. П. Светова, роднит его с другими европейски-

⁶ Первое объявление о «Собеседнике» появилось 14 апреля 1783 г. в «Санктпетербургских ведомостях» (№ 30), а в третьей декаде мая первая книга журнала уже вышла из печати.

⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 193.

ми, в частности с немецким и латинским, которым он генетически родствен. Подтверждение такого родства Светов находит в многочисленных лексических соответствиях и приводит примеры в ходе своих рассуждений. Устанавливая отличия нового русского языка от его предка («Славенского»), автор статьи видит в их взаимодействии один из главных источников обогащения литературных стилей, развивая по-своему идеи Ломоносова.⁸

Вторая часть статьи была посвящена конкретным вопросам трансплантации новых лексических понятий на русскую почву. Автор ратовал за сохранение чистоты языка, засоряемого неумелыми писателями, вводящими новые «речения» (например, «землетворение» вместо традиционного земледелия, «рукомесло» вместо ремесла, «жнитва» вместо жатва и т. д.). Все это только безобразит русский язык. В то же время В. П. Светов резко выступает против механического перенесения в его состав иноязычной лексики (апелляция, фонтан, лектура, парапет и т. п.). Рекомендации, которые он предлагает, помогают уловить истоки будущих споров по стилистическим вопросам на рубеже XVIII—XIX вв.

Таким образом, обсуждение на страницах «Собеседника любителей российского слова» вопросов лингвистического характера было по-своему подготовлено предшествующей традицией, сложившейся в русской периодике XVIII в. Филологических статей, имеющих чисто научный характер, в журнале немного. Это перепечатанная из «Санкт-петербургского вестника» статья неизвестного автора «О правописании слова *драма*» (Ч. 1. С. 109—111); приближающаяся к трактату статья «Начертание о Российских сочинениях и Российском языке», принадлежавшая автору, скрывшемуся под псевдонимом Любослов (Ч. 7. С. 143—161); и наконец, это статья О. П. Козодавлева «Мнение о разделении российских согласных букв в рассуждении произношения пред ними *З* и *С* и о правописании по сему разделению». (Ч. 16. С. 81—87).

Небольшая заметка о правописании слова *драма* любопытна тем, что вопросы орфографии рассматриваются в ней в контексте исторической традиции. Автор статьи выступает против укоренившейся в России в XVIII в. практики написания этого слова с двумя буквами *м*.⁹ Такой обычай он связывает с ориентацией русских ав-

⁸ «Из соединения Славенского и Российского диалектов с приобщением к тому слов, в среднем веке у Россиян в употреблении бывших, кои хранятся в старинных летописях и грамотах и требуют еще толкования, коль огромный словарь может некогда составиться. Сих последних найдется весьма великое число и можно ожидать тем обогащения нашего языка». (Академические известия. СПб., 1779. Ч. 2. С. 82).

⁹ Например: «Беглецу, драма в пяти действиях, г. Мерсиера» (М., 1784); «Укусник, драма в трех действиях г. Мерсиера...» (М., 1785); «Драматический словарь...» (М., 1787) и др.

торов на греческие слова, заключающие в своей корневой основе двойное *м* (грамматика, эпиграмма, программа и др.). Но в самом греческом языке слово «драма» (*δραμα*), замечает он, пишется с одним „*м*“, как, кстати, и в других европейских языках. Характерен вывод, приобретающий общеметодологическое звучание в свете той остроты, какую для русского литературного языка XVIII в. имели проблемы восприятия иноязычной лексики и норм ее написания: «...мне кажется, и во всех словах, вошедших в российский язык, надобно держаться орфографии того языка, от которого мы какое слово приняли, а не подражать в произношении и в правописании слов и имян греческих и латинских, французам и итальянцам... Ежели же какое слово, хотя и греческое, вошло к нам из другого языка и привычкою утвердилось, как, например, *трон*, *театр*, *комедия*, *трагедия*; то кажется неудобно и слуху противно будет писать *фрон*, *феатр*, *трагодия*, *комодия*. Слова же *Афины*, *Фемистокл* и им подобные, поелику они вошли в российский язык прямо от греков, то и писать их должно, следуя греческой орфографии».¹⁰

Несколько более обширным и по-своему программным было «Начертание о Российских сочинениях и Российском языке». Статья явилась ответом на пожелание издателей «Собеседника» познакомиться с собственными сочинениями Любослова, учитывая ту жесткую критику, которой он подверг сочинения всех других авторов, помещенных в 1-й книжке журнала.

Относительно личности того, кто скрывался под псевдонимом Любослов, полной ясности на настоящий момент нет. Назывались фамилии секретаря Российской академии И. И. Лепехина, И. Морозова, епископа Дамаскина (Дмитрия Семенова-Руднева), даже П. С. Батурина.¹¹ «Начертание» представляло собой сжатый трактат, своеобразно развивавший идеи статьи В. П. Светова, опубликованной в 1779 г. в «Академических известиях». В нем излагались условия, долженствовавшие обеспечить совершенство литературных сочинений: «первое, чтобы все периоды основаны были на грамматических правилах... второе, чтобы не потерять достоинств описуемого вещества; третье, чтобы не нарушать свойств языка своего»

¹⁰ Собеседник любителей российского слова. СПб., 1783. Ч. 1. С. 110—111. В дальнейшем все ссылки на это издание следуют в тексте статьи с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской.

¹¹ Обзор различных точек зрения на этот счет содержится в статье Н. Д. Кочетковой «Любослов — сотрудник „Собеседника любителей российского слова“» (XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 422—428). Исследовательница разделяет гипотезу П. Н. Беркова, считавшего автором «Начертания» Дамаскина. Об идентичности Любослова и П. С. Батурина писал С. М. Некрасов в книге «Российская академия» (М., 1984. С. 42).

(VII, 144). В итоговом заключении, обращенном к сочинителям, Любослов остается на уровне требований риторической школы Ломоносова. Именно на стиль ораторской прозы ориентирует он писателей, когда заявляет: «...совершенное сочинение только то называться может, которое в изображении известной материи достаточно, приятным различием в предложении слов и мыслей украшено, сильными мыслями и словами им сообразными обогачено и чисто в свойствах Российского языка» (VII, 146). Повторяя по-своему мысли Ломоносова, автор именно в достоинствах языка черпает основание для утверждения идей национального самосознания: «Что же касается до преимуществ Российского языка, то, не обинуясь, утвердиться можно, что он избытком, красотой и важностью превосходит все новейшие языки» (VII, 148). И как бы в подтверждение этого тезиса в заключении статьи Любослов приводит таблицу лексических пар, устанавливающую родственность «Славенского» языка, предшественника русского литературного языка, с латинским, в ряде случаев прямо повторяя наблюдения, содержащиеся в статье В. П. Светова.

Статья О. П. Козодавлева, отмеченная явным дилетантизмом, носила сравнительно частный характер. Помещенная в последней книжке «Собеседника», она, согласно наблюдению С. М. Некрасова, представляла собой доклад, прочитанный автором на заседании Российской академии 9 августа 1784 г. «Мнение члена академии господина Козодавлева о употреблении букв З и С».¹²

Значительно больший интерес представляют материалы критического характера. Речь идет о статьях, в которых постановка стилистических и языковых проблем вытекает из предпринимаемых авторами оценок других сочинений, опубликованных на страницах «Собеседника». Появление подобных статей было спровоцировано самой редакцией журнала. В конце первого номера «Собеседника» было помещено письмо издателей, в котором читателям предлагалось стать арбитрами публикуемых на его страницах материалов: «Ежели кто хочет написать критику на какое-либо сочинение, находящееся в сем собрании, не искать других типографий к напечатанию таковых критик или сатир, но присылать оныя прямо к издателям сего Собеседника или на имя Ея Сиятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая, конечно, прикажет оныя без наималейшей перемены напечатать...» (I, 160). При этом конечная цель таких критических корреспонденций мыслилась в том, «чтоб Российское слово вычищалось, процветало и сколь возможно служило к удовольствию и пользе всей публики...» (там же). Этот сти-

¹² Некрасов С. Российская академия. М., 1984. С. 67.

листический аспект критики полностью согласовался с направлением деятельности будущей Российской академии, хотя само приглашение в журнал его оппонентов преследовало не только научные цели.

Призыв редакции был услышан, и уже во втором номере журнала появилось «Послание к господам издателям Собеседника от Любослова» (II, 106—117). Это был дотошный, постраничный критический разбор всех опубликованных в первой книжке журнала материалов с точки зрения допущенных в них нарушений грамматических, логических, стилистических и даже орфографических норм русского литературного языка. Издатели сочли необходимым сопроводить публикацию «Послания» Любослова вступительной заметкой, где завуалированно дали понять автору, что его критика не совсем приятна лицам, возглавляющим редакцию журнала и его высокопоставленным покровителям. В дополнение к этому в последующих номерах журнала стали появляться полемические отклики и даже пародии на статью Любослова. Решение стилистических и филологических проблем начинало приобретать идеологическую окраску, и дальнейшие публикации материалов подобного рода обнажают своеобразное размежевание двух лагерей. На одном полюсе располагаются критические выступления, продолжившие почин Любослова. Это прежде всего «Сумнительные предложения господам издателям Собеседника от одного Невежды, желающего приобрести просвещение» (IV, 11—26). Статья принадлежала П. С. Батурину.¹³ В ней как бы была продолжена критика, начатая ранее Любословом в отношении материалов, опубликованных в 1-й книжке «Собеседника». Правда, в отличие от предшественника, наблюдения «невежды» касались преимущественно логических несоответствий, встречавшихся в стиле произведений: нарушение смысла фразы в результате неточного употребления слов, противоестественность метафор и сравнений, крайности усложненной парафрастичности стиля. Все эти огрехи, выявленные в стихотворениях Державина, Богдановича, Муравьева, автор «Сумнительных предложений» детально анализирует, доказывая необходимость строгого соблюдения правил логики и грамматических законов родного языка как первейшего условия совершенства воплощения всякой поэтической мысли.

Редакция журнала предоставила возможность поэтам, чьи произведения подверглись разбору, ответить на замечания «невежды». Полемика обозначилась уже в том же, 4-м номере «Собеседника», поскольку возражения «невежде» со стороны Державина были помещены в подстрочных примечаниях к самой критике.

¹³ Фамилия автора была установлена Б. А. Модзалевским, опубликовавшим «Записки» П. С. Батурина, из которых явствовало, кто скрывался под псевдонимом «невежды» (Голос минувшего. 1918. № 1—2. С. 65.)

Другим автором, выступившим с критическими репликами в адрес основного вкладчика «Собеседника», Екатерины II, был С. П. Румянцев. Его письма «к г. Сочинителю записок о Российской истории» (III, 167—172) и «к сочинителю „Былей и небылицы“» (VII, 164—168), правда, не касались языковой стороны сочинений императрицы. Но придать полемике характер лингвистических несогласий поспешили сами издатели «Собеседника». В 8-й части журнала редакция поместила «Прошение к господам издателям «Собеседника» от «всегдашнего Собеседника читателя», полное уничижительных нападок на последнее письмо С. П. Румянцева. «Прошение» содержало обращение к редакции «не отягощать публику такими сочинениями, которые писаны языком неизвестным» (VIII, 27). Анонимный оппонент Румянцева (не исключено, что под псевдонимом скрывалась княгиня Е. Р. Дашкова) особо подчеркивал языковые недостатки его писем. В них, по его мнению, «едва ли есть строка, написанная русским слогом» (VIII, 29). Ссылаясь на образцы дотошной критики Любослова, автор «Прошения» подвергает упомянутые сочинения столь же строгому суду и сам предпринимает попытку публично обнажить невежество своего противника, разобрав несколько неудачных выражений С. П. Румянцева. Завершалось «Прошение» рекомендацией: «Ежели вам сочинитель сего письма знаком, то посоветуйте ему поучиться прежде Российской грамматике, а потом уже отдавать свои сочинения печатать» (VIII, 31).

Нападки на Любослова и на автора, принявшего псевдоним «Ни одной звезды во лбу не имеющий» (им был С. П. Румянцев), повторились в следующем, 9-м томе «Собеседника», опубликовавшем письмо к издателям и «Краткие записки разнощика». (IX, 7—16). Автором письма и «Записок» была княгиня Дашкова. Она вновь привела не выдержанные в стилистическом отношении фразы из сочинения С. П. Румянцева «Петр Великий» (VII, 169—177), сопроводив их язвительными комментариями.

Иногда, впрочем, полемика носила характер мистификации. Неизвестные и, по всей вероятности, мнимые оппоненты редакции «Собеседника», вызывая огонь на себя, своей критикой по существу популяризировали стиль и манеру «критикуемых» ими сочинений. Именно так, по-моему, обстояло дело с обменом письмами между анонимным автором письма, «содержащего критику на „Были и небылицы“» (VI, 175—178), и ответившим ему тут же Каноником (под этим псевдонимом скрывалась, по-видимому, сама Екатерина II) (VII, 117—119). Как пишет анонимный автор письма, в «Былях и небылицах» «мы не видим общих мест риторических, служащих многим авторам в их творениях»; они писаны «без фигур, употребляемых всеми витиями: неоспоримо, что повсюду блещет в

них приятная простота и легкость штиля, но зато лишены они огромных метафор» (VI, 176). За внешними претензиями к стилю «Былей и небылиц» скрывается фактически ироническое высмеивание программы Любослова. Главный «недостаток» неизвестный критик видит в том, что «Все тонкие, острые, иногда и глубокие мысли, рассыпанные в Былях и небылицах, нисколько не украшены слогом громким, важным и высоким, каковым следуя правилам Риторическим изъяснить их должно было» (VI, 177). Ответ Екатерины II, помещенный в следующей, 7-й части журнала, выдержан в тоне фамильярного балагурства, в каком написаны все «Были и небылицы». «Каноник» высмеивает своего критика именно за излишнюю ученость и педантизм: «Ах! сударь, я не надивляюсь часто, как суходлинные и сучковатые мысли ныне сглаживаются хорошо утюгом грамматикального слога... До метафор, по совести сказать, я не чрезмерный охотник с того времени, как я слышал от соседа моего, как шуты, шпыни и балагуры оными, аки шаром, играют. Сверх того и худо знаю, что есть Метафора. Попрошу на сих днях, чтоб перевели мне по-русски, что значит: ибо иностранных слов не разумею» (VII, 117—118). Если учесть, что в пассаже относительно метафор обыгрывается один из вопросов Фонвизина, прямо метивший в личность Л. А. Нарышкина, исполнявшего в узком кругу императрицы роль шута, которого Екатерина в своих ответах поспешила взять под свою защиту, то идеологическая подоплека выходок против любителей «грамматикального слога» становится очевидной. Но тем самым проясняется и истинная цена завуалированной «критики», которую анонимный автор письма обращает на стиль «Былей и небылиц».

Из подобного рода мистифицированной перепалки, а также откликов на статьи Любослова, Невезды и «Ни одной звезды во лбу не имеющего» формировалось другое критическое направление, в равной мере проявлявшее заботу о нормах литературного языка, но уже с позиций отстаивания интересов редакции издания. Помимо Екатерины II и Е. Р. Дашковой в полемику в той или иной степени оказались втянутыми писатели и поэты: Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, И. Ф. Богданович. Солидарность с позицией издателей «Собеседника» проявили и неизвестные, реальные или мнимые, поклонники журнала, вроде звенигородского корреспондента, приславшего в редакцию два письма, или корреспондента из Карасбазара, укрывшегося под псевдонимом «Старой служивой». В каждом письме вслед за дежурными комплиментами в адрес редакции журнала авторы переходили к вопросам нравственного *воспитания*, и решение этих вопросов оказывалось нередко сопряженным с проблемами этимологии слов и определением понятий, которые эти слова обозначают. Тем самым обсуждение языковых и стилистических проблем неразрывно сливалось с проведением определенных

идеологических установок, сущность которых очень скоро обнаружилась в реакции на эти материалы со стороны издателей.

Повторилось нечто подобное тому, что имело место в 1769 г. в период знаменитой полемики между «Трутнем» и «Всякой всячиной». Только теперь полемика развернулась не между журналами, а внутри одного журнала. И кроме того, предметом полемики теперь стал не вопрос о прерогативах сатиры, а проблема языка как орудия убеждения и как средства художественной выразительности. То, что платформой для столкновения различных точек зрения стал один журнал, позволило редактору его, княгине Дашковой, и находившейся рядом с нею Екатерине контролировать ситуацию и направлять завязывавшиеся споры в нужное им русло. Наглядным примером такой редакционной политики стала публикация «вопросов» Фонвизина в 3-ей части «Собеседника», сатирический эффект которых был, конечно, существенно ослаблен в результате приложенных к ним «ответов» Екатерины II. Повторялись и отдельные приемы полемики — например, для нейтрализации аргументов противной стороны редакция прибегала к вышучиванию стиля оппонентов посредством пародии. Наглядный пример тому видим в явно мистифицированном письме от «неизвестного», обращенном к издателям Собеседника в 8-й части журнала (с. 152—155), в котором пародировался стиль вступительной части «Начертания о Российских сочинениях и Российском языке» Любослова.

Своеобразное программирование идеологической позиции журнала под видом решения языковых вопросов отчетливо проявилось с первых же номеров «Собеседника». В упоминавшемся уже письме из Звенигорода автор пишет, что благодаря журналу «язык Российской способом оной (книги. — Ю. С.) вычистится, слова прямые определятся и установятся; что сочинения русские размножатся...» (II, 8). И после вполне лояльных рассуждений о пользе сатирических сочинений, порицающих слабости и пороки, корреспондент просил издателей определить «прямой смысл названия честного человека», а также смысл слов «воспитание» и «благородство». Следовавшая далее статья, принадлежавшая, как указывалось в тексте, одному из издателей (по-видимому, Е. Р. Дашковой), выполняла пожелание Звенигородского корреспондента, обстоятельно и со знанием дела рассмотрев как с исторической, так и нравственно-педагогической точки зрения все аспекты значения слова *воспитание*. В сущности эта статья являлась выражением официальной позиции редакции журнала по всему комплексу вопросов, касавшихся нравственного, физического и светского воспитания молодых людей. Это была своеобразная программа подготовки нужных сословному обществу людей, пронизанная идеями патриотизма и утверждавшая культ дворянской этики, как его понимала княгиня Дашкова.¹⁴

¹⁴ «Просвещение в вельможе неисчетную пользу обществу приносит, поелику

Но прошло всего несколько месяцев и в 7-й части «Собеседника» публикуется новое письмо к издателям журнала, на этот раз от «Старого служивого» из Карасбазара, в котором автор письма, ссылаясь на статью из 2-й книжки (посвященную значению слова «воспитание»), вновь просит помощи в вопросах определения смысла слов. Только, в отличие от звенигородского корреспондента, просившего «о определении *точного смысла известным словам*», житель Карасбазара просит помощи в «определении *точного слова известному смыслу*» (VII, 9). «Прослуживший» всю жизнь в армии (отсюда характерный псевдоним — «Старой служивой»), корреспондент озабочен поисками в русском языке слова, которое бы воплощало собой смысл, вкладываемый в понятие *дисциплины*. Он тут же, ниже, сам дает и определение значения данного слова, из которого становится ясен смысл публикации на страницах журнала подобного письма: «*Дисциплина есть орудие уметь в военное тело поселить военную душу и снабдить оную страстями ей свойственными; а необходимость подчиненности и послушания вменить в добродетель*» (VII, 12). Заключительная часть определения разительно напоминает стиль екатерининского ответа на последний вопрос Фонвизина относительно свойств русского национального характера.¹⁵ Иносказательный подтекст подобной публикации становится ясен, если помнить, что она появилась в том же номере, где «Ни одной звезды во лбу не имеющий» выступил с язвительными нападениями в адрес автора «Былей и небылиц», а еще ранее, в 3-й книжке журнала весьма неуважительно отозвался о сочинителе «Записок касательно российской истории». В обоих случаях автором была Екатерина II.

Письмо «Старого служивого» носило, конечно же, характер своеобразной отповеди зарвавшемуся критику, как напоминание о необходимости соблюдения почтения к вышестоящим (т. е. «дисциплины»). Но показательно, что окрик был облечен в форму этимологических разысканий. Рассуждая о значении слов, «житель Карасбазара» отстаивает вполне определенное понимание общественной функции литературы.

Интересно в этом отношении второе письмо звенигородского корреспондента к издателям «Собеседника», опубликованное в 3-й части. Неизвестный поклонник журнала вновь обращался к редакции с просьбой — изъяснить на этот раз «прямой смысл слова *чуб-*

подчиненные ему будут им отличаемы не за подлые от них к нему услуги или *таканье* (данная дегаль позволяет считать автором статьи княгиню Е. Р. Дашкову. — Ю. С), но за достоинства и за исправность в возложенном на них служении» (II, 23).

¹⁵ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2 С. 275.

ствительность. Сие бы послужить могло к избежанию великих ошибок, в кои руководствующие воспитанием впадают» (III, 155). И вслед за тем звенигородский корреспондент указывает на решающую роль языка в общественной практике: «Ошибкам людским я разные источники обретаю. Первый из оных *недоразумение слов*, от чего последует и недоразумение вещей; второй: *ложные сравнения*; третий: *ложные применения...*» (III, 156). Перед нами, по существу, своеобразная декларация, раскрывающая внесоциальное объяснение мотивов человеческого поведения. Это первые подступы к зарождению теоретических постулатов эстетики сентиментализма. Характерно, как в самом поиске понятий, призванных выразить новые аспекты в истолковании значения слова «чувствительность», автор прибегает к варваризмам, предвосхищая по-своему стиль карамзинских статей 1790-х гг.: «Благородная или похвальная *чувствительность* есть ничто иное, как внутренний в душе и совести нашей *Монитор* (уведатель), который остерегает нас противу поступка или слов, кои могут кому-нибудь нанести зло или оскорбление». И наоборот, «ложная чувствительность относит все только к себе; по чему я одну отраслю *Эгоизма*, а другую дщерию общественной добродетели почитаю» (III, 156—157).

Дуализм в истолковании разновидностей понятия «чувствительность» имел своей целью обозначить эмоции, способные «нанести зло или оскорбление», т. е. нейтрализовать критику. В этом издатель «Собеседника» были солидарны со своим звенигородским корреспондентом.

Несколько иначе оценивали свои задачи Любослов и «Невежда». Выше уже отмечалось, что вопросы языка в материалах, подписанных этими псевдонимами, затрагивались не сами по себе, но в контексте решения проблем стилистической критики. Статья Любослова «Послание к господам издателям «Собеседникай» содержала детальную критику с точки зрения выдержанности стиля сочинений, помещенных в 1-й книжке журнала. С первых же фраз автор устанавливает четкую грань между разными ступенями восприятия литературного произведения — восприятием, основанным на действии сердечного чувства, и рассудочным восприятием. Согласно требованию последнего, достоинства и важность языка произведения должны покоиться на следовании правилам российского краснословия. Непоследовательность в соблюдении этих правил приводит к ошибкам. Анализ ошибок и составлял содержание предпринимаемой со стороны Любослова критики.

Любослову нельзя отказать в общей образованности и хорошем знании грамматических тонкостей языка. Его скрупулезное прочтение текстов и пристрастие к каждому мало удачному с точки зре-

ния формальной логики или стиля, или правил грамматики выражению не лишено педантизма. И в этом он остается наследником тех традиций литературной критики, какие существовали во времена споров между Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым. Не случайно в аргументации критика тут и там следуют ссылки на авторитет Ломоносова, а в качестве опоры при анализе невыдержанности стихового строя в произведениях Е. Р. Дашковой и М. Н. Муравьева Любослов дважды цитирует анонимную сатиру на Тредиаковского, написанную, по-видимому, еще на рубеже 1760-х гг. и традиционно приписываемую А. П. Сумарокову.¹⁶

Любослов находит 33 грамматических, стилистических и логических ошибки практически во всех сочинениях, опубликованных на страницах 1-го номера «Собеседника». Ни знаменитая «Фелица» Державина, ни его ода «На рождение в севере порфиородного отрока», ни сочинения княгини Дашковой и Екатерины II, ни «Опыт российского сословника» Д. И. Фонвизина, не говоря уже о произведениях других авторов, не избежали его придирчивого суда.

В первой же строфе «Фелицы» критик обнаруживает отсутствие «ясности и соглашения», т. е. строгой логической связи между призывом к обозначенному в начале строфы адресату оды и мыслью, заключенной в последних двух стихах строфы, обращенных к «добродетели». Любослов даже предлагает свой вариант концовки строфы, устранявший, по его мнению, это логическое несоответствие.

Не приемлет Любослов и утяжелявшую стихи инверсию в 12 строфе оды:

Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти.

Здесь он предлагает свой вариант, который, по его мнению, «сходнее с правилами поэзии и красноречия».

Нельзя не признать справедливость замечания Любослова, касающегося 20 строфы, в которой критик усмотрел нарушение правила согласования падежей в предложении. Державинские стихи:

В часы твоих отдохновений \ Ты пишешь в сказках поучений
— вызвали реплику Любослова: «*Писать* принимает падеж винительный, а не родительный», (II, 108). Я. Грот, издавший в XIX в. академическое собрание сочинений Державина, обратил внимание на эти стихи и объяснял их привычкой поэта давать окончание ви-

¹⁶ Речь идет о сатирическом стихотворении, находящемся в известном рукописном сборнике «Разные стиходействия» (ИРАИ, р. II, оп. 1. № 635), где оно помещено под № 34. А. Н. Афанасьев опубликовал его текст в статье «Образцы литературной полемики прошлого столетия» (Библиограф. зап. 1859. № 15. Стб. 518).

нительного падежа в подобных словах через *-и*.¹⁷ Однако уже с конца XVIII в. в последних прижизненных изданиях Державина замечание Любослова было учтено и стихи печатались в исправленном виде:

В твои от дел отдохновенья
Ты пишешь в сказках поученья.

Данная поправка принадлежала поэту И. И. Дмитриеву, которому Державин разрешал править свои стихотворения вместе с В. В. Капнистом,¹⁸

Чисто стилистический характер носило замечание Любослова относительно неудачного стиха из последней строфы оды:

Прошу небесныя я силы.

Это замечание свидетельствовало о тонком поэтическом чутье критика. Соседство местоимения «Я» с равнозвучающим окончанием предшествовавшего прилагательного создавало нагромождение одинаковых гласных и лишало стих благозвучности. Любослов и здесь предложил свой вариант стиха:

Небесные прошу я силы.

И примечательно, что Державин счел возможным воспользоваться советом критика. Начиная с издания 1808 г. приведенный стих заключительной строфы печатался в исправленном виде.

Вновь на невыдержанность грамматического согласования родов существительного и относящегося к нему отглагольного прилагательного указывает Любослов в тексте другого произведения Державина — в «Стихах на рождение в севере порфиородного отрока». Критика обращена была на стихи:

В это время столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча Порфиородно
В Царстве северном рожден.

«Рожден должно быть также в среднем роде как и *порфиородно*» (II, 112), — замечает критик, и при всем педантизме и кажущейся мелочности его нападок, с точки зрения требований грамматики его замечания были совершенно справедливы. По существу

¹⁷ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., Т. 1. С. 145.

¹⁸ Там же. С. XIII.

критика Любослова своеобразно предвосхищала известное заключение Пушкина о Державине, которое поэт сообщил в письме к А. А. Дельвигу от первых чисел июня 1825 г. из Михайловского: «По твоем отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка — (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихотворства. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо».¹⁹

Пожалуй, еще более убедительными предстают те критические замечания, которые Любослов высказывает в адрес автора «Послания к слову *так*» (им была сама княгиня Е. Р. Дашкова). Уже в первой вводной фразе, содержащей обращение автора к воображаемому адресату — слову *так* («...вразумясь в важность силу и точность смысла, кое вы существительно в себе содержите, я не могу довольно надивиться терпению вашему... и т. д. (I, 15), критик подмечает две существенные грамматические ошибки, касающиеся нарушения правил согласования членов предложения: «вразумляться принимает падеж творительный; и для того должно: *вразумясь важностию, силою и точностию смысла*, притом местоимение кое, относящееся к предидущим трем существенным именам, не можно сказать в среднем роде, но во множественном числе: *кои*» (II, 109). Трудно не признать справедливости критики Любослова, какой бы мелочной по существу она ни казалась. Аналогичное нарушения правила грамматического согласования критик отмечает на той же странице в фразе: «Но простите, если в сей раз, заимствуя вольности, с которою с вами обходятся, я к вам как случится в стихах или в прозе свою речь обращаю» (I, 15—16). Любослов по поводу этой фразы пишет: «Глагол *заимствовать* принимает винительный, а не дательный падеж. Должно писать: *заимствуя вольность*» (II, 109).

Не обходит своим вниманием Любослов и стилистические огрехи, встречающиеся в сочинении Дашковой, причем в критике своей опирается на авторитет Ломоносова, ссылаясь на положения его «Риторики»: «г. Ломоносов для красоты слова советует убегать частых повторений Я. А в послании к слову *Так* в последних небольших периодах местоимение Я пять раз, кроме многих окончательных употреблено, где не более бы одного разу сказать должно было» (II, 109—110). Сходного характера замечание сделано относительно стихов послания:

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 181—182.

Коварный клеветник, сплетая небылицу,
Напишет нам из ней он целую страницу:

«Клеветник и после указательного местоимения ОН. Где есть лицо, образующее смысл, там уже не свойственно местоимение», — замечает Любослов (там же).

Уже по этим рассмотренным в самых общих чертах замечаниям на сочинения Державина и княгини Дашковой можно судить об уровне требований, какие критик предъявлял к литературному языку. Это все та же установка на строгое соблюдение грамматических правил и ясности выражения художественного смысла с явным тяготением к нормам, утверждавшимся «Риторикой» Ломоносова. В то же время неоднократное цитирование в статье стихотворной сатиры 1760-х гг., высмеивавшей устаревшие штампы церковнославянизмов, свойственные стилю Тредиаковского, позволяет сближать позицию Любослова с отдельными положениями критических статей Сумарокова периода его борьбы с выпренностью одического стиля Ломоносова.

Аналогичную позицию сторонника безупречной чистоты логического выражения художественной мысли занимал и «Невежда». Показательно его замечание к следующему двустихию державинской «Фелицы»:

Да дел твоих в потомстве звуки
Как в небе звезды возблестят.

«Звуки блистать не могут, — пишет критик, — звездам свойственно блистать, а звукам греметь. Я думаю, что все метафоры должны быть основаны на возможности действительной или мысленной» (IV, 14). И характерно, что, отвечая на это замечание «Невежды», Державин также ссылается для доказательства своей правоты на примеры того же Ломоносова: «В натуральном смысле, конечно, звезды блистают, а звуки звучат, но в витиеватом или фигуральном, а особливо Стихотворцы в пренесении одного свойства другому, несвойственному или совсем противному, то есть в метафорах обыкновенно говорят, например: вместо славные дела отличаются, *славные дела блистают, красота сияет, пламень жрет, земля стонет*, хотя первые лучей, второй зева, а третья гласу не имеют, подобно как берега рук; а господин Ломоносов написал: *берега Невы руками плещут...*» (там же). Державин еще остается сторонником той системы метафоризации одического стиля, которая была введена в русскую поэзию Ломоносовым, хотя сами принципы панегирического восхваления дел монарха, примененные им в «Фелице», были

качественно иными. Не случайно оппонент Державина нашел нужным возразить против «уподобления поэзии лимонаду». Такое уподобление, по мнению критика, «не только кажется непристойно, но еще и несправедливо. Если лимонад может быть вкусен только летом, напротив того, хорошая поэзия и какова есть в оде сей, может нравиться и летом и зимою» (IV, 13). Державин воспользовался малоудачным доводом оппонента и свел свое оправдание к рассуждениям о прохладительных свойствах лимонада. Но суть вопроса, поднятого «Невеждой», состояла конечно в другом. Речь шла об отходе в оде Державина от понимания гражданственного назначения поэзии, И здесь критик выступал последователем позиции Ломоносова, для которого уподобление поэзии лимонаду было бы, конечно, исключено. В основе критических нападок «Невежды», кстати и Любослова, лежало отставание не только чистоты и ясности литературного стиля, но и неизбежности традиций поэтической школы русского классицизма середины XVIII века.

По сути дела в полемике на страницах «Собеседника» обозначилось зарождение тех споров, которые в начале XIX в. развернутся после выхода в свет книги адмирала А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка». Новые стилистические веяния, пришедшие в литературу с утверждением сентименталистской поэтики, обновление поэтического словаря новыми лексическими образованиями, жеманная слезливість стиля в контексте потрясений, связанных с результатами французской революции, вызовут новый подъем интереса к проблемам языка, напомнив о стилистических традициях XVIII в. И в свете этих споров, казалось бы, отвлеченные прения о языковых проблемах на страницах «Собеседника любителей русского слова» в 1783 г. обретают свое закономерное историческое место.

В. А. ЗАПАДОВ

БЫЛ ЛИ РАДИЩЕВ АВТОРОМ «БЕСЕДЫ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ СЫН ОТЕЧЕСТВА»?

Вопрос этот возник передо мной совершенно неожиданно, в процессе подготовки сборника сочинений Радищева для издательства «Художественная литература». Поскольку перед этим более двадцати лет я занимался побуквенной сверкой многочисленных списков с текстом «Путешествия», при переводе старой орфографии и пунктуации «Беседы о том, что есть сын Отечества» на современную мне буквально резануло глаз явное несоответствие языка и стиля «Беседы» другим радищевским сочинениям. К этому прибавилось большое количество сомнений «содержательного» порядка.

Вполне естественно поэтому встал вопрос о том, на каких основаниях «Беседа» включена в состав сочинений Радищева, насколько серьезно это произведение атрибутировано именно ему. Картина вырисовалась более чем занимательная. Чтобы она стала нагляднее, небесполезно вкратце воспроизвести общеизвестные факты.

В 1908 г. в журнале «Минувшие годы», а затем отдельным изданием была напечатана работа П. Е. Щеголева «Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева (1789)». Здесь впервые в научной литературе «Беседа» была приписана Радищеву и полностью воспроизведен ее текст из декабрьского номера журнала «Беседующий гражданин» 1789 г., где произведение опубликовано анонимно. Основанием для атрибуции Щеголеву послужил фрагмент из «Записок Сергея Алексеевича Тучкова за 1768—1808 гг.», напечатанных в прибавлениях к «Русскому вестнику» за 1906 г., а затем вышедших отдельным изданием¹.

¹ См.: Записки Сергея Алексеевича Тучкова. СПб., 1908. С. 42.

Это краткое сообщение С. А. Тучкова легло в основу обстоятельной статьи В. П. Семенникова «Литературно-общественный круг Радищева». Отталкиваясь от указания на принадлежность Радищеву «Беседы», ученый сделал попытку обосновать радищевское авторство относительно и других материалов «Беседующего гражданина». По его мнению, Радищеву принадлежит «Рассуждение о том, в чем состоит разум любомудрия», предположительно — «Рассуждение о связи естественного права с правом гражданским», а также «Рассуждение о человеке и его способностях», которое «гораздо ближе к индивидуальным взглядам Радищева».²

Высказанная «в весьма осторожной форме» гипотеза Семенникова о принадлежности трех «рассуждений» Радищеву была решительно отвергнута Г. А. Гуковским, и они не попали даже в раздел «Произведения, приписываемые Радищеву» академического собрания его сочинений.³ «Беседу» же Г. А. Гуковский ввел в основной корпус этого собрания с такой «атрибуцией» в примечаниях: «Авторство Радищева устанавливается на основании показаний в записках С. А. Тучкова... Справедливо считая показания Тучкова вполне достаточными, П. Е. Щеголев ограничился тем, что отметил соответствие статьи „атмосфере радищевской мысли и радищевского стиля“, не вступая в специальный разбор содержания литературной манеры статьи. Впрочем, никаких возражений против приписания Радищеву этой статьи не последовало. Показание Тучкова настолько точно и авторитетно, что оно исчерпывает вопрос; поэтому нет необходимости останавливаться на дополнительных аргументах, напр. стилистических...»⁴

Суждения Г. А. Гуковского проблему, однако, не исчерпали. В 1950 г. последовала новая и более решительная, чем у В. П. Семенникова, попытка расширить степень участия Радищева в «Беседующем гражданине». По утверждению Ю. М. Лотмана, на страницах журнала Радищев опубликовал не одно, а три сочинения, напечатанные последовательно в октябре, ноябре и декабре 1789 г.: «Рассуждение о человеке и его способностях», «Рассуждение о труде и праздности», «Беседа о том, что есть сын Отечества». В этом цикле «через голову петербургских эпигонов философии московских мартинистов Радищев... дал бой идейным вдохновителям, и, прежде всего, своему другу и „сочувственнику“ Алексею Михайловичу Кутзову».

² См.: Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева. // А. Н. Радищев: Мат. и иссл. М.; Л., 1936. С. 224—263.

³ См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч., М.; Л., 1941. Т. 2. С. 428—429.

⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. 1938. Т. 1. С. 469—470.

Атрибутирует авторство цикла Ю. М. Лотман так: «Прямое и точное указание С. А. Тучкова сделало давно уже бесспорной принадлежность Радищеву последней из них (т. е. «Беседы». — В. 3.). То, что все три последовательно помещенные статьи составляют органическое единство, разбивая основные положения кутузовской философии, и отсутствие в журнале каких-либо близких к ним в философском и политическом отношении статей наводит на мысль о принадлежности их перу одного автора, а сила и последовательность революционной мысли делает вероятным предположение, что автором этим был Радищев».⁵ К этой лаконичной атрибуции в последующем изложении Ю. М. Лотман добавляет немногие (достаточно внешние и отрывочные) сопоставления с другими сочинениями Радищева, особенно «Беседой» и описанием Тобольского местничества. Последний аргумент, впрочем, «работает» скорее против утверждения Ю. М. Лотмана, ибо подлинным автором этого описания был Сергей Янов, Радищеву же принадлежит лишь перевод труда Янова с французского (притом — очень точный).⁶

В следующем, 1951 г. П. Н. Берков свел воедино мнения своих предшественников по рассматриваемому вопросу и однозначно заключил: «Доводы как Семенникова, так и Лотмана не имеют убедительности, и поэтому вопрос об авторе перечисленных статей в „Беседующем гражданине“ должен считаться открытым». Одновременно П. Н. Берков отрицательно отозвался о неопубликованной диссертации Р. А. Закруткина 1949 г.,⁷ в которой автор приписал Радищеву, помимо упоминавшихся уже «Рассуждения о том, в чем состоит разум любомудрия» и «Рассуждения о человеке и его способностях» еще четыре статьи: «Придорожная гостиница, или Нечаянная беседа», предисловие к «Завещанию уездного дворянина», «Беседа между уклоняющимся от служения отечеству и причисленным к нему» и «Начертание воспитанию благоучрежденного юноши». П. Н. Берков скептически заметил: «Доказательства т. Закруткина строятся по аналогии с аргументацией В. П. Семенникова, разделяя с последними степень убедительности». Впрочем, предположение об авторстве Радищева в отношении «программной статьи» «Придорожная гостиница» П. Н. Берков поддержал, отметив,

⁵ Лотман Ю. М. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века: А. Н. Радищев и А. М. Кутузов // Радищев: Ст. и мат. Л., 1950. С. 101—102.

⁶ См.: Старцев А. И. Университетские годы Радищева. М., 1956. С. 180—184.

⁷ См.: Закруткин Р. А. Из истории русской журналистики конца XVIII века («Беседующий гражданин»): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Л., 1949. См. также вышедшую позднее статью: Закруткин Р. А. Из истории русской журналистики XVIII века. // Учен. зап. Калнинградского пед. ин-та. 1955. Вып. 1. С. 3—17.

«удивительную близость „Придорожной гостиницы“ к „Беседе“ Радищева — как со стороны содержания, так и языка».⁸ Не отказался ученый от этой атрибуции и позднее.⁹

Доводы В. П. Семенникова и Ю. М. Лотмана отверг как «недостаточные» и Д. С. Бабкин (не упоминающий, впрочем, о П. Н. Беркове и Р. А. Закруткине).¹⁰

По-видимому, та же причина — недостаточность аргументации — привела к тому, что ни одна из вновь атрибутированных Радищеву статей не попала в изредка выходившие сборники его произведений (Избранные сочинения / Под ред. Г. П. Макогоненко. М., 1952; Избранные философские и общественно-политические произведения / Под ред. И. Я. Щипанова. М., 1952; Избранное / Под ред. А. П. Валагина. М., 1988). Зато «Беседа» включена во все эти издания — с такими же краткими ссылками на записки С. А. Тучкова, введена в хрестоматию по русской литературе XVIII в. А. В. Кокорева (М., 1952; 4-е изд.: М., 1965) и т. д.

При этом стоит заметить, что оценки «Беседы» в работах литературоведов не вполне однозначны. Для большинства исследователей это произведение свидетельствует о «силе и последовательности революционной мысли» (Ю. М. Лотман); оно «является наиболее сильным литературно-политическим выступлением Радищева до издания его „Путешествия“» (Л. Б. Светлов)¹¹; «принадлежит к числу лучших образцов русской публицистики XVIII в., образует вершину ее» (П. Н. Берков)¹² и т. д.

Однако отдельные исследователи (Л. И. Кулакова,¹³ Г. П. Макогоненко¹⁴) обратили внимание на некоторые «оговорки» «Беседы», не характерные для Радищева, но объяснили их цензурным вмешательством или автоцензурой. Определенные сомнения в свое время возникли и у меня, и потому «Беседа» не была включена в хрестоматию «Русская литература последней четверти XVIII века» (М., 1985), однако в биографических заметках я, следуя прочной традиции, назвал «Беседу» среди других произведений Радищева.

⁸ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 365—374.

⁹ См.: Берков П. Н. Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А. Н. Радищева // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 191.

¹⁰ См.: Бабкин Д. С. А. Н. Радищев: Литературно-общественная деятельность. М.; Л., 1966. С. 145—146.

¹¹ См. его примеч. в кн.: Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 642.

¹² Берков П. Н. История русской журналистики... С. 372.

¹³ См.: Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968. С. 271.

¹⁴ См.: Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956. С. 357.

Теперь можно подвести предварительные итоги краткого рассмотрения истории вопроса. Первый итог заключается в том, что все исследователи, приписывавшие Радищеву самые разные материалы из «Беседующего гражданина», исходили из большей или меньшей близости этих материалов к «Беседе о том, что есть сын Отечества», не сомневаясь в безусловной принадлежности «Беседы» Радищеву.

Второй итог состоит в том, что, по-разному интерпретируя «Беседу», все исследователи исходили из презумпции авторства Радищева.

Третий итог заключается в том, что атрибуцией самой «Беседы» всерьез никто никогда не занимался. Это не может не показаться несколько странным — хотя бы на фоне того факта, что в абсолютно аналогичном случае указание Павла Радищева на принадлежность его отцу «Отрывка путешествия в *** И*** Т***» вызывало бурную полемику, в которой на протяжении более чем ста лет участвовали десятки исследователей. В случае же с «Беседой» литературоведы, словно загипнотизированные, разными словами излагали одно и то же: «Показание Тучкова настолько точно и авторитетно, что оно исчерпывает вопрос» (Г. А. Гуковский); «Прямое и точное указание С. А. Тучкова сделало давно уже бесспорной принадлежность Радищеву »Беседы» (Ю. М. Лотман); «...благодаря свидетельству С. А. Тучкова, сомнения в авторстве Радищева у нас нет» (П. Н. Берков) и т. д.

Но действительно ли «точно и авторитетно» «прямое указание» Тучкова? Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно начать с рассмотрения тех фактов, которые сообщаются Тучковым о «Путешествии», т. е. со второй части его «показания».

По словам Тучкова, книга была издана Радищевым «без цензуры». На самом деле петербургский обер-полицеймейстер Н. И. Рылеев подписал к печати как само «Путешествие», так и отдельно — «Слово о Ломоносове». Соответствующая цензурная надпись («С дозволения Управы благочиния») помещена в самом издании.

По словам Тучкова, Радищев напечатал «небольшую книгу». На самом деле «Путешествие» представляет собой том объемом почти в 30 печатных листов (точно — 29).

По словам Тучкова, Радищев издал книгу под названием «Езда из Петербурга в Москву». На самом деле вышла из печати под заглавием «Путешествие из Петербурга в Москву».

По словам Тучкова, книга «заклучала в себе оду на вольность, написанную... стихами». На самом деле сплошного текста оды в книге нет, стихи чередуются с прозаическим изложением.

Наконец, приводимые Тучковым строки из «Вольности» содержат в себе ошибки по сравнению с печатным текстом как в орфографии, так и в пунктуации.

Из всего этого следует, что в части, касающейся «Путешествия», «показание» Тучкова отнюдь не «точно и авторитетно», а, наоборот, во всех пунктах либо ошибочно, либо неточно. Совершенно очевидно, что печатного «Путешествия» Тучков не только не читал, но даже не держал в руках. Судя по характеристике содержания книги и по качеству цитат из «Вольности», он знаком был с одним из списков оды, ходивших по рукам,¹⁵ либо некогда видел какой-то из многочисленных списков «Путешествия». Кстати, не исключено, что и на ошибку в названии книги повлиял определенный рукописный источник. Я имею в виду широко распространенную эпиграмму, обычно приписанную Державину: «Езда твоя в Москву со истинною сходна...»

Соответствует реальности лишь один факт: книга действительно была напечатана «в собственной типографии» автора. Но это обстоятельство, равно как и следующие сообщаемые Тучковым сведения о дальнейшей судьбе писателя («Полиция скоро открыла сочинителя оной... Радищев...сослан был наконец в Сибирь»), были хорошо известны и широко обсуждались в обществе летом и осенью 1790 г.¹⁶

Таким образом, анализ второй части «показания» Тучкова, которая может быть проверена с помощью доподлинно установленных материалов о литературной деятельности Радищева, свидетельствует не в пользу осведомленности мемуариста и «точности» сообщаемых им сведений.

Первая часть «показания» Тучкова содержит в себе три пункта. Первый — это известие об участии Радищева в Обществе друзей словесных наук. Второй — указание на авторство «Беседы о том, что есть сын Отечества». Третий — сообщение о поездке Радищева к цензору с целью получения разрешения на весь декабрьский номер «Беседующего гражданина». Эти три «факта» известны только со слов Тучкова и потому не поддаются прямой проверке с помощью иных документов, однако могут быть сопоставлены с достаточно серьезными косвенными материалами.

Прежде всего, весьма сомнителен «факт» обращения Радищева в цензуру. Свою литературную деятельность Радищев старательно

¹⁵ К сходному выводу пришел и А. Г. Татаринцев См.: *Татаринцев А. Г. Сын Отечества: Об изучении жизни и творчества А. Н. Радищева.* М., 1981. С. 88.

¹⁶ См., например: *Западов В. А. Державин и Радищев // Изв. АН СССР. / Сер. лит. и яз. 1965. Вып. 6. С. 530—537; Татаринцев А. Г. Сын Отечества. С. 79—96; и др.*

конспирировал. Хорошо известно, что отвозил рукопись «Путешествия» в Управу благочиния и добывал цензурное разрешение у обер-полицеймейстера книгопродавец Мейснер, причем он сумел скрыть имя автора книги и в 1788 г., когда представил рукопись в полицию, и в 1790 г., когда началось следствие после выхода «Путешествия» в свет.¹⁷ В конце 1789 г. Мейснер перешел на службу досмотрщиком в таможеню и был одним из помощников Радищева при издании «Путешествия». Но во второй половине 1788 г. Мейснер то ли снимал книжную лавку, то ли служил приказчиком у Шнора, и именно у Мейснера принималась подписка на журнал «Беседующий гражданин». Одновременно в течение некоторого времени он исполнял обязанности казначея, т. е. «книгохранителя», Общества друзей словесных наук. Поэтому трудно понять, зачем в конце 1789 г. Радищеву понадобилось афишировать в Управе благочиния свои литературные занятия ради в общем-то весьма чуждого ему издания Общества, если в самом Обществе имелся столь опытный в обращении с полицейской цензурой человек, как Иоганн Карл фон Мейснер.

Об участии Радищева в Обществе друзей словесных наук известно только из воспоминаний Тучкова. Но какова была степень этого участия и что представляло собой данное Общество? Этим вопросам наибольшее внимание уделили В. П. Семенников и Д. С. Бабкин, но пришли к различным выводам.

«Руководящее ядро, которое положило начало „Обществу друзей“, — писал В. П. Семенников, — составляют бывшие студенты Московского университета, перебравшиеся после его окончания для службы в Петербург... Выйдя из атмосферы московского масонского круга, эти люди обычно навсегда оставались в плену тех мистических настроений, которые в этом кругу культивировались. Кроме бывших московских студентов входили в Общество и некоторые другие чиновники, занимавшиеся или интересовавшиеся литературой. Другую часть членов Общества составляли флотские офицеры...

Радищев в „Обществе друзей словесных наук“, — утверждал далее В. П. Семенников, — был, конечно, не единомышленником, а непримиримым противником руководящей группы членов — мистически настроенных учеников московских масонов. По всем основным пунктам мировоззрения расходился Радищев как с самими масонскими учителями, так, конечно, и с их учениками».¹⁸ Точку зрения В. П. Семенникова решительно поддержал Ю. М. Лотман,

¹⁷ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 167—168.

¹⁸ Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева. С. 237, 247—248.

который, как уже упоминалось, утверждал, что в цикле опубликованных в «Беседующем гражданине» статей Радищев «через голову петербургских эпигонов философии московских мартинистов... дал бой их идейным вдохновителям».

Диаметрально противоположную точку зрения попытался обосновать Д. С. Бабкин. По его утверждению, члены Общества стояли «на идейных позициях Радищева», Радищев же был «идейным вдохновителем журнала» «Беседующий гражданин»; домовая типография Радищева (где напечатаны «Письмо к другу» и «Путешествие») была предназначена для того, чтобы «создать собственную издательскую базу» Общества; главы «Путешествия» предварительно читались членами Общества и обсуждались на его собраниях, и сама книга была издана с одобрения Общества друзей словесных наук; вообще Радищев «прилагал большие усилия для того, чтобы Общество стало на путь пропаганды революционных идей, и Общество пошло по этому пути» и т. д. и т. п. Что же касается влияния масонов на Общество, то Д. С. Бабкин это влияние отрицает потому, что «в уставе Общества друзей словесных наук нет никаких следов религиозного, мистического мышления, свойственного масонам».¹⁹

Однако сам же Д. С. Бабкин обнаружил и опубликовал некоторые документы Общества, в том числе устав, в коем абсолютно четко сформулировано положение, гласящее, что Общество друзей словесных наук составляет «часть нераздельную» московского Общества университетских питомцев. Между тем, как известно, созданное в 1781 г. под руководством видного мистика И. Е. Шварца и Н. И. Новикова Собрание университетских питомцев представляло собой нечто вроде одного из легальных филиалов организации московских мартинистов. Председателем этого Собрания был тот же самый М. И. Антоновский, который после переезда с группой соратников по московскому Собранию в Петербург в 1784 г. создал здесь и возглавил Общество друзей словесных наук. Так что прямая идейно-организационная зависимость от московских масонов петербургского Общества просто-напросто зафиксирована в его уставе.

Что же касается концепций, провозглашающих руководящую роль в Обществе Радищева и т. п., то несмотря на привлекательность столь «прогрессивных» истолкований, приходится констатировать, что все это всего-навсего плоды фантазии Д. С. Бабкина. В обнаруженных им документах Общества имени Радищева просто нет, и по-прежнему единственным свидетельством участия автора «Путешествия» в Обществе остается цитированное «показание» Тучкова.

¹⁹ Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. С. 146, 147, 142—143, 139.

При таком полном отсутствии данных об участии Радищева в Обществе стоит вспомнить некоторые факты его биографии. А они, во-первых, свидетельствуют о том, что Радищев на какое-то (иногда большее, иногда меньшее) время вступал в то или иное общество, клуб и т. д. Не все документы сохранились, а часть их пока не выявлена, но и то, что известно, говорит о стремлении писателя познакомиться с возможно большим числом различных общественных организаций, понять их суть. Так, он присутствовал на нескольких собраниях ложи «Урания», был членом демократического, купеческого по преимуществу (особо чином выше бригадира сюда не принимали) Английского клуба (собрания), Музыкального клуба (общества), Думы ордена св. Владимира. Поэтому сообщение Тучкова в принципе правдоподобно: в течение какого-то времени Радищев, очевидно, посещал собрания Общества друзей словесных наук.

Во-вторых, биографические данные Радищева говорят о том, что вряд ли писатель принимал активное участие в Обществе, особенно в 1789 г. Много времени отнимала служба. Будучи советником таможенных дел Петербургской казенной палаты, Радищев фактически руководил петербургской и подчиненной ей кронштадтской таможнями, занимался многими другими делами палаты. Как свидетельствуют документы, Радищев проводил на службе ежедневно шесть часов (обычно являлся в 9 часов утра и уходил в 3 часа дня). Управляющий таможней Г. Ю. Даль был стар и болен. Осенью же 1789 г. он получил разрешение уехать на родину «для поправления здоровья» и 3 октября того же года умер в Риге.²⁰ По этой причине руководство таможенными делами полностью легло на Радищева.

В том же году выходит из печати «Житие Федора Васильевича Ушакова». Летом Радищев занялся устройством домовой типографии, купив в долг у Шнора типографский станок и литеры. На вторую половину года падает интенсивнейшая работа над текстом «Путешествия»: если в 1787—1788 гг. писатель создал начальную и цензурную редакции книги, то на вторую половину 1789—первые месяцы 1790 г. приходится не менее семи редакций произведения (сводная и шесть наборных).

Кроме того, ко второй половине года резко меняется отношение Радищева к масонам (о причинах этого пойдет речь дальше). Именно в это время он создает новый текст главы «Подберезье». В образе семинариста — центрального персонажа этой главы — писатель соединил взгляды своего давнего сослуживца и знакомого Ф. В. Кречетова с чертами молодых масонов, которых он наблюдал в Обществе друзей словесных наук. С большим сочувствием воспро-

²⁰ См.: Старцев А. И. Радищев в годы «Путешествия». М., 1960. С. 58, 63.

изведя в первой части главы критические высказывания персонажа по поводу официального образования (где использованы доводы именно Кречетова), во второй части «Подберезья» Радищев убийственно-саркастически высмеял религиозные «брёдоумствования» масонов.

Итак, соотнесение «показания» Тучкова с реальной биографией и литературной деятельностью Радищева приводит к заключению: писатель, по-видимому, бывал в Обществе друзей словесных наук (где-то в 1786—1788 гг.) и присутствовал на некоторых его собраниях. Однако участие его в Обществе в 1789 г., и особенно в последние месяцы (т. е. тогда, когда он якобы читал «Беседу» и ездил в полицию), более чем сомнительно из-за чрезвычайной перегруженности по службе в первую половину дня и сверхинтенсивной литературной работы — во вторую.

Таким образом, проверка почти всех пунктов «показания» Тучкова продемонстрировала либо их ошибочность, либо сомнительность. Остается последний (и главный) пункт «показания»: Радищев — автор «Беседы о том, что есть сын Отечества». Этот пункт не поддается проверке с помощью дополнительных материалов. Единственно возможный путь установления истины в данном случае — всесторонний анализ текста самой «Беседы» в сопоставлении с достоверно принадлежащими перу Радищева сочинениями.²¹

Первое, что обращает на себя внимание в «Беседе» сравнительно с одновременно печатающимся «Путешествием», — иная графика, в частности, более обильное употребление прописных букв, например: «...любви к Наукам и Художествам... упражнению в Истории и Философии или Любомудрии...рассматривание Живописи великих Художников, Музыки, Изваяния, Архитектуры или Зодчества» (Соч., I, 222—223) — «...он любит науки и искусства», «поощряет земледелие и рукоделие» (Печ., 66); «Нас учат философии, проходим мы логику, метафизику, ифику, богословию» (Печ., 89). «... Верховная его награда состоит в Добродетели» (Соч., I, 222) — «Понеже добродетель, есть вершина деяний человеческих...» (Печ., 183) и мн. др.

Запятая перед «есть» в последнем примере выводит нас к одной из характерных особенностей радищевской интерпункции — постановке запятой между группами подлежащего и сказуемого. Вот лишь некоторые примеры из «Путешествия»: «Вся сила правления, заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на

²¹ В дальнейшем ссылки на текст «Беседы» и произведения Радищева вводятся в текст с сокращенными обозначениями. «Соч.» означает: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938—1952. Т. 1—3; «Печ.» — принятое в радищевской текстологии обозначение издания «Путешествия из Петербурга в Москву». СПб., 1790.

вече, был истинный государь» (Печ., 100); «...сей гордый, зверский, но умный властитель, хотел разорить ее до основания» (Печ., 101); «Приятность вечера после жаркого летнего дня, выгнала меня из моей кельи» (Печ., 419); «но доколе слово Российское, ударять будет слух...» (Печ., 420) и т. п. Реже, но сходную пунктуацию находим в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске»: «Пушечная пальба... и троекратной беглый огонь, возвещали отсутственным явлением образа... Стоявшие в строю полки, ударили поход...» (Соч., I, 149). В «Беседе» в аналогичных конструкциях запятой нет: «Истинный человек есть истинный исполнитель... Благородная и чуждая пустосвятства и лицемерия скромность сопровождает все чувствования...» (Соч., I, 221).

П. Н. Берков отметил, что «в „Беседующем гражданине“ имелась любопытная тенденция к изгнанию иностранных слов или, по крайней мере, к пояснению их (в скобках) русскими: например духи (спирты...), буеверие (фанатизм...) ...дееписание (история...), отечестволюбец (патриот...)... происшествие (анекдот...) и т. д.»²²

Правда, по необъяснимой случайности П. Н. Берков охарактеризовал тенденцию прямо противоположным образом тому, что действительно имеется в журнале, как видно из им же приведенных примеров: на самом деле, наоборот, русские слова поясняются (в скобках) иностранными. Та же тенденция обнаруживается в «Беседе»: «сын Отечества (патриот)» (Соч., I, 215); «смертный сон (летаргия)» (Соч., I, 216); «смесь нестройная (хаос)» (Соч., I, 219). У Радищева имеется внешне похожий, но иной случай, когда к русскому слову, в правильности применения которого автор был явно не уверен, он дал французский термин: «... электр души ...стремится, подобно жидкостям, к равновесию (niveau) и уравненности» («О человеке...», Соч., II, 129). Подобные «справочные» пояснения были в первых редакциях «Путешествия»: «подорожная есть оберегательное письмо (salvoguardia)» («София»); «...и яко чувственница (sensitive) увядать станет» («Крестьяцы»), — однако Радищев снял эти «пояснения в скобках» на очень ранних стадиях работы над текстом — в цензурной и сводной редакциях (ср. Печ., 4 и 190). Кстати, одновременно Радищев убрал многочисленные подстрочные библиографические ссылки в «Кратком повествовании о происхождении цензуры» (в некоторых случаях ссылок в рукописях не было, но для них оставлено место, в тексте же сделан знак сноски). Как можно заметить, случаи попыток «пояснения в скобках» у Радищева встречаются исключительно редко, имеют иной ха-

²² Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. С. 377.

ракти и другое (латинскими буквами) оформление, нежели в «Беседующем гражданине» вообще, и в «Беседе» в частности.

Первые две группы фактов (орфография и пунктуация), как бы выразительны они ни были, нельзя принимать в расчет в качестве серьезных аргументов в вопросе об авторстве (или неавторстве) Радищева — как и вообще любого другого деятеля данной эпохи. Дело в том, что различия в орфографии и пунктуации отражают не столько индивидуальную манеру автора, сколько навыки наборщиков и корректора той типографии, в которой печаталось то или иное произведение писателя. Скажем, орфография и пунктуация «Жития Федора Васильевича Ушакова», которое издано типографией Вейтбрехта, значительно отличаются от «Путешествия» и «Письма к другу», вышедших из домовой типографии Радищева.²³ Поэтому не удивительно, что от того и другого достаточно сильно отличаются аналогичные элементы в «исполнении» типографии Гека, где печатались последние части «Беседующего гражданина».

По этой причине в дальнейшем тексте нет необходимости воспроизводить старую орфографию и пунктуацию, а можно в разумных пределах «осовременить» их.

Сложнее обстоит дело с иностранными словами в скобках, но и этот момент (отсутствующий в сочинениях «подлинного» Радищева) можно при большом желании объяснить посторонним вмешательством, редакционной правкой.

Более серьезны языковые аргументы, касающиеся синтаксиса и стилистики «Беседы». Заранее приходится извиняться за длинную цитату, но без нее менее нагляден будет вывод. Итак, вот одна только фраза из начала «Беседы», даже из начала первого абзаца:

«Но здесь не касается рассуждение о тех злосчастнейших, кои коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека, кои соделаны чрез то такими, что без принуждения и страха ничего уже из таких чувствований не производят, кои, уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя; кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу, и не имеющие надежды освободиться от своего ига, получая равные с лошадью воздаяния и претерпевая равные удары; не о тех, кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца; не о тех здесь речь, кои

²³ Подробнее об этом см. в моей статье о текстологических принципах издания в кн.: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 631—634.

не чувствуют другого, кроме своего унижения, кои ползают и движутся во смертном сне (летаргия), кои походят на человека одним токмо видом, в прочем обременены тяжестию своих оков, лишены всех благ, исключены из всего наследия человеков, угнетены, унижены, презренны; кои не что иное, как мертвые тела, погребенные одно против другого; работают необходимое для человека из страха; им ничего, кроме смерти, не желательно, и коим наималейшее желание заказано, и самые маловажные предприятия казнятся; им позволено только расти, потом умирать; о коих не спрашивается, что они достойного человечества сделали? какие похвальные дела, следы прошедшей их жизни оставили? какое добро, какую пользу принесло Государству сие великое число рук?» (Соч., I, 215—216).

Громадная фраза эта, построенная по правилам семинарского красноречия и гимназической риторики, вполне грамотна и весьма достойна добросовестного ученика семинарии и московской университетской гимназии (как известно, выходцы из этих и подобных учебных заведений М. Антоновский, К. Лубьянович, С. Бобров, М. Доброгорский, П. Икосов и др. составляли костяк как Общества друзей словесных наук, так и соответственно «Беседующего гражданина»). Самая большая по объему, это отнюдь не единственная фраза данного типа в «Беседе» (хотя другие и поменьше). Но дело в том, что подобных фраз, да еще в такой концентрации, у Радищева просто нет — ни в «Житии Ушакова», ни в «Путешествии», ни даже в философском трактате «О человеке».

Простых предложений в «Беседе» мало; даже сравнительно небольшие фразы усложняются различными придаточными предложениями, причастными оборотами и т. п. Примечательно, однако, что при обилии причастий в «Беседе» совершенно отсутствуют характерные для Радищева усеченные, краткие причастия типа «седающ» (например, в «Письме к другу»: «седающ на коне борзом» (Соч., I, 148); «имеющ главу, лаврами увенчанную» (Соч., I, 149); в «Путешествии»: «конец хвоста в зеве держаща» (Печ., 62); «трепещущ нисходит в отверстие» (Печ., 431) и т. д.).

К этому надо добавить, что язык и стиль «Беседы» абсолютно лишены индивидуального «я» и личностного начала, столь характерных для любого произведения Радищева. Собственно говоря, названные свойства относятся не столько к языку и стилю, сколько к специфике художественно-публицистического мышления, образной манере писателя. В этой связи возникает следующий факт.

После приведенной выше тирады о крепостных, которые «не человеки», следует восклицание: «Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества!» — и далее: «Но где он? где сей украшенный достойно сим величественным именем? — Не в

объятиях ли нсги и любострастия? — Не объятый ли пламенем гордости, любоначала, насилия? — Не зарытый ли в скверноприбыточничестве, зависти, зловождедении, вражде и раздоре со всеми даже и теми, кои одинаково с ним чувствует и к одному и тому же устремляются? — или не погрязший ли в тину лени, обжорства и пьянства?» (Заметим попутно, что Радищев предпочитал писать «пьяница» (Печ., 46), «пьянствовать» (Печ., 223), «пьяницы» (234) и т. п.). После данного «краткого» перечня типов следуют развернутые характеристики тех же четырех «порочных» (вертопраха-щеголя, гордеца-наильника, корыстолюбца-скупца, ленивца-обжоры), — «ибо пятого сложения толь же отдельно редко найдем», зато «смесь сих четырех везде видна» (Соч., I, 216—217).

В этих зарисовках Д. Д. Благой совершенно справедливо увидел «старых знакомцев»: это «традиционные персонажи сатирической литературы XVIII века, от сатир Кантемира до сатиры Новикова и Крылова», — но в персонажах, воспроизведенных в «Беседе», исследователь каким-то образом обнаружил «прямые политические обличения крепостничества и самодержавия».²⁴ Согласившись в этом с Д. Д. Благом, П. Н. Берков пошел еще дальше: в характеристике гордеца-наильника он усмотрел ни больше ни меньше, как «портрет Екатерины».²⁵ Не вдаваясь в полемику по данному поводу (хотя опровергнуть это утверждение достаточно легко), зададимся вопросом: в какой степени сам подобный прием свойствен Радищеву?

Действительно, сатирическая галерея «порочных», в коей каждый персонаж является воплощением определенного порока, — один из самых распространенных приемов литературы русского классицизма, ведущий свою родословную от двух галерей «невежд» в «Сатире первой» Кантемира через сатирические журналы Новикова и «Сатиру I» Капниста к произведениям Крылова и журналам Страхова.

У Радищева этот прием встречается лишь один раз — в «Отрывке путешествия в *** И*** Т***», в начале второй части его, да и то в редуцированном виде, без развернутых характеристик «порочных». Впрочем, как известно, существует гипотеза, что окончание «Отрывка» было приписано к радищевскому тексту Новиковым.²⁶ Однако, на мой взгляд, не было бы ничего удивительного и в том, если бы концовка «Отрывка» принадлежала самому Радищеву. Ведь это произведение — первое оригинальное сочинение молодого

²⁴ Благой Д. Д. Александр Радищев: 1749—1949. М., 1949. С. 25.

²⁵ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. С. 371.

²⁶ Это предположение подробно обосновано П. Н. Берковым в кн.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 562—563.

писателя, и потому вполне естественно его обращение к опыту предшественников. Более существенно другое — полное отсутствие у Радищева подобной «галереи порочных» впоследствии. Хотя, надо сказать, своего рода сатирическое собрание персонажей в «Путешествии» есть. Я имею в виду блистательную галерею членов семейства Карпа Дементьича в главе «Новгород», причем необходимо подчеркнуть важнейшее обстоятельство: этот эпизод создавался и вводился в «Путешествие» во второй половине 1789 г., т. е. именно тогда, когда была написана и «Беседа о том, что есть сын Отечества». В обеих «галереях» — по четыре «портрета». Сопоставим любые из них, хотя бы последние.

«Беседа»: «Или не тот ли, сидящий за исполненным произведениями всех четырех стихий столом, коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек, отъятых от служения Отечеству, дабы по пресыщении мог он быть перевален в постель и там бы спокойно уже заниматься потреблением других произведений, какие он вздумает, пока сон отнимет у него силу двигать челюстями своими?» (Соч., I, 217).

«Путешествие»: «Парасковья Денисовна, ево новобрачная супруга, бела и румяна. Зубы как уголь. Брови в нитку, чернее сажи. В компании сидит, потупя глаза, но во весь день от окошка не отходит и пялит глаза на всякого мужчину. Под вечерок стоит у калитки. — Глаз один подбит. Подарок ее любезнова муженька для первого дни, — а у кого догадка есть, тот знает, за что» (Печ., 108–109).

Совершенно очевидно, что во втором случае мы имеем дело с результатом принципиально иного художественного мышления. В «Беседе» перед читателем — вполне традиционный персонаж классицистической сатиры; в «Путешествии» — индивидуально-типизированный характер, один из первых в русской прозе реалистических портретов. А так как образ (метод) художественного мышления писатель вряд ли может мгновенно менять, как перчатки (ведь оба «портрета» созданы практически в одно время), то закономерен вывод: процитированные тексты принадлежат перу разных авторов.

От отдельных, частных, так сказать, «мелких» элементов образного строя обратимся к более крупным явлениям, свойственным радищевскому художественно-публицистическому мышлению. Для Радищева как мыслителя и писателя весьма характерно то, что можно назвать варьированием, повторением определенной идеи и автоцитированием. Сразу следует оговорить, что речь идет отнюдь не о прямом автоцитировании такого типа, как, скажем, у Лермон-

това, когда строки, строфы и целые цепочки строф переходят из одного произведения в другое. У Радищева это явление выглядит иначе: во-первых (условно говоря, на «макроуровне»), как неоднократное обращение писателя к одной теме, мысли, идее, но разработанной в иной форме, чем прежде; во-вторых (на «микроуровне»), как воспроизведение мысли, темы, образа, оборота несколько иными словами, в другом «оформлении».

Вот некоторые приемы переклички произведений на «макроуровне». Примечание о самодержавстве к переводу «Размышлений о греческой истории» Мабли легло в основу концепции «Вольности». Содержание «Отрывка путешествия...» в преобразованном виде отразилось в главах «Любани» и «Пешки» «Путешествия из Петербурга в Москву». Рассуждения о величии исторического деятеля из «Письма к другу...» перекликаются с «Хотиловом», переживания героя «Дневника одной недели» развивают намеченное в «Выезде» и «Софии». Глава «Тверь», с одной стороны, заключает в себе зерно замысла «Памятника дактилохореическому витязю», а с другой — предсказывает будущую ломку поэтики, стиховой формы произведения Радищева-поэта.

Даже столь далекое, казалось бы на первый взгляд от «Путешествия» сочинение, как трактат «О человеке...», является реализацией замысла, сформулированного в «Крестьцах». Объясняя детям принципы их воспитания, отец — крестичский дворянин — напоминает им: «Во младенчестве и отрочестве не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями или мыслями чуждыми... Когда же я узрел, что вы в суждениях ваших вождаетесь рассудком, то предложил вам связь понятий, ведущих к познанию бога... Предложил я вам тогда и о законе откровенном, не сокрывая от вас все то, что в опровержение оногo сказано многими...» (Печ., 171—172). Именно так построен философский трактат, адресованный детям самого Радищева: в двух первых его книгах идея бессмертия опровергается и отвергается, в двух последних — развивается и утверждается, — причем, как заметил еще А. С. Пушкин, Радищев «охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистогo афеизма».

Теперь приведу несколько примеров вариативности автоцитат, выбранных из «Жития Ушакова» и «Путешествия» — произведений, одно из которых по времени выхода в свет предвосхищает «Беседу о том, что есть сын Отечества», а другое следует за ней.

«Да и самая печаль, грусть и отчаяние скользили, так сказать, на юном сердце, не проникая начальную его твердость» (Соч., I, 155) — «...все пороки юности... скользят по поверхности сердца, его не уязвляя» (Печ., 188—189).

«Положим, что Государь... пристрастен не бывает николи; но если бы возможно было ему, хотя одному, быть беспристрастному в своем государстве...» (Соч., I, 157) — «Я размышляя, каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховных власти. Ибо справедливо думал, что в самодержавном правлении она одна в отношении других может быть беспристрастна» (Печ., 58—59).

«...если он возможет чужд быть родству, приязни, дружбе, любви...» (Соч., I, 157) — «Он лести чужд, лицеприятства... Родства не знает, ни приязни» (Печ., 359)

«Доказательства для сего не нужны» (Соч., I, 157) — «Доказательства сему, кажется, не нужны» (Печ., 304).

«Имея власть в руке своей» (Соч., I, 166) — «Что власть в руке своей имея» (Печ., 366).

«...забыл гофмейстер наш умеренность и, подобно правителям народов, возмнил, что ...власть, ему данная над нами, и определенные деньги не на нашу были пользу, но на его» (Соч., I, 166) — «Преступник власти, мною данной... Забыв, что я избрал тебя Себе в утеху быть венчанну, Возмнил, что ты господь, не я» (Печ., 363—364).

«Но провидение бдело над нами... и для того щит его носится всегда над неопытностью...» (Соч., I, 171) — «Опытность моя, носясь над вами, яко новый Егид...» (Печ., 175).

«Сие упорное прилежание к учению... Упорным своим к учению прилежанием...» (Соч., I, 177) — «Упорное прилежание в учении языков...» (Печ., 426).

«Наиболее всего привлекала его в Латинском языке сила выражений. Исполненные духа вольности, сии властители Царей упругость своя души изъявили в своем речении... Если бы смерть тебя не восхитила... ты... прилепился бы к языку сих гордых островян» (т. е. к английскому языку — Соч., I, 179) — «Англинской язык, а потом Латинской старался я вам известнее сделать других. Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям» (Печ., 173).

Число примеров разной степени текстуальной близости можно намного увеличить, но, думается, уже понятно, что имеется в виду под вариативностью мыслей и автоцитированием в произведениях Радищева. Если с этой точки зрения посмотреть на «Беседу», то ни совпадений на «макроуровне», ни вариативности на «микроуровне» с произведениями Радищева в этом сочинении не обнаруживается.

Повернем эту проблему несколько иначе и взглянем на нее с другой стороны. Поставим вопрос так: в какой мере положения, высказанные в «Беседе о том, что есть сын Отечества», соответству-

ют мыслям, содержащимся в доподлинно принадлежащих Радищеву сочинениях, прежде всего в «Путешествии из Петербурга в Москву», которое сосредоточило в себе основополагающие идеи Радищева — мыслителя и писателя.

Если вновь обратиться к процитированной выше громадной фразе из начала статьи, но теперь уже не со стороны языка и стиля, а со стороны содержания, то мы увидим, что здесь последовательно нагнетается мысль о том, что крепостной крестьянин не является человеком в полном смысле слова. Вот опорные пункты развития этой идеи:

«Но здесь не касается рассуждение о тех злосчастнейших, коих коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека... кои уподоблены тяглому скоту... кои уподоблены лошади... кои походят на человека одним только видом... исключены из всего наследия человеков... о коих не спрашивается, что они достойного человечества сделали?...» И после всего данного рассуждения следует решительный вывод: «Не о них (т. е. крепостных крестьянах. — В. З.) здесь слово... они не человеки, когда суть не что иное, как движимые мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот! — Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества!» (Соч., I, 216—217).

Итак, при всем сочувствии автора «Беседы» к крепостным, — «они не человеки». А что думал по этому поводу Александр Радищев, автор «Путешествия»?

Глава «Зайцово»: «Человек рождается в мир равен во всем другому... Следственно, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобного, словом, становится гражданином... Гражданин, становясь гражданином, не перестает быть человеком... Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник» (Печ., 143—146).

Глава «Хотилово»: «... Неужели толико чужды будем ощущению человечества... и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства треть целую общников наших, сограждан нам равных, братий возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи? Зверской обычай поработать себе подобного человека... простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко... Земледельцы и дондесь между нами рабы; мы в

них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше... Но если служители божества представили взорам вашим неправоту порабощения в отношении человека, за долг наш вменяем мы показать вам вред оной в обществе и неправильность оного в отношении гражданина» (Печ., 238—242).

Глава «Городня»: «Лучше бы мне было возрасти в невежестве, не думав никогда, что есть человек, всем другим равный», — говорит крепут-крепостной (Печ., 381) и т. д.

Итак, перед нами две позиции, принципиально отличающиеся одна от другой. Для автора «Беседы» крестьянин в крепостном состоянии — «не человек». Для автора «Путешествия» (и этот взгляд последовательно проведен через всю книгу, число примеров может быть легко увеличено) — «гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек». Мог ли автор «Путешествия» — Александр Радищев — стоять одновременно на двух диаметрально противоположных позициях?

Столь же различны точки зрения двух авторов на причины, побуждающие человека к действию, на «пружины» «деяний человеческих».

Для автора «Беседы» причины, порождающие стремления и «деяния человеческие» (и едва ли не одно из главных — «совершенствование самого себя»), таковы: «Поистине не что иное, как врожденное пламенное побуждение к приобретению для себя тех способностей и красоты, посредством которых заслуживается благоволение божие и любовь собратии своей, желание учиниться достойным их благосклонности и покровительства. — Рассматривающий деяния человеческие увидит, что се одна из главнейших пружин всех величайших в свете произведений» (Соч., I, 220).

Для автора «Путешествия» побудительный фактор деяний человеческих — «польза», «собственное благо», «корыстолюбие». Этот фактор определял и создание первых гражданских обществ, и хозяйственную деятельность, и семейные отношения.

«Зайцово»: «Человек родится в мир равен во всем другому... Какие же ради вины обуздывает он свои хотения? почто поставляет над собою власть? почто, беспределен в исполнении своей воли, послушания чертою оную ограничивает? Для своей пользы, — скажет рассудок; для своей пользы, — скажет внутреннее чувство; для своей пользы, — скажет мудрое законоположение» (Печ., 143).

О том же — «Хотилов» (кстати, пример вариативности внутри одного произведения): «Право гражданское показало вам человек, променявших беспредельную свободу на мирное оныя употребле-

ние... Но какое было побуждение вступить в общество и полагати произвольные пределы деяниям? Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; нерастленный закон гражданский скажет: собственное благо» (Печ., 243).

«Вышний Волочок»: «Тут видно было истинное земли изобилие и избытки земледельца; тут явен был во всем своем блеске мощный побудитель человеческих деяний — корыстолюбие» (Печ., 269).

«Крестьяны»: «Вождаем собственныя корысти побуждением, предприемлемое на вашу пользу имело всегда в виду собственное мое услаждение», — говорит крестичукий дворянин детям своим. — «Сколь мало обязаны вы мне за рождение, толико же обязаны и за вскармление. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцов пернатых, когда даю пищу псу, лижущему мою десницу, их ли ради сие делаю? — Отраду, увеселение или пользу в том нахожу мою собственную. С таковым же побуждением производят вскармление детей... Но, скажут, обязаны вы мне за учение и наставление. — Не моей ли я в том искал пользы, да благи будете. Похвалы, воздаваемые доброму вашему поведению, рассудку, знаниям, искусству вашему, распростираяся на вас, отражаются на меня, яко лучи солнечны от зеркала. Хваля вас, меня хвалят» и т. д. (Печ., 160—166).

Снова перед нами две диаметрально противоположные позиции. Убеждения автора «Беседы» несут явственный отпечаток масонской идеологии. Автор «Путешествия» развивает в разных аспектах просветительскую концепцию, концепцию «разумного эгоизма». Как известно, во второй половине 1789 г. Радищев дополнил ранние редакции «Путешествия» направленными против масонов главами — посвящением «А. М. К.» и «Подберезье». Мог ли мыслитель и писатель, оценивший масонскую идеологию, «новейшие таинственные творения» как суеверие, как возврат к временам средневековой схоластики и словопрений, как «пары, в грязи омерзения почившие», которые «уже воздымаются и предопределяются объяти зрения круг», как рыскание «в пространных полях бредоумствований», — мог ли тот же самый мыслитель и писатель одновременно выступать с пропагандой масонских идей?

Следующая достойная пристального внимания идея заключается в таких фразах: «Доказано уже, что истинный человек и сын Отечества есть одно и то же; следовательно, будет верный отличительный признак его, ежели он таким образом *честолобив*».

Сим да начинает украшать он величественное наименование сына Отечества, *Монархии*» (Соч., I, 220).

Итак, для автора «Беседы» понятие «отечество» равнозначно понятию «монархия». О том, что Радищев отнюдь не ставил знак ра-

венства между этими понятиями, думаю, даже и рассуждать не стоит: достаточно прочитать хотя бы оду «Вольность» либо главу «Тверь» «Путешествия». Но тут нельзя не напомнить, что именно в слове «монархия» некоторые исследователи, как было указано выше, усматривали цензурное вмешательство или автоцензуру. П. Н. Берков, также считая, что слова «монархия», «государь» и т. п. вставлены в статью, безусловно, «для отвода глаз», добавлял: «Я полагаю, что в новом академическом издании сочинений Радищева эти маскировочные элементы должны воспроизводиться не в основном тексте „Беседы“, а только в комментариях».²⁷

Дело, однако, заключается в том, что мировоззрению Радищева противоречат не какие-то отдельные «маскировочные элементы», а принципиальнейшие положения автора «Беседы» — как те, о коих уже говорилось, так и те, о которых пойдет речь дальше.

Что же касается до отождествления «отечества» и «монархии», то эта идея вполне органична для масонского мировоззрения. Как известно, резкий поворот к идеализму, фидеизму и мистицизму и борьба с философией Просвещения обозначились в России во второй половине 1770-х гг. Особенно явственно наблюдается этот процесс в книжной продукции московских мартинистов и в журналах, издававшихся Н. И. Новиковым с 1777 г., в том числе в журнале «Вечерняя заря». И в этой связи нельзя не напомнить, что, по свидетельству М. И. Антоновского в его жизнеописании, именно он был «издателем» (т. е. редактором) как «Вечерней зари», так и «Беседующего гражданина».²⁸ Философов-просветителей масоны именуют «целым скопищем подлецов, изливавших яд свой на тысящу невинных душ», «извергами природы», «дерзкими врагами человечества» и т. д. Масоны тем яростнее боролись с просветительством, что они усматривали в «вольномудстве» расшатывание монархической власти, безоговорочного повиновения которой требовали мартинисты. «Нет ничего священнее государя, нет ничего мерзостнее бунтовщика», — прямо утверждалось в переведенной с французского книге «Аристид, или Истинный патриот». А. М. Кутузов, получив известие об аресте Радищева, писал И. В. Лопухину: «Ты справедливо судишь о моих правилах; я ненавижу возмутительных граждан, — они суть враги отечества и, следовательно, мои».²⁹

²⁷ Берков П. Н. Истории русской журналистики XVIII века. С. 369.

²⁸ Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. С. 169.

²⁹ Подробнее об этом см.: Кулакова А. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарий. Л., 1974. С. 35—37, 103—111 и др.

По-видимому, изменение первоначального замысла «Путешествия из Петербурга в Москву» было связано с тем, что мартинисты в конце 1780-х гг. и особенно после начала Французской революции превратили философскую полемику в политическую борьбу с «вольнодумством». Поэтому Радищев снял первую редакцию начала главы «Завидово», содержащую безобидную насмешку над масонами, и создал в «Подберезье» убийственный памфлет на мартинизм, одновременно подчеркнув в посвящении «А. М. К.» принципиальную разницу своей позиции и масонского мировоззрения.

Таким образом, неприемлемое для Радищева отождествление отечества с монархией было вполне естественным для какого-либо питомца Московской университетской гимназии, одного из соратников редактора «Беседующего гражданина» Антоновского.

Главным пунктом при определении двух важнейших признаков патриота — «благонравия» и «благородства» — является отношение «сына отечества» к законам Российской империи и «властям предержажим».

Автор «Беседы» пишет: «Истинный человек есть истинный исполнитель всех предоставленных для блаженства его законов; он свято повинуется оным... С благоговением подчиняется он всему тому, чего порядок, благоустройство и спасение общее требуют...» Даже самую жизнь свою он «сохраняет... для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных; по возможности своей отвращает все, могущее запятнать чистоту и ослабить благонамеренность оных, яко пагубу блаженства, и совершенствование Соотечественников своих. Словом, он *благонравен!* Вот другой верный знак сына Отечества!

Третий же и, кажется, последний отличительнейший знак сына Отечества, когда он *благороден*. Благороден же есть тот, кто... будучи воспламенен истинно мудрым любочестием, все силы и старания свои к тому единственно устремляет, чтобы, повинуясь законам и блюстителям оных, предержажим властям, как всего себя, так и все, что он ни имеет, не почитать иначе, как принадлежащим Отечеству, употреблять оное так, как вверенный ему залог благоволения Соотчичей и Государя своего, который есть Отец Народа...» (Соч., I, 221—222).

Пиетет, с которым относится к «отечественным законам» автор «Беседы», диаметрально противоположен оценке их, данной автором «Путешествия». Начальные главы книги — от «Софии» до «Спасской Полести» — посвящены именно теме закона и беззакония, причем эта тема развивается в двух аспектах. С одной стороны, Радищев рисует картину царящего на всех ступенях общества беззакония как нарушения реальных законов государства. С другой

стороны, существующие законы российские не обеспечивают прав, присущих человеку «от природы» (см.: Соч., III, 12—13): «личной сохранности», «личной вольности», «собственности»,— и даже способствуют отъятию свободы, жизни и собственности. Иначе говоря, с точки зрения естественного права законы Российской империи (те самые «отечественные законы», о всемерном соблюдении коих печется автор «Беседы»), по Радищеву, являются узаконенным беззаконием.³⁰ Та же отрицательная оценка российских законов неоднократно повторяется и в последующих главах «Путешествия», например в «Зайцове», «Хотилове», «Городне», где дана лапидарная, но емкая формула: «О законы! премудрость ваша часто бывает только в вашем слоге!» (Печ., 386—387). Наконец, Радищев прямо утверждает право «истинного гражданина» не подчиняться ни закону, ни государю: «Но если бы законы, или государь, или бы какая-либо на земли власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов» (Печ., 184—185). Именно так ведет себя центральный персонаж главы «Зайцово» Крестьянкин, твердо противостоящий и закону, и наместнику, олицетворяющему на месте особу государя.

Из всего сказанного понятно, что дело вовсе не только в «маскировочных элементах» типа требования повиноваться «предержащим властям» или признания государя «отцом народа». Само отношение к «отечественным законам», полностью определяющее содержание этой части «Беседы», принципиально отличает автора статьи от автора «Путешествия».

Обосновав три основные черты «сына Отечества», автор «Беседы» в заключительной части статьи указывает, что эти качества не могут быть полноценными без надлежащего воспитания и просвещения науками и знаниями, после чего подробно перечисляет моральные свойства, науки и искусства, которые необходимо приобрести «истинному человеку». Сами по себе эти требования и перечень особых сомнений не вызывают, но после них следует завершающий статью абзац, который выглядит так:

«Весьма те ошибутся, которые почтут сие рассуждение тою Платоническою системою общественного воспитания, которой события никогда не увидим, когда в наших глазах род такого точно воспитания, и на сих правилах основанного, введен Богомудрыми Монархами, и просвещенная Европа с изумлением видит успехи оногo, восходящие к предположенной цели исполинскими шагами!» (Соч., I, 223).

³⁰ См. подробнее: Там же. С. 64—65 и др.

Даже отвлекаясь от сервильного тона по отношению к «бого-мудрым монархам», трудно представимого в устах Радищева, нельзя не вспомнить опять-таки о «Путешествии», где в первой части главы «Подберезье» в речах семинариста дается трезвая, резко критичная оценка современного состояния образования и просвещения в России:

«Сколь великой недостаток еще у нас в пособиях просвещения... Почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям ... Чему дивиться: Аристотель и схоластика донныне царствуют в семинариях... Но для чего... не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке российском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных; по крайней мере в каждом суде был бы хотя один член, понимающий, что есть юриспруденция, или законоучение» (Печ., 88—90).

Сопоставление этого фрагмента «Путешествия» (опять-таки напомним, что «Подберезье» создавалось во второй половине 1789 г., фактически одновременно с «Беседой») с заключительным абзацем статьи показывает, что и по данному вопросу оценки автора «Беседы» и автора «Путешествия» различны. Расхождение это вполне объяснимо: то, что могло казаться верхом учености монархически настроенному питомцу университетской гимназии, весьма скептически оценивалось писателем-революционером, человеком европейского энциклопедического образования.

Таким образом, подробный анализ «Беседы» (и здесь я должен принести извинения потенциальному читателю работы за вынужденное обилие цитат, необходимое именно для детального сопоставления статьи «Беседующего гражданина» с сочинениями Радищева) дает основания для окончательного заключения.

«Путешествие» и «Беседа» настолько резко контрастируют между собой, что перу одного человека принадлежать попросту не могут. Но авторство Радищева в отношении «Путешествия» — факт неоспоримый. Отсюда следует единственно возможный вывод: «Беседа о том, что есть сын Отечества» безусловно не является произведением Радищева. Таков ответ на вопрос, поставленный в названии работы.

Как же тогда возникло «показание» (или «указание») Тучкова? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что мемуарист не относился к числу близких знакомых Радищева (неизвестно даже, были ли они вообще сколь-нибудь знакомы). О всех связанных с Радищевым событиях он знал только по слухам и рассказам,

ибо в момент этих событий он находился на театре военных действий, на флоте, действовавшем против шведов. В Петербург Тучков вернулся лишь осенью 1790 г.

В дальнейшем же, вспоминая о событиях XVIII столетия, делах давно минувших дней, по прошествии многих лет, в XIX веке, С. А. Тучков, по-видимому, впал в типичнейшую и широко распространенную ошибку — атрибуцию по типологии (или аналогии). Явление это хорошо известно в истории литературы. Так, например, стихотворения философского и философско-политического характера в рукописях XVIII—начала XIX в. нередко приписываются Державину: в одном из сборников начала XIX в. против ломоносовских «Утреннего» и «Вечернего размышления о божием величестве», «Оды, выбранной из Иова» написано «Державин»; в другом сборнике конца XVIII в. его именем обозначена ода «Древность» (в сущности, по той же типологии Г. А. Гуковский, отведя авторство Державина, атрибутировал данную оду Радищеву, благодаря чему она попала во второй том академического издания его сочинений); автором же «Древности» в действительности являлся П. А. Слоцов. В 1820—1830-х гг. десятки «вольнолюбивых» стихов ходили под именем Пушкина. Подобным же образом на протяжении многих десятилетий после смерти И. С. Баркова вся стихотворная «похабель» записывалась на его имя и составила в конечном итоге громадную «барковиану», к значительной части которой покойный поэт не имел ни малейшего отношения (кстати, совсем недавно К. Ваншенкин с умилением цитировал как принадлежащие все тому же бедному Баркову стихи из неизвестной поэмы позднейшего времени «Лука Мудищев», хотя многолетняя традиция столь же облыжно связывала это сочинение с именем Пушкина). Вероятно, и Тучков, вспомнив о «Беседе», по поводу которой возникли некие цензурные сомнения, бессознательно связал произведение с именем самого известного ему «возмутительного» автора — Радищева.

Р. М. ЛАЗАРЧУК

ИЗ ИСТОРИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТЕАТРА (Вологодский публичный театр конца XVIII—начала XIX в.)

Вологодский театр XVIII в. еще ждет своего историка. Несколько эпизодов — вот все, что нам известно из театральной жизни этого провинциального города. Реконструкция одного из них была предпринята нами¹ на основе «Собрания стихов, сочиненных во время бытности в Вологде его высокопревосходительства г. «енерал»-губернатора А. П. Мельгунова», на разные случаи»,² в составе которого одиннадцать стихотворных откликов на спектакли, поставленные в конце декабря 1786—январе 1787 г. Новые архивные материалы позволяют уточнить: торжественное для губернского города событие произошло не позднее 23 декабря 1786 г.³ и не ранее 13-го,⁴ однако и не позднее 17 января 1787 г. Благодаря своеобразному театральному «дневнику» неизвестного вологжанина установлен репертуар театра — десять пьес <...> комические оперы, комедии, лирическая драма. Наконец, обследование формулярных списков вологодских чиновников помогло «найти» одного из актеров (в стихах он назван только по фамилии), восстановить отдельные моменты его биографии и служебной деятельности. В постановке

¹ Лазарчук Р. М. Из истории провинциального театра: (театральная жизнь Вологды 1780-х гг.) // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 52—69. (XVIII в. Сб. 15).

² ГПБ, ф. 487, собр. Н. М. Михайловского, ед. хр. 464.

³ Дата на письме А. П. Мельгунова из Вологды в Ярославль (Государственный архив Ярославской области (далее: ГАЯО), ф. 72, оп. 2, ед. хр. 895, л. 4).

⁴ См. донесение А. П. Мельгунова, отправленное из Вологды 13 января 1787 г. (ЦГАДА, ф. 16, р. XVI, ед. хр. 1012, ч. 2, л. 128).

лирической драмы М.-Ж. Седена (музыка П.-А. Монсиньи) «Дезертер» был занят протоколист Вологодского губернского магистрата Петр Иванович Горский.⁵

Дальнейшие разыскания показали, что не всем этим документам можно верить и что в «деле» П. И. Горского, таком простом на первый взгляд, немало загадок и противоречий. Числясь в штате Вологодского наместнического правления, П. И. Горский, как было установлено, с самого начала своей служебной деятельности, т. е. с апреля 1783 г., находился в Ярославле для «исправления дел» при канцелярии Мельгунова.⁶ Бывал ли он в Вологде до 1786 г., неясно. Во всяком случае даже такой важный акт, как приведение Горского к присяге по случаю награждения чином коллежского регистратора, не потребовал его присутствия в Вологде, а превратился в формальность: подписанный в Ярославле присяжной лист Горского был возвращен в Вологодское наместническое правление уже после того, как оно «отрапортовало правительствующему Сенату».⁷ Совершенно по-иному освещают документы, хранящиеся в ГАЯО, и самое «возвращение» П. И. Горского в Вологду. «Высылке» этого чиновника из Ярославля предшествовала ... просьба П. Ф. Мезенцева. Чем объяснить внезапно вспыхнувший интерес вологодского губернатора к судьбам «находившихся при канцелярии» Мельгунова «Вологодского наместнического правления регистратора Лобанова⁸, гражданской палаты канцеляриста Авдеева и губернского магистрата протоколита Горского» и поспешность, с которой 19 июля 1788 г., спустя 2 недели после смерти генерал-губернатора, он потребовал «ныне же <...> выслать» этих чиновников к «настоящим из должностям»⁹? А уклончивый ответ из Ярославля, в котором имя Горского вообще не упоминается и решение дела откладывается до «прибытия его высокопревосходительства» Е. П. Кашкина?.. Почему со смертью Мельгунова тотчас отпала необходимость в дальнейшем пребывании Горского в Ярославле? И как следует понимать фразу из письма П. Ф. Мезенцева: «Не уповаю я, чтобы была *прямая надобность остаться более* (подчеркнуто мною. — Р. Л.) при той канцеля-

⁵ Лазарчук Р. М. Из истории провинциального театра. С. 64—66.

⁶ ГАЯО, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 227, л. 1. (О назначении коллежским регистратором студента Московского университета П. Горского).

⁷ Там же, л. 4.

⁸ Вот несколько штрихов к его характеристике: Петр Васильевич Лобанов, «определенный из обучающихся в Академии художеств, а потом в <...> Сухопутном кадетском корпусе».. При выпуске из корпуса награжден медалью (ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 746, л. 447).

⁹ ГАЯО, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 1462, л. 1.

рии». ¹⁰ Почему новый генерал-губернатор Е. П. Кашкин удовлетворил просьбу П. Ф. Мезенцева? Вопросы... вопросы... вопросы...

Столь же неожиданными оказались результаты творческих исканий другого актера, занятого в постановке лирической драмы М.-Ж. Седена (музыка П.-А. Монсиньи) «Дезертер» (или «Беглец») и удостоенного похвального отзыва неизвестного сочинителя:

О вы, прекрасные театра игроки!

.....

Ты, Саблин! подражал несвойственной природе.¹¹

Если это Иван Алексеевич Саблин, как мы предполагаем, то и он ярославец. В отличие от «сержантского сына» П. И. Горского, Саблин — дворянин, женат на «дворянской дочери» Катерине Федоровне Омельяновой. Он небогат. У него 5 дворовых и «в общем владении с братом Олонецкой губернии Лодейнопольского уезда <...> в деревнях <...> 12 душ». ¹² Впрочем, по данным ЦГАДА, «свидетельства» о своем «дворянстве» в Герольдмейстерскую контору И. А. Саблин не представлял. ¹³ Он начал службу с декабря 1774 г. учеником геодезии в Ярославском экономическом правлении. В 1778 г. Саблин — уже геодезист, коллежский регистратор; еще через год — «экономический казначей». С сентября 1780 г. жил в Вологде, куда был определен «на механическую ваканцию», с которой был уволен 20 августа 1786 г. «в должности землемера». Следовательно, в конце декабря 1786—начале января 1787 г., когда на вологодской сцене было поставлено десять пьес, 27-летний Иван Саблин служил частным приставом в Ярославской управе благочиния. Спустя год он — «директорский товарищ» в Ярославской конторе Государственного ассигнационного банка. Осенью 1790 г. Саблин возвращается в Вологду уже в качестве стряпчего уголовных дел Вологодского верхнего земского суда¹⁴; на эту должность «находящийся не у дел» коллежский секретарь назначен по ходатайству генерал-губернатора Кашкина. ¹⁵ По-видимому, дальнейшая его судьба

¹⁰ Там же.

¹¹ ГПБ, ф. 487, ед. хр. 464, л. 5 об., 6.

¹² См. формулярный список И. А. Саблина за 1792 г. (ГАЯО, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 1721, л. 43 об., 44.

¹³ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 854, л. 839 об.

¹⁴ Там же, л. 825 (формулярный список И. А. Саблина, составленный в 1794 г.).

¹⁵ Там же, ф. 2861, оп. 1, кн. 786, л. 525.

связана с Вологдой. В 1795 г. он числится в казенной палате Вологодского наместничества.¹⁶ Что-то не сложилось и здесь ... Спустя 10 лет мы видим его на прежнем месте — в уголовном суде; теперь он заседатель, имеет чин коллежского асессора.¹⁷ Несмотря на «похвальные аттестаты», «благородное поведение»¹⁸ и благосклонность генерал-губернаторов, служебной карьеры И. А. Саблин не сделал, так же как и его партнер в спектакле по пьесе Седена П. И. Горский. Смена службы, переезды, порой совершенно непонятные ... Что гонит его, геодезиста и землемера, из Вологды в Ярославль на должность ... частного пристава, а потом тянет назад, в Вологду? Метания, неустроенность ... Насколько они связаны с артистическим даром того, чья игра могла заставить трепетать и плакать («Вы слезы действием из глаз моих ташили ...»).¹⁹ Вряд ли когда-нибудь мы узнаем об этой чужой и такой далекой жизни еще хоть что-нибудь помимо формулярного списка. Одно несомненно: «прекрасные театра игроки» — Горский и Саблин — ярославцы. Но тогда не связаны ли театральные постановки, описанные в «Собрании стихов», с очередными гастролями и в таком случае правомерна ли вообще постановка вопроса о вологодском театре?

Все эти загадки в какой-то мере проясняет документ, обнаруженный в фондах ГАЯО, — «Дело о занятии генерал-губернаторского дома в г. Вологде под театр. Начато 30 июля 1787 г. Окончено 18 августа 1787 г.» 28 июля 1787 г. (со времени известных нам театральных представлений в конце декабря 1786—первой половине января 1787 г. прошло всего полгода) вологодский губернатор Мезенцев сообщает Мельгунову о «желании благородного общества» открыть в Вологде «публичный театр» и о намерении «собрать» нужную («довольную») сумму денег для строительства театрального здания. В письме содержится просьба разрешить «на первый случай (т. е. до постройки нового театра. — Р. А.) начало театральных представлений в сооруженном в доме вашего превосходительства театре».²⁰ Мельгунов не только отвечает согласием, но и предписывает Иванову (из документов видно, что Трофим Степанович Иванов, председатель Вологодского губернского магистрата, осуществлял

¹⁶ Там же, ф. 286, оп. 1, кн. 852, л. 496; Месяцеслов с росписью чиновных особ <...> на лето <...> 1796. С. 263.

¹⁷ Месяцеслов с росписью чиновных особ <...> на лето <...> 1804. С. 34. Месяцеслов с росписью чиновных особ <...> на лето <...> 1805. С. 60.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 2861, оп. 1, кн. 786, л. 525.

¹⁹ ГПБ, ф. 487, ед. хр. 464, л. 6.

²⁰ ГАЯО, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 1382, л. 1.

надзор за строительством генерал-губернаторского дома)²¹ «отдать» «вещи», какие есть в театре <...> по описи».²² Именно этим и объясняется столь неделикатная по отношению к памяти Мельгунова настойчивость, с которой Мезенцев потребовал возвращения Горского в Вологду: губернатор хотел заполучить для театра хорошего актера.

На сцене вологодского публичного театра играли «приказные чины»,²³ они же, скорее всего, были основными участниками спектаклей, состоявшихся зимой 1786—1787 гг. Ярославцев было немного, и именно потому они удостоились высокой чести быть названными поименно: Александр Зюзин, Горский, Саблин, Екатерина Мельгунова. Одобренные и ободренные Дмитриевским, они решились выступить на вологодской сцене в роли, отчасти напоминающей культурную миссию великого актера, совсем недавно, 30 апреля 1786 г., осчастливившего Ярославль своим участием в постановке «Синава и Трувора». Думается, что акция такого рода осуществлялась не впервые. Н. Титов сообщает любопытные подробности о театральные постановках по случаю открытия Вологодского наместничества в 1780 г.: «Говорят, что для этого приезжали сюда актеры из Ярославля, что они выбирали и здесь способных для сцены людей; что на этом театре была поставлена волшебная опера, или балет, „Русалка“. Если это справедливо <...>»²⁴ Осторожность, оговорки совершенно естественны: ведь прошло более 80 лет... Но то, что в середине XIX в. могло восприниматься только как предание, теперь, когда найдены документы, подтверждающие «шефство» ярославского театра над вологодским, может рассматриваться как реальный факт.

Нет сомнений, что зимой 1786—1787 гг. актеры выступали на сцене театра, устроенного в генерал-губернаторском доме. Только так можно и нужно толковать стихи:

О новый наш театр! колико ты блажен!
Ты мужем каковым в сем месте сружен!
И лица каковы тебя днешь открывают,
Какие ж зрители здесь быть удостояют!

²¹ Там же, оп. 1, ед. хр. 583, д. 11.

²² Там же, оп. 2, ед. хр. 1382, л. 3.

²³ «Людей из приказных чинов для такого представления охотно способных оказалось уже довольно и которые со временем обещают лучшие в том успехи и совершенства», — пишет П. Ф. Мезенцев (ГАЯО, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 1382, л. 1).

²⁴ Титов Н. Заметки о бывших в Вологде театрах // Вологодские губернские ведомости, Часть неофиц. 1853. № 44. С. 385.

Нет ни единого, кто б тщетен был похвал.
Правитель твой тебе сие блаженство дал.²⁵

Письмо П. Ф. Мезенцева А. П. Мельгунову возвращает этим строчкам — и одновременно названию цитированного стихотворения: «На открытие ж и первую оперу» — совершенно конкретный, буквальный смысл: речь идет не только о спектаклях, но и о *здании*, о театре, «сооруженном», «воздвигнутом в странах, лежащих к полуночи».²⁶ Открытие его было приурочено к торжествам по случаю назначения А. П. Мельгунова вологодским генерал-губернатором на «новое трехлетье». Таким образом, благодаря архивным материалам становится известен самый факт существования в доме наместника театральной залы, а наш сюжет невольно переключается в иную область.

В литературе об архитектуре Вологды история генерал-губернаторского дома освещается — и не без оснований — чрезвычайно лаконично. По свидетельству М. В. Фехнер, автора самой интересной и документированной монографии о Вологде, хранящиеся в ЦГИА графические материалы (Дом генерал-губернатора. Чертеж по натуре и план второго этажа) относятся к 1798-1806 гг.²⁷ Они составлены вологодским губернским архитектором Александром Соколовым уже после того, как «новопостроенный генерал-губернаторский дом, стоящий ныне праздно»,²⁸ был приспособлен под здание присутственных мест. Пожар 1831 г. превратил дом в развалины. Спустя сорок лет он подвергся основательной перестройке: уменьшен по длине, надстроен на один этаж. В архитектурном облике здания на углу набережной Кедрова и ул. Калинина (теперь здесь размещается школа № 1) от прежнего генерал-губернаторского дома остались отдельные фрагменты: декоративные филенки между рядами окон первого и второго этажа и обработка нижнего этажа угловой ротонды. В определении архитектурного стиля особенна нет единства. По мнению М. В. Фехнер, в «пластической трактовке и декоративной насыщенности фасада еще чувствуются отзвуки барокко».²⁹ Те же элементы декора Г. Бочаров и В. Выголов рассматривают уже как раннеклассицистические.³⁰

²⁵ ГПБ, ф. 487, ед. хр. 464, л. 3 об.

²⁶ Там же.

²⁷ См. об этом: Фехнер М. В. Вологда. М., 1958. С. 102.

²⁸ Государственный архив Вологодской области (далее: ГАВО), ф. 18, кор. 1, ед. хр. 3, л. 1 [О достройке губернаторского дома под присутственные места].

²⁹ Фехнер М. В. Вологда. С. 102.

³⁰ Бочаров Г., Выголов В. Вологда. Кириллов. Феропонтово. Белоозерск. М., 1979. С. 97.

Исследователей архитектуры старой Вологды несомненно заинтересуют два дела из собрания Государственного архива Ярославской области. Первое (на 250 л.) датировано 1780—1787 гг. и связано со строительством генерал-губернаторского дома; второе — о капитальном ремонте — относится к 1788—1791 гг. и включает 131 л. Мы найдем в этих документах имена подрядчиков и мастеровых — плотников, маляров, резчиков; разыщем сведения о ходе строительных работ, характере используемых материалов и денежных расходах. Они помогут представить анфиладу парадных залов и даже увидеть — так подробно и зримо ее описание — тронную во всем великолепии золота, мрамора, бархата: на «потолке среди залы представлено чистейшее небо»; «Против портрета ее величества на другой стене на мраморном бюсте турецкие поверженные трофеи, а вверху, в рамах, две трубы, венец и две ветви, сплетенные, лавровая и масличная»; «На той же стене, по другую сторону дверей, эмблема в рамках с гирляндами на открытие наместничества»; «Над четырьмя дверями в супортах гербы двенадцати городов Вологодской губернии, обвешанные гирляндами и окружающие двумя ветми, пальмовой и лавровой представляющие увенчанные спокойствием». В нишах, между мраморных колонн, под оркестром, три статуи на бюстах: Минерва, Фемида, Филантропия ...³¹

Описания театра нет. Реконструкция его архитектурного облика и интерьера осложняется тем, что в описаниях (их два) учтены лишь «мебель и прочий убор». План, фасад генерал-губернаторского дома, смета, составленные ярославским губернским архитектором И. М. Левенгагеном, естественно, отправлены в Вологду.³² Надежд на их обнаружение нет. Все графические материалы, хранившиеся в Государственном архиве Вологодской области, погибли во время пожара 1920 г. Вот почему мы решаемся на реконструкцию, заранее представляя, сколь несовершенным и неполным окажется подготовленное нами описание.

Определить местонахождение театра в анфиладе парадных залов второго этажа непросто. Судя по описи в деле о строительстве генерал-губернаторского дома (1780—1787 гг.), театр располагался между большим кабинетом и официантской. Это было четвертое по порядку помещение: тронная, аудиенц-камера, большой кабинет, театр ...³³ Однако в описи, составленной 7 февраля 1789 г., театр назван уже предпоследним (между буфетом и парадным крыль-

³¹ См.: ГАЯО, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 583, л. 145, 145 об. (О генерал-губернаторском доме в г. Вологде. 31 августа 1780—29 октября 1787 гг.).

³² Там же, л. 61.

³³ Там же, л. 232—233.

цом).³⁴ Доверившись этому документу, мы принуждены будем признать, что в период с 29 октября 1787 г. до 7 февраля 1789 г. дом подвергся перестройке, результатом которой стало перенесение театра в другой конец здания. Такое предположение должно быть отвергнуто сразу: ведь порядок следования всех остальных помещений в обеих описях совершенно совпадает. Из документов видно, что строительство генерал-губернаторского дома закончилось уже к весне 1783 г.,³⁵ а отделочные работы и «убранство» дворца мебелью и зеркалами продолжалось до конца апреля 1786 г. Думается, что расхождение описей в этом единственном случае объясняется либо небрежностью, допущенной писарем и исправленной в конце работы, либо колебаниями составителей: ведь к 1789 г. находящееся в театре имущество фактически принадлежало «обществу».

Каменный генерал-губернаторский дом, сооруженный на старом подворье Соловецкого монастыря, представлял собой здание «о двух этажах <...> нижний со сводами, а верхний этаж с накатными потолками и полами».³⁶ Длина дома «по лицевой стороне» на 41, «поперешнику» на 10 «сажен» (т. е. соответственно — 87,33 м и 21,3 м), «вышиною <...> в 16 аршинах» (11,36 м). Как соотносятся эти объемы с пространством театра, сказать трудно. О размерах театрального зала можно судить лишь по некоторым косвенным деталям: помещение отапливалось двумя печами, имело «пять окончин летних» и три двери. Представление о композиции театра отчасти дает описание лож. Они располагались в три яруса. Сначала шли «нижние ложи», их десять. От них («в середине ложи», как сказано в описи) тянулись две лестницы к средним ложам. Их одиннадцать. Очевидно, генерал-губернаторская ложа находилась в центре зала. Она имела отдельный вход: «...при ней дверь на петлях с железным замком». В трех ложах (каких именно, не уточняется) висели «гарусные занавесы», «обложенные» «мишурными газами». В верхнюю ложу вела деревянная лестница с поручнями.

«Тесовый оркестр» отделяла от театрального зала «передняя занавеса». Составитель описи педантично заметил: «Оная занавеса с дырами». Музыканты занимали две деревянные лавки. Театр освещался множеством свечей: их вставляли в хрустальную люстру, шесть «ввертных» железных подсвечников на двух «музыкальных

³⁴ Там же, оп. 2, ед. хр. 1575, л. 83, 84. (Дело о капитальном ремонте генерал-губернаторских домов в Ярославле и Вологде. Опись и оценка их имуществ. 31 июля 1788—20 декабря 1791 г.).

³⁵ Фехнер М. В. Вологда. С. 102.

³⁶ ГАЯО, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 583, л. 200 об.

столах» и два «хрустальных с подвесами», украшавших губернаторскую ложу. На кулисах — сорок «подсвечных трубок жестяных на деревянных кружках». ³⁷

Оформление сценической площадки подчинено принципам, традиционным для русского театра. Применялись кулисные декорации, состоящие из задника («задняя картина из фланского полотна»), боковых кулис и «расписанной» «опускной» «передней занавесы из фланского полотна». Судя по описи, в театре использовались декорации двух типов. Интерьерная — для комедий и драм — и пейзажная — для комических опер. Первая представлена «кулисами комнатными» (их 10), «воздухами комнатными» (их 5), «комнатной картиной», задней картиной со «створенными дверьми». ³⁸ Остается догадываться, как из этих многочисленных элементов декорационного оформления возникло пространство дома г-на Журдена («Мещанин во дворянстве» П.-Б. Мольера) и богатого петербургского заводчика Полнодомова («Сибиряк» И. Я. Соколова), родился интерьер «апартаментов» обедневшего испанского вельможи, в доме которого «нет ни ложки, ни плошки». ³⁹

Появление пейзажных декораций на русской сцене связывают с именем Джузеппе Валериани. ⁴⁰ В описи они именуются «лесными кулисами». Их 10 — и не случайно. Напомним, что в комической опере «Розана и Любим» (ее представлением открылся сезон 1787 г.) «театр представляет луг, окруженный лесом»; в «Мельнике <...>» — «с одной стороны лес, вдали по холмам малые деревеньки <...> Напереди ж всего дерево» ⁴¹, а действие комической оперы Л. Ансома «Два охотника» происходит «в густом лесу». ⁴²

В документах имеются указания на материал, из которого делались декорации: фланское (очевидно, голландское) полотно и реventух — полотно, употребляемое для изготовления парусов («кулисы ж сделаны новые на две декорации из оставшего [ся] от полов реventуху») ⁴³ На «краски, мел и клей», затраченные при оформлении театра, израсходовано 13 рублей 34 копейки. ⁴⁴ Живописные

³⁷ См.: Там же, оп. 2, ед. хр. 1575, л. 83—84.

³⁸ Там же. л. 83 об.

³⁹ Гордость и бедность. Комедия в 5 д. г-на Гольберга. М., 1788. С. 7.

⁴⁰ См. об этом: Сыркина Ф. Я., Костина Е. М. Русское театральное-декорационное искусство. М., 1878. С. 38—42.

⁴¹ Цит. по: Русская комедия и комическая опера XVIII века / Ред. текста и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1950. С. 175, 219.

⁴² Два охотника. Комическая опера в 1 д. г. Ансома. СПб., 1779. С. 3.

⁴³ ГАЯО, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 583, л. 153.

⁴⁴ Там же, л. 220.

работы в театре, очевидно, осуществлялись во второй половине 1786 г. Во всяком случае «Опись находящемуся в генерал-губернаторском доме мебели и пр. убору» (она может быть датирована январем 1786 г.) зафиксировала только «одну люстру хрустальную», «затворку и дверцы литеые».⁴⁵ По-видимому, в это время еще ведутся переговоры с будущим художником-декоратором. 1 апреля 1786 г. Т. С. Иванов, главный надзиратель за строительством генерал-губернаторского дома, сообщает А. П. Мельгунову: «На прошедшей неделе от Зюзина живописца получил письмо, которым просит за расписку театра 70 руб. за одну работу».⁴⁶ Заметим, что такая же сумма была выплачена «живописцам за расписывание в зале и балдахина»,⁴⁷ деталь, дающая представление, пусть и весьма отдаленное, об объеме выполненных работ. Вологодский театр расписывал ярославец, живописец, рекомендованный Зюзиным. Полагаем, что это был Дмитрий Михайлович Коренев (1747—1810-е годы), «удивительный провинциальный портретист»,⁴⁸ чье искусство, благодаря реставраторам, совсем недавно возвращено в нашу культуру. Аргументируем свою гипотезу. В документах о строительстве генерал-губернаторского дома художник упоминается дважды: прямо («за портрет ее величества Кореневу — 150 руб.») и косвенно («в Ярославле <...> за портрет ее величества 150 р.»).⁴⁹ Скорее всего, речь идет об одном и том же портрете. Вторая запись взята из подробного (сводного) отчета о расходе денежных сумм. В вологодском доме А. П. Мельгунова находилось два портрета Екатерины II: в тронной, «в рамах золоченых, вокруг рам обито малиновым бархатом и обшит золотым галуном, балдахин золоченый» и в аудиенц-каморе.⁵⁰ Какой из них принадлежал кисти Д. М. Коренева, неясно. Судьба этого портрета неизвестна. Замечательно другое — новые архивные документы выявляют истинные масштабы творчества Коренева и новые грани его таланта. Известный до сих пор лишь как автор «большого числа портретов ярославских жителей разных сословий»,⁵¹ он предстает художником, способным выполнять почетные официальные заказы за пределами родного города. Он не только портретист, но и декоратор.

⁴⁵ Там же, л. 233.

⁴⁶ Там же, л. 153.

⁴⁷ Там же, л. 222.

⁴⁸ Федорова И., Ямищиков С. Вступительная ст. // Ярославские портреты XVIII—XIX веков. М., 1986. С. 12.

⁴⁹ ГАЯО, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 583, л. 217, 225 об.

⁵⁰ Там же, л. 232, 232 об.

⁵¹ Ярославские портреты XVIII—XIX веков. № 15.

Любопытно и то, что в сознании председателя Вологодского губернского магистрата Т. С. Иванова Дм. Коренев существует как «Зюзина живописец». Ярославские документы возвращают нас к тому, чье имя, пусть и спрятанное в акростихах, дважды возникает в самых «ответственных» стихотворениях театрального цикла неизвестного вологжанина,⁵² Александр Родионович Зюзин, надворный советник, председатель верхней расправы Ярославского наместничества,⁵³ и художник из купцов ... Почему эти имена оказались рядом? Коренев писал Зюзина: портрет находится в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике. Тогда, может быть, Зюзин рекомендовал Коренева для «росписи театра»? Но ведь в 1784 г. Коренев создал портретную галерею жертвователей, именитых людей города, на средства которых построен ярославский Дом призрения ближнего; наконец, он написал парадный портрет самого Мельгунова и, следовательно, был известен генерал-губернатору как художник. Любопытные штрихи к биографии А. Р. Зюзина обнаруживаем в деле «О постройке в г. Вологде губернаторского дома. 1 августа 1781—16 мая 1786 гг.». Осенью 1783 г. коллежский асессор Зюзин безуспешно пытался получить подряд на строительство губернаторского дома в Вологде. Ему было отказано от торгу: слишком большой показалась Мельгунову затребованная Зюзиным сумма.⁵⁴ Однако к строительству генерал-губернаторского дома в Вологде Зюзин не имел никакого отношения (имена подрядчиков в документах названы). Одно несомненно: участие Зюзина в создании вологодского театра не может быть сведено к простому посредничеству. Однако в чем конкретно оно заключается, остается загадкой.

Возникновение вологодского театра было связано с общими процессами активизации театральной жизни провинции: «в десятилетнее время и меньше <...> везде слышим театры построенные и строящиеся, на которых заведены довольно изрядные актеры».⁵⁵ Как и другие периферийные театры, вологодский начинался с представлений, приуроченных к торжествам: открытию Вологодского наместничества в 1780 г. («комедии», данные «в разные числа»)⁵⁶ или приезду назначенного на «новое трехлетье» генерал-губернатора

⁵² ГПБ, ф. 487, ед. хр. 464, л. 3—4 об.

⁵³ См. подробнее: Лазарчук Р. М. Из истории провинциального театра (театральная жизнь Вологды 1780-х гг.). С. 61—64.

⁵⁴ ГАЯО, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 1432, л. 13, 13 об., 14, 19.

⁵⁵ Драмматический словарь. М., 1787. С. 3.

⁵⁶ Исторические и топографические известия по древности о России: И особенно о городе Вологде <...> собранные и сочиненные А. А. Засецким <...> М., 1782. С. 53.

(конец декабря 1786—первая половина января 1787 г.). Как все театры в губернских городах, вологодский был учрежден «сверху»: он создавался по инициативе наместника. Горячий поклонник театрального искусства, просветитель и меценат, А. П. Мельгунов,⁵⁷ конечно же, причастен к самой идее совместных спектаклей двух театров, объединивших на вологодской сцене актеров разных сословий. Среди них — его 16-летняя дочь, Е. А. Мельгунова; в «Дезертере» Седена она, несомненно, играла Луизу, любящую и самоотверженную, и играла тонко, прекрасно ... Не случайно ее «заметил» и «выделил» неизвестный рецензент:

А все украсила Екатерина ты,
Являя нежности и должны красоты.⁵⁸

Вологодское общество начинания генерал-губернатора поддержало: нашлись таланты, объявились граждане, готовые для пользы и процветания Вологды пожертвовать деньги на строительство театрального здания.

По-видимому, театральные представления в Вологде продолжались и после отъезда Мельгунова. Из документов видно, что в июне 1787 г. «на театре» в доме наместника «по два дни представлена была комедия». Протест Иванова («я более без дозволения Вашего превосходительства допустить не могу»)⁵⁹ побудил вологодского губернатора Мезенцева обратиться к Мельгунову за официальным разрешением. Летом 1787 г. в Вологде был открыт публичный театр. Дата эта должна быть включена в летопись русского театра XVIII в. Утверждая так, мы, естественно, не можем не сознавать недостаточность приводимых нами доказательств. Ведь никакими данными о репертуаре, актерах, постановках в конце 1780—начале 1790-х гг. мы не располагаем. Что если театральные представления летом 1787 г. не имели продолжения и речь должна идти не о факте, а всего лишь о намерении?.. Попытки обследовать с этой точки зрения официальные документы, рапорты генерал-губернаторов императрице за 1787—1791 гг. в частности, оказались безрезультатными. Здесь сообщалось о «событиях чрезвычайных, важных и примечания достойных» (пожары, наводнение, град, открытие ярослав-

⁵⁷ См. об этом чрезвычайно интересную книгу: Ермолин Е. А., *Себастьянова А. А. Воспламененные к отечеству любовью: (Ярославль 200 лет назад: культура и люди)*. Ярославль, 1990. С. 7—67.

⁵⁸ ГПБ, ф. 487, ед. хр. 464, л. 6.

⁵⁹ ГАЯО, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 1382, л. 3.

ского Дома призрения).⁶⁰ Очевидно, открытие театра к таковым не относилось. Заметим, что в донесениях вологодского генерал-губернатора А. П. Мельгунова за январь 1787 г. информации о театральных представлениях по случаю его назначения генерал-губернатором на новый срок нет.⁶¹ А ведь они были ...

Не имея прямых доказательств, мы принуждены обратиться к косвенным. П. И. Челищев, посетивший Вологду в ноябре 1791 г., оставил важное свидетельство: «...» от Приказа общественного призрения строится большой дом для дворянства, несчастно рожденных и для лазарета; отделяется каменный театр».⁶² Стало быть, «благородное общество» собрало «довольную сумму» и осуществило свои планы. И еще — если строится помещение для театра, значит живет и сам театр. Его местонахождение известно. Он располагался в здании бывшего Главного народного училища, открытого в 1786 г. и в 1804 г. преобразованного в гимназию (теперь политехнический институт). По документам 1791—1793 гг. принадлежащий Приказу общественного призрения «странноприимный и училищный» дом («каменный по плану») числился как «еще не совсем сооруженный»,⁶³ но театр при нем «отделялся» уже в ноябре 1791 г. Со строительством театра спешили ... Создателем «училищного» дома считают Петра Бортникова (он был в эти годы вологодским губернским архитектором).⁶⁴ Однако никакими документальными сведениями об авторе проекта и времени его создания мы пока не располагаем.

«Училищный» дом, двухэтажный, каменный, «с мезонином на одном углу», находился «на парадной площади», в «I части города». Это «крайне прочно и хорошо построенное» здание, одно из крупнейших в губернской Вологде конца XVIII в., имело длину «по лицу к площади» 31.5 сажень (67 м), «в завороте в улицу Петровку» — 29 сажень, 2.5 аршина (\approx 63 м); ширину «к площади 7 сажень 1 аршин и 8 вершков» (16 м), «от Петровки 4 сажени, 1 аршин, 8 вершков» (9.6 м). Дом высотой 14 аршин (\approx 10 м) был «по-

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 16, р. XVI, ед. хр. 1014.

⁶¹ Там же, ед. хр. 1012, ч. 2.

⁶² Путешествие по Северу России в 1791 г.: Дневник П. И. Челищева / Изд. под наблюдением А. Н. Майкова. СПб., 1886. С. 213. Впервые, как кажется, эта мысль была высказана краеведом И. А. Тюриным — См.: Тюрин И. А. Третий период истории г. Вологды. Со второго десятилетия XVIII в. до 60-х гг. XIX в. (ГАВО, ф. 652, оп. 1, ед. хр. 34, л. 18); см. об этом также: Фехнер М. В. Вологда. С. 126; Соколов В. Вологда: История строительства и благоустройства города [Архангельск], 1977. С. 60, 74.

⁶³ ГАВО, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 401, л. 7 об.

⁶⁴ Фехнер М. В. Вологда. С. 126; Бочаров Г., Выголов В. Вологда. Кириллов. Феропонтово. Белозерск. С. 98.

крыт деревянной кровлею с 3 фронтонами и 13 слуховыми окнами, с балюстрадом; в фронтонах и слуховых окнах 16 окончин». ⁶⁵

Театр размещался в «большой зале» второго этажа. Места для зрителей различались по степени удобства, а значит и цене: «кресла с номерами», «скамейки» с «номерами» и без «номеров». ⁶⁶ По свидетельству Н. П. Титова, театр был «устроен <...> очень удобно <...> можно сказать, даже с некоторой роскошью», ⁶⁷ давно и навсегда утраченной. Описание театра не сохранилось. Единственная деталь его оформления, упоминаемая в документах, — «накатный» потолок («<...> на театральной зале сделать весь новый накат <...> по назначению архитектора»), ⁶⁸ и потому интерьер вологодского театра невозможно представить даже мысленно.

Училище (позднее гимназия) и театр находились рядом, в одном здании. Соседство отнюдь не случайное. В подобном объединении двух центров просвещения несомненно проявилась общая тенденция времени. Собственный театр при учебных заведениях уже норма для столицы ⁶⁹ и все еще редкость в провинции, ⁷⁰ но значение театра в воспитании юношества осознают и здесь. Именно заботой о распространении просвещения среди «обучающихся в общенародных школах» продиктовано решение архангельского Приказа общественного призрения учредить в «сем городе», «на площади», «небольшой театр». ⁷¹

Как долго просуществовал публичный театр, созданный в 1787 г.? Трудно сказать. Единственный факт, по которому можно судить о театральной Вологде начала XIX в., — гастроли актера «российского придворного театра г-на Петрова». 26 сентября 1809 г. «на благородном театре» в «училище» он выступил в роли всех действующих лиц комедии А. И. Клушина «Алхимист, или

⁶⁵ ГАВО, ф. 438, оп. 3, ед. хр. 510, л. 7 об., 8, 9.

⁶⁶ См. об этом: Театральная афиша 1809 г. // Вологодский иллюстрированный календарь. 1894. Вологда 1894. С. 62.

⁶⁷ Титов Н. Заметки о бывших в Вологде театрах. С. 386.

⁶⁸ ГАВО, ф. 438, оп. 3, ед. хр. 510, л. 35, 57 об.

⁶⁹ О театрах и учебных заведениях Петербурга и Москвы см.: История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1. С. 275—277.

⁷⁰ О театре при дворянском училище в Твери см.: Рах В. Д. Переводчик В. А. Приклонский: (материалы к истории Тверского «культурного гнезда» в 1770—1780-е годы) // Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII—начало XIX в. (XVIII век. Сб. 13). Л., 1981. С. 259.

⁷¹ Поткова А. Н. Государственный архив Архангельской области // Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР: Обзоры документов. XVII век—1917 г. / Ред.-сост. И. Ф. Петровская. М., 1966. С. 186—187.

Один за семерых». ⁷² Но, кажется, печальной участи некоторых провинциальных театров ⁷³ вологодский все-таки избежал. Известно, что в 1816 (или 1817) г. «по распоряжению гражданского губернатора И. И. Винтера» был открыт, точнее, «возобновлен» (с начала XIX в. «театры в Вологде почти не прекращались»), «постоянный театр». Эта информация заслуживает безусловного доверия: она принадлежит Николаю Петровичу Титову, вологжанину, родившемуся в 1802 г. и сохранившему в своей памяти факты, подробности, имена ... Содержателем «небольшой» труппы был «некто Петров». Помимо профессиональных актеров «к участию» приглашались «желающие из служащих и других лиц». «Охотников» явилось много. Среди актеров-любителей «довольно отличались г. Крылов и Журавлев». «Пьесы исполнялись весьма старательно», «удачно». «Особенно эффектно» была поставлена в бенефис одного актера пьеса А. Шаховского «Казак-стихотворец». «Чрезвычайно привязанная» к своему театру вологодская публика «поддерживала его всеми средствами». ⁷⁴

Почти четверть века вологодский театр располагался в «училищном доме». Но гимназия росла. Театр и «дворянское танцевальное собрание» ⁷⁵ становились для нее обременительными. Судя по документам ЦГИА, уже к сентябрю 1819 г. театр был «выведен» из дома, принадлежащего Приказу общественного призрения, а «зала, в которой он находился, отдана для училищного же помещения». ⁷⁶ Но и спустя несколько лет (по крайней мере, в январе 1822 г.) в одном из амбаров этого дома еще «хранились театральные вещи». ⁷⁷ Для вологодского театра наступили тяжелые времена. Неустроенность, скитания ... И все же некоторые из его адресов в 1820—1830-е гг. известны: они сообщены Н. Титовым. ⁷⁸

Опубликованный почти 150 лет назад в местной печати великолепный очерк истории вологодского театра 1780—1820-х гг., напи-

⁷² Вологодский иллюстрированный календарь. 1894. С. 62. В афише, «написанной на полулисте бумаги чернилами», автором комедии ошибочно назван «г-н Эмин».

⁷³ Например, архангельского. Задуманный и устраиваемый широко, с размахом, он просуществовал всего несколько лет. По предложению казенной палаты деревянный театр должен был «использоваться» «под гауптвахту и темницу»; каменный (еще не достроенный) рекомендовалось «переделать» в «запасной хлебный магазин». См.: Попкова А. Н. Государственный архив Архангельской области. С. 187.

⁷⁴ Титов Н. Заметки о бывших в Вологде театрах. С. 385, 386.

⁷⁵ См. об этом: ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, ед. хр. 176, л. 225.

⁷⁶ Там же, л. 227.

⁷⁷ ГАВО, ф. 438, оп. 3, ед. хр. 510, л. 46.

⁷⁸ Титов Н. Заметки о бывших в Вологде театрах. С. 386.

санный Н. П. Титовым, теперь забыт. О том, что в Вологде конца XVIII—1 четверти XIX в. был театр, бегло упоминается лишь в двух-трех монографиях об архитектуре города.⁷⁹ В новейших литературно-краеведческих очерках утверждается противоположное: «Театра в Вологде нет. Изредка наезжающие столичные труппы могут предложить лицемерию избранной публики мелодраму „Тереза, женевская сирота“ или водевиль „Не влюбляйся без памяти“». ⁸⁰ Но театр в Вологде был, и в репертуаре его — «Недоросль» Фонвизина, «Хвастун» и «Сбитенщик» Княжнина, «Мельник — колдун, обманщик и сват» Аблесимова, «Модная лавка» Крылова.⁸¹

Тусклой и бессодержательной нередко представляется современному вологжанину жизнь его родного города два столетия назад. Бытие его рядовых обитателей, а «приказных чинов» в особенности, рисуется только серыми и черными красками. Будем благодарны времени и счастливым обстоятельствам, сохранившим следы истинного культурного облика вологжанина конца XVIII в.

⁷⁹ Фехнер М. В. Вологда. С. 126; Соколов В. Вологда: История строительства и благоустройства города. С. 60, 74.

⁸⁰ Кошелев В. Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки. Архангельск, 1985. С. 4.

⁸¹ Титов Н. Заметки о бывших в Вологде театрах. С. 386.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ТЕМА «ЗОЛОТОГО ВЕКА» В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

Тема «золотого века» привлекала к себе внимание начиная с античных времен, причем уже у Вергилия она стала соединяться с изображением благословенной страны пастухов — Аркадии.¹

В русской литературе XVIII в. названная тема получает развитие в связи с возникновением разного рода утопий и поисками «рая на земле».² В похвальной оде о счастливом веке обычно говорится не в прошлом, а в настоящем времени. В соответствии с панегирической установкой оды период правления монарха, царствующего в данный момент, объявляется «золотым веком» — порой всеобщего благоденствия и процветания.

Противостоявшая традиционной похвальной оде идиллия открывала новые возможности для развития интересующей нас темы. Основное различие состояло в том, что для оды «золотой век» — это здесь и сейчас; для идиллии — это где-то в другом, очень далеком месте и в другое, далекое время.

Европейская идиллия, особенно идиллия С. Геснера, вызвала у русских сентименталистов огромный интерес.³ С вниманием к творчеству швейцарского писателя относились в кружке Н. И. Новикова, оказавшем существенное влияние на формирование литера-

¹ См.: *Snell B. Arkadien: Die Entdeckung einer geistigen Landschaft // Snell B. Die Entdeckung des Geistes: Studien zur Entstehung des europäischen Denkens bei den Griechen. Hamburg, 1955. S. 371—400.*

² См.: *Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, California, 1991.*

³ См.: *Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 59—78; Klein J. Die Schäferdichtung des russischen Klassizismus. Berlin; Wiesbaden, 1988.*

турных вкусов многих писателей, чье творчество тесно связано с сентиментализмом. Показательно, например, что знаменитый пасторальный роман Геснера «Дафнис» («Daphnis», 1754), появившийся в русском переводе в 1783 г.,⁴ находился в библиотеке ближайшего сподвижника Новикова И. П. Тургенева: на экземпляре Библиотеки Академии наук (шифр 1783/31) владельческая запись: «Из книг полковника Ивана Тургенева». Спустя пять лет этот перевод с некоторыми исправлениями был переиздан новиковской Типографической компанией⁵.

Очевидно, под влиянием своих старших друзей Карамзин, начиная литературную деятельность, обратился к переводу идилии Геснера «Деревянная нога» (СПб., 1783), и в последующем творчестве писателя явственно прослеживается интерес к швейцарскому автору.⁶ В Геснере Карамзин видел прежде всего певца «золотого века» — неудивительно, что в стихотворении «Поэзия» (1787) он назвал его «Астреин друг».

Показательно и обращение Карамзина к переводу «сельской драмы» Х. Ф. Вейсе «Аркадский памятник».⁷ Действие этой пьесы происходит в легендарной Аркадии. Представление о блаженной стране можно составить из отдельных высказываний персонажей пьесы. Пастух Лизиас восхищается царящей здесь «вечной весной», «кротким ветерком», «небом чистым, ясным» и т. д. Пастушка Дафна сообщает, что «здесь все покойно, мирно». Вместе с Лизиасом она заявляет, что в Аркадии «вовсеки обитают добродетель и покой». Эти мотивы далее варьируются в куплетах:

Там нет вражды, коварства, злобы,
Златое время там течет.

Как и в идилиях, простота и невинность сельских нравов, скромная трудовая жизнь противопоставляется праздности, обитающей в «мраморных чертогах». В рассказе пастуха Эвфемона в самых общих контурах возникает некий утопический идеал общественного

⁴ Золотой век Дафнис, или Любовь, сопряженная Природою пастуха с пастушкой... / Переведен с французского языка из сочинений господина Геснера. СПб., 1783.

⁵ Златой век Дафниса, или Природная любовь пастуха и пастушки. М., 1788.

⁶ См.: Кросс А. Разновидности идилии в творчестве Карамзина // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века Л., 1969. С. 210—228. (XVIII век. Сб. 8).

⁷ Детское чтение для сердца и разума. 1789. Ч. 18. С. 65—79, 81—92, 113—128, 129—140, 145—150. Das Denkmal in Arkadien // Der Kinderfreund. 3-e Aufl. Leipzig, 1782. Th. 12. S. 223—273.

устройства: «Часы дня употребляем мы на сельские работы, чтобы, утомившись, наслаждаться ночью приятнейшим сном. Общественное согласие и гармония соединяют всех нас твердым союзом. От здоровой пищи бываем мы здоровы, покойны, веселы». Дафна добавляет к этому, что в Аркадии «добродетель исполняют без гражданского закона».

Идиллическая картина омрачается, когда на сцене предстает гробница с надписью: «И я была в Аркадии». Таким образом, здесь возникает сюжет, получивший огромную популярность в европейском искусстве и литературе благодаря картине Н. Пуссена «Аркадские пастухи» (1638—1639). Как показал Э. Панофски, исследовавший историю этого сюжета,⁸ смысл фразы «Et in Arcadia ego» получил два разных толкования. Первоначальному смыслу («Смерть даже в Аркадии») соответствовал ранний вариант картины Пуссена. В более поздний вариант были внесены элементы, позволившие переосмыслить знаменитую фразу, и она приобрела новый смысл: «И я был (родился) в Аркадии». Именно это, второе толкование получило широкое распространение в европейской литературе XVIII в.: «Зимнее путешествие» (1769) Г. Якоби, «Resignation» (1782) Ф. Шиллера, «Сады» (1782) Ж. Делиля и др. Теперь формула выражала элегическое воспоминание о минувшем счастье, уже не достижимом, но живо хранимом в памяти.⁹

В содержании «сельской драмы» Вейсе «Аркадский памятник» оказались значимы оба толкования знаменитой фразы. Но и тема

⁸ См.: *Panofsky E. Et in Arcadia Ego: Pussin and the Elegiac Tradition // Panofsky E. Meaning in the Visual Arts. N. Y., 1955. P. 295—320.* Первоначально напечатано в кн.: *Essays Presented to Ernst Cassirer. Oxford, 1936. P. 223—254.* Об отражении этого сюжета в русском садово-парковом искусстве см.: *Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 228—229.*

⁹ См.: *Panofsky E. Et in Arcadia ego... P. 296.* Одно из первых русских произведений, где использовалась знаменитая фраза — ода П. А. Слоцова «К Сибири», написанная в 1782 г. в связи с учреждением Тобольского наместничества, но опубликованная лишь в 1796 г. Стихотворение включает следующие строки:

Страна моя!
Тебя я не забуду,
Когда и под сырой землею буду;
Велю, чтоб друг на гробе начертил
Пол-линии: и я в Сибири жил.

Выделенные курсивом слова при публикации прокомментированы следующим образом: «Аллегория к известному ландшафту Пуссеня: „Et in Arcadia ego“» (Муза. 1796. Ч. 1. С. 100). Здесь удивительно органично соединена элегическая трактовка темы «золотого века» с одической: Сибирь предстает как благословенный край, процветающий благодаря мудрому правлению восхваляемой в оде монархини.

смерти, неизменно сопутствовавшая изображению Аркадии, сделалась у Вейсе предельно просветленной: пастух Палемон, считавший, что его дочь Дафна погибла, неожиданно встречает ее. Тем не менее в конце пьесы развеивается самый миф об Аркадии: выясняется, что ее не существует «под солнцем» и найти ее можно только «в душе спокойной». Пленительный образ счастливой страны оказывается всего лишь мечтой воображения. Тема «золотого века» служит морализаторским целям: пьеса утверждает мысль о том, что счастье в добродетели.¹⁰

Соотнося концепцию Вейсе со взглядами его переводчика, А. Г. Кросс очень точно заметил о Карамзине: «Он соглашался с тем, что золотой век — иллюзия, и одновременно поддавался очарованию этой иллюзии; он утверждал, что счастье зависит только от самого себя, и все же пытался указать человечеству какие-то универсальные пути к счастью».¹¹

Едва ли, однако, можно заподозрить, что Карамзин когда-то наивно верил в существование «золотого века». Писатель связывал с этим понятием идеал, обращенный не к прошлому, а к будущему. В этом отношении Карамзин мог опираться на существовавшую уже традицию в разработке темы. Определенная преемственность прослеживается даже между карамзинской и ломоносовской трактовкой темы: ее использование для прославления мира.

Характерно, например, стихотворение Карамзина «Песнь мира» (1791), представляющее собой вольную интерпретацию гимна «К радости» («An die Freude», 1785) Ф. Шиллера.¹² Идея братского единения людей развивается у Шиллера без непосредственной соотнесенности с темой «золотого века». У Карамзина же она присутствует: причем в его стихотворении преобладают идиллические мотивы:

Птички снова прилетают
В наши рощи и леса;
Снова в песнях прославляют
Мир, свободу, небеса.
Агнец тигра не боится

¹⁰ Подобная интерпретация темы «золотого века» тесно связана с масонскими представлениями. См.: *Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia.* P. 90—111, 150—151, 263.

¹¹ Кросс А. Указ. соч. С. 221.

¹² См.: *Neumann F. W. Karamzins Verhältnis zu Schiller // Zeitschrift für slavische Philologie.* 1932. Bd. 9, H. 3—4. S. 359—367; *Harder H.-B. Schiller in Rußland. Materialien zu einer Wirkungsgeschichte.* 1789—1814. Berlin; Zürich, 1969. S. 27—31.

И гуляет с ним в лугах;
Все творение дружится,
На земле и на водах.¹³

Перерабатывая текст при дальнейших публикациях, писатель внес характерную поправку в рефрен стихотворения. Вместо строк «Веселися, вся земля / С целым миром мы друзья» возник образ, непосредственно связанный с темой «золотого века»:

Век Астреин, оживи!
С целым миром мы в любви!¹⁴

Обратив внимание на это разночтение, Ю. М. Лотман справедливо заметил, что «упоминание Астреи во время царствования Екатерины II прозвучало бы как прославление императрицы, что противоречило отчетливо оппозиционному духу стихотворения».¹⁵ К этому можно добавить, что Карамзин развивает тему именно в том русле, которое она уже обрела в русской литературе предшествовавшего времени, т. е. акцентируя содержащийся здесь утопический элемент.

Для Карамзина, получившего «нравственное образование» в кружке Новикова, насущным оставался вопрос о возможности морального совершенствования как отдельного человека, так и общества в целом. Вполне закономерно поэтому, что в период духовного кризиса, когда просветительские иллюзии были столь серьезно поколеблены, писатель с особой беспощадностью стал развенчивать миф о «золотом веке». Речь шла при этом не о вероятности его существования в прошлом, а о возможности его осуществления в будущем. Полемизируя с Руссо в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении», Карамзин как бы возвращается к теме «сельской драмы» Вейсе и пишет о счастливой Аркадии: «Правда, сия вечно цветущая страна, под благим, светлым небом, населенная простыми, добродушными пастухами, которые любят друг друга, как нежные братья, не знают ни зависти, ни злобы, живут в благословенном согласии, повинуются одним движениям своего сердца и блаженствуют в объятиях любви и дружбы, есть нечто восхитительное для воображения чувствительных людей; но — будем искренны и признаемся, что сия счастливая страна есть не что иное, как приятный сон, как восхитительная мечта сего самого воображения». Да-

¹³ Московский журнал. 1792. Ч. 5. С. 154 (курсив мой. — Н. К.). Выделенные курсивом слова непосредственно соотносятся с двустижием из «Риторики» Ломоносова.

¹⁴ Карамзин Н. М. Сочинения. М., 1803. Т. 1. С. 39—42.

¹⁵ Лотман Ю. М. Примечания // Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 385.

лее писатель уточняет: «Аркадия Греции не есть та самая прекрасная Аркадия, которую древние и новые поэты прельщают сердце и душу».¹⁶

В основе скептического отношения к мифу оказывается недоверие Карамзина к утопическим проектам типа «Платоновой республики мудрецов», при всем его интересе к этим проектам.¹⁷ Но в отличие от утопий, предполагающих более или менее развернутую систему представлений об общественном устройстве, миф о «золотом веке» остается достаточно расплывчатым и неопределенным. И все-таки даже из самых туманных характеристик вырисовывается некий идеал, соответствующий этическим представлениям писателя. Говоря о блаженстве легендарных аркадских жителей, Карамзин обращает прежде всего внимание на характер отношений между ними: взаимная братская любовь, согласие, отсутствие зависти и злобы.

Отлично понимая, что такое была историческая «Аркадия Греции», писатель все же дает простор своему вымыслу в повести «Афинская жизнь», изображая некую прекрасную страну, где жизнь людей не отягчена раздорами: «Электрический огонь любви разливается в сердцах наших. Мы все клянемся жить и умереть друзьями богов и человек».¹⁸ Здесь вновь возникает тема «всемирного братства», соединенная с постоянно интересующей Карамзина темой счастья: «Там, в отечестве Сократов, более, нежели где-нибудь, более, нежели когда-нибудь, занимались люди важным искусством счастья».¹⁹ Концовка повести, напоминающая о тревожных событиях современности, о гибели пленительной мечты, представляет своеобразную аналогию первоначальной трактовке надписи «Et in Arcadia ego». Но одновременно в повести «Афинская жизнь» присутствует и вторичная трактовка: сожаление о навсегда потерянном блаженстве — тема «Resignation» Шиллера.

При всей сложности этого стихотворения его русские интерпретаторы видели здесь преимущественно «элегическое воспоминание о юношеских надеждах и прощание с ними».²⁰ Именно такой мотив приобрел актуальное значение для Карамзина во второй половине 1790-х гг.

¹⁶ *Аглая*. М., 1794. Кн. 1. С. 49—50.

¹⁷ См.: *Лотман Ю. М.* 1) Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1965. Вып. 167. Тр. по русской и славянской филологии. № 8. С. 5—27; 2) *Поэзия Карамзина* // *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. С. 8—11.

¹⁸ *Аглая*. С. 58.

¹⁹ Там же. С. 26.

²⁰ *Данилевский Р. Ю.* Resignation Шиллера в России // «Прими собрание петрских глав»: Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag. Bern; Frankfurt am Main, New York; Paris, 1989. S. 45. (Slavica Helvetica. Bd. 33)

Завершая свою работу над «Письмами русского путешественника», в главе «Виндзорский парк», оглядываясь на минувшее, писатель размышлял: «...когда горячка юности пройдет; когда сто раз оскорбленное самолюбие поневоле научится смирению; когда, сто раз обманутые надеждою, наконец, перестаем ей верить: тогда с досадою, оставляя будущее, обращаем глаза на прошедшее, и хотим некоторыми приятными воспоминаниями заменить потерянное счастье лестных ожиданий, говоря себе в утешение: *и мы, и мы были в Аркадии!*»²¹ Совершенно очевидно, что речь идет здесь не о «золотом веке» человечества в целом, а о счастье отдельного человека.

Неудивительно, что тот же мотив появился и в камерной лирике Карамзина — в стихотворении «Отставка» (1796), которое было написано примерно почти одновременно с главой «Виндзорский парк». При всей шутовщести стихотворения в нем звучит и элегическая нота: «пастушок», уволенный в отставку своей ветреной возлюбленной, вспоминает:

Я жил в Аркадии с тобою
Не час, но целых сорок дней!²²

Комментируя эти строки, Ю. М. Лотман считает их «вольным переводом начала стихотворения Шиллера „Resignation“». ²³ Однако знаменитая фраза, повторявшаяся многими знакомыми Карамзину авторами, по-видимому, очень хорошо запомнилась ему еще со времени перевода «Аркадского памятника». ²⁴ Мысль об Аркадии в данном случае ассоциировалась с представлением о счастье, обретенном в любви.

Такой поворот темы, казалось бы, противостоял соединению идеи «золотого века» с утопией, предполагавшей благоденствие всего общества. Самая тема счастья в интерпретации писателей XVIII в. отразила антиномии, существовавшие в мировосприятии людей этой эпохи, прежде всего противоречие между «Природой» и «Добродетелью» («Nature et Vertu»). ²⁵

Наиболее остро это противоречие Карамзин ощущал во время своего духовного кризиса 1793—1794 гг. В написанной в это время

²¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 354—355.

²² Аонида. 1797. Кн. 2. С. 45.

²³ Лотман Ю. М. Примечания // Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. С. 394.

²⁴ См.: Harder H.-B. Schiller in Rußland. S. 26.

²⁵ См.: Mauzi R. L'idée du bonheur dans la littérature et la pensée françaises au XVIII siècle. Paris, 1960. P. 145—148.

повести «Остров Борнгольм» герои сталкиваются с трагической несовместимостью законов Природы и законов человеческих. Описание преступной страсти, которую якобы оправдывает «священная Природа», вызвало возмущение некоторых современников Карамзина. Прочитывая песню «Законы осуждают...», входящую в текст повести, С. С. Бобров писал в своем полемическом сочинении «Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» (1805): «Я вижу в сих стихах чрезмерного поблажателя чувственности и не позволенной слабости. Он при заманчивом слоге вперяет хорошее наставление в сердца молодых детей в нынешнем состоянии вселенной. — Беззаконную любовь брата к родной сестре, Лиле, которая в других стихах того же самого содержания описывается прямее и яснее, как-то: любовница, сестрица, — супруга, верной друг, — и с сею-то сестрицею ужасное брата сладострастие оправдывать законами природы, как будто в первые годы золотого века!»²⁶

Этот отзыв интересен как одно из упоминаний о «золотом веке» в негативном плане. Спор Боброва с Карамзиным отражает различные представления о «естественном человеке»: для Боброва это дикарь; для Карамзина, автора повести, — человек природы, т. е. «l'homme de la nature», но не «l'homme naturel».²⁷

Интерес к руссоистским представлениям о «золотом веке», очевидно, способствовал и обращению русских сентименталистов к сочинениям Ж.-А. Бернардена де Сент-Пьера. Его незавершенный роман «Аркадия» («Arcadie», 1788), принятый во Франции довольно холодно,²⁸ уже в 1790-е гг. был переведен на русский язык.²⁹ Хотя

²⁶ Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) / Ст., публ. и коммент. Ю. Лотмана и Б. Успенского // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1975. Вып. 358. Тр. по русской и славянской филологии. № 24. С. 275—276. В комментарии не указано, что приведенная в тексте цитата «Любовница, сестрица — супруга, верной друг» взята из песни, представляющей любопытный рифмованный вариант стихотворения Карамзина, сохранившийся в одном из рукописных сборников. См.: *Kočetkova N. D.* Zur Geschichte des Gedichts «Die Gesetze verurteilen...» von N. M. Karamzin // *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts.* Berlin, 1970. Bd. 4. S. 367—372.

²⁷ См.: *Розанов М. Н.* Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в.: Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. М., 1910. Т. 1. С. 67.

²⁸ См.: *Souriau M.* Bernardin de Saint-Pierre d'après ses manuscrits. Paris, 1905. P. 209—212.

²⁹ Аркадия (Из Сент-Пьера) // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 13. С. 193—207, 209—216, 225—239, 257—270, 273—278; Ч. 14. С. 321—336, 337—351, 353—366, 369—383, 385—397, 401—407.

описание «воображаемой республики» осталось только в плане, написанном Сент-Пьером во время работы над романом, но по отдельным штрихам можно составить представление о том, какова жизнь обитателей Аркадии. «Добрый пастух» Тиртей рассказывает путешественникам, собирающимся познакомиться с его страной: «Вы не увидите там ни великолепных палат, ни королевского города, а тем меньше диких и Друидов; но только дерн, леса, источники и пастухов, которые вас примут благосклонно».³⁰ Давнее противопоставление: «городская роскошь — сельская простота» — дополняется другой, не менее важной, антитезой: грубая дикость — умение ценить природу и ее благотворное влияние на нравы.

Тема «золотого века» приобретала особый интерес в связи с выдвижением на первый план таких критериев, как «естественность», «натуральность». С этой точки зрения пересматривались некоторые традиционные представления, в частности понятие дворянской чести. Идея внесословной ценности человека, столь существенная для литературы сентиментализма, находила своеобразное отражение в буколической прозе. В «пастушеской повести» «Аминт» автор сетует на предрассудки, препятствующие соединению любящих, и мечтает о том самом «золотом веке», который вызвал суровое осуждение Боброва: «О прекрасный золотой век! ты назван так не потому, что источники, вместо воды, заключали в себе молоко, что мед точился из деревьев <...> но потому только, что сие без всякой причины горделивое существо, сей истукан заблуждения и злодейств; сей тиран нашего сердца; так названная неразумным народом честь — не примешивала в сем благополучном веке никаких забот к приятным удовольствиям любовников. Ее несправедливые законы несведомы были сим привыкшим к вольности душам».³¹

Эта «пастушеская повесть», подписанная псевдонимом «Дафнис», входит в цикл буколических «пиес», помещенных в «Приятном и полезном препровождении времени». Издатель журнала В. С. Подшивалов сопроводил их публикацию примечанием, свидетельствующим, о том, какое значительное место миф о «золотом веке» занимал в сознании русских литераторов конца XVIII в. «Сия пиеса,— писал издатель о прозаическом этюде «Скрывшийся Амур», подписанном именем «Аркас»,— и две следующие принадлежат к числу тех, кои собраны были некоторым числом молодых людей, отчасти соединенных родством, а отчасти дружбою. Они намеревались издать особенный журнал и посвятить его прекрасному

³⁰ Там же. Ч. 14. С. 402.

³¹ Там же. 1794. Ч. 4. С. 405—406.

полу, взяв пастушеские имена по начальным буквам настоящих имен своих, как например: Аркас, Дафнйс, Палемон и проч., и составив посвящение из куплетов от каждого пастуха. — Жаль, что их намерение не исполнилось!»³²

Идиллия становилась частью литературного быта. В пасторальную форму облекались картины реальной действительности. Так, в «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» М. И. Невзоров описывает, как парни и девушки из села Зябликовский погост играют в снежки, и уподобляет их аркадским пастухам, создавая своеобразную северную идиллию: «Хитрый Амур в области снегов умеет производить пламя, и дерзкою рукою Зябликовского Ванюши бросая снежинку в грудь румяной Дуняши, делает иногда больше чудес, нежели томною рукою Аркадского пастуха Меналка, прикалывая розу ко груди прелестно поющей Дафны».³³

Разумеется, на отечественную «бержераду» постоянное воздействие оказывала и переводная литература. Изысканная игра в «золотой век» продолжала традиции, восходящие еще к популярному в Европе роману О. д'Юрфе «Астрея» (1610). Сокращенная версия этого романа под названием «Новая Астрея» («La nouvelle Astrée»), приписываемая Ф.-Т. Шуази, появилась в русском переводе в 1789 г.³⁴ Характерно, что автором книги ошибочно был назван С. Геснер, с именем которого прочно было связано представление о пасторальной теме. Именно в этом романе шла речь о превращении светских людей в пастухов. Один из них, Альцей, рассказывает: «Из давних времен многие фамилии из галлов, скучившись светскою жизнью, вознамерились единодушно оставить свое честолюбие, которое они почитали источником своих горестей, и жить в лесах под простою пастушескою одеждою <...> клялися пред богами стеречь стада свои в невинности первого века». При этом они «приняли сей род жизни не от бедности»: «...смотрение их за стадами не что иное было, как одна забава».³⁵ Автора «Новой Астреи» мало интересовали утопические мечты о человеческом братстве: роман представляет собой галантную историю любви Альцея и пастушки Астреи (характерно, что имя легендарной мудрой правительницы носит здесь пастушка).

³² Там же. С. 363.

³³ Невзоров М. И. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году. М., 1803. С. 53.

³⁴ [Юрфе О. д']. Новая Астрея. Из сочинений г. Геснера / [Пер. с фр. В. Раевского]. М., 1789.

³⁵ Там же. С. 18—19.

Игра в «золотой век» становилась утонченным светским развлечением, в нее вовлекались люди, занимавшие достаточно высокое общественное положение.³⁶ Естественно, что в этой игре устанавливались свои правила, определенные каноны. В разработке традиционной темы уже не так просто было сказать оригинальное свежее слово, добиться того, чтобы варьируемый на все лады вымысел не потерял своего очарования.

Возможность двоякого освещения темы продемонстрировал Карамзин в стихотворении «Протей, или Несогласия стихотворца» (1789). Перед «любимцем муз» возникают пленительные образы:

Когда в весенний день, среди лугов цветущих
Гуляя, видит он Природы красоты,
Нимф сельских хоровод, играющих, поющих,
Тогда в душе его рождаются мечты
О веке золотом, в котором люди жили
Как братья и друзья, пасли свои стада,
Питались их млеко; не мысля никогда,
Что есть добро и зло, по чувству добры были,
А более всего... резвились и любили!³⁷

Эта картина «золотого века» предстает в совершенно ином свете, когда «певец села» начинает с увлечением восхвалять «успехи просвещения» и человека, сделавшегося «Природы властелином»:

В Аркадии своей ты был с зверями равен,
И мнимый век златой, век лени, детства, сна,
Бесславен для тебя, хотя в стихах и славен.³⁸

Кажется, что Карамзин здесь «начисто отверг Аркадию»,³⁹ но нельзя обойти вниманием самые последние слова: «...хотя в стихах и славен». Эта оговорка представляется весьма существенной, особенно если учесть, какое большое значение на протяжении всего творчества писатель придавал поэтическому вымыслу. Излюбленный прием Карамзина: столкновение полярных точек зрения, противоположных взглядов на один и тот же предмет. «Голос», отрицающий «золотой век», — это «голос» того же самого поэта, который только что его восхвалял. Второй «голос» спорит с первым, но отда-

³⁶ См.: Krüger R. Das Zeitalter der Empfindsamkeit. Kunst und Kultur des spätes 18. Jahrhunderts in Deutschland. Leipzig, 1972. S. 39.

³⁷ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. С. 243.

³⁸ Там же. С. 244.

³⁹ Кросс А. Разновидности идеалии в творчестве Карамзина. С. 227.

ет дань восхищения тому искусству, с которым прославляется счастливая Аркадия. Итак, хотя развенчивается наивная вера в существование «золотого века», но утверждается ценность этого мифа как поэтической темы.

Предложенная Карамзиным интерпретация получила развитие в анонимном стихотворении «Прогулка», опубликованном за подписью «Село Низ». Обращение к теме «золотого века» оказывается связано для автора со стремлением способствовать нравственному совершенствованию человечества. «Золотой век» предстает как прекрасный вымысел, помогающий людям сделаться лучше и благороднее:

Уже престали человеки
Тем верить золотым векам,
Которое в стихах поэты
Так живо описали нам;
Огнем усердия нагреты
И ближних искренне любя,
Они, не зная иного средства,
Как смертным облегчить их бедства,
Возмнили, что, употребля
Витийство, пылкость вображенья,
Они тем бальзам утешенья
Прольют несчастных в грудь людей,
Иль в вымыслах дая уроки,
Они смягчат сердца жестоки,
Извлекая слезы из очей;
Вселят в них к ближним состраданье,
И мирное внушат желанье
Векам счастливым подражать.⁴⁰

Поэт, воспевающий «золотой век», противопоставляется беспринципному стихотворцу, славословящему сильных мира сего. Таким образом идиллическая трактовка темы осознается как гражданственная, отрицающая сервильную оду. По-настоящему «Поэзии священной» служит лишь тот,

Кто, в свет издав свое творенье,
К себе сказать мог в утешенье:
«Я смертных тшулся просветить
Моих способностей по силе;
Я фимиамов не курил
Нерону страшному, Атилле;
Льстецу подобно, не служил

⁴⁰ Иппокрена, или Утехи любославия. 1799. Ч. 3. С. 56—57.

Пороку, гордости надменной;
Кумир не славил позлащенный;
К разврату не склонял сердца».
Такой поэт почтен лишь будет
Его потомство не забудет
И в гробе прах почитит певца.⁴¹

Это был спор не только разных направлений и разных жанров — это был спор о целях и задачах искусства. Речь шла о необходимости сохранения нравственных идеалов — идеалов неосуществимых, но служащих ориентиром, который призван помочь отдельному человеку и обществу в целом найти верный путь.

Таким образом миф о счастливой Аркадии становился своеобразным средством воспитания. Вместе с тем усиливалось стремление придать этому мифу осязаемость: найти блаженную страну не в легендах, а в окружающей реальности.

Для Карамзина в свое время таким примером была Швейцария, «земля свободы и благополучия». Но и в «Письмах русского путешественника», восхищаясь многими сторонами жизни этой страны, писатель был далек от ее безоговорочной идеализации.⁴² Другие авторы «путешествий» также пытались найти в посещаемых ими краях черты, напоминающие о счастливом «золотом веке».

Так, покоренный красотами Крыма, Павел Сумароков мечтает о возможном блаженстве «в сем Едемском краю» — о жизни в небольшом домике на морском берегу, о «глазе пастушей свирели», о «нивах, обещающих богатую жатву», «деревьях, обремененных плодами». Здесь, где «все дышало бы вокруг <...> изобилием, весельем и свободой», человек «обрел бы <...> следы златаго века, и все часы его текли бы в беспрерывных удовольствиях».⁴³

Для В. В. Измайлова землей обетованной предстала Сарепта — колония немецких гернгутеров на Волге. «Мысленная республика под пером красноречивого Платона не стоит сего добродетельного общества в существенности»,⁴⁴ — заявляет Измайлов, возвращаясь к размышлениям Карамзина об утопических проектах. Немаловажно, что обнаруженное путешественником счастливое общество обитает среди живописной природы: «...величественная Волга, рощи и

⁴¹ Там же. С. 57—58.

⁴² См.: Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. С. 90—113.

⁴³ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800. С. 92—93.

⁴⁴ Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию. М., 1802. Ч. 4. С. 186.

поля: ландшафт приятный!»⁴⁵ Описывая нравы жителей Сарепты, Измайлов готов видеть здесь осуществление руссоистских чаяний: «Наука морали и художеств (т. е. ремесел. — Н. К.) есть главный предмет воспитания молодых людей обоего пола. Руссо заплакал бы от радости, увидя не в одном воображении Емилев и Софий...».⁴⁶ Склонность путешественника к намеренной идеализации Сарепты очевидна, особенно если сопоставить его отзывы с весьма скептическим мнением о сарептянах в мемуарах А. С. Пишчевича, посетившего колонию в 1792 г.,⁴⁷ с достаточно сдержанным отношением к гернгутерам В. А. Жуковского («К Воейкову», 1814) и т. д. Важно, однако, что Измайлов, найдя свою Аркадию, видит в ней воплощение нравственного совершенства: «...там научался я быть добрее, сострадательнее, человеколюбивее».⁴⁸

Дистанция, отделяющая писателя от живописуемой им Аркадии, принципиально важна. Чем меньше эта дистанция, тем серьезнее становится опасность перейти от идиллического «золотого века» к одическому, от мечты и утопии — к славословию. Такой опасности не избежал, в частности, П. И. Шаликов в своем «Путешествии в Малороссию», вызвавшем серьезную критику современников. Отвечая оппоненту, Шаликов упрямо утверждал: «Так, я хотел видеть только хорошее <...> хотел, чтобы Малороссия была Аркадия...».⁴⁹ Умиленное любование землей обетованной в сентиментальном «путешествии» неожиданно составило параллель хвалебной оде, безоговорочно провозглашавшей наступление «золотого века». Если вспомнить, что и в лучших одах, написанных наиболее талантливыми и умными авторами, был весьма существен программный момент, то жанровая заданность в решении темы «золотого века» оказывается не всегда определяющей.

В то же время характерно, что даже Карамзин, обращаясь к жанру похвальной оды, прибегает к привычной формуле. В «Оде на случай присяги московских жителей <...> Павлу Первому...» (1796), следуя давней ломоносовской традиции, поэт выдвигает перед монархом целую программу. При этом о наступлении счастливой поры говорится не в настоящем времени, а в будущем:

⁴⁵ Там же. С. 187.

⁴⁶ Там же. С. 179.

⁴⁷ Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная. 1764—1805 / С предисл. и примеч. Н. Попова. М., 1885. С. 156—160. Мемуарист, в частности, жалеет о «девках, запертых в так называемом Сестрином доме», рассказывает об обмане «сарептского торговца» и т. д.

⁴⁸ Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 4. С. 190.

⁴⁹ Шаликов П. И. Новое путешествие в Малороссию // Московский Меркурий. 1803. Сент. С. 178.

Но скоро бедных и несчастных
В странах, тебе, монарх! подвластных,
Нигде не узрим пред собой.
Тогда настанет век золотой.⁵⁰

В оде «На торжественное коронование <...> Александра I...» (1801) формула обретает знакомый вид констатации:

У нас Астрея! восклицаю,
Или воскрес Сатурнов век!...⁵¹

Но и в этом случае речь идет о благоденствии и «славе россов» «во глубине грядущих дней».

Понять же истинное отношение Карамзина к традиционной одической формуле помогает стихотворение «Гимн глупцам» (1802), как бы подводящее итог многолетним раздумьям писателя:

Раскроем летопись времен:
Когда был человек блажен?
Тогда, как думать не умея,
Без смысла он желудком жил.
Для глупых здесь всегда Астрея
И век золотой не проходил.⁵²

В этих строках не только вновь развенчивается руссоистская концепция, но и опровергается возможность существования «золотого века» «здесь» — и в пространственном и во временном смысле. Карамзин завершает спор о «золотом веке», решительно отвергая и одические славословия, и отнесенную к настоящему времени идиллию. Любая попытка придать осязаемость этой мечте остается уделом «глупцов», и чем неопределеннее контуры этого мифа, тем больше он питает поэтический вымысел.

Таким образом, в русской литературе сентиментализма тема «золотого века» оказывается очень многозначной, переплетаясь с самыми разными темами и мотивами, характерными для направления в целом. Постоянное обращение к мифу о счастливой Аркадии создает традицию, которая, с одной стороны, противостоит сервильной оде, а с другой — готовит предпосылки для разработки темы в творчестве русских писателей XIX в.

⁵⁰ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. С. 188.

⁵¹ Там же. С. 268.

⁵² Там же. С. 289.

Ф. З. КАНУНОВА, О. Б. КАФАНОВА

**КАРАМЗИН И ЖУКОВСКИЙ
(ВОСПРИЯТИЕ «СОЗЕРЦАНИЯ ПРИРОДЫ»
Ш. БОННЕ)**

Близость философских воззрений Карамзина и Жуковского, решение ими важнейших гносеологических и онтологических проблем в значительной мере проясняется в результате анализа их отношения к Ш. Бонне (карамзинский перевод «Созерцания природы» и обширные пометы Жуковского в этом сочинении Бонне).

Переводы Н. М. Карамзина из книги «Созерцание природы» («Contemplation de la nature», 1764) Ш. Бонне относятся к его ранним трудам, опубликованным в журнале Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» в 1789 г. (части XVIII и XIX).

Теория известного швейцарского естествоиспытателя и философа XVIII в. едва ли соответствовала интересам аудитории детского журнала. Обращение к ней отражало, скорее, этап мировоззренческого развития переводчика.

Перевод не был снабжен предисловием или какими-нибудь комментариями Карамзина. Можно предположить, что поначалу он намеревался точно следовать тексту оригинала, о чем свидетельствует оформление первого фрагмента в ч. XVIII журнала. В нем полно, без изъятий была воспроизведена первая часть книги «О Боге и вселенной вообще» («De dieu et de l'univers en général») с соблюдением нумерации и названий всех семи входящих в нее глав (Введение. — Гл. I. Первая причина. — Гл. II. Творение. — Гл. III. Единство и доброта вселенной в ее главных частях. — Гл. IV. Рассмотрение вселенной. — Гл. V. Множество миров. — Гл. VI. Всеобщее разделение существ. — Гл. VII. Всеобщая связь или гармония вселенной).¹

¹ Статьи из *Contemplation de la nature*, Боннетова сочинения // *Детское чтение*

Второй фрагмент, помещенный в ч. XIX «Детского чтения», явно обнаруживает уже личные пристрастия Карамзина. Он целиком выпустил вторую, третью и шестую части книги — «Об относительном совершенстве земных существ» («De la perfection relative des êtres terrestres», 13 глав), «Общее рассмотрение постепенной прогрессии существ» («Vue générale de la progression graduelle des êtres», 30 глав) «О растительной экономике» («De l'économie végétale», 10 глав). Четвертая часть — «Продолжение постепенной прогрессии существ» («Suite de la progression graduelle des êtres») — и пятая — «О различных соотношениях земных существ» («De divers rapports des êtres terrestres») — были переведены выборочно. Из тринадцати глав четвертой части Карамзин оставил пять: «Человек, рассматриваемый как существо телесное. — Человек, одаренный разумом, упражняющийся в науках и искусствах. — Человек в общежитии. — Человек в общении с Богом через религию. — Постепенности человечества». А из семнадцати глав пятой части он сохранил только девять: «Предварительное рассуждение. — Соединение душ с телами организованными. — Представления и ощущения. — Страсти. — Темперамент. — Память и воображение. — Сновидение. — Рассуждение. — Зрение.» При чем Карамзин, надо полагать, намеренно отказался от нумерации глав, чтобы избирательный характер переводимого не был столь очевидным.

Из «Писем русского путешественника» известно, что начинающий писатель намеревался позже перевести сочинение Бонне полностью и при личной встрече с ним в Швейцарии в декабре 1789 г. просил разрешения автора на это.² Ясно также, что при этом он утаил факт уже осуществленного выборочного перевода. Свой план впоследствии Карамзин так и не осуществил. Можно допустить, что в 1789 г. он отобрал все заинтересовавшие в его концепции Бонне проблемы, так что больше не возвращался к исчерпанному предмету. Поскольку никаких отступлений от оригинала в карамзинском переводе обнаружить не удалось, именно анализ принципов отбора позволяет выявить, что в «Созерцании природы» оказалось наиболее существенным для будущего писателя и историка.

Главная мысль Бонне, изложенная в его книге, состояла в интерпретации «лестницы существ». Между самыми простейшими и совершеннейшими проявлениями природы существуют, с его точки зрения, переходы — так, что все тела составляют всеобщую непре-

для сердца и разума. 1789. Ч. 18. С. 3—53. Ниже ссылки на сочинение даются в тексте с указанием части римской цифрой и страницы — арабской.

² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 168. Ниже ссылки даются в тексте с указанием страницы.

рывную цепь. Основание лестницы образуют неделимые — монады, а ее вершину венчает высшее совершенство — Бог. Вся органическая и неорганическая природа представляет собой единую нить без скачков и перерывов. Всеобщее единство и согласованность в природе обеспечивается гармонией, предустановленной первопричиной. Как и Лейбницу, Бонне видел в «лестнице существ» последовательный ряд независимых, неизменных, созданных творцом форм, лишь примыкающих друг к другу, но не связанных единством происхождения.³ Эта преформистская концепция постоянства видов соответствовала метафизической картине мира. Но одновременно были в идеях швейцарского философа зачатки представлений об изменчивости живой природы.

В переводе Карамзина изъятия из теории Бонне оказались столь значительными, что, с известной долей условности, можно говорить об изложении новой концепции.

Тщательно воспроизводя содержание первой части книги — зашиту идеи Лейбница о теодицее, Карамзин затронул основной вопрос философии. Вселенная изображалась Бонне как результат действия «первопричины»,⁴ имеющей идеальное, божественное происхождение. Вопреки утверждениям материалистов, цюрихский философ настаивал на мысли о конечности всего сущего, единстве, доброте, целесообразности и взаимосвязанности всех частей «творения».

Карамзин не допустил ни малейшего отступления от оригинала, излагая близкую ему самому идеалистическую концепцию просвети-

³ История биологии: С древнейших времен до начала XX века. М., 1972. С. 111, 120, 107.

⁴ Карамзин настаивал на термине «причина», о чем свидетельствует его единственное примечание в тексте перевода. Первую фразу: «*Je m'élève à la raison éternelle*» он перевел: «Возношуся к Вечной Причине», пояснив, что «*„raison éternelle“* на языке Боннетовом не значит *вечный разум*, как то перевел немецкий переводчик, г. профессор Тициус. В конце первой главы говорит Боннет *il est hors de l'Univers une Raison éternelle de son existence*. Здесь Raison не может значить разум, а великий философ не употребляет одного слова в столь разных значениях» (XVIII, 3). О своей полемике с ученым-переводчиком И. Д. Тициусом, а также о недовольстве автора немецким переводом «Созерцания» Карамзин поведал в «Письмах русского путешественника». «Боннет хвалит один Спаланцаниев перевод, а немецким переводчиком, профессором Тициусом, весьма недоволен потому, что сей ученый Германец думал поправлять его, и собственные свои мнения сообщал за мнения Сочинителей», — замечал он, приводя как пример грубой ошибки выше процитированную фразу (169). В действительности «*raison*» имеет двойное значение: «разум» и «причина». Но подобная скрупулезность в деталях только подчеркивает значимость факта отбора. В более позднем переводе Виноградова слово «*raison*» неудачно передано как «вина»: «Возношуся к вечной вине» // Созерцание природы, соч. г. Боннета. Смоленск, 1804. С. 1.

тельского оптимизма: «Итак, мир имеет все совершенство, какое только мог он получить от Причины, в которой одно из первых свойств есть Премудрость. Итак, нет совершенного зла во Вселенной, ибо она не заключает в себе ничего такого, что бы не могло быть действием или причиною какого ни есть добра, которое бы не существовало без того, что мы злом называем. Если бы все было одно от другого отделено, не было бы гармонии» (XVIII, 7).

Карамзин, как и Жуковский, безусловно разделял идеалистическое решение общих вопросов происхождения мира и человека. Но для выяснения его мировоззренческой позиции оказывается существенным не только то, что он включил в перевод, но и то, что он не включил.

Изложив теорию предустановленной гармонии, Бонне перешел в последующих частях к ее подтверждению своими естественнонаучными и теологическими исследованиями. С его точки зрения, такие явления, как полипы, дождевые черви, летающие рыбы, развитие бабочки из гусеницы и эмбриональное развитие живых существ, подтверждают, что всякая жизнь от Бога предназначена к будущему усовершенствованию и счастью. Вот сам этот ход доказательств воспроизведен в русском переводе в достаточной мере фрагментарно. Теория «лестницы существ» в карамзинском варианте распалась, поскольку исключено было рассмотрение развития всевозможных видов органической и неорганической природы, предшествовавших появлению человека. Вся теологическая часть оказалась тоже изъятой, так как мистицизм чужд Карамзину на всех этапах его сознательного творческого развития.

Таким образом, человек, рассматриваемый на всех уровнях — онтологическом, физическом, духовном, даже отчасти социальном, явился чуть ли не единственной фигурой «лестницы существ» в интерпретации Карамзина. Человек предстал изолированным не только от предшествующих, но и от последующих звеньев в цепи системы (у Бонне специальная глава посвящена «небесной иерархии», включавшей ангелов, архангелов и других небесных существ).

Изучение человека вне выстроенной Бонне строгой системы иерархии очищало концепцию личности от влияния механического детерминизма (к которому вело учение о преформации) и в конечном итоге разрушало метафизическую завершенность представлений о месте человека в мироздании.

Для Карамзина, как впоследствии и для Жуковского, человек — венец природы: «...наверху лестницы нашего шара поставлен человек, совершеннейшее дело в земном творении» (XIX, 165). Следуя далее за размышлениями Бонне, Карамзин подходил к одному из важнейших вопросов философии XVIII в., в равной мере привлекавшему внимание материалистов и идеалистов, в том числе Канта,

Мендельсона, Лафатера, Мальбранша и других, например, русских масонов. Этот вопрос касался соотношения материальной и духовной сфер природы человека и формулировался как проблема сосуществования и взаимовлияния души и тела.

Еще в 1787 г., в поисках ответа на не разрешимую для себя загадку, Карамзин обратился к цюрихскому пастору И. К. Лафатеру, разработавшему учение о физиогномике. «Каким образом душа наша соединена с телом, тогда как они из совершенно различных стихий? — спрашивал он. — Не служило ли связующим между ними звеном еще третье отдельное вещество, ни душа, ни тело, а совершенно особенная сущность? Или же душа и тело соединяются посредством постепенного перехода одного вещества в другое <...> Каким способом душа действует на тело, посредственно или непосредственно?»⁵

Масоны, в среде которых происходило развитие будущего писателя,⁶ давали двоякое толкование проблемы. Согласно одной точке зрения, человек состоит из двух субстанций, души и тела, причем душа является «самодействующей», т. е. не нуждается в теле и полностью освобождается от него в смерти.⁷ По другому мнению, существуют три субстанции — тело, душа и дух, при этом душа участвует в обеих других и соединяет их.⁸

По-видимому, обе эти точки зрения не удовлетворяли Карамзина, который предпочел обратиться за ответом к «южному магу», установившему соотношение между чертами лица и свойствами характера, души. Именно Лафатер, являясь другом Бонне, перевел на немецкий язык его «Палингенезию» в 1769 г. («Palingénésie philosophique, ou idées sur l'état passé et sur l'état futur des êtres vivants»). И в этом сочинении, как чуть позже в «Созерцании природы», Бонне стремился найти обоснование идеям Лейбница в изучении живой природы, опираясь на сенсуализм Локка. Придерживаясь идеи трехсубстанционального состава человека, он рассматривал душу как своего рода накопитель впечатлений, которые улавливаются органами чувств. Сама по себе, душа не может быть дееспособной. Только идеи, образуемые на основе чувственных впечатлений, делают существа способными выйти за пределы телесного мира и жить в духовной сфере.

⁵ Переписка Карамзина с Лафатером. 1786—1790 / Подгот. текста Ю. М. Лотмана // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 468. Ниже ссылки на издание даются в тексте.

⁶ Кочеткова Н. Д. Идеино-литературные позиции масонов 80—90-х годов XVIII в. и Н. М. Карамзин // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 176—196. (XVIII век. Сб. 6).

⁷ Вечерняя заря. 1782. Ч. 1. С. 169—184.

⁸ Там же. С. 278—283.

Карамзину, несомненно, была известна эта теория, о чем он прямо сообщил Лафатеру («Я прилежно читаю сочинения Боннета», — писал он 10 июня 1788 (475)). Но и она его не устраивала. «Хотя великий философ нашего времени открыл мне много новых взглядов, — признавался он, — я все-таки не вполне доволен всеми его гипотезами. *Les germes, emboitement des germes, les sièges de l'âme, la machine organique, les fibres sensibles*⁹ — все это очень философично, глубокомысленно, хорошо согласуемо и могло быть и на самом деле <...>, но чтоб было это так на самом деле — я этому не верю, пока верю, что мудрость Господня далеко превосходит всех наших философов и, следовательно, может найти другие, более удобные способы к созданию и сохранению своих творений, чем те, которые ей приписываются нашими Лейбницами и Боннетами» (475—476). Судя по всему, физиологическое обоснование теории происхождения идей не объясняло Карамзину сущности явления.

Вопрос о способе соединения души с телом вырастал для него в центральную проблему познания и самопознания. «Нужно знать себя и со стороны души, и со стороны тела, нужно вникнуть в различные отношения их между собою, чтобы осмелиться сказать: я себя знаю», — писал Карамзин 20 июня 1787 (468). Видя в Лафатере «знатока в науке о человеке», сформулировавшего мысль о неповторимости человеческой индивидуальности, он надеялся услышать от него исчерпывающее объяснение.

Однако Лафатер, отказавшись от какого бы то ни было доказательства, сделал в своем ответе акцент на особом предназначении человека: «*Я существую* — размышляю о своем бытии — и сравниваю его с другими видами бытия — и не знаю ни одного подобного человеческому, почему я называю его царственным, духовным, высоким, предназначенным на продолжение и совершенствование, — и радуюсь этому и больше не мудрствую» (письмо от 16 июня 1787 — 470). По сути цюрихский священник допускал самостоятельность души, ее независимость от опыта. Такой ответ, очевидно, разочаровал юного Карамзина, который в следующем письме отстаивал эмпирическую точку зрения: «Итак, теперь еще невозможно в точности понять связь души с телом, это грустное открытие для того, кто так желал себя познать <...> Я родился с жаждой знания; я вижу, и тотчас хочу знать, что произвело сотрясение в моих глазных нервах: из этого я заключаю, что знание для души моей необходимо, почти так же необходимо, как для тела пища, которой я искал с той минуты, как появился на свет. Как только пища моя

⁹ «Зародыши, вхождение зародышей, седалище души, органический механизм, чувствительные фибры» (фр.).

переварена, я ишу новой пищи; как только душа моя основательно узнает какой-нибудь предмет, то я ишу опять нового предмета для познания» (Письмо от 25 июня 1787 — 472—473).

Карамзин явно прибегал к выражениям Бонне, черпая аргументацию в его сенсуалистской теории.¹⁰ Проблема, решаемая Лафатером в онтологическом плане, имела для Карамзина и важный гносеологический аспект. Источником чистого эмпиризма мог быть и трактат И. Канта «Грезы духовидца» («Träume eines Geistersehers», 1766).¹¹ Но «метафизика» Канта всегда представлялась Карамзину слишком сложной, о чем сохранились его свидетельства.¹² Бонне же обладал даром художественной популяризации своего философского учения. Передавая мнение о нем Виланда, автор «Писем русского путешественника» безусловно выражал и собственную точку зрения: «Никто из Систематиков <...> не умеет так *обольщать* своих читателей, как Боннет; а особливо таких читателей, которые имеют живое воображение» (76).

Ясность и простота, художественная образность изложения сенсуалистской теории способствовали, по-видимому, «возвращению» Карамзина к Бонне в 1789 г., уже в качестве переводчика. Очень добросовестно излагая механизм формирования чувств и идей, он добивался терминологической точности. Многие вводимые им обозначения сопровождались оригинальным названием понятия в скобках: «представление» (perception), «ощущение» (sensation), «чувствование» (sentiment), «изменение» (modification), «настроение» (détermination), «естественное побуждение» (instinct), «склонность» (affection), «одинаковость» (identité) (XIX, 184, 188, 189, 194).

Позднее, в общении с Бонне, Карамзин заметит, что «трудно <...> выражать ясно на русском языке то, что на французском весьма понятно для всякого, кто хотя немного знает сей язык <...> Надобно будет составлять и выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем» (171).

¹⁰ Ср. в «Созерцании природы»: «Нервы, разным образом потрясаясь от предметов, сообщают свои потрясения мозгу; а по сим впечатлениям происходят в душе представления и ощущения» (XIX, 183).

¹¹ *Rothe H. N. M. Karamzins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans. Philologische Untersuchungen.* Berlin.; Zürich, 1968. S. 70.

¹² «В Письмах русского путешественника», описывая свою встречу со «славным», «глубокомысленным» и «все сокрушающим Кантом», он не без иронии заключил: «Кант говорит скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха. Домик у него маленький, и внутри приборов не много. Все просто, кроме... его Метафизики» (21).

Но стремление к скрупулезной терминологической адекватности отнюдь не означало для Карамзина прямолинейного приятия материалистического объяснения процесса познания. Впоследствии он не раз будет обыгрывать физиологические принципы теории Бонне в ироническом контексте.¹³ Более привлекателен для него как агностика и сенсуалиста был другой аспект гносеологической теории Бонне — мысль о сложности и в определенной мере неподвластности научному познанию души человека, утверждение идеи индивидуального различия.

«Обойди все народы земные; рассмотри жителей одного государства, одной провинции, одного города, одного местечка — что я говорю! — Посмотри на членов одного семейства, и тебе покажется, что каждый человек составляет особый род», — писал Карамзин вслед за Бонне (XIX, 175—176). Размышляя о различиях в темпераменте, швейцарский натуралист заключал, что «разные люди не могут чувствовать точно одного при действии одних предметов» (XIX, 189). Вывод его был связан с провозглашением сознательной направленности поведения человека: «Познавай же свой темперамент! Если он порочен, можешь исправить его, однако ж не стараясь разрушить оного» (XIX, 190). Карамзину была близка эта активная просветительская позиция.¹⁴

В целом анализ восприятия Карамзиным «Созерцания природы» позволяет уточнить его собственный взгляд на человека, во многом «синтезирующий» концепцию просветительского антропологизма и идею неповторимости, самоценности внутреннего мира личности. Размышляя над философским соотношением свободы воли и необходимости, он отвергал механистический детерминизм, утверждая возможность нравственного совершенствования.

Жуковский обратился к Бонне по крайней мере на 18—20 лет позже Карамзина. И естественно, что каким бы ни было влияние Карамзина на чтение Жуковского, начинающий поэт-романтик в изучении Бонне проявил значительную самостоятельность, расставил нужные именно ему акценты.

В библиотеке Жуковского имеется полное собрание сочинений Бонне в 18 томах — собрание его естественнонаучных и философ-

¹³ Ср. эпизод из «Писем русского путешественника»: «„Вы ищите за милую того, что у вас под носом“, — сказал ему Шафнер с сердцем; но душа Магистрова была в сию минуту так полна, что ничто извне не могло войти в нее, и Шафнерова риторическая фигура проскочила естли не мимо ушей его, то по крайней мере сквозь их, то есть (сообразно с Боннетовой гипотезою о происхождении идей) не тронув в его мозгу никакой новой или девственной фибры (fibre vierge), № (50).»

¹⁴ *Канунова Ф. З.* Из истории русской повести: (Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967. С. 11—14.

ских трудов.¹⁵ Наиболее внимательно прочитан поэтом VII том, содержащий «Созерцание природы». Судя по почерку, первый раз он прочитал эту книгу очень молодым, до начала своей переписки с А. И. Тургеневым, которому он систематически и очень подробно сообщал о прочитанном. Если это так, то Жуковскому было тогда столько же лет, сколько Карамзину, когда тот писал письмо Лафатеру.

Теория органического единства природы, в котором человек занимает свое особое место, была внутренне близка концепции «универсальной закономерности» Гердера в его популярном труде «Идеи к истории человечества».¹⁶ Будучи страстным поклонником эмпирического знания Локка и опираясь на собственный опыт естествоиспытателя, обогативший науку массой новых фактов, Бонне стремилась осмыслить связь между растительным и животным миром. Женевский гражданин, почитатель Лейбница и Руссо, он восторженно поклонялся природе, глубоко изучал ее явления. Это было чрезвычайно важно для того времени, «когда впервые загоралась заря естественно-исторического мышления».¹⁷ Нет ничего удивительного в том, что Карамзин назвал «Созерцание природы» «магазином любопытнейших знаний для человека» («Письма русского путешественника», 168). Вместе с тем труд швейцарского философа наносил удар по рационализму, заявляя о сложности человека.

По всей видимости, Жуковского привлекали в Бонне оба качества его знаменитого сочинения: превосходное знание природы, поэтизация ее конкретно-чувственных явлений, с одной стороны, и сенсуализм Бонне, глубоко уверовавшего в гносеологическую силу чувств человека и попытавшегося объяснить их, — с другой.

«Созерцание природы» прочитано Жуковским с тщательным вниманием. Пометы, отчеркивания и подчас обширные маргиналии Жуковского могут быть сгруппированы по двум основным рубрикам.

Первая, большая часть многочисленных помет — подчеркивания отдельных слов и перевод их на полях. Они касаются преимущественно названий, относящихся к миру растений, живой и неживой природы. Большая часть таких помет носит главным образом познавательный характер.

¹⁵ Collection complète des oeuvres de Ch. Bonnet. Neuchatel, 1779—1783 Т. 1—18. Ниже ссылки на VII том даются в тексте с указанием страниц.

¹⁶ Реморова Н. Б. В. А. Жуковский — читатель и переводчик Гердера // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1979. С. 149—300.

¹⁷ Друкевич В. В. От Гераклита до Дарвина. М., 1960. С. 65—70.

Много помет такого рода во второй части труда — «Об относительном совершенстве земных существ». Жуковский подчеркивает длинный ряд слов-терминов и на полях дает их перевод. Так, рядом со словом «des agarics» на полях он пишет чернилами «губки» (86), напротив «capsules» — «коробочки» (88), «pistils» — «пестики» (95), «la moule» — «ракушка» (66). Всего таких слов-терминов более пятидесяти.

Как видим, будущий поэт-романтик с жадностью изучает природу, стремится осмыслить место каждого, даже самого ее примитивного явления в системе мира.

Уже Карамзин, беседуя с Бонне, говорил, что ему придется при переводе «Созерцания природы» «составлять или выдумывать новые слова», потому что «еще весьма не многие философические и физические книги переведены на русский» (171). Жуковский на полях книги иногда предлагал такие слова, иногда их объяснял. О его внимательном чтении говорят и тщательно исправленные опечатки (20, 164, 175, 189, 288). Многие пометы сделаны чернилами. Причем очень часто видны следы двойного написания: сначала карандашом, затем (поверх) — чернилами. Это — свидетельство не только внимательного чтения, но какой-то повышенной заинтересованности Жуковского, которая может быть объяснена по-разному. Подыскивание русских слов, специальных терминов было связано, возможно, с его намерением сделать в будущем перевод всего произведения. Однако более вероятным представляется другое объяснение. В познавательных целях Жуковский обращается к Бонне не однажды. По мере идейно-творческого самоопределения поэта у него возрастала потребность в конкретных знаниях о природе и ее многочисленных проявлениях, а «Созерцание природы» могло явиться одним из источников такого познания.

Следует отметить, что горячая заинтересованность Жуковского в эмпирическом знании природы проявилась очень рано и в самом процессе его художественного творчества. Так, задумав около 1803 г. поэму «Весна»,¹⁸ он внимательно читает Томсона, Клейста и других «певцов природы». В библиотеке поэта сохранились сочинения Клейста с обильными пометами молодого Жуковского,¹⁹ особенно на стихотворении «Der Frühling». Создается впечатление, что оно читалось как учебник ботаники или зоологии. Жуковский подчеркнул и перевел на полях слова, характеризующие растительный

¹⁸ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Пг., 1916. Вып. 2. С. 498.

¹⁹ Des Herrn E. Ch. von Kleist sämtliche Werke. Berlin, 1782, Th. 1—2.

и животный мир в период пробуждения природы. В этих маргиналиях узнаваем не только почерк, но и характер чтения «Созерцания природы». Очень возможно, что это сочинение явилось одним из натуралистических источников поэмы «Весна».

Вторая группа маргиналий, отчеркиваний и подчеркиваний Жуковского носит уже не только познавательный, но и принципиальный мировоззренческий характер. При этом следует сказать, что наибольшее количество таких помет сделано в тех главах, которые были переведены в свое время Карамзиным. Речь идет о первой части («О Боге и вселенной вообще»), где ставятся общие вопросы происхождения мира, и о пятой части книги («О различных соотношениях земных существ»), где в качестве главного выделяется вопрос о сущности человека.

Жуковского, по-видимому, так же как и Карамзина, привлекает сенсуализм Бонне, утверждение им чувственной основы человеческого сознания и познания. В пятой части он подчеркивает и отмечает особым знаком главу «Соединение душ с телами организованными». Здесь он отмечает главное гносеологическое положение Бонне: «Нервы, разным образом потрясаясь от предметов, сообщают свои потрясения мозгу, а по сим впечатлениям происходят в душе представления и ощущения» (216; XIX, 183)²⁰. Отчеркивает Жуковский и следующую за этой мысль: «Оне <представления и ощущения. — Ф. К., О. К.> имеют одинакое происхождение, а различаются только степенью потрясения. Лучи, выходящие из предмета, трогают мою оптическую нерву. Я получаю представление, которое уведомляет меня о присутствии предмета. Они потрясают весьма сильно сию нерву, у меня делается ощущение, которое я изъясняю словом *боль* или *неудовольствие*». (216; XIX, 184). Тут же Жуковский подчеркивает конкретизацию этого положения: «Разность чувств, через которые душа получает впечатления от предметов, производит в ее представлениях и ощущениях подобную разность». Жуковского привлекает, по всей видимости, попытка Бонне подкрепить сенсуализм Локка глубокими физиологическими наблюдениями. «Чувствования, причиняемые потрясением нерв зрения, совершенно отличаются от тех, которые производит потрясение нерв слуха. Чувствование осязания не имеет никакого сходства с чувствованием вкуса. Оне суть разные изменения души, которые соответствуют разным свойствам предметов» (217; XIX, 184).

²⁰ Цитаты приводятся по карамзинскому переводу. В скобках указывается страница оригинала, часть и страница «Детского чтения» (соответственно римскими и арабскими цифрами)

О горячей заинтересованности Жуковского в проблеме происхождения чувств свидетельствуют его многочисленные маргиналии на «Трактате об ощущениях» Э. Б. Кондильяка.²¹

В качестве одного из важнейших естественных побуждений души человека Бонне называл нравственное чувство. Жуковский подчеркивает эту мысль двумя чертами и ставит два восклицательных знака. Эта активная и явно положительная реакция полностью проясняется при анализе его развернутых маргиналий к первой части «Созерцания природы».

Не менее важной была для Жуковского и мысль о неповторимой индивидуальности человеческой личности. Сравнивая сознание человека с зеркалом, в котором «вкратце изображаются разные части вселенной», Бонне говорит о поразительной несхожести этих зеркал: «Какая соразмерность между зеркалом крота и зеркалом Ньютона или Лейбница? Какие образа являются в мозгу у Гомера, Вергилия или Мильтона!» (229; XIX, 197—198). Жуковский выделяет это положение, подчеркивая его различные вариации у Бонне еще несколько раз.

Начало первой части «О Боге и вселенной вообще» Жуковский снабжает подробными маргиналиями, имеющими, как нам представляется, принципиальное значение для понимания его концепции личности и шире — природы его просветительства. Относясь с сочувствием и интересом к гносеологической теории Бонне, дававшей многое для материалистического понимания личности, Жуковский вместе с тем в решении ряда общих философских проблем горячо разделял идеализм швейцарского философа.

Вслед за Бонне Жуковский во взглядах на происхождение мира и человека остается идеалистом. На полях книги он не полемизирует с автором, как это часто бывает в его чтении, а, скорее всего, отстаивает, уточняет его идеи собственными соображениями. Нужно полагать, что Жуковский чутко уловил полемичность Бонне (в решении основных философских вопросов) по отношению к таким материалистам XVIII в., как Гольбах и Гельвеций, полностью детерминировавшим личность материальными условиями, бытия и склонным отрицать свободу воли, инициативу действия отдельного индивида. В главе «Первая причина» Бонне даже стилистически подчеркивает эту полемичность, несогласие с невидимым оппонентом.

«Почитать вселенную вечною, — утверждает философ, — есть то же, что полагать бесконечным порядок существ конечных. Прибегать к вечному движению есть то же, что полагать вечное действие» (2; XVIII, 4—5).

²¹ Канунова Ф. З. «Трактат об ощущениях» Э. Б. Кондильяка в восприятии Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1979. Ч. 1. С. 346—399.

Жуковский, идя от Бонне, еще более заостряет полемичность тона. Многие его замечания представляют собою как бы прямые контраргументы по отношению, например, к Гольбаху. Чтобы убедиться в этом, сравним некоторые программные мысли Гольбаха в его «Системе природы» с маргиналиями Жуковского:

Гольбах

Природа — это колоссальное соединение всего существующего, представляющего нам повсюду лишь материю и движение.

Но спросят у нас, откуда эта природа получила свое движение? Мы ответим, что от себя самой, ибо она есть великое целое, вне которого ничто не может существовать.²²

Жуковский

Если бы природа была произведена материей и движением, тогда бы она беспрестанно изменялась, но она всегда одинакова, беспрестанное последствие одних и тех же явлений <...> Вечность, или безначальность природы не понятна.²³

Не принимая тезиса Гольбаха о движении как форме существования материи, Жуковский возражает против понимания движения как механистического перемещения. «Как скорость последствие, то есть уже перемена или переход из одного состояния в другое, следовательно, прекращение одного и начало другого». То есть Жуковский движение понимает как качественное изменение. Определенная диалектичность мышления чрезвычайно важна для открывателя психологического метода в русской литературе.

Пolemика Жуковского с материалистами XVIII века усиливается, как только речь заходит о человеке, которого Гольбах и Гельвеций объявили частью природы, полностью подчиненной ее законам.

Бонне как бы возражает Гельвецию, который в своем программном труде «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» рассматривал сознание как свойство материи, возникшее на определенном этапе ее развития. «Утверждать, что разум произведен материей и движением, есть то же, что почитать Оптику Ньютонову сочинением слепорожденного человека», — размышлял Бонне (3; XVIII, 5). Жуковский в унисон ему записывает на полях: «Как мог простой механизм произвести что-нибудь умное, мыслящее?... Человек есть сотворение. Он умеет ум, следовательно, тво-

²² Гольбах П. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. М., 1940. С. 171.

²³ Полностью тексты маргиналий Жуковского см.: Канунова Ф. З. О философских взглядах Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. С. 339—342.

рец его должен быть существо верховно премудрое, ибо оно не только произвело ум человеческий, но само по себе непостижимо, недостижимо для ума сего.»

Как показывает чтение «Лицея» Лагарпа (раздела о философии XVIII в.),²⁴ Жуковский весьма положительно воспринял резкую критику Гельвеция за его абсолютизацию детерминизма.

Слова автора «Лицея» о том, что свобода выбора существует и что «она состоит в возможности действовать согласно моему суждению», Жуковский подчеркивает двойной чертой. Далее он помечает конкретизацию этого положения: «Никаких сомнений не вызывает то, что здесь моральное побуждение, моя воля является свободной во мне, как я сам, поскольку Она есть не что иное, как суждение, выбор мотивов, которым мне нравится следовать, и конечно же все это зависит от меня и от моего разума, выбрал ли я хорошо или плохо»(411).

Характерно в этом же плане и следующее за этим отчеркивание с тремя восклицательными знаками: «Вместе со свободой человека, подорванной софистами, упадет вся нравственность его поступков, добродетель будет лишена своей чести, порок поднят из своего позора, ничто в мире больше не будет заслуживать ни наказания, ни поощрения: все будет делом неизбежного и непостижимого сочетания, и все творение сократится до сборища автоматов» (415).

Полемика Жуковского с материалистами XVIII в. имела, как нам представляется, значительный нравственно-философский смысл. Созерцательный и во многом механистический материализм XVIII в. абсолютизировал детерминизм личности, метафизически трактовал проблему свободы воли и необходимости. «Метафизический материализм XVIII века не давал научной основы для решения вопроса об оценке человеческого поведения».²⁵ Нравственный фатализм противоречил требованиям прогрессивного развития истории. Уже Руссо пытался найти новое обоснование нравственной свободы человека, не связанной непосредственно с материальными условиями общества. Свобода «естественного» нравственного чувства — важнейший для Руссо стимул общественной деятельности человека. «Общественный договор» формулирует в основе «гражданской свободы неистребимую в человеке естественную свободу». Это нравственно-этический аспект руссоизма, который был в значительной мере близок и Карамзину, и Жуковскому.

Первооткрыватель романтизма в русской литературе (как показывают его письма, дневники, художественное творчество) считал, вслед за Руссо, первоочередной обязанностью любого человека со-

²⁴ *Licée, ou cours de littérature ancienne et moderne.* Par J. F. Laharpe. T. 15. Paris, 1798. Далее страницы указываются в тексте.

²⁵ *Шишкин А. Ф.* Из истории этических учений. М., 1954. С. 154.

знательную и активную направленность в его жизнедеятельности. В этом Жуковский был близок Карамзину, его активной просветительской позиции. Еще в письме к Лафатеру в 1787 г., стремясь разгадать загадку человека, его деятельности, Карамзин ставит вопрос о свободе воли и необходимости: «Я захочу — и воля моя исполняется» (471). Пройдет некоторое время, и Карамзин по-своему придет к Руссо, во многом определившему характер его просветительства.

Еще в большей мере это свойственно Жуковскому. Не случайно мысль Бонне о том, что важнейшим естественным побуждением души человека является нравственное чувство, он подчеркивает двумя чертами и ставит два восклицательных знака. Эта, как уже говорилось выше, его положительная реакция отражает его полемическое отношение к нравственному фатализму и во многом определяет собою нравственно-философскую основу его просветительства.²⁶ Критикуя механистическое понимание личности, данное французскими материалистами, с идеалистических позиций, Жуковский в ряде вопросов приближался к диалектическому пониманию человека как существа не только материального, но и духовного; не только детерминированного, но и активного, обладающего свободой нравственного выбора, а тем самым и способного к нравственной саморегуляции и усовершенствованию и, следовательно, нравственно ответственного перед собою и другими людьми, но в то же время и внутренне противоречивого.

Говоря о близости философских взглядов Карамзина и Жуковского, целесообразно отметить, как нам кажется, и определенное отличие. Если Карамзин, как он сам признавался, не мог променять «ясного Локка и Кондильяка» на «тонкоумного Канта», то Жуковский испытал на себе значительное влияние немецкой идеалистической философии. Так, уже в письме от 8 января 1806 г. он просит А. И. Тургенева: «Ради бога, пришли мне что-нибудь хорошее в немецкой философии. Она возвышает душу, делая ее деятельнее, она больше возбуждает энтузиазм». И далее следует интересное сравнение немецкой и французской философии с явным предпочтением первой. При этом единственным из французов, для кого Жуковский делал исключение, был Жан Жак Руссо.²⁷

Показательно, что, характеризуя немецкую идеалистическую философию в цитированном выше письме, Жуковский отмечает в ней деятельное начало. Он настойчиво просит Тургенева, снабжавшего его философской и исторической литературой, рекомендовать ему

²⁶ Канунова Ф. З. Творчество Ж.-Ж. Руссо в восприятии Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1984. Ч. 2. С. 229—336.

²⁷ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 22.

немецкого философа. «Пришли мне какого-нибудь немца-энтузиаста. Мне теперь нужнее такой помощник, нужна философия, которая бы оживила, побудила мою душу».²⁸ Библиотека поэта сохранила следы этого увлечения.²⁹

Говоря о том, что немецкая философия «возбуждает» энтузиазм, Жуковский тем самым указал на важнейшую черту немецкой идеалистической философии. Утратив политическую остроту французского материализма XVIII века, она давала вместе с тем наиболее последовательное теоретическое обоснование проблемы личности и, что было особенно важным, ее деятельной активности и «практического разума». Эта активность усматривалась прежде всего в высшей духовной деятельности личности, что не только импонировало Жуковскому, но и во многом определяло пафос его просветительства.

Таким образом, проследивая отношение Каамзина и Жуковского к «Созерцанию природы» Ш. Бонне, можно увидеть общие черты в философских воззрениях обоих писателей и в то же время заметить определенное движение русской эстетической мысли от сентиментализма к романтизму.

²⁸ Там же.

²⁹ Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 2. С. 140—225.

Г. А. КОСМОЛИНСКАЯ

Н. М. КАРАМЗИН И ДАВИД ЮМ
(К вопросу об историографической концепции
Карамзина)

Н. М. Карамзин высоко ценил шотландского философа и историка, автора восьмитомной «Истории Англии» Давида Юма (1711—1776). Как будто специально для нас, последующих исследователей его творчества, Карамзин определенно указывает на Юма как на образец для подражания, проявляет особенное внимание к его историческому методу.

Тем не менее тема «Карамзин и Юм» не была еще предметом специального исследования. Пожалуй, единственной работой, касающейся этой темы, остается статья английского исследователя А. Г. Кросса «Карамзин и Англия».¹ Перечислив почти все высказывания Карамзина о шотландском философе, Кросс делает, по-видимому, абсолютно правильный вывод о значительном интеллектуальном и художественном влиянии Юма на Карамзина.² Ю. М. Лотман, комментируя известное высказывание Карамзина об «Историческом Триумвирате Британии» — Робертсон, Юм, Гиббон, также подчеркивает, что «наибольшее внимание он уделял Юму».³

Наблюдения Л. Н. Лузяниной над текстом «Истории государства Российского» учитывают наряду с различного рода влияниями (летописи, античная традиция, русская историография XVIII в. и начала XIX в.) «своеобразное преломление исторического анализ-

¹ Cross A. G. Karamzin and England // Slavonic and East European Revue. 1964. Vol. 43. Dec., № 100.

² Ibid. P. 108.

³ Лотман Ю. М. Примечания к «Письмам русского путешественника» // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 675.

ма Юма в творчестве историографа».⁴ Обращает на себя внимание и близость этой темы к проблеме русского сентиментализма. Сентиментализм как художественное течение сказался не только в художественных произведениях Карамзина, но и в его «Истории государства Российского» — приходит к выводу американский литературовед Гораций Дьюи.⁵ Выяснение философских корней русского сентиментализма необходимо при реконструкции историографической концепции Карамзина.

«Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сих пор времени нет хорошей Российской истории...», — писал Карамзин в «Письмах русского путешественника».⁶ Пережив тяжелое разочарование в ходе французской революции, он, естественно, обращается к судьбе России, ее прошлому, настоящему и будущему. Сознательная потребность в «хорошей Российской истории», Карамзин стремится осуществить этот замысел, ориентируясь на английскую историографию XVIII в.: «... Юм, Робертсон, Гиббон — вот образцы!», «лучшие историки», непревзойденный «Исторический Триумvirат Британии».⁷

После бурного увлечения (это тоже отражено в «Письмах русского путешественника») историческими сочинениями французского утопического коммуниста аббата Мабли, которого называли «пророком бедствий», Карамзин подчеркнуто ориентируется на более прочные идеалы английского Просвещения.

Своеобразие и уникальность Просвещения в Англии были связаны с тем, что это явление развивалось уже после Английской буржуазной революции середины XVII в. и ее политического итога — переворота 1688 г. «Многозначащая особенность английского просветительского движения состояла в том, что на его долю выпала не столько деструктивная критика старого режима, рельефно выраженная в произведениях французских просветителей, сколько *конструктивная* работа с целью обоснования и утверждения нового строя...»⁸ Этим во многом объясняется преобладание в идеологии английского Просвещения этической и религиозно-философской проблематики, ее ограниченность преимущественно духовной сфе-

⁴ Лузянина А. Н. Проблемы историзма в творчестве Карамзина — автора «Истории государства Российского» // XVIII век. А., 1981. Сб. 13. С. 162.

⁵ Dewey H. W. Sentimentalism in the Historical Writings of N. M. Karamzin // American contributions to The Fourth International Congress of slavists (Moscow, september 1958). The Hague, 1958.

⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 252.

⁷ Там же. С. 252, 369.

⁸ Просветительское движение в Англии / Под ред. проф. Н. М. Мещеряковой. М.: МГУ, 1991. С. 108.

рой. Английские историки-просветители XVIII в. пытались обойти саму тему революции, углубляясь в изучение истории древности. Их отношение к революционным проявлениям в обществе, а также оценка буржуазной революции XVII в. часто отличались прямой враждебностью.⁹ Так, Юм считает Английскую революцию XVII в. делом религиозного фанатизма, породившим резню и беспорядок. Невежественные фанатики и «фантазеры» разожгли религиозные предрассудки и суеверия, направив все партии друг на друга.

Впечатление, которое произвела на Карамзина «История Англии», было усилено живыми впечатлениями очевидца французской революции. Он полностью разделяет враждебность Юма по отношению к революционным событиям: «Английская История богата злодействами», — пишет Карамзин в «Письмах...», имея в виду «Историю» Юма, которую он «недавно читал». При осмотре Тауэра «русский путешественник» вспоминает убитых принцев, католиков и реформаторов, роялистов и республиканцев, умерщвлявших друг друга. «Здесь была не одна Французская революция»,¹⁰ — заключает Карамзин.

Безусловно, цель, которую ставил перед собой Юм-историк — возбудить отвращение к насилию, к революционным взрывам на пути истории, была достигнута. Карамзин пережил сильнейшее волнение от чтения его «Истории»: «Книга выпадает из рук. Кто полюбит англичан, читая их историю».¹¹

В 1798 г. Карамзин, собираясь серьезно заняться историей, записал: «Начну с Джиллиса; после буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона — читать со вниманием и делать выписки...»¹² Имени Юма в этом ряду нет. Это может означать, очевидно, только то, что его не надо «читать со вниманием и делать выписки», ибо эта работа уже проделана, Юм «освоен» и более того — признан «образцом» для подражания.

Знакомство Карамзина с творчеством Д. Юма не ограничивалось «Историей Англии». Его литературно-издательская деятельность примерно с середины 90-х годов XVIII в. явно протекала под впечатлением философии Юма, в первую очередь его гносеологии и этики. В письме к И. И. Дмитриеву из опустевшей Москвы 1812 г.

⁹ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII—первая пол. XIX в.). М., 1985. С. 98.

¹⁰ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 348.

¹¹ Там же.

¹² Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 203

фраза: «...читаю Юма о происхождении идей!!»¹³ — больше говорит о настроении, философской позиции перед лицом надвигающейся опасности, чем о желании сообщить о знакомстве с сочинением шотландского философа. Для поколения (круга) Карамзина освоение философии Юма происходило значительно раньше. М. Н. Муравьев в статье «О истории и историках» (1790-е гг.) признает за Юмом важнейшую роль в европейской историографии XVIII в.¹⁴ В 1805—1810 гг. молодой В. А. Жуковский внимательно изучал философские сочинения Юма; оставленные на страницах пометы обнаруживают, как «с учетом сделанного в этом отношении Муравьевым и Карамзиным формируется сенсуализм <...> гносеологические и нравственно-этические воззрения» Жуковского.¹⁵

Путь Юма к «Истории Англии» (1754—1778) пролегал через его философские труды, в которых излагались взгляды автора на историю: «Трактат о человеческой природе» (1739—1740), особенно его книга третья, «О морали»; «Исследование о человеческом познании» (1745); эссе «Об изучении истории» (1741); «О красноречии» (1742) и др. В основе всех рассуждений Юма лежит утверждение, которое он сам определил как «открытие в этике»;¹⁶ утверждение, идущее вразрез с просветительской традицией, заключалось в том, что моральные оценки — результат не суждений разума, но эмоций. Человеку от природы, считает Юм, присущи «нравственные чувствования», которые «так глубоко коренятся в нашей психической организации, в нашем нраве, что невозможно искоренить и уничтожить их, не повергнув тем самым человеческий дух в болезнь или сумасшествие».¹⁷ Таким образом, «добродетель различается вследствие того удовольствия, а порок — вследствие того страдания, которое возбуждает в нас любой поступок, любое чувство или характер при первом же взгляде на него, при первом же его рассмот-

¹³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 165. В данном случае речь может идти как о «Трактате о человеческой природе» (1739), часть первого озаглавлена: «Об идеях, их происхождении, составе, связях, абстрагировании и т. д.», так и об «Исследовании о человеческом познании» (1748), важнейшие идеи и рассуждения которого вытекают из содержания «Трактата».

¹⁴ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1819. Ч. 2. С. 13.

¹⁵ Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск. 1984. Ч. 2. С. 280. См. также: Казунова Ф. З. Карамзин и Жуковский: (Некоторые вопросы изучения русской истории по материалам библиотеки В. А. Жуковского) // XVIII век. СПб., 1989. Сб. 16. С. 130—138.

¹⁶ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга третья: О морали // Юм Д. Сочинения: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 618 (далее ссылки даются на это издание с указанием названия сочинения, тома и страницы).

¹⁷ Там же. С. 623—624.

смотрении». ¹⁸ История же показывает нам «самые тонкие проявления добродетели», ¹⁹ она способна своими образами прошлого или «картинами» вызывать наиболее сильные и упорные эмоции («аффекты памяти»), ибо эти картины истинны. Сознывая добродетель, хотя бы в образах далекого прошлого, человек чувствует «особое удовольствие» и таким образом совершенствуется. Ни философия, ни поэзия не способны по силе воздействия и последствиям сравниться с историей.

С середины 90-х гг. XVIII в. Карамзин стоит перед мучительным выбором: «поэзия или история?» ²⁰ Возобладал интерес к истории, что явилось важным итогом кризиса просветительской идеологии, последовавшего за «ужасными происшествиями Европы». И на этом пути Карамзин находил опору в суждениях Юма об особом, ни с чем не сравнимом, этическом смысле истории.

Своеобразным панегириком истории воспринимается эссе Юма «Об изучении истории», где он пишет о достоинствах и преимуществах истории перед другими науками, выделяя главное: история «знакомит нас с человеческими делами, ни в коей мере не скрывая самых тонких проявлений добродетели. И говоря по правде, я не знаю другого такого исследования или занятия, которое было бы столь же безупречно в данном отношении, как история». ²¹ Историк как бы стоит над обществом, он лично не заинтересован «в том, чтобы исказить свои суждения», и поэтому всегда представляет добродетель и порок «в истинном свете». Если даже человек в одном лице совмещает политика и историка (как, например, Макиавелли), то в его сочинении отчетливо различимы обе эти позиции, причем позиция историка, отражающая его «резкое негодование по поводу порока и <...> горячее одобрение добродетели», продиктована природой. ²² Здесь нельзя не вспомнить ту роль «правдолюбца», отнюдь не безопасную, которую принял на себя историограф Карамзин в отношениях с Александром I, в их царскосельских разговорах «с глазу на глаз». ²³

¹⁸ Там же. С. 625.

¹⁹ Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

²⁰ Ср.: письмо к П. А. Вяземскому (1796) г.: «...лучше читать Юма, Гельвеция, Мабли, нежели в томных элегиях жаловаться на холодность или непостоянство красавицу». Характерно, что путь Карамзина к окончательному выбору пролегал через философию: «...скоро бедная Муза моя или пойдет совсем в отставку, или <...> будет перекладывать в стихи Кантову Метафизику с Платоновой Республикою». — Русский архив. СПб., 1872. Стб. 1323—1327.

²¹ Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

²² Там же.

²³ Эйдельман Н. Последний летописец. М., 1983. С. 113—117.

Слова о врожденном чувстве добродетели, присущем историку, как и любому другому человеку, Юм подкрепляет стихами Горация из «Послания к Фуку Авицию»: «как бы яростно вы ни изгоняли природу, она все равно возвратится к вам». ²⁴ Эти особенно популярные в России в последней трети XVIII в. строки были также использованы в 1803 г. Карамзиным (но в переложении Лафонтена) для подтверждения того, что «нравственное чувство <...> так независимо от воли, что все убеждения, все твердые намерения перемениться нравом остаются без действия». ²⁵

В статье «Разсуждения философа, историка и гражданина» (1795), запечатлевшей во всей сложности искания будущего историка, ²⁶ Карамзин идет тем же логическим путем, что и Юм в эссе «Об изучении истории», к убеждению: только история и исторический опыт позволят обнаружить «малоизвестную стезю», которая и приведет к «храму истинной мудрости». ²⁷ Позиция историка так же беспристрастна: «Историк напоминает деяния <...> и умолкает». Воссозданная им в «картинах» история способна влиять на нравственность: «злодей трепещет его пера и нередко обращается на путь добродетели» ²⁸ — такова сила истории. Возникающая, возможно, более привычная ассоциация с «силой искусства» находит место в философском объяснении Юмом данного феномена: «Поэтическое описание может произвести более ошутимое действие на фантазию, чем исторический рассказ <...> Однако идеи, вызываемые им, *чувствуются* нами иначе, чем те, которые порождаются памятью и рассудком. Есть какая-то слабость, какое-то несовершенство в кажущейся пылкости мысли и чувства, сопровождающей фикции поэзий». ²⁹ В эссе «Об изучении истории», написанном в более публицистическом, нежели философском стиле, Юм предостерегает поэтов, способных «изображать добродетель в самых изысканных красках», но адресуящихся «исключительно к человеческим аффектам»,

²⁴ Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

²⁵ Карамзин Н. М. Чувствительный и холодный // Вестник Европы. 1803. Ч. 11 № 19. С. 207.

²⁶ Махогоненко Г. П. Николай Карамзин — писатель, критик, историк // Н. М. Карамзин. Сочинения: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 35—36.

²⁷ Карамзин Н. М. Разсуждения философа, историка и гражданина // Московские ведомости. 1795. № 97. С. 2836.

²⁸ Там же.

²⁹ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая: О познании. Т. 1. С. 226.

от опасности оказаться «адвокатами порока».³⁰ Поэт или «оратор» в «Разсуждениях философа, историка и гражданина» Карамзина также впадает в заблуждение на пути познания истины, «излишне надеясь на суетный блеск красноречия».³¹

Также безупречна позиция философа. «Философы любят запутывать самих себя своими тонкими спекуляциями», так что едва ощущают «различие между пороком и добродетелью»³² — вынужден признать Юм. Нетвердость философских понятий отмечает карамзинский историк: «Философ теряется в системах...»³³ В «Разсуждениях» отразился скепсис Карамзина в связи с пройденным для него этапом просветительского преклонения перед разумом и безграничными его возможностями, верой в то, что «ум есть фaros жизни человека».³⁴

Исследователь, поставивший себе цель реконструировать историографическую концепцию Карамзина, должен прежде всего обратить внимание на те историографические ориентиры, которые сам Карамзин обозначил в своем программном произведении — «Предисловии» к „Истории государства Российского“. В частности, обращает на себя внимание имеющееся в тексте «Предисловия» противопоставление историографии Мабли «новым успехам разума». Это противопоставление касается не только существа метода, которым оперирует историк, его способности объяснять прошлое, но и отражает процесс формирования карамзинских представлений об этом методе. «Мы, вопреки мнению Аббата Мабли — писал Карамзин, — не можем ныне витийствовать в Истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее...»³⁵ Таким образом, Карамзин отказывается от умозрительных, скомпрометированных в ходе Французской революции, просветительских идей естественного права и общественного договора, которые отстаивал Мабли и которыми он сам увлекался, читая в Париже его трактаты «Об изучении истории» и «О способе писать историю». «Витийство в истории», проникновение социальных учений в сферу историографии теперь Карамзин считает недопустимым. Более того, все, что не имеет отношения к собственно историческим «описаниям»,

³⁰ Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

³¹ Карамзин Н. М. Разсуждения философа, историка и гражданина.

³² Юм Д. Об изучении истории. Т. 1. С. 820.

³³ Карамзин Н. М. Разсуждения философа, историка и гражданина.

³⁴ Там же.

³⁵ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М.: «Наука», 1989. Т. 1. Предисловие, С. 18 (далее: Карамзин Н. М. Предисловие... с указанием страниц).

представляет сомнительную ценность, или в лучшем случае оказывается «весьма обыкновенными истинами».³⁶ Долг историка — «искусное повествование» — заключается прежде всего в «объяснении дел», способности историка указать на причинно-следственные связи в цепи исторических событий. Образцом такого историка для Карамзина, автора уже восьми томов русской истории, является «совершеннейший из новых», «благоразумный Юм, иногда весьма плодовитый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях».³⁷

Учению Юма о причинности, несмотря на присущие ему противоречия, отводится в истории философии исключительно важное место. Проблема причинности, древняя по своему происхождению, «нигде не выдвигалась на первый план так, как это мы встречаем у Юма»,³⁸ который поставил ее именно как философскую проблему.

Традиционному для XVIII в. «психологическому прагматизму» в трактовке хода исторических событий Юм дал философское (феноменологическое) обоснование, сведя все виды причинности к причинности психологической, духовной, существующей только как способ соединения перцепций в области психики. Соответственно сближаются такие науки, как гражданская история, этика, история религии и др., с психологией, наукой о духовных процессах. Явления прошлого рассматриваются историком преимущественно через восприятие исторических деятелей, следовательно они окрашены их эмоциями и влечениями. В этой сфере «эмоций и влечений» историк и должен искать причины исторических событий, что блестяще продемонстрировал Юм в своей «Истории Англии».

Нужно сказать, что исследователями замечено некоторое противоречие в позициях Юма-философа и Юма-историка.³⁹ Подвергая философскому сомнению наличие объективных каузальных связей, он, как историк, в то же время вынужден учитывать различные внешние факторы, под воздействием которых совершали поступки те или иные исторические деятели. Так, например, с учетом этих факторов им анализируется в «Истории Англии» битва при Денбаре⁴⁰ и ряд других событий.

«В истории, — писал Юм, — связь между разными событиями, объединяющая их в одно целое, есть отношение причины и следст-

³⁶ Там же. С. 19.

³⁷ Там же.

³⁸ Виноградов Н. Д. Философия Давида Юма. М., 1905. Ч. 1. С. 77.

³⁹ Нарский И. С. Давид Юм. М., 1973. С. 56—57.

⁴⁰ Юм Д. История Англии (извлечения). Т. 2. С. 830—831.

вия».⁴¹ Он рассматривает эту связь как результат усилий историка, который должен стремиться, чтобы события в его изложении «протекали в очень тесной связи друг с другом».⁴² Как можно более тесная связь событий — важное условие не только исторического сочинения, но и любого другого, ибо «таким образом сохраняется живой интерес (читателя. — Г. К.) и посредством близкой связи объектов он непрерывно возрастает от начала и до конца повествования».⁴³ Как видим, проблема причинности переносится Юмом в область психологии художественного восприятия. И такой подход не мог не интересовать Карамзина, профессионального литератора. Тем более что перед ним как историком возникли новые трудности, связанные, с одной стороны, с необходимостью воссоздания тесной связи событий, а с другой — с отсутствием достаточного количества исторических свидетельств. Юм следующим образом анализирует такого рода ситуацию: «В своем повествовании автор стремится коснуться каждого звена <...> цепи (исторических событий. — Г. К.). Иногда вследствие неосведомленности, которой ему не удается избежать, его старания остаются бесплодными. Иногда своими догадками он возмещает недостаток знаний и постоянно чувствует, что, чем неразрывнее эта цепь (событий. — Г. К.), которую он представляет своим читателям, тем совершеннее его произведение».⁴⁴ Нельзя не отметить в этой связи ту ноту долженствования, которую внес Карамзин в свое знаменитое высказывание: «Историк может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место».⁴⁵

Философская проблема причинности неразрывно связана в историографии с вопросом о форме исторического сочинения. Многие предшественники Карамзина (например, В. Н. Татищев) продолжали в своем творчестве придерживаться анналистической формы изложения исторического материала. Хотя в целом в историографии XVIII в. вполне утвердилось мнение о необходимости разделения летописного и проблемного подходов к «истории». Слова Карамзина: «Историк не летописец: последний смотрит единственно на

⁴¹ Примечание Д. Юма из третьей главы «Исследования о человеческом познании» // *Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика*. М., 1973. С. 340 (далее: Юм Д. Примечание... с указанием страниц).

⁴² Там же. С. 338.

⁴³ Там же. С. 338—339.

⁴⁴ Там же. С. 335.

⁴⁵ Карамзин Н. М. Предисловие. С. 20. Ср. у Юма: «...как бы историки не ошибались в своих суждениях относительно тех или иных отдельных лиц, они всегда оставались «истинными друзьями добродетели и всегда представляли ее в истинном свете». (Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

основанием назвать крылатыми, они как бы суммировали в себе усилия его предшественников, подводя черту их многолетнему поиску.

То, что Карамзин не мог не учитывать традиций русской историографии XVIII в., не вызывает сомнения. В то же время наблюдения над повествовательным стилем «Истории государства Российского» дают основание говорить и о разнообразных европейских гуманитарных влияниях на Карамзина, включая творчество Д. Юма.⁴⁷

Ближайшим предшественником Карамзина в работе над русской историей справедливо признается историк М. М. Щербатов. Его «История Российская» была первым крупным трудом, в котором автор отошел от формы летописного свода, «смело нарушая хронологическую последовательность летописных источников, прерывая бессистемность расположения известий своими исследовательскими соображениями».⁴⁸ Исследователями отмечалось, что Карамзин следовал Щербатову не только в выборе источников, но и в «системе изложения».⁴⁹ В подобного рода наблюдениях много верного, но все же ряд положений на тему «Щербатов и Карамзин» остаются спорными, некоторые — недостаточно изученными. Так, например, не уделено внимания тому факту, что методология обоих историков соотнесена с позицией Д. Юма.

В Предисловии к «Истории Российской» Щербатов, выражая уверенность в том, что «Россия просвещением своим равняется со всеми европейскими государствами»,⁵⁰ посчитал уместным предложить читателям, вместо собственных рассуждений об историческом методе, отрывок из «Трудов господина Гюма о связи воображений». Отрывок этот взят из примечания к главе «Об ассоциации идей» ранее на русском языке не публиковавшегося «Исследования о человеческом познании» Д. Юма.⁵¹ Это обширное примечание (по сути — самостоятельное произведение) содержит рассуждения философа о значении причинно-следственной связи в «истории», по

⁴⁷ Лузянина А Н Указ соч С 162

⁴⁸ Пештич С А Русская историография XVIII века А, 1971 Ч 3 С 36

⁴⁹ См., например Каченовский М Т [Рец на «Историю государства Российского» Том XII] // Вестник Европы М, 1829 № 17 С 10, Соловьев С М Н М Карамзин и его «История государства Российского» // Собр соч СПб изд «Общественная польза», [6 г] Стб 1501, Миллюков П Н Главные течения русской мысли М 1898 Т 1 С 160, 163, Пештич С А Указ соч С 15, примеч 56

⁵⁰ Щербатов М М История Российская СПб, 1794 Предисловие, с XV—XVI

⁵¹ Опубл Примечание Д Юма из третьей главы «Исследования о человеческом познании» // Хатчесон Ф, Юм Д, Смит А Эстетика М, 1973 С 334—342 Отрывок, цитируемый Щербатовым — с 335—336

лософа о значении причинно-следственной связи в «истории», по выражению Щербатова — «науке притчин».⁵² Стремление Щербатова (может быть, не всегда удачно осуществленное)⁵³ следовать этой «науке», представлять исторические явления в виде непрерывной цепи причин и следствий, реально сближало позиции двух русских историков. В 1811 г. записку «О древней и новой России» Карамзин начинает словами: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее». Карамзин, не вдаваясь в рассуждения, передает суть своего понимания проблемы причинности, близко следуя логике рассуждений Юма.⁵⁴

Отношение Карамзина к Юму даже в рамках одного «Предисловия» оказывается намного сложнее того явного противостояния, которое бросается в глаза при первом рассмотрении: «национальный бытописатель» Карамзин и «холодный», «беспристрастный» Юм. Карамзин, как и много лет назад, признавая Юма, «совершеннейшим из Новых», в то же время не мог мириться с его индифферентностью национальной идее.

Свою концепцию создания национальной истории Карамзин, оставаясь в сущности, под глубоким впечатлением методологии истории Юма, тем не менее строит на открытом несогласии с его национальным индифферентизмом и на скрытой полемике с теми положениями, которые сам ранее разделял. Карамзинская национальная идея требовала от историка уважения ко всем без исключения историческим материалам и фактам русской истории, что само по себе выходило за рамки прагматической историографии. Для реализации этого условия Карамзин в своей «Истории» прибегнул к созданию фактически второго, «параллельного изложения русской истории»⁵⁵ — Примечаний. Это полностью противоречило тому, что раньше, в «Письмах русского путешественника», он утверждал со ссылкой на Юма: «Родословная князей, их ссоры, междоусобие, набеги Половцев, не очень любопытны <...>, но зачем наполнять ими целые тома? Что не важно, то сократить, как сделал Юм в Английской истории».⁵⁶ Не только опыт Юма в английской истории, но и

⁵² Щербатов М. М. Указ. соч. С. XVI.

⁵³ Пештич С. А. Указ. соч. С. 16—17

⁵⁴ Характерна, в духе Юма, конечная цель данной формулы — читательское восприятие.

⁵⁵ Лотман Ю. М. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина // Пушкин и его современники. Псков. 1979. С. 110

⁵⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 252—253.

его высказывания на эту тему в философских сочинениях способны были повлиять на такой подход Карамзина к написанию истории.

В эссе «О красноречии» Юм, например, замечает: «...в политической истории наблюдается значительно больше однообразия, чем в истории просвещения и наук; войны, дипломатические переговоры и политики одного века напоминают войны, переговоры и политику другого века больше, нежели вкусы, остроумие и философские принципы». ⁵⁷ Он неоднократно в разных сочинениях повторяет мысль о том, что однообразие и незначительность фактов в истории утомительны, восприятие их эмоционально бесцветно. В «Исследовании о принципах морали» Юм прибегает к конкретным примерам: «Фукидид и Гвиччардини с трудом привлекают наше внимание, когда первый описывает повседневные стычки маленьких греческих городов, а последний — безобидные военные действия Пизы. Этим интересуются немногие, а незначительный интерес не захватывает воображения и не возбуждает участия». ⁵⁸ Он рекомендует историкам изображать «крупные невзгоды», важные события, имеющие важные последствия и т. д. — «вот это возбуждает сострадание, вызывает ужас и беспокойство». ⁵⁹

В Предисловии к «Истории государства Российского» Карамзин как бы продолжает начатую в «Письмах» тему: «как писать русскую историю». Характерна при этом сама форма выражения. Сначала Карамзин как бы подтверждает все то, что было сказано им ранее в «Письмах»: «Знаю, что битвы нашего Удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для Прагматика, ни красотою для живописца...» — и в заключение дает своего рода апофеизму: «История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир». ⁶⁰ Употребление слова «приятно», чрезвычайно значимого для Юма, выдает, может быть, бессознательное ему оппонирование.

Характерные черты сенсуалистской гносеологии Юма заметны на протяжении всего «Предисловия». Лексика Карамзина наполнена глаголами чувствования: историю «любят», она доставляет «удовольствие», ⁶¹ позволяет «наслаждаться прекрасными описаниями», история «приятна», «любезна», история, в конце концов, «утомительна».

⁵⁷ Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М., 1973. С. 361.

⁵⁸ Юм Д. Сочинения: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 265.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Карамзин Н. М. Предисловие. С. 16—17.

⁶¹ Только понятие «удовольствие» различной степени («полное удовольствие», «истинное удовольствие») применено на страницах «Предисловия» 6 раз.

Возвращаясь к методологии Карамзина и, в частности, к вопросу об отборе исторических материалов и сюжетов для русской «истории», имеет смысл вновь обратить внимание на форму его рассуждений. Аргументация Карамзина, изложенная в сослагательной форме, уже несущей в себе ответную реакцию на предложение, явно подразумевает адресата в лице Юма и его рекомендации историкам: «Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной картине и начать обстоятельное повествование с Иоаннова времени <...> когда совершилось одно из величайших творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для Автора, утомительных для Читателя». Но этого недостаточно: «...мы должны сами видеть действия и действующих: тогда знаем историю».⁶²

Важно отметить, что здесь впервые Карамзин вынужден признать, что история бывает «утомительна» для читателя. Он принимает юмовскую трактовку эмоционального восприятия «истории», но с оговоркой: «...чтение всех Историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием».⁶³

Наряду с этим высказыванием в Предисловии в большей степени присутствуют утверждения типа: «история доставляет удовольствие для сердца и разума», т. е. предполагающие несколько иной тип читательского восприятия, а именно тот, который анализирует Юм. Очевидно, что для разрешения возникшего в этой связи противоречия (удовольствие или утомление?), Карамзину нужны убедительные мотивы. Ведь для него, профессионального писателя, бесспорным знанием является то, что пишет Юм по поводу психологии художественного восприятия: «...читатель должен испытывать сильное утомление и неприятное чувство от повторяющегося воздействия одних и тех же действий».⁶⁴ Однако задачи национальной историографии, требующей уважения ко всем без исключения событиям истории, противоречили этому правилу. Решение, найденное Карамзиным, подчинено его концепции русской истории как истории государственности, которая включает в себя и такую категорию как «государственная нравственность». Призывая читателей русской истории «вооружиться терпением», уверяя, что в конце концов их терпение вознаградится «удовольствием», Карамзин ап-

⁶² Карамзин Н. М. Предисловие. С. 16—17.

⁶³ Там же. С. 16.

⁶⁴ Примечание Д. Юма из третьей главы «Исследования о человеческом познании» // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М., 1973. С. 340.

пелирует к чувству патриотизма и «правилам государственной нравственности»,⁶⁵ ставя их как бы над юмовским «открытием в этике». ⁶⁶ После 1812 г. патриотические чувства в русском обществе, действительно, достигали высокого накала. Карамзин, как и многие тогда, испытав жар патриотических чувств, мог воочию убедиться в том, что в сфере национального самосознания реализуются сильнейшие положительные эмоции: «Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона»,⁶⁷ «Картины» русской истории даже «в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце». ⁶⁸

В рассуждениях Юма на ту же тему «картины», способные заставить наши сердца биться «в унисон с сердцами тех людей», жизнь которых описывается историком»,⁶⁹ принадлежат всемирной истории. Карамзин оспаривает юмовский принцип всеобщности нравственно-исторических ценностей, указывая на несоблюдение этого принципа самим Юмом в его «Истории Англии». Юм, «охладивший свое изящное творение»: излишним «бестрастием»,⁷⁰ непоследователен, считает Карамзин, когда речь заходит о его родной Шотландии. «Только тогда рассказ Юма становится теплее, когда он передает нам о шотландских междоусобиях; но именно тогда-то он становится пристрастным к Шотландии и обнаруживает свой провинциальный патриотизм. А пристрастие к Шотландии в сочинении, которое называется „История Англии“, становится чем-то иным»⁷¹.

Это рассуждение — «о том, как должно писать национальную историю» и «о Юме», записанное в 1824 г. Буссе,⁷² по свидетельству А. И. Тургенева, не раз слышавшего от Карамзина подобные высказывания, не только сохранило точно «весь смысл слов» историко-

⁶⁵ Карамзин Н. М. Предисловие. С. 17.

⁶⁶ См. выше, с. 000.

⁶⁷ Карамзин Н. М. Предисловие. С. 14.

⁶⁸ Там же. С. 15.

⁶⁹ Юм Д. Исследование о принципах морали. Т. 2. С. 265.

⁷⁰ Карамзин Н. М. Предисловие. С. 19.

⁷¹ Николай Михайлович Карамзин у графа Н. П. Румянцева в 1824 г. // Русская старина. СПб., 1890. Т. 67. С. 453—454.

⁷² По предположению издателя этих записок А. Н. Майкова, «Буссе [Busse Carl Heinrich von. — Г. К.], вероятно, тот самый, который еще в 1819 г. издал в Лейпциге книгу: „Fürst Wladimir, und dessen Tafelrunde. Altrussische Heldenlieder“ (Русская старина. СПб., 1890. Т. 67. С. 449).

графа, но и «жар души».⁷³ Так что считать оговоркой то, что Карамзин говорит здесь о «шотландских междоусобиях», событиях, по теории Юма, малоинтересных и необязательных в историческом повествовании, и об особом пристрастии к ним Юма, видимо, будет неверно.

В своей историографической концепции, наиболее полно выраженной в Предисловии к «Истории государства Российского», Карамзин не мог, конечно, избежать повторения всего комплекса представлений и образов предшествующей ему русской (и даже глубже — славянской)⁷⁴ историографии. Но принадлежали эти представления теперь иной логико-стилистической системе, ориентированной на гуманитарные ценности нового исторического витка, последовавшего за потрясениями французской революции и разочарованием в идеалах Просвещения.

По намеченным самим Карамзиным в тексте Предисловия ориентирам выявляется схема его отношения к идеям шотландского философа Д. Юма. Помимо прямых указаний на авторитет Юма, отголоски его философии и методологии истории обнаруживаются в суждениях Карамзина о значении истории, о ее этическом и эстетическом смыслах, о методе работы историка и форме исторического сочинения. В самой структуре текста Предисловия идеям Юма принадлежит важная конструктивная роль. Они являются своеобразной системой координат, относительно которых Карамзин строит свою собственную методологию национальной истории.

⁷³ Там же. С. 449.

⁷⁴ Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963. С. 43 и др.

С. И. НИКОЛАЕВ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭСТЕТИКИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Самосознание писателя, его статус в общественном сознании — одна из важнейших проблем всего XVIII в. Самый решительный шаг от средневекового книжника (прежде всего — монаха) к типу писателя нового времени был сделан в Петровскую эпоху. Именно тогда «писатель, сочиняющий по обету или внутреннему убеждению, сменяется грамотеем, пишущим по заказу или прямо по указу».¹ Следствием явилось то, что «писатель стал частным человеком, частный человек стал писателем».² Эта своего рода реформа Петра I, указом, конечно, не оформленная, была, как и многие его культурные действия, более декларацией, чем реальностью, и преследовала цели более практические,³ чем эстетические. Но, опять-таки, как в других случаях, Петр прозорливо угадал направление уже идущего процесса и дал ему сильный толчок.

Превращение писателя в частное лицо — это характеристика перехода от корпоративного средневекового сознания к индивидуальности нового времени с точки зрения социологии литературы. В каких внутри-литературных формах и как это проявлялось? Рост авторского самосознания, его качественное изменение проявились и в новом отношении к другому писателю (вернее, появлению самой проблемы другого писателя).⁴ Примечательно, что при этом форми-

¹ Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 125.

² Там же.

³ См.: там же. С. 123—124.

⁴ См.: Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976. С. 147; Николаев С. И. «Зои́л в российских граде́х»: (От Симеона Полоцкого

рование новой концепции писателя, сменявшей анонимность как эстетическое явление,⁵ шло быстрее, чем изменение эстетики единичного текста. Это можно проследить на материале, причем для большей наглядности начать несколько ранее, с книжной поэзии 70-х гг.

Традиционная компиляция оказалась вполне уместной не в анонимных, а именно в авторских произведениях силлабической поэзии. Инок Авраамий — духовный сын протопопа Аввакума, старообрядческий писатель — своему полемическому сборнику «Христианопасный щит веры» (1667—1669) предпослал два стихотворных предисловия. Первое — повторение предисловия в стихах к «Книге о вере» (М., 1648), второе — отчасти переработанное стихотворение из «Кирилловой книги» (М., 1644).⁶ Евфимий Чудовский (ум. 1705), принадлежавший совсем к другой литературной школе, составляя подборку собственных стихотворений, включил в нее «Подписание на колокол» Симеона Полоцкого из «Вертограда многоцветного».⁷ В 1701 г. появилась лубочная картинка «Распятие» со стихотворными подписями «виршеписца» Ионна Никитина, между тем эти стихи, иногда безо всяких перемен, заимствованы из стихотворений к Библии Николая Пискатора, переведенных Мардарием Хониковым в 1679 г.⁸

Щедрой рукой черпал Сильвестр Медведев из наследия своего учителя Симеона Полоцкого. В сочинении «Манна хлеба животного» он поместил стихотворение, из 32 строк которого 26 принадлежат Симеону.⁹ В 1682 г. Сильвестр написал «Приветство брачное» на бракосочетание царя Федора Алексеевича, многие стихи в нем — незначительная переделка или прямые заимствования из «Вертограда многоцветного» и «Рифмологиона» Симеона Полоцкого.¹⁰ Вполне естественно, что Сильвестр без смущения «поправлял» текс-

до А. Кантемира) // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 17—27.

⁵ См.: Лихачев Д. С. Художественные особенности русской средневековой литературы // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 10—12.

⁶ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 98—100.

⁷ См.: Сазонова Л. И. Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в. // ТОДРА. Л., 1990. Т. 44. С. 303, 322.

⁸ См.: Соколов М. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой Библии Пискатора. М., 1895. С. 17—18.

⁹ См.: Сазонова Л. И. Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в. С. 303.

¹⁰ См.: Дурново Н. Н. «Приветство брачное» Сильвестра Медведева. СПб., 1904. С. 24—42. Много примеров «миграции текстов» приведено в кн.: Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1991. С. 63—74, 232—234.

ты своего учителя: он правил и язык, и стиль, и стих. Так, в «Вертограде многоцветном» в 135 стихотворениях Сильвестр сделал 160 исправлений.¹¹ Точно так же отнесся к текстам своего предшественника уже в начале XVIII в. И. В. Паузе, правивший русские стихотворения пастора Глюка.¹²

В переводной поэзии, казалось бы, естественно ожидать выделения «чужого» слова, и так было во многих случаях. Однако Ян Андрей Белобоцкий при переводе с польского компилятивной поэмы «Пентатеугум» не только всю поэму, но и каждую часть поместил как «творение Андрея Бялобоцкого».¹³

В этих примерах, а их число можно умножить за счет прозаических сочинений, нельзя усматривать простодушный плагиат или желание кого-то обмануть. Все это вполне старорусское отношение к тексту, который как бы и не может принадлежать конкретному тленному человеку. Как простое заимствование, так и заимствование с переделками — это типичные «нестилизационные подражания»,¹⁴ не несущие какой-либо художественной функции. Складывалось неразрешимое противоречие: настойчивое подчеркивание внешней стороны авторства (имя в заглавии, в акrostихе, в посвящении) без глубокого внутреннего изменения статуса автора и художественного текста.

Представление об оригинальности, конечно, еще не стало конститутивным признаком творчества. Более того, авторы рубежа веков и не стремились к ней. «Состави сия, и то не от себе, но что инде читах», — писал Димитрий Ростовский в 1683 г.¹⁵ Подобное «высвечивание» структуры произведения — не редкость. В 1709 г. Иоанн Максимович в предисловии к книге «Осм блаженства евангелские» заверял читателя:

Не туне писася,
От многих собрася.¹⁶

Стихотворцы конца XVII в., последователи и наследники Симео-

¹¹ См.: *Сазонова А. И.* Сильвестр Медведев — редактор Симеона Полоцкого («Вертоград многоцветный») // *Теория и история литературы.* Киев, 1985. С. 87—96.

¹² См.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. С. 125—134.

¹³ См.: *Русская syllабическая поэзия XVII—XVIII вв.* Л., 1970. С. 218—248.

¹⁴ См.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979. С. 184—207.

¹⁵ *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 69.

¹⁶ Там же. С. 206.

на Полоцкого, забыли ведущий мотив просветительской деятельности первого придворного поэта — состязательность, «ревность». Мотив культурного состязания¹⁷ Симеон неоднократно подчеркивал, например в предисловиях к «Псалтири рифмотворной»:

аз поревновах, тщахся тож творити

Поревновах убо, да и на нашем языке славенстем <...> обретается.

Ревнуня убо, тщахся написати
нашим славенским (языком. — С. Н.)¹⁸.

Пафос «ревности» Симеона Полоцкого в конце XVII в. утратил прелесть и актуальность новизны, а отказ следующих за ним силлабиков от «вымысла», «изобретения» («состави... не от себе») в конечном счете привел только к количественному приращению текстов. Именно таково все творчество Ионна Максимовича (1651–1715), чье поэтическое наследие исчисляется десятками тысяч строк. Уже при жизни его стихи стали вызывать ту реакцию, какую позднее вызывала графомания. В августе 1707 г. Иоанн Максимович издал огромный стихотворный том «Богородице дево». Весь сборник — сплошное «расширение» или «умножение слов», именно так сам автор формулировал свое понимание творчества. Причем это было «умножение» чужих слов — «не от своих бо даю», «не зри приносимого, но приносимое».¹⁹ В послесловии Иоанн Максимович называет среди источников и «Руно орошенное» Димитрия Ростовского:

Сложись им прежде книга Руно орошенно,
Чудес, бесед, прилогов полезных сполненно,
И нравоучении в честь всеми преславимой
Присно девы Марии повсюду блажимой,
Яже в Чернегове на горе Болдине
В иконе своей здревае действует до ныне.
От сего и мы руна слоги воместихом,
Деять с нравоученми чудес зде вложихом.²⁰

Максимович берет текст Димитрия и просто рифмует его — ср.: «Во царство пресветлаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белая России самодерж-

¹⁷ См.: Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 162–166.

¹⁸ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л., 1953. С. 211, 213, 216.

¹⁹ Иоанн Максимович. Богородице дево. Чернигов, 1707. Л. 14 об.

²⁰ Там же. Л. 1 об. (второй фолиации).

ца, содержащу престол архиерейства в Чернегове преосвященному господину отцу Лазару Барановичу православному...»²¹

В лета монархи пресветла избранна,
Трема от Бога венцы увенчанна
Благополучной царствия державы
Сугубой главы,
Величайшаго князя Алексия
Михайловича, всей земли роския
И многих земель царств самодержавна,
В брани преславна.
Пастыру тогда северскаго града
Черниговска и Новгородска града,
Архиерейства престол содержащу,
Добре правящу
Лазару, другу божию реченну
Барановичу, агнуу всемирненну,
Восточной церкви правоверну сыну
В духовном чину²² и т. д.

Каждое чудо Димитрий Ростовский заключает нравоучением: «Образ пречистыя девы плакаше почто? Да ты, челове, сый образ Божий, навикнеши не смеяться. Горе смеющимся! Мир сей есть удолю плачевный, то како в нем смеяться? ... Любительница Христова в Песнех песней, написуя вся уды любимаго и уподобляя главу злату, ланиты фиалом аромат, устне кринам, каплющи змиру, очесах глаголет: очи его яко голубине на исполнение вод».²³

А вот то же «Нравоучение» в переложении Максимовича:

Богородици образ коей вины
Плакал? Челове, ты образ святыны
Божой, да в жизни навикнеш рыдати,
Не бесовскому смеху работати.
Смеющим бо ся в времени сем горе!
Мир сей удоли плачевной есть море.
.....
Любительница Христова си труды
Во Песнех песней любимаго уды
Вся написуя и главу все злату

²¹ Димитрий Ростовский. Руно орошенное. Чернигов, 1702. Л. 1—1 об.

²² Иоанн Максимович. Богородице дево. Л. 18 об.

²³ Димитрий Ростовский. Руно орошенное. Л. 3.

Уподобляя, в разуме богату,
Фиялом миров ланиты прекрасны,
Каплющим кринам змирну устне ясны.
Очеса (рече) яко голубине,
Любят по водной пастися глубине.²⁴

И таким образом зарифмованы все «чудеса» и «нравоучения» «Руна орошенного». Через полгода Димитрий Ростовский в раздражении писал Стефану Яворскому: «Книга стихов печатных прислана мне; Бог дал тем виршеписателям типографию, и охоту, и деньги, и свободное житие. Мало кому потребные вещи в свет происходят».²⁵ В этом отзыве слышна не только личная заинтересованность. Силлабическая поэзия стала превращаться в производство слов,²⁶ достигавшее апогея, и замыкалась сама на себя, исчерпав гносеологическую функцию. Одним из следствий осознания этой тупиковой ситуации было то, что самые талантливые из младших силлабиков перестали писать стихи.²⁷ Действительно, все поэтическое наследие Феофана Прокоповича, Стефана Яворского и Димитрия Ростовского (без драматических сочинений), вместе взятое, меньше предисловия и посвящения Максимовича к «Богородице дево», насчитывающих около 1100 строк.

Совершенно новое понимание сущности поэзии, в том числе поэтического вымысла,²⁸ дал Феофан Прокопович в своей «Поэтике» (1705).²⁹ В 1 книге, посвященной, в частности, разным стилистическим упражнениям, встречается и такой вид упражнения: «прозаическую речь другого переложить в стихи» (С. 353). Это, по сути, приговор художественной практике Иоанна Максимовича, творчество которого, в соответствии с мыслью Феофана, выглядит не более чем школьными упражнениями. Феофан дает и новую концепцию отношения к чужому тексту, которую излагает в главе о подражании (С. 381—385), под которым в данном случае понимается «не то подражание, которое называется подражанием человеческим действиям путем вымысла и является тождественным с поэтичес-

²⁴ Иоанн Максимович. Богородице дево. Л. 19, 19 об.

²⁵ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. С. 150.

²⁶ См.: Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. С. 183—191.

²⁷ Причин такой литературной позиции силлабиков было несколько, и они нуждаются в отдельном рассмотрении.

²⁸ См.: Смирнов А. Проблемы подражания и вымысла в поэтике русского классицизма // Филол. науки. 1967. № 6. С. 16—28.

²⁹ См.: Феофан Прокопович. Соч. М.; Л., 1961 (далее ссылки даются в тексте с указанием страницы).

ким вымыслом, ... но прилежное занятие чтением авторов, с помощью чего мы стараемся уподобиться какому-либо выдающемуся поэту» (С. 381), причем Феофан предостерегает от чрезмерного заимствования, ведущего к плагиату.

Концепция Феофана была ориентирована на мощную европейскую традицию подражания литературным образцам.³⁰ Феофан и сам дал образцы такого творческого подражания. Один пример показателен, поскольку показывает разницу между упражнением и собственно подражанием. В «Поэтике» он рекомендует для упражнения «передать произведение какого-нибудь писателя другим размером или на другом языке» (С. 353) и предлагает польский (С. 245) и славянский (С. 494) переводы фрагмента из «Скорбных элегий» Овидия:

Ко первому от моря реки пойдут току,
Но и солнце возвратит бег свой ко востоку,
На земли узрим звезды, горе пауг ходящий,
Вода огонь, а огонь воду источит горящий.
Вся законам естества причинят тревогу,
Ни едина тварь свою удержит дорогу.
Вся собудутся, яже удобия меру
Превосходят и нужно всему дати веру.
Сих аз чаю, ибо той плетет на мя сети,
В нем же чаях прискорбный отраду имети.³¹

Кроме точного перевода³² в наследии Феофана есть и подражание этим стихам, их парафразой он начинает переложение 72 псалма:

Аще из земли престанут реки
Истекати
И начнут моря брег свой великий
Преступати,
А падше небо землю покриет
Всю звездами,

³⁰ Подражанию образцам посвящена большая литература, см., например: *White H. O. Plagiarism and imitation during the english renaissance.* Cambridge, 1935; *Otwinowska B. Imitacja // Problemy literatury staropolskiej.* Wrocław, 1973. Ser. 2. S. 381—458.

³¹ Этот фрагмент встречается в других поэтиках XVIII в., см.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie.* Wrocław, 1972. S. 184—185.

³² Ср.: *Овидий. Скорбные элегии; Письма с Понта.* М., 1978. С. 17.

После Феофана подражание стало подразумеваться как нечто естественное и ожидаемое, стихотворные цитаты и поэтические образцы стали искать. Так И. В. Паузе еще при жизни Феофана Прокоповича переписал его стихотворение «Кто крепок на Бога упова...» и пытался установить латинские источники: на полях им оставлены пометы (в частности назван Гораций), приведены латинские параллели к отдельным выражениям.³⁴ Позднее к этому стихотворению подбирались цитаты и из псалмов, и из Горация.³⁵ Впрочем, одно не исключает другого для поэтики той поры: Феофан вставил цитату из Овидия в псалом, а А. Д. Кантемир в примечании к одному из стихотворений высказался определенно: «Основание сей песни взято из Евангелия и из Горация. Чудно, сколь меж собою Спаситель и римский стихотворец согласуются».³⁶ Сам Кантемир неизменно отмечал тех поэтов, которых он «имитовал», и приводил соответствующие фрагменты из произведений латинских авторов (или Буало);³⁷ при желании подчеркнуть оригинальность своего сочинения, напротив, мог указать: «Можно сказать, что сатира сия ни с чего не имитована, но есть выдумка нашего автора».³⁸ Одной из причин, по которой Кантемир давал подробные сведения о своих источниках, было опасение перед зоилами: «Завистливые люди... скажут, что я окрал старых и новых творцов и только что их стихи с одного языка на другой перекалал, ... но если кто те места, у них взятые, сличит с первоначальником, легко узнает, что не голо они переведены».³⁹ Из этих слов можно логически заключить, а у Кантемира есть и другие аналогичные высказывания, что «завистливые люди» не выдумка автора, т. е. вопросы плагиата и подражания были предметом обсуждений в литературном кругу.

Отношение к своему и к чужому тексту — это две стороны

³³ Русская литература — век XVIII: Лирика. М., 1990. С. 31.

³⁴ См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3. С. 257.

³⁵ См.: Берков П. Н. Одно из первых применений эзоповского языка в России: (латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1727 г.) // Проблемы теории и истории литературы. М., 1971. С. 74—82; Морозова Г. В. Гораций в литературной теории и практике Феофана Прокоповича // Проблемы поэтики. Алма-Ата, 1980. С. 181—183.

³⁶ Кантемир А. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 204.

³⁷ См.: там же. С. 65, 79, 81, 82, 85, 110 и др.

³⁸ Там же. С. 503.

³⁹ Там же. С. 220.

одного вопроса литературной собственности. Выше шла речь о чужом тексте, прямых же высказываний об отношении к своему труду почти нет. Одно из ранних и косвенных относится к 1684 г. Безымянный автор сборника проповедей «Статир» говорит в предисловии, что он внимательно изучал сочинения Кирилла Транквилиона, и тут же оговаривается: «Но не подумай, христоробивый и друголюбивый читатель, прелюбезный господин мой, что я сделал это (написал свою книгу) из тщеславия, что чужой труд себе присваиваю и чужим разумом желаю показать себя разумным».⁴⁰ Более определенно можно говорить о формировании профессиональной этики переводчика в первой четверти XVIII в., судя по высказываниям Феофана Прокоповича («Не было бы то преводити, но свое новое нечто писати»)⁴¹ или Гавриила Бужинского («Возмнят мя иннии книгу себе и своему сложению присвояти»,⁴² «да не ... явимся чуждые труды (яко же мнози творят) себе присвояти и чуждою славою ... себе прославляти и величати»)⁴³

Определенные сведения об авторской собственности можно извлечь из несколько неожиданного на первый взгляд материала — из дарственных надписей. Авторская надпись на книге XIX—XX вв. стала типичной чертой литературного быта, и в ней почти не ощущается отношение автора к своему труду. Между тем в древнерусской книжной культуре авторская надпись на книге невозможна, самый характер древнерусской концепции творчества и отношения писателя к книге исключает такую надпись. Действительно, авторская надпись — вполне недвусмысленный признак авторской собственности и подразумевает определенную индивидуальную волю. Первоначальной формой авторской надписи во второй половине XVII в. стало посвящение, на долгое время ставшее общепринятой формой обращения писателя к Меценату (царю, патриарху, боярам). Число таких посвящений в литературе рубежа XVII—XVIII вв. очень велико, и они заслуживают отдельного внимательного рассмотрения с точки зрения формирования новых отношений в литературной культуре: кроме благочестивого, а затем благоразумного и просвещенного читателя в этих отношениях возникают Меценат и Зоил. Индивидуализируется и автор, который предлагает и дарит свой собственный труд.

Первые посвящения-подношения весьма обширны, как, напри-

⁴⁰ Яхонтов И. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883. С. 9.

⁴¹ ГПБ, Ф. II. 67. Л. 3 об.

⁴² Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфа. СПб., 1718. С. 8.

⁴³ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 330.

мер, Яна Андрея Белобоцкого, который около 1685 г. перевел с польского языка трактат Фомы Кемпийского «О последовании Христу» и «смиренно поднес» первую книгу перевода «госпоже игуменнии Новодевичя монастыря» Антониде Даниловне, а вторую книгу — «госпоже наместнице» того же монастыря Анастасии Федоровне.⁴⁴ Особенно выразительны дарственные Кариона Истомина. В 1693 г. он поднес Наталье Кирилловне свой рукописный букварь с обширным посвящением, а несколько месяцев спустя еще один рукописный экземпляр он поднес царице Прасковье Федоровне опять с большим посвящением, причем по конкретному поводу: «В возновлении памяти рождения и именованя светлости твоея... всеусердно поздравляю».⁴⁵ В следующем 1694 г. вышло цельногравированное издание Букваря с печатным текстом дарственной надписи. Сохранились экземпляры (в частности, в БАН) с двумя дополнительными листами. Первый добавочный лист начинается словами: «Блаженнейший отче и господине мой пречестнейший (далее пропуск. — С. Н.) во Господе Бозе здравствуй и радуйся». Довольно длинный текст завершается словами: «Аз же, меньшій, за твое господское ко мне приятство и любезное во Христе Бозе благодеяние всегда Господу Богу благодарен попремногу и тебе, государю моему, во благовременстве зде на премногая лета пребывания и получения в пресветлых небесех присносущныя некончаемья радости со всеми святыми приискренно желаю. Твоего благословения и молитв всегда требующий» — далее предполагается уже подпись от руки. Это печатная дарственная духовному лицу.

Второй добавочный лист обращен к светскому лицу: «Благодетель мой приятнейший и милостивый господин (пропуск. — С. Н.) во Господе Бозе многолетно здравствуй и радуйся». Текст дарственной занимает почти весь лист и завершается словами: «Сего всего и аз приискренно твоей милости желаю. Веселюся же слышав, аще ты, мой благодетель, здравствуеши в благопоспешении и всегда таковаго слышания требую. Милости твоя искатель и всегдашний тебе работник». Дальше опять можно предположить подпись Кариона, известную по его «Книжицам», поднесенным Петру I, например, в «Книге любви знак в честен брак».⁴⁶

К началу XVIII в. получение печатной книги в дар от автора все больше входило в литературный быт. Были и дарители-иностранцы. В 1696 г. в Оксфорде вышла «Русская грамматика» Лудольфа, и он

⁴⁴ Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2, ч. 3. С. 206.

⁴⁵ *Тарабрин И.* Лицевой Букварь Кариона Истомина. М., 1916. С. 4, 5, 7—8.

⁴⁶ См.: *Карион Истомин.* Книга любви знак в честен брак. М., 1989. С. 105.

выслал ее московским знакомцам. Петр Коег в мае 1697 г. писал Лудольфу, «что книги твоего труда до меня дошли, и я их нареченным приятелем роздал, которые с великим благодарением их приняли и вместо драгоценного дара их держат». ⁴⁷ Священник Иван Поборский в феврале 1698 г. писал ему же: «Твоего прилежания христианского и ревности по Бозе действие познал есмь из книжицы твоя, ко мне присланной, которую прочет обретох в ней ничто же стропотно, ни развращенно... на грамматице же челом бью». ⁴⁸

Такие же письма писал и новгородский митрополит Иов уже русским авторам в первые годы нового столетия: Димитрию Ростовскому — за очередной том житий, Иоанну Максимовичу — за присланные книги, которые он принял «якоже корабли индийские, наполненные тмишными благами и бисеры многоценными, различным индийским камением и адамантами сияющими». ⁴⁹ Особенно любопытно его письмо Стефану Яворскому, очевидно 1704 г.: «Радостию велиею возрадовахся и Богу благодарныя воспех хвалы — дражайшее твое, еже тщательным трудом твоим новосочиненную душеспасительную честную книжицу «Знамения кончины века» прием дарование, ту же купно и надписание святыя ти десницы облобызах от сердца». ⁵⁰ «Надписание», надо полагать, и есть авторская надпись.

От этих лет сохранилось два инскрипта. Упоминавшийся Иоанн Максимович надписал свою книгу «Алфавит духовный» (1705) Филофею Лещинскому: «Ясне в Богу преосвященному его милости господину отцу Филофею Лещинскому митрополиту сиберскому» (ГПБ). В том же 1705 г. Димитрию Ростовскому был поднесен незадолго до этого вышедший «Лексикон трезязычный» Федора Поликарпова с надписью: «Великому государю преосвященнейшему митрополиту ростовскому и ярославскому Димитрию» (БАН); на титульном листе этого экземпляра сделана еще одна надпись: «Издание Федора Поликарпова московския типографии справщика, 1704 лета».

Таким образом, даже из немногих известных примеров видно, как буквально за несколько лет развился тип дарственной авторской надписи на книге. Еще долгое время надписи на книгах сохраняли характер и психологию «подносного экземпляра» и не сразу вошли в дружеский литературный обиход: и Тредиаковский, и Ломоносов

⁴⁷ ГПБ. Ф. 444. № 5. Л. 1.

⁴⁸ Там же, № 6. Л. 1—1 об.

⁴⁹ Чистович И. Новгородский митрополит Иов: Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Т. 1, февраль. С. 121.

⁵⁰ Там же. С. 120.

много позднее иногда дарили свои книги без надписей.⁵¹

Внимание к авторским дарственным надписям на рубеже XVII+XVIII вв., ярко заметное у Кариона Истомина, — еще одна черта развития авторского сознания. Здесь тоже есть внутренние противоречия: как известно, в свой первый Букварь Карион включил Букварь Симеона Полоцкого, а по отношению к печатному Букварю выражение «дарственная надпись» выглядит оксюмороном. Для того времени вообще характерен своеобразный «авторский зуд». Иоанн Максимович, напечатавший в Петровскую эпоху больше всех стихов, писал в 1710-х гг. из Тобольска в Чернигов:

Печаль мя повседневно едина снедает,
Яко труд мой без типу долго пребывает.
Господь мне пособствова много написать,
За многи грехи типу не даде предати.

И затем обращался к черниговскому архиепископу:

Оставих премногая у вас писания,
Потщися в тип дати, готов даяния
Немедленно прислати за иждивение
Святыне вашей за то поклонение
В вашу типографию, елико велите.
Молю печатать книги, вы благословете.
Не моя, ваша будет превелия слава,
По земной митре примет венец ваша глава⁵²

Процесс формирования нового авторского сознания — от древнерусского книжника к писателю нового времени — на рубеже XVII—XVIII вв. проходил очень быстро, отсюда его конвульсивность и частая внутренняя противоречивость. К 1740-м гг. многое отсеялось, отстоялось, пропали наносные черты. Но этот путь от Симеона Полоцкого до Кантемира было необходимо пройти.

⁵¹ См.: Хотеев П. И. Как дарили книги в XVIII в. // Книга в России XVII—начала XIX в.: Проблемы создания и распространения. Л., 1989.

⁵² ГПБ, Q. IV. 375. Л. 148 об.

В. Д. РАК

ПЕРЕВОДЫ В ЖУРНАЛЕ «ЧТЕНИЕ ДЛЯ ВКУСА, РАЗУМА И ЧУВСТВОВАНИЙ»

В публикуемый ниже список переводов, напечатанных в «Чтении для вкуса, разума и чувствований», включены лишь те, для которых установлены подлинник, оригинал и источник¹ либо хотя бы одна из этих стадий, которые проходило иностранное сочинение на пути к русскому переводу. Идеальное решение эвристической задачи предполагает выявление по крайней мере всех ключевых звеньев цепочки, как это удалось сделать, например, в отношении № 42, 43, 50, 51, 53, 54 и др. Однако во многих случаях приходится на первых порах довольствоваться частичным решением, которое тем не менее должно вводиться в научный оборот, поскольку дает направление и стимул дальнейшему поиску, приглашая участвовать в нём всех, кто может ему способствовать (таковы сведения, приведенные в № 13, 22—24, 59, 60, 153 и др.).

Нахождение любого из перечисленных выше элементов библиографической информации о переводном сочинении требует настоячивых, часто многолетних разысканий; но особую специфику и сложность представляет установление источника.

¹ *Подлинником* предлагается называть печатный авторский текст произведения, *оригиналом* — текст, переданный русским переводом; *источником* — конкретное издание, по которому выполнен перевод, или, в случае невозможности точного установления, стереотипные переиздания, по одному из которых он мог быть выполнен. Если переводчик работает с авторским текстом, оригинал совпадает с подлинником, в других случаях функцию оригинала выполняет перевод-посредник, искаженное издание авторского текста либо переработка, принадлежащая другому лицу, вольное подражание и пр. Оригиналом всегда является посредником между подлинником и конечным русским переводом; в свою очередь, между подлинником и оригиналом может находиться цепь опосредствующих *трансформаций* авторского текста в виде переводов на другие языки, переделок, подражаний и пр.

Прежде чем попасть в русский журнал в виде перевода, иноязычные произведения малых жанров (рассказы, стихотворения, статьи, заметки, анекдоты и т. п.) проходили нередко сложный зигзагообразный путь по страницам зарубежных журналов и газет, антологий, учебных пособий и других, иногда самых неожиданных изданий. В ходе миграции часто возникали разные трансформации текста, и каждая оставалась, как правило, стабильной во всех ее перепечатках. Один и тот же оригинал мог прийти в Россию в разных изданиях, которые в свою очередь могли стать источниками разных переводов, отличавшихся степенью точности.

Найти в этом лабиринте выход на источник позволяет отчетливо прослеживаемое в «Чтении для вкуса, разума и чувствований» и преобладающее на протяжении всего издания журнала «гнездовое» расположение переводов. Если оригиналы (подлинники) переводов, входящих в «гнездо» (или «ряд»), содержатся в одной иностранной книге или журнале и если наличествуют какие-нибудь дополнительные признаки (текстуальные особенности, переданные переводом, совпадение последовательности оригиналов и переводов, непосредственное или близкое соседство оригиналов и др.), то это издание может быть с большой степенью вероятности опознано как источник.

«Гнезда» («ряды») образуются, как правило, за счет публикации подряд материалов, поступивших от одного лица и выполненных из одного-двух источников. В композиции журнала, выходившего выпусками дважды в неделю, «гнездом» («рядом») следует считать и большое по объему сочинение, занимавшее исключительно несколько последовательных номеров. Некоторые подобные переводы, например повесть А. Г. Мейснера «Бианка Капелло» и эссе Дж. Аддисона «О удовольствиях воображения», печатались частями, с продолжениями, что было вызвано постепенным их поступлением от лиц, над ними трудившихся (в отношении «Удовольствий воображения» это явствует из редакторского примечания — см. ч. 12, № 85, с. 3). Кроме того, ряды намеренно дробились редактором для того, чтобы избежать монотонности разнообразием предлагаемого материала. Приступая в ч. 9 к публикации серии заметок из словаря естественной истории в качестве комментария к напечатанному ранее переводу «Поля и Виргинии» Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера, В. С. Подшивалов предупредил, что будет их перемежать небольшими художественными произведениями (см. ч. 9, № 19, с. 292). Позднее, извещая о намерении поместить большое число рассказов Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно в переводе М. М. Вышеславцева, редактор снова заявил о чередовании их с другими сочинениями (см. ч. 11, № 66, с. 135). В итоге, по разным причинам возникла «чересполосица» переводов.

«Гнезда» образовывались не только переводами из одного источника, но и по другому принципу — переводами одного лица из разных иностранных книг. Примеры подобных скоплений, принадлежавших М. М. Вышеславецеву, находятся в ч. 11—12.

При наличии в русском журнале «гнезда» переводов, оригиналы которых выявлены в определенном иностранном издании, опознаваемым с достаточной степенью уверенности как их источник, можно предположить, что по нему же выполнены имеющиеся в нем соответствия единичные, разбросанные вне «рядов» переводы. Это предположение подтверждает № 186, при котором в подстрочном примечании указан источник — журнал «Mannigfaltigkeiten», образовавший ранее короткий ряд (№ 15—17).

Вместе с тем, поскольку многие из переведенных в «Чтении для вкуса, разума и чувствований» произведений неоднократно перепечатывались на разных европейских языках, установление источника изолированной публикации требует большой осторожности даже в том случае, если в другом месте русского журнала изданию, в котором обнаружен ее иноязычный текст, соответствует гнездо переводов. Учитывать в этих обстоятельствах необходимо всю совокупность доступных признаков. Так, в ч. 11—12 напечатаны несколько переводов из второй серии «Délassements», в которой находится и подлинник № 13-го. В то время, когда этот рассказ появился в «Чтении», журнал печатал переводы из первой серии французского собрания, которые образовали ряд № 8—11. Переход от одной серии к другой не был невозможен, как показывает № 214 (рассказ из первой серии открывает ряд, в котором за ним следуют переводы из второй). Однако в № 13 русский текст значительно отступает от французского, и это обстоятельство усиливает сомнение, подсказанное «скачком», не позволяя вынести окончательное заключение об источнике. Аналогичным образом нельзя с полной определенностью признать источником стоящего вне ряда № 95-го собрание перепечаток «Le Conservateur», так как все переводы из него, составившие ранее «гнезда» (№ 20—24, 40—45, 59—60), взяты из первого тома, а это сочинение находится во втором, из которого в «Чтении» не появилось более ни единого произведения. Это рассуждение, основывающееся на формальных признаках, усиливается тем обстоятельством, что русский переводчик назвал автором Арно, в то время как в «Le Conservateur» стоит другая подпись.

По этим же причинам требуется осторожность в отношении № 18, 117, 173, 192.

Установление источника осложняется и в тех случаях, когда одинаковые ряды могут быть образованы различными иностранными изданиями, особенно если последние между собою генетически связаны.

Например, несколько произведений из «Der Deutsche Merkur» за 1773 г. были перепечатаны в сборнике «Des Herrn Wieland Allerley» (Frankfurt; Leipzig, 1774), в том числе переведенные в «Чтении» (№ 25, 36, 37—38). Но поскольку в «Чтении» есть переводы (№ 14, 19, 47, 69), оригиналы которых наличествуют в «Der Deutsche Merkur», но не вошли в «Allerley», то правомерно заключить, что русский литератор пользовался самим немецким журналом, если, впрочем, не существовало какого-нибудь другого, оставшегося не выявленным, сборника перепечаток, где были собраны все эти вещи.

Для изолированного № 86-го «Der Deutsche Merkur» за 1775 г. может быть указан лишь как место первой публикации подлинника, так как ни одного другого перевода из немецкого журнала за этот год в «Чтении» не было напечатано, а само сочинение неоднократно перепечатывалось в разных изданиях на немецком языке.

Четырехтомное собрание «Variétés littéraires» содержало статьи из двух периодических изданий, «Journal étranger» и «Gazette littéraire de l'Europe», которые, будь они в распоряжении кружка, группировавшегося вокруг «Чтения», дали бы, по всей вероятности, ряды переводов. Но в подстрочных примечаниях к № 87 и 91 есть указания на то, что в этом кружке ходили по рукам именно «Variétés», из чего можно сделать вывод, что и в тех случаях, где источник не раскрыт редакцией «Чтения» (№ 77, 80—82, 84, 88, 94), он был все тем же, хотя в № 94 не может не насторожить расхождение подзаголовков.

Немецкий журнал «Mannigfaltigkeiten» нередко прибегал к заимствованию материалов из других изданий. Однако в «Чтении» он указан в качестве источника перевода № 186, а также имеется небольшой ряд (№ 15—17), который мог быть им образован. Кроме того, в сборнике Я. И. Благодарова «Полезное и увеселительное чтение для юношества и для всякого возраста» (М., 1788) содержится несколько произведений, немецкий текст которых обнаруживается также в «Mannigfaltigkeiten», причем за те же годы (1769—1770), что и представленные в Чтении». Наконец, сохранилось документальное свидетельство того, что «Mannigfaltigkeiten» были известны в России и использовались в учебных заведениях. В счете от 3 апреля 1787 г. за купленные для Учительской семинарии книги, представленном директором И. Кохом, одним из пунктов значилось: «Mannigfaltigkeiten, ежемесячное сочинение, содержащее небольшие до физики», истории и естественной истории сочинения,

1769—1784 год».² Вся совокупность этих фактов дает веское основание предположению о том, что этот журнал за 1769—1770 гг. послужил источником и некоторых стоящих вне рядов переводов в «Чтении»; но полной уверенности, разумеется, не может быть в отношении ни одного из них конкретно (№ 48, 61, 92, 117, 173).

Ряд № 62—68 мог быть с равным успехом образован двумя изданиями: Huber и Choix varié (во втором содержатся перепечатки из первого). Мелкие детали русского текста в № 67—68 расходятся с текстом Huber, а совпадают с Choix varié,³ что решает сомнения в пользу Choix varié. Эта атрибуция позволяет предположить, что именно данный сборник послужил источником и трех других, расположенных вне рядов, переводов (№ 18, 26, 192), но дать окончательное заключение опять-таки не представляется возможным.

Когда в разных, далеко разнесенных один от другого по времени выхода номерах «Чтения» обнаруживаются переводы, восходящие — бесспорно или гипотетически — к одному источнику, напрашивается естественный вывод о том, что они могли принадлежать одному лицу. В пределах последовательного, непрерывающегося ряда так, по-видимому, и обстоит дело; но применительно к рассматриваемому случаю подобная атрибуция без дополнительных подтверждающих признаков была бы преждевременной. Анализ журналов «Утренние часы»⁴ и «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»,⁵ показал, что в кружке, группировавшемся вокруг периодического издания, книга могла переходить из рук в руки или же имелась в нескольких экземплярах, а литераторы как-то распределяли между собою произведения для перевода. Признаки подобного состояния угадываются и в «Чтении». Оно иллюстрируется, например, помещенными в журнале рядом извлечениями из сборника «Les soirées d'hiver» (№ 190, 191), переводами из «Сентиментального путешествия» Ф. Верна де Люз (№ 181—183 и № 197—198), из «Педагогического словаря» (№ 108 и 111) и Variétés (№ 87, 88,

² ЦГИА, ф. 730, оп. 1, д. 65, л. 37. Журнал выходил не ежемесячно, как указано в рапорте, а еженедельно.

³ В № 67 — употребление прописных и строчных букв и числа существительного. Huber: «Que les caresses de ce folâtre Zéphir sont douces»; Choix varié: «que les caresses de ces folâtres zephyrs sont douces»; «Чтение»: «сколько сладостны ласки сих зефиров!»

В № 68 — употребление прописных и строчных букв. Huber: «Que je me plais»; Choix varié: «que je me plais»; «Чтение»: «сколько для меня забавно».

⁴ Рах В. Д. Переводческая деятельность И. Г. Рахманинова и журнал «Утренние часы» // Русская культура XVIII века и западно-европейские литературы. Л., 1980. С. 97.

⁵ Рах В. Д. Переводы в первом сибирском журнале // Очерки литературы и критики Сибири (XVII—XX вв.): Материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск, 1976. С. 35.

91, 94). О кооперации усилий переводчиков говорят № 113 и 114, возникшие в творческом соревновании двух литераторов, а также № 223 и 224, доказывающие противоположные положения и таким образом дополняющие друг друга.

Особого внимания заслуживает вопрос об атрибуции переводов, перепечатанных впоследствии в сборниках, на титульных листах которых проставлено имя переводчика. При отсутствии законов о праве литературной собственности в XVIII в. нередким явлением была перепечатка под своим именем чужих переводов. Иногда это был откровенный обман, а иногда плагиат вызывался, наверное, творческими соображениями: остановив выбор на каком-нибудь иностранном произведении и найдя его уже переведенным на свой родной язык, русский литератор, если этот перевод его удовлетворял, не считал нужным тратить усилия, чтобы создать еще один, а заимствовал уже готовый как общее достояние, перепечатывая его или дословно, или с редакционными изменениями разной глубины и характера. Этим утвердившимся обычаем руководствовался, очевидно, В. С. Подшивалов, перепечатывая в десятитомном собрании «Избранные повести и басни Мейснеровы» (Владимир; М., 1800—1807) из «Чтения для вкуса, разума и чувствований», а также из «Приятного и полезного препровождения времени» переводы, подписанные не только его криптонимом, но и псевдонимами других лиц. В силу этого обстоятельства нельзя с полной определенностью приписать ему анонимные переводы, включенные им из «Чтения» в это собрание. По этой же причине вызывает сомнение принадлежность № 29-го М. М. Вышеславецеву. В самом «Чтении» тоже была помещена одна перепечатка (№ 4), причем нет никаких сведений относительно того, была ли она санкционирована переводчиком, либо была сделана без его ведома и согласия.

В списке указано среди переводов и одно оригинальное стихотворение (№ 96), поскольку предлагается его атрибуция.

Иностранная форма имени и фамилии автора и даты его жизни не приводятся, если эти сведения представлены в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800» (М., 1962—1975. Т. 1—[6]).

Если оказалось невозможным определить, каким из нескольких изданий книги пользовался русский переводчик, указывается лишь дата первой публикации иностранного сочинения, без иных конкретизирующих данных, либо в примечании оговаривается наличие переизданий.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Choix varié — Choix varié de poésies philosophiques et agréables, traduites de l'anglais et de l'allemand. Avignon, 1770. Т. 1—2.
- Conservateur — Le conservateur, ou bibliothèque choisie de littérature, de morale et d'histoire / [Par A.-F. Delandine]. Paris; Lyon, 1787—1788. Т. 1—4. Просмотрены de visu тт. 1—2.
- Délassements — [Baculard d'Arnaud F.-T.-M. de]. Délassements de l'homme sensible, ou anecdotes diverses. Paris, 1783. Т. 1—6. Собрание переиздавалось.
- Délassements (2d a.) — [Baculard d'Arnaud F.-T.-M. de]. Délassements de l'homme sensible, ou anecdotes diverses: Second année. Paris, 1786. Т. 1—6. Собрание переиздавалось.
- DMerk — Der Deutsche Merkur (журнал).
- DMus — Deutsches Museum (журнал).
- Erlach — Erlach Rodolphe-Louis d' (1749—1810). Code du bonheur: renfermant des maximes et des règles relatives aux devoirs de l'homme envers lui-même, envers ses semblables et envers Dieu. Lausanne, 1788. Т. 1—7. Ознакомиться с т. 7 не представилось возможности.
- Huber — Choix de poésies allemandes / Par M. Huber. Paris, 1766. Т. 1—4.
- Leyding — Leyding J. D. Handbibliothek für Kinder und junge Leute. Flensburg, 1769—1771. Ознакомиться с изданием de visu не представилось возможности.
- Mannigfaltigkeiten — Mannigfaltigkeiten: Eine gemeinnützige Wochenschrift (журнал).
- MF — Mercure de France (журнал).
- NDMerk — Der Neue Teutsche Merkur (журнал).
- NDMus — Neues Deutsches Museum (журнал).
- UM — The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure (журнал).
- Valmont de Bomare — Valmont de Bomare Jacques-Christophe (1731—1807). Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle. Paris, 1764. Т. 1—5. Словарь неоднократно переиздавался.
- Variétés — Variétés littéraires, ou recueil de pièces tant originales que traduites, concernant la philosophie, la littérature et les arts. Paris, 1768. Т. 1—4. Ссылки на изд.: 1770.

Vernes — Vernes-de-Luze François (1765—1834). Le voyageur sentimental, ou Ma promenade à Yverdun. Neûchatel, 1786. Ссылки на изд.: Nouv. éd., corr. et augm. par l'auteur. Paris, 1792.

В ссылках указываются в сокращенной форме следующие статьи: Левин Ю. Д. 1) Английская поэзия и литература русского сентиментализма. Приложение: Английская поэзия XVII—XVIII веков в русских переводах, 1745—1812: (Материалы для библиографии) // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970. С. 269—296; 2) Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. Приложение II: Материалы к библиографии английской журналистики в русских переводах XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 84—109.

Часть 1. 1791

1. Затмение луны: Песнь пустытника. (№ 1—2. С. 11—22): Мерсье Л.-С. Фрагмент «L'éclipse de lune: C'est un solitaire qui parle» из кн.: Mercier L.-S. L'an 2440: Rêve s'il en fut jamais. (1770).

2. Ленидор. (№ 3—5. С. 40—72): Мейснер А. Г. Lenidor: Erzählung nach Imbert // DMus. 1780. Bd 2. St. 10, Oktober. S. 334—348; перепечатано в собрании: Meissner A. G. Skizzen. Leipzig, 1783. Samml. 2. S. 241—275 (собрание переиздавалось).

3. О мире благополучном. (№ 6—7. С. 92—107): Мерсье Л.-С. D'un monde heureux // Mercier L.-S. Songes philosophiques (1768); перепечатывалось во всех переизданиях, в собрании Л.-С. Мерсье «Mon bonnet de nuit», t. 2 (1784; многочисленные переиздания), в контрафакции: Mercier L.-S. L'an 2440. Nouv. éd., exactement corr. et augm. d'un volume. Londres, 1785. T. 2. P. 180—189.

4. Благодетель и мудрец: Китайская повесть / [Пер. с нем. Я. И. Благодаров] (№ 7—9. С. 107—131): Перепечатка перевода ранее опубликованного в кн.: Благодаров Я. И. Полезное и увеселительное чтение для юношества и для всякого возраста... М., 1788. С. 82—107; а также отдельным изданием: Благодетель и мудрец: Китайская повесть. М., 1788. Фр. подлинник: Le Bienfaiteur et le Philosophe: Conte chinois // MF. 1768. Décembre. P. 37—49. Предполагаемый немецкий оригинал (перевод-посредник) и источник: Der Wohlthäter und der Weltweise: Eine chinesische Erzählung

// Mannigfaltigkeiten. 1770. Jg 1. Julius 28. Woche 48. S. 745—758.

5. Может ли быть приятно божеству жизнь бесполезная человеческому обществу? Восточная повесть: [Пер. с нем.]. (№ 9—10. С. 143—155): Англ. подлинник: *The Adventurer*. 1753. March 17. № 38; автор: Хоксуорт Дж. См.: Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика... С. 96. № 219. Нем. оригинал и источник не установлены.

6. Видение дервиша Алмета: Восточная повесть: [Пер. с нем.]. (№ 10—11. С. 155—167): Англ. подлинник: *The Adventurer*. 1753. December 8. № 114; автор: Хоксуорт Дж. См.: Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика... С. 96. № 220. Нем. оригинал и источник не установлены.

7. К христианам, жидам и язычникам в холодном С**. (№ 11. С. 167—173): *An die Christen, Juden und Heiden in dem kalten B*** // *DMus*. 1780. Bd 2. St. 12, Dezember. S. 555—558.

8. Могущество сострадания. (№ 11—12. С. 174—182): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *Le pouvoir de la pitié* // *Délassements*. Т. 1, pt. 1. P. 29—35.

9. Новая Клементина. (№ 12. С. 182—189): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *La nouvelle Clémentine* // *Délassements*. Т. 1, pt. 1. P. 46—53.

10. Простота невинности. (№ 12—13. С. 190—196): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *L'ingénuité de l'innocence* // *Délassements*. Т. 1, pt. 1. P. 68—73.

11. Отеческие жалобы. (№ 13—14. С. 197—211): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *Les complaints paternelles* // *Délassements*. Т. 3, pt. 6. P. 401—412.

12. Церская вдова. (№ 14. С. 211—219): Мейснер А. Г. *Die Witwe zu Zehra* // *DMus*. 1780. Bd 1. St. 1, Jänner. S. 56—60; перепечатано в собрании: Meissner A. G. *Skizzen*. Leipzig, 1783. Samml. 4 (собрание переиздавалось).

13. Великодушный пастух. (№ 14. С. 219—222): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *Le berger généreux* // *Délassements* (2d a.). Т. 3, pt. 6. P. 357—360. Значительное расхождение текстов, указывающее на вероятность того, что источником перевода была неустановленная трансформация подлинника.

14. Александр и Кампаспа, или Победа Александра Великого над самим собою: Героической Пантомим балет г. Ноффера. (№ 14—15. С. 223—236): Новер Ж.-Ж. *Alexandre et Campaspe de Larisse, ou le Triomphe d'Alexandre sur soi-même: Ballet héroïque pantomime*. Vienne en Autriche, 1773. Нем. оригинал (перевод-по-

средник) и источник: *Alexander und Campaspe, oder Alexanders Sieg über sich selbst: Ein heroisches Pantomim-Ballet von Herrn Noverre: Aus der französischen Urschrift übersetzt // DMerk. 1773. Bd 2. St. 2, May. S. 104—113.*

15. Астрологический календарь на следующее столетие. (№ 16. С. 248—253): *Astrologische Kalenderentdeckung für die nächstkommende hundert Jahre / Aus dem Alton. gel. Merc. 70. №. 20 // Mannigfaltigkeiten. 1770. Jg 2. October 20. Woche 60. S. 126—128.*

16. Краткие замечания о телодвижении. (№ 16—17. С. 254—257): *Kurze Erinnerungen wegen der Leibesbewegung / Theodor // Mannigfaltigkeiten. 1770. Jg 2. September 8. Woche 54. S. 28—30.*

17. Сравнение пуншу с обращением/ Пер. с аглинского. (№ 17. С. 257—264): *Англ. подлинник: The Idler. 1753. December 9. №. 34.; автор: Джонсон С. См.: Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика... С.96. № 221. Нем. оригинал (перевод-посредник) и источник: *Vergleichung zwischen Punsch und Umgang: Aus dem Englischen // Mannigfaltigkeiten. 1770. Jg 2. November 3. Woche 62. S. 155—156.**

18. Четыре возраста жизни: [Пер. с фр.?). (№ 21—22. С. 330—342): *Les quatre âges de la vie: [«Trad. libre de l'original allemand»] // Choix littéraire. 1758. Т. 14. Р. 166—174. Вероятный источник — перепечатка в кн.: *Choix varié. Т. 2. Р. 3—12.**

19. Сципион: Героический пантомим-балет. (№ 22—23. С. 345—355): *Scipio: Ein heroisches Pantomim-Ballet / [Von] B. // DMerk. 1773. Bd 2. St. 2, Augustus. S. 202—208.*

20. Описание Аполлона Бельведерского. (№ 23. С. 361—365): *Винкельман И. Г. Л. Фрагмент из кн.: Winckelmann J. H. L. von. Geschichte der Kunst des Altertums. Dresden, 1764. Th. 2. S. 392—393 (переиздания). Фр. оригинал (перевод-посредник) и источник: *Description de l'Apollon de Belvedere / Par M. l'abbé Winckelmann // Conservateur. Т. 1. Р. 97—101.**

21. Изображение Клеопатры. (№ 23. С. 366—368): *Мармонтель Ж.-Ф. Portrait de Cléopâtre / Par M. Marmontel // Conservateur. Т. 1. Р. 101—103.*

22. Письмо аглинского актера Квина. (№ 23—24. С. 368—370): *Lettre de l'acteur Quin, anglois // Conservateur. Т. 1. Р. 212—214.*

23. Верблюд и осел: Басня / Пер. с перс., стихотворца Маладсами (№ 24. С. 371): *Le chameau et l'âne: Fable / Trad. du Persan du poëte Maladsami // Conservateur. Т. 1. Р. 239.*

24. Ученые анекдоты. (№ 24. С. 372—377): *Anecdotes littéraires // Conservateur*. Т. 1. Р. 316—318, 322—329. Перевод выборочный. Продолж. см. № 45.

25. Перечень из Путешествия г. Бридона на Этну. (№ 24—25. С. 377—396): Брайдон П. Отрывок из кн.: *Brydone P. A Tour through Sicily and Malta, in a Series of Letters to William Beckford (1773)* (изложение писем 9—10). Нем. оригинал и источник: *Auszug aus des Herrn Brydone Reise auf den Aetna // DMerk*. 1773. Bd 4. St. 2, November. S. 107—119.

26. Ношные размышления к моему другу. (№ 25. С. 396—401): *Pensées nocturnes à son ami // MF*. 1768. Août. Р. 20—24. Подпись: *Au Château du-Plessis-Villette, le 1. Août 1767*. Вероятный источник — перепечатка в кн.: *Choix varié*. Т. 2. Р. 181—184.

27. Должно ли любить порочных? Разговор отца с сыном. (№ 26. С. 409—414): *Soll man denn auch die bösen Menschen lieb haben? // Campe J. H. Kleine Kinderbibliothek (1779 ff)*.

Часть 2. 1791

28. Похвальное слово старому моему шлафроку, или Нечто для моих друзей, имеющих более вкуса, нежели достатка. (№ 28—29. С. 32—41): Дидро Д. *Regrets sur ma vieille robe de chambre, ou Avis à ceux qui ont plus de goût que de fortune (1772)*.

29. Возмущение Антиохийское, почерпнутое из Истории Восточной Империи. (№ 29—33. С. 45—98): Арно Ф.-Т.-М. де Бакулар д'. *La sédition d'Antioche, tirée de l'Histoire du Bas-Empire, tome V, livre XXIII // Délassements*. Т. 3, pt. 5. Р. 176—223. Перевод перепечатан в кн.: Арно Ф.-Т.-М. де Бакулар д'. *Достопамятные и трогательные исторические повествования: Возмущение антиохийцев и Избиение фессалоникийцев / С фр. М. Вышеславцев. М., 1803. С. 3—54. Приписать безоговорочно перевод М. М. Вышеславцеву нельзя, так как ранее он перепечатывал в своих книгах чужие переводы без указания заимствования, например в кн.: [Беранже Л.-П., Гибо Ю.]. *Нравоучение, представленное на самом деле...* Ч. 1—2. М., 1790.*

30. Фалес и Солон. (№ 34—36. С. 127—145): Мейснер А. Г. *Thales und Solon // NDMus*. 1790. Др. пер. см. № 105.

31. О любви: Древний греческий анекдот. (№ 36—37. С. 160—175): Эрлах Р.-А. д' *Comment il faut envisager l'amour, jouir de ses plaisirs, et de se préserver de ses peines // Erlach*. Т. 4. Р. 135—144. Продолж. см. № 74.

32. Унылая девушка. (№ 38—39. С. 188—195): Беккер В. Г.

Das schwermüthige Mädchen: Ein Gemälde nach der Natur // DMus. 1780. Bd 2. St. 8, August. S. 151—154.

33. Галейб: Повесть. (№ 45. С. 292—300): Гизеке Людвиг (Giseke Ludwig). Haleb: Eine Erzählung // NDMerк. 1790. Bd 2. St. 5, May. S. 110—116.

34. Разговор между вдовою и неженатым. (№ 47. С. 327—336): Gespräch zwischen einer Witwe und einem Hagestolzen // Olla Potrida. 1788. № 4. S. 92—97. Подпись: R-d.

35. Матерняя любовь. (№ 47—48. С. 336—338): Mutterliebe // Olla Potrida. 1789. № 4. S. 104—105.

36. Асенефа: Восточная повесть. (№ 48—50. С. 338—379): Ase-Neitha: Eine orientalische Erzählung // DMerк. 1773. Bd 3. St. 3, September. S. 223—227; Bd 4. St. 2, November. S. 119—134. Подпись: -g.

37. Хармид и Теона, или Нравственная грация. (№ 50—51. С. 380—398; Ч. 3. № 52—56. С. 3—74): Якоби Иоганн Георг (Jacobi Johann Georg, 1740—1814). Charmides und Theone, oder die Sittliche Grazie // DMerк. 1773. Bd 1. St. 1, Jenner. S. 72—84; St. 2, Februar. S. 122—144; St. 3, März. S. 203—222; Bd 2. St. 1, April. S. 3—20.

Часть 3. 1791

38. Хармид и Теона: Продолжение. (№ 52—56. С. 3—74). См. № 37.

39. Весна. (№ 56. С. 75—78): Томсон Дж. The Seasons: Spring, II. 18—35, 77—85, 182—184, 846—855, 871—888 (по фр. пер. М.-Ж. Бонтан). См. Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. С. 286. № 163.

40. Сельская прогулка. (№ 57—58. С. 87—101): Рейрак Ф.-Ф.-Л. де. La Promenade champêtre // Reyrac F.-F.-L. de. Hymne au soleil, suivi de plusieurs morceaux du même genre (1780). Источник — перепечатка в кн.: Conservateur. Т. 1. P. 141—152.

41. Человек добродетельный. (№ 59—60. С. 128—136): L'Homme juste / Par M. S** Mar** // Conservateur. Т. 1. P. 164—170.

42. Здравие: Эклога / С аглинского г. Парнея. (№ 60. С. 136—142): Парнел Т. Health: An Eclogue. См.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. С. 279. № 89. Фр. оригинал (переводчик-посредник): La santé: Eglogue // Choix littéraire. 1757. Т. 9. P. 207—211. Источник — перепечатка:

La santé: Eclogue / Trad. de l'anglois de Parnell // Conservateur. Т. 1. P. 188—192.

43. Гишпанская вечеринка / С фр. г. Кавалера Флориана. (№ 60—61. С. 142—160): La soirée espagnol / Par M. le Chev. de Fl... Cap. de Dragons // MF. 1781. Avril 28. P. 147—158. Источник — перепечатка: La soirée espagnol / Par M. le chevalier de Florian // Conservateur. Т. 1. P. 300—315.

44. Медведь Марко. (№ 61—62. С. 160—163): Andreu de Bilistein Charles-Léopold d' (?). L'ours Marco / Par l'auteur de l'Essai historique sur la ville de Nancy // Conservateur. Т. 1. P. 248—250.

45. Ученые анекдоты. (№ 62. С. 163—170): Anecdotes littéraires // Conservateur. Т. 1. P. 324, 321, 327, 325, 321—322, 329—333. Начало см. № 24.

46. Повесть. (№ 63—65. С. 189—213): Англ. подлинник: The World. 1753. January 25 — February 1. №. 4—5; автор: Мур Э. См.: Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика... С. 96. № 222.

47. О допущении заблуждающих мечтаний при нравственном чувствовании. (№ 65. С. 213—220): Von der Zulässigkeit irriger Phantasien beyrn moralischen Gefühle // DMerck. 1773. Bd 3. St. 1, Julius. S. 86—92. Подпись: **.

48. Нечто из влияния климата в рассуждения и обычаи народов. (№ 65—67. С. 221—242): Etwas von Einfluss des Klima in die Denckungsart und Sitten der Völker // Mannigfaltigkeiten. 1770. Jg 2. October 6. Woche 58. S. 81—93. Подпись: von Fr...

49. Храм Фортуны / Пер. с аглинского К*** [В. С. Кряжева?] (№ 67—68. С. 242—268): Брикер де Ла Димери Н. Le Temple de la Fortune // MF. 1770. Janvier. Т. 1. P. 14—31. Англ. оригинал (перевод-посредник) и источник: Temple of Fortune // УМ. 1771. Vol. 48. April. P. 182—186.

50. Ночь / Пер. с аглинского К*** [В. С. Кряжева?]. (№ 68—69. С. 268—280): Геснер С. Die Nacht. Англ. оригинал (перевод-посредник) и источник: On Night // УМ. 1771. Vol. 49. August. P. 64—66. На англ. яз. переведено с фр. перевода-посредника: La Nuit / Trad. d'allemand de M. Gessner par Mlle Matné de Morville // MF. 1770. Octobre. Т. 2. P. 14—23.

51. Рассуждения / Пер. с аглинского К*** [В. С. Кряжева?]. (№ 69. С. 280—282): Кабур. Réflexions / Par Cabour, à Peronne // MF. 1770. Décembre. P. 41—42. Англ. оригинал (перевод-посредник) и источник: Reflections // УМ. 1771. Vol. 49. August. P. 71.

52. Прелестная жница / Пер. с аглинского К*** [В. С. Кряжева?]. (№ 69—70. С. 283—291): Томсон Дж. The Seasons: Autumn,

II. 177—310. См.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. С. 286. № 164.

53. Аллегория / Пер. с аглинского К*** [В. С. Кряжева?]. (№ 70. С. 291—299): *Allégorie // Cardonne D.-D. Mélanges de littérature orientale, traduits de différens manuscrits, turcs, arabes, et persans de la Bibliothèque du roi. Paris, 1770.* Англ. оригинал (перевод-посредник) и источник: *An Allegory // УМ. 1770. Vol. 47. September. P. 127—128.* Др. пер. см. № 137.

54. Нечто об Александре: Из Восточной истории / Пер. с аглинского К*** [В. С. Кряжева?]. (№ 70—71. С. 299—315): *Lettre d'Alexandre à sa mère Olympias // Cardonne D.-D. Mélanges de littérature orientale, traduits de différens manuscrits, turcs, arabes, et persans de la Bibliothèque du roi. Paris, 1770.* Англ. оригинал (перевод-посредник) и источник: *We here lay before our readers a very curious piece of oriental literature, being a letter of Alexander the Great to his mother Olympias... // УМ. 1771. Vol. 49. August. P. 78—80.*

55. Доказательство, что ничто есть нечто, в опровержение обыкновенного мнения, что ничто есть ничто / Пер. с аглинского К*** [В. С. Кряжева?]. (№ 71. С. 315—320): *That Nothing is Something, contrary to the common opinion which maintains that Nothing is Nothing // УМ. 1771. Vol. 49. December. P. 296—297.*

56. Дух Соломонов / Пер. с нем. К*** [В. С. Кряжева?]. (№ 72. С. 321—322): Лессинг Г. Э. *Der Geist der Salomo // Lessing G. E. Prosafabeln, III, 3.*

57. Сновидение одного пустынного Тенерифского, найденное в его убежище. (№ 72—74. С. 330—367): Джонсон С. *The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, Found in his Cell // The Gentleman's Magazine. 1748. Vol. 18. April. P. 159—163.* См.: Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика... С. 96. № 223. Источник перевода не установлен.

58. Анекдоты. (№ 74—75. С. 367—384). Следующие анекдоты переведены или из кн.: [Pfeffel G. K.]. *Magazin historique pour l'esprit et le coeur (1764)*, то же на нем. яз.: *Historisches Magazin für den Verstand und das Herz (1764)*; или из какого-то сборника, в котором они были заимствованы из указанной книги на фр. либо нем. яз. Ниже указываются: римской цифрой книга (раздел в сборнике Г. К. Пфэффеля), арабской — номер анекдота.

1. Владелец моря и земли: *Le maître de la mer et la terre (VI, 14).*

2. Румянец добродетели: *Le couleur de la vertu (VI, 28).*

5. Достойное государя рассуждение: *Réflexion digne d'un roi (VI, 29).*

6. Солон и Крез: Solon et Cresus (I, 3).
8. Великодушный живописец: Le peintre généreux (I, 18).
9. Великий государь: Le grand roi (I, 48).
10. Тронутый пьяница: Le libertin corrigé (I, 30).
11. Геройские слезы: Pleurs héroïques (V, 15).
12. Пристыженный самохвал: L'impertinent confondu (II, 17).
13. Хорошее исполнение священнического сана: Le plus bel emploi des prêtres (II, 8).

59. Письмо Аристиппа, начальника секты Циренейской, к Антисфену, основателю секты Цинической. (№ 76. С. 386—390): Lettre d'Aristippe, chef de la secte Cyrénaïque, à Antisthène, celui de la secte Cyniques / Tirée du Recueil de Leo Allatius // Conservateur. Т. 1. Р. 34—36.

60. Увещание древнего философа Фаворина к одной знатной женщине, чтоб она сама кормила грудью своих детей. (№ 76. С. 390—399): Discours de l'ancien philosophe Favorinus, Sur l'obligation où sont les mères de nourrir leurs enfans / Trad. par M. l'abbé de V** // Conservateur. Т. 1. Р. 153—161.

Часть 4. 1791

61. Оракул: Греческая история. (№ 78—80. С. 3—45): L'Oracle: Anecdote grecque / Par M. F. D. L. J.*** // MF. 1765. Mars. Р. 49—75. Вероятный нем. оригинал (перевод-посредник) и источник: Das Orakel: Eine griechische Erzählung // Mannigfaltigkeiten. 1770. Jg 1. Januar 13. Woche 20. S. 301—305; Januar 20. Woche 21. S. 317—326.

62. Известность. (№ 80. С. 45): Лессинг Г. Э. Die Gewissheit // Lessing G. E. Kleinigkeiten (1751). Фр. оригинал (перевод-посредник): La Certitude // Huber. Т. 2. Р. 346. Источник — перепечатка: La Certitude / Chanson par M. Lessing // Choix varié. Т. 2. Р. 137.

63. Сила вина. (№ 80. С. 45): Лессинг Г. Э. Die Stärke des Weins // Naturforscher. 1748. St. 44. April 27; стихотворение вошло в сб.: Lessing G. E. Kleinigkeiten (1751). Фр. оригинал (перевод-посредник): La force du vin // Huber. Т. 2. Р. 347. Источник — перепечатка: La force du vin / Par le même [Lessing] // Choix varié. Т. 2. Р. 138.

64. Смерть мухи и комара. (№ 80. С. 45—47): Геллерт Х. Ф. Der Tod der Fliege und der Mücke // Gellert Ch. F. Fabeln und Erzählungen (Buch 2). Фр. оригинал (перевод-посредник): La mort de la mouche et du cousin // Huber. Т. 1. Р. 202. Источник — перепечатка в кн.: Choix varié. Т. 2. Р. 86.

65. Поп и больной. (№ 80—81. С. 47—49): Лихтвер М. Г. *Der Priester und der Kranke // Lichtwer M. G. Vier Bücher Äsopischer Fabeln* (1748). Фр. оригинал (перевод-посредник): *Le prêtre et le malade // Huber. Т. 1. Р. 227—229.* Источник — перепечатка в кн.: *Choix varié. Т. 2. Р. 93—94.*

66. Амалия. (№ 81. с. 49—50): Глейм И. В. Л. *Amalia // Gleim J. W. L. Lieder* (1749), Buch 1. Фр. оригинал (перевод-посредник): *Amalie // Huber. Т. 2. Р. 311—312.* Источник — перепечатка в кн.: *Choix varié. Т. 2. Р. 132.*

67. Песнь г. Клейсту. (№ 81. С. 50—51): Глейм И. В. Л. *An Herrn von Kleist // Gleim J. W. L. Versuch in scherzhaften Liedern* (1744—1745), Buch 1. Фр. оригинал (перевод-посредник): *A. M. de Kleist // Huber. Т. 2. Р. 302.* Источник — перепечатка: *À M. de Kleist / Chanson traduite de l'allemand de M. Gleim // Choix varié. Т. 2. Р. 127—128.*

68. К ручью. (№ 81. С. 51—52): Глейм И. В. Л. *An die Goldbache // Gleim J. W. L. Lieder* (1749), Buch 1. Фр. оригинал (перевод-посредник): *Au ruisseau // Huber. Т. 2. Р. 313.* Источник — перепечатка: *Au ruisseau / Par le même [Gleim] // Choix varié. Т. 2. Р. 134.*

69. О выборе пищи: [Пер. с нем.]. (№ 81—83. С. 60—88): *Betrachtungen über die Wahl der Nahrungsmittel: Aus dem Englischen // DMerck. 1773. Bd 4. St. 2, November. S. 134—153.*

70. Делфис и Миртил: Идиллия. (№ 84. С. 97—104): Эрлах Р.-Л. д'. *Delphis et Mirtille, ou ce qui peut rendre l'hymen heureux: Idille // Erlach. Т. 5. Р. 361—365.*

71. Рассуждение о том, что супругов может сделать счастливыми. (№ 84—85. С. 104—113): Эрлах Р.-Л. д'. *Discours sur ce qui peut rendre l'hymen heureux // Erlach. Т. 5. Р. 366—371.*

72. Дюкрос: Исторической анекдот. (№ 85—87. С. 114—145): Эрлах Р.-Л. д'. *Du-Clos, ou les fruits du commerce des courtisanes: Anecdote historique // Erlach. Т. 5. Р. 42—63.*

73. Совет одной матери к своей дочери. (№ 87. С. 145—158): Эрлах Р.-Л. д'. *Avis d'une mère à sa fille, sur l'art de distinguer le séducteur de l'amant véritable // Erlach. Т. 5. Р. 64—72.*

74. Разговор сократической между философом Периандром и молодым Милконом. (№ 87—88. С. 158—165): Эрлах Р.-Л. д'. *Dialogue socratique entre le philosophe Periandre et le jeune Milcon // Erlach. Т. 4. Р. 145—159.* Начало см. № 31.

75. Влияние нравов на чувство изящного. (№ 89—91. С. 181—223): Гейне Христиан Готлоб (1729—1812). *De morum vi ad sensum pulchritudinis quam artes sectantur prolusio ad audiendam orationem d. XXIII. Jul. MDCCLXIII professionis rhetoricae et poeticae adeundae caussa recitandam. Gottingae, 1763;* перепечатано в кн.:

Heyne Ch. G. *Opuscula academica collecta et animadversionibus locupletata*. Gottingae, 1785. Vol. 1. P. 1—34.

76. Легковерие: Сказка. (№ 91—93. С. 224—247): Эрлах Р.-Л. д'. *La credulité et ses dangereux effets: Conte // Erlach*. Т. 3. P. 98—113.

77. Гимн солнцу. (№ 93. С. 247—255): Граувольф. Фр. оригинал (перевод-посредник): *Hymne au Soleil / Trad. de l'allemand de M. Grauwolf // Gazette littéraire de l'Europe*. 1766. Т. 8. No. 25. Janvier 15. P. 203—208. Вероятный источник — перепечатка: *Hymne au Soleil: Trad. de l'allemand // Variétés*. Т. 4. P. 584—590.

78. Геман. (№ 93—95. С. 255—283): Эрлах Р.-Л. д'. *Histoire d'Heman, ou des châtimens, qui sont les suites de nos imprudences et de nos vices // Erlach*. Т. 1. P. 390—409.

79. Опыт о стихотворстве: [Пер. с ?]. (№ 96—97. С. 298—320): Шеффилд Джон, граф Малгрейв (*Scheffield John, earl of Mulgrave, 1649—1721*). *An Essay upon Poetry* (1682).

80. Иглука и Сиберсик: Гренландская повесть. (№ 98—99. С. 334—348): *Igluka et Sibersik: Conte groëlandois: Trad. de l'anglois // Variétés*. Т. 3. P. 265—276. Англ. подлинник не установлен.

81. Отрывок из сочинения: Сравнение нравов нынешних греков с нравами древних. (№ 99—101. С. 349—371): *Fragment d'un ouvrage qui a pour titre: Comparaison des moeurs des Grecs modernes avec celles des Grecs anciens // Variétés*. Т. 3. P. 307—325.

82. Отрывок о слоге. (№ 101—102. С. 372—390): *Fragment sur le style: Trad. de l'Italien [из журн. «Il Caffè»] // Gazette littéraire de l'Europe*. 1766. Т. 8. No. 28. Février 1. P. 257—268. Источник — перепечатка в кн.: *Variétés*. Т. 3. P. 422—436.

Часть 5. 1792

83. Ода Нежаствие / Из стихотворений г. Грея; [пер.] М. (№ 1. С. 4—7): *Gray Th. Hymn to Adversity* (1742). См.: Левин Ю. Д. *Английская поэзия и литература русского сентиментализма*. С. 275. № 53.

84. Дартула / Из стихотворений Оссиана; [пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 1—4. С. 14—51): *Macpherson Дж. Dar-Thula // Fingal: an Ancient Epic Poem: in six Books: together with Several Other Poems, Composed by Ossian, The Son of Fingal / Transl. from the Galic Language, by James Macpherson* (1762). Фр. оригинал

(перевод-посредник) и источник: *Dar-Thula: Poëme traduit de la langue Erse // Variétés*. Т. 2. Р. 354—382. Вероятно использование также и другого источника. См. *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе, конец XVIII—первая треть XIX века. Л., 1980. С. 151. № 13; *Маслов В. И.* Оссиан в России: (Библиография). Л., 1928. С. 13.

85. Последняя ночь архиепископа Кранмера / Из сочинений г. [А. Г.] Мейснера; [пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 4—8. С. 52—114): *Erzbischofs Cranmers letzte Nacht // Meissner A. G. Erzählungen und Dialogen*. Leipzig, 1783. Н. 3.

86. Златые изречения Пифагоры / С нем. перевода г. Глейма на Российской яз. преложенные; [пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 8. С. 114—125): *Глейм И. В. А. Die Golden Sprüche des Pythagoras // DMerck*. 1775. May. S. 97—106. Произведение многократно перепечатывалось в различных изданиях. Рус. пер. ранее напечатан анонимно в кн.: *Полезное упражнение юношества, состоящее в разных сочинениях и переводах, изданных питомцами Вольного благородного пансиона, учрежденного при Имп. Московском университете*. М., 1789. С. 97—106. Для перепечатки в «Чтении для вкуса, разума и чувствований» перевод переработан.

87. О гишпанском театре / [Пер.] А. [А. Подшивалова]. (№ 8—12. С. 126—185): *Lettre sur le Théâtre Espagnol // Variétés*. Т. 4. Р. 502—546. Источник указан в подстрочном примечании.

88. О Юстиниане и его законах / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 12—13. С. 187—208): Подлинник на ит. яз. напечатан в журн. «*Il Caffè*» за подписью: А. Фр. оригинал (перевод-посредник) и источник: *De Justinien et de ses loix // Variétés*. Т. 4. Р. 136—154.

89. Мелаева собака / Из сочинений г. [А. Г.] Мейснера; [пер.] В. И. (№ 14—17. С. 210—257): *Der Hund des Melai // Meissner A. G. Erzählungen und Dialogen*. Leipzig, 1781. Н. 1. S. 1—23. Перепечатано в кн.: *Избранные повести и басни Мейснеровы / Переведенные Васильем Подшиваловым*. М., 1807. Кн. 10. С. 10—65.

90. Ответ милади Монтегю мужчине, который жаловался на ее холодность: [Пер. с фр. ?]. (№ 17. С. 257—261): *The Lover: A Ballad to Mr Congreve*. Фр. пер.: *Épître en réponse à un homme qui lui reprochoit son indifférence* — напечатан в период. изд. «*Affiches de Province*», откуда перепечатан в кн.: *Parnasse des dames*. Paris, 1773. Т. 4. Р. 222—224.

91. Замечания о прелести в произведениях искусства, по руководству аббата [И. Г. Л. фон] Винкельмана / [Пер.] С. (№ 17—18. С. 261—288): *Von der Grazie in Werken der Kunst //*

Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freyen Künste. 1759. Bd 5. St. 1. S. 13—26. Фр. оригинал (перевод-посредник с обширными дополнениями переводчика) и источник (указан в подстрочном примечании): *Réflexions sur la grace dans les ouvrages de l'art; d'après M. l'abbé Winckelmann // Variétés*. Т. 3. Р. 554—575.

92. Анекдот / [Пер. с нем.] П. М. (№ 19. С. 289—291): Вероятный нем. источник: *Gesammelte Anekdoten. I. Der grossmüthige Arbeitsmann // Mannigfaltigkeiten*. 1770. Jg 1. Januar 20. Woche 21. S. 330—331. Источник этого популярного в XVIII в. анекдота: *Marmontel J.-F. Poétique françoise*. Paris, 1763. Т. 2. Р. 144—145. (Ch. 13).

93. Макандал нигритянин: Пер. из одного немецкого журнала / [Пер.] П. П. (№ 19—20. С. 292—313): *Makandal: Histoire véritable // MF*. 1787. Septembre 15. Р. 102—114. Подписано: M. de C.... Нем. оригинал (перевод-посредник) и вероятный источник: *Der Neger Makandal // Olla Potrida*. 1788. St. 1. S. 31—40.

94. О индейцах / [Пер.] А. [А. Подшивалова]. С пометою: «Взято из одного аглинского журнала». (№ 20—21. С. 319—345): Фр. оригинал (перевод-посредник) и источник: *Mémoire sur les Indiens: Trad. de l'anglois // Variétés*. Т. 3. Р. 470—495.

95. Прогулка шаха Аббаса: Восточная повесть / [Пер.] В. С. (№ 22—23. С. 351—362): *La promenade de Scha-Abas, roi de Perse / Par M. l'abbé K***, de Strasbourg // Conservateur*. Т. 2. Р. 219—228. В подстрочном примечании к рус. пер. автором ошибочно назван Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'Арно, что не позволяет считать источник установленным окончательно.

96. Песнь Высочайшему Существу / [Соч.] В. Пр. (№ 23. С. 362—364). Предполагаемый автор: Протопопов Василий Михайлович (1760—1810).

97. Друг / Из сочинений г. Арнода; [пер.] В. С. (№ 23—25. С. 365—389): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *L'ami // Délassements*. Т. 1, pt. 2. Р. 364—385. Первоначально: *Fong et Kiang, ou le Triomphe de l'amitié: Anecdote chinoise // MF*. 1778. Février. Р. 15—28.

98. Ир / [Пер. с нем.?] М. П. (№ 26. С. 412—416): Рабенер Г. В. *Irus: Eine lucianische Erzählung // Belustigungen des Verstandes und Witzes*. 1742. Wintermonat. S. 475—477. Произведение неоднократно перепечатывалось в собр. соч. автора.

99. Бианка Капелло / Из сочинений г. [А. Г.] Мейснера; [пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 28—31. С. 3—62; № 42—46. С. 234—304; Ч. 7. № 54—58. С. 3—70; № 70—80. С. 257—420; Ч. 8. № 95—105. С. 235—396): Bianca Capello // Meissner A. G. Skizzen. Leipzig, 1778—1784. Samml. 1, 3—5.

100. Описание путешествия вокруг земного шара, предпринятого аглинским коммодором Бироном в 1764 году, а оконченного в 1766 / [Пер.] Николай Савин. (№ 32—40. С. 68—202): Кампе И. G. Beschreibung einer Reise um die Erdkugel, angestellt von dem englischen Commodore Byron im Jahr 1764 und vollendet im Jahr 1766 // Sammlung interessanter und durchgängig zweckmässig abgefasster Reisebeschreibungen für die Jugend / Von J. H. Campe. Braunschweig, 1787. Th. 3. S. 1—114. (Kleine Kinderbibliothek. Bd 15). Собрание неоднократно переиздавалось.

101. Продолжение Бианки Капелло. (№ 42—46. С. 234—304). См. № 99.

102. Заблуждение добродушного отца / [Пер.] А. [А. Подшивалова]. (№ 47—52. С. 316—391): Мармонтель Ж.-Ф. L'erreur d'un bon père // Marmontel J.-F. Nouveaux contes moraux (1792).

103. Художник и мыльные пузыри / [Пер. с нем.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 52. С. 391—392): Мейснер А. Г. Автор и язык указаны в подстрочном примечании (с. 395); в сочинениях А. Г. Мейснера это произведение не обнаружено.

104. Творение любви / [Пер. с нем.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 52. С. 393—394): Мейснер А. Г. Die Schöpfung der Liebe // DMus. 1777. Bd 2. St. 7, Julius. S. 54; перепечатано в собрании: Meissner A. G. Skizzen. 2. Ausg. Leipzig, 1783. Samml. 2. S. 205—206 (собрание переиздавалось). Автор и язык указаны в подстрочном примечании (с. 395).

105. Талес и Солон / [Пер. с нем.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 52—53. С. 395—416): Мейснер А. Г. Thales und Solon // NDMus. 1790. Автор и язык указаны в подстрочном примечании (с. 395). Продолж. см. № 107; др. пер. см. № 30.

106. Бианка Капелло: Продолжение. (№ 54—58. С. 3—70). См. № 99.

107. Талесова философия / Мейснер [А. Г.]; [пер. В. С. Подшивалов?]. (№ 58. С. 73—77). Переведено из NDMus. 1790 (?). Начало см. № 105.
108. Нравы / [Пер.] Ю. (№ 59—60. С. 95—98): Извлечение из статьи «Moeurs» в кн.: [Filassier J.-J.]. Dictionnaire historique d'éducation... Paris, 1771. Т. 2. Р. 142—143.
109. Изображение потопа / Пер. с фр. Аврам Лопухин. (№ 61. С. 113—121): Геснер С. Die Sündfluth: Semira und Semin; печаталось также под загл.: Ein Gemähd aus Sündfluth: Semira und Semin. Фр. оригинал (перевод-посредник) и возможный источник, который, однако, нельзя с уверенностью считать окончательно установленным: Tableau de déluge: Semire et Semin // Huber. Т. 1. Р. 344—349.
110. О любви / Из сочинений г. [Л.-С.] Мерсье; [пер.] Николай Осипов. (№ 61—65. С. 122—184); De l'amour // Mercier L.-S. Songes philosophiques (1768); перепечатывалось во всех переизданиях сборника, в собрании Л.-С. Мерсье «Mon bonnet de nuit», t. 1 (1784; многочисленные переиздания), в контрафакции: Mercier L.-S. L'an 2440. Nouv. éd., exactement corr. et augm. d'un volume. Londres, 1785. Т. 2. Р. 106—146.
111. Простота / С фр. Ш. (№ 66. С. 198—200): Извлечение из статьи «Naïveté» в кн.: [Filassier J.-J.]. Dictionnaire historique d'éducation... Paris, 1771. Т. 2. Р. 153—154.
112. Еленин треножник: Нравоучительная сказка / Из сочинений г. [Ж.-Ф.] Мармонтеля; [пер.] А. [А. Подшивалова]. (№ 66—69. С. 200—244): Le trépied d'Hélène // Marmontel J.-F. Nouveaux contes moraux (1792).
113. Гораций и Лида / Пер. «с французского перевода герцога Нивернуа» К. П. Г. [кн. П. С. Гагарин]. (№ 69. С. 244—246): Гораций. Оды, III, 9. См.: Nivernois Louis-Jules-Barbon-Mancini-Mazarini, duc de (1716—1798). Oeuvres. Paris, 1796. Т. 6. Р. 29—30.
114. То же / С латин. [пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 69. С. 247—248).
115. Продолжение Бианки Капелло. (№ 70—80. С. 257—420). См. № 99.
116. Гроза / [Пер.] К. П. Г. [кн. П. С. Гагарин]. (№ 80. С. 421—424): Томсон Дж. The Seasons: Summer, II. 1171—1222. См.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма С. 286. № 165.

117. Кончина христианина. (№ 82. С. 31—32): *Der Tod eines Christen // Unterhaltungen*. 1769. Bd 8. St. 1, Julius. S. 16. Вероятный источник — перепечатка: *Der Tod des Christen // Mannigfaltigkeiten*. 1769. Jg 1. September 23. Woche 4. S. 63—64.

118. Десерт Сократов; Во всем нужны границы / [Пер. с фр.] Аврам Лопухин. (№ 86—89. С. 85—132): Мейснер А. Г. Отрывок из первого тома романа «*Alcibiades*» (1781), из раздела «*Alcibiades der Jüngling*». Фр. оригинал (перевод-посредник) и источник: *Le dessert de Socrate; Il faut des bornes à tout // [Meissner A. G.] Alcibiade / [Trad. par Rauquil Lieutaud, rev. par Lamarre (L. H. Dalamarre?)]*. Paris, 1789; 2d. éd. 1792.

119. Двое братьев / Мейснер [А. Г.]. (№ 89. С. 140—141): *Die beiden Brüder // Meissner A. G. Erzählungen und Dialogen*. Leipzig, 1781. H. 1. S. 89 (собрание переиздавалось). Перевод перепечатан в кн.: *Избранные повести и басни Мейснеровы / Переведенные Васильем Подшиваловым*. Владимир, 1801. Кн. 6. С. 74—76.

120. Анатомия сердца светской женщины / Пер. с фр. 4.2.2. (№ 89—90. С. 142—157): Пиньотти Лоренцо (1739—1812). Фр. оригинал (перевод-посредник) и возможный источник: *Anatomie du coeur d'une femme galante / Trad. de l'italien de Lorenzo Pignotti, docteur florentin; par M. Berenger // Mélanges de littérature étrangère*. Paris, 1786. T. 4. P. 221—236.

121. Продолжение и конец Бианки Капелло. (№ 95—105. С. 239—396). См. № 99.

122. Павел и Виргиния / Из сочинений г. де Сент Пьер [пер.] А. [А. Подшивалова]. (№ 1—16. С. 3—256): Бернард де Сен-Пьер Ж.-А. *Paul et Virginie* (1788).

123. Гимен и смерть / С аглинского [пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 16—17. С. 256—261): Мур Э. *Hymen and Death*. См.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. С. 279. № 86.

124. Овца / Из Лейдинговой ручной библиотеки [пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 17. С. 264—266). Источник: *Leyding*.

125. Бади: Индейская повесть / Из ручной Лейдинговой библиотеки [пер.] В [В. С. Подшивалов]. (№ 17—18. С. 269—280). Источник: *Leyding*.

126. Разные мысли / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 18. С. 281—282). Источник: *Leuding*. Подпись переводчика в конце подборки (с. 286).

127. Мамакир и Таукар / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 18. С. 283—284). Источник: *Leuding*. Подпись переводчика в конце подборки (с. 286).

128. Описание Юпитера / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 18. С. 284—286). Источник: *Leuding*.

129. Маскарад / Мейснер [А. Г.]. (№ 19. С. 289—291). В сочинениях А. Г. Мейснера это сочинение не обнаружено.

130. Гораций к Сексту: Книги I Ода IV / [Пер.] К. П. Г. [кн. П. С. Гагарин]. (№ 19. С. 292—294).

131. Памплемус или пампельмус / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 19. С. 296—297): *Rampelmouse // Valmont de Bomare*. Подпись переводчика в конце подборки (с. 302).

132. Бамбук / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 19. С. 297—302): *Bois de bambou // Valmont de Bomare*.

133. Лама и Зенит: Сказка / [Пер. с ? Е. П. Свиньина]. (№ 19—20. С. 303—306). Англ. подлинник: *The Rambler*. 1750. July 28. № 38; автор: Джонсон С. См.: *Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика...* С. 96. № 225. Переведено по неустановленному переводу-посреднику. Подпись переводчицы в конце подборки (с. 307).

134. Преступления и наказание / [Пер.] К. С. [Е. П. Свиньина]. (№ 20. С. 306—307): *Lichtwer M. G. Die Laster und die Strafe // Lichtwer M. G. Vier Bücher Äsopischer Fabeln (1748)*.

135. Латан / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 20. С. 308—309): *Latanier // Valmont de Bomare*. Подпись переводчика в конце подборки (с. 311).

136. Пальмист / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 20. С. 309—311): *Palmiste // Valmont de Bomare*.

137. Король на один год / [Пер.] К. С. [Е. П. Свиньина]. (№ 20. С. 312—318): *Allégorie // Cardonne D.-D. Mélanges de littérature orientale, traduits de différens manuscrits, turcs, arabes, et persans de la Bibliothèque du roi. Paris, 1770*. Источник перевода не установлен. Др. пер. см. № 53.

138. Гебенново дерево / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 20—21. С. 318—321): *Ébene // Valmont de Bomare*.

139. Молодой человек: Сказка / [Пер.] К. С. [Е. П. Свиньина]. (№ 21. С. 321—324): *Gellert X. Ф. Der Jüngling // Gellert Ch. F. Fabeln und Erzählungen, Buch 2*.

140. Маис / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 21. с. 324—329):

Blé de Turquie // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 337).

141. Патат или батат / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 21. С. 329—336): *Batatte ou Patatte* // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 337).

142. Банан или адамова смоковница / [Пер. ? В. С. Подшивалов]. (№ 21. С. 336). Подпись В. С. Подшивалова в конце подборки (с. 337).

143. Креол / [Пер.] В [В. С. Подшивалов]. (№ 22. С. 337): *Creole* // Valmont de Bomare.

144. Ручеек / [Пер. Е. П. Свиньина]. (№ 22. С. 337—339): [Marteau J.-J.]. *Le Ruisseau* // MF. 1770. Février. P. 6—7; перепечатано в кн.: [Marteau J.-J.]. *Le songe d'Irus ou le bonheur...* Paris, 1770. P. 99—100. Подпись переводчицы в конце подборки (с. 341).

145. Тамаринда / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 22. С. 342—345): *Tamarins* // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 352).

146. Олений язык / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 22. С. 345—347): *Langue de cerf* // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 352).

147. Лиана / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 22. С. 348—351): *Liane* // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 352).

148. Ронд или рондовое дерево / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 22. С. 351—352): *Rondier* // Valmont de Bomare.

149. Агатис / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 23. С. 358—359): *Agati* // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 369).

150. Папай, папайя, папау / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 23. С. 359—364): *Papayer ou papau* // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 369).

151. Манг / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 23. С. 364—367): *Manguier* // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 369).

152. Адвокат / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 23—24. С. 367—369): *Avocat* // Valmont de Bomare.

153. Тарик и Тирса / [Пер.] А. [А. Подшивалова]. (№ 24. С. 373—376): Пфейль И. Г. Б. Отрывок из повести «*Das Gesicht des Mirzah*», напечатанной впервые в кн.: [Pfeil J. G. B.]. *Versuch in moralischen Erzählungen*. Leipzig, 1757. Источник перевода не установлен.

154. Гойява, или гуайява, или индейская груша / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 24. С. 376—379): *Guayavier* // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 383).

155. Жак / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 24. С. 380—382):
Jasa // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 383).

156. Жамроз или жамбос / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 24. С. 382—383): Jambos // Valmont de Bomare.

157. Алой, алое / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 25. С. 391—399): Aloes // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 406).

158. Ракета, опунция, индейская смоковница, нопаль / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 25—26. С. 399—403): Opuntia // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 406).

159. Колючая или перуанская свеча / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 26. С. 404—406): Cierge epineux // Valmont de Bomare.

160. Татамак, такамак, горам / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 26. С. 412—414): Resine tacamaque // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 422).

161. Кокос / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 26—27. С. 415—422): Coco // Valmont de Bomare.

162. Дикая груша / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 27. С. 426—432): Pervenche // Valmont de Bomare. В качестве подстрочного примечания на с. 429 приведена выдержка из статьи «Falltranchs». Подпись переводчика в конце подборки (с. 446).

163. Фрегатка / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 27—28. С. 432—434): Fregate // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 446).

164. Белая птица тропика, двухвостка / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 28. С. 435—437): Paille-en-cul // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 446).

165. Бенгалка / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 28. С. 437—438): Bengali // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 446).

166. Кардиналка / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 28. С. 438—440): Cardinal // Valmont de Bomare. В качестве подстрочного примечания на с. 438—439 переведена статья «Tangara». Подпись переводчика в конце подборки (с. 446).

167. Ураган / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 28. С. 440—446): Ouragan // Valmont de Bomare.

168. Гезиод, или Происхождение женщин / Перевел А..... Л. [Аврам Лопухин?]. (№ 28—29. С. 446—456): Парнел Т. Hesiod, or The Rise of Women. Фр. пер.: Hesiod, ou l'origine des femmes / Poème traduit de l'anglois de Thomas Parnell // Mélanges de littérature étrangère. Paris, 1785. Т. 3. Р. 210—219.

169. Зевес и овца / [Пер.] К. (№ 29. С. 456—457): Лессинг Г. Э. *Zeus und das Schaf* // Lessing G. E. *Prosafabeln*, II, 18.

170. Полип / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 29. С. 458—462): *Polipe* // Valmont de Bomare. Краткие выдержки из статьи с собственными дополнениями переводчика, подписавшего последние в конце статьи литерой «П» (т. е. «переводчик»). Подпись переводчика, относящаяся ко всей подборке, — на с. 469.

171. Лангост / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 29. С. 462—464): *Langouste* // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 469).

172. Морской еж / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 29—30. С. 464—469): *Oursin de mer* // Valmont de Bomare.

173. Могущество религии / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 30. С. 473—474): *Die Macht der Religion: Eine orientalischen Geschichte* // *Mannigfaltigkeiten*. 1769. Jg 1. December 16. Woche 16. S. 252.

174. Маниго или маниок / [Пер. В. С. Подшивалов]. (№ 30—31. С. 475—483): *Manihot* // Valmont de Bomare. Подпись переводчика в конце подборки (с. 485).

175. Калebas, тыковник / П. [В. С. Подшивалов]. (№ 31. С. 484): Оригинальная заметка В. С. Подшивалова.

176. Остроноска / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 31. С. 484—485): *Coupeur d'eau* // Valmont de Bomare. Со вставкою из статьи «*Bes en ciseau*».

177. Шарлатан. (№ 31. С. 485—488): *Charlatan* // Vernes. Pt. 1, ch. 20.

Часть 10. 1793

178. Печальные приключения Госпожи Годень на пути из Риобамбы неподалеку от Квито, что в Перу, чрез Амазонскую землю / Из сочинений г. [И. Г.] Кампе [пер.] Александр Савин. (№ 32—35. С. 14—52): *Traurige Schicksale der Madam Godin des Odonais auf einer Reise von Riobamba ohnweit Quito in Peru durch das Amazonenland* // *Sammlung interessanter und durchgängig zweckmässig abgefasster Reisebeschreibungen für die Jugend* / Von J. H. Campe. Braunschweig, 1788. Th. 4. S. 1—32. (Kleine Kinderbibliothek. Bd 16). Собрание неоднократно переиздавалось.

179. Эмилия и Леонора / Из сочинений г. [Я. Г.] Мейстера; Перевел Александр Скворцов. (№ 35—36. С. 52—69).

180. Селико: Африканская повесть / Перевел Авр. Лопухин. (№ 36—38. С. 69—98): Флориан Ж.-П.-К. де. *Selico: Nouvelle*

africaine // Florian J.-P.-C. de. Nouvelles nouvelles. Paris, 1792. P. 71—100.

181. Похороны / [Пер. А. Подшивалова]. (№ 38. С. 98—100): Верн де Люз Ф. L'enterrement // Vernes. Pt. 2. Ch. 7. Источник указан в подстрочном примечании (с. 98); подпись переводчицы в конце подборки (с. 119).

182. Марианна / [Пер. А. Подшивалова]. (№ 38—39. С. 100—116): Верн де Люз Ф. Marianne // Vernes. Pt. 2. Ch. 8. Источник указан в подстрочном примечании (с. 98); подпись переводчицы в конце подборки (с. 119).

183. Кладбище / [Пер.] А. [А. Подшивалова]. (№ 39. С. 116—119): Верн де Люз Ф. La cimetièrre // Vernes. Pt. 2. Ch. 9. Источник указан в подстрочном примечании (с. 98).

184. Густав Линдау, или Человек, который не может терпеть зависти: Отрывок из Журнала Бранковых путешествий / Мейснер [А. Г.]; [пер.] В [В. С. Подшивалов]. (№ 39—48. С. 120—365): Gustav Lindau, oder der Mann, der kein Neid ertragen will: Fragment aus Brankos Reise-Journal // Meissner A. G. Erzählungen und Dialogen. Leipzig, 1781. H. 1. S. 45—78; 1783. H. 2. S. 1—40 (собрание переиздавалось).

185. Несколько басен того же автора [А. Г. Мейснера] / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 48—49. С. 365—376):

Молодой благородный волк: Der edle junge Wolf.

Минос и тень: Minos und Schatten.

Солнце и негры: Die Sonne und die Negern.

Источник и прохожий: Die Quelle und der Wanderer.

Малиновка и орел: Der Zaunkönig und der Adler.

Мальчик и солнце: Der Knabe und die Sonne.

Голубь и лисица: Die Taube und der Fuchs.

Отставленной волк: Der abgedankte Wolf.

186. Испытание: Арапская повесть / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 50—51. С. 389—415): Les épreuves: Conte arabe // MF. 1769. Janvier, t. 1. P. 28—43. Нем. оригинал (перевод-посредник) и источник: Die Proben: Eine arabische Erzählung / [Übers. von] F. W. O. // Mannigfaltigkeiten. 1770. Jg 2. Woche 56. September 22. S. 49—63. Источник указан в подстрочном примечании (с. 389).

187. Богатство и честь: Европейская повесть / [Пер.] В. [В. С. Подшивалов]. (№ 51—52. С. 415—434): Переведено из NDMus. Источник указан в подстрочном примечании (с. 415).

188. Путь к маршальскому достоинству / Мейснер [А. Г.]. (№ 54—55. С. 455—476): Der Weg zur Marschalswürde //

Meissner A. G. Skizzen. Leipzig, 1784. Т. 5 (собрание переиздавалось). Очевидно, подпись переводчика «В» под следующей статьей («Замысловатые слова», с. 476—480) относится и к данному переводу. Под загл. «Путь к железу маршалскому» рассказ перепечатан в кн.: Избранные повести и басни Мейснеровы / Переведенные Василием Подшиваловым. М., 1806. Кн. 9. С. 96—123.

189. О удовольствиях воображения / [Пер. с англ.] Б... (№ 55—57. С. 484—507; Ч. 11. № 69—70. С. 183—199; Ч. 12. № 85—86. С. 3—28; № 97—99. С. 207—226): *The Spectator*. 1712. June 21-July 3. Nos. 411—421; автор: Аддисон Дж. См.: Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика... С. 96. № 226—229. Возможный источник — перепечатка англ. текста в хрестоматии: [Кряжев В. С.]. Избранные сочинения из лучших аглинских писателей прозою и стихами, для упражнения в чтении и переводе. М., 1792. С. 26—73.

Часть 11. 1793

190. Гром и облако / [Пер.] М. (№ 58. С. 3—5): *Le tonnère et le nuage: Fable asiatique // Les soirées d'hiver, ou recueil de moralités mises en action*. Liège, 1771. P. 95—96.

191. Сам и другие: Сказка / [Пер.] В. Н. (№ 58—59. С. 5—32): *Soi et les autres // Les soirées d'hiver, ou recueil de moralités mises en action*. Liège, 1771. P. 235—254.

192. Выбор / Из сочинений аглинского писателя г. Помфреда [пер.] Михайло Вышеславцов. (№ 60—61. С. 40—49): Помфрет Джон (Pomfret John, 1667—1702). *The Choice, or Wish* (1700). Фр. оригинал (перевод-посредник) в изд.: *Conservateur*. 1758. Février; перепечатки: *Le Choix / Trad. de l'anglois de Pomfret // Nouveau choix de pièces tirées des anciens Mercuries, et des autres journaux / Par M. de La Place*. 1763. Т. 98 (7-е année. Т. 6). P. 98—104; *Le Choix / Poëme trad. de l'anglois de Pomfret // Choix varié*. Т. 2. P. 143—150. Ср.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. С. 279. № 91.

193. Рассуждение о женщинах и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках / Сочинение г. [Ф. А.] Гартига; [пер.] с фр. Михайло Вышеславцов. (№ 61—62. С. 50—72): *z Hartigu František de Paula* (1758—1797). *Essai sur les avantages que retireroient les femmes de la culture des sciences et des beaux-arts*. Prague, 1775. Источник—перепечатка: *Réflexions sur les femmes, et sur les avantages qu'elles retireroient de la culture des Lettres // Mélange de vers et de prose par le comte François de*

Hartig. Paris, 1788. P. 251—264.

194. Рассуждение о приятностях сельских / Из сочинений кардинала де Берни; [пер.] Михайло Вышеславцов. (№ 62—63. С. 72—86): Bernis François-Joachim de Pierres de (1715—1794). *Réflexions sur le goût de la campagne*. Произведение включалось во все собрания сочинений автора, который обозначался на тит. л. кардиналом начиная с издания 1759 г.

195. Милон: Греческая повесть / Сочинение кавалера [Ж.-П.-К. де] Флориана; пер. с фр. Михайло Вышеславцов. (№ 63—64. С. 86—110): Sophronime: Nouvelle grecque / Par M. le chevalier de Florian // MF. 1783. Février 22. P. 150—163. Повесть была включена в кн.: *Les six nouvelles de M. Florian*. Paris, 1784. P. 147—170 (сборник переиздавался). В русском переводе отсутствует вступительный абзац, которого нет также в журнальной (первой) публикации подлинника.

196. Еще две сцены из жизни Алкивиадовой: Алкивиад и Анит (улица); Собрание архонтов / [Пер. с нем.] Александр Скворцов. (№ 65—66. С. 116—134): Мейснер А. Г. *Szenen aus dem Alcibiades* // DMus. 1778. Bd 2. St. 8, August. S. 138—144. В романе «Alcibiades» (1783) этот фрагмент составил две последние сцены второго тома. Рус. пер. следует тексту книги. Автор и произведение указаны в подстрочном примечании (с. 116).

197. Прохожий и его барашек / [Пер.] М. В***. [М. М. Вышеславцев?]. (№ 66. С. 140—144): Верн де Люз Ф. *Où se loge sensibilité?* / Vernes. Pt. 1. Ch. 8—9. Источник указан в подстрочном примечании (с. 140).

198. Мое уединение / [Пер.] М. В.**. [М. М. Вышеславцев?]. (№ 67. С. 145—150): Верн де Люз Ф. *Ma solitude* // Vernes. Pt. 3. Ch. 1. Источник указан в подстрочном примечании (с. 140).

199. Злоупотребление чувствительности / [Пер.] М. В*. [М. М. Вышеславцев]. (№ 67. С. 150—158): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *L'abus de la sensibilité* // *Délassements* (2d a.). Т. 6. Pt. 11. P. 70—76. Автор и переводчик указаны в редакционной заметке (с. 135).

200. Злоупотребление философии / [Пер.] М. В. [М. М. Вышеславцев]. (№ 67—68. С. 159—164): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *L'abus de la philosophie* // *Délassements* (2d a.). Т. 6. Pt. 11. P. 77—81. Автор и переводчик указаны в редакционной заметке (с. 135).

201. Употребление философии / [Пер.] М. В. [М. М. Вышеславцев]. (№ 68—69. С. 165—182): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *L'usage de la philosophie* // *Délassements* (2d a.). Т. 6. Pt. 11. P. 82—95. Автор и переводчик указаны в редакционной заметке (с.

202. Продолжение О удовольствиях воображения / [Пер. с англ.] Б.... (№ 69—70. С. 183—199). См. № 189.

203. Антония: Повесть / С фр. Михайло Вышеславцов. (№ 70—73. С. 200—249): Гейне Х. Л. *Antonie: Aus der geheimen Geschichte eines Residenz* // [Heine Ch. L.]. *Bagatellen von Anton Wall*. Leipzig, 1783. Bd 1. Фр. оригинал (перевод-посредник): *Antonie de l'auteur de Caroline, suivie de plusieurs piéces intéressantes, traduites de l'allemand par Madame la chanoinesse de P...* [M.-E. de Polier]. Lausanne, 1787; *Antonie, suivie de plusieurs piéces intéressantes, traduites de l'allemand par Mme la chanoinesse de P...* [M.-E. de Polier]. Paris, 1787. Фр. оригинал указан в подстрочном примечании (с. 200). См.: *Кочеткова Н. Д.* Карамзин и Антон Валь // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8. С. 255.

204. Деятельная благотворительность / Из Арнода [пер.] Михайло Вышеславцов. (№ 73. С. 249—253): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *La bienfaisance active // Délassements* (2d a.). Т. 6. Pt. 11. P. 155—158.

205. Доброй человек / Из Арнода [пер.] М. В-в [М. М. Вышеславцев]. (№ 73—74. С. 253—261): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *Le bon-homme // Délassements* (2d a.). Т. 6. Pt. 11. P. 299—305. Переводчик указан в редакционной заметке (с. 135).

206. Важное чтение для молодых девиц / Из Арнода [пер.] Михайло Вышеславцов. (№ 74—75. С. 261—281): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *Lecture importante pour les jeunes personnes // Délassements* (2d a.). Т. 6. Pt. 11. P. 138—154.

207. Диего де Колменарес / Мейснер [А. Г.]. (№ 76—79. С. 289—347): *Diego de Colmenares // Meissner A. G. Skizzen*. Leipzig, 1779. Т. 2 (собрание переиздавалось). Перевод перепечатан в кн.: *Избранные повести и басни Мейснеровы / Переведенные Васильем Подшиваловым*. Владимир, 1800. Кн. 2. С. 1—78.

208. Следствие опытности или самая лучшая книга / Из Арнода [пер.] Михайло Вышеславцов. (№ 80—82. С. 354—385): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *Résultat de l'expérience, ou le plus utile des livres // Délassements* (2d a.). Т. 1. Pt. 2. P. 258—281.

209. Царица любви и черные сестры: Отрывки из одной чудесной повести. (№ 82—84. С. 386—420): Анон. соч.: *Die Minnekönigin und die schwarzen Schwestern: Bruchstücke aus einer abenteuerlichen Geschichte // Neue Thalia / Hrsg. von F. Schiller*. 1792. Bd 2. St. 6. См.: *Данилевский Р. Ю.* Шиллер и становление русского романтизма // *Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы*. Л., 1972. С. 36.

210. Продолжение О удовольствиях воображения / [Пер. с англ.] Б. (№ 85—86. С. 3—28). См. № 189.

211. Дамон и Музидора: Отрывок из Томсоновых времен года / [Пер.] М. В-в [М. М. Вышеславцев]. (№ 86—87. С. 28—35): Томсон Дж. *The Seasons: Summer*, II. 1268—1369. Фр. оригинал (перевод-посредник) — перевод Ж.-М. Бонтан. См.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. С. 286. № 167.

212. Геро и Леандр: Лирический монолог / Из Флориана [пер.] М. Вышеславцов. (№ 87—88. С. 35—50): Флориан Ж.-П.-К. де. *Héro et Léandre: Monologue lyrique*.

213. Кладина: Савойская повесть / [Пер.] Мих. Вышеславцов. (№ 88—91. С. 50—106): Флориан Ж.-П.-К. де. *Claudine: Nouvelle savoyarde // Florian J.-P.-C. de. Nouvelles nouvelles*. Paris, 1792. P. 101—158.

214. Альфред Великий / Арнод; [пер. М. М. Вышеславцев]. (№ 91—93. С. 112—129): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *Alfred le Grand // Délassements*. Т. 1. Pt. 1. P. 1—16. Переводчик указан в редакционном примечании (с. 171).

215. Исповедь одного светского человека / Арнод; [пер. М. М. Вышеславцев]. (№ 93—94. С. 129—156): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *Confessions d'un homme du monde // Délassements (2d a.)*. Т. 6. Pt. 12. P. 316—336. Переводчик указан в редакционном примечании (с. 171).

216. Цена богатства / Арнод; [пер. М. М. Вышеславцев]. (№ fortune // *Délassements (2d a.)*. Т. 6. Pt. 12. P. 337—348. Переводчик указан в редакционном примечании (с. 171).

217. Письмо из Гаги, 1775.... / [Пер.] М. Вышеславцов. (№ 95—96. С. 175—188): Мейснер А. Г. *Mord wegen überdachter Treulosigkeit // Meissner A. G. Skizzen*. Leipzig, 1780. Т. 3 (собрание переиздавалось). Автор указан в подстрочном примечании (с. 175).

218. О удовольствиях воображения: Окончание / С аглинского Б**. (№ 97—98. С. 207—226). См. № 189.

219. Попиевы стихи Невтону / [Пер.] Б**. (№ 99. С. 227): Поуп А. *Epitaph intended for Sir Isaac Newton*. См.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. С. 280. № 102.

220. Темира. (№ 99—100. С. 232—245): *Euphrosie // Bibliothèque universelle des dames: 5-e classe: Romans*. Paris, 1786.

Т. 8. Р. 231—256. Источник указан в подстрочном примечании (с. 228).

221. Национальная глупость / Арнод; [пер. М. М. Вышеславцев]. (№ 100—101. С. 249—261): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *La folie nationale // Délassements* (2d a.). Т. 6. Pt. 11. Р. 37—46. Переводчик указан в подстрочном примечании (с. 261).

222. Могущество природы / Арнод; [пер. М. М. Вышеславцев]. (№ 101—102. С. 261—277): Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *Se que peut la nature // Délassements* (2d a.). Т. 6. Pt. 12. Р. 287—298. Переводчик указан в подстрочном примечании (с. 261).

223. Пример жестокости индейцов / Из сочинений г. [И. Г.] Кампе [пер.] Ал: Са-н [Александр Савин]. (№ 102—103. С. 282—295): Ein Beispiel von indianischer Grausamkeit. Глава 16 из соч.: *Das interessanteste aus Johann Carvers Reisen durch die innern Gegenden von Nordamerica // Sammlung interessanter und durchgängig zweckmässig abgefasster Reisebeschreibungen für die Jugend / Von J. H. Campe. Braunschweig, 1788. Th. 4. S. 231—242. (Kleine Kinderbibliothek. Bd 16). Собрание неоднократно переиздавалось.*

224. Абенаци, или пример чувствительности индейцов / [Пер.] Аврам Лопухин. (№ 103. С. 296—301): Сен-Ламбер Ж.-Ф. *L'Abenaki // Saint-Lambert J.-F. Les saisons: Poeme. Paris, 1769* (сборник неоднократно переиздавался). Первая публикация рассказа: *Aventure d'un jeune Officier Anglois chez les Sauvages d'Abenakis; tirée de Mémoires particuliers // Gazette littéraire de l'Europe. 1765. Т. 4. Février 3. No. 59. Р. 230—233.*

225. Письмо к девице Т*** о выборе супруга / [Пер.] М. М. В*. [М. М. Вышеславцев]. (№ 104—105. С. 305—334): Гартиг Ф. (*z Hartigu František de Paula, 1758—1797*). *Lettre à Mademoiselle de ***, sur les réflexions à faire dans le choix d'un mari // Mélange de vers et de prose par le comte François d'Hartig. Paris, 1788. Р. 265—285. Криптоним переводчика указан в подстрочном примечании (с. 305).*

Е. Д. КУКУШКИНА

**«ЗАПИСКИ»
ПРАСКОВИИ НИКОЛАЕВНЫ
ЛЬВОВОЙ**

«Записки» Прасковии Николаевны Львовой о Г. Р. Державине никогда не публиковались полностью, хотя были введены в научный оборот еще Я. К. Гротом. По свидетельству Грота, П. Н. Львова составила их под влиянием своей учительницы Леблэр-Лебэф, которая «заставляла ее в виде упражнения исподволь записывать свои воспоминания и впечатления». «Объемистая тетрадь ее (П. Н. Львовой. — Е. К.) руки» была передана Я. К. Гроту Е. Н. Львовой, сестрой Прасковии Николаевны.¹ Отдавая должное этим запискам П. Н. Львовой, которые, «хотя и служили ей ученическим упражнением, так хорошо составлены, что читателям конечно небезынтересно будет ознакомиться с несколькими отрывками из тетради ее в подлиннике» (IX, 219), Грот полностью опубликовал и по-французски, и в русском переводе самое их начало, датированное 14 августа 1811 г., а также фрагменты о воцарении на престол Екатерины II и Павла I (IX, 219—224). Другие страницы записок, которые касаются поездки Г. Р. Державина в Малороссию и последних дней его жизни, Грот процитировал, а чаще пересказал в VIII т. «Сочинений» Державина, составляющем его биографию (VIII, 953—954, 980—982, 986—1004). Впоследствии именно этот гротовский пересказ «Записок» многократно использовался исследователями жизни и творчества Г. Р. Державина.²

¹ *Державин Г. Р. Сочинения.* Изд. Грот Я. К. Пб., 1880. Т. 8. С. 986. Далее ссылки даются в тексте с указанием тома и страницы.

² См., например: *Ходасевич В. Ф. Державин.* М., 1988; *Глинка Н. И. Державин в Петербурге.* Л., 1985.

Сопоставление опубликованного текста «Записок» с рукописью, которой пользовался Грот (ИРЛИ, д. 15. 886), позволило А. Л. Зорину выявить некоторые разночтения, показывающие издательские приемы Я. К. Грота, и сделать уточнения к биографии Державина. Так, во фрагменте о первой встрече Державина с Екатериной II, слова Державина: «...была она большая комедианка», — характеризующие императрицу, Грот заменил более нейтральным выражением: «...она мастерски играла свою роль». В одном из фрагментов рукописи, опущенном Гротом при публикации, упоминается И. И. Бахтин, о знакомстве которого с Державиным не было известно.³

Грот использовал «Записки» лишь как источник фактического материала к биографии Державина. Вне его внимания, а следовательно и за рамками издания, оказались фрагменты «Записок», дающие представление о личности самой П. Н. Львовой. Таким образом была нарушена целостность «Записок», как одного из произведений мемуарного жанра.

Прасковья Николаевна Львова (1793—1839), дочь Н. А. Львова и племянница второй жены Державина, Дарьи Алексеевны, рано осиротев (отец умер в 1803 г., а мать — в 1807), вместе с сестрами жила в доме Державиных, оставаясь там и тогда, когда сестры вышли замуж (Елизавета в 1810 г. за Ф. П. Львова, Вера в 1812 г. за генерала Воейкова). По воспоминаниям С. В. Капнист (впоследствии Скалон), «кузина наша, Прасковья Николаевна Львова, красивая брюнетка, была очень мила, удивительно как скромна и приветлива» (VIII, 952).

«Записки» П. Н. Львовой можно условно разделить на две части. Первая запись, датированная 14 августа 1811 г., повествует о каждодневном времяпрепровождении Державина в Званке. Уже этот фрагмент содержит повествовательные формы, характерные для мемуаров, — портрет Державина, дающий представление о его внутреннем мире, и небольшие сценки с многочисленными персонажами. Последующие записи велись крайне нерегулярно: 1 июля 1812 г., 15 июня 1813 г. и т. д. Впечатления о поездке в Малороссию (с 15 июня по 26 августа 1813 г.) составлены, очевидно, на основе путевого дневника. О том, что П. Н. Львова вела дневник, говорится в ее «Записках» от 17 августа 1813 г. Первая часть «Записок» завершается описанием событий 18 июня 1814 г.

Следующая запись, начатая 29 июля 1816 г., через три недели после смерти Державина, по сути составляет вторую и большую часть «Записок». Выдержанные в совершенно иной тональности,

³ Зорин А. Л. Две заметки к биографии Г. Р. Державина. Изв. АН СССР. Сер. ОЛЯ. 1986. Т. 45, № 1. С. 64—69.

эти записи делаются уже не для упражнений во французском языке, но отвечают внутренней потребности их автора: «...мое единственное утешение в том, чтобы говорить о нем, вновь вспоминать все его слова, так хорошо запечатлевшиеся в моем сердце и дающие представления о чувствах, которые питала эта ангельская душа».

В первой части «Записок» Державин предстает человеком, подводящим итоги жизни и пожинающим плоды своих прежних благодеяний. Служба государству, общение с императрицей, да и весь блестящий Екатерининский век — все теперь для него в прошлом. Даже всегдашний недруг Д. П. Трошинский теперь просто старик и интересный собеседник. Бюст Державина, соседствующий в саду графини Браницкой с бюстом покойного Потемкина, — черта, достойно венчающая это прошлое. Завершенной представляется и литературная карьера Державина.

Ощущением невозвратимой утраты пронизана вторая часть «Записок», в которой Державин — «добрый дядюшка», проводящий время в кругу близких людей в любимой им Званке. В этом повествовании много структурно законченных сцен, то мимолетных, то разработанных с театральной обстоятельностью и наглядностью, выразительны и эмоциональны диалоги. Иногда П. Н. Львовой удается несколькими штрихами раскрыть характер персонажа. Это относится, например, к Александрине Кожевниковой. Описание событий перемежается размышлениями и риторическими отступлениями. Львова стремится объяснить скрытые мотивы своих действий и поступков других людей. В своем восприятии окружающего мира она близка Державину, для которого вся природа была проявлением божественного начала. Композиция приобретает законченность в сцене поминок, перекликающейся с эпизодами подготовки к именинам Державина: «Вот гости, которых обещал нам мой дядя! Вот какие песни были у нас в его день!...»

Текущее сознание, стремление к самопостижению, внимание к малейшим движениям души характерны для последних страниц «Записок». Естественные в такой ситуации размышления о непрерывной смене счастья и несчастья в жизни человека, о фатуме, судьбе, окрашены в мистические тона, которыми и завершается рукопись.

«Записки» Львовой служат своеобразным фоном для биографических преданий о Державине, появившихся после его смерти. В них часто говорится о безграничной доброте Державина, причем фактическое событие обрастает вымышленными подробностями. Характерен описанный П. Н. Львовой случай с булочками, испеченными к именинам Державина, от которых он вынужден был отказаться по настоянию Дарьи Алексеевны. В записках А. П. Кожевникова

«Некоторые черты Званской жизни», сделанных после 1842 г., этот эпизод рассказан иначе: «Всегда невоздержан в пище, несдержанный диетами, соблюдаемыми Д. А. (Дарьей Алексеевной. — Е. К.), он (Державин — Е. К.) нередко на нее сердился, один раз вышел из-за стола один и раскладывал свой пасьянс, а когда жена, придя со всеми, начала извиняться, говоря, что он рассердился на нее, так он, удивясь, спросил, а за что, и прибавил, а я это и забыл — был горяч, но отходчив».⁴ Тот же эпизод в воспоминаниях М. Ф. Ростовцевой, дочери Елизаветы Николаевны Львовой, внучатой племянницы Державина, отличается характерными чертами анекдота — установкой на подлинность и создание психологического портрета:

«Вспоминая всегда с восхищением о доброте Гавриила Романовича, Дарья Алексеевна рассказывала следующий случай, которого все три племянницы были свидетельницами.

Не помню хорошенько, но какое-то пирожное Гавриил Романович любил особенно.

Это пирожное было заказано к обеду. Дедушка нехорошо себя чувствовал, и Дарья Алексеевна пирожное отменила. Приказание ее, не знаю почему, не было исполнено, и пирожное подали к столу.

— Ах, как несносно! — сказала Дарья Алексеевна с нетерпением, ведь я говорила, чтобы этого пирожного не делали.

— Ну, уж извини, мой друг, — заметил Гавриил Романович, приближая к себе блюдо, и с поспешностью положил себе на тарелку довольно большую порцию.

— Нет, мамичка, как хочешь, сердись ты на меня или нет, а я тебе не дам, — продолжила Дарья Алексеевна, отнимая у него тарелку, — ты так дурно себя чувствовал; и несмотря на его сопротивление она тарелку у него отняла и отдала человеку. Гавриил Романович вскочил со стула, бросил салфетку на стол, плюнул в сторону и ушел из столовой скорыми шагами.

Сидящие за столом молоденькие его племянницы даже притихли, так перепугались, воображая, что это семейная сцена и что будет какая-нибудь беда, они со страхом друг на друга поглядывали, одна бабушка преспокойно продолжала кушать свое пирожное, как будто ничего не случилось.

Когда вышли из-за стола, то увидели, что в гостиной, за круглым столом Гавриил Романович раскладывал в карты пасьянс.

Бабушка подошла к нему, ласково взяла за руку и, поцеловав ее,

⁴ ИРЛИ, ф 6962, XXXVб. 50, л. 8.

с нежностью сказала:

— Что, мамичка, рассердился ты на меня?

— За что? За что? — спросил он с удивлением и совершенно добродушно.

— А за пирожное-то, отвечала, смеясь, бабушка.

— Я и забыл, — сказал Гавриила Романович, беззаботно махнул рукой и продолжил раскладывать свой пасьянс.⁵

Рассказ Державина о его первой встрече с Екатериной II, который был записан П. Н. Львовой, приобрел в обработке М. Ф. Ростовцевой черты краткой повести с несколькими персонажами.⁶

О жизни П. Н. Львовой после смерти Державина известно немного. Несмотря на свои литературные способности, писательским трудом она не занялась, посвятив себя домашним заботам. В 1817 г., поднося ей томик своих сочинений, И. А. Крылов сделал такую надпись:

Счастливы басенки в руках твоих,
Люби и жалуй их,
И если иногда стихи мои не гладки,
Читая их в кругу друзей под вечерок,
Улыбкою своей ты скрадь их недостатки;
и слабые стихи в устах красавиц сладки —
так мил нам на груди у них простой цветок.⁷

В 1819 г. П. Н. Львова вышла замуж за К. М. Бороздина, археолога и историка. Прожив с ним 20 лет, она скончалась 3 февраля 1839 г. и была похоронена в паперти Вознесенской церкви Саввина Вишерского монастыря Новгородского уезда.

«Записки» публикуются в переводе на русский язык, который сделан с рукописи и сверен с переводом Я. К. Грота. Русский текст рукописи выделен курсивом. В некоторых случаях длинные предложения оригинала вместо точки с запятой разделены точкой. Орфография и пунктуация приближены к современным.

⁵ Ростовцева М. Ф. Воспоминание о Гаврииле Романовиче и Дарье Алексеевне Державиных с присовокуплением четырнадцати анекдотов из жизни Державина. Семейные вечера. 1864. № 3, март. С. 169—170.

⁶ Там же. С. 173—176.

⁷ Крылов И. А. Сочинения, М., 1946. Т. 3. С. 310.

ЗАПИСКИ ПРАСКОВИИ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ

Понедельник, 14 августа, Званка, 1811.

Утром, после завтрака, мой дядя обычно уходит в свой кабинет, где собирается целая толпа детей, которым он раздает по будням крендели, а по воскресениям пряники. Нет ничего более любопытного, чем видеть доброго дядюшку, окруженного этими забавными малышами; он везде и во всем выказывает ту же справедливость; иногда случается, что кому-то из малышей недостает кренделя. Дядя мой не может вынести, чтобы один получил меньше, чем другие; он посылает искать по всему дому и не успокаивается, пока все доли не будут равны. Тогда он их отпускает, все очень довольны и обещают воротиться на другой день. Очень часто я присутствую при этом дележе, находя истинное удовольствие в том, что вижу почтенное лицо моего дяди, на котором отражается ангельская доброта, посреди этой группы детей; он с ними разговаривает, его доброта видна в каждом его слове; иногда он выступает в роли их судьи. Когда к нему обращаются с жалобами, он терпеливо их выслушивает, и, выслушав обе стороны, делает легкий выговор тому, кто не прав, и восстанавливает мир между поссорившимися малышами.

Затем одна из нас читает вслух; обычно нам служит для этого «Всемирный путешественник»¹ за недостатком более интересных произведений. Мы часто замечали, что всякий раз, когда дядя задремывал, и его случайно будил какой-нибудь шум, и он просыпался, он открывал глаза, улыбаясь, и эта улыбка была его единственным укором тому, кто его разбудил.

1 июля 1812.

Возвратившись из Пскова в Званку, мой дядя Державин получил приказ снова прибыть в Новгород, куда приехал принц Ольденбургский и созвал все высшее дворянское общество; одновременно мы узнали, что Витебск, Минск и вся Курляндия были захвачены врагом.

15 июля мой дядя вернулся из Новгорода. От него мы узнали, что принц прибыл от имени императора просить помощи у знати, обещая сформировать из нее отдельный корпус и выбрать командующего. Сам он призвал жителей Новгорода оставить государственную службу и пойти сражаться против общего врага.

Прибыв в Петербург, мы нашли там всеобщую растерянность. Смоленск был только что взят. Мы готовились к отъезду из города, часть жителей, отступив, уже нашла приют в Вытегре. Все присут-

ственные места были закрыты, поговаривали также, что часть казны и имущества многих вельмож были увезены в Або; самое ужасное среди всех приготовлений, которые вынуждены делать, это то, что опекунский совет отказывался выдать жителям, хотя бы частично, деньги, которые они поместили в банк. Под предлогом, что казны не достаточно, чтобы удовлетворить всех. Все попытки моих братьев были бесполезны; мой добрый дядюшка, видя наши затруднения и осудив всех к ним причастных, решился написать письмо к вдовствующей императрице, где он изложил все обстоятельства и сообщал, что в случае продления отказа пострадает общественное доверие к кредиту государства. Благодаря Небу, это письмо имело желаемый успех и назавтра г. Саблуков, директор банка, прибыл поблагодарить от имени публики дядю за полученный капитал. Мы получили наш, и с этого момента мои дядя и тетя занялись подготовкой нашего отъезда; нас отправляли с моим зятем Львовым в Каргополь; что касается моего дяди, он с самого начала опасности постоянно настаивал на том, чтобы ничего не отправлять и не оставлять города, пока враг не окажется в нескольких верстах. Моя тетя решила его не покидать, и наши приготовления к путешествию, которые нам напоминали без конца о том, что мы должны покинуть моего дядю и тетю, становились день ото дня все грустнее. Наконец, однажды вечером, собравшись, мы устроили семейный совет и попросили разрешения остаться с ними до последней крайности. Среди всех наших печалей и волнений мои дядя и тетя высказали пожелание поехать в Киев, если случится отогнать неприятеля и покой придет на место бури. И действительно, 15 июня 1813 мы поехали из Званки. 24 июня прибыли в Москву, следуя, так сказать, по стопам неприятеля. Мы видели все бедствия, которые он причинил. 26 июня мой дядя вернулся из Кремля. Он вернулся оттуда грустным от разрушений, которые он там увидел, но удивленный, что чудом сохранилась нетронутой икона Святого Николая над входом в Кремль, над воротами, в то время как целый угол ворот был унесен взрывом.

28 июня мы остановились на станции Лопасна недалеко от Москвы; не было лошадей и мы задержались надолго, но это обстоятельство доставило моему дядюшке радость совершить доброе дело, до которых он всегда охотник. Едва мы вошли в избу, как увидели, что по деревне бежит толпа крестьян с криками, что утонул человек. Тотчас мой дядя, забыв об усталости от путешествия, взял с собой доктора и отправился прямо на место, где находился несчастный. Его вытащили из воды, но без признаков жизни. Мы узнали, что он был болен и во время приступа бросился в воду, и там, потеряв сознание и все силы, пошел на дно. Мой дядя заста-

вил доктора¹¹ употребить все необходимые лекарства, чтобы вернуть его к жизни. Но было очень трудно привести его в сознание из-за толпы крестьян, окружавшей его; одни тянули его на своих спинах, другие настаивали, что его надо покатать на бочке, которую они принесли, и не разрешали почти доктору приблизиться к умирающему. Мой дядя, видя, что такое лечение лишает утопленника остатков жизни, решил употребить свой авторитет: «Отойдите, — крикнул он, — и положите его на землю!» «Нет, барин, — ответили ему, — на землю не положим, не то земля его пожрет». Он улыбнулся этому предубеждению и отказался от своего приказа. Подошел доктор и принялся растирать утопленника, дал ему понюхать сильного спирта. Крестьянин очнулся, и его жизнь была спасена. Через несколько мгновений он пришел в сознание, принял еще некоторые лекарства, и через несколько часов он чувствовал лишь небольшую слабость. «Вот — сказал мой дядя, вернувшись в избу, — как все к лучшему произошло — эта нехватка лошадей, которая меня сначала сделала нетерпеливым, так как это случилось впервые; утонувший, может быть, бы умер, но, благодаря богу и Карлу Григорьевичу, он спасен». 2 июля мы остановились в Мценске в 25 или 30 верстах от Орла. Мой дядя нас предупредил, что он там совсем никого не знает; едва он это сказал, как мы увидели, что едет много экипажей, сначала мы их приняли за путешественников, но, к нашему великому удивлению, это была одна большая семья, когда-то спасенная от нищеты справедливостью моего дяди, которая приехала выразить ему всю свою признательность и пригласила его остановиться у них. Эта семья состояла из почтенной бабушки, по имени м-м Хлопова, которая была окружена своими детьми и внуками и, казалось, была старейшиной этой семьи; она приехала во главе ее на встречу с дядей, так что было похоже, что он с триумфом въезжает в Орел. Мы остановились у них и провели там очень приятно 3 июля (день рождения моего дяди), и потом так же, как нас встретили, то так же всей семьей и проводили до Кромн 4 июля. Мы ехали быстро, но, однако, продвигались очень мало, так как мой дядя, желанный повсюду, вынужден был останавливаться почти в каждом городе. Там самый знатный из находящихся в службе дворян приезжал просить остановиться у него. Тогда его дом заполнялся людьми, которые нам были совсем незнакомы. Одни приезжали посмотреть на моего дядю как на автора «Фелицы», другие, в парадной форме, тщательно застегнутые, приезжали оказать ему почести, будучи уверены, что он был послан императором с секретной миссией проверить, какой порядок царит в глубине империи; иные приезжали к нему как к благодетелю, напоминали ему свое дело, в котором он протянул им руку помощи, и так ис-

кренне выражали свою признательность, что это доставляло моему дяде минуты поистине восхитительные. Он, в свою очередь благодаря всех, разговаривал с ними со своей обычной добротой: *«Благодарю вас, но кто вы, не знаю и вас совсем не помню»*. Мы проехали через Батурино, где мой дядя много рассказывал мне о семье Разумовских и о ловкости, с которой императрица Екатерина привлекла его ко двору и осыпала богатством и честью, но отобрала у него титул гетмана, а с ним и власть над жизнью и смертью 50 000 душ.

7 июля мы прибыли в Обуховку к моему дяде Капнисту^{III}. Радость была большой как с одной, так и с другой стороны. Там мы нашли гостей. Это был господин Трошинский с семьей^{IV}. Этот старик, который на протяжении всей своей политической жизни стоял на дороге моего дяди и почти всегда имел противоположное мнение, казалось, был очень рад этой встрече, так как возраст и опыт утихомирили страсти и сделали истину более твердой, но также и более снисходительной. Их разговоры были по-настоящему интересны, и часто к ним примешивались остроты моего дяди Капниста.

19 мы продолжили поездку. Ужасная гроза застала нас в 10 верстах от Трубецы (деревни Петра Васильевича Капниста). Сильный ливень, молнии, которые одни нам освещали дорогу, по которой мы должны были ехать, усталость наших лошадей, которые почти не двигались больше вперед, наконец, голос нашего кучера, который, остановившись окончательно, сообщил нам на своем малороссийском наречии, *«что гребля прорвалась»*. Нам пришлось искать пристанища в одиноком доме, принадлежавшем некоему г-ну Галицкому, и вынуждены были там кое-как провести остаток ночи. Мой добрый дядюшка, вовсе не рассерженный этой помехой, первым стал над ней потешаться; он говорил, что хотел написать поэму, где изобразил бы двух фей, одну добрую, а другую злую, которые поочередно руководили нашим путешествием, доказывая свою власть. На следующий день гребля была починена и мы прибыли к Петру Васильевичу.

25 июля мы прибыли в Киев и провели там 3 дня, посещая все, что было любопытного. Мой дядя обещал графине Браницкой^V приехать в ее прекрасное имение Александрию, которое находится в 73 верстах от Киева. Поторавливаемые ее просьбами, мы поехали 28 июля и, благодаря любезному вниманию графа Санти (губернатора Киева), который предусмотрел все, чтобы наше путешествие было приятным, прибыли через несколько часов в Александрию. Воспоминание о князе Потемкине было, кроме прочих, одним из сюжетов разговора. Графиня отвела нас в нечто, похожее на Пантеон, воздвигнутый в его честь, его бюст был поставлен среди других бюстов знаменитых людей. Мы там нашли и бюст моего дяди. Повосхищавшись прекрасными

садами Александрии, увидев все наиболее интересное в Белой Церкви, 1 августа мы вернулись в Киев и провели там еще несколько дней. Вернувшись в Орел, мы увиделись еще на некоторое время с семьей Хлоповых и направились в Москву. 13 августа Москва снова предстала перед нашим взором, и, к нашему великому удовлетворению, показалась нам в лучшем состоянии, чем была, когда мы проезжали по ней впервые. Многие каменные дома, лишь стены которых уцелели при пожаре, были восстановлены заново, и в них уже жили. Нескончаемое множество рабочих всякого рода трудились в разных местах города. Шум их молотков, сочетающийся часто с их пением, оживлял город, так недавно пустой и весь в пепле. Мы покинули Москву. Чтобы сократить скуку поездки, мой дядя велел читать вслух перевод «Матильды, или О крестовых походах».^{VI} Иногда он любил рассказывать мне про царствование Екатерины и однажды сообщил мне в следующих словах о восшествии ее на престол. «Накануне Петрова дня в 1762 году государь, императрица и весь двор отправились в Петергоф, чтобы там провести именины императора; но, вместо того, чтобы посвятить этот день увеселениям, государыня в ту же ночь уехала в Петербург со всей своей свитой. Прибыв туда в три часа ночи, она остановилась в Летнем дворце, который в то время находился там, где нынче музыкальный клуб, на углу Мойки и Невского. Я был тогда сержантом в Преображенском полку, и, к великому моему удивлению, меня разбудили в четыре часа утра. Нам было приказано немедленно отправиться ко Дворцу; императрица стояла уже на балконе, окруженная вельможами и преданными ей полками. Их пушки были заряжены и поставлены так, чтобы по первому знаку начать пальбу. Привели к присяге сначала Измайловский полк, который своими знаменами и приветствовал ее как русскую императрицу. Этот полк был расставлен по Мойке с заряженными ружьями. Потом явились и другие полки и расположились таким же образом. Я также должен был присягнуть, дивясь, что приходилось возобновлять присягу так часто и что ее так дурно соблюдали, ибо не прошло еще и двух лет с тех пор, как присягали Петру III, а теперь клялись в верности императрице, не зная даже, что сделалось с несчастным государем; но все это совершалось с такой строгостью и велось так искусно графами Орловыми и самой государыней, что наиболее преданные Петру III полки повиновались беспрекословно и присягнули его супруге. Тотчас после этого великого обряда, не дав войскам отдохнуть ни минуты, нас погнали в Петергоф, чтобы привести к присяге те полки, которые там оставались. Оттуда императрица, надев преображенский мундир и сев на прекрасную белую лошадь,* с обнаженной шпагой в руках вступила торжественно в Петербург. Она была

* Эту лошадь еще показывают в кунсткамре.

встречена неоднократными приветствиями и с той минуты приняла бразды правления. Что касается несчастного императора, оставшегося в Петергофе в Петров день, то он был страшно поражен, войдя в покои своей супруги, никого там не нашел; еще более удивился он, увидев, что все приближенные к нему вельможи покинули его. Неизвестно, куда он потом девался; но в самый день выезда императрицы из Петергофа видели, как карета, запряженная шестерней, неслась по ораниенбаумской дороге. Говорят, злополучный император скончался в Ропше. На другой день императрица издала манифест, в котором объявила, что по случаю внезапной смерти императора она поставлена в необходимость принять верховную власть. Солдаты, всего более противившиеся новому порядку вещей, были привлечены на ее сторону деньгами и вином; повсюду обнаружился полнейший беспорядок. Войскам позволено было разграбить на петергофской дороге трактир *Красный Кабак*, и вообще их не могли, да и не хотели сдерживать; порядок был восстановлен только тогда, когда императрица вполне убедилась, что может царствовать безопасно. Таково было воцарение Екатерины! Таковы были средства, которыми она достигла престола, средства ужасные, и однако же доставившие России 34 года славы и благоденствия.»

17 августа мы покинули Москву. 26 августа, в годовщину ужасного сражения под Бородино, мы приехали в Званку и, принявшись за мои чтения с дядей, я предложила ему закончить «Матильду», которую прервали другие чтения, но, видя, что его это не интересовало, я попросила его почитать с ним все его сочинения, спрашивая у него объяснения того, что я не понимала; он имел любезность к ним добавить часто анекдоты, которые я переносила в свой дневник, если они не были помещены в его ремарки, продиктованные до этого. Я добавила бы только о смерти Петра III, о которой говорил дядя, то, что он мне только что рассказал.

Император Павел при своем восшествии на престол повелел вырыть тело Петра III и торжественно перевезти его сперва во дворец, а оттуда в крепость, для погребения с другими государями. Не довольствуясь этим странным актом неуважения к памяти своей матери, он захотел выкупить Ропшу у Лазаровича, которому она принадлежала, и назвать ее Кровавым полем. Но, не смотря на это, Ропша сохранила свое прежнее название, хотя и перешла в собственность казны. Иногда после наших чтений дядя рассуждал о политике. Сегодня он распространялся о том, как много зла один человек нанес всей Европе. Вообрази, сказал мне мой добрый дядюшка, что в 1786 году Бонапарт просился в русскую службу, находя, что во Франции производство в чины шло слишком медленно. Он просил принять его в русскую армию майором; императрица ему отказала, соглашаясь дать ему только чин поручика. Таким образом дело не устроилось.

18 июня 1814. Все это время дядя заставлял меня читать различные похвальные слова разным великим людям, говоря, что он намерен написать похвальное слово императору Александру по поводу целого ряда одержанных им блистательных побед, и, так как он совсем не был знаком с этим родом сочинений, то, желая знать, что написано подобного другими. Всего более ему понравилась похвала Марку Аврелию, хотя он находит, что она писана не совсем согласно с правилами, так как действие в ней смешано с повествованием. Иные похвальные слова иногда усыпляли моего дядю. В результате всех наших чтений в этом жанре, когда мой дядя то слушал, а то дремал, он наконец сказал мне, что лень его одолела и что больше он писать не будет: «Я много писал, — теперь я старый и моя литературная карьера закончена, я оставляю молодым поэтам заботу меня заменить». Время от времени он любил рассказывать мне о моем отце, о советах, которые он получил от него по поводу своих сочинений, заставляя меня читать те из них, которые отец предпочитал, и много раз перечитывал стихи, написанные на его смерть.

Званка. Суббота 29 июля.

Бог хотел нам ниспослать грозное предзнаменование неожиданной смерти моего дяди, случившейся с 8 на 9 июля 1816 г., или, скорее, 9 в 1 час 30 минут утра. Эта роковая ночь, видевшая столь гнетущее отчаяние, совершенная безопасность, как мы полагали, в отношении его здоровья, испуг, ужас овладели нами настолько, что даже горе мы не могли чувствовать.

Теперь, когда три недели прошло с того рокового дня и когда с каждым днем утрата становится для нас все чувствительнее, мое единственное утешение в том, чтобы говорить о нем, вновь вспоминать все его слова, так хорошо запечатлевшиеся в моем сердце и дающие представление о чувствах, которые питала эта ангельская душа. Начну с минуты нашего приезда сюда. Мы прибыли 30 мая в 5 часов утра в самую прекрасную погоду. Едва поднялись мы на гору, как нас поразил и остановил вид многочисленных кустов, покрытых великолепной сиренью, особенно тех, что растут справа от дома и тех, что под окнами дядиного кабинета. Восхищаясь всегда могуществом Создателя, проявлявшемся даже и в самом маленьком атоме, дядя был растроган и казался помолодевшим, радуясь вместе с нами этим очаровательным кустом. Он приближался к ним несколько раз, заставляя нас рассматривать красоту и размеры цветков, темную зелень листьев, которые выделялись своим здоровьем и вообще были такие сильные по сравнению с сиренью, которую мы оставили в нашем саду в Петербурге. Мы вошли в комнату, чтобы снять наши шляпы, но утро было столь великолепным и мы были так счастливы дышать благоуханным деревенским воздухом, выехав

из Петербурга, что через мгновение все оказались в саду. Глаза потянулись к нашим дорогим деревьям, но каково же было наше удивление! Ни одного цветка! Зеленые майские жуки, очень крупные и в великом множестве набросились на дорожку нам сирень и поглотили ее. Прекрасный цвет, которым так недавно мы все восхищались, стал красноватым и совершенно поблекшим; это всех нас удивило и опечалило. *«Знать, сглазили»*, — сказал мой дядюшка, и с грустным сердцем от потери наших красивых цветов мы вернулись к завтраку, а в это время мерзкие майские жуки, сделав свое дело, вдруг снялись в полет и исчезли. За завтраком это странное явление природы, впервые случившееся в Званке, стало предметом всеобщего разговора. Александрина Дьякова^{VII} сочла его дурным предзнаменованием, я это встретила почти с юмором, не желая связывать такую черную мысль с простым событием.

Так как мои дядя и тетя чувствовали себя усталыми и захотели немного отдохнуть до обеда, мы поднялись наверх, побыли там некоторое время и спустились только к обеду. Как только стол был убран, погода переменилась, поднялся страшный ветер, который сделал Волхов ужасным, разразилась сильная гроза с частыми вспышками молний. В пять часов пополудни управляющий пришел сказать, что возле Верочкина вяза четыре женщины сражены молнией, что одна из них только что принесена без признаков жизни, две другие без сознания, но еще дышали, а у четвертой рука и нога обожжены и отшибло слух. *«Как нынешний год наш приезд несчастлив»*, — сказала тетя; каждый из нас также подумал, не осмелившись это высказать, как и я не считая возможным говорить в подобной ситуации о том, что думает. Но и это опечалило нас не более чем наши зеленые майские жуки и чем то, что доктор не ручался за жизни других женщин, хотя они еще дышали. Представление об отчаянии этих четырех семей, мысль о смерти, такой близкой от нас и такой далекой сделали наш вечер серьезным, но — буря успокоилась, появилось солнце, высушило ступеньки, и мой дядя, как и мы, усевшись на них, наслаждался прекрасным видом Званки, который дарил такое спокойствие. *«Как здесь хорошо!»* — часто повторял он, глядя на проходившие по реке парусные суда. — *«Не налюбуюсь я на твою Званку, Дарья Алексеевна, прекрасно, прекрасно»*, — и, повторяя это несколько раз, он принимался напевать любимый им марш Безбородки.

Наш образ жизни вошел в свой обычный ритм; эта жизнь такая сладкая, когда каждый день похож на тот, что был накануне, и так все дни. Дядя заставлял меня читать вслух час поутру и час же или два после обеда; это были то газеты, то история Ролленя в переводе Тредиаковского^{VIII}, ужасный стиль которого заставлял его часто

смеяться и часто пожимать плечами, предсказывая мне, что еще немножко, и я вывихну себе челюсть. Чтобы скрасить серьезность и трудность этого произведения, после полудня я читала поэму Хераскова «Бахариана»^{IX}, сюжет которой был взят из различных русских сказок, настоящая смесь Бог знает чего! Бесчисленное множество привидений, превращений, несколько очень хороших, по мнению дяди, описаний не переставали его развлекать разнообразием. Поскольку мы читали только одну песнь каждый день после обеда, он не слишком уставал. *«Экой бред! — говорил дядя, — однако забавно, стихи гладки, описания природы хороши, и к тому же так хитра завязка, что хочется все конца дознаться»*. И потом происходили такие забавные вещи, что он смеялся от всего сердца; тетя тоже обратила внимание на наше чтение, и добрый мой дядюшка, поворачиваясь то к ней, то ко мне, улыбался нам обеим. Мне кажется, что я и сейчас еще вижу его ангельское лицо, когда он сидел среди нас на красном диване, всегда с Тайкой за пазухой, то слушая мое чтение, то раскладывая большой пасьянс. Я представляю, как он шагает по комнатам или объясняет нам различные места священного писания, упоминая самых замечательных толкователей его. Тогда глаза его сияли ярким блеском, чувства придавали ему силы; часто это оживляло его, он становился красноречивым, убедительным, в глазах блестели слезы и вся его душа в них отражалась. Три темы только могли произвести этот эффект в нем: когда речь шла о Боге, об истине и о поэзии. Любил он также говорить о царствовании Екатерины II. Это была пора его молодости, когда его одаренное воображение всей силой своей заполняло жизнь соблазнительными иллюзиями. Он говорил мне о славе России во время ее царствования, о великих людях, прославивших ее, о своих первых лирических опытах, которые без его ведома были представлены Императрице и вызвали у нее желание его увидеть. Ее прием, который был ему оказан, этот взгляд, которым она окинула его с головы до ног, чтобы рассмотреть того, кто, как она выразилась, «так хорошо ее знал». *«Я вовек этого взгляда не забуду, — говорил добрый дядя, — Я был молод, ее вход, величие окружающее, этот важный царский взгляд — все меня так поразило, что она мне казалась существом сверхъестественным, но теперь, как все это поразмыслю, то должен сознаться, что была она большая комедиантка и знала, как людям пыль в глаза пускать»*.

Желая продолжить объяснения, которые он сделал на четыре первых тома, он заставил меня читать пятый, только что отпечатанный. После того как мы этим некоторое время занимались, он сказал мне: *«Эта часть как-то скукой пахнет и напоминает то время, в котором она писана была, или просто сказать, оттого, что*

я стар стал». Мой зять Воейков, вернувшись из Тамбова, привез нам книгу, которую очень хвалил. Дядя ее читал, да забыл, это было объяснение литургии^X. Он захотел ее перечитать, взял свою лупу (так как зрение его ослабло в последнее время) и позанимался этим какое-то время. *«Я так устал,— сказал он мне. — Паша, почитай мне вслух, но не торопись, ты плохо договариваешь окончательные слова, а я и совсем плохо слышу»*. Часто прекрасная погода прерывала наше чтение и приглашала выйти из гостиной и сесть на ступеньках. Зная, что ему доставляло удовольствие слышать, как мы с Александриной поем, я брала арфу и мы пели вместе *«Вошел в шалаш мой торопливо»*,^{XI} и он одновременно восхищался природой, спокойствием Волхова, в котором, как в зеркале, повторялся окружающий пейзаж, или считал на пальцах стопы стихов, которые сочинял в это время.

Раз утром (я думаю, что 1 июля), когда дядя слушал как я читала объяснение литургии, которое доставляло ему много удовольствия, мы дошли до места, где говорилось о благоговении, с каким все присутствующие должны это место слушать, когда любое земное чувство должно исчезнуть и уступить место бесконечной признательности за все милости нашего Господа, который пожертвовал собой, чтобы обеспечить нам вечное спасение, думать о жертвоприношении, которое совершается на алтаре во время литургии, вслушаться во все молитвы, живо в них проникнуть, так, чтобы стать бесстрастным, когда никакая земная привязанность не отвлекает нас от молитвы. *«Как это трудно,— говорил дядя. — Как часто во время службы о молитве и не думаешь, правда, иной раз сердце разогреется, слезы брызнут от восторга, кажется, как бы искра Господня заронила в душу, встухнет, но потом суета мирская займет собою и искра эта божественная совсем потухнет. Я в таком восторге, стоя у заутрени на святой праздник, написал первую строфу оды Бог. Слезы катились градом, и с чувством, исполненным благодарности, я написал то, что сердце мне сказало»*. Говорил он мне это с выражением уверенности во всех словах. Глубоко взволновавшись, он прервал мое чтение и принялся ходить взад и вперед по комнате; я села за пианино и заиграла Анданте принца Людвига Прусского^{XII}. Эта нежная музыка, которая носит отпечаток меланхоличности, понравилась моему дяде, он подошел к пианино. *«Что такое ты играешь?»* — спросил он меня. Я назвала ему автора. *«Как эта музыка мне нравится, гармония такая тихая, унылая, видно, принц Людовик был меланхолик, это заметно по его музыке»*. Мы об этом долго разговаривали, я рассказала, как жалели о принце, который умер совсем молодым, лучшие музыканты; он слушал меня с интересом, потом попросил снова сыграть Анданте.

Я его играла еще много раз после обеда, в то время, когда он раскладывал свой большой пасьянс. «*Прекрасно, прекрасно*», — повторял он, проходя мимо меня в свой кабинет на послеобеденный отдых. Мы шли наверх, работали и читали до его пробуждения. Узнав, что он встал, мы спускались, чтобы провести остаток вечера с ним и тетей. Едва увидев, как я вхожу, он сказал мне: «*Представь себе, твоя музыка мне так понравилась, что я сейчас видел во сне твоего принца Людовика и с ним об ней говорил*». Все это доставило мне удовольствие, однако дядя не выглядел веселым и, чтобы его развлечь, я предложила ему почитать что-нибудь из его пятого тома. Он выбрал маленькую оду в греческом стиле (как он сказал), озаглавленную Полигимнии, вымышленное имя для означения девицы Стурдзы^{XIII}, которая очаровала его на вечере у мадам Свечиной, прочитав в совершенстве оду «Бог». Мы вышли из комнаты, так как дядя пожелал немного погулять по саду и подняться на вершину холма, который находился слева от дома и вид которого так красив. Там мы встретили мою тетю. Она указала ему, что все деревья, посаженные ими, так хорошо принялись, что и любимой его бани стало не видно. «*Все это хорошо, прекрасно*, — сказал он ей — *но все это что-то меня не веселит!*». Когда через несколько минут тетя нас оставила, он, не стесняясь больше, стал говорить: «*Я стар стал и кое-как остальные деньки доживаю*». Это испугало меня, я ласково взяла его за руку, говоря, что его меланхолия происходит, быть может, от состояния его здоровья. «*Нет, благодарить Бога, я сегодня здоров*», — он тотчас же вернулся и принялся за свой большой пасьянс. 3 июля, день его рождения, приближался. Семен Капнист^{XIV} прибыл накануне, чтобы провести его с нами. Это доставило удовольствие дяде, он расспрашивал его о политических новостях, о том, что говорят в Петербурге, и, услышав, как много недовольных и ропшущих, выразил удовольствие, что его там нет: «*Живем мы здесь спокойно*, — сказал он — *и долго меня в Петербург не заманют*». Тетя послала за священником, чтобы читать вечерние молитвы и «Тебя, Боже, славим», дядя чувствовал себя прекрасно, и мы просили Бога, чтобы он подольше оставался в таком состоянии. Сам он, стоя у двери в гостиную, молился с тем выражением спокойствия и покорности, которое всегда снисходило на него во время молитвы. Тайка, лежащая возле него на подушечке, привыкла не уходить, пока священник был там. Когда молитва закончилась, мой дядя пригласил священника попить с нами чаю, говорил о хлебе, об урожае, который, как он надеялся, будет хорошим, спросил, когда граф Аракчеев ждет к себе Императора и услышал, что это будет 8 или 9 сего месяца.^{XV} Время пребывания моего кузена Семена у нас прошло очень приятно, он заменил меня

на некоторое время в чтении, а в промежутках мы совершали прелестные прогулки. Однажды, это было 4 июля, Семен предложил нам пойти в Дымну. День был прекрасный, и так как все утро он был занят с дядей, то на эту прогулку было оставлено послеобеденное время. Мы уже весело тронулись в путь вдоль реки, как вдруг прибежал один из слуг дяди, остановил нас: *«Дяденька вас зовут»*, — сказал он. Мы повернули обратно, сожалея, по правде, что прогулка не состоится, что ее придется отложить. Мы пришли к дяде. *«Куда это вы собрались?»* — спросил он меня. *«В Дымну, дяденька, брат Семен там не бывал»*. — *«Так и быть, другой раз побывает, а теперь, Семен Васильевич, возьми-ка ты книжку, да почитай мне; а вы мои голубушки, садитесь»*. Мы, с вытянутыми минами, устроились вокруг его стола, и через минуту разразилась страшная гроза с проливным дождем. Он, улыбаясь, проговорил: *«Хорошо же, что я вас вернул; посмотрите, какая погода, вы бы все перемокли, перепростудились, занемогли бы, чего нет, перемерли, может быть, смотрите, от скольких бед я вас избавил»*. Мы от всего сердца смеялись при этом перечислении внезапных несчастий, которые его предусмотрительность отвратила от нас, вечер прошел весело, и закончился день, счастливый и спокойный.

В среду, 5 июля, дядя, встав, почувствовал себя плохо и за завтраком сказал нам, что у него небольшие спазмы в груди, которые сопровождаются легким жаром: *«Почувствовал я жар и пульс поднялся, вот тут забилось»*, — прибавил он, положив себе пальцы на виски. Это встревожило тетеньку, так как он очень редко жаловался на спазмы, и она тотчас же принялась уговаривать его быстрее ехать в Петербург. *«И, вздор какой, матушка. К чему это в Петербург? Стоит ли того?»* — ответил он ей, принявшись говорить с Семеном и не захотев больше об этом слышать. День прошел спокойно. Он был прекрасен. Моя тетья на крыльце восхищалась спокойствием реки, кораблями, которые тихо проплывали и почти не волновали поверхность воды. *«Мамочка, поди-ка ты к нам, — крикнула она ему в гостиную, — Посмотри, как здесь хорошо»*. Он тихо поднялся и побрел было к нам, но, найдя, что время уже позднее и опасаясь охладиться, тотчас же воротился и сел к своему столу. Я осталась на улице, но через окна видела его спокойно сидящим и раскладывающим свой большой пасьянс. Вдруг я заметила перемену во всех его чертах, он потер грудь и лег на спину. Тетья быстро вышла из гостиной, чтобы предупредить врача; едва она вышла, как я услышала, что дядя закричал, он запрокинул голову и все черты его выражали самую острую боль; я подошла к нему, потеряла ему грудь, он продолжал стонать, прибежал врач, натер его нашатырным спиртом, положил ему на желудок мешочек отрубей. Боль мало по малу утихла и через несколько минут не беспокоила его. Он

захотел только пойти отдохнуть и заснуть ненадолго в своем кабинете. Его страдания, которые мы видели, крики, которые мы слышали, потрясли нас, и мы долго не могли прийти в себя. С большим основанием моя тетя очень испугалась. Дядя уснул спокойно, и тетенька побывала еще на крыльце, где были мы с Семеном. Хорошая погода, как и спокойствие, в котором мы пребывали за какую-то минуту до этого, сменилась огромными облаками, которые разразились дождем и заставили нас искать убежища под колоннами крыльца. Беспокойство, которое испытывала моя бедная тетя, оставило на ее лице не свойственный ей оттенок печали. *«Какой на нас на всех черный год,— сказала она. — Куда ни обернешь, везде горе. И Лиза Ганичку схоронила^{XVI}, Нилов в петлю лезет, Бакунины разорены, вот, боже мой, и у нас горе»*. Она сказала это тоном таким горестным, что слезы потекли невольно. *«Наше горе, тетенька, Бог обратит»*. — *«Ах, конечно! — промолвила она, как будто испугавшись того, что произнесла раньше. — Нет, непременно надо его уговорить ехать»*. Мы с Семеном хотели присоединить к этому и наши просьбы, когда дядя проснется, надеясь, что он на это согласится ради спокойствия моей тети. Она вышла посмотреть, не проснулся ли он. Оставшись одна, я не смогла больше сдерживаться и принялась рыдать, в то же время пугаясь своих слез, ведь дядя чувствовал себя хорошо и спокойно спал, а моя боль была такой горькой. Нас пришли предупредить, что он проснулся, чувствовал себя хорошо и зовет в свой кабинет, чтобы сыграть партию в бостон. Едва мы собрались, как сразу же принялись просить его покинуть Званку, чтобы поехать проконсультироваться в Петербург, он твердо решил, что этого не хочет. *«Просто напишу Роману Ивановичу Симп[н]сону,^{XVII} опишу обстоятельно свою болезнь. Завтра Семен Васильевич поедет, сам ему записочку мою свезет, пополнит ее тем, что сам видел, и коль тогда Симпсон почтет нужным мне приехать, в чем однако, очень сомневаюсь, тогда и поедем, что мне делать в Петербурге?»*. Опасаясь рассердить его настойчивыми просьбами и доставить ему еще большие страдания, мы замолчали и бостон начался; он пришел в свою обычную веселость и смеялся над нами, Семеном и мной, что мы вечером едим так много фруктов. Он шутил в продолжение всей игры, после чего велел позвать Абрамова^{XVIII} и продиктовал ему свое письмо к Simpson; мы были так успокоены на его счет, что очень смеялись над содержанием письма, в которое он включил очень обстоятельные детали, сам смеясь этому. Прохаживаясь по кабинету, он диктовал, полагая все же, что спазмы могли быть из-за желудка и что он привык почти каждое лето принимать рвотное средство, которое ему помогало; он решил принять его за обе щеки; иногда ему казалось, что причиной спазм был вновь начавшийся геморрой, который, время от времени

причинял ему страдания. Вечер закончился, мы разошлись веселые и спокойные, особенно таким казался мой дядя; наверное для того, чтобы придать нам мужества, он утверждал, что, приняв рвотное усталый, «он вострепнется молодцом» на следующее утро. 6 июля Семен уехал. Он имел разрешение пробыть у нас всего лишь несколько дней; тем более он видел, что мы успокоились насчет состояния дяди, который в это же утро принял легкое лекарство, чтобы подготовиться к своему рвотному, и не жаловался ни на какие недомогания. В этот же день после обеда мой кузен показал мне четыре прекрасных стиха, которые заканчивались так: «Il est grand[e], il est beau de faire des ingrats^{XIX}». В этот момент вошел дядя и, к моему великому удивлению, я услышала, как он наизусть читает эти самые четыре стиха. Я не могла удержаться от улыбки, потому что впервые слышала, что он декламирует французские стихи. Он сказал, что давно их знает. *«Тут очень тонкая философия»*, — он хотел нас поправить в произношении стиха, сказав: «Il est beau, il est grand[e] de faire des ingrats», — полагая, что здесь должна быть рифма. В пятницу, 7 июля, он пришел к общему завтраку, поел с большим аппетитом, но, вспомнив о своих спазмах, решил принять рвотное на другой день натощак. Тут же он велел мне взять том «Всемирного путешественника», книги, которую я называла «Вечный путешественник», так как мы прибегали к ней всегда за неимением другого чтения, и которая очень развлекала моего дядю. Мы добрались до описания Англии, где говорилось о различных обществах, которые были в Лондоне, о нравах и обычаях, о характере нации. *«Ну как же ты можешь этой книги не любить?»* — сказал он мне, — *«Сколько тут любопытного, и у кого память хороша, сколько пользы прочесть ее, но я что прочел, то забыл опять, за новое читаю»*. Дойдя до места, где говорилось об обществе толстяков, он очень развеселился. Это было братство, в которое принимали только прошедших через очень широкую дверь. *«Ну, мой друг, мой любезный Бахтин^{XX}, конечно, принят был бы в то общество»*. Он его называл «мой любезный» потому, что каждое воскресенье я приходила взять его под руку, чтобы пойти к обеду, потому что он жаловался, что его возраст и большая полнота мешали ему подойти вовремя, чтобы предложить руку мне. Наше чтение было закончено, я поднялась к себе, дядя ушел в свой кабинет. Все наши дни походили один на другой; час или два чтения утром, потом обед, потом его послеобеденный отдых, потом вновь чтение до бостона, который прерывался ужином, — и день спокойно заканчивался. Часто мой дядюшка завершал его, повторяя свои прекрасные стихи:

Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера.^{XXI}

В тот послеобеденный час при моем чтении случилось незначительное событие, которое возбудило во мне какие-то предчувствия, напомнив об увядшей сирени, о четырех женщинах, убитых возле дома в день нашего приезда. Итак, я читала дяде и несколько раз услышала, как скрипит пол; я не суеверная и не придавала этому шуму никакого значения, но когда я услышала, что он повторяется неоднократно, вспомнила, что кто-то говорил, что это плохой признак и *значит, что хозяев выживляют*. Я сделала вид, что не слышу, и продолжала чтение, повысив голос, но шум опять повторился. «*Слышишь ли, Паша, как пол трещит?*» — сказал он мне. «*Слышу, дядинька*». Я тотчас подыскала (ради собственного удовлетворения и чтобы успокоить его) объяснение этому шуму. Я ему сказала, что шум происходил, вероятно, оттого, что бюсты Императора и Императрицы, которые до этого были поставлены в двух углах комнаты, были переставлены к канапэ и что пол, не имея больше веса в этом месте, естественно, трещал. Не знаю, был ли этот довод хорош, но мне он показался достаточным, чтобы отогнать любую другую мысль из моей головы и особенно из головы моего дяди, из-за опасения, как бы он не придал этому пустяку какого-нибудь значения. «*Нет, мой друг,* — ответил он мне. — *Это трещит не по углам, а подле самых мраморных столиков, и мы сегодня перед обедом слушали все это с Дарьей Алексеевной, она и причину тому искала*», — и не добавил, нашла ли ее.

И наступил тот ужасный день, за которым последовала эта страшная ночь, которая навсегда разлучила нас с моим добрым дядей. Однако начало его было полно счастья и радости для нас. Дядя, поднявшись рано, принял свое рвотное, которое, произведя наилучший возможный эффект, освободило его от избытка пищи и от этой тяжести и явной слабости, на которые он жаловался накануне. У него не было ни малейших спазм, так что, придя к завтраку, он сказал нам с сияющим видом: «*Ну, слава Богу, мне после рвотного стало гораздо лучше*». Обрадованная этим известием, я поспешила сообщить об этом своим сестрам, зная, что накануне они беспокоились о состоянии здоровья моего дядиньки. Это письмо должно было уйти на другой день, и это завтра должно было принести такие жестокие изменения в нашу Званку, недавно счастливую. Я его переписываю, это письмо, потому что оно говорит о дяде; оно может потеряться, а все, что касается его, все становится теперь драгоценным.

Званка. Суббота, 8 июля 1816.

Полагая, друзья мои, что вы должны быть беспокойны насчет здоровья дявеньки, спешу вас уведомить, что ему теперь лучше, сегодня принял он рвотное, которое сделало ему большую пользу и уменьшило боль в груди.

В этот момент мне пришлось сказать, что дядя ждет меня; «Это чтобы читать» — сказала я Александрине и, взяв мою большую подушку, чтобы поработать после чтения, я спустилась.

Войдя в гостиную, я положила мою работу, взяла «Всемирного путешественника» и хотела читать, но он меня тотчас прервал: «*Не я тебя звал и не для того, чтобы читать, а вот кто изволит тебя спрашивать*», — сказал он, указывая на двух маленьких птичек, которых с месяц тому назад моя тетя взяла из гнезда и которые так освоились, что клевали из моей руки; стоило мне опуститься на пол, то тотчас же эти проказницы с высоты люстры спускались, чтобы поклевать хлеба с молоком, который был им приготовлен. Это забавляло моего дядю. «*Давно они уже тебя кликают*, — сказал он мне. — *Смотри, вот она на люстре*». Я взяла их еду и положила на пол так, чтобы он мог меня видеть. Они тотчас же прилетели, он улыбнулся, и, казалось, ему нравилось смотреть на эту сцену; рассеявшиеся птицы взлетели, а он сказал мне со своей обычной добротой: «*Впрочем, мой друг, ежели тебе не скушно, то почитай мне*». «*Я с удовольствием читать стану, милый дядинька*», — ответила ему я и сразу же взяла книгу. Тетя, присутствовавшая при этом, поцеловала его несколько раз и ушла заниматься своими делами, я же читала до обеда. У дяди проснулся аппетит, и он тоже попросил обеда, но врач этому воспротивился, напомнив, что он принял утром рвотное, что желудок нуждается в отдыхе и что обедать должно лишь вечером. Более того, моя тетя заметила, что, несмотря на это, желудок у него еще был жесткий и переполнен, он ей ответил, улыбаясь: «*Это тебе, матушка, кажется*», — но согласился не обедать, заказав себе хорошую уху на 8 часов вечера. Вскоре после нашего обеда он сказал, что снова немного стали появляться спазмы, из чего заключил, что они происходят не из-за желудка, и что он смог бы без риска поесть супа; его доктор опять этому воспротивился. «*Хорошо тебе, братец*, — ответил он ему, смеясь, — *с полным брюхом мне есть запрещать, мой-то ведь пуст и есть просит*». Спазмы начались снова, но очень легкие, и так как он долго спал утром и не обедал, то остался в гостиной раскладывать пасьянс. Поскольку мое письмо не было закончено, я попросила остаться Александрину Кожевникову и, сказав дяде, что вернусь, принялась рассказывать сестрам в письме, что спазмы уменьшились, но тем не менее он жаловался на легкое удушье в груди: «*Теперь, друзья мои*, — писала им я, — *я беспрестанно с дядинькой, опять всемирный, вечный путешественник засыпляет его, потом бостон целый вечер, хоть и не совсем весело, но, слава Богу, что дядинька чем-нибудь заняться может, это знак, что ему лучше, а, право, после этой передраги (такой сильный приступ спазм) так тяжело было нам всем, что теперь кажется и весело и хорошо*».

Было уже около 7 часов вечера, когда я писала это письмо, оно доказывает, как мы были успокоены. Александрина^{XXII} сказала, что в мое отсутствие тетя принесла особые маленькие булочки к чаю, которые она велела испечь к его празднику, они были на масле и дядя их очень любил. Намереваясь их попробовать, он дотронулся до одной и улыбнулся тете: *«Ну, благодарствуй, матушка, что эти булочки спечь приказала, — сказал он, — в мои именины мы ими будем гостей подчивать, вот добрая, знать, жена, что наперед о мужниных именинах помнит»*. *«Мамичка, — сказала она, — и эти булочки не для тебя; ты знаешь, и они тебе вредны»*. *«Знаю, ответил он ей, — и это для гостей»*. В этот момент вошла я, и почти тотчас же князь Шихматов и его зять молодой Тырков^{XXIII} приехали к нам. Дядя отдыхал в это время в гостиной на красном сафьяновом диване; он усадил князя рядом с собой, поговорил с ним о разных вещах и, снова попросив есть, получил в ответ просьбу подождать немного, повернулся к князю: *«Ну посмотри, братец, что за житье, есть не дают»*. Он сказал, что мы все были в заговоре с тетей, чтобы мешали ему есть. *«Помнишь ли, — сказал он мне, — петербургские ерши?» — «Помню, дяденька», — и я рассказала князю, что, уезжая в Званку на несколько дней, моя тетя поручила мне заботы по хозяйству, и особенно о строгом наблюдении за диетой моего дяди. Однажды за завтраком он сказал мне, что дома обедать не будет, так как обещал графу Пушкину обедать у него: «А тебе, чтоб не скучно было, то забезу тебя к Лизе, а вечером приезжай часу в десятом», — так мы расстались. И действительно, днем его не было, но, вернувшись домой на час раньше, чем обещал, он тотчас же заказал суп. «Скажите, чтобы поторопились ершей сварить», — сказал он моим кузинам Капнист, — чтобы мы успели поужинать до Пашиного приезда». Рыба была тотчас же куплена, сварена и принесена в гостиную. Едва мой дядя сел за стол, как я, словно тень, появилась перед ним. «Эка злодейка, без себя и поужинать не даст. Я так торопился, а она как сон в руку». То, что он намеревался съесть, было слишком безобидно, чтобы повредило его здоровью. Боясь его рассердить и сделать ему еще хуже, я поцеловала ему руку и просила только не есть слишком много. Князь Шихматов и молодой Тырков были еще здесь, когда один из музыкантов принес подстреленную им дичь. Дичи было много, и дядя велел его позвать. «Спасибо, Андрей, что так много дичи принес. Матушка, — сказал он, обращаясь к тете, — дай ему пять рублей; да нее забудь же, а дичь ту мы с соседями поделим, прикажи с князем отпустить половину». Потом, вспомнив об охотнике, он сказал: «Хорошо, Андрей, что много принес, но экономию надо знать; будет ли у нас дичины к моим именинам, а то всю перестреляешь, а тогда*

гостей будет много, было бы чем подчивать». «Будет, сударь», — ответил он ему. — принесу больше того», — он его отослал, напомнив тете о деньгах, которые ему обещал. Наши гости покинули нас, и мгновение спустя дядя попросил супа.

Было 8 часов вечера, рвотное произвело хороший эффект, но не избавило полностью от спазм, дядя хотел нам доказать, что это происходило не из-за желудка, и велел принести суп. Он нашел его великолепным и, невзирая на наши просьбы, съел две тарелки, в которых размочил много хлеба. Не осмеливаясь прикоснуться к рыбе, но находя ее очень по вкусу, он предложил нам, тете и мне, съесть ее вместо него, мы предпочли чай, который и был нам подан. Едва он съел последнюю ложку супа, как сильная дрожь охватила его, ногти у него почернели, и тетя, испугавшись, побежала уведомить доктора,^{XXIV} тот пришел, попытался нас успокоить, сказав дяде, что принесет ему шалфея с какими-то каплями, что это заставит его пропотеть, советуя ему, тем не менее, лечь в постель, чтобы облегчить дыхание. Выходя, он сказал горничной, которая прислуживала за чаем, что этот внезапный приступ жара тотчас же после обеда очень его испугал. Мы об этом тогда ничего не знали, и дядя, несмотря на озноб, сохранял обычную шутливость. Он был еще в гостиной, когда врач пошел готовить шалфей; принесли чай. Горячо желая видеть его избавленным от боли, я спросила тетю по-французски, не добавить ли в чай чуточку рому, чтобы немного согреть дядю, который употреблял его очень редко. Я спросила это по-французски, чтобы дядя меня не понял. Если моя тетя нашла бы в этом что-нибудь вредное и это бы пришлось не по вкусу, я жестоко упрекала бы себя в своей бестактности. Тетя, подойдя ко мне, сказала: *«Мамочка, вот Паша вздумала, не лучше ли тебе выпить чаю с ромом, чтоб скорее согреться, вот и чай стоит».* *«Пожалуй»* — ответил он ей, но тут вошел доктор и категорически этому воспротивился, сказав, что шалфей будет более эффективным, и сам побежал за ним. Дядя улыбнулся: *«Как всякий человек самолюбив, — сказал он нам, — Всякий думает, что свой совет лучше. Паша, ведь тебе очень хочется, чтобы я выпил чаю с ромом, да и я на то согласен, оно скорее, а мой эскулап и слышать об этом не хочет оттого только, что не он, а ты это предложила».* *«Я это для того только предложила, милый дядинька, чтобы скорее согреться вы могли»*, — сказала я, целуя его в плечо, но его озноб все возрастал. Была уже половина десятого, он решил пойти лечь, вошел в свой кабинет, чтобы почитать вечерние молитвы, и, пройдя в спальню, лег в постель. Тетя вернулась, так как мы все собрались в столовой, и успокоила нас, сказав, что озноб уменьшился. Ужин был подан, и, уже успокоившись немного, тетя велела нам садиться за стол, но сама она не была голодна и решила вернуться к дяде. Поужинав,

мы вернулись на диван, который отделен от спальни лишь маленькой дверью. Александрина Дьякова, видя, что мы только втроем, не опасаясь высказала свое мнение о беспокойстве, которое испытывала тетя при малейшем недомогании моего дяди, что в его возрасте любые болезни могут быть смертельными. Я восприняла это с грустью, говоря, что у нее всегда черные мысли и что она так холодно говорит о смерти. «Милая, — сказала я, когда очень любишь человека, то чем он старше, тем больше опасаясь не только говорить о смерти, а даже о ней думать». «Ну, по-моему, — возразила она, — это глупость, из-за этого не умирают». Мы еще разговаривали, когда я услышала стоны. «Снова начались спазмы», — сказала я своим кузинам и вне себя побежала в спальню, вошла туда. В это мгновение я увидела тетю, выходящую с искаженным лицом. «У него тоска несносная, — сказала она, — он бредит», — она принялась ходить, ломая себе руки. Войдя в спальню, я подошла к дяде; он пришел в сознание, но очень жаловался: «Ох, тяжело, ох, тошно, Господи, помоги мне, Господи, помоги мне, грешному... Не знал, что будет так тяжело — Так надо!... Господи, помилуй меня, прости меня». Вот что я слышала. Эти слова разрывали мне сердце. «Так надо, так надо, — снова с интервалами повторял он, — не послушал», — разумея, вероятно, суп, который тетя просила есть поменьше. Его жестокие спазмы возобновились сильнее, чем всегда, он метался в кровати, стонал, ломал от боли руки. Напрасно ему прикладывали горячие полотенца, натирали его спиртом, ничто ему не помогало. Врач полагал, что горчичник, поставленный на область желудка, снимет боль или, по меньшей мере, отвлечет от боли; ему поставили один, он успокоился, на какое-то время его кроткое расположение духа тотчас возвратилось. «Вы отужинали?» — спросил он, увидев меня возле кровати. «Отужинали, бесценный дядинька», — ответила я. «Больно мне, что вас всех так взбудоражил, без меня давно бы все спали». Я побежала к тете сказать, что он успокоился, так как у нее не было больше сил его видеть. Она вошла и, приблизившись к нему, попросила не откладывать больше отъезд и разрешить все подготовить к завтрашнему утру. «Зачем мне ехать? — ответил он ей. — Бог даст, все пройдет». «Нет, мамичка, для моего спокойствия поедем». — «Ну, пожалуй, коль непременно ты хочешь и что мне лучше не будет, то завтра поедем». Довольная тем, что он согласился на отъезд, тетя вышла сделать наспех необходимые распоряжения; мы должны были ехать на другой день рано утром. Оставшись в комнате, я слышала, как доктор спросил, произвела ли горчица свое действие? «Уж не только щиплет, — ответил он, улыбаясь, — а просто кожу дерет, но я этой боли рад супротив той-то. Слава Богу, теперь отдало». При этих словах радость появилась на всех лицах, но, увы, она была недолгой. Опять наступил

ужасный момент. Он снова начал жаловаться, метаться на кровати от приступа спазм, которые возобновились с такими сильными болями в сердце, что, казалось, они его задушат, и только рвотное могло его от них избавить. «*Ох тяжело, ох тошно,*— закричал он снова. — *Господи, помоги мне*». Потом, обращаясь к Максиму Федоровичу^{XXIV}, «*Дайте что-нибудь, чтоб меня стошнило, меня только тянет, а поднять не может. Ох, тяжело, прости мне, Господи*». Эти слова смешивались со стонами такими глубокими, что они разрывали сердце. Ему дали ромашку — в надежде, что она поможет ему вытошнить пищу, которую его желудок не мог переварить, он выпил несколько чашек, которые только увеличили его стеснение в груди и жестокие, измучившие его, рези. Видя столь тяжкие страдания того, кто был нам так дорог, и не имея возможности избавить его от них, я, со сжавшимся сердцем, побежала броситься на колени перед маленькой иконой, которую заметила в гостиной. Там, одна перед моим Богом, я больше не пыталась силой успокаивать свое сердце и разразилась потоками слез. «*Помоги ему! Исцели его, Господи!*» — вот что самая глубокая боль заставила меня сказать. Молитвы не успокоили меня; я поднялась такой же безутешной, какой была до этого. Я не почувствовала никакого утешения, которое поддержало бы меня в моем горе надеждой, что мои молитвы были услышаны, я побежала к моей бедной тете, от нее к дяде, его я нашла в том же состоянии, его сердечные боли не стали слабее, а стоны не стали менее ужасными. Доктор потерял голову. «*Не дать ли ему еще одну ложку рвотного?*» — спросил он меня. Это решение казалось разумным. Я побежала к тете, так как доктор не хотел ничего предпринимать без ее согласия, обрисовала ей состояние моего дяди. Она решилась на ложку рвотного. «*Дать ложку*» — сказала я, входя, — *Тетинька приказала*. «*Боюсь я, сударыня*», — сказал он, набирая ложку. «*Чего вы боитесь?*» — спросила его я, не подозревая даже, чего он опасался; Мысль о смерти была так далека от меня, и желание ему помочь было единственным чувством моего сердца. Принятое рвотное быстро произвело свое действие, и он вытошнил весь хлеб, который съел с супом и который его желудок не мог переварить; я побежала сказать об этом тете, она выслушала меня с минутным удовольствием. «*Нет,*— сказала она, — *все еще желудок у него полон*». Вернувшись в спальню, я села справа от его кровати, откуда могла его видеть, хотя издали. Он меня заметил. «*Это она*», — сказал он, обращаясь к слуге. «*Прасковья Николаевна*» — ответил Кондратий. Я подошла к нему, он протянул мне руку. «*Тяжело мне было, очень тяжело,*— сказал он мне, — *но теперь, слава Богу, легче*. Он пожал мне руку, я поцеловала его ладонь, повторяя за ним: «*Слава Богу*». Его вытошнило еще, почти без усилий; он велел Александрине Дьяковой показать тазик тете, которая вы-

шла из комнаты, чтобы успокоить ее. «*Который час?*» — спросил он меня. «*Второго половина*», — ответила я. Доктор посоветовал ему повернуться, чтобы его могло легче вытошнить, поскольку он лежал на правом боку, а тазик находился слева. Он поворачивается, наклоняет голову и начинает тотчас же хрипеть. «*Боже мой, что это такое?*» — вскрикнула испуганная Александрина. «*Это обморок*, — ответила я ей, — не шуми, это пройдет». Я была убеждена в этом, вспомнив похожий обморок, случившийся с моей няней, как она хрипела, потеряв сознание, но, придя в себя, выздоровела. Воспоминание придало мне силы, которые, казалось, все потеряли; я велела доктору дать ему подышать какой-нибудь соли, потеряв виски, будучи твердо убеждена, что он придет в себя. Он перестал хрипеть, наступила тишина, все казались озадаченными. «*Дышит ли он еще?*» — спросила Александрина. «*Надеюсь, что дышит*, — ответила я нетерпеливо, — я говорю тебе, он в обмороке, слишком слаб, чтобы перенести такую дрожь». Александрине стало плохо, я отвела ее в кабинет тети, уложила и тотчас же вернулась. Стояла пугающая тишина. «*Господи, Боже мой, дай мне услышать его вздох*», — сказала я про себя, глядя на икону Богородицы, которая была в комнате, и, не смея дышать, прислушалась к тишине. Он приподнялся немного и испустил глубокий и долгий вздох, я перекрестилась из чувства признательности и в надежде увидеть, что он откроет глаза. Больше я ничего не слышала. Лица врача и слуги изменились от испуга, и, вне себя, я заподозрила, уж не последнее ли дыхание его я слышала. «*Дышит ли он?*» — закричала я в свою очередь. Никакого ответа. Я повторяла свои вопросы, но им не хватало мужества ответить мне. «*Во имя Неба, ответьте мне*», — сказала я доктору. «*Посмотрите сами*» — ответил он, подставляя мне руку дяди, чтобы я пощупала пульс. Я взяла ее, эту дорогую руку, я ее поцеловала, она была еще теплой, но биение пульса прекратилось. Я прикоснулась губами к его губам и не почувствовала дыхания. Какой момент! Великий Боже! Я окаменела, все чувства, казалось, исчезли; я смотрела поочередно то на дядю, то на тех, кто его окружал, видела их боль, но она была мне совершенно непонятной. «*Тетинька вас зовет*, — сказала мне женщина, прибежав из комнаты, — она беспокоится, что давно к ней не приходили». Эти немногие слова привели меня в себя. Что я ей скажу? Когда я предположила, что дядя в обмороке, то задержалась пойти к ней, опасаясь ее напугать; он придет в себя, думала я, и тогда я пойду к тете; а теперь какой удар я ей нанесу. Я застыла на месте, потом подошла к дядиной постели, как бы спрашивая у него, что делать. «*Сударыня!* — закричали мне несколько женщин. — *ради Бога, подите к тетиньке*». Я побежала. «*Ему дурно?*» — вскрикнула она вне себя, едва меня увидев. «*Нехорош он, тетинька*, — сказала я ей, с трудом

находя слова. — *Он слаб*». «*Он очень слаб*», — повторила она, глядя мне в глаза. — «*Слаб, тетинька*». Это слово, выскользнувшее у меня, казалось, поразило ее. «*Слаб*», — повторила она, пристально глядя на меня. — «*Его на свете нет!*» — «*Господи! он скончался, приобщиться не успел!*» — и в отчаянии, которое невозможно передать, она принялась в возбуждении ходить по комнате, повторяя: «*Кончено! Все кончено! Мамичка, друг мой, ты меня бросил!*». Она ломала себе руки, испускала стоны. Страдание лишило меня дара речи. Я видела ее, эту женщину, такой несчастной, на грани отчаяния, — ни слова, ни слова утешения; неподвижно стоя перед ней, я могла только следить за ней взглядом. Спустя некоторое время она меня заметила: «*Паша, друг мой, ты опять осиротела, Паша,* — сказала она душераздирающим голосом, — *Но ты меня не бросишь*». Я подошла к ней, целуя ей руки. «*Кончено, кончено,* — снова заговорила она, — *Он нас бросил*». В этот момент, движимая чувством, которое мне знакомо, вбежала Александрина Кожевникова и, видя тетю, которая со словами: «*Его уж нет*» — обнимала меня, бросилась на колени перед ней, воскликнув: «*Он жив, тетинька, он здоров будет!*». «*Господи, что она говорит!?*» — воскликнула тетя вне себя. Растерявшись, я подняла ее и вытолкнула из кабинета. «*Александрина, что ты говоришь?* — сказала я ей. — *Она все знает и ты ее только мучаешь*». Испуганная своей неосторожностью, она убежала. Люди подали мне знак подойти, так как им надо со мной поговорить. Едва я вышла из кабинета, они меня окружили: «*Сударыня, извольте всем располагать, уж тетушке не до того. В чем прикажете его положить? Сейчас обмывать станем*». «*Господи, погодите!*» — с нетерпением ответила им я. — «*Нет, нельзя, сударыня, пока не остыл*». Дрожь охватила меня, и с разрывающимся сердцем я тем не менее отдавала необходимые приказания. Я вошла в ту скорбную комнату, где так недавно еще всего надеялись. Какая ужасная перемена! Шум, гам, рыдания, говор нескольких голосов разом, открытые окна, стол посередине комнаты, а он! Он лежал в постели и как-будто спал глубоким и мирным сном. Его лицо сохранило ангельское спокойствие; никакого следа страдания, никакого волнения в чертах. Казалось, он спал и видел приятные сны. Люди повторяли, что его надо одевать. Я с трудом ушла из комнаты. Я отправила срочное сообщение в Петербург, написав Семену, чтобы он приехал. Чего мне стоило писать это ему, — дрожащей рукой, отказывающейся начертать роковое слово «его больше нет». Вскоре явились молодой Тырков и князь Шихматов. Я видела их накануне вечером, они оставили нас спокойными и счастливыми, и в одно мгновение все изменилось. Я вернулась к тете, она доверила мне свои ключи, приказав управлять всем. Пришли уведомить, что прибыл священник. Я снова зашла в спальню и увидела, что дядя

уже лежал на столе, со скрещенными руками, иконка около него и свечи вокруг. Обратившись к священнику, я попросила его исполнить последний долг. Он принялся читать молитвы по усопшему. Сколько различных чувств переполняло мое сердце! Этот гроб, эта смерть, которая унесла от нас того, кто был нам так дорог; мысль, что эта ангельская душа ушла к своему Создателю и оставила нам бездыханное тело, которое земля скоро заберет от нас; отчаяние всех, кто меня окружал, собственная моя боль при мысли, что я больше не увижу того, кто заменил мне отца, кого я не покидала целых тринадцать лет и который любил меня, как родную дочь. Не видеть его больше казалось мне невозможным; никогда прежде я не осмеливалась об этом думать; и теперь — лежащий без движения, с начавшими заостряться чертами, ледяной холод сковывает все его члены. Я подошла к нему, поцеловала лоб, скрещенные руки. Вне себя бросилась я на колени, моля Бога то за него, то за тетю. Иногда мне казалось, что его душа была еще здесь. Тогда я просила его послать мне благословение, его последнее благословение. Я не могла дольше оставаться в комнате и не плакать, я чувствовала, что задыхаюсь, тогда я открыла двери гостиной, которые выходят в сад, и принялась бродить по горе. Прошло три часа. Солнце всходило во всей своей красе. Ни облачка не было на небе, везде глубокая тишина, легкий туман покрывал еще равнины. Волхов, казалось, остановился в своем течении и отражал в волнах окружающие пейзажи; со всех сторон слышалось пение птиц. Но я была далека от того, чтобы радоваться этому зрелищу, оно причиняло мне боль. Я желала, чтобы солнце спряталось, чтобы птицы замолчали, чтобы все отвечало моей боли. А пока эта звезда, приносящая свет на землю и освещающая то блаженство, то страдания человеческие в пристанище переменчивой судьбы, продолжала спокойно свой обычный путь. Я заметила тетю у окна и пошла к ней. Она прошла в кабинет дяди, я за ней. Там все, казалось, дышит его присутствием, даже свечка, которую он зажег сам, еще горела, его раскрытый молитвенник указывал страницу, где он остановил чтение, которое не мог закончить, одежда, которую он бросил, его аспидная доска, на которой в прошлый четверг 6 июля он начал оду о быстроте времени; первая строфа ясно видна еще, он сам читал ее моему кузену Семену Капнисту. Далее следовали два стиха второй строфы, которую смерть помешала ему кончить. Одинокая среди всех этих предметов, связанных с воспоминаниями, которые только терзали сердце, я предложила тете выйти из этой комнаты и подняться в ту, которую я приготовила ей наверху. *«Нет, нет, мой друг, — сказала она с чрезмерной болью, — здесь все его, я отсюда не выйду. Маминка, друг мой, ты со мною, ах, конечно, ты со мною»*. Она снова принялась в волнении ходить по комнате. В другой момент, когда прилив боли

утих, ей казалось, что она видит его, слышит, будто он говорит ей, чтобы она не тиранила себя, и тогда, забывая все и занятая единственно им, она пыталась удержать рыдания. «*Не стану, не стану, мой друг, ты не велишь*», — повторяла она неоднократно, ища в себе силы ему повиноваться. То она казалась полностью сосредоточенной, закрывала глаза, произносила прерывистые слова, словно она, беседуя с ним, все время обещала ему успокоиться. Я повторила свою просьбу подняться, прежде чем тело перенесут в столовую. По-видимому, она поняла меня и вышла из кабинета. Вернувшись к дяде, я попросила священника остаться у нас, чтобы отслужить панихиду вечером и на другой день в удобный час. Этот добрый старик горько оплакивая с нами смерть того, кто был нам так дорог, вынужден был тем не менее мне отказать. «Император в *Грузию*, — сказал он, — завтра в семь часов утра он поедет мимо моей церкви, может быть пожалует туда, и это обязывает меня быть там». Я вспомнила тогда разговор моего дяди с этим священником о точном прибытии Императора, о дате, о которой он спрашивал, ответ, который он получил, и, сравнивая наше состояние счастья и спокойствия с нашим нынешним отчаянием, принялась горько плакать. Тело было перенесено в зал. Совершенно недоставало того необходимого, что делало эту мрачную церемонию торжественной; я покрыла гроб простой кисеей, чтобы защитить его от мух, так как ни в одной из близлежащих церквей не нашли покрова. «А что, — спросил Тырков, если Государь, который будет всего лишь в пяти верстах отсюда, узнает о кончине *Гаврилы Романовича* и приедет сюда?»^{XXV} Как вы примете его?». Безразличная ко всему в своей глубокой скорби, я слушала, не слыша. Он повторил, что Император очень уважал моего дядю, чтобы не пожелать приехать проститься с ним. «Он не приедет, — сказала я ему, — я в этом уверена; впрочем, приедет или нет, все равно». Потом, подумав об этой бедности, так мало соответствующей положению и состоянию моего дяди, которая и заставила говорить молодого Тыркова, я от всего сердца пожелала, чтобы император проехал мимо. Это он и сделал; священник вернулся в восемь часов; Император, остановившись возле его церкви, вошел туда, чтобы приложиться к кресту, казалось совсем не зная о смерти моего дяди. Похоже было, что граф Аракчев, радуясь, что заполучил Императора к себе, не захотел смущать его удовольствия и не сообщил об этой новости, а возможно, и сам он не знал о ней. Господин Кожевников просил меня в письмах, которые я отправила в Петербург, перечислить все, необходимое для похорон. Какая просьба! Через пять минут после того, как он нас покинул, ошеломив этим несчастьем, я с трудом тем не менее в него верила. Я отказалась и предположила, что у них у всех должно быть больше рассудка, чем у меня в эту горькую минуту.

Александр и Семен приехали в понедельник, 10 июля; они ничего не привезли и тело начало уже портиться из-за сильной жары; все это время находясь с людьми на прощальных молитвах, я с болью видела, что жестокая смерть уносит потихоньку дядю и делает его непохожим на себя: зеленые пятна проступили на его лице, сильный запах чувствовался во всех комнатах и поднимался наверх, в комнату, где находилась несчастная тетя. Я попросила брата тотчас же поехать в Новгород, сделать там все необходимые покупки и быстро мне их переслать, тем более что тетя выразила желание похоронить прах дяди в монастыре святого Варлаама Хутынского, который расположен на берегу Волхова в одиннадцати верстах от Новгорода; местоположение монастыря очень нравилось моему дяде и он там часть бывал у Евгения^{XXVI}, когда тот был новгородским архиепископом. Брат мой поехал просить разрешения выбрать место и уладить все, чтобы отвезти тело. Между тем домашняя челядь, не видя больше власти хозяина, позволяла себе разные беспорядки. Рассылаемые туда и сюда по разным надобностям, эти несчастные возвращались с боченками водки и пьяные; в таком состоянии они являлись спрашивать приказаний. Никогда не забуду жестокого впечатления, которое я испытала ночью того 10 июля. Чтобы остановить всеобщий беспорядок среди мужчин и даже среди женщин, которые в отчаянии пили, а потом ссорились в передних, я, не имея никого, чтобы могла положиться, силой заставила себя взять ключи от дома, так, как делала моя тетя; ко мне обращались со всем, в чем была нужда. Может быть, к своему счастью я возложила на себя эту обязанность, это заставляло меня ходить от одного места к другому, невольно занимаясь мелкими заботами. Я чувствовала себя плохо от ужасного жара, который изводил все мое существо; со времени нашего несчастья я не могла ни на мгновение заснуть. Мое волнение было таким сильным, что я не могла оставаться на месте и ходила без устали. Десятого тетя настоятельно попросила меня лечь: *«Она с ног свалится и этого не чувствует»*, — сказала она. Я повиновалась, но в три часа ночи меня спросили. *«Сударыня, — сказал Савка, едва держась на ногах, — извольте пожаловать еще водки, у пономаря в горле пересохло»*. Я спустилась по лестнице, и как сжалось мое сердце, когда я услышала пение псалмов над телом моего дяди, а с другой стороны, во дворе — песни и танцы беспутной прислуги.

Этот ужасный контраст, эта смесь безудержного веселья и самого глубокого отчаяния заставили меня испытать чувства, которые я никогда не забуду.

Я заставила их замолчать, этих несчастных! — и почувствовала себя так плохо, что, выдавая водку, которую просил у меня пьяница, упала бы, если б он же меня не поддержал. С какими разными

чувствами боролось мое сердце. Черты моего дяди, которые все больше искажались, представляли картину смерти. Боль от его потери, тревоги за мою бедную тетю, это всеобщее изменение во всем доме, эти пьяницы, которые отказывались повиноваться и часто поговаривали о свободе, все эти похоронные приготовления, которым я отдавалась целиком, как бы торопя момент, который унесет от нас это тело; чувство, которое было подавлено грустным воспоминанием, что вскоре на земле ничего от него не останется, — все эти тяжелые чувства, которые одолевали меня, поочередно приводили меня то в дрожь, то в жар, когда лицо горело, а губы пылали. Я чувствовала, что мысли мои путались, все мне казалось страшным сном, но стоны моей тети, рыдания, раздававшиеся со всех сторон, приводили меня в себя и доказывали, что наша потеря была реальной. Как несчастье увеличивает опыт! Как живо я почувствовала тогда, что вся жизнь должна быть только непрерывной подготовкой к переходу в лучшую жизнь; я почувствовала тогда благодарность к бесконечному милосердию, которым Бог нас защищает от страстной привязанности к предметам этого мира, потому что удел человека отделиться от них рано или поздно, и чем сильнее связи, тем труднее их разорвать.

О! Как все мне стало безразлично. У меня была единственная мысль, мысль о смерти, которая в одно мгновение отделяет душу от тела и бросает одну на добычу червям, а другую поднимает и представляет перед судьей и Богом. Ужасный момент, говорит Франсуа Сале,^{XXVII} который и решает все испокон веков. Никогда такая толпа мыслей не утомляла меня, никогда я не видела, как умирает человек, и это был мой дядюшка, мой второй отец, который подверг меня такому жестокому испытанию.

11 июля все было доставлено из Новгорода, и было решено, что этой же ночью отвезут тело. Я сошла вниз, чтобы послушать последнюю молитву, покойник был уже в гробу, несколько священников окружили его и начали тихо петь «Вечную память». Комната наполнилась рыданиями. Став на колени, я повторяла про себя: *«Вечная память и в сердцах наших, милый дяденька»*. Сколько сирот, таких, как я, которым он был вместо отца, благословят навсегда его память, сколько лиц, несправедливо гонимых и нашедших в нем защитника, будут молиться за эту праведную душу! Какое стремление, какое нетерпение даже делать добро. Какая энергия первой молодости, когда речь шла о помощи ближнему, как любое промедление тогда становилось для него непереносимым.

Утешительной была мысль о том, что мы больше оплакиваем себя, для него же мгновение смерти стало его триумфом. Мы рыдали, в то время как он наслаждался признательностью, относящейся к

каждому из его добрых поступков, о которых я говорила, к каждому утешительному слову, которое он произносил. Какое благодное удивление для него, что эта бесконечность добра, которое он делал, всегда им забывалась. Я желала следовать за процессией до лодки, которая должна была доставить тело в Хутынский монастырь, но мне пришли сказать, что тетя обо мне тревожится; я поспешила ее успокоить, но внутренне чувствовала себя очень плохо. Сильный жар, бесконечное волнение заставляли Александрину опасаться, что это начало лихорадки. Она заставила меня принять мазь из винного камня и пообещать, что я останусь с тетей. Ее страдание стало непомерным; ее сердце, казалось, предчувствовало, что должно было произойти. *«Его скоро увезут, — говорила она с интервалами, — Мамочка, друг мой, нас навсегда разлучают. Нет, моя душа, нет, ты со мною»*. И потом она принималась говорить тихо, как бы в бреду; отдельные прерывистые слова, которые она произносила, разрывали сердце.

О! Как состояние вдовы ужасно! Какое ужасающее одиночество во всем мире, когда потерял существо, составлявшее все его очарование.

Я была рядом с тетей и с сожалением решила не сопровождать дядю, но пойти и попрощаться с ним навеки. Мой кузен Семен Капнист сопровождал меня. Бог мой! Какая жестокая минута! Прижавшись губами ко лбу, который я тысячи раз целовала, я не чувствовала сильного запаха, который распространялся; я забыла, что это было всего лишь мертвое тело, которое совсем не напоминало моего дядю; одна мысль занимала меня, мысль, что от него не останется больше ничего на земле и что это мой последний поцелуй, мой последний взгляд на него. Я была слишком взволнована, чтобы пойти к тете, ушла в свою комнату и осмелилась без свидетелей отдать свою боль. Размышляя тогда о том, что с ним произошло и проливая горькие слезы, я благодарила Бога за мужество, которое он мне придал, ибо в самом деле, если бы за пять минут до нашего несчастья мне сказали, что оно нас постигнет и что одна в этот ужасный момент я увижу, как обрушиваются на меня все эти горестные обстоятельства, одна мысль об этом заставила бы меня содрогнуться, потому что никогда, я это повторяю, я не думала о том, что его потеряю. И теперь, видя, как я управляюсь со всем, входя в мельчайшие обстоятельства, сказали бы, что речь идет о похоронах совершенно постороннего мне человека. Часто удивляясь этой сверхъестественной силе, которую Бог в меня вселил, я спрашивала себя, действительно ли это был мой дядя, которого я видела лежащим на столе; была ли это я сама, которая его любила. Это размышление возвращало мне всю мою боль, и я ломала себе руки, потом, вновь утвердившись в этой странной силе, вновь принималась за все те заботы, которые требовались от меня.

Была полночь, когда я воротилась к тете. Она была тогда в угловой комнате, что находится над той, где диван. Опасаясь, чтобы она не заметила из окна как будут переносить гроб на лодку, я пригласила ее пройти во внутренние покои, она туда ушла и скоро легла в постель. Мои кузины и я остались в угловой комнате. Там царило долгое и утомительное молчание. Но как мы были потрясены, когда слышали погребальное пение. Гроб был вынесен и молитвы пелись вполголоса, но больше походили на стоны и их, пожалуй, не было бы слышно, если бы в комнате разговаривали. Я поспешила закрыть все двери и в тот момент, когда входила в комнату, обращенную во двор, заметила толпу людей, которая несла на головах гроб и медленно стала спускаться с горы. Какой торжественный вид! Ночь, такая спокойная, но такая сумрачная позволяла различать предметы лишь при свете фонаря; гроб не различался отчетливо, широкие серебряные галуны понемногу исчезали из глаз. Подобно тому, подумала я про себя, как страсти, которые по очереди играют нами, не различаясь, до самой смерти. Я долго следила глазами за гробом, потом, когда он исчез, принялась горько плакать.

Мой брат Александр вернулся лишь в четверг, 13 июля, в день именин моего дяди, и рассказал, что погребение прошло накануне с такой торжественностью и таким порядком, каких он не ожидал. Офицеры конно-егерского полка, где служил брат, пожелали сами нести гроб до церкви. Скучный Новгород, где обыкновенно ничего нельзя найти, снабдил нас по этому случаю всем, что было нужно, и, благодаря помощи доброй Е. И. Путятиной^{XXVIII} все было сделано с большим порядком. Архиепископ отслужил сам. Место было хорошо выбрано, горе было таким глубоким, что можно сказать, будто многочисленные дети хоронили своего отца. Меня уверили, что было непреложным обычаем после такой печальной церемонии устраивать поминки для всех местных священников и для бедных. Я выбрала тринадцатое число этого месяца — надо было распорядиться накормить более 500 человек, и приготовления были долгими. В день прибытия Александра вся толпа собралась на большой поляне справа от дома, у подножия горы. Это было там, где мы всегда проводили праздники для крестьян, а теперь священники пели здесь молитву по усопшему. Потом все принялись за еду, как в дни увеселений. Вот гости, которых обещал нам мой дядя! Вот какие песни были у нас в его день! Он заставлял экономить дичь, благодарил тетю за булочки, которые она приготовила, и обещал их не трогать. Тяжкое воспоминание! Но тем не менее говорить о нем, о ком мы сожалеем и будем сожалеть, постоянно думать о нем, просить за него — это единственные утешения, которые нам остались.

Приближался конец шестинедельного срока, и моя тетя решила провести его в монастыре. Поэтому 15 августа мы покинули Званку, отправившись по воде. Сначала — к госпоже Кожевниковой, а шестнадцатого к семи часам вечера мы увидели монастырь, поднимавшийся на высокой горе, купола которого были еще освещены лучами заходящего солнца. Архиепископ, предупрежденный моей тетей о нашем приезде, приказал звонить вечернюю службу, как только заметил нашу лодку, предполагая, что тетя сразу же зайдет в церковь. Звук этих колоколов, вид монастыря, это спокойствие природы, это солнце, исчезающее из виду, тысячи воспоминаний о моем дяде сразу предстали, и, не пытаясь больше удерживать свои слезы, которые душили меня, я встала так, чтобы никто меня не видел, а видел только монастырь, к которому мы медленно подходили. Как прекрасна эта религия, которая в самом глубоком нашем страдании заставляет предвидеть скорый и неизбежный союз с лицом, которое мы оплакиваем, которая дает нам абсолютную веру. Сколь скорбь и слезы, которые она оставляет после себя на земле, имеют право на божественное и вечное блаженство.

На следующее утро моя тетя пошла послушать службу, после которой должны были служить молебен в память о дяде. Я очень опасалась за нее, но Бог ее укрепил. На коленях, рядом со мной, она молилась с таким жаром, что, казалось, обо всем забыла, слезы ее не переставали литься, скоро при имени *болярина Гавриила* вся церковь наполнилась рыданиями: казалось, все оплакивали отца. Все молились за эту душу, такую дорогую, навсегда наслаждающуюся вечным блаженством. Как только служба и молебен были закончены, моя тетя снова проявила спокойствие в своей боли и захотела даже принять участие в наших разговорах. Но время от времени казалось, что она нас не слышит и замыкается в себе. Было два часа, мой брат приказал накрыть к обеду, и в тот момент, когда готовились есть суп, тетя попросила слова, как если бы она не могла это больше держать в себе и хотела рассказать. Прерывающимся от слез голосом она рассказала нам следующее: *«Представьте себе, что случилось со мною во время молитвы моей. Я молилась за него и стояла подле тебя, Паша, на коленях и очень плакала. Вдруг мне показалось, что уже вас никого тут нет и наместо иконостаса, пред которым прежде мы все стояли, вижу я Христа одного. Не знаю, он ли сам, или изображение его, но только стоим мы двое с мамичкой перед ним. Мамичка стоял по правую руку, лицо такое спокойное, но бледное, голова нагнувшаяся, со сложенными на груди руками, как бы во время молитвы, во всех его чертах видна была какая-то необыкновенная покорность, но вместе с тем и спокойствие, он точно стоял как бы перед своим судьейю. Я же на коленях*

по левую его руку молюсь за него, плачу, чувствую, что это он, что я его люблю, но совсем уже не прежнюю мою привязанностью. Люблю его каким-то духовным чувством, которого я описать не могу. Оно так сильно, что среди слез моих я себе сказала: Господи, как мне тебя поблагодарить, ты меня с ним духом соединил. Вот что я видела», — сказала она, и, не в силах сдержать рыдания, закрыла лицо платком. Это утешительное видение, эти слезы, которые она пролиwała с такой нежностью, открыли нам божественное милосердие, позволившее ей увидеть еще раз того, кто был ей так дорог. Мы подумали, что это было то мгновение, когда душа, отделившись от тела, через 40 дней улетает и предстает перед своим судьей. Этот торжественный момент, который наша религия определяет как Сорокоуст, так соответствует тому, что тетя рассказала нам об увиденном, что всем нам показалось это отражением реальности. Может быть, в тот самый момент, когда тетя молилась за него с такими слезами, он появился перед своим Богом и судьей с тем спокойствием и с тем совершенным повиновением, которые она увидела своим печальным взором. «Какое величие я чувствовала! — продолжала она. — Как все земное показалось мне ничтожным! И вдруг все исчезло!» Она была так поглощена тем, что говорила, что невозможно было слушать ее без слез, обед был забыт, унесен, никто из нас не осмелился к нему прикоснуться.

Тетя, казалось, передала всем нам чувство, которое она испытала. Мы говорили о дяде, вместе плакали, и в то же время благодарили Бога, который послал истинное утешение моей бедной тете, обещая ей в конце концов союз с моим дядей, и дал почувствовать величие, великолепие и счастье Вечного царствия, которое их ждет. Время от времени тетя пыталась вновь заговорить об этом видении, и всякий раз вынуждена была остановиться, задохнувшись от рыданий. Она сохранила в своем сердце сильный, но утешительный образ, который воистину помогал ей переносить ее горе.

^I Ла Порт Жозеф, де. Всемирный путешественник, или познание Старого и Нового Света, то есть описание всех по сие время известных земель в четырех частях Света... Пер. Я. И. Бугаковым. Пб., 1778—1794. Т. 1—27.

^{II} Имеется в виду домашний врач Державиных Карл Григорьевич Бейтель.

^{III} О посещении Державиным Обуховки 7 июля 1813 г. говорится также в Записках С. В. Капнист. См.: *Державин Г. Р. Сочинения*. Пб., 1880. Т. 8. С. 951.

^{IV} Д. П. Трошинский, член Государственного совета; по мнению Державина, виновник многих его служебных невзгод.

^V Александра Васильевна Браницкая (урожд. Энгельгардт), племянница Потемкина, статс-дама.

^{VI} Матильда, или Записки из крестовых походов, сочинения г-жи Коттень /

Пер. Д. Бантыш-Каменского. М., 1807, 1813.

VII Дочь Николая Дьякова, брата Дарьи Алексеевны.

VIII Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах... сочиненная чрез г. Роллена... а ныне с французского переведенная чрез Василья Триаковского. СПб., 1749—1762. Т. 1—10; 2-е изд. вышло не ранее 1781 г.

IX *Херасков М. М.* Бахариана, или Неизвестный, волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок. М., 1803.

X Краткое объяснение церковного устава. СПб. [1809].

XI Строки из стихотворения Г. Р. Державина «Мечта», используя которые, Н. А. Львов написал одноактную «оперку» «Милет и Милета». В письме Н. П. Яхонтову с просьбой сочинить музыку к ней, Н. А. Львов сообщал: «Пастушья шутка, к тебе посылаемая, должна бы скороспелкою называться ... Мне задали ее как задачу ... сделать в летнее после обеда время пастушью драму для двух лиц и выученных уже девочками (дочерьми. — Е. К.) двух дуэтов. Связь сей драмы должна быть основана на песне „Вошел в шалаш“ и проч...» (ГПБ, ф. 247, № 37, с. 58).

XII Людвиг Фердинанд, племянник Фридриха Великого (род. 1772), убит в 1806 г. в сражении с французами при Саальфельде.

XIII Александра Скарлатовна Стурдза, любимая фрейлина Елизаветы Алексеевны.

XIV Семен Васильевич Капнист, племянник Г. Р. Державина, с 1813 по 1822 г. жил в доме Державиных в Петербурге, иногда выполняя роль секретаря.

XV Имение графа А. А. Аракчеева Грузино находилось в 18 верстах от Званки.

XVI Речь идет о Елизавете Николаевне Львовой, ее сыне Гаврииле, а так же о семье А. М. Бакунина, связанной родственными и дружескими отношениями с Державиными.

XVII Роман Иванович Симпсон, врач Державина.

XVIII Евстафий Михайлович Абрамов, секретарь Державина.

XIX Précis de l'Eccleseeaste — (переложение Экклезиаста) // Oeuvres de Voltaire. Paris, 1829—1834. Т. 12. Р. 223 /

XX Иван Иванович Бахтин (1754—1818), сын орловского дворянина, в 1803—1814 гг. был Харьковским губернатором, до 1816 г. находился в отставке, затем вернулся к службе. Печатал свои стихи, басни, эпиграммы в журнале «Иртыш», несколько литературных произведений напечатал в 1816 г.

XXI Из стихотворения «К первому соседу» (1780), строфа 4.

XXII Семейство Кожевниковых жило в 30 верстах от Званки, также на берегу Волхова, в имении Пристань, и находилось в родстве с Дарьей Алексеевной. Александра Павловна Кожевникова подолгу гостила в Званке.

XXIII Князь Владимир Александрович Шихматов был женат на сестре Алексея Дмитриевича Тыркова Варваре Дмитриевне. Это семейство владело имением Вергеж в семи верстах от Званки.

XXIV Максим Фомич, врач, последние два года жизни Державина служил в его доме. Отчество «Федорович» написано по ошибке.

XXV 8 июля 1816 г. Александр I приезжал из Царского Села в Грузино к Аракчееву.

XXVI Болховитинов Е. А. (в монашестве Евгений), многие годы был дружен с Г. Р. Державиным

XXVII Франсуа (Франциск) Сале (Sales; 1567—1622), епископ женевский, в 1665 г. канонизирован, религиозный писатель и проповедник, стиль произведений которого отличался оригинальностью, очарованием, но также и мистицизмом. Его

«Introduction à la vie dèvote» (1608) «Руководство к благочестивой жизни» выдержало более 40 изданий и было переведено на многие языки (М., 1818. Ч. 1—3). Получил известность также его трактат «Traité de l'amour de Dieu» «Трактат о любви к Богу».

XXVIII Имение В. Е. и Е. И. Путятиных Пшеничище находилось на противоположном от Званки берегу Волхова.

Е. А. КОСТИНА

К ИСТОРИИ РАННИХ КОМЕДИЙ ЕКАТЕРИНЫ II

В 1772 г. русская императрица Екатерина II выступила в новом и весьма необычном для себя качестве: она представила публике несколько комедий собственного сочинения. Пьесы анонимного автора, объединенные ссылкой на то, что писаны они «в Ярославле», сразу же привлекли внимание любителей театра и имели заслуженный успех. К сожалению, время не пощадило большинство материалов, дающих возможность восстановить судьбу этих произведений. Печатные тексты комедий, став библиографической редкостью еще в начале XIX в., вызвали немало споров среди историков литературы. Буквально каждый вопрос, связанный с атрибуцией ранних пьес, рождал расхождения во взглядах исследователей: когда они были впервые поставлены на театре, когда напечатаны, сколько раз переиздавались?... Видимо, библиографическая неопределенность, довлевшая комедиям, как-то отразилась и на анализе их художественных особенностей: исследователи, за исключением П. К. Щебальского и В. В. Сиповского,¹ практически обходили этот вопрос.

В настоящей работе нам хотелось бы представить новые материалы, позволяющие прояснить историю бытования в XVIII в. трех ранних пьес Екатерины: «О, время!», «Именины госпожи Ворчалкиной» и «Госпожа Вестникова с семьей», а также отметить некоторые особенности творческого метода императрицы, сказавшиеся в работе над комедиями.

¹ См.: Щебальский П. К. Драматические и нравоописательные сочинения Екатерины II // Русский вестник. 1871. № 5—6; см. также: Сиповский В. В. Из истории русской комедии XVIII века. Пг., 1917.

Старейшая из пьес Екатерины комедия «О, время!» вышла в свет анонимно, с большим подзаголовком: «О, время! Комедия в трех действиях. Сочинена в Ярославле во время чумы 1772 года». Все в этих словах — литературная игра, в XVIII в. вводящая в заблуждение и зрителей и читателей, а позднее вызывавшая многочисленные споры исследователей. До сих пор остается неясным, почему местом жительства «сочинителя» императрица избрала русский город Ярославль, но еще большее недоумение вызывает выставленная в подзаголовке дата: 1772 год. Нередко она принимается за время написания комедии, как, например, в записи от 20 января 1791 г. в дневнике А. В. Храповицкого: «В Эрмитаже давали еще „Федула“ и комедию „О, время!“. Я служил верой и правдой и подал афиш. „О, время!“, сочинение 1772 года, во время чумы; принято сухо, но „Федул“ аплодирован».² Однако известно, что до 12 апреля 1772 г. пьеса была трижды представлена на театре, а это значит (если согласиться с датировкой 1772 г.), что для ее написания и постановки потребовалось всего лишь три месяца... Срок предельно краткий даже для профессионального драматурга, не говоря уже о дебютанте! А если учесть, что во время великого поста, который начался 27 февраля, театры были закрыты, то очевидно, что 1772 г. означает скорее время издания или первой постановки, но никак не время написания комедии. Заметим кстати, что 1772 г. выставлен и на сохранившейся в бумагах Екатерины копии комедии, сделанной И. П. Елагиным,³ причем копия, вероятно, снималась уже после появления комедии в публике, поскольку на аналогичной копии пьесы «Именины госпожи Ворчалкиной» имеется приписка Елагина: «Оригинал, каков к поправлению мне дан от Автора, от слова до слова и с тою же орфографиею, дабы не был сожжен, как и первая комедия „О время!“».⁴ Приписка эта сделана сверху листа тогда, когда весь текст был написан, и явно носит характер «для памяти». С той же целью, думается, был выставлен и год на рукописи комедии «О, время!», он, как и в печатном издании, имеет чисто служебную функцию и не отражает истинного времени работы над пьесой.

Но когда же в таком случае была написана пьеса? Логично предположить, что это произошло, как и указано в подзаголовке, «во время чумы», т. е., вероятно, в 1771 г., тем более что именно

² Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793 / По подлинной рукописи с биограф. ст. и объяснит. указ. Н. Барсукова. СПб., 1874. С. 355.

³ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 335, л. 1.

⁴ ЦГАДА, ф. 1, № 341, л. 52.

этот период отмечен некоторым перерывом в литературной деятельности Екатерины: она как бы «забывает» об обещании выпустить в свет третью часть «Антидота», принимается, но не оканчивает автобиографические записки... Возможно, творческое молчание знаменовало собою не кризис, а скрытую напряженную работу, позволившую императрице в начале 1772 г. выступить сразу с тремя пьесами. Однако эта версия нуждается во всестороннем рассмотрении.

Любопытное, на наш взгляд, замечание было сделано Екатериной в заключительном номере «Барышка „Всякой всячины“». Тогда, в мае 1770 г., анализируя достоинства собственного журнала, императрица заметила, что, по ее мнению, тех правил, кои выработаны «Всякой всячиной», следует держаться не только в книгах, но и «в позорищах», т.е. в комедиях, и чуть ниже в этой же статье сообщила: «И сию оканчивая, объявляю вам, что я приемлю другое ремесло, где достанутся от меня многим щедрые милости».⁵ Несомненно, речь шла о новом литературном начинании, которое должно было бы продолжить традиции «Всякой всячины». Но единственным произведением, появившимся в том же 1770 г. был «Антидот», имевший совсем иную цель, чем раздача «щедрых милостей». Не принес перемен и год 1771-й, а затем появились комедии — яркие, остро-сатирические, непосредственно связанные с публицистикой. Так не была ли работа над ними тем самым «другим ремеслом», о котором писала Екатерина?

Предположение это необычно только на первый взгляд. Направленные против ханжества, мотовства, душевной и умственной ограниченности, пьесы били по тем же мишеням, что и статьи «Всякой всячины», да и герои ранней драматургии и публицистики императрицы — суть одни и те же лица. Так, например, в третьем номере журнала рассказывается, как издатель попадает в старинный московский дом и знакомится с его хозяйкой, слепо верящей приметам и предсказаниям, отгородившейся от мира различными суевериями. Разве не напоминает эта ситуация ту, что описана в комедии «О, время!»? Кроме того, в статье со свойственной публицистике назидательностью Екатерина делает вывод: «Разврат мыслей таковых подвергает множество людей не только излишним страхам, но еще тяжелым осторожностям, кои ни к чему не приводят. Все же сие основано на страхе и незнании, в коих нас оставляют с младенчества».⁶ И опять-таки сентенцию статьи можно с полным ос-

⁵ Всякая всячина: Еженед. СПб., 1770. № 176. С. 552. (С 1770 г. изд. под загл.: «Барышек „Всякой всячины“»).

⁶ Всякая всячина. 1769. № 6. С. 21.

нованием отнести к самой ранней из комедий. А ведь третий номер «Всякой всячины» вышел в свет еще в 1769 г.! И нет ничего удивительного, что со временем Екатерина, все более и более убеждаясь в неприемлемости для себя журналистики как формы литературной работы, обращается к «другому ремеслу» — к драматургии.

Интересное и, пожалуй, наиболее авторитетное свидетельство тому, что в заключительной статье «Барышка» речь шла именно о драматургии, мы склонны видеть в знаменитом «Неизвестному г. сочинителю комедии „О, время!“ приписании» Н. И. Новикова. Обращаясь к автору пьесы, Новиков всячески подчеркивает его заслуги: «Вы первый сочинили комедию точно в наших нравах; вы первые с таким искусством и острою заставили слушать едкости сатиры с приятностию и удовольствием; вы первый с такой благородной смелостию напали на пороки, в России господствовавшие; и вы первый достойны по справедливости великой похвалы, во представлении вашей комедии оказанной».⁷ Но ведь именно эти качества выделяла и сама императрица в заключительной статье «Барышка», подчеркивая достоинства своей сатиры: «Но я хотел показать: первое, что люди иногда могут быть приведены к тому, чтобы смеяться самим себе; второе, открыть дорогу тем, кои умнее меня, давать людям наставления, забавляя их; и третье, говорить русским о русских, а не представлять им умоначертаний чужестранных, коих они не знают, а следовательно, не могут найти забавы в них...»⁸ Вряд ли такое совпадение случайно, ведь тексты разделяет почти два полных года. Скорее всего, Новиков хорошо знал и издателя «Всякой всячины», и «неизвестного Г. сочинителя», и то значение, которое придавалось пьесам при дворе, а потому, презрев комедии других авторов, в том числе Сумарокова и Фонвизина, он демонстративно отдает пальму первенства императрице.

Весьма любопытна и небольшая заметка «Из Ярославля», помещенная в шестом номере «Живописца» и целиком посвященная родине сочинителя нашумевшей комедии. Не говоря уже о том, что заметка эта еще раз подтверждает знакомство Новикова с «неизвестным» автором (он не мог получить такую корреспонденцию из Ярославля, а следовательно, сам включился в литературную игру), мы хотели бы обратить внимание на следующую фразу: «И мы можем хвалиться, что Ярославль первый из городов российских обогатил русский театр тремя комедиями в наших нравах».⁹ Здесь речь идет уже о «трех комедиях», в то время как в «Приписании» упо-

⁷ Живописец: Еженедельное на 1772 год сочинение. СПб., 1772. Лист 1. С. 5.

⁸ Всякая всячина. 1770 № 176. С. 552

⁹ Живописец. 1772. Лист 6. С. 45—46.

миналось лишь «О, время!». Это значит, что в течение шести недель — с 12 апреля по 21 мая — состоялись премьеры двух новых пьес императрицы. Каких? Одну из них называет сама Екатерина в следующем, седьмом номере «Живописца» — это «Именины госпожи Ворчалкиной». А вот вторая? Предположительно, ею могла быть пьеса «Госпожа Вестникова с семьею», имеющая некоторую связь с комедией «О, время!», однако сведений о сроках ее постановки практически не сохранилось, а выход в свет первого печатного издания в одних источниках означен как 1772 год, в других — как 1774. Такое расхождение и разрыв в датировке первых публикаций других ранних пьес («О, время!» — 1772 г., а «Именины госпожи Ворчалкиной» — 1774-й) заставили нас обратиться к газетным объявлениям 1772 г. о поступивших в продажу книгах. Результат не замедлил сказаться: прибавления к № «С-Петербургских ведомостей» от 6 ноября 1772 г. сообщали: „В Луговой Миллионной у переплетчика Миллера продаются новые комедии, сочиненные в Ярославле: 1) «О, время!» в трех, 2) «Именины г. Ворчалкиной» в пяти, 3) «Г. Вестникова с семьею» в одном действиях. Все три вместе по семьдесят копеек“.¹⁰ Несколько позднее, 18 декабря, и в «Московских ведомостях» также появляется объявление о всех трех комедиях вместе. Таким образом, не вызывает сомнений, что третьей из ранних пьес была именно комедия «Госпожа Вестникова с семьею», изданная, как и другие пьесы, во второй половине 1772 г.

Вместе с тем о комедии «О, время!» следует сказать особо. «Московские ведомости» сообщали о ее продаже уже в начале июня (см. Прибавление к № 54 и «Московские ведомости», № 55). Чем иным, как не иронией судьбы, можно объяснить, что пьеса, высмеивающая московских дворян (в противовес просвещенным петербуржцам), появилась в первопрестольной на полгода раньше, чем в северной столице! Привлекает внимание и подзаголовок, данный в объявлении: «„О, время!“ комедия, сочиненная в Ярославле во время чумы 1771 года».¹¹ Характерна дата — 1771 г.; скорее всего, она является не опечаткой, а попыткой книгопродавца Никиты Дмитриева привести свое сообщение с логикой и хронологией. Да и в целом комедия «О, время!» имеет, по-видимому, гораздо более сложную печатную судьбу, чем это трактуется в каталогах.¹² Традиционно принято считать, что пьеса в XVIII в. была опубликована дважды: первый раз без указания года издания (об

¹⁰ С.-Петербургские ведомости. Прибавление к № 89. 1772. 6 ноября.

¹¹ Московские ведомости. Прибавление к № 54. 1772. 6 июля.

¹² Так, например, в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» о единственном отдельном издании комедии сказано: «Судя по шрифтам, напечатано в первой половине 1770-х годов» (М., 1962. Т. 1. С. 335).

этой публикации речь шла выше) и второй — в XI томе альманаха «Российский Феатр» вместе с другими ранними комедиями в 1786 г. Некоторые историки литературы, например М. Н. Лонгинов, указывают на существование отдельных оттисков комедии из «Российского Феатра». ¹³ Но имеющиеся сведения никак не объясняют тот факт, что 23 января 1786 г., т. е. через четырнадцать лет после первого выхода издания, в «С.-Петербургских ведомостях» вновь появляется объявление о продаже комедий «О, время!» и «Госпожа Вестникова с семьею», по 30 коп. каждая, у купца Овчинникова, «против Гостиного двора в доме г. Шемякина под № 22». ¹⁴ Возможно, речь идет о каком-либо неизвестном издании пьес Екатерины, ¹⁵ а может быть купец Овчинников просто торговал подержанными книгами!... Заметим только, что это издание никак не могло быть оттиском из «Российского Феатра», поскольку первое объявление о замыслах Академии появилось только спустя десять дней — во вторник, 3 февраля. Остается надеяться, что сравнение максимально большего числа экземпляров комедии «О, время!» позволит выяснить, сколько же раз она издавалась в XVIII в.

Не менее, чем печатная история, запутана и сценическая судьба ранних пьес императрицы. По удивительному стечению обстоятельств в Архиве Дирекции императорских театров практически не сохранились документы, относящиеся к 1772 г. или к концу 1771 г. Историю первых постановок возможно восстановить только путем сопоставления косвенных данных. Так, из «Приписания» Новикова известно, что до 12 апреля «О, время!» была трижды представлена на придворном театре, причем Екатерина публично выразила свое удовольствие комедией. В период с 1 января по 12 апреля в «Камер-фурьерском журнале» за 1772 год четырежды упоминается о ее присутствии на представлении российской комедии — 20 января, 10, 14 и 26 февраля. Несомненно, что одним из этих спектаклей была комедия «О, время!» (если, конечно, допустить, что Екатерина видела собственную пьесу лишь один раз). Сообщение о спектакле 10 февраля 1772 г. вполне обычно: «А в вечеру в исходе 6-го часа Ее императорское величество и Его императорское высочество соизволили проходить в Оперный дом и смотреть представленной рос-

¹³ См.: Лонгинов М. Н. Драматические сочинения Екатерины II // Молва. 1857. № 3. С. 34.

¹⁴ С.-Петербургские ведомости. 1786. 23 янв.

¹⁵ Издание комедии «О, время!» 1786 г. упоминается под № 5801 лишь в «Росписи российским книгам В. Плавильщикова». Однако это сообщение по неизвестным причинам почти не принималось исследователями во внимание, а кроме того, ни в одном из каталогов нет указания на издание в 1786 г. пьесы «Госпожа Вестникова с семьею»

сийской комедии при одном балете; после оной возвратилась Ее величество во внутренние свои апартаменты». ¹⁶ Однако на следующий день, 11 февраля, Екатерина пишет коротенькую записочку И. П. Елагину: «Иван Перфильевич, вчерашним семерым актерам подарите от меня каждому по три ста рублей за то, что столь хорошо играли, ведь я французам дарила же, а деньги возьмите из Кабинета». ¹⁷ Все в этой записке заставляет думать, что речь идет именно о комедии «О, время!», — и указание на вчерашний спектакль, на русскую комедию, и обращение к Елагину, исполнявшему в то время обязанности директора придворного театра и музыки, и главное — упоминание о семерых актерам, ведь именно столько персонажей в первой комедии императрицы. Да и подарок Екатерины — 300 рублей — сумма весьма значительная! Возможно, спектакль 10 февраля и не был премьерой, но, несомненно, это было одно из первых представлений.

С самого начала яснее других представлялась ситуация, связанная с премьерой пьесы «Именины госпожи Ворчалкиной», так как в XI томе «Российского Феатра» перед текстом комедии имеется пометка: «В первый раз представлена была на придворном театре апреля 27 дня 1772 года». ¹⁸ Екатерина не присутствовала на премьере, поскольку 23 апреля она отбыла в Царское Село, однако уже 30 апреля, в понедельник, «на театре, что за галерею», в Царском Селе «представлена была новая российская комедия с пьесой без балета». Подчеркнув, что комедия была «новая», Камер-фурьерский журнал сообщал, как после спектакля «в Портретной комнате всемилоостливейше ее величество соизволила всех актеров жаловать к руке». ¹⁹ Именно этот знак особого благоволения позволяет предположить, что в этот день была разыграна именно пьеса «Именины госпожи Ворчалкиной».

Суммируя вышесказанное, можно со всей определенностью утверждать, что замыслы ранних пьес возникли у императрицы еще в середине 1770 г. и в течение следующих полутора лет — до начала 1772 г. — они стали реальностью. Три первых пьесы — «О, время!», «Именины госпожи Ворчалкиной» и «Госпожа Вестникова с семьею» — в январе—мае 1772 г. были поставлены на сцене, а во

¹⁶ Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 года. СПб., [б. г.]. С. 53.

¹⁷ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел / Собр. и изд. акад. Я. Гротом. СПб., 1874. Т. 3: 1762—1774, сентября 30-го. С. 220.

¹⁸ Российский Феатр. СПб., 1786. Т. 11 С. 86.

¹⁹ Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 года. С. 137.

второй половине года изданы отдельными книжками, при этом лучшая из пьес — «О, время!» — была издана раньше и уже в июне 1772 г. поступила в продажу в Москве.

Теперь, установив необходимые библиографические подробности, перейдем к анализу некоторых художественных особенностей этих пьес.

2

Современники высоко оценивали первые комедии Екатерины. И хотя новизна, подчеркиваемая Н. Новиковым, и техническое совершенство, выделяемое автором «Драматического словаря», не были собственными ее сценическими открытиями, публика охотно приняла и полюбила комедийных героев императрицы. Используемый ею творческий метод несомненно близок художественным исканиям литераторов, обратившихся к теории «переложения», которая в шестидесятые годы затронула многие жанры, оказала влияние на становление национальной драматургии. Приспосабливая пьесы западноевропейских авторов «на наши нравы и обыкновения», И. П. Елагин, Д. И. Фонвизин, Б. Е. Ельчанинов прежде всего стремились к конкретному изображению российской действительности, а В. И. Лукин, наиболее обстоятельно и последовательно проводивший взгляды елагинского кружка, заявлял: «Мне всегда несвойственно казалось слышать чужестранные речения в таких сочинениях, которые должны изображением наших нравов исправлять не столько общие всего света, но более участные у нашего народа пороки...»²⁰ Знакомство императрицы с творчеством Лукина не вызывает сомнения: в 1769 г. «Всякая всячина» защищает его от нападок «хулителей», а в 1770 г. в заключительной статье «Барышка» явственно слышны отголоски его знаменитых предисловий к комедиям.

Екатерина полностью принимает провозглашенное кружком Елагина требование национального содержания, подчеркнутый интерес к бытовой тематике, а также теорию заимствования из иностранных авторов, хотя и не заявляет об этом последнем положении открыто. Оставив без изменения главную черту классицизма, — дидактическую направленность, — она в свою очередь по-новому подошла к созданию художественных образов. В ранних комедиях практически нет напыщенных монологов-самохарактеристик, присущих, например, творчеству А. П. Сумарокова, нет и неестественных ситуаций, когда по воле автора герои не замечают абсурдности происходящего. Напротив, комедийные герои Екатерины наделены

²⁰ Сочинения и переводы Владимира Лукина. СПб., 1765. Ч. 2. С. V.

своей логикой, которая движет их речью и поступками и обнаруживает себя не вдруг, а исподволь, в самых обыкновенных обстоятельствах. Большинство действующих лиц наделены живыми, вполне реальными чертами и, оставаясь в целом в рамках традиций классицизма, превращаются из персонажей-символов, персонажей-эмблем в легкоузнаваемые жизненные и литературные типы.

Тема первых пьес — повседневная жизнь заурядного русского дворянства. Но как и где императрица, прочно отгороженная от реальностей русского быта, могла подметить необходимые детали и подробности? Сама она сообщала в «Живописце»: «Комедию мою сочинил я, живучи во уединении во время свирепствовавшей язвы; при сочинении оной не брал я находящихся в ней умоначертаний ниоткуда, кроме собственной моей семьи; следовательно, не выходя из дому своего нашел я в нем одном к составлению забавного позорища довольно обширное поле для искуснейшего пера, а не для такого, каковым я свое почитаю».²¹ Поразительно, как настойчиво указывает Екатерина на собственную семью, подчеркивает, что черпала материал «не выходя из дому своего». Что это — авторское кокетство, литературная игра или намек на действительные обстоятельства? Отметим только, что ни в 1772 г., ни позднее она ни разу не упомянула, что комедия «О, время!» явилась лишь переделкой (в духе теории Лукина) пьесы немецкого писателя Х. Ф. Геллерта «Богомолка» («Die Betschwester»). Правда, императрица блестяще ее отредактировала: сократила натянутые сцены, ввела чисто российские реалии и живой, разговорный язык, дописала два новых образа...²² Сравнение текстов двух комедий — оригинала и переделки — дает великолепный материал для уточнения особенностей творческого метода Екатерины. Вот, например, первая сцена, в которой происходит заочное знакомство зрителей с главной героиней: фрау Рихардинн у Геллерта и Ханжахиной у Екатерины:

БОГОМОЛКА

Lorchen. Sie betet uns oft um das Mittagessen, und nie ist sie andächtiger, als um die Stunde, da die Köchinn das Marktgeld hohlen will. Sie hat ihr schon aus frommen Eifer zweymal das Gebetbuch an den Kopf geworfen, weil sie so unverschämt gewesen ist und sie im Singen gestort hat.²³

²¹ Живописец. 1770. Лист 7. С. 49.

²² См. Чебышев А. А. Источник комедии императрицы Екатерины «О, время!». СПб., 1907. Характерно, что уже в 1774 г. «Богомолка» вышла отдельным изданием в достаточно точном и несомненно удачном переводе Михаила Матинского.

²³ Перевод: «Лорхен. Она часто читает нам молитвы в обед и не особенно благоговейна бывает в то время, когда повараха приносит денежные счета. Она уже

О, ВРЕМЯ!

Мавра. Она, швырнув однажды в меня молитвенником, столь сильно мне голову расшибла, что я с неделю лежать принуждена была. А за что? За то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купец пришел за деньгами...²⁴

Нельзя не заметить, насколько удачнее, сценичнее, по сравнению с несколько декларативным текстом Геллерта, Екатерина выразила мысль о жестокости и двуличности героини: здесь и разговорные интонации с наивным риторическим вопросом, и сама жертва хозяйского произвола — Мавра.

Нередко, следуя за текстом Геллерта, императрица вдруг вводит свою, яркую, отсутствующую в оригинале подробность. Так, например, в рассматриваемой сцене Мавра замечает о Ханжахиной: «Не можно никак к ней примениться, странный весьма человек...» И тут же поясняет: «Говорит, что грешно осуждать ближнего, а сама всех судит, о всех переговаривает; особливо молодых барынь терпеть не может; и кажется ей, что они все не так делают, как бы по мнению ее делать надлежало».²⁵ Черта, введенная императрицей, будто бы списана с натуры, позаимствована у реального лица. Но у кого? Перелистаем «Записки» Екатерины: «Моя дорогая тетушка была очень подвержена такой мелочной зависти не только в отношении ко мне, но и в отношении ко всем другим дамам; главным образом преследованию подвергались те, которые были моложе, чем она».²⁶ Это об императрице Елизавете Петровне, причем слова Екатерины справедливы и подтверждаются сохранившимися документами.²⁷ С самой неприглядной стороны рисуется в мемуарах частная жизнь Елизаветы, «очень снисходительной к себе самой и более чем строгой к другим».²⁸ Екатерина не упускает случая заметить: «...мы знали о неправильной жизни, какую вела сама наша дорогая тетушка...»²⁹ и более того, проиллюстрировать свою мысль: «...ночь она проводила без сна с теми, кто был допущен в ее интимный

дважды в ревностном пылу ей молитвенником в голову бросала, потому как за бесстыдство это почитает, да и пение вынуждена прервать» (*Gellert C. F. Gesammelte Schriften.* Berlin; New York, 1988. Bd. 3: Lustspiele. S. 65).

²⁴ Сочинения императрицы Екатерины II / На основании подлинных рукописей и с объяснит. примеч. А. Н. Пыпина. СПб., 1901. Т. 1. С. 6.

²⁵ Сочинения Императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 6.

²⁶ Записки императрицы Екатерины Второй / Пер. с подлинника, изд. имп. Академией наук. СПб., 1907. С. 139.

²⁷ См., например: ЦГАДА, ф. 2, № 91; ф. 156, № 20, л. 63—63 об.

²⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 68.

²⁹ Там же. С. 80.

круг, она ужинала иногда в два часа пополуночи, ложилась после восхода солнца, обедала около пяти или шести часов вечера и отдыхала после обеда час или два, между тем как нас с великим князем заставляли вести самый правильный образ жизни: мы обедали ровно в полдень и ужинали в восемь часов, и все было кончено в десять». ³⁰

А сколько ироничных, подчас даже злых строк посвящено набожности Елизаветы, ее поездкам на богомолье, которые могли быть отменены из-за пустяковой причины, рукоприкладству или умелому использованию тайны исповеди в низких, корыстных целях. Словом, императрица Елизавета в «Записках» Екатерины выступает если не в роли ханжи, то уж, по крайней мере, в роли человека, к которому, по словам Мавры, «не можно никак примениться».

Но, естественно, Елизавета не могла быть прототипом Ханжахиной: ее истинный прототип фрау Рихардинн из пьесы Геллерта. В чем же дело? На наш взгляд, ситуация объясняется тем, что время работы над комедиями и «Записками» отчасти совпадает — это 1771 г. К характеристике ханжества, данной Геллертом, Екатерина прибавила несколько реальных, хорошо знакомых ей черт, но имея не талант, а лишь литературные навыки, она, работая над образами Ханжахиной и Елизаветы Петровны, вольно или невольно смешивала краски, тем более что материал представлял такую возможность. Именно потому некоторые черты фрау Рихардинн проявились в портрете «дорогой тетушки», а штрихи характера Елизаветы исподволь проникали в образ Ханжахиной.

Склоняя пьесу на российские нравы, Екатерина нашла место и одной весьма необычной детали. Служанка Мавра, искренне любящая внучку Ханжахиной — Христину, доверительно сообщает: «Она ничему не учена и грамоте украдкою у меня училась, для того что бабушка ее всегда боялась, чтобы, научась грамоте, не стала писать любовных писем». ³¹ Такой подробности в пьесе Геллерта нет. Слова Мавры лишь отдаленно перекликаются с пространным обещанием Лорхен взять на себя роль светской воспитательницы Христины, но у Геллерта и Екатерины речь идет о совершенно разных вещах. ³² Лорхен — дальняя родственница Христины, т. е. занимает

³⁰ Там же. С. 66.

³¹ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 21.

³² Лорхен говорит: *Ich will um ihre Braut seyn. Ich will sie in Gesellschaft bringen. Ich will mit ihr reden. Ich will ihr gute Bücher, vernünftige Romane vorlesen. Ich will ihr so viel Französisch lernen, als ich kann. Sie soll allemal über den andern Tag einen Brief an Sie schreiben*» (Gellert C. F. *Gesammelte Schriften*. Bd. 3. S. 80.).

ней общественное положение, да и цель ее — пробудить и придать лоск природным задаткам подопечной. Иное дело Мавра. Ей, служанке, обязана Христина тем, что грамоту понимает. Ситуация в комедии «О, время!» больше напоминает не пьесу Геллерта, а вполне конкретный эпизод из жизни российского двора времен Елизаветы, когда, отстранив В. Е. Ададунова, дававшего великой княгине уроки русского языка, «императрица, — по воспоминаниям Екатерины, — нашла нужным дать мне вдруг восемь русских горничных; была только одна между ними, которая знала по-немецки, да моя, которую я привезла; благодаря этому я очень скоро сделала быстрые успехи в русском языке».³³ По-видимому, не случайно спустя десятилетия Екатерина доводит до гротеска слова Лорхен и вкладывает их в уста смышленной служанки.

Подобный же прием использован и в замечательной комедии «Госпожа Вестникова с семьею». Сама Вестникова, глупая и ничемная барыня, вдруг оживляется, говоря об игрушках для внука: «Я любила всегда хорошенькие игрушечки. Я б и теперь играла в куклы, если б не стыдно было. Мне не давали доиграть, молодую выдали замуж. Я еще сама величиною с куклу была, как я сына, а год спустя дочь родила».³⁴ Так выглядит текст в рукописи (автограф И. П. Елагина), с небольшими изменениями реплика перенесена и в первое издание.

На страницах «Записок» также встречается герой, который «любил до безумия» детские игрушки, но в силу обстоятельств «не посмел бы ими воспользоваться в своей комнате». Речь идет о муже Екатерины — великом князе Петре Федоровиче. Спустя годы после его смерти императрица саркастически повествует, как камер-фрау «приносила ему столько кукол и игрушек, что вся постель ими была покрыта. Я им не мешала, но иногда меня немножко бранили за то, что я не принимала достаточного участия в этой приятной забаве...»³⁵ Такое увлечение взрослого человека показалось Екатерине настолько точной характеристикой умственных способностей мужа, что она повторяет эту подробность во всех редакциях «Записок».³⁶

³³ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 64.

³⁴ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 331, л. 2.

³⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 107.

³⁶ Страсть великого князя Петра Федоровича к игрушкам, вероятно, и на самом деле носила пагубный характер. Так, например, в проекте инструкции Елизаветы для имьярека, который должен выполнять обязанности воспитателя при восемнадцатилетнем (!) наследнике, подчеркнуто, что утренние часы отведены для занятий: «Вам же всемерно препятствовать надлежит чтению романов, игранию на инструментах, егерями или солдатами, или иными игрушками и всякие шутки с пажами, лакеями или иными негодными и к наставлению неспособными людьми» (ЦГАДА, ф. 2, оп. 1, № 75, л. 9 об).

Характерно. что «царской» чертой награждается именно Вестникова, не способная управлять ни домом, где царят деградация и запустение, ни самою собой. Кстати, с куклой не расстается и Вестникова-младшая, которую матушкино воспитание из слабоумной сделало полоумной.

Думается, нет надобности подчеркивать, что Вестникова так же далека от Петра III, как юная Христина от Екатерины II. Императрица не создавала портретов, а лишь заимствовала из анналов памяти любопытные подробности, позволяющие, на ее взгляд, приблизить пьесы к жизни. Повторенный многократно, такой прием стал одной из характерных особенностей ее творческого метода. Не умея писать характеры, вывести на сцену по-настоящему реальных героев, она наделяла их чертами-характеристиками, которые придают образам необходимую конкретность и легко прочитываются публикой. Скорее всего, сама императрица считала такой подход несомненной творческой удачей, поскольку в письме к Вольтеру от 6 (17) октября 1772 г., оценивая достоинства анонимного сочинителя «новых русских комедий», она прежде всего выделяет типичность персонажей, подчеркивает, что герои автора буквально «сняты с натуры, которая у него перед глазами».³⁷

Но, пожалуй, самое наглядное подтверждение использования императрицей некоторых черт реальных лиц находится не в ранней, а в зрелой комедии Екатерины — пьесе «Шаман Сибирский» (1786). Сравним рассказ третьей части «Записок» с первой сценой «Шамана», когда Бобина узнает, что дочь ее не одета, а лежит «между двух добрых перин на кровати»:

ЗАПИСКИ

Часто она по ночам вставала и подходила к своей спящей дочери, чтобы посмотреть, как она уверяла, не умерла ли эта дочь, которую она обожала; очень часто она даже будила ее, чтобы убедиться, что ее сон не был обмороком...³⁸

ШАМАН СИБИРСКИЙ

Бобина. Спала дурно... что ли?

Мавра. Да.

Бобина. Что ж тому причиною?

Мавра. Покою не даете ей вы сами.

Бобина. Сердце, право, не на месте, когда сама не посмотрю, какова дочь моя Прелеста!

³⁷ Бумаги императрицы Екатерины II Т. 3. С. 278.

³⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 166.

Мавра. Ну как испугается она во сне?

Бобина. Вить я, подходя... легонько ...рукою лишь коснуся до нее...мне бы узнать только, холодна ли иль тепла, и по тому сужу об ней, жива ли иль нет...

Мавра. Живехонька!³⁹

Совпадение, как видим, полное, причем любовь к дочери — единственная черта, на которой строится вялый, явно неудачный образ Бобиной. Дневник А. В. Храповицкого называет еще два персонажа, в которых при желании можно угадать современников Екатерины, — это «вечная невеста» Аграфена Машкина («Шаман Сибирский») и торговец подрядами Услужников («Расстроенная семья...», 1788). Но стоит ли множить примеры?..

В начале семидесятых годов, строя образы на вполне реальных и достоверных чертах, императрица сделала достаточно смелый шаг в становлении русской бытовой комедии. И хотя такой подход был далек от истинной типизации и психологичности, тем не менее он по-своему отразил общую тенденцию сближения драматургии с жизнью, а потому и оказался счастливым для судьбы ранних комедий. Однако в восьмидесятые годы стремительное развитие драматургии и появление на русской сцене «Недоросля» сделали недостаточным лишь осмеяние пороков — необходимо было исследовать и правдиво показать зрителям и причины их возникновения, и последствия пагубного воздействия. Такая задача требовала нового сценического подхода, новой образной системы и языка. Напротив же, комедии, написанные Екатериной в это время, схематичны, они заметно уступают не только произведениям других авторов, но и собственным ее ранним пьесам. Художественному исследованию она предпочитает политическое назидание, сатире — комичность ситуаций и даже найденный в семидесятые годы прием использует вяло и механически. Несмотря на все старания Екатерины и приближенных, поздние комедии не имели истинного успеха. Живое остроумие ранних пьес осталось непревзойденным в творчестве императрицы, так и не сумевшей диктовать свои законы своенравной музе комедии — Талии.

³⁹ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 350.

П. Е. БУХАРКИН

ПРОБЛЕМА КОМИЧЕСКОГО В РУССКОЙ КОМЕДИИ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

В истории русской комедии XVIII века очень важными были 1750—1760-е гг. Это время становления жанра, когда постепенно складываются многие его структурные черты, формируется круг политических тем, создаются образы и типы. Одним из самых значительных произведений данного времени является, без сомнения, фонвизинский «Бригадир», завершающий собою эволюцию комедии 1750—1760-х гг., свидетельствующий о переходе русской драматургии от простых к более сложным формам.

В свое время П. Н. Берков писал, что «по сравнению с другими комедиями 1750—60-х годов „Бригадир“ при всей серьезности рассматриваемых проблем представляет действительно смешную комедию».¹ И правда, «Бригадир» по-настоящему смешон, и сила его смеха сохраняется до сих пор. При этом веселость пьесы прекрасно уживается с подлинной глубиной, серьезностью, можно сказать, трагичностью поставленных в ней проблем, прежде всего проблемы зла.

Надо сказать, что тема зла занимает очень важное место в структуре комедии. От ее трактовки во многом зависит степень глубины произведения, сила его обличительного пафоса.

До «Бригадира» зло изображалось в русской комедии в двух основных аспектах: как смешное, но тогда лишенное подлинной значительности, нестрашное, или наоборот, как социально и нравственно опасное, угрожающее человеку, но в этом случае носители такого страшного зла могли вызывать страх, ненависть, но никак не смех.

¹ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 127.

Первый способ обличения зла в высшей степени свойственен ранним комедиям А. П. Сумарокова, таким как «Тресотиниус», «Третьейский суд», «Ссора у мужа с женою», некоторым его более поздним пьесам, например комедии «Три брата совместники», раннему «Недорослю» Фонвизина, некоторым пьесам В. И. Лукина («Щепетильник»), «Наказанной вертопрашке» Б. Е. Ельчанинова и др. Отрицательные герои в них разнообразны, олицетворяют разные пороки. Иногда социальные: галломания («Ссора у мужа с женою»), ложное воспитание (ранний «Недоросль»). Иногда нравственные: легкомыслие и безнравственность (у Лукина и Ельчанинова), женские сварливость и упрямство (у Сумарокова). Иногда и то и другое. В любом случае отрицательные персонажи крайне ничтожны; они глупы и невежественны, вызывают лишь презрение и насмешливый гнев. Все они не опасны в том смысле, что зло, носителями которого они являются, мелко и пассивно, не затрагивает основ миропорядка. Злой мир смешон, но не страшен.

Прекрасным примером подобного изображения зла может служить, в частности, комедия А. П. Сумарокова «Ссора у мужа с женою» (1750). Комическое начало явственно ощутимо в пьесе. Для его усиления драматург прибегает к разнообразным приемам. Он вводит фарсовые сцены: жена, бегущая за своим мужем с розгами, случайное ее падение, попытки женихов дочери поднять упавшую мать и т. д. Использует Сумароков и языковые средства, прибегая, например, к макароническому стилю. Вот дочь разговаривает со своим женихом:

Д е л а м и д а . Любить мужа. Ха! Ха! Ха! Это посадской бабе прилично!
Д ю л и ж . Против этого спорить нельзя, однако ежели б вы меня из адоретера сделали своим амантом, то б это было пардонабельно.
Д е л а м и д а . Пардонабельно любить мужа Ха! Ха! Ха! Вы ли, полно, это говорите, я б не чаяла, чтоб вы так не разонабельны были.²

С большим искусством изображает писатель и непонимание одного героя другим. Один из героев комедии, Фатюй, как справедливо писал П. Н. Берков, даже «не понимает простых оборотов речи, употребляемых его собеседниками. На вопрос служанки Филеты, что у него нового, Фатюй отвечает: «Одни только башмаки, да и тех я не надел, очень тесны, жмут ноги, окупился» (явл. 2-е).³

Все эти средства достигают своей цели, придают «Ссоре у мужа с женою» подлинную веселость, делают ее героев смешными. Действительно смешны Оронт — трусливый и забитый женою, его суп-

² Русская комедия и комическая опера. М.; Л., 1950. С. 78.

³ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. С. 36.

руга Салмина, их дочь, галломанствующая кокетка Деламида. Смешны и другие персонажи: подруга Делакиды Дюфиза, женихи — неуклюжий увалень Фатюй и петиметр Дюлиж. При этом все они олицетворяют те или другие пороки, тем самым смех, который они вызывают, — смех сатирический. Однако сатира поверхностна, осмеивая галломанию, легкомыслие и невежество своих героев, Сумароков не стремится показать глубину их «отрицательности». Они смешны, и только.

Совсем по-иному обстоит дело в комедиях второго типа, где зло в высшей степени серьезно, но не смешно. Сюда можно отнести среди прочих сумароковские комедии 1760-х гг., прежде всего пьесы о скупом («Лихоимец», «Опекун»), «Безбожника» М. М. Хераскова, «Мота, любовью исправленного» В. И. Лукина. Негативные персонажи в них гораздо масштабнее. Не случайно в этих комедиях, как правило, один отрицательный персонаж. Зло сосредоточивается в нем, рассматривается пристально и внимательно, в то время как в комедиях первого типа оно как бы рассеяно между многочисленными его носителями.

Для усиления отрицательного начала в герое существовало несколько возможностей. Первая состояла в его изображении как активного, энергичного. Злое начало, представителем которого данный персонаж является, представало таким образом деятельным и экспансивным.

Отрицательный герой начинает стремиться к распространению своего влияния на окружающих людей, нередко возникает мотив развращения, например в «Лихоимце» Сумарокова (Кашей принуждает своих слуг воровать) или в его же «Опекуне» (Чужехват доказывает служанке Нисе достоинства воровства). Зло, исходя от главного героя, стремится приобрести себе все новых и новых слуг. Наиболее отчетливо эта активность зла заметна в образе Злорадова из «Мота, любовью исправленного» В. И. Лукина. Злорадов распространяет зло не только из личной выгоды, а скорее из любви к нему. Более того, обманывая своего доверчивого друга Добросердова, он надеется, что тот в свою очередь станет разносчиком зла: «Ежели тебя проучу хорошенько, так и ты вперед таких же шалунов, каков теперь сам, проводить станешь...»⁴. Отрицательный герой, ценящий зло ради зла, становится здесь фигурой в чем-то демонической и зловещей.

Второй путь усиления темы зла состоял в его соотнесении с универсальным планом. Отрицательный персонаж тем или другим способом связывался с самыми общими и основополагающими ка-

⁴ Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е. Сочинения и переводы. СПб., 1868. С. 58.

тегориями, прежде всего с Богом. Он оказывался злым не только по отношению к людям, но и по отношению к Богу. Явственно начинала звучать тема inferнального зла.⁵ Как правило, комический злодей — безбожник и богохульник. Иногда богохулие странным образом сочеталось с лицемерием и ханжеством, как например, у скупых в комедиях Сумарокова. «... Небезразлично для характеристики взглядов Сумарокова, — писал по этому поводу П. Н. Берков, — то, что его скупой — богохульник и ханжа одновременно.»⁶ Иногда же перед нами чистый безбожник, даже не прикрывающийся лицемерием. Таков, например, герой «героической комедии» М. М. Хераскова Руфин, которого родной отец называет «безбожником», или Злорадов из «Мота, любовью исправленного» В. И. Лукина, говорящий о себе: «Раскаяние и угрызения совести совсем мне не известны, и я не из числа тех простаков, которых будущая жизнь и адские муки ужасают».⁷

Мотив безбожия придавал отрицательным героям комедии особую глубину. Сумароковские скупцы, безбожник Хераскова, Злорадов — не просто плохие дворяне, крапивное семя или безнравственные люди. Они посягают на мировой порядок, содержат в себе глубокое универсальное зло, являются inferнальными злодеями. Пожалуй, наиболее отчетливо это «злодейское начало» выступает в комедии М. М. Хераскова «Безбожник». Руфин — поистине исчадие ада. Уже в первом же явлении его добродетельный брат Фидеон дает ему следующую характеристику:

Тони в своих грехах, несчастливый, тони
И добродетели устав позабывая,
Беспутствуй, пред людьми злодейства не скрывая.⁸

Руфинов отец, Леон, называет своего сына «фурией». Наконец, сам Руфин в большом монологе из IX явления восклицает:

И их стенанием мой веселится дух.⁹

Но герои, подобные Руфину, являясь глубоким обличением зла, были совершенно не смешны. При знакомстве с ними на устах зри-

⁵ Связь отрицательных героев с inferнальным началом — довольно обычное явление в мировой литературе. Если говорить о драматургии, подобная связь в частности, легко обнаруживается в пьесах В. Шекспира. См. об этом: Морозов М. М. Метафоры Шекспира как выражение характеров действующих лиц // Морозов М. М. Избр. ст. и переводы. М., 1954. С. 179—222.

⁶ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. С. 87.

⁷ Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е. Сочинения и переводы. С. 40.

⁸ Херасков М. М. Безбожник. М., 1761. С. 4.

⁹ Там же. С. 17.

теля или читателя не появлялось ни тени улыбки. Правда, в «Опекуне», «Ядовитом» и «Лихоимце» Сумарокова еще есть в образах главных отрицательных персонажей (Чужехват, Герострат, Кашей) хоть какие-то элементы комизма. В Руфине же или в Злорадове и этих элементов нет. Данные образы перерастают рамки комедии, начинают соотноситься со злодеями трагедии. Иногда возникают почти текстуальные совпадения. Так, перед своей гибелью Руфин восклицает:

С великой горестью я кончу жизнь теперь,
Что всех вас погубить бессилён остаюсь.¹⁰

Почти о том же, только прозою и более низким слогом, говорит Злорадов: «Время впереди, а я его на то употребляю, чтобы всем вам погибель строить».¹¹ Тем же желанием мести, тем же злом проникнуты и последние слова Чужехвата из «Опекуна» Сумарокова: «Будьте вы, злодеи мои, прокляты и в сем веке и в будущем».¹² Но ведь с подобными проклятиями весьма и весьма часто исчезали из жизни трагические злодеи. Достаточно вспомнить Димитрия Самозванца Сумарокова:

Ступай, душа, во ад и буди вечна пленна!
Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!¹³

Связь с героями трагедий проявляется не только в соответствиях такого рода. Сама структура образа злодея в «Безбожнике» или «Моте, любовью исправленном» близка трагической. Л. Я. Гинзбург замечает по поводу отличия героев комедии от трагических персонажей: «Господствующее свойство в качестве принципа типизации — это принадлежность комедии. В классической трагедии основная структурная единица персонажа — не свойство, а страсть. Он не тип, а носитель страсти».¹⁴ Но ведь именно страсть, а не свойство лежит и в основе образов Руфина и Злорадова. Так, Злорадов — лицемер, он постоянно обманывает окружающих. Но лицемерие для него — лишь средство удовлетворить страсть, страсть ко злу, к деланию зла. И у Руфина главное — не какое-либо свойство (лицемерие, безнравственность), а его преданность злу, любовь к нему, т. е. опять-таки страсть.

Такие герои ужасны, омерзительны, страшны, но никак не смешны. Если в ранних комедиях Сумарокова, в раннем «Недорос-

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е. Сочинения и переводы. С. 80.

¹² Сумароков А. П. Полн. собр. соч. М., 1781. Т. 5. С. 54.

¹³ Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957. С. 470.

¹⁴ Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л., 1979. С. 124.

ле», в «Наказанной вертопрашке», т. е. в пьесах первого типа, персонажи были смешны и при этом незначительны, то тут отрицательные герои были совсем лишены веселости.

Так обстояло дело с обличением зла в русской комедии до появления «Бригадир». Фонвизинская пьеса изменила эту ситуацию. В ней драматург сумел соединить лучшие стороны предшествующих традиций — его комедия была одновременно смешной и страшной.

То, что «Бригадир» смешон, не требует особых доказательств. Достаточно вспомнить спор героев комедии, у всех ли людей Бог пересчитал волосы на голове или только у особ первых пяти классов, их же разговоры, знает ли Бог «Табель о рангах» или же для него, как считает бригадирша, «генералитет, штаб и обер-офицеры в одном ранге»,¹⁵ Смешны ситуации, в которые попадает герой, смешны их мысли, смешны их слова. Даже трудно привести примеры из «Бригадир», ибо еще Н. И. Новиков писал, что в нем «острые слова и замысловатые шутки рассыпаны на каждой странице».

Стихия смеха сближает «Бригадир» с комедиями первого типа. К ним приближает пьесу Фонвизина и рассредоточенность зла: в произведении много (точнее пять) отрицательных героев. И это отличает его от сумароковских комедий 1760-х гг., от «Безбожника» Хераскова и «Мота, любовь исправленного» Лукина с их единственным крупным «злым» персонажем.

Однако несмотря на всю веселость «Бригадир» и крайне серьезен, в чем-то даже трагичен. «На первый взгляд „Бригадир“, — справедливо писал К. В. Пигарев, — веселая комедия. Однако если вдуматься в образы Иванушки и советницы, то они покажутся нам не столько комичными, сколько страшными».¹⁶ В этих словах исследователя содержится и указание на главный источник серьезности зла в «Бригадире» — это Иванушка и советница, особенно Иванушка.

Действительно, Иванушка, пожалуй, — самый отрицательный герой комедии. Его отец, мать, его предполагаемый тесть — социальные и нравственные уроды. Но Иванушка в своем зле далеко опередил их. Все отрицательные персонажи комедии попирают самые естественные нормы человеческого общения, но никто не делает это так вызывающе, как он. В частности, очень важным здесь оказывается отношение Иванушки к родителям.

«Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет, и да долго-

¹⁵ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: в 2 т., М.; Л., 1959. Т. 1. С. 50. В дальнейшем при цитировании этого издания страницы указываются в тексте.

¹⁶ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 94.

летен будешь на земли» — эта заповедь казалась незыблемой для XVIII столетия. Современник Фонвизина Тихон Задонский, столь любимый позднее Достоевским, писал об этом в 1771 г., т. е. менее чем через 10 лет после появления «Бригадира»: «Должны дети родителей своих любить от чистого сердца и к ним благодарными быть: яко от них на свет родилися и воспиталися. К сему естественный закон и совесть всякого убеждает». ¹⁷ Непослушание родителям, неуважение к ним — преступление страшное и непростительное. «Беззаконным детям,— замечает тот же Тихон Задонский,— которые родителей своих не почитают, страшные казни в законе Господни определены». ¹⁸ Не случайно в литературе, например, в трагедии повинование отцу воспринималось как святая обязанность человека. А Херасков, желая до конца обнажить сатанинскую сущность своего «безбожника», заставляет его в финале комедии покуситься на жизнь отца. То же видим и в случае с Иванушкой в «Бригадире» — его отношение к родителям противоположно моральным законам эпохи и вполне созвучно поведению херасковского Руфина. В начале он ограничивается насмешками над ними, сожалениями, что они живы, и заявляет: «Я индиферан во всем, что надлежит до моего отца и матери» (с. 54). Но затем, в конце 2-го действия, он уже говорит о своей решимости вызвать отца на дуэль. При этом если советнице хотя бы совестно в глаза Иванушке ругать его родителей, если она удивлена его намерением драться с отцом, то Иванушка считает свое поведение не просто естественным, но даже похвальным. Мысль, что он поступает ненормально, и не приходит ему в голову.

Итак, Иванушка — наиболее отрицательный персонаж комедии. При этом, отличаясь особой «злостностью», он одновременно смешон не менее своего отца, матери, возлюбленной. Но за смешными его сторонами проглядывают черты страшные, и герой начинает соотноситься с универсальным, инфернальным планом. Зло, носителем которого он является, — зло абсолютное, угрожающее миру в целом. Только в «Бригадире», в отличие от предшествующих комедий, эта соотносимость с универсальными категориями не разрушает комизма, не противоречит структуре комедии.

Синтез смешного и серьезного достигается в произведении прежде всего благодаря определенной неявности соотношения персонажа с абсолютным злом. Эта связь, хотя и заметная, существует,

¹⁷ Творения Тихона Задонского. М., 1899. Т. 3. С. 393.

¹⁸ Там же. С. 394.

так сказать, в подтексте. Драматург по существу эксплицитно нигде не выражает inferнальное зло, прибегая в данном случае к имплицитным средствам. Среди них едва ли не основную роль играет речевая характеристика героя.

Говоря о комическом жанре 1750—1760-х гг., П. Н. Берков отмечал, что героев «во всех тогдашних комедиях... характеризуют не действия, а слова». ¹⁹ Слова характеризуют и злую сущность Иванушки, его связь с inferнальным началом. Дело в том, что в речах героя постоянно встречается упоминание нечистой силы. Так, например, в 3-м явлении 1-го действия, одном из первых, где мы знакомимся с героем, Иванушка чертыхается непрерывно: «Черт меня возьми», через несколько реплик «pardieu», на следующей странице «Черт ли видит то», в следующей реплике «pardieu», вскоре снова «Черт меня возьми». Здесь черт упоминается особенно часто, но и в других сценах с участием Иванушки слово это не остается забытым.

А чертыхание — это не просто особенность речи. Вернее, данная особенность речи прямо и весьма нелицеприятно характеризовала в XVIII в. внутреннюю сущность человека. Табу на упоминание нечистой силы было вполне живо в то время. Недаром бригадирша пугается, слыша чертыхающегося сына:

Сын. Черт меня возьми, ежели это не правда.

Бригадирша. Перекрестись. Какой божбой ты божишься, опомнись!

Вить чертом не шутят. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько (с. 67).

Чертом действительно не шутили. И упоминание его означало его призывание, говорило о том, что человек уповает не на бога, а на дьявола, является тем самым принадлежностью мира абсолютно-го зла.

То, что Иванушка не только смешон, но и страшен, в какой-то мере ощущается и персонажами комедии, например, как это ни странно, советницей. В своем первом разговоре наедине с Иванушкой (3-е явление 1-го действия) она говорит: «Переменим речь, je vous en prie, мои уши терпеть не могут слышать о чертях и о тех людях, которые столь много на них походят» (с. 55). Речь здесь, казалось бы, идет о Бригадирше, о которой говорил сын. Но и общая ситуация, и проявившийся ранее характер героя переадресовывают реплику Советницы ему самому. На черта похож именно Иванушка.

Зло, носителем которого является Иванушка, оказывается, таким образом, серьезным в высшей степени. Однако имплицитность

¹⁹ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. С. 111.

способов соотнесения героя с абсолютным злом позволяет сохранить в комедии атмосферу веселости и смеха. Ужасая, заставляя серьезно задуматься, «Бригадир» вызывает одновременно и улыбку. Так драматургу удалось соединить в своей пьесе две тенденции, ранее существовавшие изолированно, — создать пьесу смешную и страшную одновременно. Здесь «Бригадир» предвосхищает «Недоросля», а если смотреть дальше, то и творчество Гоголя, а возможно и Достоевского, писателя несмешного, но ценившего Фонвизина и обладавшего даром соединять конкретное, бытовое с универсальным.

В. В. КОСТЮКОВА

РОМАН С. РИЧАРДСОНА «ПАМЕЛА»
В ПЕРЕВОДЕ ИВАНА ШИШКИНА

П. Н. Берков относил И. В. Шишкина, поэта и переводчика 40-х гг. XVIII в., к «типу русского писателя, воспитанного на старорусской рукописной традиции и переходящего к новым „европейским“ вкусам».¹ Среди переведенных И. Шишкиным французских повестей и романов ученый особое место отводил «Истории о княжне Иерониме», предшествовавшей, по его мнению, появлению оригинальных русских романов (Ф. А. Эмина и др.).² К сожалению, П. Н. Беркову не был известен еще один из шишкинских переводов, в течение долгого времени считавшийся анонимным. Им является перевод романа С. Ричардсона «Памела, или Награжденная добродетель», выполненный Шишкиным во второй половине 1740-х гг. Этот литературный факт существенно дополняет наше представление о творчестве И. В. Шишкина и позволяет говорить о нем как об одном из первых русских писателей, обратившихся к переводу нового европейского романа.

Основные биографические сведения о писателе собраны в статье П. Н. Беркова: «Иван Васильевич Шишкин родился в 1722 году в дворянской семье. 23 декабря 1736 года он поступил в Сухопутный шляхетный корпус, откуда 10 февраля 1742 года был выпущен в армию прапорщиком. Из его аттестата явствует, что знания, вынесенные им из корпуса, были незначительны: „геометрию до стереометрии выучил, рисует позитуры, по-немецки знает мало, пишет по

¹ Берков П. Н. Иван Шишкин — литературный деятель 1740-х годов: (К истории русского романа: от рукописной старорусской повести к печатному роману) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 51.

² Там же. С. 51, 63.

форшрифтам, танцовать обучался". Должно быть, Шишкин служил хорошо, потому что к 1750 году он был уже капитаном пехотного полка. Но в октябре 1751 года он в официальных документах уже называется „покойным капитаном Шишкиным“». ³

Интерес к литературным занятиям возник у Шишкина, видимо, еще в корпусе, где поощрялись стихотворство и участие в любительских спектаклях. ⁴ Из оригинальных поэтических сочинений И. Шишкина достоверно известно только одно, ⁵ поэтому об этой стороне его творчества мы можем судить лишь по оценке, данной ему Н. И. Новиковым: «много написал хороших песен, еллегий и других мелких стихотворений», но «смерть, лиша его жизни, отняла и надежду видеть в нем, может быть, славного стихотворца». ⁶

Более полны сведения о переводческой деятельности писателя. Благодаря разысканиям П. Н. Беркова нам известны следующие литературные переводы Шишкина: повести «История Марки де» (1744) и «Мемориал милорда Де» (1748), авантюрно-галантный роман «История о княжне Иерониме» (1748), героико-комическая поэма «Букля власов похищенных» (1749, перевод поэмы «Похищенный локон» А. Попа). Шишкину принадлежат также переводы «Происков и хитростей воинских» (1750 г.) и «Мнений Цицероновых» (изд. в 1752 г.).

П. Н. Берков указал списки известных ему переводов Шишкина, ⁷ установил их литературные источники, собрал сведения об их

³ Там же. с. 52.

⁴ См.: Берков П. Н. А. П. Сумароков // Русские драматурги XVIII—XIX вв. Л.: М., 1959. С. 73—74.

⁵ «Шишкин И.» «Речь к Кориолану» // Полезное увеселение. 1760. Ч. 17. С. 30.

⁶ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 246—247.

⁷ Отметим несколько списков, не указанных П. Н. Берковым: Мемориал милорда Де. Перевод с французского И. Ш., а на французский с английского перевел Д. Л. П. 1748 г. В Дерпте. — ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 2. № 3084; История о княжне Иерониме, дочери Димитрия Палеолога, брата греческому царю Константину Мануиловичу, с французского на российский переведена капитаном Иваном Шишкиным. — ГБЛ, собр. Ундольского, ф. 310, № 935; Науч. б-ка Саратов. ун-та, собр. И. А. Шляпкина, № 461 (Шл. 92 и 207). Сборник романов, л. 203—239 об.; Вязниковский краеведческий музей Владимирской области, № 31; ГБЛ, собр. Тихонравова, ф. 299, № 559; Мнения Цицероновы из разных его сочинений, собранные аббатом Оливетом и прежде со французского языка на российский переведены капитаном Иваном Шишкиным, а ныне при Имп. Академии наук исправлена против подлинника латынского. Печатан при Имп. Академии наук. 1752 г. — ГБЛ, Муз. собр., ф. 178, № 9294; Происки и хитрости воинские, выписанные из историй греческих, латинских и французских как древних так и новых, во образец и пользу всякого чина военным людям, переведенные с французского на русиской язык Иваном Шишкиным. В Санктпетербурхе 1759. — ГБЛ, Муз. собр., ф. 178, № 3718.

изданиях в XVIII в. Он также опубликовал предисловия и посвящения к рукописным переводам Шишкина, которые позволяют воссоздать образ самого переводчика. В них Шишкин предстает человеком, размышляющим о месте личности «во учрежденном порядке», о «природном долге» каждого служить «для общей пользы», о своем собственном служении «отечеству переводом книг с чужестранных языков».⁸

В предисловии к «Мемориалу милорда Де» (1748) Шишкин упоминает, что им «уже многие книги переведены».⁹ Из «многих переводов», выполненных до 1748 г., П. Н. Беркову был известен только один («История Марки де», 1744). Поэтому ученый предположил, что некоторые из переводов Шишкина до нас не дошли. К этому же периоду (второй половине 1740-х гг.) относится перевод «Памелы» С. Ричардсона.

Принадлежность его Шишкину была установлена сравнительно недавно. В 1969 г. появилась статья Э. Ф. Ципельзона о рукописи из собрания князя В. А. Дашкова, содержащей перевод романа С. Ричардсона «Памела, или Награжденная добродетель».¹⁰ Переводу предшествует посвящение, подписанное именем Ивана Шишкина. На основании этого Э. Ф. Ципельзон пришел к выводу, что «Иван Шишкин был первым переводчиком на русский язык знаменитого произведения Ричардсона».¹¹

Рукопись, входившая в собрание князя В. А. Дашкова,¹² является одним из трех известных нам списков романа, но имя переводчика указано только в ней. В отличие от двух других списков, текст перевода в ней сохранился полностью: рукопись состоит из трех частей, предисловия и посвящения графу П. С. Салтыкову. По филиграммам она датируется концом 40-х — началом 50-х гг. XVIII в.¹³

Другой, более ранний список перевода находится в Отделе

⁸ Берков П. Н. Иван Шишкин — литературный деятель 1740-х годов. С. 54—55.

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ Ципельзон Э. Ф. Рукопись XVIII века // Вопр. лит. 1969. № 1. С. 254—255.

¹¹ Там же. С. 254.

¹² На титульном листе рукописи имеется отметка «из собрания книг Василия Дашкова» и вензель «ВД». Собрание директора Московского публичного и Румянцевского музея князя В. А. Дашкова (1819—1896) находится в ОР ГБЛ. Однако указанная рукопись «Памелы» хранится в ЦГАЛИ: колл. Э. Ф. Ципельзона, ф. 2580, № 82—84. Благодарим старшего научного сотрудника ОР ГБЛ Н. А. Щербачеву за помощь в ее разыскании.

¹³ Филигранные литеры ГУБР / ФСМП (малого формата) — типа: Клепиков С. А. Филигранные и штемпели. М., 1959. № 218 (1749, 1754 гг.).

письменных источников ГИМ,¹⁴ однако в нем сохранилась только первая часть романа. Список датируется 40-ми годами XVIII в.¹⁵ Текст написан семью почерками и имеет следы редакторской правки: текстовые вставки, дополнения на полях, стилистические исправления. Правка, в отличие от основного текста, выполнена другой рукой. В списке отсутствует посвящение графу П. С. Салтыкову, которое, по-видимому, было написано позднее. Все исправления, сделанные в этом списке, были учтены переписчиком рукописи из собрания В. А. Дашкова.

Неполным является и третий список «Памелы», принадлежавший собранию князя П. П. Вяземского.¹⁶ В нем также сохранилась только первая часть, однако имеются предисловие и посвящение. Посвящение дословно совпадает с посвящением в рукописи из собрания Дашкова, с тем единственным отличием, что в списке кн. Вяземского отсутствует имя переводчика. Список является вторичным по отношению к списку из собрания Дашкова, о чем свидетельствуют встречающиеся в нем механические пропуски, объяснимые только неаккуратностью переписчика.¹⁷ Вместе с тем в некоторых случаях переписчик рукописи из собрания П. П. Вяземского делал сокращения в тексте сознательно.¹⁸

При анализе перевода «Памелы» в качестве основного нами был избран список из собрания В. А. Дашкова, являющийся одновременно полным, беловым (так как в нем учтены исправления, внесенные в список ОПИ ГИМ) и сохранивший имя переводчика. Введение этого списка в научный оборот вносит некоторые дополнения к биографии И. В. Шишкина. Переводчик посвятил свой перевод

¹⁴ ОПИ ГИМ, ф. 96 24509/3307, ч. 1.

¹⁵ Рукопись написана на бумаге с филигранями двух типов: 1) буквы RØ/BE — типа: *Клепиков С. А.* Филигранные и штемпели. № 489 (1740-е гг.); 2) буквы ІМД (лигатура) на правой стороне — типа: *Клепиков С. А.* Филигранные и штемпели. № 498 (1731, 1738, 1742 гг.), № 500 (1747 г.) или типа: *Клепиков С. А.* Филигранные на бумаге производства XVIII—нач. XX века. М., 1978. № 674 (1735, 1744, 1750 гг.). Благодарим научного сотрудника ОПИ ГИМ Е. М. Юхименко за помощь в разыскании и датировке этой рукописи.

¹⁶ ГПБ, собр. Вяземского, ф. 167, № 53. Описание рукописи см.: *Пыпин А. Н.* Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII в. М., 1888. С. 43. Рукопись написана на бумаге, датируемой 20-ми гг. XVIII в. (филигранные: 5 гор с белой датой 1722. — *Николаев В.* Водяные знаки Османской империи. София, 1954. Т. 1. № 389 (1726 г.)). Однако она не могла появиться ранее конца 40-х — начала 50-х гг. — времени создания списка из собрания Дашкова. И. З. Серман также датирует эту рукопись 1750-ми гг. (См.: *История русского романа.* М.; Л., 1962. Т. 1. С. 50, прим. 26.)

¹⁷ ГПБ, собр. Вяземского, ф. 167, № F-53, ч. 1, л. 95—98.

¹⁸ Там же. л. 120.

«действительному камергеру», «генералу-лейтенанту ее императорского величества» графу Петру Семеновичу Салтыкову (1698—1772). В посвящении Шишкин упоминает, что перевел роман по просьбе П. С. Салтыкова, стремясь этим изъяснить благодарность своему покровителю и наставнику. Возможно, что Шишкин был адъютантом П. С. Салтыкова, так как, упоминая об их пребывании в Швеции, он пишет, что был допущен «всякий час быть при его сиятельстве».¹⁹ Встреча Шишкина с П. С. Салтыковым могла произойти в 1742—1743 гг. В 1742 г. И. Шишкин из Сухопутного шляхетного корпуса был выпущен прапорщиком в армию. В это время шла война со Швецией (1741—1743), в которой с 1742 г. участвовал граф Салтыков.²⁰ В 1743 г., после заключения мира со Швецией, П. С. Салтыков находился в Стокгольме. Видимо, он обратил внимание на недавнего выпускника Сухопутного корпуса, что и определило судьбу Шишкина. По его собственному свидетельству, общение с графом Салтыковым благотворно сказалось на его развитии. Двадцатилетний молодой человек занялся чтением книг, чтобы «мрак истинного неведения прогнати и старатца сколько возможно просветить себя светом» (№ 82, л. 5). В выражениях благодарности к графу П. С. Салтыкову вырисовывается уже знакомый (по другим посвящениям) образ самого переводчика, который говорит о себе, что «искал везде случай научитца познать, что я и для чего на свете, привыкал читать книги, которыя нелестно давали мне советы и научали познавать свою пользу...» (№ 82, л. 5).

Примечательно, что ни в заглавии, ни в посвящении Шишкин не называет имени автора переведенного им романа. Возможно, что автор был ему неизвестен, так как французский перевод «Памелы», которым пользовался Иван Шишкин, был издан без указания автора. Тот факт, что свой перевод «Памелы» Шишкин сделал с французского языка, становится очевидным при сопоставлении русского текста с оригиналом и французским переводом-посредником. В распоряжении переводчика было одно из французских изданий,²¹ появившихся вскоре после выхода романа в Англии в 1740—1741 гг.

Автор перевода «Памелы» на французский язык Шишкину, по-

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 2580, № 82, л. 5. Далее ссылки даются в тексте по этому списку с указанием части и листа.

²⁰ Русский биографический словарь. СПб., 1904. *Сабанеев-Смыслов*. С. 105—117.

²¹ *Pamela ou la vertu recompensée* / Trad. de l'anglais. Amsterdam, 1742 (К 1745 г. в Амстердаме было выпущено уже 3-е издание романа); *Pamela ou la vertu recompensée* / Trad. de l'anglais. Londres; Liege, 1744.

видимому, также был неизвестен. Спустя 40 лет, в 1784 г., перевод был приписан аббату Прево и включен в его собрание сочинений.²² Однако исследователи творчества Прево подвергли сомнению его причастность к переводу романа, указав на существенные различия в переводческой манере Прево и автора перевода «Памелы», в котором видят Обера де ла Шезнаи Десбуа.²³ Включение этого перевода в собрание сочинений Прево объясняется, скорее всего, тем, что два других романа С. Ричардсона — «Кларисса» и «Грандисон» — действительно были переведены аббатом Прево.

Взявшись за перевод неизвестного ему автора, Шишкин удивительно быстро, за два месяца, осилил роман в четыре объемистых тома. Объяснение этому находим в самом посвящении: «Труд сей, сиятельный граф, мне был мал очень, а притом так полезен и в себя влекущ, что я желал в свободные мне часы не на што иное употребить одну минуту во все те два месяца, в которыхя перевел, для того что, переводя, наслаждался сам хорошева разсуждения творца сей книги, которой, думаю, переводом своим я немного зделал достойной славы...» (№ 82, л. 4).

В посвящении обращает на себя внимание замечание Шишкина о принятых им переводческих принципах: «А при том нижайше прошу вашего сиятельства в неискусном моем переводе многие погрешности простить, я старался всюю силою не только не потерять материю, но почти от слова до слова списывать, некоторые пропустил стишки и песни для того что они в моем переводе не могут быть приятны, исполняя, милостивый государь, ваше повеление, надеюсь, оно меня извинит пред всеми теми, которые за простой и некрасно речивой мой перевод на меня гневатца станут.» (№ 82, л. 6). Однако, несмотря на стремление Шишкина сохранить «материю» источника и переводить слово в слово, он не всегда придерживался декларируемого им принципа и иногда включал в текст свои собственные сентенции.

Так он поступил, например, при переводе следующего эпизода романа. Леди Дейверс, сестра мистера Б., узнав о желании брата жениться на бывшей горничной их покойной матери, пытается в письме отговорить его от этого шага, взывая к его гордости и со-

²² S. Richardson. Pamela ou la vertu recompensée / Trad. de l'anglais par l'abbé Prevost. Vol. 1—2. // Œuvres choisies de l'abbé Prevost. Amsterdam, 1784. Vol. 17—18. К сожалению, нам не удалось обнаружить в библиотеках Москвы и С.-Петербурга более ранних французских изданий романа. В дальнейшем все ссылки на французский текст даются по этому изданию.

²³ Wilcox F. H. Prevost's translations of Richardson's novels. Berkley, Univ. of California press, 1927.; Roddier H. L'abbé Prevost et le probleme de la traduction au XVIII siècle // Association internationale des etudes françaises. 1959. Vol. 8. P. 173—181.

словной чести. Далее следует монолог Памелы, проникнутый христианским духом обличения гордости и тщеславия богатых и уважением к личному достоинству человека, основанном на равенстве всех пред «Судией нелицемерным». Заканчивается монолог весьма примечательной сентенцией, авторство которой полностью принадлежит переводчику: «Можно им сказать: что вам богатство и знатная природа, когда гордостию и злостью была отнята свобода; Рим тогда блистал во славе, как злата не знали, получа много богатства славу потеряли; в нищете жить да с делами добрыми полезно, а со златом, но презрен, живет иной слезно» (№ 83, л. 6). Очевидно, что для Шишкина, небогатого дворянина, выдвинувшегося благодаря стараниям и уму, тема «естественного равенства» приобретает особое значение: при оценке достоинства человека критерием для него выступает не богатство и знатность, а «добрые дела», которые Шишкин связывает с идеей процветания государства (обобщенного в образе «Рима»).

Приведем еще несколько примеров, в которых переводчик вносит в текст свои дополнения. В эпизоде, в котором мистер Б. предлагает героине устроить ее судьбу, искушая добродетель Памелы, она, отказываясь, называет его Люцифером, пришедшим из Ада погубить ее, ибо (поясняет Шишкин) «человеку невозможно так напасть и искать погибели неповинной» (№ 82, л. 125).

В другом эпизоде, в котором мистер Б. пытается условиться с Памелой о дне их венчания, Шишкин добавляет целую фразу: «...удостой Понедельник одним щастьем нам во окончание всех бывших предзнаменований...» (№ 83, л. 24), — примечательную тем, что переводчик довольно удачно передает светскую «игривость» тона мистера Б.

Язык перевода Шишкина стилистически разнообразен. Для передачи речи Памелы особая роль отведена церковнославянской лексике, с помощью которой строятся возвышенные монологи героини. Например, один из эпизодов, в котором Памела (уже готовая броситься в пруд) благодаря «Божьему вразумлению» познает «свое заблуждение», заканчивается словами: «...поспешай прочь и в и ж д ь Божию к себе милость» (№ 82, л. 107; разрядка здесь и далее моя. — В. К.). Ту же стилистическую функцию выполняют и другие встречающиеся в переводе церковнославянские слова и обороты: «мысленными очами», «надеюсь, что он стопы моя направит», «избави мя сетей лукавых» и подобные. Однако в большинстве случаев используемые Шишкиным церковнославянизмы не несут какой-либо стилевой окраски. Нередко они соседствуют с просторечиями: «„Нанон, Нанон!“ — кликала <я> слабым г л а с о м . Она так и с п у ж а л а с ь , что, подхватя полено, п р и ш и б и т ь меня хотела» (№ 82, л. 108).

Желая сохранить разговорные интонации оригинала, Шишкин

использует в своем переводе слова и обороты живой речи: «дура», «кой ляд», «мерзавка», «схватила в беремя», — а так же просторечные формы сравнительной степени имени прилагательного «зляе», «скоряе» и подобные. По экспрессивности эти выражения часто превосходят соответствующие места оригинала. Приведем некоторые из них для сравнения.

У Шишкина:

«П р а х б ы т е б я в з я л, — я говорила, — я бы рада была, больше что бы твой д у х н е п а х з д е с ь » (№ 82, л. 132).

В оригинале:

«Out upon thee, Woman! said I, better thou hadst never come here».²⁴

У Шишкина:

«Я не люблю их д о с м е р т и <...> однако послушаем, что она в р а т ь с т а н е т » (№ 82, л. 132).

У Ричардсона:

«I don't like these sort of People <...> But we will hear what she'll say to us» (1. 264).

С помощью просторечных выражений Шишкин сознательно усиливает экспрессивность своего перевода, допуская при этом некоторое распространение текста. Примером может служить эпизод, в котором говорится о подготовке Памелы к побегу из Линкольнширского поместья. К побегу все готово, мешает только неусыпная слезка миссис Джукс. Памела надеется лишь на то, что крепкий сон одолеет ее подвыпившую надзирательницу. В нетерпении она восклицает: «Приди тышкой сон и сомкни к р о в а в ы е о ч и , н и к о г д а я е е т а к п ь я н у н е в и д а л а , н а д е ю с ь , ч т о к р е п к о з а х р а п и т » (№ 82, л. 105). В оригинале эта фраза звучит более литературно: «Oh, for a dead sleep for the treacherous Brute» (1, 198). Близка к ней по смыслу и фраза во французском переводе: «Oh, qu'un profond sommeil puisse soisir cette brutale creature» (XVII, 361). В русском тексте появляются такие повышено экспрессивные словосочетания, как «кровавые очи» и «крепко захрапит», что вообще характерно для перевода И. Шишкина.

Иногда Шишкин для большей художественной выразительности использует детали, свойственные только русскому быту. Особенно это заметно в эпизоде, в котором Памела, получив предложение от мистера Б. стать его любовницей, отвечает отказом. Мистер Б. предлагает ей «выгодную» сделку, согласившись на которую Памела

²⁴ Pamela: or, Virtue Rewarded. In a series of Familiar Letters from a Beautiful Young Jamsel, to her parents. Dublin, 1741. Vol. 1. P. 266. Далее ссылки на английский текст аются по этому изданию в тексте с указанием тома и страницы.

обеспечит себе и родителям безбедное существование. На это она отвечает: «Не погневайтесь государь мой за мою строптивость, вы их знать не изволите, они лутче з голоду в своей дымной избе похотят умереть, нежели примут все сокровища на свете с таким поносным и предосудительным договором» [№ 82, л. 115]. Сравним с французским переводом-посредником: «...mais vous ne connoissez pas ces pauvres gens, mes chers père et mère, si vous ne croyez pas qu'ils aimeroient mieux mourir de faim et périr de misère sur un fumier, plutôt que d'accepter tous les trésors du monde, à des conditions si lâches et si honteuses» (XVII, 407). Из сравнения видно, что для того, чтобы передать готовность героини на крайнюю степень нужды ради сохранения добродетели, Шишкин находит выразительный эквивалент из русской действительности: «умереть от голода в дымной избе», соответствующий французскому «mourir de faim et périr de misère sur un fumier».

В другом месте, устав от посягательств мистера Б., Памела пишет родителям, «О как я желала быть на тот час в моем прежнем сарафане!!» (№ 82, л. 10), т. е. вернуться к своему прежнему бедному состоянию. Шишкин использует характерную реалию русского быта (сарафан) для передачи нейтрального французского «une robe».

Хотя перевод «Памелы» на русский язык был сделан в 40-х гг. XVIII в., однако он далеко не сразу стал известен читательской публике. Лишь в 1787 г. в С.-Петербурге появилось первое печатное издание «Памелы». На титульном листе вслед за названием: «Памела, или Награжденная добродетель» — шло разъяснение: «Аглинская нравоучительная повесть сочиненная г. Рихардсоном, в 4-х частях, переведенная с французского языка». Переводчиком романа считается П. П. Чертков.²⁵ В действительности же Чертков выполнил роль редактора старого перевода. Сопоставительный анализ изданного им текста с текстом известных нам рукописей показал, что в основу издания 1787 г. был положен перевод Шишкина, в который были внесены некоторые изменения. Чертков опустил имеющееся в двух списках рукописной редакции посвящение графу П. С. Салтыкову, не представлявшее интереса для современного ему читателя. Он также внес в текст ряд стилистических изменений в соответствии с литературной нормой 80-х гг. XVIII в., заменив многие устаревшие за 40 лет со времени перевода романа слова и сло-

²⁵ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1962—1967. Т. 3. С. 38—39, № 6000.

восочетания. Например, вместо читаемого у Шишкина архаичного выражения: «...он приметил, как с силою брань чиню с моим смущенным духом...» (№ 83, л. 35) — у Черткова находим: «...он приметил, как сильно я борюсь с моим смущенным духом...» (ч. 3, с. 215). Обновляя текст, Чертков убирал разговорные обороты, находя для них литературные эквиваленты. Например, фразу из перевода Шишкина: «...погрузилась в свою злую печаль» (№ 82, л. 144) — Чертков переделал так: «...погрузилась в несказанную печаль» (ч. 2, с. 142).

Для издания 1787 г. характерна замена стилистически нейтральных слов эмоционально окрашенными, употребляемыми в сентиментальной литературе (вместо «слабость» — «задумчивость» и т.п.). Издатель старательно избегал галлицизмов, заменяя их русскими эквивалентами: «креатура» («недостойная креатура» — № 82, л. 111) — словом «творение» («не достойное сие творение» — ч. 2, с. 131), «пропозиция» (№ 82, л. 114) — «письменный договор» (ч. 2, с. 143), «матреса» (№ 82, л. 114) — «любовница» (ч. 2, с. 143).

Иногда Чертков сокращал излишние, на его взгляд, подробности в описании отдельных сцен, отвлекавшие от основного сюжетного повествования. Например, им опущен эпизод, в котором Памела составляет реестр подарков, полученных ею от мистера Б. (№ 82, л. 28; ч. 1, с. 84).

Сопоставление показывает, что Чертков сверял имевшийся у него рукописный перевод с французским изданием, из которого перевел предисловие «К издателю „Памелы“», отсутствовавшее у Шишкина. Для Черткова, по-видимому, было важно познакомить русского читателя с этим предисловием, в котором большое место занимает рассмотрение автором художественных особенностей его романа.

В целом, отредактированный Чертковым текст уступает в точности переводу Шишкина. Далеко не всегда внесенные им исправления соответствуют тексту оригинала и перевода-посредника. Например, там, где у Шишкина Памела сообщает родителям, что ей удалось избавиться от злейшего врага христианина — «слабости и заблуждения духа» (№ 82, л. 106; «la foiblesse et la présomption... de son progre esprit» — XVII, 362), в переделке Черткова Памела одерживает победу над собственной «робостью» (ч. 2, с. 107), что заметно упрощает христианский пафос признания героини.

Дальнейшая судьба «Памелы» связана с издательской деятельностью купца И. Я. Сытина, арендовавшего одну из Петербургских типографий, которая в 1795 г. была переведена в Смоленск.²⁶ Сы-

²⁶ Семенников В. П. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII и в начале XIX веков // Русский библиофил. 1911. № 8. С. 28—30; Кацпржак Е. И. Типография И. Я. Сытина в Петербурге (1791—1795) // Труды

тин издавал переводы популярных иностранных авторов, среди которых был и С. Ричардсон. В петербургский период деятельности им были изданы «Кларисса Гарлов» (1791) и «История кавалера Грандисона» (1793—1794). В 1796 г. в Смоленске Сытин издал «Памелу» с указанием на титульном листе: «Переведено с французского новаго и полного издания». Хотя издатель и отметил, что перевод является новым, однако не вызывает сомнений, что неизвестный нам переводчик пользовался изданием 1787 г., о чем свидетельствуют текстуальные совпадения, встречающиеся в обоих изданиях.²⁷

Во втором издании романа строже, чем в первом, соблюден принцип точности перевода. Переводчик не допускает в нем распространений текста, подобных упомянутой выше сентенции Шишкина о тщете и пагубности богатства, которая из рукописного перевода перешла в издание П. П. Черткова.

Для иллюстрации различий между двумя переводами сравним в них описание «возвращения» Памелы домой, оказавшегося в действительности ловушкой, устроенной ей мистером Б.

В издании 1787 г. сохранен перевод Шишкина. Стремясь к большей образности, Шишкин распространил перевод двумя собственными сравнениями: «Но когда солнце лучи свои стало скрывать, тогда я стала выходить из задумчивости моей, как из темной тучи. Увидела, что кучер непрестанно бичем лошадей гонит, и они уже в таком были поте, как вода от сильного волнения берега покроеет пеною, от чего пришел на меня великий ужас» (ч. 1, с. 232—233).

Перевод в издании Сытина намного ближе к подлиннику: «Но когда солнце начало уже закатываться, тогда стала я выходить из моей задумчивости. Увидя, что кучер непрестанно гонит бичем лошадей, и оне в сильном поте, пришла я в великий страх».²⁸ В нем отсутствуют оба распространенных сравнения (задумчивости — с тучей и уставших лошадей — с берегом, покрытым пеной), которыми Шишкин украсил свой перевод. Нет их и во французском переводе-посреднике: «...mais enfin le soleil, qui étoit sur le point de se coucher, me tira de ma rêverie Le cocher fouettoit toujours: les chevaux étoient tout en eau et écumoient. Je fus tout d'un coup saisie de frayeur» (XVII, 208).

Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М. 1958. Т. 2. С. 38—66.

²⁷ И. Я. Сытин иногда переиздавал старые издания после тщательной их обработки, что давало ему основание считать их новыми. Эту особенность издательской деятельности Сытина отметил П. Р. Заборов в статье «Вольтер в России конца XVIII—начала XIX века» (От классицизма к романтизму. Л. 1970. С. 133).

²⁸ Памела или Награжденная добродетель. Смоленск. 1796. ч. 1. С. 254. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием части и страницы.

В издании Сытина переводчик чаще, чем в издании 1787 г. использует сентиментальную лексику. Например, вот как он переводит восклицание мистера Б., выражающее восхищение ответом добродетельной героини: «И з я щ н а я девица, вскричал он, какая чувствительная мысль! Божусь тебе, Памела, ты превосходишь саму себя...» (ч. 2, с. 228). Сентиментальный оттенок этой фразы отчетливее проступает в сравнении с изданием 1787 года: «О п р и я т н а я Памела! говорил он, как умно в а ш е р а з с у ж д е н и е , истинно вы сами себя превосходите...» (ч. 2, с. 208.). Приведем для сравнения текст перевода-посредника: «*Excellente fille, s'écri a-t-il! quelle pensée est-ce-là! En vérité, Pamela, vous surpassez vous-même*» (XVII, 468).

Таким образом, первое знакомство русского читателя с творчеством С. Ричардсона состоялось задолго до появления печатных переводов его романов в 80—90-х гг. XVIII в.. Начало этому знакомству было положено уже в 40-х гг. XVIII в. переводом его первого романа «Памела, или Награжденная добродетель», выполненным известным в те годы переводчиком Шишкиным.

Воплощенная в романе идея внесловной ценности человека была созвучна общественной мысли послепетровского времени и отвечала этическим исканиям самого переводчика, что нашло отражение в его переводе. Вместе с тем художественные открытия С. Ричардсона (эпистолярная форма романа, позволяющая раскрыть внутренний мир героев, использование психологического анализа, утверждение нравственного достоинства простого человека) были еще совершенно новыми для русской литературы 40-х гг. XVIII в.. Обращение к внутреннему миру человека как к предмету художественного исследования произошло в русской литературе лишь к концу XVIII в.. Шишкину же пришлось иметь дело с новой жанровой формой значительно раньше.

Пристальное внимание автора «Памелы» к психологии героев требовало от переводчика поиска новых языковых средств. С этой целью Шишкин использовал богатые возможности разговорного языка, значительно ограничив сферу употребления церковнославянизмов. В ряде случаев переводчик сознательно русифицировал текст, избегая заимствований и находя для иностранных реалий соответствия в русской действительности.

Выполненный Шишкиным перевод «Памелы» оставался в рукописи почти до конца XVIII в., бытуя лишь в нескольких списках. Не утратив своей художественной ценности и через 40 лет, он был издан в 1787 г. с некоторыми изменениями, отражавшими стиль новой литературной эпохи.

Новый перевод «Памелы» был издан в 1796 г. И. Я. Сытиным, однако и в нем сохранились отдельные фрагменты шишкинского перевода.

Историко-литературное значение деятельности И. В. Шишкина определяется прежде всего тем, что своими переводами он делал первые шаги в формировании языка русской художественной прозы. Существенным опытом в этом направлении явилась его работа над переводом «Памелы» С. Ричардсона — первого просветительского романа, переведенного на русский язык.

М. В. РАЗУМОВСКАЯ

РОССИЯ И «ПИСЬМА» МАРКИЗА Д'АРЖАНА

«Царь Петр Алексеевич изменил облик всей Московии, он, прямо признаем, стал творцом в этой стране новых людей». И далее: «Трудно найти человека, равного по необычности этому государю. В нем — все величие, вплоть до его недостатков... В варварской стране он создал армию, флот, крепости, академии наук и искусств, он способствовал появлению новых нравов, основанных на разумных законах... Он обладал смелостью и гордостью Александра, осторожностью и твердостью Цезаря, щедростью и благородством Антония... он был столь же политичен и столь же жесток, как Тиберий... Он больше, чем все остальные, заслуживает имя великого государя, потому что был превосходным законодателем, хорошим генералом, смелым солдатом, ловким политиком, пылким сторонником развития наук и искусств. Трудно поверить, что в одном человеке сочеталось столько добродетелей и талантов. Память о нем навсегда сохранится в умах московитов». Так аттестовал русского государя французский просветитель маркиз д'Аржан.¹

Жан-Батист де Буайе, маркиз д'Аржан (1704—1771), автор множества романов, исторических и политических трудов, сочинений по вопросам религии и морали, отличался глубокими и разносторонними познаниями. Его шеститомные «Еврейские письма» (1736—1737), се-

¹ См.: [Argens, marquis de]. Lettres chinoises, ou Correspondance philosophique, historique et critique entre un Chinois voyageur à Paris et à ses correspondants à la Chine, en Moscovie, en Perse et au Japon: In 6 t. La Haye, 1756. Т. 2. P. 269, 276, 282 (в дальнейшем ссылки на это издание см. в тексте: LCh с указанием тома римской цифрой и страницы-арабской); [Argens, marquis de]. Lettres cabalistiques, ou Correspondance philosophique, historique et critique échangée entre deux cabalistes, divers esprits élémentaires et le seigneur Astaroth: In 7 t. La Haye, 1769—1770. Т. 6. P. 120 (в дальнейшем ссылки на это издание см. в тексте: LC с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской)

митомные «Каббалистические письма» (1737—1741), шеститомные «Китайские письма» (1739—1740) поразили читателя смелостью просветительской мысли, эрудицией в области науки, права, морали, искусства, философским скептицизмом, политическим вольномыслием, сатирической и антиклерикальной направленностью. Эти философско-обличительные ученые романы включили в себя обширнейший свод знаний их создателя. По мнению автора, его «Письма» представляют собой нечто единое: в них дается широкая картина нравов и обычаев различных народов, древних и новых. Сам маркиз д'Аржан скрывается под маской переводчика и издателя этих посланий. Его герои — заброшенные в Европу ученые евреи, или философствующие китайцы, неутомимые путешественники (в том числе Тьяо, живший в Москве), или умеющие проникать повсюду любознательные духи стихий во главе с мудрым кабалистом Абукибаком — все они смотрят на Европу глазами постороннего. Они наблюдают, сияются понять и осмыслить увиденное, стремятся к выводам и обобщениям. Это поистине «граждане Вселенной», они хотят сделать мир лучше, чем он есть.

Принцип сравнения стал для маркиза д'Аржана методом постижения общественных закономерностей. Знакомство с другими странами послужило для него материалом для сопоставления различных форм государственного устройства, религий, быта и нравов, эстетических категорий. Новые сведения и новые представления разбудили в европейском сознании понятие о принципе относительности ценностей. Во Франции этот вклад в развитие исторической науки получил политическую заостренность: он помогал опровергать установившиеся политические и религиозные воззрения. Принцип сомнения стал главным двигателем в ниспровержении всякого абсолютного начала, касалось ли это отживших форм абсолютной монархии, церкви как общественного института, моральных и эстетических требований и норм.

Французские писатели не путешествовали так, как их героини-скальпы, они сочиняли не на основании собственных впечатлений (хотя маркиз д'Аржан хорошо знал по личному опыту жизнь в Голландии или Пруссии), а на основании прочитанной литературы, главным образом отчетов о путешествиях. Используемые ими печатные источники не всегда бывали достоверными. Стремление авторов романов к правдивости не подлежало сомнению, но своеобразное толкование тех или иных фактов объяснялось принципом свободного использования ими этих источников. Главными для просветителей были задачи современной жизни, которые они и разрешали, обращаясь к разностороннему материалу, приспособлявая его

к своим национальным потребностям, для утверждения своих и ниспровержения чужих воззрений.²

Одно только обращение к русской истории помогло д'Аржану обосновать многие свои философские положения.

Осмысливая действительность, маркиз д'Аржан считает: основные причины несчастий людей состоят в том, что их разум и мораль обременены предрассудками. Причина всех заблуждений — это ложные мнения, навязанные догмы³ (см. также: LC. V. 254). Источником предрассудков является и глубокое невежество, унижающее человека / LJ, III, 6; VI, 14; LC, III, 85 /. Главная роль в уничтожении предрассудков принадлежит наукам, раскрепощающим разум, а также и справедливому правлению / LJ, III, 316; LC, II, 17; III, 76, 80 /.

Некогда, при старых порядках, пишет д'Аржан, москвиты были народом невежественным и грубым, жили они на бесплодных и невозделанных землях (LCh, II, 43). Подчиняясь установившимся предрассудкам, они не знали принятых в цивилизованном обществе правил приличия и вежливости, не знали даже элементарных «Прав Людей». Эту мысль маркиз д'Аржан доказывает отношением москвитов к послам разных держав: нецивилизованные москвиты, варвары и грубияны, рабы царей, несмотря на оказываемую русским государем и его советниками честь иноземным послам, ведут себя с почти животной надменностью, особо это касается церемониймейстеров, которые сами стараются занять почетное место, предназначенное послам, или место поудобнее в санях или карете (LJ, IV, 70—72).⁴ Как пример нравов грубых и диких он приводит рассказ некоего г-на де Мэзена, который в Тулоне, в гостинице, наблюдал поведение молодых москвитов, посланных царем во Францию для обучения навигации и кораблестроению: с самого начала их пребы-

² Подробнее о творчестве маркиза д'Аржана см.: *Разумовская М. В.* Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л., 1981. С. 60—75.

³ [Argens, marquis de, *Lettres juives, ou Correspondance philosophique, historique et critique entre un Juif voyageur en différents états de l'Europe et ses correspondants en divers endroits*: In 6 t. La Haye, 1742. Т. 3. P. 222 (в дальнейшем ссылки на это издание см. в тексте: LJ с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской).

⁴ В данном случае д'Аржан ссылается на трактат Викфора «Посол и его функции» (LJ, IV, 72). Следует отметить, что сьер Викфор был членом государственного совета и переводчиком на французский язык «Описания путешествия в Московию» Адама Олеария (Olearius A. O. *Voyages très curieux et très-renommez faits en Moscovie, Tartarie et Perse* /.../ Traduit par Sr. de Wiquefort: In 2 t. Leyden, 1717; Amsterdam, 1727) Ссылается он и на жалобы графа Карсейля в 1633 г. (см.: *Les Trois Ambassades du comte de Carlisle, ambassadeur de Charles II, roi de la Grande-Bretagne, vers Alexey Michailovich, czar et grand duc de Moscovie... commencées au mois de juillet 1663 et finies au mois de janvier 1665.* Amsterdam, 1700).

вания в этом городе дня не проходило, чтобы они не подрались; они были готовы ударить друг друга ножом за ничтожный кусок мяса. У них был вид плохо вылизанных медведей; постепенно они утратили дурные привычки; когда же они вернулись на родину, они оказались столь же вежливыми, как французы, родившиеся в центре Франции, или рожденные в Германии немцы (LJ, IV, 73—74).

Однако д'Аржан неоднократно признает, что за последние годы московиты очень изменились к лучшему: «Вот уже двадцать лет, как московиты избавились от рабства и подчинения. Петр Алексеевич нашел секрет изменить их нравы и обычаи, перестав считать их рабами. Он заставил их стать более общительными, вынудил давать детям нужное воспитание. Ныне двор московский вовсе не походит на двор, существовавший тридцать лет тому назад» (LJ, IV, 68—69). Он продолжает: «Чем больше народы лишены свободы, тем больше они невежественны, это доказывается нравами и обычаями московитов, которые сильно переменялись за последние годы; однако многое еще нуждается в переменах. Но время завершит то, что начал Петр Алексеевич, только от его политики зависит полная перемена в обычаях народа, некогда грубого и дикого» (LJ, IV, 73).

Д'Аржан отмечает, что на законы, политику, мораль людей воздействуют климат, географическая среда в целом, а также религия, быт и нравы, индивидуальные особенности той или иной страны (LJ, I, 230; II, 234; III, 223). Недаром, как сторонник географической теории, нравы жителей Петербурга он объясняет влиянием климата: там все серьезны, чтобы не казаться печальными, климат способствует угрюмости характера, что проявляется даже во время праздничных церемоний (LCh, II, 286).

Подобно большинству своих современников, маркиз д'Аржан рассматривает социальные законы как продукт деятельности законодателя. Он не признает богоданности монархических порядков и считает представление о короле как о наместнике Бога на земле причиной многих заблуждений человечества (LCh, II, 151). Говоря о взаимных обязанностях монарха и народа, д'Аржан исходит из понятий естественного права и общественного договора. Монарх и народ должны соблюдать взаимную справедливость (LJ, V, 219); главная обязанность монарха — добиваться благополучия народа; верховная власть, лишняя добродетели, вырождается в тиранию. Д'Аржан убежден, что политическая свобода и веротерпимость — источник благоденствия людей, процветания государства, основа развития наук и искусств (LJ, I, 240; LC, III, 218). Тираническая власть не может способствовать цивилизации людей: дарованная Петром свобода научила московитов подчиняться воле и уму мудрого правителя, сохраняя свое достоинство (LJ, IV, 68). Говоря о про-

светительской деятельности Петра, д'Аржан отмечает плодотворность его политики в привлечении иностранцев, которые помогают развитию наук и искусств (LCh, II; 286). Китаец Тьяо отводит огромную роль Петру в преобразовании нравов москитов, которые упорно сопротивлялись его новшествам, в частности приказу брить бороды. Для достижения успеха своей цивилизаторской миссии Петру пришлось использовать всю полноту абсолютной власти и прибегать к суровым наказаниям (LCh, II, 64—65).

К вопросам морали д'Аржан подходит с позиций биологической (соответствие морали природе человека), социальной (ее зависимость от общественного устройства) и географической (связь с климатом, ландшафтом и другими природными условиями). Убеденный в том, что моральные нормы должны соответствовать естественной человеческой натуре, маркиз д'Аржан утверждает социальную природу нравственности. Изучение нравов различных народов, с его точки зрения, поучительно и полезно, ибо характер народа, обычаи страны и ее законы тесно связаны. Тиранические законы способствуют варварству нравов. До правления Петра несчастные крестьяне Московии терпеливо сносили выпадающие на их долю муки и проклинали своих господ по сотне раз на дню (LC, V, 301). Д'Аржану ясно, что причина униженного положения женщины заключена не в законах природы, но в несправедливости, царящей в обществе. Для доказательства важной функции женщин, уготованной им в жизни государства, он говорит об «опыте» русской истории, «который доказывает благотворную роль женщины, ибо самые великие люди бывали бесконечно обязаны своим женам». Это история из жизни царя Петра Алексеевича, которого спасла от смертельной опасности — пленения турками — его последняя жена, рожденная в низком сословии, но отличавшаяся величием мужества и умом, чем превосходила многих знаменитых героев (LC, VI, 120)⁵

Падение нравов д'Аржан связывает не только с деспотизмом власти, но и с фанатизмом церкви. В своих философско-религиозных воззрениях он был убежденным деистом и расценивал религиозное чувство как естественное (LJ, I, 268—269; III, 16), исходя из философии сенсуализма: эта потребность человеческого сердца (LC, II, 51—80). Религию он рассматривает как историческую категорию: она меняется с развитием общества (LJ, III, 297—301). Глядя

⁵ Об этом же можно прочесть в сочинении Вольтера «История Карла XII» (1731) (см: *Voltaire. Histoire de Charles XII roi de Suède*. Paris, 1889, P. 250—253; см. также: *Perry J. Etat présent de la Grande-Russie, contenant une Relation de ce que S. M. czarienne a fait de plus remarquable dans ses Etats, et une Description de la Religion, des moeurs etc. tant Russiens, que des Tartares, et autres peuples voisins / Traduit de l'anglais [par Hygony]. La Haye, 1717*).

на мир глазами «гражданина Вселенной», в своих «Письмах» д'Аржан, противник церковного фанатизма, осуждает католическую церковь, а также мусульманство, иудаизм, буддизм и православие.

В «Китайских письмах» Тьяо, обращаясь к другу Ин-Хе-Хану, живущему в Париже, подробно повествует об особенностях язычества на Руси, о принятии христианства, о деятельности князей в области религии и политики. Говоря о духовенстве в Московии, о положении патриарха, митрополитов, архиереев, монахов, он отмечает, что образованность духовенства полезна для отечества. Особо он отмечает неприятие римско-католической церкви. С особым интересом он описывает православные храмы, иконы, обычай благославлять, колокольный звон (LCh, II, 45—52; 67—94).⁶

Письма Тьяо 40, 42, 49 посвящены подробному описанию принятых у московитов обрядов погребения и поминания (LCh, II, 95—104), брака (LCh, II, 116—126), крещения (LCh, II, 193—202). В письме 43 говорится о положении женщины, ее занятиях, отношениях с мужем, наказаниях по причине прегрешений (LCh, II, 126—133).⁷ Не раз герои д'Аржана удивляются приверженности московитов к неумеренному пьянству; например, Бен Кибер пишет ученому кабакисту Абукибаку, что московиты в деле потребления веселящих напитков приучили себя к водке, этому пороховому зелью, поэтому они считают, что выпить «токая» или «бургундского» — это унижить себя или же сесть на строгую диету (LC, VII, 172).

Следует отметить, что маркиз д'Аржан обращается к России наряду с другими странами не только для доказательства своих соображений по тому или иному поводу в качестве примера. В «Китайских письмах» он сообщает о маршруте Тьяо, совершающего путешествие в Европу через Россию. Он подробно говорит о жизни тунгусов (еще раз подчеркивая веротерпимость православной церкви, что вызывает привязанность всех подданных Московии — LCh, II, 285), описывает Тобольск, флору и фауну этого края, упоминает о сосланных в Сибирь после Полтавской битвы шведах, о Вологде.⁸

⁶ Сведения о православии д'Аржан мог позаимствовать у Олеария (см.: *Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев.* Л., 1986. С. 405—414) и у своего соотечественника Фуа де Ла Невиля, французского дипломата, который бывал в Москве в 1689 г. (*La Neuville Foy de. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, contenant l'état présent de cet empire... Les causes des dernières révolutions, leurs moeurs, et leur religion...* La Haye, 1699; см. также: *Де Ла Невиль.* Любопытные и новые известия о Московии // *Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев.* С. 518—523). В романе Тьяо ссылается на труд «Религия московитов», не указывая конкретно на источник.

⁷ Ср.: *Олеарий А. Описание путешествия в Московию.* С. 341—354.

⁸ Поскольку д'Аржан в данном письме, не называет своего информатора, как,

В письме 37 Тьяо Москву описывает как город большой, грязный, с плохо выстроенными домами. Поскольку двор расположен в Петербурге, жители Москвы не имеют возможности следовать образу жизни цивилизованных придворных и иностранцев, находящихся при государе (LCh, II, 64). Письмо 56 посвящено пребыванию Тьяо в Петербурге (LCh, II, 268—277). Это большой город, несомненно лучше застроенный, чем Москва, улицы там прямые, они пересечены каналами, общественные здания отмечены правильной архитектурой. Город обязан своим происхождением покойному Петру, который хотел сделать его центром торговли всего мира. В основном текст письма посвящен самому Петру; д'Аржан подробно повествует об истории жизни и деяний Петра, начиная с юности, говорит о его преобразовательской деятельности в Московии и об отношениях с другими державами, отмечает, что все москвиты почитают его память. О Петре — и письмо 57 (LCh, II, 276—287): в нем Петр именуется героем, несмотря на присущие ему недостатки; китаец отмечает суровость его обращения с подданными, но признает, что это было только на благо последних; царь умел и наказывать и миловать, но Тьяо осуждает его за убийство сына, ибо это нарушает всякие законы природы.⁹

впрочем, и в большинстве других, можно предположить, что он воспользовался описанием путешествия Филипа Авриля: *Avril Ph. Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine, contenant plusieurs remarques curieuses de physique, de géographie, d'hydrographie et d'histoire, avec une description de la Grande Tartarie, et des différents peuples qui l'habitent. Paris, 1692.*

⁹ Зря ли маркиз д'Аржан знал о том, что Петр не любил ни французов, ни французского языка. Свидетельством этому служат хотя бы «Достопамятные повествования и речи Петра Великого», составленные его денщиком Андреем Нартовым. Вот несколько примеров. Когда государю было доложено, что в Петербург прибыли «плаксуны и балансеры», он заявил генеральному полицмейстеру Девиру: «Я видел в Париже множество шарлатанов на площадях. Петербург — не Париж, пускай чиновные смотрят дурачества такие неделаю, только с каждого зеваки не больше гривен, а для простого народа выставить сих бродяг безденежно пред моим садом на лугу. Потом выслать из города вон» (Москвитянин. 1842. № 7. С. 24). Когда русские солдаты, разгоряченные баней, бросались в Сену, плавали и ныряли, а французы думали, что они «перемрут», государь отвечал: «Не опасайтесь, г. Вернон. Солдаты от Парижского воздуха несколько ослабли, так закаливают себя русской баней» (там же. № 11. С. 125). После смотра французских войск государь сказал князю Куракину, послу в Париже: «Я видел нарядных кукол, а не солдат. Они ружьем финтуют, а в марше только танцуют» (там же). Надобными языками для России Петр почитал голландский и немецкий, а «с французами, говорил он, не имеем мы дела» (там же. № 8. С. 337). Однако, по донесению А. А. Матвеева, в 1703 г. «русские робята» в Голландии учились по-голландски и по-французски (см.: Грот Я. К. Труды: В 5 т. СПб., 1898—1903. Т. 4. С. 119). При отъезде из Парижа Петр Великий сказал: «Жалею, что домашние обстоятельства принуждают меня оставить то место, где наука и художества цветут. И жалею притом, что город сей рано или поздно от роско-

Далее речь идет о правлении императрицы, дочери Петра, о положении дел в церкви и армии, о роли иностранцев в развитии культуры и науки, о богатстве русского двора.¹⁰

Время действия в «Письмах» д'Аржана не обозначено, он ограничивается лишь указанием на место, откуда посылаются эти письма. Нам известна скупая точность маркиза д'Аржана, когда он писал свои философские труды и романы, в отношении источников и доказательств, и мы можем предположить, что это сделано им не случайно: он использует факты жизни различных народов всех времен и стран для подтверждения собственных взглядов и считает вправе свободно распоряжаться хронологией.

Мы уже знаем, что русская литература кое чем обязана маркизу д'Аржану.¹¹ Чтобы соблюсти справедливость, признаем, что обращение к истории России помогло автору «Писем» сделать доказательными свои теоретические воззрения на природу и общество, на политику и религию, на мораль и состояние нравов людей; кроме того, упоминание о Московии на страницах его романов увеличивало их занимательность и несомненно привлекало внимание любознательных читателей века Просвещения.

ши и необузданности претерпит великий вред; а от смрада вымрет» (Москвитянин. 1842. № 11. С. 125).

¹⁰ Маркиз д'Аржан мог пользоваться сведениями из труда, автор которого скрыл свое имя под русским псевдонимом (см.: *Mémoires du règne de Pierre le Grand, empereur de Russie, père de la patrie...* / Par le B. Iwan Nestesuranoi: In 4 t. Amsterdam, 1728—1730).

¹¹ См.: *Разумовская М. В.* «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // Рус. литература. 1978. № 1. С. 103—115)

И. С. ШАРКОВА

О РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ
«ЗАПИСОК О МОСКОВИТСКИХ ДЕЛАХ»
С. ГЕРБЕРШТЕЙНА 1785 Г.

«*Rerum Moscoviticarum Commentarii*» («Записки о Московитских делах») барона Сигизмунда Герберштейна (1486—1566), одного из крупнейших дипломатов Германской империи XVI в., дважды — в 1517 и 1526 гг. — побывавшего в Москве и прожившего в ней в общей сложности около полутора лет, до сих пор остаются одним из лучших иностранных сочинений о России и важным источником по истории Российского государства. Изданные впервые в 1549 г. в Вене на латинском языке, они быстро завоевали популярность, были переведены сначала на итальянский (1550), затем на немецкий (1557) языки, а впоследствии не раз переиздавались и включались в сборники географических и исторических сочинений.¹ «В зарубежной Россике труд Герберштейна,— как сказано во вступительной статье А. Л. Хорошкевич к последнему русскому изданию сочинения Герберштейна, занимал и будет занимать почетное место,

¹ Об изданиях С. Герберштейна см.: *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений. М., 1864. Ч. 1. С. 106—115; *Кордт В.* Чужоземні подорожні по Східній Європі до 1700 р. Київ, 1926. С. 22—23; *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; Вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; Под ред. В. Л. Янина. М.: МГУ, 1988. С. 355 и сл. (далее: *С. Герберштейн.* Записки о Московии). Литература о Герберштейне достаточно велика. Она, в основном, приведена во введении А. И. Малеина к его русскому переводу: *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. Павел Йовий Новокамский. Книга о Московитском посольстве / Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 1—XLII (далее: *С. Герберштейн.* Записки о Московитских делах); см. также: *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С. 247—264; *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978. С. 149—167; *С. Герберштейн.* Записки о Московии. С. 3 и сл.

потому что их автор показал, каких замечательных успехов в познании других народов может добиться человек, с уважением относящийся к их культуре».² И с этим утверждением трудно не согласиться.

13 июля 1784 г. в письме к своему секретарю А. В. Храповицкому Екатерина II писала: «Герберштейна из Миллеровы библиотеки взять.—Chronique его, хотя по-латыни. Мы переведем здесь по-русски, буде на ином языке иметь не можно,— о чем наведаться».³ В комментариях к этому письму указывалось, что русский перевод в то время не состоялся, но позднее, в 1796 г., императрица приказала перепечатать базельское издание 1567 г. немецкого перевода «Записок о Московитских делах» С. Герберштейна. Об этом говорится также и во введении А. И. Малеина к его, ставшему классическим, переводу «*Regum Moscoviticarum Commentarii*», в котором излагается история почти всех переводов сочинения немецкого дипломата на русский язык.⁴ Но оба утверждения были не совсем точны: перевод «состоялся» в 1785 г., тогда же появились первые 10 экземпляров перепечатки базельского издания 1567 г., а остальной тираж (100 экз.) имел дату: 1786 г.⁵

Подъем русской исторической мысли в XVIII в., и особенно во второй его половине, выразившийся в появлении обобщающих трудов по истории России В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, А. Л. Шлеуера, в возросшем интересе к собиранию и изданию исторических памятников, не обошел стороной и сочинения иностранцев о России: произведения Герберштейна, Джовио, Гваньини, Поссевино, Маржере и других авторов служили источником для этих работ или предметом критики историков. Даже М. В. Ломоносов, отрицательно относившийся

² С. Герберштейн. Записки о Московии. С. 45.

³ Храповицкий А. В. Записки. М., 1901. С. 364.

⁴ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. С. XXXII—XXXIII; ср. статью А. Л. Хорошкевич к переводу С. Герберштейна 1988 г. (С. Герберштейн. Записки о Московии. С. 377—378). Следует указать, что в обоих случаях повторяются лишь данные, имеющиеся в сочинении Ф. Аделунга, первого исследователя творчества С. Герберштейна: Adelung F. Siegmund Frieherhs von Herberstein mit besinderer Ruecksicht auf seine Reisen in Russland. St. Petersburg, 1818. S. 364—367.

⁵ Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701—1800. Л., 1985. Т. 2. № 1270, с. 20—22. На существование этого русского перевода С. Герберштейна впервые указала немецкая исследовательница Х. Л. Бакмейстера А. Лаух, основываясь на документах, хранящихся в Архиве Академии Наук: *Lauch A. Wissenschaft und Kulturelle Beziehungen in der russischen Aufklärung: Zum Wirken H.-L. -Ch. Bachmeister.* Berlin, 1969. S. 64—68.

к запискам иностранцев о России,⁶ тем не менее был знаком с «Записками» Герберштейна, и на экземпляре издания 1551 г., хранящемся в Библиотеке АН, имеются его заметки.⁷

Как известно, Екатерине II также не чужды были исторические занятия, о чем неоднократно писалось, ибо она является автором «Записок касательно российской истории», напечатанных впервые в журнале «Собеседник любителей российского слова» за 1783—1784 гг. (причем они занимали почти половину журнала — 1348 стр.) и дважды отдельным изданием в 1787—1794 гг. Как отметил Н. А. Добролюбов, императрица, «зная всю важность наук исторических, в этом случае... сама принялась за историю и в своем труде дала образец своих воззрений на то, каким путем должны развиваться в России исторические знания»,⁸ т.е. давая, по выражению русского критика, «образец своих взглядов на историю»,⁹ она осуществляла в то же время пропаганду своих политических идей.

Вероятно, интерес Екатерины II к сочинению Герберштейна и ее приказ о переиздании немецкого издания и перевода на русский язык были связаны именно с этими историческими штудиями, хотя данные из работы Герберштейна ею никак не были использованы. Можно утверждать, что Екатерина не знала о существовании уже готового русского перевода «Записок о Московитских делах» С. Герберштейна, сделанного Кирияком Кондратовичем в 1748 г. с базельского латинского издания 1571 г., хранящегося в то время в Библиотеке Академии Наук.¹⁰

Если судить по некоторым данным, отношение Екатерины II к сочинению Герберштейна было двойственным. В «Дневнике» А. В. Храповицкого под 18 августа 1788 г. имеется следующая запись: «Пред обедом поднес реестр собранным мною из библиотеки и сундуков историческим книгам и манускриптам. *Хороши записки*

⁶ Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980. С. 69.

⁷ С. Герберштейн. Записки о Московии. С. 377. Почерк определен Е. А. Савельевой.

⁸ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1950. Т. 1. С. 20.

⁹ Там же. С. 33.

¹⁰ Переводчик просил переведенную им книгу (432 стр.) «приказать в сокровенном месте хранить, ради многих содержащихся в оной секретов», что, однако, не было исполнено, и ее определили «отослать для положения и записи в каталог к таковым же Русским книгам в библиотеку к Андрею Богданову...» (Биллярский П. О первом опыте перевода Герберштейна на русский язык. Библиографические известия // Записки Академии Наук. СПб., 1864. Т. 4, кн. 1. Приложения к протоколам, с. 98—99). В настоящее время рукопись К. Кондратовича хранится в Архиве Академии Наук; за сообщение об этом приношу благодарность С. И. Николаеву.

Герберштейна» (курсив мой — И. Ш.).¹¹ Но в то же время в одном из писем к Е. Р. Дашковой Екатерина высказала пожелание никогда «не видеть Герберштейна в русском переводе». ¹² Вероятно, это было вызвано теми же причинами, по которым К. Кондратович просил Академию наук держать его перевод «Записок» в «сокровенном месте»,¹³ а позже «из-за цензурных препятствий» остался в рукописи перевод С. Герберштейна, сделанный в 1818 г. Ф. Фовицким по распоряжению Н. П. Румянцева.¹⁴ Но, может быть, в письме к Дашковой речь шла о напечатании русского перевода Герберштейна, ибо 3 апреля 1785 г. Екатерине II было доложено Храповицким, что им получены от Л. Бакмейстера: «1) Старое немецкое издание Герберштейнова Сочинения, в новом французском переплете. 2) Десять напечатанных с оногo по повелению Ексемпляров на тонкой бумаге, из коих девять переплетены в турецкую бумагу, а десятой в красный сафьян, в котором вплетены также и рисунки на александрийской бумаге.¹⁵ 3) *Российской перевод Герберштейнова Сочинения* (курсив мой — И. Ш.) в красном сафьяновом переплете». ¹⁶ Таким образом, от момента получения распоряжения Екатерины II (13 июля 1784 г.) до его исполнения (3 апреля 1785 г.) прошло только девять месяцев.

Хранящееся в Российском государственном историческом архиве небольшое дело, связанное с переводом сочинения С. Герберштейна на русский язык, выдержка из которого только что приводилась, позволяет проследить, как осуществлялся приказ императрицы. Это дело включает в себе переписку Л. И. Бакмейстера с А. В. Храповицким, С. Ф. Стрекаловым, Е. Р. Дашковой в автографах и черновиках. Переписка является ценным свидетельством, подтверждающим осуществление в 1785 г. перевода труда немецкого дипломата.

¹¹ Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793. СПб., 1874. С. 132—133.

¹² Г. Н. Геннади ссылается на письмо Екатерины II к Е. Р. Дашковой, «неизвестно когда писанное и напечатанное в английском издании записок» (*Геннади Г. Н. Дополнения к обзору иностранных путешественников по России Аделунга // Временник МОИДР. М., 1855. Кн. 23. С. 12*)

¹³ Например, «секретной» была булла Александра VI, напечатание которой было запрещено цензурой в переводе И. Анонимова, вышедшем более ста лет спустя — в 1866 г. (Библиотека Д. В. Ульянинского: Библиографическое описание. М., 1915. Т. 3. № 4002). А. Л. Хорошкевич полагает, что отрицательное отношение к «Запискам» вызывалось рассказом о поведении Василия III во время крымского похода (*С. Герберштейн. Записки о Московии. С. 377*).

¹⁴ Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 130. В настоящее время перевод хранится в ЦГАДА.

¹⁵ Эти данные могут служить опознавательными знаками для идентификации 10 первых экземпляров перепечатки базельского немецкого издания 1567 г., вышедших из-под печатного станка в типографии Вейтбрехта.

¹⁶ Российский государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 468, оп. 43, № 194, л. 8.

Однако эти письма интересны еще в одном отношении: они содержат любопытные подробности о работе переводчиков над сложным текстом, каким являлись «Записки о Московитских делах», об оплате труда переводчиков; они содержат и другие детали — «живые голоса эпохи», мимо которых часто проходят исследователи.

Хартвиг-Людвиг-Христиан (или Логин Иванович) Бакмейстер (1730—1806), которому было поручено осуществить приказ Екатерины II, с 1766 г. находился на русской службе. Друг Шлёцера, Миллера, Бюшинга, он был автором многочисленных исторических и географических работ, по преимуществу переводных, служащих главным образом для ознакомления Европы с историей России. Но более всего Бакмейстер известен как издатель «Русской библиотеки» (*Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Litteratur in Russland*, 1772—1789), многотомного издания, которое включает в себе обстоятельную летопись русской литературной, научной и общественной жизни начиная с 1770 г.¹⁷ Поэтому обращение именно к Логину Ивановичу о переводе «*Rerum Moscoviticarum Commentarii*» Герберштейна кажется нам не случайным.

Бакмейстер быстро и по-деловому подошел к порученному делу. Уже 9 августа он сообщал о начале работы над переводом, который велся сразу с немецкого и латинского изданий несколькими переводчиками,¹⁸ обещавшими закончить работу к середине октября на условиях оплаты: «шести с половиной рублей за каждый лист латинского или четырех страниц немецкого текста».¹⁹ Однако лишь 1 апреля 1785 г. Бакмейстер сообщал Храповицкому о завершении всей работы, в том числе и по редактированию перевода, так как задание оказалось сложнее, чем представлялось вначале. «Вы предвидели трудности,— писал он,— которые нужно было преодолеть и которые должны были, если не испугать, то, по крайней мере, затруднить любого переводчика, каким бы трудолюбивым и опытным он ни был... Я просмотрел перевод и сравнил с немецким и латинскими текстами, каждый — со всеми другими. Если в результате этих усилий он стал лучше, то только потому, что я ничего не пра-

¹⁷ О деятельности Бакмейстера см.: Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1. С. 54—55 (ст. Г. Н. Моисеевой) и указанную там литературу.

¹⁸ Л. И. Бакмейстер назвал лишь одного участника перевода «Записок» Герберштейна — «г-на Петрова», который был «новичком в этом деле» (ЦГИА, ф. 468, оп. 43, № 194, л. 12 об.). Кроме того, по поручению Храповицкого над переводом Герберштейна с латинского языка трудился Морозов, но он не закончил свою работу (там же, л. 6, 12 об.).

¹⁹ Там же, л. 6. «За образцу» было взято все то же немецкое издание (там же, л. 4).

вил сам. Напротив, я сообщил все свои замечания переводчикам и мы согласовали изменения или поправки, которые затем они выполнили сами...²⁰ Затем Бакмейстер просмотрел уже готовый чистовой экземпляр перевода (*la copie nette de cette traduction*) и вновь «исправил ошибки, которые заметил, так что если они еще остались, то они будут весьма немногочисленными и будут, возможно, относиться только к орфографии, так как почти невозможно сделать ее всюду одинаковой».²¹

Как уже упоминалось, русский перевод вместе с 10 экземплярами перепечатки немецкого базельского издания 1567 г. был доставлен Храповицкому 3 апреля 1785 г. Счет, представленный для оплаты, составлял 1301 руб. 62 коп., в том числе «за Российский перевод — 375 рублей, за переписку на бело перевода, считая тут и двойные списки некоторых листов — 165 рублей 72 копейки; за бумагу — 6 рублей, за переплет Российского перевода — 7 рублей. [Итого] — 553 рубля 72 копейки».²²

Прочла ли перевод Екатерина II, сказать трудно. Однако он находился в ее кабинете в Зимнем дворце: отвечая на запрос В. С. Попова по поводу исторических рукописей, А. В. Храповицкий пишет 29 ноября 1794 г. (ссылаясь на более раннюю свою записку от 5 сентября 1793 г.), «что по тогдашнему упражнению е.и.в. в истории Российской, все книги и манускрипты, к тому времени относящиеся, находились в Зимнем дворце на столах в большом кабинете», а говоря об их дальнейшей судьбе, упоминает, что «доставлено к графу Платону Александровичу Зубову: Записка барона фон-Герберштейна на российском языке. Манускрипт в сафьяновом переплете *in folio*».²³ Итак, русский перевод «Записок о Московитских делах» Герберштейна попал в библиотеку екатерининского фаворита П. А. Зубова.

В Рукописном отделе Библиотеки АН в фонде текущих поступлений, образованном из отдельных приобретений Отдела за период

²⁰ Там же, л. 12—12 об.

²¹ Там же, л. 12 об.

²² Там же, л. 9. Счет был оплачен в тот же день, 3 апреля 1785 г. Кроме того, Екатерина II пожаловала Бакмейстеру еще 1000 рублей (там же, л. 11, 14). В книге А. Лаух указывается другая дата окончания работы — 21 октября 1786 г.: при этом она ссылается на запись в «Дневнике» Бакмейстера: «21 октября 1786 г. были изготовлены две беловые копии (перевода) их дела за мои деньги, что обошлось в 57 рублей» (*Lauch A. Op. cit. S. 68*). По нашему мнению, здесь речь идет о копиях перевода, изготовленных, по-видимому, для самого Бакмейстера.

²³ Мурзакевич Н. Кабинет Зимнего дворца имп. Екатерины II (с 5-го сентября 1793 по 13-е августа 1795 г. // ЖМНП, 1872. Ч. 162. С. 333—334.

с 1936 г. по настоящее время, под № 711 значит: «Записка барона фон Герберштейна о России и о прочем... Список с перевода 1785 г.».²⁴ Рукопись in folio написана несколькими почерками. Переплет сафьяновый с золотой тисненной рамкой, обрез рукописи золотой. На титуле: «Записки барона фон Герберштейна о России и о прочем. С приобщением к ним в немецком 1567-го года издания других писателей сочинениями. Переведены на Российский язык 1785 года». Помимо перевода Герберштейна в рукописи имеются перевод сочинения Паоло Джовио «О московитском посольстве», а также работа издателя книг Герберштейна и Джовио на латинском языке — Панталеоне «О походах московитян на Литву». Весьма возможно, что эта копия перевода Герберштейна и восходит к переводу, сделанному для Екатерины II. Правда, возникают некоторые сомнения: ни в распоряжении Екатерины II, ни в письмах Бакмейстера, нигде не идет речь о переводе сочинения П. Джовио «О московитском посольстве» на русский язык, который, как видим, также был сделан в 1785 г. и, может быть, теми же переводчиками. Факт до сих пор не известный как исследователям переводов исторических сочинений XVIII в., так и исследователям иностранной России. Если же это новый перевод Герберштейна, то можно считать, что в 1785 г. было сделано два перевода труда немецкого дипломата.

В заключение хотелось бы отметить, что переписка Бакмейстера ценна еще по одной причине: она дает материал еще по одному вопросу, недостаточно освещенному в науке, а именно о литературном гонораре²⁵ и, в частности, об оплате за переводы в конце XVIII в. В письме А. В. Храповицкому от 9 августа 1784 г. Бакмейстер писал: «Другие переводчики, которым я дал латинский экземпляр, который я получил по распоряжению г-на Стрекалова, потребовали шесть рублей с половиной за каждый лист или четыре страницы немецкого издания, что я счел необходимым удовлетворить их».²⁶ Таким образом, перевод латинского текста оценивался дороже, чем немецкого XVI в., на который было переведено сочинение Герберштейна в 1557 г. Следует отметить, что Новиков собирался

²⁴ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки АН. М.; Л., 1958. Вып. 2: XIX—XX вв. С. 198. Рукопись датирована началом XIX в.

²⁵ Мне известны лишь две работы, посвященные этому вопросу: *Шашков С.* Литературный труд в России: (Исторический очерк) // Дело. 1876. № 8. С. 1—35; *Мальшанский А. П.* Литературный гонорар в 18 веке // Исторический вестник. 1886. Т. 26, № 12. С. 580—595.

²⁶ ЦГИА, ф. 468, оп. 43, № 194, л. 6 об.

платить Я. И. Булгакову за перевод с французского языка «Всемирного путешествия де-ла Порта» по 3 руб. 75 коп. за лист, а вместе с платою книгами — 5 руб. 50 коп., на что тот не согласился.²⁷ По другим данным, тот же Новиков, «который первый взглянул на литературу как на служение обществу и ценил литературный и переводческий труд, платил за переводы до 10 рублей, к сожалению, не указаны языки, с которых осуществлялись переводы.²⁸ В начале XIX в. размер гонорара за перевод составлял 5 рублей за лист; В. А. Жуковский за перевод четырех томов Коцебу (числа страниц не указано) получил 252 рубля ассигнациями.²⁹

Таким образом, довольно большой размер гонорара, который был выплачен Бакмейстером за перевод Герберштейна, объясняется, по-видимому, спешностью задания, выполняемого для Екатерины II.

Чем же объяснить, что русский перевод «Записок о Московитских делах» С. Герберштейна, подготовленный для императрицы в 1785 г., не увидел света. Кажется, ответ можно найти у самой Екатерины II. Просматривая замечания Стриттера на свой исторический труд, она писала: «Я нашла во многом здравую критику „Записок касательно российской истории“, но что написано: по крайней мере ни нация, ни государство в оных не унижено».³⁰ Может быть, в правдивом изложении русской истории немецкого дипломата она увидела унижение нации и государства, которое и привело к запрещению этого ценнейшего иностранного исторического сочинения.

²⁷ Мальшанский А. П. Указ. соч. С. 588.

²⁸ Шашков С. Указ. соч. С. 18—19.

²⁹ Там же. С. 25.

³⁰ Цит. по: Добролюбов Н. А. Указ. соч. С. 20.

Н. П. МОРОЗОВА

**БИБЛИОТЕКА ДВОРЯН
БАШМАКОВЫХ-ВЕРЕЩАГИНЫХ
(XVIII—НАЧАЛО XIX В.)**

Генерал-майор Александр Васильевич Верещагин (1850—1909), брат великого русского художника В. В. Верещагина, в своих мемуарах рассказывает о родовом имении: «В Череповецком уезде Новгородской губернии, в полуверсте от реки Шексны стоит небольшая деревня Пертовка. Узенькая речушка, что течет из соседнего леса, отделяет ее от господской усадьбы, расположенной на пригорке. Еще недавно вековой темный сосновый бор, точно громадным кольцом, охватывал Пертовку со всех сторон <...>»¹

В 1940-е гг. имение было затоплено Рыбинским водохранилищем. Покидая Пертовку, семья Козьмы Николаевича Верещагина, племянника художника, передала Череповецкому краеведческому музею в 1940 г. ряд мемориальных вещей и старую усадебную библиотеку. В сохранившемся виде это собрание состоит главным образом из иностранных книг XVIII—первой четверти XIX в. и насчитывает (за исключением нескольких книг более позднего времени) 92 издания (182 переплета). Основу библиотеки, около 70%, составляет беллетристика. Характерный для многих книжных собраний XVIII столетия универсализм репертуара отступает здесь как принцип комплектования на второй план. Поэтому библиотека, помогая представить культурную атмосферу семьи Верещагиных, позволяет одновременно изучать литературные вкусы рядового читателя той эпохи.

¹ *Верещагин А. В.* Дома и на войне: 1853—1881. СПб., 1866. С. 3.

Всю европейскую литературу владельцы собрания читали во французских переводах, лишь одна книга (№ 9) — на немецком языке.

История библиотеки уводит нас в село Любец Череповецкого уезда — имение Алексея Петровича Башмакова, прадеда художника А. В. Верещагин, вспоминая поездки из Пертовки в эту усадьбу, писал: «<...> около пяти верст едем сосновым бором по песчаной и коренистой дороге. Лес редет, просвечивается, вдали на колокольне блестит крест, за ним белая церковь, а вот и самое село. Поблизости церкви виден зеленый барский дом с мезонином, белыми колоннами и такими же белыми ставнями. Миновав поля, въезжаем в село и останавливаемся у барских ворот. Через двор идем в дом. Штук пять собак различной величины с лаем бегут к нам навстречу <...> Подходим к дому. Дом деревянный, очень старинный, построен еще моим прапрадедом в начале семисотых годов. Помню, мне как-то раз случилось попасть в подвал, так я удивился толщине бревен. Они были более аршина в диаметре. Широкая желтая лестница ведет в просторную светлую прихожую <...> Пройдя из прихожей маленькую буфетную, входим в залу. Первое, что бросается в глаза, огромные изразцовые печи по углам, очень старинные, украшенные различными башенками, колонками, разрисованные синею глазурью. Стены оклеены французскими обоями желтого цвета, с темными фигурками. На самом видном месте прибита мраморная доска с золотой надписью: „В сем зале изволил кушать государь император Александр 1-й, 14 октября 1824 года“. Направо и налево из зала идут гостиные: правая „синенькая“, левая — „зелененькая“, по цвету обой. Подхожу к окошку и гляжу. Вид на Шексну был так красив, что всякий раз, как мы ни приедем, я невольно засматривался. Нескончаемая вереница судов медленно движется вверх по реке <...>»²

Владевшие этим имением в XVIII столетии Башмаковы были, по семейному преданию, «старинным боярским родом», «служили еще царям Алексею Михайловичу и Федору Михайловичу».³ К сожалению, история такого рода плохо поддается реконструкции. В. В. Верещагин сетовал: «О роде Башмаковых ничего не знаю, и кажется, о новгородских дворянах этого имени нет в департаменте Герольдии сведений, а между тем это были богатые дворяне, от которых нашему роду Верещагиных перешло с полдюжины сел и деревень, с усадьбами и богатыми угожьями».⁴ Согласно межевым планам

² Там же. С. 69—71.

³ Там же. С. 5.

⁴ Верещагин В. В. Детство и отрочество художника В. В. Верещагина. М., 1895.

1770-х гг., секунд-майор Алексей Петрович Башмаков владел в Череповецком уезде селами Пертовка, Любец (совместно с князьями Прозоровскими) и деревней Вичелово (совместно с дворянкой Еропкиной).⁵ В 1782—1783 гг. он был предводителем уездного дворянства.⁶

Репертуар изданий 1760—1780-х гг., если считать разницу между временем выхода в свет и моментом покупки книги в основном небольшой, позволяет предположить, что Алексей Петрович разделял традиционный для людей его поколения интерес к историческим знаниям и, по-видимому, был обеспокоен воспитанием и обучением детей — сына Петра и дочери Натальи (см. № 6, 41, 63). «Дух законов» Ш.-Л. Монтескье (№ 55) и «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» Г. Рейналя (№ 69), думается, также относятся к кругу чтения первого владельца библиотеки.

Духовную жизнь семьи, должно быть, во многом определяла Елизавета Башмакова. Время сохранило ее владельческие автографы на двух книгах (№ 62, 66).

Башмаковы были в числе читателей «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо (№ 72). Авторитетом этого романа могла быть обусловлена в какой-то мере покупка книги Д. Дефо «Робинзон Крузо» (№ 16), положившей начало читательскому опыту Петра Алексеевича Башмакова.

Пометы на книгах, хронологические параметры собрания (1740-е гг. — 1 издание; 1760-е — 8; 1770-е — 6; 1780-е — 15; 1790-е — 17; 1800-е — 39; 1810-е — 5; 1820-е — 1) позволяют считать основным владельцем библиотеки в 1780—1800-е гг. П. А. Башмакова.

Не располагая биографическими документами, вновь обратимся к преданию, согласно которому Петр Алексеевич «молодец был из себя: росту высокого, волосом черный, настоящий боярин».⁷ Одна из старых дворовых рассказывала А. В. Верещагину: «Он был отличный хозяин, и отказу крестьянам в лесе или хлебе у него никогда не было; но боже упаси, если он замечал, что мужичок ленится или пьянствует, — дедушка приходил в сильный гнев, и тогда беда. Хороший был человек, только до женского полу охоч; ну и не стерпе-

Т. 1. С. 20.

⁵ Государственный архив Вологодской области, ф. 782, оп. 1, ед. хр. 619, 620, 867, 870.

⁶ Дворянская родословная книга Новгородской губернии. Новгород, 1909. С. XLII.

⁷ Верещагин А. В. Дома и на войне. С. 5.

ли мужички, сговорились и убили его».⁸ Вероятно, это произошло в 1808—1809 гг. (последний автограф П. Башмакова оставлен на книге, изданной в 1808 г., — № 48).

Главным чтением П. А. Башмакова была беллетристика. Он хорошо ориентировался в европейской литературе и «литературной моде». Ему, видимо, было близко сочетание материалистического жизнелюбия с сентиментальным началом.

Роман Д. Дефо вызвал интерес к литературной робинзонаде, в библиотеке Башмаковых появляется книга И. Кампе «Новый Робинзон» (№ 9). В целом немецкая литература занимает незначительное место в собрании. Любопытна помета на титульном листе первого тома романа К. Виланда «Аристипп и его современники» (№ 88): «Творение достойно весьма внимания. Март 1803».

«Жизнь и мнения Тристрама Шенди» Л. Стерна (№ 64), «Удольфские тайны» А. Радклиф (№ 68), «Монах» М. Льюиса (№ 44), «Святой Леон» У. Годвина (№ 31) и целый ряд менее известных романов, а также обращение на рубеже веков владельца библиотеки к сочинениям А. Попа говорят о близости английской литературы душевному складу русского читателя того времени.⁹

Владельческие автографы П. А. Башмакова помогают представить круг интересовавших его французских авторов. Петр Алексеевич читал сочинения П. Лапласа, Ж. Мармонтеля, С. Жанлис. В 1800-е гг. репертуар собрания отражает определенный интерес владельца к французской революции, политической истории и философии Франции (№ 2, 3, 19, 54).

Наследницей имений умершего холостяком П. А. Башмакова стала его сестра, Наталья Алексеевна Верещагина,¹⁰ рано овдовевшая и имевшая пятерых детей: Софью, Анну, Анастасию, Алексея и Василия (отец художника). В. В. Верещагин писал об этой поре: «Обжившись в порядках богатой помещицы, Наталья Алексеевна, умная женщина, сделалась очень властной и деспотичной и, за исключением только старшего сына Алексея, своего любимца, всю семью, не исключая моего отца, держала в повиновении и страхе <...>»¹¹ Зиму Верещагины жили в Петербурге, лето проводили в Любце.

⁸ Там же. С. 4—5.

⁹ Путям и характеру влияния английской литературы в эту эпоху посвящено исследование Ю. Д. Левина «Английская поэзия и литература русского сентиментализма» (Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 134—230).

¹⁰ О роде Верещагиных см.: Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин: Жизнь и творчество. М., 1972.

¹¹ Верещагин В. В. Детство и отрочество художника В. В. Верещагина. С. 21.

Каковы же были литературные вкусы нового поколения читателей? Анна Васильевна Верещагина увлекалась сочинениями Ж. Мармонтеля. Ее сестра Анастасия Васильевна читала роман С. Жанлис «Адель и Теодор» (№ 27) и поэму Э. Юнга «Ночные мысли» (№ 89), пометы на титуле издания которой рассказывают: «Настасьи Верещагиной куплена в Москве 1811 20 марта»; «Сия книга подарена мне сестрицею Настасьею Васильевною на именины 1820 год 23-го ноября А. Верещагин».

В старой башмаковской библиотеке унаследовавший ее Алексей Васильевич Верещагин выбрал для чтения «Нового Робинзона» И. Кампе (№ 9) и «Жизнеописания» Плутарха (№ 63). Позднее его интересует преимущественно история.

Колоритный портрет молодого Алексея Васильевича создан в автобиографической книге В. В. Верещагина: «Дядя в молодости был любимцем матери своей, нашей бабушки Натальи Алексеевны, удовлетворявшей всем прихотям его службы в лейб-гусарах, где — мне уже взрослому говорил известный кутила генерал Ц. — долго удерживалось предание веселых походов Верещагина и компании, состоявшей из золотой молодежи двадцатых, тридцатых годов, — князя П. Понятовского, графа Ламберга и др. представителей известных фамилий, с которыми дядя до конца дней оставался в приятельских отношениях».¹²

В 1838 г. Алексей Васильевич вышел в отставку с чином полковника, зажил помещиком в унаследованном Любце, «кормил и поил весь уезд»,¹³ несколько раз избирался предводителем уездного дворянства.¹⁴ В. В. Верещагин вспоминал: «Уже в передней большого любецкого дома обдавало входящего запахом табака, сигарами же и вином пахло и во всех других гостиных комнатах — зале, диванной и гостиной <...> В задних комнатах, в которых властвовали дядины хозяйки — они иногда менялись, — мне всего милее была желтенькая гостиная, сплошь увешанная нашими фамильными портретами <...> Когда А. В. был трезв, не подгулявши, то судил обо всем очень здраво, дальновидно; он выписывал „Русский вестник“ и „Московские ведомости“, получал „Колокол“, „Полярную звезду“ и другие запрещенные книги, за что, как я после узнал, был на замечании III отделения».¹⁵

В 1863 г. владельцем Любца стал Василий Васильевич Верещагин, а в 1869 г. любецкий дом сгорел.¹⁶

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Дворянская родословная книга Новгородской губернии. С. XLII.

¹⁵ *Верещагин В. В.* Детство и отрочество художника В. В. Верещагина. С. 24, 29.

¹⁶ Запись об этом сделана в памятной книжке В. В. Верещагина (Череповецкий краеведческий музей, инв. № 1450/20).

Публикуемое ниже описание сможет дать более точное представление о библиотеке Башмаковых — Верецагиных, отразившей вкусы рядовых представителей русской «читательской аудитории» XVIII—начала XIX в. Оно включает помимо библиографических сведений воспроизведение владельческих помет. Большинство книг — в кожаных переплетах, с золотым тиснением на корешках, поэтому характеризуется лишь иной вид переплета.

Выражаю признательность профессору Э. Г. Дементьеву за консультации, связанные с работой над описанием.

Список условных сокращений: Barbier — Barbier A.-A. Dictionnaire des ouvrages anonymes. 3-е ed. Paris, 1872—1879. Т. 1—4.; ЧКМ — Череповецкий краеведческий музей.

1. Ancillon, Jean-Pierre-Frédéric (1766—1837). *Mélanges de littérature et de philosophie...* Т. 1. Paris: F. Schoell, H. Nicolle, 1809. 8°. 507 p. «Wéréschaguine». ЧКМ 5761/184.

2. Bally, J. N. Belin de. *Mémoires, et voyages d'un émigré...* Т. 2. Paris, Maradan an IX (1801). 12°. «à P. Baschmakow». ЧКМ 5761/125.

3. Bally, Jean-Sylvain. *Mémoires d'un témoin de la révolution, ou Journal des faits qui se sont passés sous ses yeux, et qui ont préparé et fixé la constitution française.* Т. 1—2. Paris: Levrault, 1804. 8°. «lu mois de janviér 1806». Мягкая обложка. ЧКМ 5761/156—157.

4. Bennet, Agnès-Maria (...—1808). *Rosa, ou La fille mendiante ses bienfaiteurs* / Trad. de l'anglais «...» par Louise Brayer-Kst.-Léon. Т. 3, 6, 7. Paris: Charles Pougens, an VI (1798). 12°. ЧКМ 5761/83—85.

5. Bertin, Théodore-Pierre (1751—1819). *Miss Glamour, ou Les hommes dangereux; version libre de l'anglais...* Т. 1. Paris: L'Auteur, Debray, 1801. 12°. XI+251 p. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/126.

6. Buffier P. *Géographie universelle, exposée dans les différents méthodes qui peuvent abrégér l'étude, faciliter l'usage de cette science, avec le secours de vers artificiels, et un traité de la sphère, par le P. Buffier, de la Compagnie de Jésus.* Dernière édition. Paris, 1766. 12°. 11 gr., XXIV+404+86 p.,. Кожаный корешок и наугольники. ЧКМ 5761/9.

7. Burney Frances (1752—1840). *Camilla, ou la Peinture de la jeunesse.* Seconde édition. Т. 3, 5. Paris: Maradan, 1798. 12°. ЧКМ 5761/81—82.

8. Buynand Echelles J.-F.-A. *des Triomphe de l'évangile, ou Mémoires d'un homme du monde revenu des erreurs du philosophisme moderne «...» Traduit de l'espagnol (d'Olivadès, comte de Pilo), sur la septième édition* / Par J. F. A. B.... Des E... Т. 1—3. Lyon: Bruyset, an XIII (1805). 8°. Barbier, IV+830 (4 vol). ЧКМ 5761/163—165.

9. Campe, Joachim Heinrich (1746—1818). *Robinson der Jüngere, zur angenehmen, und nützlichen. Unterhaltung für Kinder. Erster Teil...* Gamburg, 1780. 8°. 231 p. Мягкая обложка. «Петр Башмаков», «Алексей Верещагин». ЧКМ 5761/36.

10. Corneille, Pierre (1606—1684). *Les Chefs-d'oeuvre dramatiques...* Nouvelle édition. Т. 1—2. Rouen: Pierre Machuel, 1780. 12°. ЧКМ 5761/34—35.

11. (—) *Théâtre, avec des commentaires.* Т. 3. [Б. м.], 1764. 8°. «Р. С.» (тиснение золотом на верхней крышке переплета). ЧКМ 5761/8.

12. *Cours de géographie élémentaire, suivi d'un cours de géographie historique, ancienne et moderne, et de sphère* par M. L'A. B. O. Neuvième édition. Т. 2. Neuchâtel: L. Fauche-Borel, 1797. 12°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/10.

13. Coxe, William (1747—1828). *Voyage en Suisse.* Т. 3. Paris: Letellier, 1790. 8°. 461 p. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/63.

14. D***, madame. <Aulnoy M.-C.> *Les contes des Fées.* Nouvelle édition. Т. 4. Paris: Compagnie de Libraires, 1774. 12°. 444 p. ЧКМ 5761/16.

15. *Danger (le) d'aimer un étranger, ou Histoire de mylady Chester et d'un duc François.* Т. 3—4. Genève: Jean Samuel Gailler, 1784. 12°. 330 p. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/40.

16. Defoe, Daniel (1660/1661—1731). *La vie et les aventures surprenantes de Robinson Crusoe...*/Traduit de l'anglais. Nouvelle édition, avec figures en taille-douce. Т. 1, 2, 4. Neuchâtel: Samuel Fauche, 1776. 12°. Мягкая обложка. «Петр Башмаков». ЧКМ 5761/17—19.

17. Delbarre, Th. *Zénobie ou la Nouvelle Coelina.* Т. 1. Paris: Logerot Pigoreau, Gogez, 1799. 12°. 1 gr., 165p. Кожаный корешок и наугольники. ЧКМ 5761/92.

18. *Diabie (le), histoire satyrique, traduite de l'anglais.* Т. 2—3. Paris: Le Normant, 1802, 8°. Мягкая обложка, «П. Башмаков». ЧКМ 5761/131, 135.

19. Diderot, Denis (1713—1784). *Oeuvres <...> publiées sur les manuscrits de l'auteur, par Jacques André Naugeon...* Т. 6—12. Paris: Deterville, an VIII. 12° ЧКМ 5761/106—112.

20. *Dictionnaire biographique et historique des hommes marquants de la fin du XVIII-e siècle...* Т. 1. Londres, 1800. 8°. X+499 p. Barbier I, 956. (3 vol). «Подарена дядинькою Алексеем Васильевичем нам». ЧКМ 5761/104.

21. Dorvo, Hyacinte (1769—1851). *Ainsi va le monde, ou Les dangers de la séduction.* Т. 3. Paris: Marchand, 1804. 12°. 250 p. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/151.

22. Erreurs (Les) de la vie, ou Mémoires de Félice, par Français page, auteur de l'Histoire secrète de la révolution Française. T. 2. Paris: Dentu, 1798. 12°. 1 gr, 286 p. ЧКМ 5761/91.
23. Fiévée, Joseph (1767—1839). Frédéric / Par T. F. auteur de la Dot de Suzette. T. 1. Paris: Maradan, 1798. 12°. 1 gr, 268 p. Barbier II, 508. ЧКМ 5761/105.
24. Filassier, J.-Jacq. Dictionnaire historique d'éducation... T. 1. Paris, Vincent, 1771. 8°. 740 p. Barbier I, 976. Кожаный корешок и наугольники. ЧКМ 5761/15.
25. Florian, Jean-Pierre Claris de (1755—1794). Oeuvres. T. 1. Genève, J. L. Pellet, 1787. 12°. 536p. «Петра Башмакова». ЧКМ 5761/44.
26. J. W. Aphorismes, ou Pensées philosophiques, critiques et morales. T. 1. St.-Petersbourg, 1820. 8°. 187 p. Мягкая обложка. Читательские пометы в тексте. ЧКМ 5761/191.
27. Genlis, Stéphanie Félicité de (1746—1830). Adèle et Théodore, ou Lettres sur l'éducation... T. 3. Paris: les Libraires associés, 1782. 12°. Мягкая обложка. «Анастасия де Верэсхагуйне». «Череповецкий городской музей» (штамп). ЧКМ 5761/203.
28. (—) Adèle et Théodore... Nouvelle édition. T. 1. Paris, 1785. 12°. 519 p. ЧКМ 5761/43.
29. (—) La duchesse de la Vallière. Cinquième édition. T. 1—2. Paris, Maradan, 1804. 12°. «lu l'an 1805». «Петра Башмакова». Читательские пометы в тексте. ЧКМ 5761/154—155.
30. (—) Nouveaux contes moraux, et nouvelles historiques. T. 2, 3. Paris: Maradan, 1805. 12°. Мягкая обложка. ЧКМ. 5761/162.
31. Godwin, William (1756—1836). Saint-Léon, histoire du seizième siècle/ Trad. de l'anglais. Orné de jolies gravures. T. 1. Paris, 1800. 12°. 1gr, XII+342 p. «1821 года 2 июня: 3 тома, 1 том С.-Петербург. Москва. Можайск. Худая и хорошая погода». ЧКМ 5761/97.
32. Guénard, m-me. Malédiction paternelle, ou la Perfidie d'une belle-mère, histoire véritable des malheurs d'Hurtado et de Miranda / Par l'auteur d'«Irma». T. 2. Paris: Durosier, Lerouge, Roban, 1801. 8°. 228 p. Barbier I, 22. ЧКМ 5761/127.
33. Kotzebue, Auguste Friderich Ferdinand (1761—1819). Souvenirs d'un voyage en Livonie, à Rome et à Naples faisant suite aux souvenirs de Paris, T. 1. Paris, Barbier 1806. 12°. XVIII+360+1 p. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/127.
34. Krüdener, Barbe-Julie de Wietinghoff, baronne (1764—1824). Valérie, ou Lettres de Gustave de Linar à Ernest de G***. Troisième édition. T. 1—2. Paris: Levrault, 1804. 12°. Читательские пометы в тексте. Barbier II, 909. ЧКМ 5761/149.

35. Lafontaine, August Heinrich Julius (1758—1831). Henriette Bellman ou Dernier tableau de famille. T. 1. Paris, J. Garnier, 1803. 12°. 1 gr., 269, 2 p. «Lu l'an 1805: Петра Башмакова». ЧКМ 5761/140.
36. Lamartelière, Jean-Henri-Ferdinand. (1761—1830). Alfred et Liska, ou le Hussard parvenu, roman historique du XVII-e siècle. T. 2. Paris: imprimerie de Onaignieau aîné, 1804. 12°. 1 gr, 208 p. Кожаный корешок и наугольники. ЧКМ 5761/153.
37. La Place, Pierre-Antoine de (1707—1793). Collection de romans et contes... T. 3—9. Paris; Bruxelles: Cussac Maradan, 1788—1789. 8°. «Chez Gay, à St. Pétersbourg». (Экслибрис) «П. Башмакова». «Lu novembre l'an 1800 où il va des Extraits de plusieurs auteurs très remarquables» (t. 9). ЧКМ 5761/56—62.
38. La vie du Général Dumouries. T. 1, 3. Hamburg: B. G. Hoffman, 1795. 12°. «à P. Baschmakow». ЧКМ. 5761/67—68.
39. Lefevre-Marchand Flore. Nanine de Manchester. T. 2—3. Paris: Maradan. 1802. 8°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/132, 134.
40. Leprince de Beaumont, Marie (1711—1780). Magazin des enfans, ou Dialogues entre une sage gouvernante (...). Ornés de figures en taille douce. T. 1—4. Berlin: Arnold Wever, 1786. 8°. Кожаный корешок и наугольники. ЧКМ 5761/41.
41. Lenglet du Fresnoy, Nicolas (1674—1755). Principes de l'histoire pour l'éducation de la jeunesse/ Par années et par leçons. Cinquième année. Nouvelle édition. T. 5. Amsterdam; Leipzig: Arkstee, Merkus. 1760. 8°. XX+380 p. ЧКМ 5761/5.
42. Lettres diverses de S. François de Sales à des personnes vivant dans le monde. Nouvelle édition. Paris: Méquignon, 1820. 8°. Мягкая обложка. «Acheté par Natalie Véréschaguine l'an 1837». «Череповецкий городской музей» (штамп). ЧКМ 5761/202.
43. Levesque, Pierre, Charles (1736—1812). Histoire de Russie. Nouvelle édition. T. 1—2, 4—6, 8. `Hambourg; Brunswich: Pierre-François Fauche et Compagnie, 1800. 8°. Картонный переплет, оклеен бумагой «под мрамор». ЧКМ 5761/98—103.
44. Lewis (1775—1818): Le moine, traduite de l'anglais. T. 1. Paris, Maradan, an V (1797). 12°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/73.
45. Lisle de Sales, Jean-Baptiste Isoard de. Le vieux de la Montagne, histoire orientale, traduite de l'arabe, par l'auteur de la «Philosophie de la nature». T. 1, 3. Paris: J.-J. Fuches, an VII (1799 v. st.) 12°. Мягкая обложка. «A. P. Bashmakov». Barbier II, 1031. ЧКМ 5761/93, 95.
46. Locke, John (1632—1704). Le christianisme raisonnable, tel qu'il nous est représenté dans l'écriture sainte. Traduite de l'anglais de M. Locke par M. Coste. T. 1—2. Amsterdam: Zacharie Chatelain, 1740. 8°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/1—2.

47. Louis XIV (1661—1714). Oeuvres N. 2, 4—6. Paris: Treuttel et Würtz, 1806. 8°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/167—169.

48. M. T. Les perfidies à la mode, ou l'école du monde. T. 2, 5. Paris: J. Chaumerot, 1808. 12°. Мягкая обложка. «Петра Башмакова». ЧКМ 5761/172—173.

49. Marmontel, Jean François (1723—1799). Oeuvres completes. T. 4—11, 15, 16. Paris: Née de la Rochelle, 1787. 12°. ЧКМ 5761/45—53.

50. (—) Contes morales. T. 17—20. Paris; Strasbourg: Garnery, Maradan-Frères, Levrault, an 9 (1801). 12°. «Петра Башмакова». «Прекрасны изредка» (t. 20). «Анны Верещагиной». ЧКМ 5761/114—117.

51. (—) Oeuvres, T. 22, 23, 25, 29. Paris: Xhrouet, Déterville, Lenormant, Petit, an XIII (1804—1805). 12°. ЧКМ 5761/118—121.

52. Millot, Claude-François-Xavier (1726—1785). Éléments d'histoire générale. T. 2—5, 7—11. Paris, Amable Costes, 1809. 12°. Переплет картонный с кожаным корешком и наугольниками. ЧКМ 5761/175—183.

53. Milton, John (1608—1674). Paradis perdu, traduite par Jacques Delille. T. 1—2. Paris, an XIII (1805). 8°. Мягкая обложка. «N: Véreschaguine». ЧКМ 5761/158—159.

54. Montaigne, Michel Eyquem de (1533—1592). Essais. Édition nouvelle. T. 2. Paris: Lois, 1801. 16°. ЧКМ 5761/113.

55. Montesquieu, Charles-Louis (1689—1755). De l'esprit des lois. Nouvelle édition. T. 3—4. Londres, Nourse, 1769. 8°. ЧКМ 5761/64—65.

56. (—) La défense, l'esprit des lois. Société Typographique, 1792. 8°. ЧКМ 5761/66.

57. Montjoye, Felix-Christophe-Louis (1756—1816). Histoire d'Inès de Léon. T. 5. Paris, an XIII (1805). 12°. Мягкая обложка ЧКМ 5761/160.

58. Moore, Georges. L'abbay de Grasville. T. 1—2. Paris: Maradan, an VI (1798). 12°. Barbier I, 12 (3 vol). «Riss Laucet à Moscou» (книготорговый экслибрис, t. 1.) «À mr Baschmakow» (t. 1). «Петра Башмакова» (t. 2.). ЧКМ 5761/ 79—80.

59. Naubert, Christine-Bénédicte-Eugénie Hebenstreit, dame (1757—1819). Lindorf et Caroline, ou les Dangers de la crédulité/Trad. de l'allemand de L'auteur d'«Herrmann-d'Unna», par le Traducteur de «Rinaldo Rinaldini», «Aurore», «Jeannette et Guillaume», ets, T. 1, 3. Paris: Ouvrier, 1802. 12°. Мягкая обложка. «П. Башмакова». «Page 40 mot phylosophique de père Eoustouche» (t. 3.). ЧКМ 5761/133, 203.

60. Pigault-Lebrun, Charles Antoine Guillaume. (1753—1835). Les barons de Felsheim, histoire allemande qui n'est pas tirée de l'allemand.

Т. 3—4. Paris: Barba, an IX (1801). 12°. Переплет картонный с кожаным корешком и наугольниками. «Wéréschaguine». ЧКМ 5761/122, 150.

61. (—) La folie Espagnole. Т. 2. Paris, Barba, 1801. 12°. ЧКМ 5761/124. Переплет картонный с кожаным корешком и наугольниками.

62. Panckouche, André-Joseph (1700—1753). Les études convenables aux demoiselles, contenant la grammaire, la poésie... Т. 1. Lille: André-Joseph Panckouche; Paris: Tilliard, 1759. 12°. «Ce livre appartient à Elisabeth de Baschmakov. Acheté à Pétersbourg. L'an 1771». Barbier III, 318. ЧКМ 5761/12.

63. Plutarchus (46/51—120/130). Les vies des hommes illustres, traduites en français, avec des remarques historiques et critiques, par M. Dacier. Т. 6, 7, 11, 14. Maestricht: Jean-Edme Dufour, Philippe Roux, 1778. 8°. Т. 14. Мягкая обложка, тит.л. отсутствует. «F. D». ЧКМ 5761/25—28.

64. (—) Les vies des hommes illustres/ Trad. en français avec des remarques historiques et critiques, par M. Dacier. Т. 1—2, 7—11, 14. Lyon: Amable Leroy, 1803. 12°. Картонный переплет с кожаным корешком и наугольниками. Во втором т. отсутствуют с. 1—180. «Петра Башмакова». «Плутарх все части принадлежат Верещагину». ЧКМ 5761/141—145.

65. Pope Alexandre (1688—1744). Oeuvres complètes. Nouvelle édition. Т. 4—7. Paris: Devaux, Chaignieau, 1796. 8°. ЧКМ 5761/69—72.

66. Prévost d'Exiles, Antoine François (1697—1763). Le doyen de Killerine, histoire morale/ Par l'auteur de «Mémoires d'un homme de qualité». Cinquième partie. Du fonds de la Veuve Didot. Т. 5—6. Paris: Charpentier, 1762. 12°. «А. Р.: Baschmakoff». ЧКМ 5761/7.

67. R***Armanda. Palmira. Т. 3. Paris: Maradan, an IX (1801). 12°. ЧКМ 5761/123.

68. Radcliff, Anne (1764—1823). Les mystères d'Udolphe/ Trad. de l'anglois sur la troisième édition. Т. 3. Paris: Maradan, an V (1797). 12°. «Mr Bachmakow». ЧКМ 5761/75.

69. Raynal, Guillaume-Thomas François (1713—1796). Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes Т. 2, 3, 5, 9, 19. Genève: Jean-Léonard Pellet, 1780. 8°. ЧКМ 5761/29—33.

70. Rétribution(la), ou histoire de miss Prescott, traduite de l'anglais. Т.1—3. Londres; Paris: Buisson, [б. г.]. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/54—55.

71. Richardson, Samuel (1689—1761). *Lettres anglaises...* T. 3. Paris: Libraires associés, 1777. 12°. Кожаный переплет. 5761/21.

72. Rousseau, Jean-Jacques (1712—1778). *Émile ou de l'éducation*. T. 3—4. Amsterdam, 1762. 8°. 2 gr. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/6.

73. Sancy. *La belle-mère*. T. 1—2. Paris: Maradan. 1798. 12°. Картонный переплет с кожаным корешком и наугольниками. ЧКМ 5761/94—95.

74. Scotte, Walter (1771—1832). *Waverley, ou l'écosse il y a soixante ans; roman historique, contenant les principaux élémens de l'expédition du prince Édouard, en 1745/ Trad. de l'anglais, sur la quatrième édition, par Joseph Martin*. T. 2. Paris: Perronnfau, 1818. 12°. Картонный переплет с кожаным корешком и наугольниками. На верхней крышке переплета — визитная карточка салона Плюшара в Петербурге. ЧКМ 5761/89.

75. Ségur, Octave-Henri-Gabriel, comte de (1779—1818). *Bélinde, conte moral de Maria Edgeworth / Trad. de l'anglais par le traducteur d'«Ethelwin», par L. S...* Seconde édition. T. 2. Paris, F. Buisson, an IX (1801). 8°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/129—130.

76. (—) *Politique de tous les cabinets de L'Europe, pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI...* Seconde édition. T. 2. Paris: F. Buisson, an IX (1801). 8°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/128.

77. Sévigné, Marie de Rabutin-Chantal, marquise de (1626—1696). *Lettres de madame de Sévigné à sa fille et à ses amis*. Nouvelle édition / Par Ph. A. Grouvelle. T. 2, 6. Paris: Bossange, Massonet, Besson, 1806. 8°. ЧКМ 5761/170—171.

78. *Siècle de Louis XIV, au quel enjoint un prézis du siècle de Louis XV*. Nouvelle édition. T. 3. Lausanne: Jules Henri Pott, et Comp. 1780. 12°. Картонный переплет с кожаным корешком и наугольниками «А. Р. Baschmakov». ЧКМ 5761/203—204.

79. Smith, Charlotte Turner (1749—1806). *Le Jeune philosophe*. T. 1—3. Paris: H. Nicolle, an VII. 12°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/87—89.

80. Smollet, Tobias George (1721—1771). *Oeuvres*. T. XI. *Aventures de Roderik Random*. T. 1. Genève: Nouffer de Rodon et compagnie, 1782. 12°. Картонный переплет с кожаным корешком и наугольниками. ЧКМ 5761/37.

81. Spada. *Ephémérides Russes politiques, littéraires, historiques et nécrologiques*. T. 4. St. Pétersbourg: Henri Bonnet, 1816. 8°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/188.

82. Spiess, Chértien Henri (1755—1799). *Biographies de suicides/ Trad. de l'allemand par J. Henri Pott*. T. 1—2. Paris: Fuches, 1798. 12°. Картонный переплет с кожаным корешком и наугольниками. ЧКМ 5761/77—78.

83. Stael-Holstein, Anne Louise Germaine Necker de (1766—1817). Delphine. Т. 1, 3, 4. Genève: J. J. Paschoud, an XI (1803). 12°. ЧКМ 5761/146—148.

84. Sterne, Laurence (1713—1768). La vie et les opinions de Tristram Shandy, traduites de l'anglais de Stern, par M. Frénais. Т. 3. Londres 1784. 8°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/42.

85. Suire, Robert le. L'aventurier français ou Mémoires de Grégoire Merveil, nouvelle édition. Т. 1—2. Londres; Paris; Rouxen: Veuve Machuel, 1783. 12°. Barbier IV, 347. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/38—39

86. Vertot René Aubert, l'abbé de (1655—1735). Histoire des révolutions de la république Romaine. Т. 2. Paris: Louis Janet, 1819. 8°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/190.

87. Wailly, Noel-François de (1724—1801). Abrégé de la grammaire française. Douzième édition. Paris: H. Barbou, 1804. 12°. Мягкая обложка. ЧКМ 5761/152.

88. Wieland, Christoph Martin (1733—1813). Aristippe et quelques-uns de ses contemporains/ Trad. par Henri Coiffier. Avec portraits. Т. 1, 2, 3, 5. Paris, Poignée, an X (1802). 8°. «А. П. Башмакова». «Творение достойно весьма внимания март 1803». ЧКМ 5761/136—139.

89. Young, Edward (1683—1765). Les nuits/ Trad. de l'anglais par m. le Tourneur. Т. 1—2. Amsterdam: aux dépenses de la Compagnie, 1771. 12°. «Настасья Верещагиной куплена в Москве 1811 20 марта». «Сия книга подарена мне сестрицею Настасьею Васильевною на именины 1820 год 23-го ноября». «1820 год 23 ноября А. Верещагин». ЧКМ 5761/13—14.

ГРАММАТИКИ И СЛОВАРИ

90. Будри Давид Иванович.де (1756—1821). Первые основания французского языка... Ч. 1. СПб.: Сенатская тип., 1811. 8°. «А. Верещагина». ЧКМ 9/2110.

91. Ломон. Начальные основания французской грамматики... с российским переводом В. Кряжева (<...> М.: у книгопродавцев Рисса и Соссе на Петровке, 1808. 8°. 413+3 с. «Принадлежит Алексею Верещагину». Переплет картонный, с кожаным корешком и наугольниками. ЧКМ 5761/174.

92. Полный немецко-российский лексикон, из большого грамматико-критического Словаря господина Аделунга составленный... Ч. 1., СПб.: Имп. тип., у Ивана Вейтбрехта, 1798. 8°. ЧКМ 5761/86.\

С. ГАРДЗОНИО

ОБ АВТОРСТВЕ ОДНОЙ ПЕСНИ XVIII ВЕКА.

Среди самых распространенных песен конца XVIII—начала XIX в. особая судьба выпала на долю романса «Ручеек», который регулярно публикуется среди сочинений И. И. Дмитриева, хотя и не принадлежит ему.

Как сообщает Г. П. Макогоненко, редактор последнего полного издания стихотворений И. И. Дмитриева в серии «Библиотека поэта», стихотворение «Ручеек» было напечатано впервые в 1794 г. в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (ч. 1, с. 200) с подписью—въ. Приводим полный текст стихотворения:

Любовны утешенья
Минутами летят,
Любовные мученья
Веками тяготят.
Как бы любим Анютой
У сих прозрачных вод,
Казался день минутой;
А ныне день, как год.
Уже ли позабыла,
Вдруг став ты жестока,
Что прежде говорила,
Сидев у ручейка?
«Ручей доколе станет
В брегах своих журчать,
Анюта не престанет
Любви к тебе питать».
Но ручеек все льется,
По камешкам шумит;
Жестокая ж смеется,
Не то уж говорит.
Любовны утешенья

Минутами летят,
Любовные мученья
Веками тяготят.

Однако указание Г. П. Макогоненко неточно. Песня была уже опубликована в 1793 г. в собрании стихотворений кн. Г. А. Хованского «Мое праздное время». «Ручеек» часто включался в песенники и входил, например, в знаменитый «Песенник» И. Герстенберга и Ф. Дитмара (1797), переизданный В. Вольманом в 1958 г. В примечании В. Вольмана как раз и указано авторство Хованского с уточнением, что автор музыки неизвестен.

На странице 24 выше указанного сборника Хованского находится романс «Ручей». Он почти дословно совпадает с уже знакомой песней «Ручеек». Вариант 1793 г. содержит некоторые интересные различия. В первую очередь, они касаются самого заглавия. Стоит обратить внимание на определение «романс». До сих пор считалось, что термин «романс» употреблен впервые в 1796 г. применительно к стихам Державина и Хованского, напечатанным на страницах «Музы» и «Аонид». Однако можно с уверенностью утверждать, что термин в русскую поэзию ввел Хованский.

Несмотря на ряд различий, текст не содержит особенно важных изменений на семантическом уровне.

В 1795 г. Хованский выпустил вторую книжку стихов под названием «Жертва Музам», где стихотворение было опубликовано под названием «Ручеек. Елегической Рондо» (с. 110—111). По сравнению с предыдущими, новая редакция представляет собой, так сказать, промежуточный этап. Во второй строфе, например, она то ближе к редакции 1793 г. («У быстрых этих вод»), то к редакции 1794 г. («А ныне день, как год»). В третьей строфе повторяется «Став ноньче жестока» 1793 г., а ниже «В брегах своих журчать <...> Любви к тебе питать» 1794 г.

Примечательно и новое изменение заглавия. Именно в эти годы Хованский пишет целый ряд стихотворений, отнесенных им к жанру романса. Среди них, например, «Намедни в рощице гуляя...», «Лейте, слезы вы ручьями!». В это же время поэт осваивает и жанр «рондо». Кроме нашего текста, к данному жанру относится стихотворение «Лети, мой вздох, лети к любезной» (Аониды. 1796. Июнь. С. 102—104).

В том же 1795 г. под названием «Ручеек» стихотворение появилось в песеннике «Эрато, или Приношение прекрасному полу на 1795 год». В 1797 г. оно печатается вместе с мелодией в уже упомянутом «Песеннике, или Полном собрании старых и новых песен» И. Герстенберга и Ф. Дитмара (здесь обнаружен вариант «тягощат» в первой строфе), в 1798 г. в сборнике «Весельчак на досуге» И. Ф. Львова.

Что касается музыки, как уточняет В. Вольман, песня принадлежит анонимному автору второй половины XVIII в. С этой точки зрения песня тесно связана с другой песней Хованского «Вся природа веселится», тоже включенной в «Песенник» и тоже публиковавшейся прежде в «Приятном и полезном препровождении времени» (1795 ч. 6.) и в сборнике «Жертва Музам» (под названием «Елегия на весну»).

Песня «Ручеек» была приписана И. И. Дмитриеву впервые А. Н. Неустроевым, очевидно, в связи с криптонимом «— въ», которым она подписана в «Приятном и полезном» Подпись «— въ» использовалась Дмитриевым, но также и другими авторами. Хованский обычно подписывался «Г. К. Х.». Возможно, подпись «— въ» была поставлена в журнале по ошибке. Но не исключено, что Дмитриев был соавтором Хованского или просто передал в журнал его песню (оба поэта были хорошо знакомы). Однако в следующем году Хованский опять включил песню в свой новый сборник, а в собрания сочинения Дмитриева она никогда не входила. Это служит веским доказательством в пользу авторства Хованского.

Кроме вышеуказанных сборников Хованский печатал свои стихи в разных журналах и альманахах 1790-х гг., главным образом в «Приятном и полезном...» и «Аонидах». Именно в первом он опубликовал свои знаменитые пени: «Ах, луга, луга, зеленые», «Вся природа веселится», «Я слышал в Москве пространной» и др. Его самая знаменитая песня «Незабудочки» долго бытовала в русских песенниках и проникла в фольклорную традицию.

Хотя Хованский писал в разных жанрах (оды, анакреонтические песни, драматургия, малые жанры), его наследие составляет главным образом любовная лирика, противостоящая поэзии классицизма. С этой точки зрения примечательна его песня «Пусть, кто хочет, пишет оды». По своей литературной позиции Хованский близок к Карамзину¹ и Дмитриеву. Поэтому атрибуция «Ручейка» Дмитриеву довольно естественна.

Хованский переводил и подражал французским авторам. Среди прочих он перевел отрывок «Заиры» Вольтера и несколько текстов Ж. П. К. Флориана (1755—1794). Песня «Ручеек» тоже связана с переводческой деятельностью поэта. Это относится прежде всего к куплету, который открывает и заключает рондо:

Любовны утешенья
Минутами летят,

¹ Карамзин оплакивал друга в стихах «На смерть князя Г. А. Хованского» (1796).

Любовные мученья
Веками тяготят.

Эти стихи являются вольным переложением первого двустишия популярной песенки И. П. Шварцендорфа (Дж. П. Мартини) на слова любимого автора Хованского Флориана:

Plaisir d'amour ne qu'un moment,
Chagrin d'amor dure toute la vie.²

О жизнеспособности данной традиции свидетельствует стихотворение М. Кузьмина «Любовные утехи» (1907) — стихи Флориана приведены в эпиграфе:

Любви утехи длятся миг единый,
Любви страданья длятся долгий век.³

Романс Хованского перекликается с песенкой Флориана и в других местах. Ср.: две строфы: «Ручей доколе станет <...> Не то уж говорит» и строфу Флориана: «Tant que cette eau coulera doucement...»

Текст песенки находится под явным влиянием известной арии из оперы П. Метастазियो «Nitteti» (1756):

Agli amanti infelici
Son secoli i momenti, e sono istanti
I lunghi giorni a'fortunatiamanti.⁴ («Nitteti, I,1)

Интересно, что двустишие второй строфы песенки Хованского: «Казался день минутой; А ныне день, как год» явно ближе итальянскому тексту, чем французскому.

Опера «Nitteti» пользовалась определенным успехом в России и в 1777 и 1780 гг. был дважды опубликован ее перевод в связи с постановкой известной оперы Паизиелло.⁵ Упомянутую арию из «Нитеты» часто печатали отдельно среди знаменитых изречений ита-

² «Удовольствие любви длится лишь мгновение, любовная печаль длится всю жизнь» (фр.).

³ Стихотворение Кузьмина, написанное к рассказу С. Ауслендера «Вечер у г-на де Севираж», позже вошло в сб. «Сети». Первое двустишие Кузьмин ввел в прозаический текст «Из писем девицы Клары Вальмон к Розали Тютель Майер» (1907).

⁴ Для тех, кто несчастлив в любви, мгновенья кажутся веками, а для тех, кто счастлив, долгие дни — мгновениями» (ит.).

⁵ В данных переводах текст переложен в сокращенном виде. Интересующий нас отрывок передан вкратце в прозе: «В объятиях пастушки своей считает он скоротечные часы». Метастазियो П. «Нитета». СПб., 1777. С. 5.

льянского поэта. Реминисценции из нее можно найти в русской поэзии второй половины XVIII в., например в песне М. Попова «Все, что сердце не терзало» (1768): «С ней минутами мне годы» или в стихотворении Остолопова «Маша, или Время всегда одно» (1804), где стихи Метастазиио взяты как эпиграф.

Естественно предположить, что песенка Хованского оригинальное смешение текста Флориана и Метастазиио. По этому поводу не безынтересно заметить, что и в другом стихотворении Хованского в жанре рондо «Лети, мой вздох, лети к любезной...» содержится далекая реминисценция из Метастазиио (ария «Placido zefiretto»).

В заключение стоит привести интересное свидетельство отношения Дмитриева к Метастазиио. В известных мемуарах С. П. Жихарева записано, что Дмитриев, как только узнал от Л. М. Максимовича, что Державин собирался писать оперу «вроде Метастазиио», ехидно заметил: «Разве вроде безобразия».⁶

⁶ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 93.

Е. Д. ЛЯМИНА, Е. Е. ПАСТЕРНАК

СПИСКИ МЕМУАРОВ И. И. ДМИТРИЕВА «ВЗГЛЯД НА МОЮ ЖИЗНЬ»

Первое издание книги И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь» было осуществлено его племянником М. А. Дмитриевым в 1866 г. Он писал во вступительной заметке; «... я решился не откладывать более издания и печатаю эти записки в полном их виде по находящейся у меня рукописи, писанную сполна рукой самого автора».

Цель настоящей статьи мы видим в пояснении этих слов применительно к тому, какие списки воспоминаний Дмитриева нам удалось выявить и просмотреть. На сегодняшний день в Ленинградских архивах находятся следующие рукописи;

В рукописном Отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом):

1) 14. 781 LXXXII б. 19. Автограф I и III частей с авторской правкой в двух тетрадах. 1 часть кн. 1—3 писана на бумаге с водяным знаком, указывающим на 1825 г., а III часть кн. 7—10 — на листах бумаги 1819 и 1822 гг. Далее: автограф;

2) Шифр тот же. Копия писарской рукой всего сочинения (всех трех частей) в трех тетрадах. При этом в первой имеются нерегулярные исправления, сделанные, вероятно, самим Дмитриевым (это вставки, зачеркивания, изменение порядка слов и т. д.). По водяным знакам бумагу можно отнести к 1837 г. (именно тогда скончался И. И. Дмитриев). Далее: писарская копия ПД.

В рукописном отделе ГПБ:

3) ф. 167, ед. хр. 114, архив П. А. Вяземского. Копия писарской рукой на листах, сшитых в тонкую тетрадь. Рукопись не датирована. В правом верхнем углу первой страницы читается помета П. А. Вяземского: «Выписка из Записок... > И. И. Дмитриева с поправками руки его». В этой тетради переписана история знакомства Дмитриева с Державиным, что составляет выдержки из третьей

книги (в списке опущено все то, что не касается Державина, отсутствует несколько страниц об отношениях Дмитриева с Фонвизинным, Я. Б. Княжнинным и В. П. Петровым.) Далее: писарская копия Вяземского;

4) ф. 588, ед. хр. 22, архив Погодинские автографы. Копия писарской рукой на листах, сшитых в тетрадь, послужившая источником для публикации в погодинском журнале «Москвитянин» (1841, Ч. 1, № 1, с. 31—38). Рукопись не датирована. Этот список — фрагмент второй книги, рассказывающий о Карамзине, — «О начале моего знакомства с Карамзиным». /Далее: погодинская копия/;

5) список этого отрывка, выполненный писарской рукой, имеется также в архиве П. А. Вяземского (ф. 167, ед. хр. 114). Он не датирован. /Далее: копия Вяземского/.

В ЦГИА находится:

6) ф. 844, оп. 2, ед. хр. 676, архив Волконских. Список, представляющий собой четвертую книгу. На первой его странице написано рукой Вяземского: «Из неизданных записок Ив. Ив. Дмитриева». Рукопись эта также без даты. /Далее: копия ЦГИА/.

7) В Москве в ЦГАДА находится список той же книги с названием «Записка капитана Дмитриева об обвинении его и Лихачева в заговоре против императора Павла I» (р. I, № 73). Рукопись эта не датирована. Вопреки утверждению М. А. Дмитриева, расхождения между его изданием и авторской рукописью довольно значительны. Можно предположить, что печатал он по писарской копии ПД, более поздней, чем автограф. Еще раз оговорим, что вторая, срединная, часть автографа до нас не дошла. М. А. Дмитриев же писал, что в его распоряжении находился весь текст целиком. Сопоставив I и III части автографа и соответствующие части писарской копии ПД, мы обнаружили, что в авторском тексте имеются расхождения с писарской копией ПД.

Судя по всему, до нас не дошел один вариант «Записок», по времени написания следовавший за автографом и предшествовавший писарской копии ПД. М. А. Дмитриев уверял, что у него имелась вся авторская рукопись целиком. Вряд ли обнаруженный нами текст представлял собой автограф, так как трудно предположить, что И. И. Дмитриев дважды писал свои воспоминания собственноручно. Видимо, промежуточная редакция была писарской; возможно, она писалась под диктовку автора с попутно вносимыми им исправлениями.

Но М. А. Дмитриев пользовался обоими нам известными текстами, преимущественно опираясь на писарскую копию ПД. В расхождениях автографа и писарского варианта ПД М. А. Дмитриев чаще всего придерживается последнего. Исправление в издании

1866 г. неверно воспроизведенных писарем слов и соответственно возврат к автографу говорят о том, что М. А. Дмитриев сверял писарскую копию ПД с автографом. Например, у И. И. Дмитриева было; «Канцлер же от обоих был *отменен ...*», писарь прочел это как «*отличен*», а М. А. Дмитриев напечатал опять же «отменен» (Взгляд на мою жизнь. М., 1866, С. 182. Здесь и далее курсив наш. — Е. Л., Е. Ж.). Вызывают недоумение случаи, когда писарская копия ПД совпадает с автографом, а в издании 1866 г. при этом печатается какой-то иной, новый вариант; в автографе и в писарской копии ПД читаем: «Пред самым *отбытием* Государя ...», а в издании 1866 г. — «*отъездом*» (С. 206). Или в автографе и писарской копии ПД: «поверенный *предъявляет* притязания свои на часть владения ...», в издании 1866 г. — «*объявляет*» (С. 207). Такие исправления — а они многочисленны — можно считать просто редакторским вмешательством издателя, пожалуй, иногда смутно объяснимым. Например, Дмитриев рассказывает о М. М. Сперанском: «Тогда он был *на самой высоте счастья ...*». В писарской копии ПД мы, однако, читаем: «на самой высоте случайности». И наконец, в издании 1866 г. с удивлением обнаруживаем: «...на *самой высокой случайности*» (С. 198).

По каким-то тонким соображениям в автографе нет подробностей встречи Дмитриева с Государем после удаления Сперанского от двора. Однако мы находим эту сцену и в писарской копии ПД, и в издании 1866 г.: «Теперь остается мне передать то, что сказано мне было самим Государем на счет Сперанского. После его удаления два раза отказано мне было в личном докладе; в третий же допущен в кабинет, и Государь, при входе моем, изволил сказать: «Не сердись, что я два раза не принимал тебя: причиною тому вся эта пакостная история» — и тотчас стал мне рассказывать, что Сперанский, за две комнаты от кабинета, позволил себе в присутствии близких к нему людей опорочивать политические мнения (кстати, в писарской копии ПД — «меры», а не «мнения». — Е. Л., Е. Ж.) нашего правления, ход внутренних дел и предсказал падение Империи ...» см. с. 196 — фрагмент цитирован нами не полностью).

Та же ситуация — в описании торжеств по случаю подавления восстания Пугачева и заключения мира с Турцией: «... по крайней мере, не стыжусь и теперь с поэтическим участием повторить последнее двустишие из послания, поднесенного на этот случай знаменитому полководцу столь несправедливо забытым ныне Петровым. Вот как сильно и кратко изобразил поэт могущество Екатерины:

Речет, да гибнет враг: и сходит быстро месть!
Да грянет гром: гремит! да будет мир: и есть», (с. 30).

Видимо, М. А. Дмитриев стремился объяснить своим современникам давно прошедшие и забытые события, потому он и раскрывает инициалы исторических лиц, государственных деятелей или просто знакомых его дяди (эта тенденция проявляется уже в писарской копии ПД и усилена в издании 1866 г.), опускает, как ему кажется, совсем непонятные, неинтересные или лишние детали. К примеру, в автографе и писарской копии ПД сцена всеобщего ликованья по поводу вступления русской армии в Париж в 1814 г. описана следующим образом: «... жильцы выставляли в окнах своих прозрачные аллегорические картины или что другое с остроумными надписями, *относящимися к вине торжествования*». Эта подробность в издании 1866 г. опущена. Теперь обратимся к отдельным спискам фрагментов из воспоминаний. Как указывалось выше, погодинская копия, содержащая историю знакомства Дмитриева с Карамзиным, стала основой для публикации в журнале «Москвитинин». Она отличается как от двух уже разобранных вариантов, так и от копии Вяземского.

В погодинской копии и копии Вяземского читаем: Карамзин «обучаем был немецкому языку тамошним пятидесятилетним врачом из немцев, которого прозвище я позабыл, но очень помню его привлекательную, несмотря на спинный горб, физиономию». В автографе, писарской копии ПД и издании 1866 г. (с. 38) — «...но очень помню, не потому, что он был с горбом, но по его привлекательной физиономии».

Лишь незначительные различия наблюдаются между погодинской копией и копией Вяземского:

Копия Вяземского

«как уже стали короткими зна-
комцами...»;
«едва ли не год».

Погодинская копия

«как мы уже стали...»;
«едва ли не с год».

В обоих случаях издание 1866 г. совпадает с погодинской копией.

В автографе и писарской копии ПД читаем: отцы семейства, «которые хотя и не охотники слушать молодежь, но его Карамзина слушали». В погодинской копии — «не привыкли слушать молодежь, но его слушали». А в копии Вяземского — «не привыкли слушать молодость, но ...» (возможно, это описка или неправильное прочтение сходных по начертанию слов).

Таким образом, оба списка ГПБ, так или иначе связанные с историей публикации этого отрывка в 1841 г., стоят совершенно отдельно от автографа, писарской копии ПД и, соответственно, изда-

ния 1866 г.. Хотелось бы отметить, что слова М. А. Дмитриева в предисловии к книге о «повременных изданиях, которые мало уважают литературную собственность» и печатают без согласия наследников и без какого-либо на то права, «со списков, неизвестно как доставшихся издателям», ни в коем случае нельзя отнести к Погодину, ибо он сопроводил публикацию в «Москвитянине» выражением признательности М. А. Дмитриеву за предоставленный материал.

Теперь остановимся на писарской копии из архива Вяземского, рассказывающей о Державине. «Поправки руки» И. И. Дмитриева немногочисленны: так, например, автор исправил фамилию «Волков» на «Вельяминов». Писарская копия Вяземского обнаруживает сходство с писарской копией ПД и в некоторых случаях различается с авторским текстом ПД. Однако и обратных случаев предостаточно. К примеру, в автографе и писарской копии Вяземского читаем: «В этой книжке помещены были: Ода на случай Восшествия на престол Екатерины Второй; другая на кончину Бибикова; еще несколько философических (NB: в автографе не философических, а нравоучительных — Е. Л., Е. Ж.) од и послание Фридриха Второго...» Это было заменено лаконичным: «помещены были несколько од разного содержания, более философических, и послание Фридриха Второго ...» (писарская копия и издание 1866 г.).

Дмитриев пишет о Державине в автографе и писарской копии Вяземского: «Голова его была хранилищем заготовленного запаса сравнений, уподоблений, сентенций и картин...». В писарской копии ПД и в издании 1866 г. отсутствует определение «заготовленный».

Забавная сцена посещения Державина его почитателем отражена по-разному:

автограф:

«Входит живописец в нетрезвом виде, начинает в высокопарных выражениях извинять свою дерзость, происшедшую *единственно от непреодолимого желания насладиться лицемерием великого мужа, преславногo стихотворца и пр. и пр.*»;

писарская копия Вяземского:

«Входит румяный живописец, начинает высокопарною речью извинять свою дерзость, происшедшую, по его словам, *единственно от непреодолимого желания насладиться лицемерием великого мужа, знаменитого стихотворца и пр.*»;

писарская копия ПД и издание 1866 г.:

«Входит румяный и слегка подгулявший живописец, начинает высокопарною речью извинять свою дерзость, происходящую, по

словам его, *единственно ...*» (далее совпадает с писарской копией Вяземского; курсив везде принадлежит И. И. Дмитриеву).

Список, находящийся в ЦГИА и целиком составляющий IV книгу, остается сопоставить с писарской копией ПД и фрагментом, хранящимся в ЦГАДА. Список ЦГИА и писарская копия ПД незначительно друг от друга отличаются, однако на первой же странице мы читаем:

писарская копия ПД:

«Вскоре потом отпросился в годовой отпуск»;

писарская копия ЦГИА;

«отправился» вместо «отпросился».

Не понятно, отнести ли к несохранившемуся авторскому тексту или к редакторским исправлениям М. А. Дмитриева случаи типа:

Писарская копия ПД;

Издание 1866 г.

писарская копия ЦГИА

Но день <...> внезапно *разнал* ...*рассеял...*

все утешительные надежды ...

... получить звание не менее

почетное ...

...*почтенное...*

Весьма часто в этой главе в варианте писарской копии ЦГИА встречается написание «полицеймейстер», не отраженное в писарской копии ПД. Однако в данной статье мы не останавливаемся на подобного рода различиях, основанных на изменении орфографических и орфоэпических норм, не касаемся мы также и чрезвычайно многочисленных случаев перестановки слов.

Список, находящийся в ЦГАДА, недатированный и неизвестного нам происхождения, сильно отличается от разобранных выше вариантов. Начало этого отрывка представляет собой в сущности иной текст. Затем различия становятся не столь существенными, но остается очень много случаев перестановки слов и т. д. Неясно, чьей рукой написан этот фрагмент.

Отдельно следует сказать, что М. А. Дмитриев в своем издании 1866 г. исправлял датировку и фамилии действующих лиц, опираясь не только на собственную память, но проверяя их по документам, историческим свидетельствам и, возможно, по воспоминаниям современников его дядюшки. Так, например, И. И. Дмитриев пишет, что в 1795 г. он получил капитанский чин. Племянник его печатает, что это произошло в 1796 г. Или, скажем, в рассказе о Сперанском говорится неопределенно: «По прошествии года или более позволено ему было жить <...> в Новгородской губернии». М. А. Дмит-

риев снимает всякие сомнения: «по прошествии года». Он считает, что дядюшку подводила память, когда тот писал, например, следующее: «Сочинение адреса или прошения <...> предоставлено было генерал-прокурору графу Самойлову», и М. А. Дмитриев исправляет: «генерал-прокурору князю Вяземскому».

Все сказанное обнаруживает настоятельную необходимость полностью издать «Взгляд на мою жизнь» И. И. Дмитриева. Сопоставление разных его списков показывает, что издание 1866 г. в значительной степени устарело, несмотря на содержательные примечания М. Н. Лонгинова.

В заключение мы выражаем искреннюю признательность А. М. Пескову, чьи ценные советы и указания сделали возможным появление этой работы.

Я. Г. СОЛОДКИН

«ИСТОРИЯ» АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА В СОЧИНЕНИЯХ В. Н. ТАТИЩЕВА

«История вкратце» Авраамия Палицына, получившая довольно широкую известность уже вскоре после написания, к XVIII в., судя по рукописной традиции, стала наиболее популярным публицистическим сочинением Смутного времени. Недаром палицынская «книга» оказалась в числе немногих произведений периода «разорения русского», использованных В. Н. Татищевым.¹ Не вполне ясно,

¹ На это указал еще М. Н. Тихомиров. См.: Очерки исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 188.

По мнению В. И. Корещуко, сочинение Палицына стало известно Татищеву до июля 1745 г., когда в письме в Академию наук автор «Истории Российской» подчеркнула уникальность многих свидетельств летописи «о разорении русском» (Корещукий В. И. 1) Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание смутного времени // Славяне и Русь. М., 1968. С. 284—285; 2) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 111).

А. П. Пронштейн, отметив факт знакомства Татищева с «Историей», вместе с тем приписывает ее открытие В. В. Крестинину (Пронштейн А. П. Источниковедение в России: Эпоха феодализма. Ростов н/Д, 1989. С. 69, 305). В. Л. Комарович и Л. Н. Пушкарев считали, что сочинение «Келаря Аврамея» сделалось достоянием науки в конце XVIII в., в частности, благодаря М. М. Щербатову. См.: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 50—51; Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. Очерки истории. М., 1982. С. 27. Но еще в 1732 г. «История» была использована Г. Ф. Миллером. См.: Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданным в XVIII в. М., 1981. С. 20.

Помимо «Истории», В. Н. Татищев располагал летописью «о разорении русском», «Писанием о преставлении и погребении» М. В. Скопина-Шуйского (очевидно, в составе хронографа «до 1613» г., список которого был в последней библиотеке ученого, см.: Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 59; ср.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1966. Т. 6. С. 335, 381; Повесть о победах Московского государства / Изд. подгот. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 83—84,

однако, какие свидетельства замечательного «писателя русской истории» восходят к сочинению «старца Авраамия», каковы критерии отбора Татищевым известий Палицына. Рассмотрению этих вопросов посвящена настоящая статья.

В составленной вскоре после смерти ученого описи его последней библиотеки значатся два списка «Истории». Один из них сохранился в рукописи «от 1552 до 1643»,² т. е. сборнике, включающем, по-видимому, летописные записи (возможно, он открывался «Казанской историей»). Рукопись такого состава нам неизвестна. О втором списке, вероятно, речь идет в письме Татищева советнику канцелярии Академии наук И. Д. Шумахеру (30 марта 1749 г.). В отличие от рукописей «Истории о разорении русском» и сочинения митрополита Макария про начало царствования Грозного, этот список, по мысли ученого, сохранил полный текст памятника. Татищев выражал готовность передать его (как и другие редкие книги своего собрания) в академическую библиотеку.³ В «Предъизвещении» к «Истории Российской» он заметил, что полностью сочинение Авраамия встречается нечасто.⁴

87), «Утвержденной грамотой» 1613 г. (см.: *Татищев В. Н. История... Л., 1968. Т. 7. С. 151, 420, 425*), копия которой имела в знаменитой библиотеке Д. М. Голицына в Архангельском, где Татищев занимался, по-видимому, во второй половине 1720-х гг. (*Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 238, 244. № 147*). А. П. Пронштейн к известным В. Н. Татищеву памятникам времени Смуты относит «Временник» Ивана Тимофеева (*Пронштейн А. П. Источниковедение... С. 69*). Исследователь, надо полагать, исходит из допущения М. Н. Тимоширова насчет тождества «Истории о разорении русском» с «Временником». Однако это допущение не может считаться основательным (см.: *Корецкий В. И. История... С. 230; Солодкин Я. Г. По поводу «Истории о разорении Русском» Иова-Иосифа: (Заметки о летописании) // ТОДРА. Л., 1979. Т. 33. С. 438*). Сошлемся и на явное расхождение между «татищевскими известиями» про волнения в Новгороде в сентябре 1608 г. и воспоминаниями Тимофеева о тех же событиях (ср.: *Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печ., пер. и коммент. О. А. Державиной; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 131—134; Татищев В. Н. История... Т. 6. С. 306, 324—325*). Поэтому вслед за И. И. Полосиным нужно думать, что «Временник» Татищев не использовал (*Полосин И. И. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1949. Т. 60, вып. 2. С. 135*).

² *Пекарский П. П. Новые известия... С. 58, 59*. Возможно, это та «Полова архимандрита Троицкого монастыря от царствования Иоана II (как он именовал Грозного. — Я. С.) до царя Алексея Михайловича», о наличии которой в своей библиотеке Татищев писал в Академию наук 21 декабря 1735 г. (*Клосс Б. М., Корецкий В. И., В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 9*).

³ *Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 286*.

⁴ *Татищев В. Н. История... 1962. Т. 1. С. 85*. Здесь сказано, что «История» доведена до воцарения Михаила Романова. В действительности она завершается описа-

Следовательно, Татищеву были известны и другие списки «книги» Палицына.

По словам ученого, сравнительно с патриархом Иовом или монахом Иосифом «старец Аврымей» писал «кратче и не столь порядочно», представив «со всеми обстоятельствами» лишь воцарение Михаила Федоровича.⁵ Тем самым, как находит В. И. Корецкий, создатель «Истории Российской» подчеркнул схематизм «Сказания» Палицына.⁶ Думается, такая оценка не вполне оправданна. Ведь Татищев отметил лишь то, что рассказ Палицына уступает летописи «о разорении русском» в обстоятельности (за исключением изложения событий начала 1613 г.) и последовательности (возможно, ученый имел в виду отступления от хронологического принципа повествования в первых главах «Истории», а также повышенное внимание публициста Смутного времени к судьбе Троице-Сергиева монастыря).⁷

В примечаниях на книгу Ф. И. Страленберга (Табберта), относящихся к 1736 г., Татищев со ссылкой на «гистории» указывает на «службу» Авраамия «паче всех» при избрании на трон Михаила Федоровича.⁸ Видимо, под «гисториями» здесь понимаются списки палицынской «книги» либо также зависящие от нее компилятивные летописи и хронографы, ибо о деятельном участии троицкого келаря в царском «обирании» 1613 г. в других источниках не сообщается. Учтем и то, что в заметках о междуцарствии Татищев, явно следуя «Истории», говорит о поездке депутации Земского собора (в том числе Палицына) в Кострому и «молении» в Ипатьевском монастыре юного Михаила с матерью занять престол «Московского государства».⁹

нием событий 1617—1619 гг. Поэтому допустимо полагать, что в татищевских списках палицынской «книги», по меньшей мере в отдельном списке, не было «Сказания» о вторжении королевича Владислава. Татищев, однако, мог неточно определить хронологические рамки повествования троицкого келаря. Судя по приведенным данным, такое объяснение наиболее вероятно.

⁵ Татищев В. Н. История... Т. 1. С. 85.

⁶ Корецкий В. И. История... С. 159.

⁷ Говоря о «порядке», «порядочно», употребляя слово «порядочно», Татищев имеет в виду систематичность, последовательность (см.: Татищев В. Н. 1) Избр. труды по географии России. М., 1950. С. 138—140, 198, 201, 203, 206, 213, 230; 2) Избр. произв. Л., 1979. С. 138, 363, 364, 372, 396, 399, 400 и др.).

⁸ Татищев В. Н. История ... Т. 7. С. 425.

⁹ Ср.: Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 233—235; Татищев В. Н. История... Т. 6. С. 368—369, 389, примеч. 120—127; Т. 7. С. 151, 443.

По-видимому, из «Истории» Татищев заимствовал сообщение о подаче казаками и стрельцами «письма» с призывом избрать на трон Михаила. Впрочем, излагая этот эпизод, Палицын умалчивает о стрельцах, но зато помимо казаков называет дворян,

В статье «Лексикона российского...», посвященной Белгородской черте, Татищев пишет о заселении южнорусских окраин при Иване Грозном «для защиты от Крыма» преимущественно отпущенными на волю холопами и преступниками, даже совершившими «смертное убийство»; в годы царствования Шуйского таких насчитывалось свыше двадцати тысяч.¹⁰ Эти сведения почерпнуты из «Истории», только ее автор рассказывает о колонизации «украин» как при Грозном, так и во время Бориса Годунова.¹¹

По утверждению В. И. Корецкого, в «Выписке из истории с начала царства царя Федора Иоанновича...» (подготовительных материалах к четвертой части «Истории Российской»), говоря об избрании Бориса на трон, Татищев «не воспользовался Сказанием» Палицына.¹² Однако, как указывает сам В. И. Корецкий, в одном из вариантов примечаний ко второй части главного татищевского труда заключение о «великом разорении» государства вследствие воцарения Годунова сопровождается ссылками на Палицына и Иосифа¹³ (летописи которого отдано решительное предпочтение в «Выписке...»). Окончательный текст «Выписки...» дополнен припиской о том, что при избрании на престол Борис стал отказываться от власти и «по неколикократном прошении» уехал к сестре в Новодевичий монастырь.¹⁴ Татищев мог узнать об этом из «Истории».¹⁵

детей боярских, гостей и атаманов (Сказание Авраамия Палицына... С. 232). Скорее всего, здесь Татищевым допущена очередная неточность в передаче известия Авраамия. Отметим также, что, резюмируя главу «Истории» о «послании к Костроме с молением», исследователь однажды упоминает Федоровский монастырь (вместо Ипатьевского) и говорит о встрече земских выборных протопопов с «народом», а не «градодержателями», как читаем у Палицына.

¹⁰ Татищев В. Н. Избр. произв. С. 184. По-видимому, работа над «Лексиконом» продолжалась с 1720-х гг. до конца жизни Татищева (Валк С. Н. О составе издания // Там же. С. 27, 28, 30—32).

¹¹ Сказание Авраамия Палицына... С. 107, 108.

¹² Корецкий В. И. История... С. 159. Ссылаясь на название «Выписки...», исследователь заключает, что в основу ее положен Новый летописец, доведенный до середины царствования Алексея Михайловича, т. е. до начала 60-х гг. XVII в. (Там же. С. 134). Но среди продолжений Нового летописца такое не известно (см.: Жарков И. А. Три продолжения «Нового летописца» // Летописи и хроники. М.; Л., 1980. С. 190—196). Очевидно, слова Татищева не следует понимать буквально. Поскольку им привлекалась Летопись о многих мятежах (см.: Татищев В. Н. История... Т. 7. С. 168—170), возникшая около 1658 г., т. е. приблизительно в середине царствования «тишайшего» Алексея Михайловича, в названии «Выписки...» могла иметься в виду эта редакция Нового летописца.

¹³ Корецкий В. И. История... С. 119, 159. Этот текст был обнаружен Е. Н. Кушевой (Кушева Е. Н. К истории холопства в конце XVI—начале XVII веков // Исторические записки. 1945. Кн. 15. С. 77, примеч. 4).

¹⁴ Татищев В. Н. История... Т. 6. С. 287.

¹⁵ См.: Сказание Авраамия Палицына... С. 103—104.

Учетом также, что, завершая работу над «Выпиской...», ученый обратился к рассказу Палицына о намерениях Лжедмитрия I воевать с Крымом.¹⁶

В. И. Корецкий полагал, что, говоря о воцарении Шуйского, Татищев оставил «Историю» в стороне.¹⁷ Но он сам заметил, что свидетельство Палицына об избрании царя Василия на престол находится «в согласии с Выпиской».¹⁸ В татищевском рассказе о правлении Шуйского приведен факт обличения Григория Отрепьева его собственной матерью,¹⁹ встречающийся только у Авраамия,²⁰ а из подготовительных материалов к «Истории Российской», касающихся междоусобств, узнаем про то, что, приехав в «подмосковные полки», Палицын, обещая помощь от монастырских властей деньгами и «запасами», просил воевод и «воинства» постараться освободить столицу от поляков; 23 августа 1612 г., когда казаки, «осердясь на Пожарского... хотели итти прочь», келарь призвал их, «согласясь» с новым земским ополчением, «назавтрее» вступить в сражение с гетманом Ходкевичем.²¹ Аналогичные сведения находим в палицынском «Сказании» о разорении и освобождении Москвы,²² хотя Авраамий не сообщает, что ездил в «полки» «от архимандрита», после того как стало известно о падении Смоленска, что обещал ополченцам помощь «деньгами и запасами»,²³ уговаривал казаков, соединившись с отрядами Пожарского, атаковать войска Ходкевича на следующий день.²⁴ Итак, есть основание отклонить предположение В. И. Корецкого, будто в числе источников татищевского повествования за 1606—1612 гг. «Истории» не было.²⁵

Внимание Татищева привлек один из эпизодов обороны Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг., описание которого составляет центральную часть «книги» Палицына. По свидетельству ученого,

¹⁶ Ср.: Там же. С. 114; *Татищев В. Н.* История... Т. 6. С. 295—296. О том, что Самозванец обещал полякам начать поход против крымцев уже весной, отправив «наряд» в Елец, распорядился готовить запасы и собирать войска, читаем только в «Истории».

¹⁷ *Корецкий В. И.* История... С. 159—160.

¹⁸ Там же. С. 157.

¹⁹ Сказание Авраамия Палицына... С. 111.

²⁰ *Сторожев В.* Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 146, примеч.

²¹ *Татищев В. Н.* История... Т. 6. С. 351, 362.

²² Сказание Авраамия Палицына... С. 216, 225—226.

²³ Он счел нужным отметить лишь то, что появился в ополчении «со святыми водами, укрепляя (ратников, — Я. С.) от божественных писаний».

²⁴ Согласно воспоминаниям Палицына, он призвал казаков немедленно вступить в бой.

²⁵ *Корецкий В. И.* История... С. 160.

узнав о подкопе, который вели тушинцы под монастырские стены, троицкие «сидельцы», «перекопав, подкопщиков живых взяли» и захватили много пороха, в котором уже испытывали нужду.²⁶ Этих деталей нет в рассказе Авраамия о «зарушении» подкопов; порох, как он сообщает, был захвачен осажденными при взятии «литовского наряда» на Красной горе.²⁷ Вероятно, Татищев почерпнул данные подробности из польских источников.

Считается, что предпочитая из нарративных памятников «участные истории», т. е. принадлежащие очевидцам и участникам событий, Татищев в первую очередь использовал те из них, которые позволяли воссоздать прошлое с наибольшей полнотой.²⁸ То обстоятельство, что говоря о троицкой осаде, ученый не обратился к посвященному ей «Сказанию» Палицына, заставляет внести ограничение в этот вывод (среди «участных историй» в «Предъизвесчении» к главному татищевскому труду названа и «книга» Авраамия²⁹).

В «Произвольном и согласном рассуждении... о правлении государственном», которое новейший исследователь склонен датировать второй половиной 1733—началом 1734 г.,³⁰ Татищев утверждает, что Россия находилась в чести и безопасности до смерти Бориса Годунова.³¹ Возможно, это мнение сложилось под влиянием «Истории», где читаем о страхе, внушенном царем Борисом соседним странам.³² В «Представлении о купечестве и ремеслах» ученый писал про неграмотность Годунова.³³ Быть может, основанием для такого мнения послужило замечание Палицына, что Борис «писания божественаго не навьк»,³⁴ хотя его скорее надо понимать как указание на недостаточное знакомство со «священными» книгами.³⁵

Итак, повествуя о перипетиях кануна Смуты и самого лихолетья, Татищев обращался к «Истории» эпизодически (видимо, со

²⁶ Татищев В. Н. История... Т. 6. С. 333.

²⁷ См.: Сказание Авраамия Палицына... С. 153, 154, 156.

²⁸ Валк С. Н. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии // Татищев В. Н. История... Т. 7. С. 15; Корецкий В. И. История... С. 159.

²⁹ К их числу отнесено там и сочинение А. М. Курбского. Утверждение В. И. Корецкого, будто «участными историями» в оценке Татищева являлись летописи (Корецкий В. И. История... С. 12), нуждается, следовательно, в уточнении.

³⁰ Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х—начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 295, 310, 321, 354, примеч. 63.

³¹ Татищев В. Н. Избр. призыв. С. 148.

³² Сказание Авраамия Палицына... С. 109.

³³ Татищев В. Н. Избр. произв. С. 394.

³⁴ Сказание Авраамия Палицына... С. 101.

³⁵ Шереметьев С. Д. Грамоты с подписями Бориса, Димитрия и Степана Годуновых (7080—7111 гг.) // ЧОИДР. 1897. Кн. 1. С. 2.

второй половины 1730-х гг.). Главным образом, он заимствовал у ее автора сведения, которые не встречал в других источниках; подчас эти сведения ученый дополнял сообщениями современников Авраамия и позднейших историков. Хотя в глазах Татищева «История вкратце» явно уступала летописи Иова-Иосифа в систематичности, последовательности изложения, в оригинальности известий, он стремился учесть наиболее интересные показания «старца Аврамея», но передавал их смысл не всегда точно.

Приведенные наблюдения дают возможность представить творческие принципы выдающегося писателя-историка XVIII в.

Ю. К. БЕГУНОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА О ГЕОРГИИ И ФЛАРЕНТЕ

В Мордвиновском рукописном сборнике конца 50-х гг. XVIII в., в котором в 1975 г. мы нашли Повесть об Евграфе и Александре,¹ читается еще одна неопубликованная повесть того же времени: «Гистория о франъзуской королевне Фларенте и о королевиче Георгии Италианском, и о протчих малтийских ковалерах». Сохранившаяся в единственном списке, эта повесть тоже относится к послепетровским любовно-авантюрным повестям волшебного-рыцарского типа, по классификации В. В. Сиповского.² Состав сборника, переписанного мелкими чиновниками города Волоколамска,³ свидетельствует об интересе демократических читателей небольшого города к беллетристике «русской народной книги», которая в то время восполняла отсутствие романов для «легкого чтения». При первом чтении бросается в глаза сходство в языке, стиле, способах построения сюжета и образов с Повестью об Евграфе и Александре. В центре внимания автора находится судьба знатной влюбленной пары, преодолевающей все препятствия и испытания судьбы и в конце концов соединяющейся навеки. Главный герой — итальянский королевич Георгий, галантный кавалер и доблестный рыцарь, его возлюбленная — дочь французского короля красавица Фларента, добродетельная.

¹ Ркп. Государственного Литературного музея в Москве, собрание рукописей, № 60 (бывш. Ростовского музея, № 405). О ней см.: *Бегунов Ю. К. Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII века об Евграфе и Александре // XVIII век. (Л., 1983.)* Сб. 14: Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 207—231.

² *Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа.* СПб., 1909. Т. 1. Вып. 1. С. 284.

³ *Бегунов Ю. К. Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII века...* С. 207—208.

тельная и верная. Первый персонаж напоминает португальского королевича Александра из Повести об Евграфе и Александре, а второй — дочь египетского князя Велериану, возлюбленную Александра. Молодые люди обеих повестей красивы, благородны, отзывчивы, добры, приветливы и галантны, владеют основами «ковалерских наук», в том числе и шпагой, способны на самопожертвование, решительны и смелы в отстаивании своего права на свободу и любовь.

Персонажи повести носят иностранные имена. Это Бранденбургский король Христоан, учитель музыки и танцев королевы Фларенты мальтиец Диорест, сын кузнеца Флегонт, сестра голландского короля мачеха Фларенты Доротей. Все они играют важную роль в развитии действия то замедляя его, то ускоряя; Флегонт и Доротей — носители «злого начала». Автор повести хорошо знаком с придворной жизнью царственных особ, а также с военным делом и медицинской практикой. То же самое надо сказать и про автора Повести об Евграфе и Александре. В обеих повестях действуют персонажи, функции которых в развитии сюжета подобны: латонские кавалеры — мальтийские кавалеры, гишпанский король Калдерфут — брандербургский король Христоан, злой монах Иосаф — безнравственный Флегонт; безымянный волхв, добрый волшебник — спаситель действует в обеих повестях, появляясь в самые критические моменты, ближе к концу повести. Много общего и в языке послепетровской эпохи, изобилующей иностранными словами, и еще больше общего в способе построения сюжета и композиции. Композиционно повести состоят из двух-трех десятков эпизодов, связанных между собой единством сквозного действия и единством нравоучительной цели. Само действие проходит в «российских Европиях», т. е. в европейских государствах — Франции, Италии, на Мальте, а в Повести об Евграфе и Александре — еще в Испании, Португалии, Египте, Индии, Молдавии, Лантонском королевстве и в области восточных морей; однако никакого специфически окрашенного быта или местных реалий не имеется. Персонажи ведут себя очень свободно и раскованно, как русские дворяне послепетровской эпохи. Они обучаются у фрейлин (!?) и профессоров кавалерским наукам (грамоте, музыке и танцам) и, конечно, военному делу у офицеров, танцуют и поют канты, справляют «тезоименитства» и «виктории» с пушечной пальбой, «кушают водку», на банкетах потчуют друг друга напитками, угощаются «конфектами», носят кольца и часы, а в карманах — портреты возлюбленных, червонные платки с вензелями или платки-трафклом, а на поясе — шпагу; они спорят друг с другом о чести и сражаются на дуэлях, посещают королей и королев, отдают честь «во фронт» и делают комплименты, а

сами живут «на квартирах» и в «апортаментах», письма разносят с курьерами и пажми, либо через директора почт, новости узнают от камер-юнкеров двора, ездят на аргамаках и в «покоевых колясках» или в экипажах, занимаются псовой охотой, лечатся у докторов и ходят в аптеки, уважают «херурхическую науку», щедро расплачиваются за все «червонными» по 50—100; слуг зовут «челядниками», солдат — «драбантами», прислужниц — «мамками», комнаты — «покоями», возвышения — «амвонами», короля — «государем-батюшкой», крыльцо — «сенями».

В лексике повести много иностранных слов, заимствованных в Петровскую эпоху, а именно: «апортамент», «аптека», «афицер», «афицы», «вензель», «драбант», «дуеля», «ковалер», «камора», «квартира», «комплемент», «консилиум», «контракт», «корпус», «куриер», «литеры», «паж», «патрет», «пистолет», «тезоименитство», «термин», «фонарь», «фрелина», «фрунт», «церемония», «часы», «чесовой», «шпага», «экзамен», «экипаж». Обращают на себя внимание два случая употребления русских диалектных слов:

1) Королева Фларента заявляет пришедшим к ней в гости кавалерам: «Милостивый государи, знатнейшие кавалеры! прошу вас тяртиги свои отложить до другаго числа, понеже в вас имею нужду отринуть от меня смертны яд и не дать во владение мерско пакостноту» (л. 68—68 об.). Здесь слово «тяртиги» в значении «споры», «распри» имеет сходство с родственным ему словом «тирка» (от глагола «тереться») в значении «потасовка» из псковского говора (см.: *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1982. Т. 4. Р-У. С. 401).

2) Королевич Георгий «отбил замок у гробницы Фларентиной, раскрыв смотрел ея персону, и плакал неутешно. Однако не хотя оставить⁴ на том месте, взяв с собой гавесь во отечество свое» (л. 76). Из контекста мы узнаем, что «гавесь» — это «труп» или «мертвое тело» королевны, которое королевич извлекает из гробницы и берет с собой в Италию. В словаре В. И. Даля есть ссылка на рязанское диалектное слово «гавезь» в значении «множество», «тьма», «пропасть» (Т. 1. С. 339), а у М. Фасмера находим слово «гаведь» в значении «дрянь», «мерзость»;⁵ ср. в польском языке — «gawiedź» в значении «паразиты», «сброд», «чернь», и в болгарском языке «гаведь» в значении «дикое животное». Здесь оба выражения — «тяртиги» и «гавесь» — свидетельствуют об исконных связях лексики повести с народной лексикой.

⁴ Испр., в ркп. ошибочно написано «оставиль».

⁵ *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка*. 2-е изд. М., 1986. Т.1: (А-Д). С. 379.

Весьма любопытно и употребление слова «езель» (по-немецки — «осел») по отношению к аптекарю, а именно: «И взял Флегонт те червонцы, поехал в аптеку, в которой улучил одного езея и просил его, дабы отпустил ему ядовитаго лекарства» (л. 70). Перед нами разговорный вульгаризм тех времен вряд ли свойственный Германии, но вполне возможный в России XVIII в. в жаргоне молодых дворянских повес.

Каким временем следует датировать Повесть о Георгии и Фларенте? Мы полагаем, что концом 1720-х гг. Ведь в повести подчеркивается могущество «ковалерской науки», что мы связываем со второй половиной 1725 г. и позднее, когда была образована практически императорская Российская Академия наук (по указу Петра Великого от 28. I. 1724). К этому же времени (1725—1727 гг.) мы относим и Повесть об Евграфе и Александре, может быть написанную тем же автором. Дальнейшему исследованию обеих повестей мы предполагаем посвятить специальную работу.

Из контекста новонайденной повести мы узнаем, что ее автор был начитан и весьма образован. Так, в ней говорится, что французский король весьма удивлялся искусству мастера, написавшего портрет Фларенты, «и не надеялся, чтоб кто скопировал ей патрет, понеже у Мартириалове тайне то мастер не может прибрать» (л. 64 об.) Смысл этой фразы в том, что французский король сомневается, может ли мастер постичь Мартириалову тайну, т. е. тайну происхождения рода человеческого, в том числе и этой ненаглядной красоты — королевны Фларенты. Стало быть, автор повести знал легенду из иранской зороастрийской мифологии о Мартиа и Мартианасе, супружеской паре, прародителях человечества.

Мы публикуем текст Повести о Георгии и Фларенте по рукописи Государственного Литературного музея, № 60, л. 63 об.—78 об. с орфографическими упрощениями, а именно: ѣ заменяется на е, ь и ъ в слабом положении на концах слов опускаются, ѣ заменяется на я, і на и; в квадратных скобках даются восстановленные нами при прочтении рукописи слова и буквы; все исправления оговариваются в подстрочных примечаниях.

об.

ГИСТОРИЯ О ФРАНЦУСКОЙ КОРОЛЕВНЕ ФЛАРЕНТЕ И О КОРОЛЕВИЧЕ ГЕОРГИИ ИТАЛИАНСКОМ, И О ПРОТЧИХ МАЛТИЙСКИХ КОВАЛЕРАХ

Когда французскаго короля супруга родила дочь, именем Фларенту, которая во младенчестве себя оказала красотою пребезмерною лица, и как увидел ея отец, говорил своя супруга: «Много

случилось видеть младенцов, токмо такового, как родился, первого вижу». Потом избрав в своем саду хорошее место, в котором приказал учинить каменный столп, и на нем постронть два покоя. И как оное устроено было, в которыхя определил быть его дочери⁶ Фларенте, и при ней определены были две девицы-мамки, которыхя в тех покоях и были. И как случилось быть одной Фларенте в летах юношеских, на что определена была при ней некоторая фрелина для обучения той королевны грамоте, музыки и танцевать. И как оная тому⁷ была обучена, которой случилось свою профессоршу спрашивать о-ее науке, где она сама обучилась. ||

л.

Которая ей объявила, что обучена некоторым квалером. Что слышав, Фларента просила ея, дабы показала своего учителя, от котораго желает болие обучится. Профессорша же об нем объявила, что его во Италии нету, но поехал во отечество свое. Между тем случилось итти от нея реченной мамке, которой надлежало быть у родителя Фларентина того ради, что тот день тезоименитство ея мамке, которою Фларента спрашивала, что куда она намерение имеет итти, которая объявила, что для поклонения родителя ея. Фларента же говорила: «Как родителя моего и родительницы не знаю или имеют гнев, что мне видеть себя недопущают, пожалуй, попроси моего родителя, дабы мне себя показал». Мамка же пошед объявила то своему государю, которой слыша о том радовался и приказал просить дочь свою в свои покои. Которая пришед убрала Фларенту и просила в родительевы покои, которыхя желают ея видеть. И как оная королевна пришла ко отцу своему и по должности отдать ему поклон хотела. Отец же ея не знает, что с нею говорить, видит такую лепоту дивовался, || и не надеялся, чтоб кто скопировал ей патрет, понеже у Мартириалове тайне то мастер не может приеврать. И как определи[ли]сь ей покои в близости своей спални, то паки просила Фларента свою профессоршу, дабы объявила своего учителя. Которая пошед просила его, чтоб он шел к королевне, и оны убравшись пошел. По приходе своем пред королевною играл многия канты и танцы. И она тому объявила, чтоб ея тем обучил. И как оны обучил, между тем скопировал ея патрет, которыхя смотря думал: «Аще бы имел в себе великую силу и обучение квалерския науки, то бы как мог отдать такую другому». И вздумал ехать в Малтию для той науки. Пришед к Фларенте говорил: «Милостивая государыня, вчерашнего числа имел получить из отечества моего письма, по которым велено мне явиться родителю моему и при отезде моем оставляю науки моей вам

л. 1
об.

⁶ Испр., в ркп. дочериин.

⁷ Испр., в ркп. туму.

книги, по которым изволите обучитца и без меня, а по возвращении моем экзамен от меня получите». Которыя взял от него книги, позволи ему ехать во отечество, которы и поехал по намерению в Малтию. ||

И потом вскоре случилось приехать во Францию Брандбургскаго государства королю Христоану, которы имел по завоеванию некоторых французских городов, со онаго французскаго короля брал данн в год по двести тысяч. И как случилось оному быть у французскаго короля и для его приездy учинени была виктория с пущечною палбою. И как случилось оным [быть]⁸ кушать, между тем приказал подносить дочери своей вотку. И когда она просила того Брандбургскаго короля, которы видн ея говорила бестыда: «Король французской, милостивы государь французскаго государства высочайши король, отросль сия семени вашего дабы был мне товарищем, за что вас готов причитать за отца моего, а завоеванные мною сколко у меня городов отдать во область твою». Которы слыша то ответствовал: «Милостивы государь, самим вам не безызвестно есть, что дочь моя в летех еще децких, а что же по воли твоей все учинить, с охотою моею всячески желаю». На что говорил король Брандбургской: «За приветство ваше покорнейше благодарствую, токмо прошу⁹ || мой перстень отдать моей невесте», при том же приказал учинить пущечную палбу, и веселились довольно. Потом говорил король Брандбургски, чтоб положить термин сочетанию брака на пять лет, а буде волею Божию сего света отидет, то в областню ево владеть Фларенте. И утвердили между собою контракт, и побыв мало во Францы поехал во отечество свое.

Учителю же Фларентену Диофесту случилось приехать в Малтию и обучитца у некотораго профессора, к тому же имел компанию со многими ковалерами. И как были собраны все малтискія ковалеры к тому профессору для экзамена некотором, ис тех ковалеру. И как оныя собрались в дом того профессора при том же и Диорест случился быть, и нечаянно ис кармана своего с платком-трафком выдернуть патрет Фларентин, которы други ковалер развернул показать прочим ковалерам. И дивовались таково лепоте, и говорили, чтоб то было когда живую видить случилось, на что и объявил Диорест: «Я имел честь видить тою госпожу живую и для нея || приехал в Малтию обучатца», то спрашивали его те ковалеры, в котором государстве тою красавицу случилось ему видить. И он объявил, что французская королевна, именем Фларен-

⁸ В ркп. это слово заключено в квадратные скобки.

⁹ В ркп. эти слова приведены дважды.

та. То они Диоресту объявили: «Поганаго семени рождения, как смел смотреть на такую персону, нежели тщится быть ей мужем, рекомендуем о тебе, меньшему от ученик наших, дабы венчался вместо ея концем своей шпаге». И менши от них ковалер обнажил свою шпагу, пришед к Диоресту, говорил: «Зри свою невесту, которая пред тобою яко молния сияет, и не умедля почтутся венчать». Больше ничего не говоря, и закол[ол] его на том месте, потом связав ево, и бросил того професора в погреб, в котором стояли напитки. По отшествии же экзамената те ковалеры между собою содержали косилум, чтоб ехать во Францию видить королевну Фларенту. И поехали, которых было числом 93 персоны. Професору же тому случилось спросить от своего казначея некоторых напитков, которы и пошел в тот погреб. И как вошел || и увидел того Диореста мертва, пришел в велики ужас, возвратясь донес о том своему господину. Которы думал о нем, что он закрылся в том погребе для напитков, от которых напився и здох, токмо приказал ево в нужник вбросить.

л. 6
об.

Потом как приехали преждереченныя ковалеры во Францию, и не спрашивая никого прямо в дом королевски, и стали все фронтотом и отдали честь королю французскому. Которы видя тех ковалеров, сумлевался, откуда таковыя ковалеры присланы и какой ради притчины. Однако те ковалеры; встав с своих лошадей, и пошли к королю в полаты. И как были у короля, которой их спрашивал, что суть притчина приезда их во Францею. На что ответствовали ковалеры: «Принудила нас быть в Франции дочь ваша Флоренто, которую желаем видить». То король пошел к дочери своей, и объявил о приезде тех ковалеров, которы желают ея видить. Флоренто же убравшись, и пошла к тем ковалерам. Будучи у них || просила их воткой. И как оныя увидели Фларенту, то один из них советовал, чтоб взять ее старшему, на что протчия все единогласно говорили, что из них не найдется ни старшего, ни младшего. Аще от дуделя кто оставшей явитца, быть тому поручаему. Королевна же на то объявила: «Дабы для меня того чинить не изволили и толикое число персон напрасно погибнуть не дерзали. Аще имеете между собою старшаго или младшего, ис тех надлежит учинить к тому достойным». Ковалеры же пакн ей объявили: «Милостивая государыня Флоренто: мы вси убо равны суть, токмо желаем положить термин», отдав королю и Фларенте поклон, поехали по своим квартирам.

л. 6

По отпущении же тех ковалеров король с супругой своей советовал, что аще от реченнаго дуделя оставши один явитца и возмет Фларенту, а когда уведает Брандебургский король, то оставшегося [нрзб] ковалера всячески победит даже от руки не неиз-

67. об. бегу [т]. А Фларента итти за него не желает, того ради, что он находится в летах || немолодых, к тому ж и потретом своим zelo пакостен, токмо Фларента советовали отцу своему, дабы его просил во Францию до дуеля тех ковалеров, которые всячески потчутся его победить. Что слышав король написал письмо и послал к тому Брандербургскому королю, который полѹча то письмо отпустил того курьера и приказал своему государю донести, что неукосня во Францию будет. И как тот курьер приехал во отечество свое, объявил королю предреченное, что слыша король послал к малтиским ковалерам и приказал их просить к себе. Которые по получении того приказа явились в дом того короля, спрашивали, какой ради притчины желал их видеть пред собою. Фларента же, как уведомилась о приходе тех ковалеров и услыша, что вопрошает отец ея, растворив двери вошла в ту палату. Ковалеры же оставя все разговоры смотрели на Фларенту, отдали ей комплемент. Королевна же стоя пред ними говорила: «Милостивыи государи, знатнейшия ковалеры! прошу вас || тяртиги свои отложить до другаго числа, понеже в вас имею нѹжду отринуть от меня смертны яд и не дать во владение мерско пакостноту». Ковалеры же на то объявили: «Милостивая государыня, по желанию вашему учинить сие готовы и ожидать будем, как вы, наша государыня, о том соблаговолите и о том». Оная королевна отдав им поклон, пошла в свою камору и ковалеры разошлись по своим квартирам. Потом вскоре приехал Брандербургский король и спрашивал до него. Что касаетца нѹжди от короля французскаго, которы ему ответствовал: «Милостивыи государь, от сердца моего желаю быть дочери моей в воле твоей, токмо из Малти приехали несколько ковалеров и просить твою невесту, а мою дочь. Того ради вас просил, дабы вами от них освобожден был». На что ответствовал ему тот Брандербургский король: «Давно ведает о имени моем все матийския ковалеры, что от руки моей никто может стоять. А что ж их хоть в несколько числом не было, то всех поражу под ногами любезнейшей Фларенты, а другие то себе в страх примут'и впредь нахалством || во Францию вступать не будут». Однако постигло ево 68. об. nocturnое время, то той король начевал в доме королевском. И наутрне встав вооружился. Королевна ж еще и с вечера дала знать ковалерам о приезде того короля. И ковалеры те все были того утра в собрании и приехав к спални Фларентиной отдали ей честь. И как уведомился Брандербургский король о приезде тех ковалеров, позабыл как и вотку кушать, вскоре вышел на двор, сел на своего аргамака и выехал противу тех неприятелей, которые увидев ево бросились все обще, яко множество псов напали на одного зайца, аки ветром прах развеяли, что никто не умел части собрать его корпуса, что видя Фларента, отворив окно смеялась, притом же и благодарна за такую ими показанное к ней милость.

Потом те ковалеры поехали на показанное место, где уреченно быть дүелью. И как выехали билсь между собой един противу другаго. И которые остались две персоны и от утомления более битвы не производили, токмо один говорил, чтоб ехать в свои квартиры и призвав доктора польоватца от многих и течщихся || на них ран, а по излечении выехать паки до дүеля и оставшему владеть Фларентю. Потом как приехали в свои квартиры просили хозяев, дабы ими сыскан был доктор для ползования их болезней, которые про просьбе той искали и нигде найтить не могли. С тем те ковалеры и остались.

А как тот дүель между ими происходил, при котором случилось быть некотораго күзнеца сыну ево, именов Флегонтү, котораго по отпущении с того места оставших двүх ковалеров и имеющихся при убитых ковалеров червонныя платки, часы и протчее обрал. К тому ж зделал себе убор богаты, и призвав к себе некою старүхү, много лет имеющюю, которая пищу имела мирским подаяннем, призвав ее к себе подарил ее пятью червонными, при том же приказовал, дабы пошла в квартиры тех ковалеров и объявила им об нем, что он доктор и херүхрическую науку знает в тонкость. Которая взяла те червонцы, пошла в квартиру || тех ковалеров. Пришед просила по знакомствү от тех хотя бы милостинны, потом же просила, чтоб позволили ей быть в их покое для согрения от стүжи, которые ей и приказали. И она вшед, сидела и притом спрашивала о болящем, кто он таковы и давно ли в той болезни находитца и кем пользуетца, на что ей ответствовала того дому хозьяка, что тот трудоваты—приезжей ковалер малтийский, и тою болезнию обдержим и многия дни, токмо никем не ползуетца, но ты ходишь по многим домам для милостыны и болие можешь знать докторов, и буди сыщишь, то оной ковалер наградить тебя может великим богатством. На что она ответствовала, что знает доктора такова, которой докторами оказателнүю болезнь исползовал чрез три дни. На что услышав той ковалер, призва ее к себе, просил, дабы того доктора призвала емү в помощь, за что ей подарила денег червонных, при том же обещал еще дать пятьдесят червонных. Которая пошед то объявила Флегонтү || мни[мо]мү докторү, что той || болящей желает его видить, чему радовался Флегонт. Вскоре приказал оседлать аргамака и поехал. И как был у того ковалера, написал емү латынским диалектом некоторою цыдүлү вместо рецепта, по которомү приказал взять лекарства из аптеки, токмо той ковалер просил ево, дабы он возымел труд — и взял то лекарство сам, и дал емү 100 червонных. И взяв Флегонт те червонны, поехал в аптеку, в которой үлучил одного езея и просил ево, дабы он отпүстил емү ядовитаго лекар-

ства, понеже он имеет охоту ловить зверей. Которой видит его, что в богатом убрании и при шпаге, мнил его офицером и поверя его офицы, отпустил того лекарства, за которое Флегонт заплатил ему 5 червонных, взяв и поехал обратно к тому ковалеру, и приехал, учинил то лекарство с канфектом и дал ему принять, от которого приема того же момента тот ковалер сего света отиде, то Флегонт закрыв его одеялом и вышед из той каморы, хозяевам приказал, дабы не разбудить того ковалера, понеже ему после приема лекарства надлежит || долгое время спать. Хозяева слыша тот приказ от мнимаго доктора и убоясь свирепости того ковалера, не токмо в близости той каморы в двери ходит, но из покоев тех, вышли в другие. Потом мало побыв в своей квартире, паки поехал к тому ковалеру, взяв с собой надежного челядника и покоевую коляску. И как приехал видит, что никого при том ковалере нет, и с челядником своим взяв его, вынес в коляску и весь его экипаж забрал, хозяевам же объявил, что когда он свободится от болезни, то что надлежало заплатить за постоялое — неукосня пришлет. И как его привес в свою квартиру, подписал на руке его вензель и, обождав ночи, приказал тому челяднику вывести к прочим ковалерам. Воутре же встал, надел на себя того ковалера латы, шелом и шпагу и пошел в квартиру другого ковалера. Пришед говорил: «Ну, брате, я ныне явился быть правым, более уже терпеть не буду», обнажил шпагу и заколол того ковалера.

71 Потом приказал приобщить к тем же ковалерам. ||

А сам пошел в дом королевски и явился королю и объявил о себе, что он от девяноста трех персон о[ди]нъ явился быть.

Король же его принял с великою честью и определись ему в своем доме особливые апартаменты. Поспешал же Флегонт вскоре быть сочетанию брака, токмо вскорости Фларентини родительница дух предаде, и после ее остались детей два сына малолетняя, и третья — Флорента. Которая мать ее погребли з достойною честью как надлежит королеву. По погребени же приказал родитель Флорентин устроить 92 гробницы, в которые приказал положить телеса умерших ковалеров и на гробницах подписать всякому их вензель, избрав высокую гору ве[ле]л учинить великий каменный амвон, на котором те гробницы и поставить и покрыть железною крышкою, которой над теми гробницами приказал поставить убрания золотом и серебром балдахинъ и средник его подписать патрет Флорентин, под которым положить || литеры сицевым образом:

Т.р.к.в.с.м.з.п.в.

«Толикня ради красоты волею смерти многыя знатнейшия персоны восприаи».

По окончании же того погребения и украшения амвона из Италлии приехал королевич Георгий на отмщение смерти брата своего, который был в компании с теми ковалеры. Приехал в дом королевский и просил того короля, дабы объявил, где положено тело убитаго брата его. К тому ж просил объявить победителя их, с которым желает ехать до дѣла на отмщение смерти брата своего. Король же, слышав то, пошел к Флегонтѹ и объявил ему выезд до дѣла, которой, хотя и не хотелось, однако, стыд свой закрывая, надел латы, шишак и уврался как надлежит ковалеру, выехал противу того королевича Георгия, то оны королевич, не давъ ему вынуть из ножен своей шпаги, || и отрубил ему голову купно с левою рукою. По победи той паки приехал к королю, благодарил его за показание того победителя. К тому ж еще просил, дабы позволено было взять тело брата своего для отвезения во отечество свое. Король же приказал ему взять и проводить из града церемонною. И как случилось быть королевичу на том месте, где стоит телеса ковалеров и увидя в балдахине патрет Фларентин, на которой смотря дивовался и говорил: «Конечно, надлежало таковым персонам за такую красоту и смерть принять». И думал ея мертвой с теми же ковалеры погребенной быть в той склеп, что патрет ея над гробницами поставлен, еще не зная, что она еще здравствует, токмо взяв тело брата и поехал во отечество свое. И по приезде погребение учинил с надлежащею церемонною. ||

л. 7

И по отпущении того королевича французский король вздумал женитца и взял галанского короля сестру, именем Доротею, которая усмотрела патчиерицу свою Фларенту, и думала об ней, что уже время ее быть в замужестве. По отпущении ж многих дней говорила супругу своему, что имеет она в отечестве своем сестры своей сына, за котораго советует отдать Фларенту, «понеже де не сын он мне и втораго колена, но и закону нашему-то не в противность будет». На что ответствовал ей король: «Во-первых, спрошу Фларенту, что она пожелает ли итти замуж», и пошел в ее спальню, говорил: «Любезнейшая Фларента! Богом данная всем мать изыскала жениха, хотя он и в свойстве находитца, токмо ничто в противность закону нашему быть может». На что ответствовала Фларента: «Милостивы государь-батюшка! Лутче изволь отдать за последних от ваших драбантов или учинить монашеское уединение, || а того греха понести не желаю, чтоб быть мне за собственником нашим». Болие ничего не говорил ей, пошел и [с] спальни и объявил супруге, что Фларента не мило себе к склонению являет. На что разгневалась королева, говорила: «Когда Фларента за племянником моим быть не желает, то и за другим

л. 7.
об.

л. 73

ни за кем не бывать, и препроводить девичество может до конца своей жизни».

А когда з Италии приезжал королевичъ Георгій для взятъя тела брата своего во отечество, котораго многократно случилось Флоренте его видить, он же Фларенттѹ нигде не видал, токмо случилось ему видить один патрет ея, которой был над балдахиней у гробниц ковалерских, и думал об ней, что ана с теми ж ковалерами в гробнице поставлена, то Фларента вздумала писать от себя во Италию королевичу Георгию, в котором ево просила. дабы ея не оставил. Аще не погнушается соблаговоли бы ея взять в жену, написала ж и послала с своим пажем почт директору || для отсылки во Италию. Которон взяв пошел, держа то письмо в руках. Королеве ж случилось стоять на перилах в близости Фларентинных сеней. Которая усмотря, что паж в руке несет письмо, взяв у него, читала и приказала ему за собой итти. Которой пришел за нею в ея спалню, и она то письмо у себя оставила. А своею рукою письмо написала в такой силе, чтоб вперед он во Францію не вступал, понеже-де уведомился король французски, что не брата своего тело взял, но под таким лукавством то чинил и хотел увести Фларенттѹ, думая ея быть живу, которая уже давно сего света отиде. «Как можно себя предостеречьни, король же французски со всяким почтением хочет тебя поведить, и я ж сожалея твоего здравие с сим уведомляю за печатью», и послала с тем пажем к почт директору. И как оное письмо каралевич Георгій получил, дивовался, что в бытность ево во Францыи в мысли того не находилось. Однако писала, когда он желает того, чтоб Фларентино тело положено было в Италии, и то учинят всячески почттѹся.

И хотел || ехать во Францію, однако постигла ево великая болезнь, в которой был долгое время. Королевна ж на посланное письмо ожидала известия, однако получить не могли, призвав к себе того пажа, который бысть послан с тем письмом, что отдано им то письмо для отсылки во Италию почт директору. Которой паж ей объявил: «Милостивая государыня, твое или нет свое письмо, толко отдано мною. Когда пошел с вашим письмом и, вышед в сени, держал в руке моей, которое усмотря королевна, взяв читала. Потом приказала мне итти за собою в свою спалню, где я ожидал долгое время и получил от нея такое ж письмо за печатью, которое отдал для посылки во Италию.» Королевна ж, ведая гнев мачихи своей, думала, что то письмо удержено ею, написав другое, послала с таким подтверждением, что «как оное письмо получил от тебя почт директор, ни малая мешкая со особливым куриером отправил». И как оное письмо отправлено было, о котором письме уведомилась мачиха Флорентина, и зная, что вскорости || Флорентѹте будет

день тезоименитства, приказала своей, фрелинне сделать сорочку Флоренте, которая и сделана была, токмо оная королева, мачиха ея, наполнина была злым еретичеством, которым учинила тое сорочку, что Флорента, когда наденит она ту сорочку, жива не будет. И как пришел день тезоименитства ея, то мачиха ее послала тое сорочку и приказала ей надеть. Флорента ж, как получила тое сорочку, вышел во особливую камору, и надела ту сорочку, то ни одного момента на том месте не стояла, и упала, и стала мертва.

И братья ж ея в долговременном разлучении не бывали при ней, хотя в сестра их ни один час куда отлучилась, оне от ней не отстают и в великой неразрывной любви находилсь, видят то, что сестра недолгое время нету, во прочих апартаментях искали и нечаянно зашли в тое камору. И как увидели сестру свою мертву, от малости сердечной едва мог говорить волшеб брат меньшему: || л. «Любезнейши брате! Как мы с сестрой нашей в великой горячности сердечной были и тое видим ея мертву, да вселимся с нею воедино вечное жилище», и обножили свои шпаги, себя закололи, от которых язве и жизни свои окончили. Что ж усмотрели фрелинны Флорентины, вскоре объявили родителю ея о смерти тех трех персон. Что слыша, отец их не толко сожелее о дву сынах, как о Фларенте, немного и той себя не умертвил. Однако приказал им учинить гробницы и поставил в редких между ковалерами гробницы.

Италиански ж королевич, когда получил письмо подлинное от Фларенты, радовался сердцем, забыв свою болезнь и намерение свое восприял с охотою ехать во Францию, взяв с собою многих персон ис ковалеров по прозве королевны Фларенты. И приехал во Францию, спрашивал от многих придворных служителей о королевне Флоренте, в каком здравии находитца. На что ему объявили, что Фларента давно уже сего света || отиде и положено тело на л. об. том месте, на котором ковалеры погребены, чему он не поверил, думая, что оне сказывают по запрещению лукавой королевы, обнажа свою шпагу, рубил всех.

Потом спознался от дому королевскаго камер-юнкаром, которого спрашивал паки о Фларенте, которой объявил то ж, которому и поверил, рва на себе власы, зарядя пистолет, хотел себя застрелить, но бывшие при том ковалеры до того не допустили. Однако Георгий находился в превеликой болезни. А как он занемог, то призвав к себе своих ковалеров, и приказал им ехать во отечество свое с таким подтверждением, чтоб объявили родителям о его болезни. При том же объявил: «Будн он от той болезни не свободитца и сего света отидит, а оставшего при нем пажа получают письмо, то в приезжали во Францию и учинили погребение в той Францции подле гробницы Фларентиной», отпусти ж и остался. || л. 7

И чрез несколько дней получил себе от своей болезни свободу и думал только принять прощение от тела Фларентина, уехать во отечество свое. Обождав ночного времени, пошел к тому амвону, взяв с собою пажу, котором приказал пред собою нести фонарь з горящею свещею. И как пришел к тому амвону, просил часового, дабы он допустил его видить тело Фларентино. Которой того по прошению не учинил.

Георги же не имел при себе никакого оружия, токмо от ярости и великаго сердца ухватил того часового за ноги и при нем стоящих протчих часовых бил до смерти. Потом отбил замок у гробницы Фларентиной, раскрыв смотрел ея персоню, и плакал неутешно. Однако не хотя оставил на том месте, взяв с собой гавес¹⁰ во отечество свое. И как случилось им быть во своем тракте, то говорила ему паж ево, что напрасно он везет то мертвое тело, за что он ухватил ево за волосы и бросил в некоторое озеро, которое в близости было, того || нхъ тракта.

76
об.

И как он приехал во Италию ночным временем тайно вошел в сады отеческии и поставил тое гробницу во <...>¹¹ ея, потом сел на своего аргамака и приехал в передни ворота и явился отцу своему, который радовался тому приездю. И как Георгий усмотрел, что родители ево опочивали, то он вышел в тот сад, взял гробницу и поставил в своей спалне, к родителям же своим никогда не ходил и всегда сидел над той гробницей и смотрел на Фларентю, от чего пришел в великою тонкость своего тела. Родители ж ево тому удивлялись, что сын их некуда не ходит, а о болезни своей не объявляет. Однако случилось быть день тезоименитства родителя Георгиева, то он пришел к спалню Георгиевой просил, дабы он для такаваго торжества шел в покои родителя своего, которой и обещал быть убравшись. И пришел к родителям по должности отдал им поклон. Отец же его просил, дабы он ехал для в встречи дяди своего, || которой убравшись и поехал. Родители его, как отпустили Георгия из дому своего, и пошли в спалню Георгиеву и видит, что спалня ево заперта, то приказали двери разбить, и вошли в спалню, в которой видит ту гробницу и в ней положенное мертвое тело, чему дивовалис и говорили: «Конечно, есть за что крушитца Георгию». Токмо разсуждали: «Сын наш, какая ис того ему привыль?» И взяв тое гробницу внесли в переднюю полатю, и видит на ней захватано рүками платье и сорочка, то по обещанию своему родительница Егоргиева хотела все на Фларенте переменить. И приказала ея из гробницы вынуть и платье все снять. И как сорочку с нея сняли, то Фларента стала быть жива, чему

¹⁰ В ркп. — гавесъ, в значении «труп».

¹¹ В ркп. неразборчиво, вроде — амбаръ.

все стоящих дивовались. Флорента ж тех всех предстоящих спрашивала, что где она обретается и чего ради так обножена, что ей ответствовали родительница Георгиева: «Моя государыня! вы в доме италийскаго короля и была в сей гробнице. А каким образом зделалася || тебе быть у нас, того не знаем, токмо наденемся, что известен о том сын наш, у котораго ты стояла в спальни, токмо желаю ведать о имени и чести твоей». И Флорента о себе объявила, что она королевна, французскаго короля дочь. А каким образом то над нею учинено, того она не знает. Что слыша, родительница Георгиева приказала принести свой убор новый и надеть на Флоренту. Которая убравшись, сидела в спальни у той королевы. Между тем приказали сыскать волхва, которой бы объявил им о том при спальне. И как тот волхв был сыскан и объявил, что Флоренте учинено то было ухищрением ея мачихи сорочкою. И взяла тое сорочку приказал бросить в огонь. Которая и брошена была, от которой все пламя обратилось в холод.

л. 7
об.

Потом вскоре приехал Георгий, и не ходя к родителям наперед в свою спальню пошел, || в которой не получил Флоренты, терзал себя немилостиво, о чем уведомилась ево родители и Флорента, и бросились к Георгию. И как он усмотрел Флоренту живу, радовался немало и того дня совокупился на ней браком и учинена была великая виктория. Потом опочивали.

л. 7

К родителю же Флорентину о уведомлении своего здравия, которое и отправили. И как той посланный привез те письма во Францию, у короля не получил, токмо королева взяла те письма, читала и паки учинила чрез свое еретичество два колца, и написала письмо, в котором благодарила за уведомление и послала, и тех писем супругу своему не объявила. И как привез то письмо, и колцы, которые не смела надеть, однако призвала того ж волхва, которые колцы предтворил в прах и просил позволения ехать во Францию, котораго и отпустила за кюрнера. И как оны приехал и короля не получил, токмо королеву, обратил во образ пса, которая стала бегать за тем волхвом и никуда не отстаёт, то он || присланные письма от Флоренты оставил на столе, а сам поехал во Италию. Приехав, объявил того пса и обратил во образе человека. Потом паки учинил псом и оставил при Флоренте.

л. 7
об.

Родитель же ея как усмотрел от дочери своей письма, вскоре поехал, а супругу свою искал, и думал, что пропала, надел черное платье. И как приехал во Италию, Флорента спрашивала его, чего ради он в черном платье. И он объявил, что для безвестной супруге. Она ж показала пса, что вот твоя супруга, и он осерчал думал ехать обратно, то волхв ему показал ее во образе человека и объявил ее действия. Потом повел ея на двор и дал нечто вкусить от руки своей ядовитаго зелья, от чего обратились яко дым и развеяло ветром. Отец же ея приказал область зятю своему Георгию, а сам при них остался. Конец.

В. Д. РАК

ОБ ОДНОМ РАННЕМ ПЕРЕВОДЕ ФОНВИЗИНА

Рассказ «Правосудный Юпитер», переведенный Д. И. Фонвизиним,¹ не привлекал внимания советских литературоведов, из которых только, кажется, К. В. Пигарев уделил ему несколько строк в своей фундаментальной монографии. Отметив, что это сочинение полностью соответствует «морально-дидактической тенденции» журнала «Полезное увеселение», ученый ограничился следующей характеристикой: «Источник перевода не установлен. В „Правосудном Юпитере“ осуждается ропот человека на божество и проводится мысль о том, что исполнение многих человеческих желаний вредит благополучию людей»². Г. П. Макогоненко считал рассказ, по-видимому, малозначительной вехой на творческом пути автора «Недоросля» и не включил его в двухтомное «Собрание сочинений» Фонвизина (1959), а позднее умолчал о нем в своей книге.³

Ныне подлинник «Правосудного Юпитера» найден: это рассказ «Der gerechtfertigte Jupiter» из сборника «Опыт нравоучительных повестей» немецкого писателя И. Г. Б. Пфейля (1732—1800).⁴

Как обычно, установление подлинника, источника и автора переводного произведения открывает новый угол зрения, под которым становится видно то, что скрывалось в густой тени. «Правосудный Юпитер» приобретает в этом ракурсе историко-литературное значение не столько даже как первое выступление в печати Фонви-

¹ Полезное увеселение. 1761. [Т. 4]. Ноябрь. № 19—20. С. 161—178.

² Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 53.

³ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин: Творческий путь. М.; Л., 1961.

⁴ [Pfeil J. G. B.]. Versuch in moralischen Erzählungen. Leipzig, 1757. S. 193—214; 2. Aufl. Leipzig, 1760. S. 193—214.

зина-студента, но более как начальный, почти вплотную примыкающий (что для XVIII в. было редким) к выходу немецкого сборника, этап растянувшейся на несколько десятилетий и давшей большое число переводов популярности в России произведений Пфейля. Ранее исходная точка этого процесса датировалась 1773 г. — изданием перевода повести «Похождения дикого американца» («Der Wilde»).

**ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ
СЕКТОРА ПО ИЗУЧЕНИЮ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА
ЗА 1986—1992 ГГ.**

Возобновляем ранее существовавший в серии сборников «XVIII век» (Сб. 3 и 4) раздел хроники заседаний Сектора по изучению русской литературы XVIII в. Указываются фамилии докладчиков, названия докладов или сообщений, дата выступления и сведения о позднейшей публикации.

1986

1. В. Д. Рак (С.-Петербург). К вопросу об издателе журнала «Смесь». 28. I. Гипотезы об издателе журнала «Смесь» // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 76—103.

2. Д. И. Белкин (Москва). «Письмо о китайском торге» А. Н. Радищева. 25. II.

3. Л. А. Федоровская (С.-Петербург). Разыскания по литературе XVIII в.: М. И. Попов. «Анюта»; М. В. Ломоносов — переводчик «Титова милосердия». 25. III. Вторая часть доклада, посвященная Ломоносову, опубликована в тезисах: Книга в России: век Просвещения. 4-я Всесоюзная научная конференция. Ленинград. 11—13 декабря 1990 г. Л., 1990. С. 19—20.

4. Н. П. Морозова (Череповец). «Мертвые души» Н. В. Гоголя и традиции русской литературы XVIII века (жанр поэмы). 24. IV. Материал доклада использован в публикации «Книга из библиотеки Гоголей: К вопросу об употреблении термина поэма в русской литературе» (XVIII век. Сб. 16. С. 251—255).

5. Б. А. Градова (С.-Петербург). Неизвестные сочинения А. Кантемира. 27. V.

6. Г. Д. Овчинников (Владимир). С. Ферельцт — автор «Путешествия критики». 21. X.—XVIII век. Сб. 16. С. 281—288.

1987

1. С. Е. Автухович (Гродно). Анонимный роман «Несчастный Никанор». (Проблема жанра). 31. III. — XVIII век. Л., 1991. Сб. 17. С. 73—87.

2. Ю. К. Безунов (С.-Петербург). «Повесть о Карпе Сутулове» — произведение русской литературы XVIII века. 29. IV. — Zeitschrift für Slawistik. 1988. Bd. 33. Hft. 6. S. 816—834.

3. П. Хоффман (Германия). Новые материалы о государственной службе А. Н. Радищева. 11. V.

4. К. Ю. Лаппо-Данилевский (С.-Петербург). К биографии Н. А. Львова 1770-х годов. 27. X. — Рус. литература. 1988. № 2. С. 135—142.

5. А. А. Софронова (Москва). Трагедокомедия Феофана Прокоповича «Владимир». 27. XI. — Рус. литература. 1989. № 3. С. 148—161.

1988

1. А. М. Панченко (С.-Петербург). «Смутное время» в изображении Карамзина и Пушкина. 26. I. — Карамзинский сборник (в печати).

2. Н. П. Морозова (Череповец). Из истории одной провинциальной библиотеки XVIII века (библиотека Башмаковых). 23. II. — Под заглавием «Библиотека Башмаковых-Верещагиных» публикуется в настоящем томе. С. 351—363.

3. К. И. Логачев, В. С. Соболев (С.-Петербург). «Описание Санкт-Петербурга А. И. Богданова и проблемы его общедоступного издания. 23. II.

4. Н. Д. Кочеткова (С.-Петербург). Кто был автором статьи «Чувствительность и причудливость»? 29. III — Под заглавием «Проблема „ложной чувствительности“ в литературе русского сентиментализма»: XVIII век. Сб. 17. С. 61—72.

5. С. И. Николаев (С.-Петербург). Пометы Тредиаковского на «Риторике» Ломоносова. 29. III. — Маргиналии русских писателей XVIII века (в печати).

6. А. И. Еременко (Кемерово). М. В. Ломоносов и традиции русской поэзии XVIII в. 24. IV.

7. Е. Д. Кукушкина (С.-Петербург). Четыре записки Г. Р. Державина к В. Н. Олину. 24. IV. — XVIII век. Сб. 17. С. 207—214.

8. В. В. Лапин (С.-Петербург). Гусары и гусарство в жизни и литературе. 31. V.

9. А. А. Зорин (Москва). «Московский журнал» (1797) М. Н. Муравьева. (Попытка реконструкции). 25. X.

10. В. Д. Рак (С.-Петербург). Петер Хольстен, библиотекарь британской фактории, и цикл «Краткие исторические известия» в Тобольском журнале. 29. XI. — XVIII век. Сб. 17. С. 88—122.

1989

1. С. Я. Карп (Москва). Э. Бёрк и Россия XVIIIв. (1790-е годы). 31. I.

2. Э. Н. Карпеев (С.-Петербург). Духовная поэзия Ломоносова: (К вопросу о его религиозных взглядах). 28. II.

3. Э. Д. Дроснева (Болгария). Россия в «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского. 28. II.

4. О. А. Яценко (С.-Петербург). Муравьев и Батюшков: Учитель и ученик. 28. III. — «И Просвещением стать с веком наравне». Сб. статей. СПб., 1992. С.

5. Э. Г. Кросс (Англия). О деятельности Группы по изучению русской литературы и культуры XVIII века в Англии. 20. IV.

6. Р. М. Лазарчук (Череповец). Из истории провинциального театра: Театр в Вологде. 30. V. — См. настоящий том. С. 156—171.

7. М. Шиппан (Германия). Работы исследователей ГДР по истории России XVIII в. 30. V.

8. В. А. Удовик (С.-Петербург). По радищевским местам. 30. V.

9. И. С. Шаркова (С.-Петербург). О русском переводе «Записок о Московитских делах» С. Герберштейна (1795). 31. X. — См. настоящий том. С. 343—350.

10. П. Е. Бухаркин (С.-Петербург). Тихон Задонский и русская культура. 26. XII.

1990

1. К. Ю. Лапто-Данилевский (С.-Петербург). Н. А. Львов и А. В. Тиньков — переводчики Петрарки. 30. I — Рус. литература. 1991. № 3. С. 68—75.

2. Н. П. Морозова (Череповец). Сентиментальные мотивы в повести Гоголя «Старосветские помещики»: (Гоголь и Карамзин). 30. I.

3. Н. Ю. Алексеева (С.-Петербург). «Читалагайские» оды Державина. 27. II. — См. настоящий том. С. 75—92.

4. В. А. Удовик (С.-Петербург). Об одном из писем Радищева. 27. II.

5. Е. А. Лямина, Е. Е. Пастернак (Москва). Списки мемуаров И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь». 27. III. — См. настоящий том. С. 369—375.

6. С. С. Бычков (Москва). А. Н. Радищев в оценке историков русской культуры и общественной мысли XIX—XX вв. 27. III.

7. М. Ди Сальво (Италия). Изучение русской литературы XVIII в. в Италии. 12. IV.

8. Т. Ньюлин (США). А. Т. Болотов и пастораль. 27. IV.

9. Т. А. Артемьева (С.-Петербург). Проблемы издания русских философских текстов XVIII века. 27. IV.

10. В. А. Западов (С.-Петербург). Был ли Радищев автором «Беседы о том, что есть сын отечества»? 29. V. — См. настоящий том. С. 131—155.

11. М. Левитт (США). Драма Сумарокова «Пустынник»: (К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма). 25. IX. — См. настоящий том. С. 59—74.

12. Дж. Мораччи (Италия). Комедия Екатерины II «О время!». 30. X.

13. Ст. Гардзонио (Италия). Об атрибуции стихотворений конца XVIII в. 30. X. — Часть сообщения публикуется в настоящем томе. С. 364—368.

14. А. А. Левинский (США). Панегирический аспект духовной лирики Державина. 27. XI.

15. В. П. Степанов (С.-Петербург). Диалог Сумарокова «Ирсинкус и Касандр». 27. XI. — См. настоящий том. С. 31—39.

1991

1. С. И. Николаев (С.-Петербург). О литературной культуре Петровской эпохи. 26. II. Под названием «Из литературной эстетики Петровского времени» печатается в настоящем томе. С. 218—229.

2. Л. Л. Альбина (С.-Петербург). Личная библиотека воспитателя Александра I Ф. С. де Лагарпа. 26. III.

3. Г. Хаммарберг (США). «Безделки» в прозе Карамзина как литературное новаторство. 26. IV.

4. В. А. Удовик (С.-Петербург). Портретная галерея А. Р. Воронцова. 26. IV.

5. Л. Росси (Италия). «Берновские письма» М. Н. Муравьева. 28. V. — XVIII век. Сб. 19 (в печати).

6. А. И. Воронцов-Дашков (США). К текстологии «Записок» Е. Р. Дашковой. 28. V.

7. И. Рейфман (США). Третьяковская в полемике «Арзамаса» и «Беседы любителей русского слова». 6. VI.

8. Е. А. Плосконенко (Харьков). Новое о судьбе «Недоросля» в конце XVIII — начале XIX века. 29. X. — XVIII век. Сб. 19 (в печати).

9. Л. Хьюз (Англия). Информация о работе английской группы по изучению русской культуры XVIII в. 29. X.

1992

1. К. Ю. Лапто-Данилевский (С.-Петербург). Итальянский дневник Н. А. Львова 1781 г. 25. II.

2. А. Н. Розов (С.-Петербург). Русская народная песня в печатных сборниках XVIII в. 28. IV.

3. С. М. Шаврыгин (Симбирск). Информация о Карамзинской конференции в Ульяновске. 28. IV.

4. Дж. Харрис (США). Первая державинская ода Екатерине II. 21. V. — XVIII век. Сб. 19 (в печати).

5. Н. П. Морозова (Череповец). Библиотека Батюшковых XVIII—начала XIX века. 26. V.

6. С. И. Николаев (С.-Петербург). Рылеев и Ломоносов. 26. V.

7. Р. М. Лазарчук (Череповец). Муравьев и Вологда. 29. X.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека России Академии наук.

ГБЛ — Государственная библиотека имени В. И. Ленина, ныне Государственная Российская библиотека.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ныне Национальная Российская библиотека.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

ЛОИИ — Ленинградское (ныне Петербургское) отделение истории Российской Академии наук.

МОИДР — Московское общество истории и древностей российских.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ПСРА — Полное собрание русских летописей.

ТОДРА — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив, ныне Российский государственный исторический архив.

ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аблесимов А. О. 109, 171
 Абрамов Е. М. 100, 279, 297
 Аввакум, протопоп 112, 219
 Августин (Блаженный) 73
 Авдеев, служащий канцелярии 157
 Авраамий, инок 219
 Авраамий (Палицын А. И.) 376—382
 Аделунг Ф. 343, 344, 346, 363
 Аддисон Дж. 231, 257
 Адрианова-Перетц В. П. 63, 377
 Александр I, имп. России 186, 207, 273, 297, 352, 403
 Александр Македонский 33, 88, 89, 239, 243
 Александр VI, Римский папа 346
 Алексеев П. А. 51
 Алексеева Н. Ю. 402
 Алексей св. 63
 Алексей Михайлович, русский царь 222, 352, 377, 379
 Алкивиад 251, 258
 Алпатов М. А. 205, 343
 Альбина Л. Л. 403
 Альфред Великий, английский король 260
 Альшиц Д. Н. 4
 Аммон 36
 Анастасия Федоровна, настоятельница Новодевичьего монастыря 227
 Андреев А. И. 377
 Андрей, слуга Г. Р. Державина 283
 Анонимов И. 346
 Ансом Л. 164
 Антонида Даниловна, игуменья Новодевичьего монастыря 227
 Антоновский М. И. 138, 143, 151
 Аполлос (Байбаков А.) 33, 34
 Аракчеев А. А. 277, 290, 297
 Арапов Н. П. 94
 Арапов П. 101
 д'Аржан Ж.-Б. Буайе де 335—342
 Аристипп 244
 Аристотель 154
 д'Арно Бакюлар Ф. -Т. -М. де 231, 236, 237, 238, 240, 248, 258—261
 Арсений (Верещагин В. И.) 36
 Арсеньев, автор сатир 109
 Артемьева Т. А. 402
 Ауслендер С. 367
 Афанасьев А. Н. 126
 Бабкин Д. С. 134, 137, 138, 151
 Бакмейстер Л. И. 344, 346—349
 Бакунин А. М. 297
 Бантыш-Каменский Д. Н. 297
 Бантыш-Каменский Н. Н. 7, 30, Барак Л. Г. 92

- Барков И. С. 155
 Барсов А. А. 28, 38
 Барсуков Н. П. 11
 Батурин П. С. 118, 120
 Батюшков К. Н. 401
 Батюшковы 403
 Баумейстер Ф. Х. 36
 Бахтин И. И. 280, 297
 Башмаков А. П. 352, 353, 359, 361—363
 Башмаков П. А. 353, 354, 357, 359, 360, 361,
 Башмакова Е. 352
 Башмакова Н. А. см. Верещагина Н. А.
 Башмаковы 352, 353, 356, 401
 Бегунов Ю. К. 383, 400
 Безбородко А. А. 274
 Бейтель К. Г. 269, 296
 Беккер В. Г. 241
 Белинский В. Г. 60
 Белкин Д. И. 400
 Белобоцкий Я. А. (Бялобоцкий) 220, 227
 Беловод, участник похода Игоря Святославича 13
 Беранже Л.-П. 240, 251
 Берк Э. 401
 Берков П. Н. 32, 33, 46, 59, 61, 64, 78, 95, 96, 101, 103, 105, 106, 108, 118
 133—135, 141, 144, 151, 164, 225, 313, 314, 320, 322—324
 Бернарден де Сен-Пьер Ж.-П. 179, 180, 231, 251
 Берни Ф. И. де 258
 Бибииков А. И. 77, 78, 80, 85, 373
 Бирон 249
 Благодаров Я. И. 233, 237
 Благой Д. Д. 144
 Бобров С. 143, 179
 Богданов А. И. 113, 401
 Богданович И. Ф. 120, 122
 Болотов А. Т. 402
 Болтин И. Н. 15—17, 19, 24, 29, 344
 Бомарше П.-О.-К. де 60
 Бонне Ш. 187—199, 202
 Бонган М.-Ж. 241, 260
 Борис Всеславич, кн. полоцкий 21, 26
 Борис Вячеславич, кн. смоленский 21
 Борис Годунов, русский царь 379, 381
 Бороздин К. М. 266
 Бороздина П. Н. (см. Львова П. Н.)
 Бортников П. 168
 Бочаров Г. 160, 168
 Брайдон П. 240
 Брайко Г. А. 116
 Браницкая А. В. (Энгельгардт А. В.) 270, 296
 Брикер Ла Димери де 242
 Брюль Г. 81
 Брячислав Изяславич, кн. полоцкий 26
 Буало-Депрео Н. 40, 41, 43—58, 83, 225
 Будири Д. И. 363
 Булгаков Я. И. 296, 350
 Булич Н. Н. 79
 Бутурлин Д. П. 100
 Бухаркин П. Е. 402
 Быстреева, актриса 100, 101
 Бычков С. С. 402
 Валагин А. П. 134
 Валериани Д. 164
 Валк С. Н. 12, 25
 Валь А. 259
 Ваншенкин К. 155
 Варнеке Б. В. 94
 Василий Димитриевич, вел. кн.

- владимирский и московский 5
 Василий III Иванович, вел. кн. московский 346
 Василий IV Иванович (Шуйский), русский царь 379, 380
 Вейсе Х. Ф. 173
 Вейтбрехт 142, 346, 363
 Верещагин Алр. В. 351—353
 Верещагин Алекс. В. 354, 355, 357, 363
 Верещагин В. В., художник 351, 352, 354, 355
 Верещагин В. В. 354, 355
 Верещагин К. Н. 351
 Верещагина А. В. 354, 355, 360, 363
 Верещагина А. В. 354, 355, 360
 Верещагина Н. А. (Башмакова Н. А.) 353, 354
 Верещагина С. В. 354, 355
 Верещагины 352, 354, 356, 401
 Вергилий Публий Марон 56, 172, 198
 Верн Люз Ф. де 234, 237, 255, 256, 258
 Вернон 341
 Ветлицына И. М. 96, 98
 Викфор, переводчик 337
 Виланд К. М. 193, 354, 363
 Винкельман И. Г. 239, 248
 Виноградов Н. Д. 210
 Винтер И. И. 170
 Владимир Владимирович (Володарич), кн. галицкий 22, 23
 Владимир II Всеволодович Мономах, кн. черниговский, переяславский, вел. кн. киевский 27
 Владимир Игоревич, кн. северско-путивальский, вел. кн. киевский 9, 12, 15, 23, 26
 Владимир I Святославич, вел. кн. киевский 8, 22, 68
 Владимир Ярославич, кн. галицкий 24
 Владислав IV, король польский, кн. литовский 378
 Владиславлев В. Ф. 36, 37
 Воейков А. Ф. 185
 Воейков А. В. 263, 276
 Воейкова В. Н. см. Львова В. Н.
 Волков Ф. Г. 32, 62
 Волков М. 100, 101
 Вольман В. 365, 366
 Вольтер Ф.-М. Аруэ 60, 62, 81, 82, 116, 332, 339, 366
 Воробьев Я. С. 100, 101
 Воронцов А. Р. 100, 110, 403
 Воронцов-Дашков А. И. 403
 Всеволод Ольгович, кн. черниговский, вел. кн. киевский 16
 Всеволод Святославич, кн. курско-трубчевский 9, 13, 15, 16
 Всеволодский-Гернгросс В. С. 59, 63, 95, 101
 Всеслав Борисович, кн. 21
 Всеслав Брючиславич, кн. полоцкий 26
 Всеслав Изяславич, кн. 26
 Всеславичи 8
 Выголов В. 160, 168
 Вышеславцев М. М. 231, 232, 235, 240, 257—261
 Вяземский А. А. 357
 Вяземский П. А. 57, 58, 207, 369, 370, 372, 373
 Вяземский П. П. 325
 Гавриил Бужинский 226
 Гавриил (Петров, Шапошников П. П.) 36—38
 Гаврилова Л. М. 7
 Гагарин П. С. 250—252
 Галицкий 270
 Гардер Х. Б. 59, 175, 178
 Гардзонио Ст. 402
 Гартиг Ф. А. 258, 261

- Гваньини А. 344
 Гвиччардини Фр. 214
 Гейне Х. А. (Heine Ch. L.) 259
 Гейнекуй 36
 Геллерт Х. Ф. 244, 253, 307—310
 Гельвеций К.-А. 198—200
 Геннади Г. Н. 346
 Герберштейн С. 343—350, 402
 Герострат 33
 Герсренберг И. 365
 Геснер С. 172, 172, 181, 242, 250
 Гза, половецкий хан 13
 Гиббон Э. 203—205
 Гибо Ю. 240
 Гизеке А. 241
 Гилбук, половецкий воевода 13
 Гинзбург А. Я. 317
 Глеб Всеславич, кн. минский 26
 Глейм И. В. 245, 247
 Глинка М. И. 95
 Глинка Н. И. 262
 Гоголь Н. В. 321, 400, 402
 Годвин У. 354, 358
 Годунов Д. И. 380
 Годунов С. Н. 380
 Гозенпуд А. А. 95
 Голдсмит О. 116
 Голицын Д. М. 377
 Гольбах П. 198, 199
 Гольберг А. 164
 Гомер 198
 Гораций Флакк, Квинт 43, 51, 56, 90, 91, 208, 225, 250, 252
 Горский П. И. 157, 159, 160
 Горчаков Д. П. 108, 109
 Гостомысл 8
 Готлоб Г. Х. 2456
 Готшед И. Х. 52
 Градова Б. А. 377, 400
 Граувольф Фр. 246
 Грей Т. (Gray Th.) 246
 Грессе А. 82, 83
 Грибоедов А. С. 42, 53
 Григорий Отрепьев (Лжедмитрий I) 380
 Гринберг М. С. 42
 Грот Я. К. 75, 76—80, 87, 126, 127, 262, 263, 266, 305, 341
 Гуковский Г. А. 32—34, 44, 47, 59, 65, 75, 103, 132, 135, 155
 Гюнтер И. Х. 45
 Давыд Ольгович, кн. черниговский 29
 Давыд Ростиславич, кн. смоленский и вышгородский 22
 Давыдовичи 16
 Даль В. И. 106, 107
 Даль Г. Ю. 139
 Дамаскин (Семенов-Руднев Д.) 118
 Дандало Г. 115
 Данилевский Р. Ю. 172, 177, 184, 260
 Дашков В. А. 324, 325
 Дашкова Е. Р. 113, 115, 116, 119, 121—124, 126, 129, 346, 403
 Девир, полицмейстер 341
 Делиль Ж. 174
 Дельвиг А. А. 128
 Дементьев Э. Г. 356
 Державин Г. Р. 75—80, 82, 85—92, 96, 100, 107, 108, 115, 116, 120, 122, 126—130, 136, 155, 173, 262—297, 365, 368—370, 373, 402
 Державина Д. А. 264—266, 274, 277—279, 281—297
 Державина О. А. 377, 378
 Державины 266,
 Детуш Ф. 60
 Дефо Д. 353, 354, 357

- Дефонтен П. Ф. Г. 60
 Джовио Дж. 344, 349
 Джонсон С. 239, 243, 252
 Ди Сальво М. 402
 Дидро Д. 60, 240, 357
 Димитрий Донской, вел. кн. московский 28
 Димитрий Палеолог 323
 Димитрий Ростовский 62, 220—223, 228
 Дитмар Ф. 365
 Дмитриев И. И. 57, 76, 127, 205, 206, 264, 366, 369—375, 402
 Дмитриев М. А. 369—375
 Дмитриев Л. А. 19, 29, 30
 Дмитриев Н. 303
 Дмитриевский И. А. 101
 Добровский Й. 6
 Доброгорский М. 143
 Добролюбов Н. А. 116, 345, 350
 Домашнев С. Г. 84
 Достоевский Ф. М. 319, 321
 Дризен Н. В. 94
 Дроснева Э. Д. 401
 Дурново Н. Н. 219
 Дьяков Н. А. 297
 Дьякова А. Н. 274, 276, 285, 287

 Евгений (Болховитинов Е. А.) 57, 291, 297
 Евфимий Чудовский 219
 Едигей, татарский темник 5
 Екатерина II, имп. России 3—30, 69, 76, 77, 102, 110, 121—124, 126, 144, 262, 266, 270, 271, 275, 299—301, 303—312, 345—350, 371, 402, 403
 Елагин И. П. 12, 15—17, 19, 24, 29, 45, 49—55, 108, 300, 305, 306, 310
 Елизавета Алексеевна, имп. России 297
 Елизавета Петровна, имп. России 309, 310
 Ельчанинов Б. Е. 306, 314—317
 Енин Г. П. 376
 Еременко Л. И. 401
 Ермолин Е. А. 167
 Евфросинья Ярославна, кн. 23, 24, 26, 27

 Жанлис С.-Ф. де 354, 355, 358
 Жарков И. А. 379
 Жихарев С. П. 368
 Жуковский В. А. 185, 187, 190, 194—202, 206, 350
 Журавлев, актер 170

 Заборов П. Р. 332
 Закруткин Р. А. 133, 134
 Западов В. А. 91, 136, 151, 402
 Засецкий А. А. 166
 Золин (Залин) С. 101
 Зорин А. Л. 263, 401
 Зубов П. А. 348
 Зюзин А. Р. 160, 166

 Иван Поборский см. Иоанн Поборский
 Иван III Васильевич, государь всея Руси 15
 Иван IV Васильевич, русский царь 5, 377, 379
 Иванов И. 102
 Иванов Т. С. 159, 165—167
 Игорь Рюрикович, кн. 11
 Игорь Ольгович, кн. черниговский, вел. кн. киевский 8, 16, 18
 Игорь Святославич, кн. новгород-северский 9—16, 18, 21, 23—27, 29, 30
 Измайлов В. В. 184, 185
 Изяслав Василькович, кн. полоцкий 23

- Изяслав Глебович, кн. полоцкий 26
 Изяслав Игоревич, кн. 26
 Изяслав Мстиславич, кн. владими-
 ро-волынский и переяслав-
 ский, вел. кн. киевский 16
 Иконников В. С. 5, 7
 Икосов П. 143
 Иоанн Максимович 220—223,
 228, 229
 Иоанн Никитин 219
 Иоанн Поборский, священник
 228
 Ионин Г. Н. 76
 Иосиф II, имп. 72
 Исаакий Хмарной 63
- Кабур 242
 Кампе И. 240, 249, 255, 256,
 354, 355, 357, 361
 Камушков Л. 100, 101
 Кант И. 193, 207
 Кантемир А. Д. 40, 49, 144, 225,
 229
 Канунова Ф. З. 194, 198, 199,
 201, 206
 Капнист А. В.
 Капнист В. В. 58, 100, 108—
 110, 116, 127, 144,
 Каппнист П. В. 270
 Капнист С. В. 277—280, 288,
 289, 291, 293, 297
 Капнист С. В. (Скалон С. В.)
 263, 296
 Карамзин Н. М. 6, 29, 30, 57,
 173, 175—179, 182—197, 200—
 217, 259, 366, 370, 372, 401—
 403
 Карин Ф. Г. 108
 Карл XII, шведский король 339
 Карманов Д. И. 35—39
 Карп С. Я. 401
 Карпеев Э. Н. 401
- Касаткина Е. А. 63
 Кацпржак Е. И. 332
 Каченовский М. Т. 212
 Кашкин Е. П. 157, 158
 Келдыш Ю. В. 96—98, 100
 Квин (Quin), актер 239
 Клейст Е. Х. 196
 Клеопатра 239
 Клепиков С. А. 324325
 Клосс Б. М. 377
 Клушин А. И. 168
 Ключевский В. Д. 7
 Княжнин Я. Б. 103, 108, 115,
 116, 171, 370
 Князькова Г. П. 105
 Коет П. 228
 Кожевников А. П. 264, 290
 Кожевникова А. П. 264, 282,
 283, 288, 297
 Кожевникова 295
 Кожевниковы 297
 Козицкий Г. В. 8, 39
 Козодавлев О. П. 117, 119
 Козлов В. П. 15, 17, 18, 28, 346
 Козловский Ф. А. 76
 Кокорев А. В. 134
 Колосов В. 36, 37
 Колосова Е. В. 378
 Комарович В. Л. 376
 Кондильяк Э. Б. 198, 201
 Кондратий, слуга Г. Р. Держави-
 на 286
 Кондратович К. А. 113, 115, 345
 Константин XI, Палеолог, сын
 византийского имп. Мануила II
 323
 Константин Ярославич, кн. га-
 лицкий 24
 Кончак, половецкий хан 13, 14
 Кончаковна, дочь Кончака 15
 Кордт В. 343
 Коренев Д. М. 165, 166
 Корецкий В. И. 376—381

- Корнель П. 62, 357
 Кортен 331
 Костина Е. М. 164
 Кох И. 233
 Коцебу А. Ф. Ф. 358
 Кочеткова Н. Д. 118, 179, 191, 259, 401
 Кошелев В. 171
 Кранмер, архиепископ 247
 Крашенинников С. П. 37
 Крбец М. М. 6
 Крекшин П. Н. 5
 Крестинин В. В. 376
 Кречетов Ф. В. 139, 140
 Кросс А. Г. 173, 175, 182, 203
 Крутицкий А. В. 100, 101
 Крылов И. А. 38, 53, 108, 144, 171, 266, 342
 Крылов, актер 170
 Кряжев В. 242, 243, 257, 363
 Кузмин М. 367
 Кузьмина В. Д. 34
 Кукушкина Е. Д. 93, 97, 401
 Кулакова А. И. 108, 134, 151
 Куник А. А. 43
 Куракин Б. И. 341
 Курбский А. М. 381
 Кутузов А. М. 132, 133, 151
 Кучкин В. А. 17
 Кушева Е. Н. 379

 Лавер, половецкий воин 14
 Лагарп Ж.-Ф. 200
 Лазарович 272
 Лазарчук Р. М. 156, 166, 402
 Лазарь (Баранович) 222
 Ламберт 355
 Ламотт А.-У. 8
 Лапин В. В. 401
 Лаплас П. 354
 Ла Порт Ж. де 296
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 400, 402
 Лаух А. 344, 348
 Лафатер И. К. 191—193, 195, 201
 Лафонтен Ж.-Л. де 209
 Лебедев А. К. 354
 Леблэр-Лебэф 262
 Левенгаген И. М. 162
 Левин Ю. Д. 237—239, 241—243, 246, 247, 251, 252, 257, 354, 260, 261
 Левитт М. 402
 Левицкий А. 69, 402
 Лейбниц Г. В. 189, 191, 192, 195, 198
 Лепехин И. И. 118
 Лермонтов М. Ю. 145
 Лессинг Г. Е. 244, 255
 Лжедмитрий I см. Григорий Отрепьев
 Лилло Дж. 60
 Лимонов Ю. А. 343
 Лихачев Д. С. 20, 2 174, 219, 220
 Лихачев 370
 Лихтвер М. Г. 245, 252
 Лобанов П. В. 157
 Лобода А. М. 94
 Логачев К. И. 401
 Локк Дж. 191, 195, 197, 201, 359
 Ломон 363
 Ломоносов М. В. 40, 41, 45—49, 51—55, 75, 86—89, 91, 113—115, 117, 119, 126, 128, 129, 176, 229, 344, 400, 401, 403
 Лонгинов М. Н. 72, 304, 375
 Лопухин А. В. 250, 251, 255, 256, 261
 Лопухин И. В. 151
 Лотман Ю. М. 132—135, 137, 176—179, 191, 203, 213
 Лубьянович К. 143
 Лудольф И. 228

- Лузянина Л. Н. 203, 204, 212
 Лукин В. И. 56, 108, 306, 314—318
 Лункевич В. В. 195
 Луцевич Л. 69
 Людвиг Фердинанд, принц прусский 276, 277, 297
 Львов А. А. 291, 294
 Львов Г. Ф. 279, 297
 Львов И.Ф. 365
 Львов Н. А. 90, 93—100, 102—110, 263, 297, 400, 402, 403
 Львов Ф. П. 263, 268
 Львова В. Н. (Воейкова В. Н.) 263
 Львова Е. Н. 262, 263, 265, 297
 Львова П. Н. (Бороздина П. Н.) 262—264, 266—296
 Льюис М. 354
 Лямина Е. А. 402
- Мабли Г.-Б. 204, 207, 209
 Майков В. И. 80, 84, 93
 Майков Л.Н. 168, 216
 Макарий (Петрович) 36
 Макарий, митрополит 377
 Макферсон Дж. 246, 247
 Макогоненко Г. П. 134, 208, 364, 365, 398
 Максим Фомич (Федорович) 286, 297
 Максимович Л. М. 368
 Малейн А. И. 343, 344
 Маладсами Ж. 239
 Малерб Ф. де 45
 Малиновский А. Ф. 17, 30
 Мальбранш Н. 191
 Мальшанский А. П. 349, 350
 Мардарий (Хоников) 219
 Маржере Я. 344
 Марк Аврелий 273
 Мармонтель Ж.-Ф. 93, 239, 249, 250, 354, 355, 360
- Мартини Дж. П. 367
 Маслов В. И. 247
 Матвеев А. А. 341
 Мезенцев П. Ф. 157—161, 167
 Мейснер А. Г. 231, 235, 237, 238, 240, 247, 249—252, 256, 257, 259, 260
 Мейснер И. К. 137
 Мельгунов А. П. 156, 157, 159—161, 165—168
 Мельгунова Е. 160
 Мендельсон М. 191
 Мерсье Л. —С. 117, 237, 250
 Метастазιο П. 367, 368
 Мещерякова Н. М. 204
 Миллер О. Ф. 303
 Миллер Г. Ф. 25, 376
 Мильтон Дж. 198, 360
 Митрофанов С. М. 96, 97
 Михаил Федорович, русский царь 7, 8, 377, 378
 Михайловский Н. М. 156
 Мицкевич А. 58
 Модзалевский Б. А. 120
 Модзалевский Л. Б. 46
 Моисеева Г. Н. 6, 17, 18, 28, 59, 60, 345, 347
 Мольер П.-Б. 164
 Монсиньи П.-А. 157, 158
 Монтегю М. А. 247
 Монтень М. 88, 360
 Монтескье Ш.-Л. 353, 360
 Мораччи Дж. 402
 Морозов И. Г. 347
 Морозов А. А. 67
 Морозов И. 118
 Морозова Г. В. 225
 Морозова Н. П. 400—403
 Мочульский В. Н. 94
 Мстислав Владимирович Великий, вел. кн. киевский 29
 Мур Э. 242, 251
 Муравьев М. Н. 36, 55, 56, 120,

- 126, 206, 401, 403
 Мурзакевич Н. 348
 Мусин-Пушкин А. А. 283
 Мусин-Пушкин А. И. 3, 5, 11,
 15—17, 19—21, 24, 27-30
- Назаренко А. В. 343
 Наполеон I (Бонапарт), имп.
 Франции 272
 Нарский И. С. 210
 Нартов А. К. 341
 Нарышкин Л. А. 122
 Наталия Кирилловна, русская
 царица 227
 Невзоров М. И. 181
 Невиль Ф. де ла 340
 Некрасов С. М. 118, 119
 Нестор 21
 Неустроев А. Н. 366
 Нивернуа Л. Ж. 250
 Никитин Иоанн см. Иоанн Ни-
 китин
 Николаев В. 325
 Николаев С. И. 218, 345, 401,
 403
 Николев Н. П. 93, 105, 108
 Нилов Л. А. 279
 Новиков Н. И. 8, 18, 31, 32, 37,
 38, 57, 138,
 144, 151, 172, 187, 302, 304,
 3066, 318, 323, 349
 Новер Ж.-Ж. 238
 Нодье Ш. 88
 Ньюлин Т. 402
 Ньютон И. 198, 199, 261
- Овидий Назон, Публий 224
 Овчинников, купец 304
 Овчинников Г. Д. 400
 Олеарий А. 337, 340
 Олег, кн. киевский 11, 24
 Олег Святославич (Гориславич),
 кн. черниговский 16, 18, 21, 24,
 29
 Олег Ярославич, кн. 24
 д'Оливе П. Ж. Тулье 323
 Олин В. Н. 401
 Ольга (Елена) Юрьевна, кн. га-
 лицкая 24, 25
- Ольговичи 8, 18, 26, 29
 Осипов Н. 250
 Оскольд, кн. 11,
 Остолопов Н. Ф. 79, 368
- Павел Йовий Новокамский 343
 Павел, Апостол 73
 Павел I, имп. России 73, 185,
 262, 272 370
 Павлова Ж. К. 4
 Паизиелло Дж. 367
 Паисий Хилендарский 401
 Панин Н. И. 108
 Панофски Э. (Panofsky E.) 174
 Панченко А. М. 72, 218, 219,
 221, 223, 401
 Парнел Т. 241, 255
 Паскаль Б. 62
 Пастернак Е. Е. 402
 Патуйе Ж. 59, 60
 Паузе И. В. 220, 225
 Пекарский П. П. 3, 4, 18, 29,
 48, 220, 223, 226, 376, 377
 Перетц В. Н. 220, 225
 Песков А. М. 41, 44, 48, 50, 53,
 57, 58, 375
 Петр (Могила) 68
 Петр I Великий, имп. России 68,
 121, 218, 335, 338, 339, 341,
 342
 Петр III, имп. России (вел. кн.
 Петр Федорович) 271, 272, 310,
 311
 Петр Федорович см. Петр III
 Петрарка Фр. 402
 Петров, переводчик 347

Петров В. П. 92, 370, 371
Петровская И. Ф. 169
Пештич С. А. 7, 11, 25, 212, 213
Пигарев К. В. 318, 398, 399
Пиньотти Л. (Pignotti L.) 251
Пискатор Н. 219
Пищчевич А. С. 185
Плавильщиков В. 304
Платон 184, 207
Платон (Левшин П. Е.) 36, 38, 72, 73
Плосконенко Е. А. 403
Плюшар А. А. 362
Погодин М. П. 373
Подшивалов А. 248—250, 253, 256
Подшивалов В. С. 180, 231, 235, 246, 247, 249, 250, 252—257
Пожарский Д. М. 380
Поликарпов (Орлов) Ф. П. 228
Полосин И. И. 377
Помфрет Дж. 257
Понятовский П. 355
Поп А. 261, 323, 354, 361
Попкова А. Н. 169, 170
Попов В. С. 28, 29, 348
Попов М. И. 93, 368, 400
Попов Н. 185
Поповский Н. Н. 47
Поспелов Г. Н. 41, 57
Поссевино А. 344
Потемкин Г. А. 78, 264, 270, 296
Прадон Н. 50
Прасковья Федоровна, русская царица 227
Прач И. 94
Прево А. Ф. 327, 361
Привалова Е. П. 34, 35
Приклонский В. А. 169
Пронштейн А. П. 376, 377
Протопопов В. М. 248
Прохоров Олстин Олестич 9

Пугачев Е. И. 77, 371
Пумпянский Л. В. 91
Пуссен Н. 174
Путятин В. В. 298
Путятин Е. И. 294, 298
Пуфендорф С. 226
Пушкарев Л. Н. 376
Пушкин А. С. 56, 58, 128, 144, 155, 401
Пфейль И. Г. Б. 398, 399
Пфэффель Г. К. 243
Пыпин А. Н. 7, 325
Рабенер Г. В. 248
Рабинович А. С. 94, 95
Радищев А. Н. 104, 131—155, 400, 402
Радищев П. А. 135
Радклиф А. 354, 361
Разумовская М. В. 337, 342
Разумовские 270
Разумовский К. Г. 6, 114
Рак В. Д. 169, 234, 400, 401
Расин Ж.-Б. 45, 50, 53, 62
Рахманов (Рохманов) С. 101
Резанов В. И. 61, 196
Рейналь Г. 353
Рейрак Ф.-Ф.-Л. 241
Рейфман И. 403
Реморова Н. Б. 195
Рисс 363
Ричардсон С. 322, 324, 327, 330, 332—334, 362
Робертсон У. 203, 205
Робинсон А. Н. 216
Розанов М. Н. 179
Розов А. Н. 403
Роллен Ш. 274, 297
Роман Игоревич, кн. рязанский 26, 29
Роман Всеславич, кн. полоцкий 26
Росси Л. 403

- Ростислав I Мстиславич, кн. смоленский, вел. кн. киевский 22
 Ростиславичи 8
 Ростовцева М. Ф. 265, 266
 Рудаков И. 57
 Румянцев Н. П. 216, 346
 Румянцев П. А. 121
 Румянцев С. П. 78
 Руссо Ж.-Б. 82—92
 Руссо Ж.-Ж. 116, 176, 179, 185, 200, 201, 353, 362
 Рылеев Н. И. 135, 403
 Рюрик, кн. 5, 8, 9, 11, 17, 19, 29, 30
 Рюрик Ростиславич, кн. смоленский, вел. кн. киевский 22
- Саблин И. А. 158—160
 Саблуков А. А. 268
 Савелий, слуга Г. Р. Державина 291
 Савельева Е. А. 345
 Савин А. 255, 261
 Савин И. (Савинов) 101
 Савин Н. 249
 Сазонова Л. И. 11, 219, 220
 Салтыков П. С. 324—326, 330
 Самойлов А. Н. 375
 Санти 270
 Светлов Л. Б. 134
 Светов В. П. 116—119
 Свечина А. Н. 277
 Свиньин Е. П. 252, 253
 Святополк Игоревич, кн. северский 26
 Святослав Всеволодович, кн. черниговский, вел. кн. киевский 9, 13, 15, 16
 Святослав Ольгович, кн. черниговский 9, 12, 16, 24
 Святославичи 8
 Севастьянова А. А. 167
 Седен М.-Ж. 157, 158
- Семенников В. П. 132—134, 137, 331
 Семенов П. П. 106, 107
 Семенов-Руднев Д. (см. Дамаскин)
 Сенека Луций Анней 63
 Сен-Ламбер Ж.-Ф. 261
 Сен-Пьер Ж.-А. см. Бернарден де Сен-Пьер Ж.-А.
 Сергей Радонежский 28
 Серман И. З. 33, 41, 49, 53, 54, 59, 108, 325
 Сильвестр (Медведев С.) 219, 220
 Симеон Полоцкий 62, 219, 221, 229
 Симпсон Р. И. 279
 Сиповский В. В. 299, 383
 Скворцов А. 256
 Скотт В. 362
 Скопин-Шуйский М. В. 376
 Словоцов П. А. 155, 174
 Смирнов Н. П. 36
 Смирнов А. 223, 223
 Смирнов С. 72
 Смит А. 211, 212, 214, 215
 Смоллет Т. 362
 Снегирев И. М. 72
 Соболев В. С. 401
 Соймонов М. Ф. 93
 Соколов А. 161, 164
 Соколов В. 171
 Соколов М. 219
 Сократ 88, 89
 Солодкин Я. Г. 377
 Соссе 363
 Софронова Л. А. 64, 401
 Сперанский М. М. 371, 374
 Срезневский И. И. 51
 Сталь Неккер А. де (Stael-Holstein A. L. G. Necker de) 363
 Старцев А. И. 133, 139
 Степанов В. П. 108, 109, 403

- Стенник Ю. В. 50, 59, 60, 62, 65, 66
 Стерн А. 354, 363
 Стефан Яворский 223, 228
 Сторожев В. 380
 Страленберг Ф. И. 378
 Стрекалов С. Ф. 346, 349
 Стриттер И. М. 21, 350
 Строгановы 5
 Стурдза А. С. 277, 297
 Суворов А. В. 33
 Сумароков А. П. 31—35, 37—74, 78, 89, 91, 101, 102, 113—115, 126, 129, 302, 306, 314—317, 323, 402, 403
 Сумароков П. П. 184
 Суслов Н. 101
 Сухомлинов М. И. 51
 Сыркина Ф. Я. 164
 Сытин И. Я. 331—334

 Тарабрин И. 227
 Татаринцев А. Г. 136
 Татищев В. Н. 10—15, 17, 19—21, 25, 28, 30, 211, 344, 376—381
 Теплов Г. Н. 46
 Тимофеев И. 377
 Тиньков А. В. 402
 Титов Н. П. 160, 169—171
 Тихомиров М. Н. 376
 Тихон Задонский 319, 402
 Тихонравов Н. С. 8, 18, 63, 323
 Тициус И. А. 189
 Тома А.-Л. 89
 Томашевский Б. В. 56, 58
 Томсон Дж. 196, 241, 243, 251, 260
 Транквилион К. 226
 Трелиаковский В. К. 40, 42—49, 51—53, 55, 57, 58, 113—115, 126, 129, 229, 274, 297, 401, 403
 Трощинский Д. П. 264, 270, 296
 Трубецкой П. Н. 5
 Тургенев А. И. 195, 201, 216
 Тургенев И. 173
 Тучков С. А. 131—140, 155
 Тырков А. Д. 283, 288, 290, 297
 Тюрин И. А. 168

 Удовик В. А. 402, 403
 Ульянинский Д. В. 346
 Успенский Б. А. 42, 52, 58, 179
 Ушаков Ф. В. 139, 142, 143, 146

 Фалес 240, 249, 250
 Фасмер М. 385
 Федор Алексеевич, русский царь 219
 Федор Иоаннович, русский царь 379
 Федор Михайлович, русский царь 353
 Федоров И. 165
 Федоровская Л. А. 400
 Феофан (Прокопович Э.) 68, 223—226, 401
 Фергюсон Дж. 205
 Фехнер М. В. 161, 163, 168, 17
 Филофей Лещинский 228
 Флориан Ж. П. К. 242, 256, 258, 260 358, 366—368
 Флоровский Г. В. 72, 73
 Фовицкий Ф. 346
 Фома Кемпейский 227
 Фомин Е. И. 94—98, 100
 Фонвизин Д. И. 57, 103, 108, 109, 115, 122—124, 126, 171, 302, 306, 314, 318, 319, 321, 398, 399
 Фосс Х. Ф. 79
 Франсуа Сале 292, 297
 Фридрих II Великий, прусский король 79—82, 84—90, 92
 Фукидид 214

- Хаммарберг Г. 403
 Харкинс В. 64
 Харрис Дж. 76, 403
 Хатчесон Ф. 211, 212, 214, 215
 Хемницер И. И. 58, 93, 108, 109
 Херасков М. М. 56, 61, 62, 70, 71, 275, 297, 315, 316, 319
 Хвостов А. С. 109
 Хвостов Д. И. 109
 Хлопова 269
 Хованский Г. А. 365—367
 Ходасевич В. Ф. 76, 77, 90, 262
 Ходкевич 380
 Хоксуорт Дж. 238
 Хольстен П. 401
 Хорошкевич А. Л. 343, 344, 346
 Хотеев П. И. 229
 Хоффман П. 400
 Храповицкий А. В. 11, 12, 18, 19, 102, 116, 300, 312, 344—349
 Хрущев Н. 62
 Хьюз Л. 403
- Цезарь Гай Юлий 335
 Ципельзон Э. Ф. 324
 Цицерон Марк Туллий 323
- Чеботарев Х. А. 28
 Челищев П. И. 168
 Черепнин Л. В. 378
 Чернов И. А. 218
 Чертков П. П. 330—332
 Чистович И. 228
- Шаврыгин С. М. 403
 Шаликов П. И. 185
 Шапп д'Отерош Ж. 6, 7
 Шарапов В. 100, 101
 Шаркова И. С. 402
 Шахматов А. А. 11
 Шаховской А. А. 94, 170
- Шашков С. 349, 350
 Шварц И. Е. 138
 Шварценборф И. П. 367
 Шекспир В. 17
 Шемякин, домовладелец 304
 Шереметьев С. Д. 381
 Шеффилд Дж. 246
 Шиллер Ф. 174, 175, 177, 260
 Шиппан М. 402
 Шихматов В. А. 283, 288, 297
 Шихматова В. Д. (урожд. Тыркова) 297
 Шишкин А. Ф. 200
 Шишкин И. В. 322—324, 326—334
 Шишков А. С. 130
 Шлецер А. Л. 115, 344
 Шляпкин И. А. 323
 Шнор И. К. 137, 139
 Шоссе Н. де ла 60
 Шуази Ф.-Т. 181
 Шувалов А. П. 9
 Шумахер И. Д. 377
- Щебальский П. К. 299
 Щеглова С. А. 110
 Щеголев П. Е. 131, 132
 Щербатов М. М. 212, 213, 344, 376
 Щербачева Н. А. 324
 Щипанов И. Я. 134
- Эйдельман Н. 207
 Эмин Ф. А. 33, 322
 Энгельгардт А. В. см. Браницкая А. В.
 Эрлах Р.-Л. 236, 240, 245, 246
- Юм Д. 203—217
 Юнг Э. 355, 363
 Юрий Владимирович, кн. киевский 24
 Юрий Владимирович Долгору-

кий, кн. московский 25
д'Юрфе О. 181
Юхименко Е. М. 325
Юхт А. И. 381

Якоби Г. 174
Ямшиков С. 165
Янов С. 133
Янушкевич А. С. 202
Ярополк Изяславич, кн. бужский
26
Ярослав Всеволодович, кн. чер-
ниговский 9, 26,
Ярослав Владимирович, кн. га-
лицкий 22—27
Ярославичи 8
Ярославна см. Евфросинья Яро-
славна
Яхонтов И. 226
Яхонтов Н. П. 100, 297
Яценко О. А. 401

Achinger G. 46, 52, 56
Ancillon J.-P.-F. 356

Baehr S. I. 172, 175
Bally J. N. Belin de 356
Bally J.-S. 356
Barbier A.-A. 356—363
Bennet A.-M. 356
Bertin T.-P. 356
Bonnet H. 362
Bray R. 43, 44
Buck A. 43
Buffier P. 356
Buisson F. 362
Burney F. 356
Buynand J.-F.-A. 356

Cardonne D.-D. 243, 252
Clarc B. N. 60
Coiffier H. 36

Coste M. 359
Coxe W. 357

Delbarre Th. 357
Dorvo H. 357
Dumouries 359

Filassier J.-J. 358
Frenais M. 363

Gaiffe F. 60
Guenard 358
Gleason W. G. 69
Gray Th. см. Грей Т.
Green M. 61, 62, 71
Grimm G. 42
Grouvelle Ph. A. 362
Grubbs H.A. 83, 90

Heine Ch. L. см. Гейне Х. Л.
Hervier M. 43
Hoffman B. G. 359
Huber M. 236

Jekutsch U. 48, 56
Jourdain E. F. 60

Keipert H. 47
Klein J. 43, 52, 172
Kortum H. 45
Košny W. 42
Kotzebue A. F. F. см. Коце-
бу А. Ф. Ф.
Krudener B. J. Wietinghoff de
358
Krüger R. 182

La Place P.-A. de 359
Lafontaine A. H. J. 359
Lamarteliere J.-H.-F. 359

- Lang D. M. 41
 Lefevre-Marchand Flore 359
 Lenglet du Fresnoy N. 359
 Leprince de Beaumont M. 359
 Leyding J. D. 236
 Levesque P. Ch. 359
 Lewin P. 42, 224
 Lewis 359
 Lisle de Sales J.-B. 359
 Lock M. 359
 Louis XIV 360, 362
 Louis XV 362
 Louis XVI 362
 Lužny R. 42
- Martin J. 362
 Mauzi R. 178
 Millot C.-F.- X. 360
 Montjoye F.-Ch.-L. 360
 Moore G. 360
 Mukařovský 42
- Naubert Ch.-B.-E. 360
 Neumann F. W. 175
- Panckouche A.-J. 361
 Panofsky E. см. Панофски Э.
 Perrault Ch. 45
 Perry J. 339
 Pigault-Lebrun Ch.-A. 360
 Pignotti L. см. Пиньотти Л.
 Pott J.-H. 362
- Quin см. Квин
- Raynal C.-Th.-F. 361
 Roddier H. 327
 Rothe H. N. 193
- Sancy 362
 Schroeder H. 50
 Segur O.-H.-G. de 362
 Sevigne M. de Rabutin-Chantal 362
 Sina M. 62
 Snell B. 172
 Smith Ch. 362
 Smollet T. G. см. СМОЛЛЕТ Т. Ж.
 Souffiau M. 179
 Spiess Ch. H. 362
 Stael-Holstein A. L. G. Necker de см. Стадь Неккер де А. Л. Г.
 Suire R. le 363
- Thiergen P. 46
- Valmont de Bomar J.-Ch. 236
 Vertot R. A. 363
 Vodička F. 42
- Wailly N.-F. de 363
 Waterman M. 62
 White H.O. 224
 Wilcox F. H. 327

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Г. Н. Моисеева.</i> «Слово о полку Игореве» и Екатерина II	3
<i>В. П. Степанов.</i> Диалог Сумарокова «Ирсинкус и Касандр»	31
<i>И. Клейн.</i> Русский Буало? (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии современников). Пер. Н. Ю. Алексеевой	40
<i>М. Левитт.</i> Драма Сумарокова «Пустынник». К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма	59
<i>Н. Ю. Алексеева.</i> Державинские оды 1775 года. (К вопросу о реформе оды)	75
<i>К. Ю. Лапто-Данилевский.</i> Комическая опера Н. А. Львова «Ямщики на подставе»	93
<i>Ю. В. Стенник.</i> Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей российского слова»	113
<i>В. А. Западов.</i> Был ли Радищев автором «Беседы о том, что есть сын отечества»?	131
<i>Р. М. Лазарчук.</i> Из истории провинциального театра. (Вологодский публичный театр конца XVIII—начала XIX в.)	156
<i>Н. Д. Кочеткова.</i> Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма	172
<i>Ф. З. Канунова., О. Б. Кафанова.</i> Карамзин и Жуковский. (Восприятие «Созерцания природы» Ш. Бонне)	187
<i>Г. А. Космолинская.</i> Н. М. Карамзин и Давид Юм (К вопросу об историографической концепции Карамзина)	203

Материалы и сообщения

<i>С. И. Николаев.</i> Из литературной эстетики Петровской эпохи	218
<i>В. Д. Рак.</i> Переводы в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований»	230
<i>Е. Д. Кукушкина.</i> «Записки» Прасковии Николаевны Львовой	262
<i>Е. А. Костина.</i> К истории ранних комедий Екатерины II	299
<i>П. Е. Бухаркин.</i> Проблема комического в русской комедии середины XVIII века	313
<i>В. В. Костюкова.</i> Роман С. Ричардсона «Памела» в переводе Ивана Шишкина	322
<i>М. В. Разумовская.</i> Россия и «Письма» маркиза д'Аржана	335
<i>И. С. Шаркова.</i> О русском переводе «Записок о Московитских делах» С. Герберштейна 1785 г.	343
<i>Н. П. Морозова.</i> Библиотека дворян Башмаковых-Верецагиных (XVIII—начало XIX в.)	351
<i>С. Гардзонио.</i> Об авторстве одной песни XVIII в.	364
<i>Е. Д. Лямина., Е. Е. Пастернак.</i> Списки мемуаров И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь»	369
<i>Я. Г. Солодкин.</i> «История» Авраама Палицына в сочинениях В. Н. Татищева	376
<i>Ю. К. Бегунов.</i> Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII века о Георгии и Фларенте	383
<i>В. Д. Рак.</i> Об одном раннем переводе Фонвизина	398
Хроника заседаний Сектора по изучению русской литературы XVIII века (Составитель Н. Ю. Алексеева)	400
Список сокращений	404
Именной указатель	405
Содержание	420